30 11/1

ИСТОРІЯ

ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ

И

ВОЙНЫ

1830 и 1831 годовъ.

Ф. Смита.

Переведено съ Нѣмецкаго

Гвардіи Штабсъ-Капитаномъ Квитницкимъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи В. Спиридонова и К°.
1863.

Библиотека Института Красной Профессуры
Инв. № 41754
Направлено в Обменный фонд
Госуд. публичная историческая библиотека
Библиотека Социалистической Академии.
Р. А. К. № Wch. 208 № Inw. 9880 9(438) С51

Польшѣ. Національное общество массонскихъ ложъ. Уминскій. Собраніе въ Лазенкахъ. Патріотическій союзъ. Изслѣдованіе дѣйствій тайныхъ обществъ. Открытія коммиссіи. Продолженіе тайныхъ дѣйствій патріотическаго общества. Новое устройство патріотическаго общества. Переговоры съ русскими обществами. Собранія и планы заговорщиковъ. Слѣдственная коммиссія. Вина заговорщиковъ. Заговорщики оправданы. Обозрѣніе состоянія Польши подъ владычествомъ Россіи. Преобразованія Александра I-го въ Польшѣ. Успѣхи по финансовой части. Умственные успѣхи Польши. Моральные успѣхи. Общее обозрѣніе всего предъидущаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленія къ возстанію и возстаніе $^{17}/_{29}$ ноября.

Стр. 79—158.

Фамилія Чарторижскихъ. Положеніе Литовскихъ провинцій со времени раздѣла. Дѣятельность массонскихъ ложъ. Направленіе воспитанія въ польскомъ духѣ. Лелевель. Тайныя общества въ Литвѣ. Променисты. Филареты и Филоматы. Открытіе тайныхъ обществъ. Покушеніе на жизнь Великаго Князя. Отдача въ солдаты молодыхъ людей. Описаніе главныхъ партій въ странѣ. Партія дипломатическая. Партія конституціонная. Партія военная. Партія академическая. Различіе ихъ направленій и намѣреній. Генералъ Хлопицкій. Настроеніе духа націи. Князь Адамъ Чарторижскій. Дѣятельность Лелевеля въ Варшавѣ. Турецкая война возбуждаетъ между Поляками новыя надежды и новыя общества. Петръ Высоцкій. Общество подпрапорщиковъ. Іосифъ Заливскій. Продолженіе заговора. Планъ для начала возстанія во время коронаціи. Неудача сего плана. Вліяніе іюльской революціи на Поляковъ. Собраніе въ Маримонтѣ. Подготовленіе войскъ. Начало союза съ городскими жителями. Образованіе комитета для управленія возстаніемъ. Угрожающіе признаки. Извѣстіе о движеніи русскихъ войскъ ускоряетъ возстаніе. Свиданіе Высоцкаго и Заливскаго съ Лелевелемъ. Разсужденія о планѣ возстанія. Планъ. Описаніе мѣстности. Бельведеръ съ его окрестностями. Арсеналъ. Саксонская площадь. Краковское предмѣстіе. Главные пункты обороны. 17 ноября. Нечаянное нападеніе на Бельведеръ. Нападеніе на уланскія казармы. Бѣгство подпрапорщиковъ. Причина, по которой егерскія роты не подоспѣли къ нимъ на помощь. Упущеніе удобной минуты со стороны Рус-

скихъ. Произшествія у арсенала. Взятіе приступомъ и расхищеніе арсенала. Поведеніе войскъ. 4-й полкъ. Наступленіе Волынскаго полка. Саперный баталіонъ. Литовскій и Гвардейскій Гренадерскій полки. Шествіе подпрапорщиковъ къ городу. Смерть генераловъ: Гауке и Новицкаго. Лелевель, не смотря на настоятельныя побужденія, не рѣшается принять участія въ дѣйствіяхъ. Русскія войска держатся вдали отъ битвы. Умерщвленіе генераловъ: Трембицкаго, Потоцкаго и Блюмера. Смерть полковника Засса. Мятежники ищутъ предводителя. Гвардейскіе Конно-егеря. Генералъ Сѣравскій изъявляетъ желаніе принять на себя управленіе возстаніемъ. Смерть генерала Семіонтковскаго. Ночь 17 ноября. Замѣчанія.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Ходъ возстанія до обнародованія манифеста противъ Россіи. Стр. 161—244.

Смутное положеніе дѣлъ. Административный совѣтъ принимаетъ на себя управленіе возстаніемъ. Второй день возстанія. Отступленіе гвардейскихъ егерей. Русскіе оставляютъ городъ. Неудовольствіе противъ административнаго совѣта. Стѣснительное положеніе административнаго совѣта относительно черни. Генералъ Хлопицкій отысканъ. Продолженіе смутъ. Появленіе патріотическаго клуба. Подготовленіе народа къ революціи. Образованіе двухъ главныхъ партій—конституціонной и демократической. Тайная борьба между сими партіями. Новое преобразованіе административнаго совѣта. Двуличное поведеніе Лелевеля. Стараніе революціонной партіи усилиться. Измѣна генерала Шембека. Депутація къ Великому Князю. Попытки патріотическаго клуба захватить власть. Прибытіе Шембека въ Варшаву. Послѣднія польскія войска отлагаются отъ Великаго Князя. Ярость народа противъ генераловъ Красинскаго и Курнатовскаго. Великій Князь предпринимаетъ отступленіе въ Россію. Можно ли было воспрепятствовать этому? Модлинъ и Замосцье сдаются инсургентамъ. Воззрѣніе страны на революцію. Вторичное преобразованіе верховнаго управленія. Хлопицкій приказываетъ закрыть клубы. Хлопицкій объявляетъ себя диктаторомъ. Ближайшія подробности изъ его біографіи. Партіи Хлопицкаго и Лелевеля. Лелевель. Возбужденіе народа посредствомъ печати и клубовъ. Хлопицкій старается подавить волненіе. Разрывъ его съ революціонною

партіею. Литовскій корпусъ. Могла ли имѣть успѣхъ попытка овладѣть Литвою? Клубисты стараются лишить диктатора народной привязанности. Немоіевскіе. Тайныя дѣйствія клубистовъ. Хлопицкій и депутація сейма. Разногласіе мнѣній. Камеры объявляютъ революцію національною. Хлопицкій намѣревается сложить съ себя диктатуру. Переговоры камеръ съ Хлопицкимъ. Сеймъ утверждаетъ его диктаторомъ. Диктаторъ учреждаетъ новое правленіе. Великій Князь благополучно достигаетъ русскихъ границъ. Впечатлѣніе, произведенное въ Россіи извѣстіемъ о возстаніи. Первыя мѣры принятыя русскимъ правительствомъ. Пріѣздъ кн. Любецкаго и гр. Езерскаго въ С.Петербургъ. Диктаторъ теряетъ популярность. Составленіе и обнародованіе манифеста. О жалобахъ польскаго народа. Стѣсненіе свободы книгопечатанія. Тайная полиція. Произвольное судопроизводство. Тяжесть квартирной повинности. Непредставленіе бюджета. Требованіе независимости. Неправильность польскихъ притязаній на провинціи присоединенныя къ Россіи. Происхожденіе Литовцевъ. Усиленіе ихъ на счетъ Россіи. Литовцы и Поляки наперерывъ присвоиваютъ себѣ русскія земли. Завоеванія Литовцевъ въ Россіи. Упадокъ Литвы вслѣдствіе ея соединенія съ Польшею. Іоаннъ III явно выказываетъ свои притязанія на отнятыя провинціи. Преемники его продолжаютъ этотъ планъ и приводятъ его въ исполненіе. Попытки Поляковъ полонизировать русскія провинціи. Неудача этихъ попытокъ. Общее обозрѣніе. Замѣчанія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ обнародованія манифеста до начала войны. Стр. 247—300.

Бѣгство Любовицкаго. Происки противъ диктатора. Доносъ о заговорѣ противъ диктатора. Арестованіе Лелевеля и освобожденіе его. Учрежденіе правильной національной Гвардіи. Посольство Вилежинскаго въ С.-Петербургъ. Бурные переговоры Хлопицкаго съ контрольнымъ отдѣленіемъ сейма. Хлопицкій слагаетъ съ себя диктатуру. Смятеніе и раздраженіе народа. Горячее негодованіе Хлопицкаго противъ его враговъ. Хлопицкій на дѣлѣ доказываетъ свое презрѣніе къ нимъ. Новое собраніе сейма. Рѣчь Островзкаго. Кандидаты въ главнокомандующіе. Хлопицкій предлагаетъ Радзивила. Появленіе снова клубовъ. Nowa Polska дѣлается органомъ ихъ. Предложеніе Романа Солтыка объявить польскій престолъ не занятымъ. Камеры присвоиваютъ себѣ право иниціативы. Впечатлѣ-

ніе, произведенное прокламаціями фельдмаршала Дибича. Содержаніе ихъ. Раздраженіе революціонной партіи. Разговоръ гр. Езерскаго съ Императоромъ Николаемъ. Засѣданіе сейма $^{25}/_{13}$ января. Рѣчь маршала сейма. Престолъ объявленъ незанятымъ. Праздникъ, посвященный памяти русскихъ заговорщиковъ. Требованія клубовъ. Раздоръ съ камерами. Попытки Лелевеля къ возмущенію Литвы. Клубъ соединенныхъ братьевъ. Декретъ объ учрежденіи литовскаго и волынскаго легіоновъ. Рѣшеніе относительно литовскихъ провинцій. Учрежденіе новаго правленія. Его назначеніе и цѣль. Избраніе его членовъ. Рѣчь кн. Чарторижскаго. Двѣ партіи образуются въ средѣ правленія. Переговоры съ иностранными державами. Употребленіе во зло расположенія Императора Александра къ Полякамъ. Обзоръ польскихъ вооруженій. Состояніе старой арміи. Увеличеніе ея. Раздѣленіе арміи на четыре дивизіи. Учрежденіе новыхъ полковъ. Отдѣльные отряды. Числительность арміи при открытіи похода. Запасы. Денежныя средства. Обозрѣніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ начала войны до сраженія при Гроховѣ. Стр. 303—379.

Назначеніе фельдмаршала Дибича-Забалканскаго главнокомандующимъ, а гр. Толя начальникомъ главнаго штаба. Силы русской арміи, собранной на границѣ. Отъѣздъ фельдмаршала къ арміи. Характеристика его особы. Гр. Толь. Движенія и расположеніе русской арміи. О вѣроятныхъ послѣдствіяхъ вторженія Поляковъ въ Литву въ декабрѣ. Различія мнѣній въ польской арміи о способахъ веденія предстоящей войны. Предложеніе Пронзинскаго. Планъ Хршановскаго. Принятіе средней мѣры. Расположеніе русской арміи въ январѣ. Ея числительность и составъ. Свѣденія о польской арміи. Состояніе ея нравственнаго духа. Настроеніе духа страны. Обзоръ мѣстности. Планъ дѣйствій Русскихъ. Фельдмаршалъ Дибичъ. Переходъ Русскихъ чрезъ границы Польши. Пріемъ ихъ со стороны обывателей. Впечатлѣніе произведенное вторженіемъ на страну. Мѣры для обороны Варшавы. Хлопицкій и Радзивилъ отправляются къ арміи, Хршановскій посылается впередъ на рекогносцировку. Строгіе декреты революціоннаго правленія. Наступленіе Русскихъ; оттепели. Перемѣна операціоннаго плана. Неизвѣстность въ главной квартирѣ Поляковъ. Переходъ Русскихъ чрезъ Бугъ. Переходъ чрезъ Ливецъ. Остановка въ Венгровѣ. Занятіе Седльце. Случай въ авангардѣ

Дѣло при Сточекѣ. Торжество въ Варшавѣ. Изслѣдованія. Гр. Толь въ Седльце. Наступленіе арміи. Дѣло при Калушинѣ. Сраженіе при Добре. Отступленіе Поляковъ. Диспозиція Русскихъ на 18/6 февраля. Продолженіе отступленія Поляковъ. Дѣла при Окуневѣ и Цыганкѣ. Русскіе не пользуются благопріятнымъ случаемъ. Диспозиція на 19/7 февраля. Битва при Ваврѣ. Первоначальные успѣхи Поляковъ. Они принуждены отступить. Волненіе Варшавы во время битвы. Декретъ польскаго сейма. Различныя мнѣнія и предположенія въ русской арміи. Канонада 20/8 февраля. Фельдмаршалъ старается открыть сообщеніе съ кн. Шаховскимъ. Генералъ Уминскій появляется среди Поляковъ. Разговоръ Круковецкаго съ гр. Виттомъ. Наступательный планъ Пронздзинскаго. Самонадѣянность Поляковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

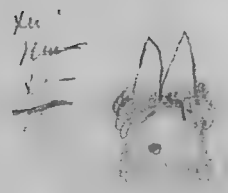
Сраженіе при Гроховѣ и его ближайшія послѣдствія. Стр. 383—496.

Маршъ кн. Шаховскаго. Сраженіе при Непорентѣ. Сраженіе при Бялоленкѣ 24/12 февраля. Опасенія фельдмаршала. Его планъ разстроенъ движеніемъ кн. Шаховскаго. Крѣпкая позиція Поляковъ. Второе сраженіе при Бялоленкѣ. Затруднительное положеніе кн. Шаховскаго. Гроховское сраженіе. Силы и расположеніе обѣихъ сторонъ. Распоряженія фельдмаршала. Начало битвы. 6-й корпусъ атакуетъ ольховую рощу. Распоряженія Хлопицкаго. Смерть Жимирскаго. Возобновленіе битвы въ ольховой рощѣ. Фельдмаршалъ лично ведетъ войска впередъ. Роща взята. Хлопицкій раненъ. Безпокойство фельдмаршала, относительно кн. Шаховскаго. Движеніе Муравьева. 2-й періодъ сраженія. Общее наступленіе Русскихъ. Атака кавалеріи. Кирасиры Пр. Альберта полка. Разстройство праваго крыла Поляковъ. Гвардейскіе уланы задержаны рвомъ. Блестящая атака Мейендорфа. Прибытіе кн. Шаховскаго. Отступленіе Поляковъ. Движенія Круковецкаго. Фельдмаршалъ прекращаетъ преслѣдованіе. Причины сего. Послѣдняя позиція Русскихъ. Поляки отходятъ за Вислу. Упадокъ духа въ Варшавѣ во время сраженія. Замѣчанія объ этомъ сраженіи. Потери обѣихъ сторонъ. Сужденія о предшествовавшихъ дѣйствіяхъ. Отставка Хлопицкаго. Взглядъ на состояніе Варшавы. Военный совѣтъ. Выборъ новаго главнокомандующаго. Скржинецкій главнокомандующій. Его рѣчь. Пожаръ Праги. Важность для Русскихъ взятія мостоваго укрѣпленія. Смятеніе въ Варшавѣ. Засѣданіе сейма. Три способа дѣйствій пред-

ставлявшіеся фельдмаршалу. Дибичь требуетъ осадную артиллерію. Скржинецкій. Его біографія. Новая организація польской арміи. Перемѣны въ главномъ штабѣ. Командировка генераловъ Сакена и Розена. Экспедиція Лахмана. Экспедиція генерала Крейца. Дѣйствія войскъ, направленныхъ противъ Крейца. Сраженіе при Новавеси. Отступленіе Дверницкаго. Крейцъ переходитъ обратно на правый берегъ Вислы и направляется къ Пулавамъ. Русскій эскадронъ, погибшій въ Пулавахъ. Военный совѣтъ въ Варшавѣ о вторженіи на Волынь. Дверницкій переходитъ чрезъ Вислу. Сраженіе при Куровѣ. Дверницкій въ Люблинѣ. Русскій баталіонъ, атакованный въ Устилугѣ. Гр. Толь посланъ противъ Дверницкаго. Крейцъ вновь занимаетъ Люблинъ. Дѣйствія Толя противъ Дверницкаго. Переписка гр. Толя. Русская армія занимаетъ кантониръ-квартиры. Распоряженія при этомъ. Нападеніе Поляковъ. Слухи. Начало переговоровъ. Противоположные виды обѣихъ сторонъ. Причины переговоровъ. Негодованіе революціонеровъ. Впечатлѣніе произведенное этими событіями за границею.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польша въ теченіи пятнадцати-лѣтняго владычества Россіи.



Польша въ теченіи пятнадцати-лѣтняго владычества Россіи.

—

Польша исчезла изъ ряда государствъ; только небольшая горсть храбрыхъ сражалась подъ знаменами французской республики и имперіи, поочередно возлагая на нихъ всѣ свои надежды. Они были обмануты республикою, а Наполеонъ выказалъ только отчасти желаніе возстановить ихъ отечество. Когда онъ, въ 1806 году, послѣ сраженія при Іенѣ, двинулся къ границамъ Польши, Поляки толпами присоединялись къ нему, ожидая отъ него своего спасенія. Впрочемъ, благоразумнѣйшіе изъ нихъ тогда уже угадывали во всемъ этомъ одну комедію; они слишкомъ хорошо понимали невозможность возстановленія прежней Польши, въ томъ видѣ, въ какомъ она была до 1772 г., безъ совершеннаго пораженія трехъ государствъ, заинтересованныхъ въ ея раздѣленіи; они ясно видѣли, что въ глазахъ Наполеона обольстительная идея возстановленія Польши была не болѣе какъ приманка для того, чтобы привлечь Поляковъ на свою сторону и сдѣлать ихъ орудіемъ своихъ обширныхъ замысловъ. Эти опытные люди, имѣвшіе случай въ Парижѣ ближе ознакомиться съ Императоромъ Французовъ, знали, на сколько можно было вѣрить его обѣщаніямъ; вотъ поэтому-то

Косцюшко, проникнувшій намѣренія Наполеона, отказался служить орудіемъ въ его рукахъ для возмущенія польскаго народа. Однако же Наполеонъ, зная уваженіе Поляковъ къ этому великому гражданину и не успѣвъ добиться личнаго его содѣйствія своимъ видамъ, воспользовался все-таки его именемъ для обнародованія воззванія къ Полякамъ, которое и оказало свое дѣйствіе. Ревностно поддерживаемый ими, Императоръ Французовъ успѣлъ наконецъ выйти побѣдителемъ изъ трудной борьбы 1807 года.

Дабы на будущее время обезпечить себѣ ихъ содѣйствіе, Наполеонъ, при заключеніи Тильзитскаго трактата, положилъ начало возстановленію Польши. Изъ провинцій отнятыхъ у Пруссіи онъ учредилъ такъ называемое Варшавское герцогство и подчинилъ его верховной власти Короля Саксонскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая посѣять сѣмена раздора между Россіею и Пруссіею, Наполеонъ отдѣлилъ изъ числа этихъ провинцій Бѣлостокскую область и отдалъ ее Россіи, что впослѣдствіи дало ему легкій предлогъ оклеветать это государство въ желаніи расширить свои владѣнія на счетъ своихъ союзниковъ. Но эта уступка очевидно была сдѣлана не на счетъ Пруссіи, а изъ числа провинцій, отданныхъ Варшавскому герцогству, уменьшеніе котораго было согласно съ общими видами союзныхъ державъ.

Учрежденіемъ Варшавскаго герцогства Наполеонъ выказалъ расположеніе свое къ Полякамъ, и съ тѣхъ поръ благодарность ихъ къ нему не имѣла предѣловъ; они считали его своимъ избавителемъ и съ полною увѣренностію ожидали отъ его великаго генія осуществленія всѣхъ своихъ надеждъ. Никакая жертва не казалась имъ слишкомъ тяжкою; они съ усердіемъ и готовностію исполняли всѣ его требованія, не смотря на ихъ неумѣренность и тягость; они отдали въ его распоряженіе все свое имущество и лучшія свои силы; огромное войско погибло въ далекихъ битвахъ на берегахъ Таго и Эбро совершенно безполезно для отечества. Взамѣнъ всѣхъ этихъ жертвъ Наполеонъ увеличивалъ ихъ области, ласкалъ ихъ заманчивыми обѣщаніями и этимъ постоянно поддерживалъ ихъ одушевленіе.

Вѣнскимъ трактатомъ 1809 года Наполеонъ увеличилъ герцогство присоединеніемъ къ нему бо́льшей части земель, отошедшихъ прежде отъ Польши къ Австріи. При этомъ онъ не забылъ, по своему обыкновенію, бросить искру раздора между Австріею и Россіею присоединеніемъ къ сей послѣдней Тарнопольскаго округа. Это было однимъ изъ основаній Наполеоновской политики—навязывать своимъ союзникамъ владѣнія, отрываемыя отъ другихъ государствъ, чтобы при ссорѣ съ ними возвращать эти земли ихъ прежнимъ владѣльцамъ, въ видѣ вознагражденія за ихъ содѣйствіе. Такимъ образомъ онъ достигалъ двойной цѣли: сѣялъ зародышъ несогласія между двумя сосѣдями и могъ всегда предложить вознагражденія тому изъ нихъ, кто былъ на его сторонѣ. Онъ не прежде рѣшился вторгнуться въ Россію со всѣми своими силами, какъ отдѣливъ отъ нея всѣхъ ея союзниковъ. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ приготовленій, это нашествіе совершилось въ 1812 году, при чемъ Наполеонъ волею и неволею привелъ съ собою въ Имперію Александра I-го войска почти всѣхъ европейскихъ народовъ. Этимъ нашествіемъ долженствовалъ быть положенъ краеугольный камень возстановленію прежняго сарматскаго государства, и Поляки, одушевляемые надеждою возстановить свое отечество подъ покровительствомъ великаго Наполеона могущественнѣе, чѣмъ оно когда-нибудь было, дѣлали чрезвычайныя усилія для предстоявшей борьбы. Они выставили армію сильнѣе, чѣмъ дозволяло небольшое пространство ихъ государства; около 80,000 воиновъ, соединившись съ Французами, вступили въ Россію и сражались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Въ то же время Поляки старались возмутить своихъ литовскихъ соотечественниковъ противъ законнаго Государя и привлечь ихъ на свою сторону. Ревностные союзники всемірнаго завоевателя, они внесли въ самое сердце Русскаго государства опустошеніе, огонь и мечь. Они дѣйствовали противъ Россіи какъ злѣйшіе ея непріятели, какъ враги, которые въ борьбѣ на жизнь и на смерть ищутъ удовлетворенія давно питаемой ненависти. Но изъ всѣхъ надеждъ и ожиданій, съ коими былъ предпринятъ этотъ походъ, ничто не осуществилось;

*

звѣзда завоевателя померкла навсегда въ обширныхъ равнинахъ Россіи; пожаръ Москвы, какъ утренняя заря, освѣтилъ пробужденіе народовъ, и вскорѣ на снѣжныхъ поляхъ, какъ-будто бѣлымъ саваномъ, покрылись сотни тысячъ погибшихъ воиновъ. Императоръ Александръ, въ свою очередь, внесъ оружіе въ непріятельскую страну; Варшавское герцогство было завоевано почти мимоходомъ; народы Германіи съ восторгомъ внимали радостному извѣстію съ сѣвера и въ тайнѣ вооружались противъ общаго притѣснителя, постоянными союзниками котораго оставались до конца только одни Поляки.

Между тѣмъ Императоръ Александръ прибылъ въ Вильну. Большинство литовскаго дворянства благопріятствовало непріятелю; теперь оно увидѣло себя покинутымъ своими мнимыми союзниками и отданнымъ мщенію русскаго правительства. Съ трепетомъ ожидало оно послѣдствій. Виновные собрались во дворцѣ, и когда Монархъ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, они пали ницъ, моля о пощадѣ. Александръ, великодушно забывъ всѣ поступки ихъ, при видѣ своихъ подданныхъ, закрылъ глаза рукою и объявилъ имъ всепрощеніе. Никто не былъ преслѣдуемъ за дѣйствія во время нашествія Французовъ; кроткій властитель, непричастный низкимъ страстямъ человѣчества, помышлялъ только о томъ, чтобы воздать за зло добромъ.

Еще до нашествія Наполеона въ 1811 году, готовясь къ войнѣ, Императоръ Александръ сознавалъ всю важность имѣть на своей сторонѣ польскую націю, изъ которой противникъ Его извлекалъ столько выгодъ. Многіе польскіе магнаты, и въ особенности кн. Адамъ Чарторижскій, умоляли Его провозгласить себя Польскимъ Царемъ, что должно было неминуемо привлечь на Его сторону большую часть націи. Александръ готовъ былъ принять этотъ планъ, но онъ не хотѣлъ приступить къ исполненію его передъ войною: съ одной стороны Онъ не желалъ подвергнуть своихъ приверженцевъ преслѣдованію непріятеля; съ другой стороны, Его рыцарскій характеръ возмущался при мысли, что такое рѣшеніе могло быть приписано желанію заискать расположеніе Поляковъ въ то время, когда онъ въ нихъ нуждается. Онъ хотѣлъ удовлетворить ихъ стрем-

леніямъ не въ минуту опасности, когда руководившіе Его виды могли быть ложно поняты, но въ то время, когда Онъ, какъ побѣдитель, могъ дѣйствовать съ полною свободою. «Я не измѣнилъ своихъ намѣреній», сказалъ Онъ гр. Огинскому и другимъ Литовцамъ,—«но Я хочу прежде выждать оконча-«нія борьбы. Какъ побѣдитель, Я возстановлю Польшу, потому «что это согласно съ Моими личными желаніями и съ выгода-«ми Моего государства. Я знаю, что встрѣчу много затрудненій, «но надѣюсь успѣть въ моемъ намѣреніи.» Наконецъ, при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга въ Вильну для начатія роковой войны, онъ совѣтывалъ Полякамъ—«терпѣніе и довѣріе.»

Императоръ Александръ поступалъ по великодушнымъ внушеніямъ своего сердца, которыя были въ этомъ случаѣ согласны съ видами политики. Провозглашеніе Польскаго королевства передъ открытіемъ войны, когда всѣ взоры и надежды были устремлены на Наполеона, не произвело бы большаго дѣйствія. Да и Поляки расчитывали тогда на свои собственныя силы и на помощь непобѣдимой доселѣ арміи завоевателя (*). Надежды ихъ были обмануты. Безсчисленныя войска Наполеона были истреблены, и Русскіе какъ побѣдители вступили въ Варшаву (въ февралѣ 1813 года). Но еще ничего не было рѣшено; могущественный противникъ еще не былъ уничтоженъ. Поэтому Императоромъ предварительно было учреждено въ Варшавѣ временное правительство, составленное частію изъ Поляковъ, частію изъ Русскихъ, заслуги коихъ были неоднократно испытаны. То были: сенаторъ Василій Сергѣевичъ Ланской, столько же прямодушный, сколько умѣренный; другъ дѣтства Императора, тайный совѣтникъ Новосильцовъ, человѣкъ съ большимъ образованіемъ и вѣрнымъ политическимъ

(*) Ихъ увѣренность была такъ велика, что кн. Адамъ Чарторижскій, извиняясь въ письмѣ къ министру Матушевичу въ непринятіи участія въ дѣйствіяхъ противъ Россіи, между прочимъ говорилъ: «Еслибы судьба моего отечества была «еще неизвѣстна, еслибы для спасенія его нужны были бы новыя жертвы, я бы «не колебался. Но кто можетъ сомнѣваться въ исходѣ этой войны? Всякій кто «только не лишенъ здраваго смысла, долженъ ясно видѣть, что все обѣщаетъ по-«бѣду генію побѣдъ! Напротивъ, одни несчастія угрожаютъ Александру.» Таково было тогда мнѣніе почти цѣлаго свѣта.

взглядомъ; дѣятельный, хорошо знающій свѣтъ и людей, кн. Любецкій и Томашъ Вавржецкій, нѣкогда предводитель Поляковъ противъ Русскихъ, замѣнившій Косцюшко въ командованіи арміею. Уже этотъ выборъ доказывалъ доброжелательство Государя; вмѣсто того, чтобы ввести военное управленіе, какъ это обыкновенно дѣлали Французы въ подобныхъ случаяхъ, Императоръ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ, оставилъ всѣ присутственныя мѣста, сохранивъ имъ всю ихъ власть и принялъ на себя расходы по управленію, потому что совершенно истощенная и изнуренная страна не въ состояніи была доставить нужныхъ для того источниковъ. Поляки глубоко цѣнили всѣ эти благодѣянія; въ то время они изъявляли живѣйшее желаніе войти въ тѣсную связь съ Россіею, особенно же когда распространился слухъ о новомъ раздѣлѣ. Слухъ этотъ былъ не безъ основанія. Въ тотъ критическій моментъ, когда необходимо было склонить Пруссію и Австрію къ борьбѣ на жизнь и на смерть, было предварительно рѣшено вновь раздѣлить между тремя сосѣдними государствами Варшавское герцагство, какъ основанное Наполеономъ и бывшее главнымъ орудіемъ его завоевательныхъ плановъ на сѣверѣ (*). Неожиданные успѣхи союзнаго оружія дали возможность произвести въ этомъ нѣкоторыя измѣненія. Поляки, увѣдомленные своими друзьями объ ожидающей ихъ участи, употребили всѣ усилія для отвращенія ея. Всѣ воеводства собрались и въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ повергли Императору Александру свое единодушное желаніе и просьбу остаться соединенными подъ его скипетромъ. «Императоръ можетъ»—говорили они—«впредь управлять нами по своему желанію, и мы только просимъ, чтобы Онъ не допустилъ насъ попасть подъ владычество Нѣмцевъ, потому что Поляки составляютъ одно племя съ Русскими.» Государственный секретарь Шанявскій былъ посланъ къ Государю съ этою просьбою и представилъ ее Ему

(*) Въ Рейхенбахскомъ договорѣ $^{27}/_{15}$ іюня 1813 г. между Австріею, Пруссіею и Россіею. Недопущеніе Франціи къ переговорамъ о Польшѣ, было здѣсь ясно рѣшено. Въ первой статьѣ тайнаго Парижскаго трактата отъ $^{18}/_{30}$ мая 1814 года Франція согласилась на послѣднее условіе.

въ главной квартирѣ въ Фрибургѣ, въ Бризгау. Всеобщее желаніе соединиться съ Россіею было такъ велико, что вслѣдъ за Шанявскимъ былъ посланъ къ Императору кн. Адамъ Чарторижскій, пользовавшійся Его неограниченною благосклонностію и довѣріемъ, съ порученіемъ ходатайствомъ, своимъ подкрѣпить просьбу. Чарторижскій нашелъ Государя въ Баръ-сюръ-Обѣ и взялся такъ настоятельно за дѣло своихъ соотечественниковъ, что Государь долженъ былъ просить его умѣрить свое рвеніе, потому что рѣшительная минута еще не настала. Дѣйствительно, не смотря на все свое расположеніе къ Полякамъ, Александръ не хотѣлъ безъ своихъ союзниковъ рѣшить ихъ судьбу.

Наконецъ союзники побѣдоносно достигли Парижа и заключили миръ. Могущественный завоеватель, пятнадцать лѣтъ державшій Европу въ безпрестанной войнѣ, долженъ былъ отречься отъ престола, и надежда на прочный миръ обрадовала всѣхъ; Европа, какъ бы освободясь отъ огромной тяжести давившей ее, вздохнула легче и свободнѣе. Александръ думалъ, что теперь ничто не помѣшаетъ Ему приступить къ исполненію своихъ доброжелательныхъ намѣреній относительно Польши. Въ продолженіе всей войны, въ то время когда Поляки съ ожесточеніемъ сражались противъ Него, Онъ постоянно сохранялъ свое расположеніе къ нимъ; даже въ тѣ минуты когда ихъ оружіе наносило ему явный вредъ, Его мысли были заняты ихъ будущимъ благосостояніемъ. Ласково принималъ Онъ всѣхъ являвшихся къ Нему, даже тѣхъ, которые сражались въ непріятельскихъ рядахъ. $^{14}/_{2}$ апр. Онъ принималъ въ Парижѣ депутатовъ отъ польскихъ войскъ, генерала Сокольницкаго и полковника Шимановскаго и старался успокоить ихъ относительно ихъ будущей судьбы. «Польская армія», сказалъ Онъ, «сохранитъ свое прежнее устройство» и, указывая на бывшаго при семъ Великаго Князя Константина Павловича, прибавилъ: «командовать ею будетъ Мой родной братъ.»

Правда, Онъ высказалъ здѣсь свои намѣренія только въ общихъ чертахъ, потому что только на общемъ конгрессѣ государей и ихъ представителей должна была рѣшиться судьба, какъ

Польши такъ и всей остальной Европы, но и тогда уже во всѣхъ словахъ Его просвѣчивала главная Его мысль, которую Онъ осуществилъ впослѣдствіи для блага Поляковъ.

Вѣнскій конгрессъ былъ открытъ; рѣшеніе судьбы Польши было однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Однакожъ представители первостепенныхъ державъ имѣли совершенно различныя намѣренія въ этомъ отношеніи: одни хотѣли возстановленія, другіе вторичнаго раздѣленія Польши. Послѣднее было условлено въ тайныхъ договорахъ между Австріею, Пруссіею и Россіею. Но Императоръ Александръ принималъ сторону Поляковъ и требовалъ полнаго возстановленія Польскаго королевства подъ своимъ скипетромъ, подобно тому какъ соединена Венгрія съ Австріею. Пруссія должна была получить Саксонское королевство, а Австрія вознагражденіе въ Италіи. Пруссія, Австрія и даже Англія вначалѣ не противились этому плану, все шло хорошо: когда внезапно французскій посланникъ далъ всему дѣлу другой оборотъ. Едва былъ онъ допущенъ къ совѣщаніямъ, какъ своимъ искусствомъ умѣлъ все запутать. То былъ Талейранъ, кн. Беневентскій, посѣдѣвшій въ дипломатической наукѣ.

Обращая вниманіе членовъ конгресса на частные интересы ихъ государствъ, возбуждая ихъ личное самолюбіе, онъ успѣлъ поселить между ними раздоръ, принесшій обильные плоды. Въ этомъ заключалось его главное искусство. Только Прусскій Король, одинъ непоколебимо держался своего прежняго союзника, Императора Александра. Австрія, Франція, Англія образовали противоположную партію: они страшились преобладанія Россіи и совершеннаго нарушенія европейскаго равновѣсія, если Польша будетъ соединена съ ней. Эта боязнь усиленія Россіи возникла тогда впервые, и не смотря на всю умѣренность ея Государей, сохранялась въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ. Она была съ умысломъ поддерживаема и питаема, потому что могла при случаѣ отвлечь вниманіе отъ собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ. Французскій посланникъ, старавшійся раздражать всѣхъ другъ противъ друга, чтобы въ общемъ замѣшательствѣ возстановить значеніе Франціи, пострадавшее вслѣдствіе послѣднихъ событій, умѣлъ достигнуть того, что Англія

и Австрія заключили съ Франціею тайный союзъ, явно направленный противъ Россіи и Пруссіи. Опасенія перевѣса Россіи лежали въ основаніи сего союза, а потому члены его скорѣе соглашались вторично раздѣлить Польшу и все пространство ея до Вислы отдать Пруссіи, чѣмъ видѣть ее возстановленною подъ вліяніемъ Россіи. Но Императоръ Александръ твердо сопротивлялся; Онъ былъ тогда единственнымъ защитникомъ польскаго дѣла. Въ то время Поляки не могли довольно превознесть похвалами великодушіе Государя и ту твердость, съ которою онъ защищалъ ихъ права и свободу. Въ–послѣдствіи же они стали иначе взирать на эту самую твердость, утверждая, что единственнымъ источникомъ всѣхъ Его дѣйствій было одно честолюбіе.

Не смотря на всѣ старанія, Императоръ Александръ видѣлъ, что планъ совершеннаго возстановленія Польши не могъ быть приведенъ въ исполненіе, не ввергнувъ едва успокоившуюся Европу въ общую войну. Потому, для сохраненія мира, онъ счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки. Въ предложеніи, поданномъ $^{13}/_{19}$ декабря 1814 г., Онъ соглашался уступить Австріи половину соляныхъ рудниковъ Велички, также какъ и Тарнопольскій округъ, а Пруссіи нѣкоторые другіе небольшіе участки земли. Остальная часть герцогства должна была, какъ *соединенное государство,* достаться Россіи, и Государь *предоставлялъ себѣ* право дать ему такія государственныя учрежденія и такое развитіе, *какое Онъ найдетъ приличнымъ* (*). Въ этомъ же предложеніи Онъ ходатайствовалъ у Австріи и Пруссіи за подвластныхъ имъ Поляковъ. И такъ Императоръ Александръ соглашался отказаться отъ нѣкоторой части Польши съ условіемъ, что остальная часть Варшавскаго герцогства будетъ возведена въ Царство и присоединена къ Россіи.

Въ отвѣтъ на это предложеніе лордъ Кастлре, уполномоченный Англіи, нотою отъ 12 января 1815 г. (31 декабря

(*) Подлинныя слова французскаго аригинала: Le reste du Duché de Warsovie devait être dévolu à la couronne de Russie, comme état uni, auquel le Souverain de cet empire se reservait de donner une constitution nationale et l'extension, qu'il jugerait convenable.

1814 г.) объявилъ слѣдующее: «Онъ желаетъ, чтобы мѣры «предложенныя Россіею не принесли никакого вреда для спокой- «ствія сѣвера и для общаго равновѣсія, забота о чемъ соста- «вляетъ его обязанность; для предваренія подобныхъ слѣдствій, «по его мнѣнію, было бы важно основать общественную безо- «пасность и спокойствіе бывшихъ польскихъ провинцій на ли- «беральныхъ учрежденіяхъ, вытекающихъ изъ взаимнаго согла- «шенія различныхъ интересовъ; примѣняя при томъ ко всѣмъ «народамъ, входящимъ въ составъ этихъ провинцій, какъ бы «не были разнообраны ихъ политическія учрежденія, такую си- «стему управленія, которая не была бы имъ въ тягость. Поэто- «му онъ *настоятельно убѣждалъ* Монарховъ, коимъ была ввѣ- «рена судьба Польши, условиться между собою, смотрѣть на на- «родонаселенія тѣхъ ея частей, которыя будутъ постановлены «подъ ихъ верховную власть, какъ на отдѣльную національ- «ность и управлять ими по тѣмъ формамъ политическихъ учре- «жденій, которыя имъ будутъ казаться лучшими». (*).

Это и есть та знаменитая нота Кастлре, на которую многократно ссылались польскіе революціонеры, и на основаніи которой они требовали вмѣшательства Англіи въ ихъ дѣла. Но содержаніе ея ограничивается *добрыми пожеланіями*, *надеждами*, *совѣтами* и ничего болѣе. По мнѣнію министра, было важно (important) основать общественное спокойствіе въ прежней Польшѣ на либеральныхъ учрежденіяхъ; *онъ убѣждаетъ Монарховъ*, согласиться между собою управлять Поляками какъ

(*) «Il souhaitait, que de la mésure proposée par la Russie il ne pût résulter por la tranquillité du Nord et l'équilibre général aucun des maux, qu'il était pour lui d'un devoir rigoureux de prévoir d'avance; mais que, pour obvier à de semblables conséquences, il était important, de fonder la tranquillité publique dans le territoire, constituant autrefois la Pologne, sur une base libérale d'intérêt commun, en appliquant à tous les peuples, qu'il renfermait, quelque variées que pussent être leurs institutions politiques, un système agréable d'administration.—Il pressait vivement les monarques, auxquels les destinées de la nation Polonaise ètaient confiées, de prendre entr'eux l'engagement de traiter comme *Polonais*, sous telle forme d'institution politique, *qui leur semblerait propre à les gouverner*, les portions de cette nation, qui seraient placées sous leur souveraineté respective.» S. Flassan, hist. du congrès da Vienne. (Paris, 1829, 3 vol): 1 p. 159.

отдѣльною націею, хотя и по тѣмъ формамъ, которыя самими Монархами будутъ признаны за лучшія. Но вѣдь хорошія желанія и наставленія не влекутъ еще за собою обязательствъ.

Окончательное соглашеніе между государствами о Польшѣ и Саксоніи въ двадцати четырехъ статьяхъ было наконецъ подписано $^{11}/_{30}$ $^{\text{февраля}}_{\text{января}}$ 1815 г. (*). Нѣсколько недѣль спустя, $^{3}/_{21}$ $^{\text{мая}}_{\text{апрѣля}}$ въ договорѣ между Россіею и Австріею касательно Польши (въ 5-й статьѣ) было сказано: «*Соединеніе* (l'union) гер-«цогства съ Россіею должно быть по конституціи объявлено «*неотмѣнным*» (irrévocable). Россійскій Императоръ *оставля-«етъ за собою право* (se réservait) предоставить этому госу-«дарству, пользующемуся особенной администраціей, такое вну-«треннее очертаніе границъ, которое *сочтетъ приличнымъ* (l'ex-«tension intérieure, qu'il jugerait convenable) и присоединяетъ »къ своему титулу титулъ Царя Польскаго. Поляки должны по-«лучить представительство и національныя установленія сооб-«разно тому роду политическаго существованія, которое всякое «изъ правительствъ, коимъ они принадлежатъ, найдетъ полез-«нымъ и приличнымъ дать имъ (jugerait utile et convenable de «leur accorder) (**).» Совершенно подобный трактатъ былъ заключенъ съ Пруссіею. Наконецъ, въ заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса отъ $^{9}/_{28}$ $^{\text{іюня}}_{\text{мая}}$ 1815 года, гдѣ всѣ трактаты были соединены вмѣстѣ, сказано почти тѣми же словами «Герцогство «Варшавское, за исключеніемъ областей и округовъ, поименован-«ныхъ въ послѣдующихъ статьяхъ, присоединяется къ Россій-«ской Имперіи. Оно будетъ безвозвратно соединено съ нею своею

(*) Изъ этого слѣдуетъ, что соглашеніе конгресса по главнѣйшимъ вопросамъ послѣдовало еще прежде высадки Наполеона у Канна (1 марта). Такимъ образомъ это послѣднее обстоятельство не могло быть, какъ увѣряли польскіе писатели, причиною соглашенія.

(**) L'union du Duché à la Russie devait être declarée irrévocable par la constitution. L'Empereur des Russies se réservait, de donner à cet état, jouissant d'une administration distincte, l'extension intérieure, qu'il jugerait convenable, et il devait joindre à ses titres de possesion celui de Roi de Pologne. Les Polonais devaient obtenir une représentation et des institutions nationales, reglées d'apres le mode d'existence politique que chacun des gouvernemens, auxquels ils appartenaient, jugerait utile et convenable de leur accorder.

«конституціею, на вѣчное владѣніе Его Величества Импе-
«ратора Всероссійскаго и Его Наслѣдниковъ и преемниковъ.
«Его Императорское Величество оставляетъ за собою право
«предоставить этой области, пользующейся особенной админист-
«раціей, такое внутреннее очертаніе границъ, которое сочтетъ при-
«личнымъ. Къ другимъ титуламъ своимъ Онъ присоединитъ ти-
«тулъ Царя Польскаго, согласно протоколу, принятому и утверж-
«денному для титуловъ соединенныхъ съ Его другими владѣ-
«ніями. Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, полу-
«чатъ представительство и національныя установленія сообраз-
«но тому роду политическаго существованія, которое всякое изъ
«правительствъ, коему они подлежатъ, найдетъ полезнымъ и
«приличнымъ дать имъ» (*).

Такимъ образомъ конгрессъ настаивалъ только въ общихъ выраженіяхъ на допущеніи представительства и національныхъ учрежденій; но онъ ничего не опредѣлилъ ни относительно вида этого представительства и учрежденій, ни относительно времени когда они должны быть введены въ дѣйствіе (**); все это было предоставлено собственному благоусмотренію трехъ Монарховъ. А потому впослѣдствіи ни кто не имѣлъ права понуждать ихъ и напоминать имъ объ этомъ. Даже тѣ немногія статьи этого трактата, которыя могли служить къ выгодамъ Поляковъ, были даны имъ преимущественно по настоятельнымъ требованіямъ Императора Александра, ревностно ходатайствовавшаго за

(*) Le Duché de Warsovie, à l'exception des provinces et districts, dont il a été autrement disposé dans les articles suivans, est réuni à l'Empire de Russie. Il y sera liè irrévocablement par la constitution, pour être possedé par S. M. L'Empereur de toutes les Russies, ses héritiers et ses successeurs à perpétuité. Sa Majesté Impériale se réserve de donner à cet état, jouissant d'une administration distincte, l'extension intérieure, qu'elle jugera convenable. Elle prendra avec ses autres titres celui du Tzar, roi de Pologne, conformément au protocole usité et consacré pour les titres attachés à ses autres possessions.—Les Polonais, sujets respectifs de la Russie, de l'Autriche et de la Prussre, obtiendront une représentation et des institutions nationales, réglées d'après le mode d'existence politique, que chacun des gouvernemens, auxquels ils appartiennent, jugera utile et convenable, de leur accorder.

(**) Что между представительствомъ, которое было обѣщано Полякамъ не было никакой необходимости въ представительствѣ двухъ камеръ, доказано фактически организаціею Галиціи и Великопольши.

нихъ у всѣхъ державъ, такъ какъ Онъ не могъ привести въ исполненіе свой планъ соединенія Польши въ одно королевство. Въ доставшейся на его долю части прежняго герцогства, Онъ предоставилъ себѣ ввести конституцію и опредѣлить внутреннюю пограничную черту по своему собственному усмотрѣнію. Онъ дѣйствовалъ при этомъ безъ всякаго внѣшняго побужденія, и кто же могъ Его принудить къ чему-нибудь?—Его, могущественнѣйшаго изъ Государей, который принималъ главнѣйшее участіе въ освобожденіи міра и именно въ то время стоялъ на самой вершинѣ уваженія и славы?

Все, что Онъ дѣлалъ, было сдѣлано по Его собственной волѣ, изъ желанія добра польской націи. Неужели же можно допустить, чтобы побѣжденные, съ боязнію ожидавшіе тогда рѣшенія своей участи (*), могли бы заставить Императора Александра наложить на себя тягостную обязанность, отъ которой Онъ потомъ старался бы отдѣлаться? А между тѣмъ таковъ почти смыслъ, придаваемый этому дѣлу пристрастными Поляками, которые съ намѣреніемъ искажаютъ по своему историческіе факты и находятъ всегда довольно слѣпыхъ подражателей за границею.

Конечно, не трудно замѣтить, что въ отношеніи Поляковъ Вѣнскій конгрессъ ничѣмъ не обязалъ Государя; даже слова, которыя можно было принять за обязательство: что Онъ предоставляетъ себѣ дать имъ конституцію и внутреннее развитіе пограничной линіи въ такомъ видѣ, какъ Онъ самъ сочтетъ нужнымъ, не были обязательствомъ, потому что кто могъ возложить на Него подобное обязательство и на основаніи какихъ обѣщаній? Оно было единственно слѣдствіемъ Его доброжелательства къ Полякамъ, которое Онъ всячески высказывалъ да-

(*) Авторъ жилъ тогда въ Варшавѣ и живо помнитъ боязненное настроеніе духа, съ которымъ ожидали рѣшенія судьбы Поляковъ; какъ жадно прислушивались ко всѣмъ слухамъ, и всю свою надежду основывали на великодушіи Императора Александра. Когда же Онъ доставилъ Полякамъ то, чего они желали, они не съумѣли быть благодарными. Прежде они видѣли только то, что теряли и были довольны малымъ; въ-послѣдствіи же они не обращали вниманія на дарованное, а только на то, чего имъ не удалось получить и вслѣдствіе этого роптали.

ціальныхъ актахъ. Ничто не было опредѣлено, ни въ отношеніи вида и свойства конституціи, ни въ отношеніи границъ и ихъ очертанія, и отъ Него зависѣло поступить въ этомъ по особенному усмотрѣнію.

Вышеприведенныя слова отнюдь не означаютъ наложенной на себя обязанности, но выражаютъ только то, что̀ Государь думалъ сдѣлать: они не составляютъ политическаго обязательства съ Его стороны, но въ историческомъ отношеніи могутъ служить поясненіемъ Его намѣреній. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи Поляки основывали на нихъ свои требованія; а журналисты, писатели и даже члены законодательнаго собранія, съ непостижимымъ незнаніемъ дѣла, о которомъ шла рѣчь, уцѣпились за эти выраженія, для того чтобы на основаніи ихъ воздвигнуть цѣлую бурю риторическаго фразерства и пустыхъ возгласовъ. Мы еще разъ повторяемъ: Государь ни къ чему не обязывался, а просто высказалъ, что̀ Онъ намѣренъ предпринять.

Но наши дѣйствія зависятъ отъ обстоятельствъ, отношеній и случайностей; то что сегодня кажется намъ полезнымъ и соотвѣтствующимъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, не можетъ быть признано полезнымъ завтра. Если мы дѣлаемъ добро тайному врагу нашему, помогаемъ ему, возстановляемъ его силы и вдругъ открываемъ, что онъ употребляетъ эти силы единственно для того, чтобы дѣйствовать противъ насъ: не было ли бы безумiемъ съ нашей стороны, еслибы мы хотѣли продолжать усиливать его на свой собственный счетъ и если бы мы не приняли никакихъ мѣръ предосторожности? Поэтому зависитъ совершенно отъ насъ измѣнить впослѣдствіи наши дѣйствія по нашему усмотрѣнію и ввести новыя учрежденія, когда мы признаемъ прежнія неудовлетворительными, если только это не противно нашимъ обязательствамъ.

Приведемъ здѣсь сужденіе одного изъ умнѣйшихъ государственныхъ людей, который уже въ то время выражался о присоединеніи такимъ образомъ: «Особенная конституція можетъ «только разобщить націю и поддержать въ ней духъ независи«мости. Существованіе двухъ различныхъ формъ правленія и

«двухъ различныхъ законодательствъ затрудняетъ управленіе и «неминуемо дѣлается источникомъ оппозиціи и неповиновеніи, если только правительство недостаточно твердо или недостаточно сдержано. Присоединенія государствъ служатъ только ко вреду такой Монархіи, которой дѣйствительные интересы заключаются въ единствѣ, потому что такія присоединенія сообщаютъ ей примѣсъ федеральнаго устройства. Такого рода политическія связи должны быть основаны какъ на взаимномъ сходѣ характеровъ и нравовъ, такъ и на общихъ интересахъ; иначе неминуемо является разъединеніе и даже фактическія отдѣленія. Средніе вѣка видѣли разрушеніе подобной политической связи, когда Швеція разорвала связь съ Даніей и Норвегіей; соединеніе Венгріи съ Австріею дало поводъ ко многимъ кровавымъ распрямъ, а Англія и Ирландія и въ настоящее время находятся въ постоянномъ волненіи» (*). «Потому, возстановленіе польской націи—говоритъ онъ далѣе—было отстрочено конгрессомъ на неопредѣленное время. Полагали, что въ невѣжественномъ народѣ съ легкомысленнымъ и восторженнымъ дворянствомъ невозможно было найти достаточно силы для того, чтобы поддержать значеніе Польши между большими государствами сѣвера. Страна эта, по признанію хорошо знающихъ ее, совершенно неспособна послужить основаніемъ для какой бы то ни было политической системы.» И какъ бы предчувствуя послѣдствія, онъ заключаетъ словами: «До сихъ поръ Польша не умѣла, ни пользоваться свободою, ни покориться чужой власти; съ постояннымъ противодѣйствіемъ принимала она изъ чужихъ рукъ свое счастіе, хотя и пользовалась имъ болѣе при чужестранцахъ, чѣмъ при собственныхъ своихъ правителяхъ. Другое дѣло, еслибъ польскій народъ умѣлъ довольствоваться полученными дарами и не предъявлять дальнѣйшихъ притязаній!»

Поляки отнюдь не были довольны тѣмъ, что было для нихъ сдѣлано; и хотя они получили болѣе, чѣмъ ожидали, однакожъ требовали еще большаго. Эти требованія казались тѣмъ страннѣе, что, какъ извѣстно изъ исторіи этой страны, требуемыя

(*) Flassan, 1. c. p. 170. Писано въ 30-хъ годахъ. (Прим. перев.)

ими, такъ называемыя польскія провинціи, были коренными Русскими. Они были отняты Поляками во время раздѣленія Россіи на многія мелкія удѣльныя княжества; всѣ мѣры были употреблены для того, чтобы искоренить въ нихъ прежній русскій духъ, языкъ и религію. Однакожъ эти мѣры удались только отчасти, и русская національность, за исключеніемъ дворянства, пересилившагося туда изъ Польши, удержалась тамъ, не смотря на всѣ притѣсненія и преслѣдованія. Со временемъ, особенно при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и Императрицѣ Екатеринѣ II, Россіи удалось вновь присоединить эти провинціи; и вотъ теперь, употребляя во зло доброжелательныя намѣренія Императора Александра, Поляки хотѣли, чтобы Онъ вторично отдѣлилъ эти области отъ своего государства и присоединилъ къ Польшѣ! Другими словами, они требовали, чтобы Онъ вновь усилилъ насчетъ своего собственнаго народа опаснѣйшаго его врага, котораго только-что успѣли наконецъ обезоружить! Да и за что же все это? За одинъ годъ благодарности, а потомъ за сто лѣтъ войны?...

Начиная съ среднихъ вѣковъ, Поляки и Русскіе были въ непримиримой враждѣ; до тѣхъ поръ не могло быть между ними мира, пока одно изъ двухъ государствъ не вынесло изъ этой борьбы окончательной побѣды. Польша воспользовалась слабостію Россіи для своего распространенія. Когда же Русскіе вновь усилились, у нихъ явилось весьма понятное стремленіе, возвратить потерянное. Потому, со временъ Іоанна III Васильевича, война между двумя государствами была почти непрерывною. Во времена лже-Димитріевъ, коихъ Поляки устремили на Россію, они едва не одержали окончательно верхъ и совершенно не разрушили Россію; но по волѣ Провидѣнія эта держава пріобрѣла, со вступленіемъ на престолъ Романовыхъ, длинный рядъ замѣчательныхъ и даже великихъ Монарховъ, въ то время какъ Польша изнемогала подъ бременемъ разрушительной анархіи. Это обстоятельство дало рѣшеніе: Россія побѣдила; вражда, продолжавшаяся съ незапамятныхъ временъ, была окончена. И теперь, по желанію Польши, все сіе должно было измѣниться, дабы борьба снова могла начаться!

Какъ только воспослѣдовала уступка Варшавскаго герцогства Россіи, Государь спѣшилъ осуществить данное обѣщаніе и назначилъ коммиссію изъ польскихъ государственныхъ людей для составленія конституціи. Эта коммиссія состояла, подъ предсѣдательствомъ гр. Островскаго, изъ министра финансовъ Матушевича, сенатора гр. Станислава Замойскаго и изъ государственныхъ совѣтниковъ Линовскаго и Грабовскаго (*).

$^{24}/_{12}$ декабря 1815 года, въ день рожденія Государя, новая конституція была обнародована. Кн. Адамъ Чарторижскій въ рѣчи своей, произнесенной при этомъ случаѣ, замѣтилъ столько же справедливо, сколько и основательно: «Императоръ Александръ могъ господствовать одною силою, но руководимый «внушеніемъ добродѣтели, Онъ отвергнулъ такое господство. «Онъ основалъ свою власть не на одномъ правѣ, но на чувствѣ «благодарности, на чувствѣ преданности и на томъ нравственномъ могуществѣ, которое порождаетъ вмѣсто трепета—обя«занность, вмѣсто принужденія—преданность и добровольныя «жертвы.»

Новая конституція во многомъ была сходна съ хартіею данною Лудвикомъ XVIII, (такъ какъ почти всѣ новѣйшія конституціи составлены по одному образцу), но имѣла преимущество предъ нею въ лучше организованныхъ муниципальныхъ и провинціальныхъ учрежденіяхъ. Монархъ, особа котораго неприкосновенна, и который имѣетъ опредѣленныя права, двѣ камеры, отвѣтственные министры и независимые суды. Сенатъ и камера депутатовъ раздѣляли съ Монархомъ законодательную власть: члены сената, числомъ на половину менѣе второй камеры, состояли изъ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ, назначаемыхъ пожизненно Государемъ; вторая камера состояла изъ 77 предста-

(*) Одинъ польскій писатель, котораго конечно нельзя обвинять въ пристрастіи къ Россіи, Подчашинскій, говоритъ: (Revue des deux mondes 1831, тетр. IV, стр. 355) «Во время Вѣнскаго конгресса, когда шли переговоры о томъ, чтобы «дать Полякамъ конституцію, аристократическая партія, во главѣ коей были кн. «Адамъ Чарторижскій и гр. Лудвигъ Платеръ, подала предложеніе конституціи, «въ которой главною цѣлью были выгоды дворянства; Императоръ Александръ разорвалъ ее и приказалъ изготовить другую, которая была даже «либеральнѣе нежели французская партія.»

вителей отъ поземельнаго дворянства и 51 одного депутата отъ городовъ и общинъ, всего 128 членовъ. Требуемый закономъ возрастъ для депутата былъ 30 лѣтъ, для сенатора 35; первый долженъ былъ платить только 100 польскихъ злотыхъ (около 15 руб. сер.) прямыхъ податей; второй по крайней мѣрѣ 2000. Избирателемъ былъ каждый собственникъ достигшій 21 года.

Сеймъ долженъ былъ быть созываемъ каждые два года на четыре недѣли, для разсужденія о предлагаемыхъ правительствомъ проектахъ законовъ; улучшенія могли выходить только изъ камеръ, которымъ предварительно предлагались проекты. Въ заключеніе засѣданія, сейму было дозволено обращать къ Государю черезъ Государственный совѣтъ вопросы, разсужденія, представленія и желанія. Бюджетъ долженъ былъ быть утверждаемъ на 4 года; но первый бюджетъ долженъ былъ имѣть свою силу до-тѣхъ-поръ, пока правительство (по ликвидаціи государственнаго долга) не предложитъ новый. Изъ числа общественныхъ гарантій были упомянуты личная свобода (neminem captivari permittemus, nisi jure victum) и обезпеченіе собственности; относительно свободы печати, особый законъ долженъ былъ утвердить способъ предупрежденія злоупотребленій. Исполнительная власть находилась въ рукахъ Царя и пяти отвѣтственныхъ министровъ; министры составляли, подъ предсѣдательствомъ Царскаго Намѣстника, совѣтъ управленія, а вмѣстѣ съ государственными совѣтниками и государственными секретарями, общее собраніе Государственнаго совѣта, въ которомъ должны были составляться проекты законовъ. Во главѣ управленія воеводствъ былъ совѣтъ воеводъ, наблюдавшій за интересами своей провинціи; въ немъ засѣдали члены отъ дворянства и отъ городскаго сословія. Сверхъ того, города имѣли по собственному избранію особое муниципальное управленіе, общины—старшинъ, поземельное дворянство—своихъ марталовъ или предводителей. Эта новая конституція имѣла преимущество предъ многими, данными въ другихъ государствахъ, потому что была создана отчасти на основаніяхъ, уже существовавшихъ на дѣлѣ. Она имѣла въ виду согласить по возможности древнія учрежденія страны съ новѣйшими по-

нятіями о конституціонной монархіи. При этомъ были приняты въ соображеніе, какъ конституція 3-го мая, такъ и данная герцогству Наполеономъ. Въ одномъ изъ пунктовъ первой конституціи предписывалось черезъ каждые 25 лѣтъ, производить въ ней, на основаніи опыта, разныя улучшенія и измѣненія. Опытъ этотъ не пропалъ безслѣдно: Императоръ Александръ воспользовался имъ сообразно съ цѣлію своего новаго Уложенія. Оно вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнимъ желаніямъ Поляковъ, и было принято ими съ удивленіемъ и восторгомъ. Чѣмъ менѣе ожидали они, тѣмъ болѣе было ихъ удивленіе; они не могли умѣрить своего восторга и почти боготворили великодушнаго побѣдителя, и однакожъ спустя нѣсколько лѣтъ, по свойственному имъ непостоянству, они не хотѣли уже повиноваться. Даже строгій республиканецъ, Карно, жившій тогда въ Варшавѣ, и конечно не принадлежавшій къ энтузіастамъ, объявилъ, что хартія, дарованная неограниченнымъ Монархомъ не могла быть составлена либеральнѣе.

Приведемъ еще сужденіе одного заклятаго врага русскаго правительства, который въ сочиненіи своемъ, изданномъ во время революціи, сравниваетъ новую конституцію съ конституціею дарованною Наполеономъ. Вотъ что говоритъ авторъ: Взгляда на состояніе Польши во время владычества Россіи (*). «Конституція, дарованная герцогству Наполеономъ, опредѣляла «для собраній сейма только четырнадцать дней, для разсмотрѣ- «нія предложенныхъ правительствомъ законовъ—всего только «одинъ день; она не допускала къ этому разсмотрѣнію тѣхъ «членовъ камеры, которые входили въ составъ спеціальной комми- «ссіи, и напротивъ того членамъ Государственнаго совѣта, чи- «новникамъ назначаемымъ Королемъ, она давала характеръ и «права членовъ законодательнаго собранія. Она не дозволяла «сейму почти никакихъ сужденій о дѣйствіяхъ правительства «и не открывала пути, для того чтобы открытымъ и торже- «ственнымъ образомъ заявить правительству желанія народныхъ «представителей или жалобы обиженныхъ частныхъ лицъ; на-

(*) Rzut oka na stan polityczny królewstwa Polskiego pad panowaniem Rossyiskiem, od 1815—1830. Warszawa 1831. 8. s. 66.

*

конецъ она изгнала изъ учрежденій Государства даже послѣд-«нюю тѣнь народности. Напротивъ того новая конституція «Царства увеличила до одного мѣсяца время для совѣщаній «сейма, дала всѣмъ членамъ камеръ одинаковыя права при об-«сужденіи законовъ; не допускала чиновниковъ правительства «къ подачѣ голосовъ, ставила дѣятельность правительства подъ «разборъ народныхъ представителей и обязывала его на каж-«ждомъ сеймѣ давать отчетъ о состояніи Государства; на-«конецъ, чрезъ подачу прошеній и замѣчаній при закрытіи «сейма, правительство получило полную возможность узна-«вать желанія народа. Въ отношеніи народности она льстила «національному чувству сохраняя сейму права верховнаго су-«да (за преступленія по оскорбленію Величества) и удерживая «прежнія названія, какъ въ управленіи такъ и при судопризвод-«ствѣ. Наконецъ она доказала безкорыстіе Монарха, не опре-«дѣляя никакихъ доходовъ въ собственную Его пользу, исклю-«чая нѣкоторыхъ почти номинальныхъ доходовъ съ коронныхъ «имѣній, не приносившихъ, какъ оказалось впослѣдствіи, ни-«какихъ матеріальныхъ выгодъ.»

Итакъ непріятель, на котораго Поляки напали вооруженною рукою, страну котораго они опустошили, этотъ самый непріятель, когда побѣда обратилась на его сторону, великодушно даровалъ имъ свободу, законы и благосостояніе ихъ отечества, бывшаго такъ долго театромъ войнъ и волненій безпорядочныхъ страстей. Счастливы были бы они, еслибы умѣли постоянно цѣнить эти дары! Но ни постоянство, ни благодарность не были отличительными чертами ихъ характера. Это выказалось съ самаго начала. Уже въ то время находились люди, недовольные пріобрѣтенными выгодами. Не достигнувъ всего чего требовала ихъ неумѣренная фантазія, эти люди, мало наученные опытомъ времени и исторіею, нагло отталкивали отъ себя все то, что имъ предлагали. Въ то время когда соотечественники ихъ предавались радости, эти безпокойные умы жаловались между прочимъ на то, что при составленіи конституціи выпустили различныя статьи, помѣщенныя въ первомъ ея проектѣ, въ особенности же слѣдующій па-

раграфъ: «Конституціонная хартія должна быть навсегда раз-«сматриваема какъ главное и священное основаніе соединенія «съ Имперіею.» Странная претензія! Императоръ Александръ даровалъ конституцію ни кѣмъ къ тому не понуждаемый, а потому Онъ имѣлъ право составить ее по своему усмотрѣнію Онъ могъ приказать выпустить тѣ статьи въ первомъ проектѣ которыя не соотвѣтствовали общему предначертанію, и включить другія, такъ какъ конституція вытекала изъ его собственной свободной воли. Здѣсь обнаружился уже зародышъ тѣхъ ложныхъ толкованій, которыя старались распространить впослѣдствіи и которыя подали первый поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и къ раздору. Подозрѣнія и неудовольствія съ возрастающею силою продолжались во все время существованія Царства и окончились наконецъ революціею. Такъ, если продлить двѣ пересѣкающіяся линіи, онѣ все болѣе и болѣе расходятся съ тѣмъ, чтобы ни когда не встрѣтиться.

Поляки утверждали, что Государь далъ имъ конституцію съ тайною мыслію никогда не выполнять ее. Еслибы дѣйствительно таковы были Его виды, такъ вѣдь Онъ могъ вовсе не давать никакой конституціи. Но въ семъ случаѣ Поляки сдѣлали ложное заключеніе, имѣвшее такъ много вліянія на всѣ послѣдующія событія. Они старались выставить дѣло такъ, какъ будто бы Государь былъ вынужденъ и обязанъ Вѣнскимъ конгрессомъ востановить Польшу и дать ей особенную конституцію, но давши разъ конституцію, Онъ сдѣлалъ это съ тайною мыслью никогда не выполнять ее. Но вѣдь акты конгресса находятся предъ глазами всего свѣта; каждая страница ихъ свидѣтельствуетъ объ усиленныхъ стараніяхъ Государя въ пользу Польши. Если впослѣдствіи Онъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, то единственно потому, что нація своими поступками принудила Его къ этому. Приписываемыя Государю побужденія были Его чужды до такой степени, что когда, передъ войною съ Наполеономъ, ему предлагали объявить себя Царемъ Польскимъ съ тѣмъ, чтобы склонить этимъ Поляковъ на свою сторону, Онъ, какъ мы уже видѣли выше, съ справедливою гордостью отказался отъ этого, дабы не дать

повода къ ложнымъ толкованіямъ своихъ поступковъ. Эта благородная гордость дѣлала Его врагомъ насильственныхъ уступокъ; Онъ не хотѣлъ, чтобы возстановленіе Польши носило на себѣ даже тѣнь страха и принужденія; но чтобы оно было единственно слѣдствіемъ Его великодушія.

Еще задолго до конгреесса, Онъ имѣлъ мысль дать Польшѣ либеральныя учрежденія, чтобы этимъ успокоить ее. Какъ скоро побѣда склонилась на Его сторону, Онъ сталъ думать о приведеніи своей мысли въ дѣйствіе. Въ Вѣнѣ Онъ громогласно объявилъ свое рѣшеніе и, не обращая вниманія, ни на возбужденныя недоразумѣнія, ни на затрудненія и препятствія, Онъ неутомимо преслѣдовалъ свою идею. Съ особеннымъ наслажденіемъ Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы горячо защищать свой планъ, а когда наконецъ воспослѣдовала уступка Варшавскаго герцогства, Онъ привелъ его въ исполненіе. Во всемъ этомъ не было ни малѣйшаго принужденія. Видъ и свойство новой конституціи, ея бо́льшая или ме́ньшая либеральность: все зависѣло единственно отъ Него. Въ началѣ этого никто и не пытался оспаривать. Но скоро польская опозиція съумѣла распространить слухи о вынужденномъ дарованіи ея, о недостаткѣ будто бы искренности со стороны Императора и о тайномъ намѣреніи Его, сдѣлать конституцію недѣйствительною. Мы видѣли выше нелѣпость всѣхъ этихъ толкованій. Повторимъ еще разъ: Государь добровольно далъ конституцію, а потому и имѣлъ полное право, если она не соотвѣтствовала его видамъ, измѣнить ее, или даже совершенно взять обратно; Онъ далъ ее въ видѣ опыта, что Онъ и повторялъ неоднократно Полякамъ. Очевидно, что самъ Онъ стоялъ выше конституціи, а не подъ вліяніемъ ея, какъ думали Поляки, въ чемъ и заключалось ихъ основное заблужденіе. Они полагали уловить Государя этой конституціей и затѣмъ заставить верховную власть не обращать вниманія на то, чтобы они не дѣлали, чтобы они не предприняли.

Государь не могъ долѣе оставаться въ Варшавѣ: собственное, великое Государство призывало Его, а потому необходимо было назначить Царскаго намѣстника. Императоръ Але-

ксандръ и въ этомъ случаѣ съ благороднымъ самоотверженіемъ руководствовался единственно чувствами польскаго народа, отстранилъ приверженцевъ Россіи и поставилъ во главѣ правленія стараго врага Россіи и прежняго ревностнаго республиканца, генерала Заіончека. Неужели и къ этому Онъ былъ вынужденъ силою? Но даже и этотъ выборъ, заслужившій тогда единогласное одобреніе, сдѣлался впослѣдствіи предметомъ неудовольствія Поляковъ, такъ какъ Заіончекъ не оправдалъ ожиданій многихъ. $^{29}/_{17}$ ноября 1815 г. состоялось назначеніе; $^{30}/_{18}$ Государь хотѣлъ оставить Варшаву. До послѣдней минуты, кн. Адамъ Чарторижскій надѣяся занять должность намѣстника, онъ былъ пораженъ какъ громомъ, узнавъ о назначеніи Заіончека. Цѣлую ночь передъ отъѣздомъ Государя, разсказываетъ очевидецъ (*), ходилъ онъ по дворцу съ разстроеннымъ лицомъ, не говоря ни слова съ Русскими, находившимися въ пріемныхъ покояхъ Государя. Длинный рядъ честолюбивыхъ надеждъ, соединенныхъ съ этимъ назначеніемъ, былъ разомъ уничтоженъ и можетъ быть, уже тогда родилось въ немъ неудовольствіе, можетъ быть тогда уже его душа приняла направленіе, оторвавшее его отъ своего законнаго Государя и вовлекшее его въ гибельную пучину революціи.

Въ составленіи министерствъ Государь также принялъ въ соображеніе желанія націи, избравъ людей, издавна отличавшихся патріотизмомъ и игравшихъ въ прежнихъ народныхъ событіяхъ болѣе или менѣе важную роль. Такъ Государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ Игнатій Соболевскій, министромъ финансовъ—Матушевичъ, внутреннихъ дѣлъ—Тадеушъ Мостовскій, министромъ просвѣщенія—Станиславъ Костка Потоцкій, братъ Игнатія, бывшаго однимъ изъ главныхъ составителей конституціи 3-го мая; военнымъ министромъ былъ назначенъ Віельгорскій, министромъ юстиціи—Томашъ Вавржецкій, оба составившіе себѣ репутацію въ войнѣ 1794 года. Эти шесть министровъ, подъ предсѣдательствомъ Намѣстника, образовали совѣтъ управленія Царства. Какъ сочленъ къ нимъ

(*) Ген. Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ 1814—1816 годовъ. С.-Петербургъ. 1822 года ст. 339.

былъ назначенъ тайный совѣтникъ Новосильцовъ съ титуломъ уполномоченнаго Императорскаго коммисара; онъ долженъ былъ служить представителемъ Русскаго правительства при взаимномъ столкновеніи интересовъ Царства и Имперіи. Такъ какъ вышеупомянутое управленіе, почти все состояло изъ людей принадлежавшихъ самой враждебной Россіи партіи, то назначеніе Новосильцова, какъ представителя интересовъ своего Государства, казалось весьма естественнымъ, но все же, по весьма понятной причинѣ, оно скоро сдѣлалось для Поляковъ предметомъ безпокойства и зависти, и Новосильцовъ съ этого времени былъ постоянно цѣлью ихъ ненависти, заговоровъ и клеветы; нужно было имѣть его необыкновенную душевную силу, дабы не изнемочь подъ непрерывными, явными и скрытными нападеніями. Великій Князь Константинъ Павловичъ не принималъ никакого участія въ управленіи Царствомъ, но только находился во главѣ польской арміи.

Въ первые два года не возникало никакихъ жалобъ; они были посвящены организаціи управленій, опредѣленію круга ихъ дѣятельности и ихъ взаимной связи, и наконецъ введенію нѣкоторыхъ необходимыхъ учрежденій. Но вскорѣ послѣ сего обнаружилось первое противорѣчіе во взглядахъ. Нѣкто Рупневскій, затѣялъ возмущеніе въ Августовскомъ воеводствѣ, и былъ пойманъ. Намѣстникъ, старый воинъ, привыкшій къ энергическимъ мѣрамъ, предложилъ заключить его на нѣсколько лѣтъ въ крѣпость. Отвѣтъ (*) неограниченнаго Государя на предложеніе конституціоннаго Намѣстника, долженъ былъ пристыдить послѣдняго; онъ заключался въ слѣдующемъ: «Предло-«женная мѣра не согласна съ конституціею, почему дѣло дол-«жно быть предоставлено обыкновенному теченію судопроиз-«водства, потому что не нужно давать повода къ опасеніямъ «въ отношеніи торжественно обезпеченной личной свободы.» При этомъ были указаны случаи, гдѣ можно было употребить мѣры предложенныя Намѣстникомъ. Для обыкновеннаго хода дѣла конституція была хороша, для необыкновенныхъ же случаевъ она была недостаточна: тогда нужно было принимать чрезвы-

(*) Отъ 16 августа 1817 года.

чайныя мѣры и Государь въ первый разъ выразилъ при этомъ, что въ случаѣ нужды онъ рѣшится прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ. Этимъ Онъ далъ ясно понять Полякамъ, что считаетъ себя не ниже, но выше конституціи, и что если дарованная свобода подастъ поводъ къ злоупотребленіямъ, то Онъ сочтетъ себя вправѣ взять ее обратно. Государственный секретарь отъ имени Монарха долженъ былъ объявить что: «только въ «случаѣ нарушенія конституціи, или когда общественное спо- «койствіе будетъ находиться въ явной опасности и то только при «крайней необходимости, Государь дозволитъ себѣ отстраненіе «дарованной польскимъ подданнымъ свободы, оставляя однакожъ «въ ихъ пользованіи всѣ прочія дарованныя имъ благодѣянія.» Былъ еще одинъ случай, когда Государь считалъ позволительнымъ отстранить всѣ прочія соображенія и стараться прежде всего исполнить долгъ всякаго правительства, состоящій въ сохраненіи публичнаго порядка и общественнаго благосостоянія: случай этотъ представлялся тогда, когда надо было выбирать между сохраненіемъ принятыхъ формъ съ одной стороны и ненарушимостью общественнаго порядка и безопасности съ другой.

Принимая въ соображеніе внутренній духъ созданной Имъ конституціи, Государь дозволялъ себѣ впослѣдствіи отстраненіе ея буквальныхъ предписаній во всѣхъ случаяхъ, когда того требовали общественный порядокъ и благосостояніе, эти высшіе интересы каждаго государственнаго союза; не таково было мнѣніе опозиціонныхъ предводителей польской націи: они напротивъ старались сохранить каждую букву уложенія и смотрѣли на малѣйшее отклоненіе отъ него, какъ на нарушеніе конституціи. Впрочемъ въ первое время ихъ голосъ нашелъ мало отраженія и сочувствія; нація была счастлива и довольна. Наконецъ наступила достопамятная минута, когда долженъ былъ быть открытъ первый сеймъ. Еще въ сентябрѣ 1817 г. Государь приказалъ правительству начать приготовительныя работы. Онъ желалъ предложить новое уложеніе о наказаніяхъ и нѣкоторыя измѣненія въ Code Napoléon въ статьѣ о гражданскихъ чиновникахъ и въ законѣ о разводахъ, потому что существующія до

сего постановленія онъ считалъ не соотвѣтствующими нуждамъ страны. Въ отношеніи финансовъ еще не было возможно войти съ опредѣленнымъ предложеніемъ, такъ какъ ликвидація общественнаго долга еще далеко не была окончена. По 162-й статьѣ (*) конституціи, Государь имѣлъ право совокупно съ Государственнымъ совѣтомъ утвердить первый бюджетъ, который долженъ былъ имѣть силу до-тѣхъ-поръ, пока впослѣдствіи не будетъ отмѣненъ Государемъ и обѣими камерами. Императоръ чрезъ Государственнаго секретаря, выразился на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «162 статья конституціи «даетъ право Государю совокупно съ Государственнымъ совѣ«томъ утвердить первый бюджетъ, почему сеймъ не имѣетъ «права подавать о семъ голоса. Предложеніе новаго бюджета «объусловливаетъ нѣкоторымъ образомъ введеніе новой фи«нансовой системы, почему Государь только тогда сочтетъ «возможнымъ созвать камеры для совѣщанія объ этомъ, когда «можно будетъ приступить къ этому измѣненію. До-тѣхъ-поръ «пока Государственный долгъ не будетъ ликвидированъ, хотя «приблизительно, введеніе новой финансовой системы было бы «преждевременнымъ. Но какъ скоро будетъ приведена въ из«вѣстность сумма этого долга и происходящее отъ сего бремя «для Государства, то проектъ финансоваго закона немедленно «по надлежащемъ разсмотрѣніи его въ Государственномъ со«вѣтѣ, будетъ предложенъ вмѣстѣ съ бюджетомъ на обсужде«ніе камеръ. Впрочемъ Государь находя что Онъ имѣетъ до«статочно правъ на довѣріе со стороны своихъ польскихъ «подданныхъ ожидаетъ, что Они не дозволятъ себѣ опасаться «употребленія съ Его стороны во зло предоставленной Ему «конституціею власти.» Слова конституціи были въ этомъ случаѣ ясны; очевидно нельзя было разсуждать о финансовомъ положеніи страны, до-тѣхъ-поръ пока оно не будетъ достаточно приведено въ извѣстность, а до того времени, какъ это и

(*) Статья 162: Первый бюджетъ доходовъ и расходовъ будетъ разсмотрѣнъ Царемъ совокупно съ Государственнымъ совѣтомъ. Этотъ бюджетъ до-тѣхъ-поръ будетъ имѣть силу, пока не будетъ измѣненъ или отмѣненъ Государемъ и обѣими камерами.

подтверждалось конституціею, необходимо было ограничиться бюджетомъ, предварительно составленнымъ въ Государственномъ совѣтѣ. Не смотря на это, оппозиція приняла съ большимъ неудовольствіемъ отсрочку предложенія бюджета со стороны правительства.

27/15 мая 1818 года Императоръ Александръ лично открылъ сеймъ рѣчью, основанною на внутреннемъ Его убѣжденіи и сдѣлавшеюся извѣстною во всей Европѣ: «Существовавшія въ вашей странѣ государственныя учрежденія,»—сказалъ Государь депутатамъ польскаго народа—«дѣлали возможнымъ «немедленное введеніе данныхъ мною вамъ теперь; въ нихъ «Я примѣнилъ основанія тѣхъ либеральныхъ институцій, ко«торыя всегда были предметомъ Моихъ попечительныхъ раз«мышленій. Докажите теперь свѣту, что эти учрежденія не «есть опасное обольщеніе, что будучи примѣнены къ дѣлу «съ чистосердечіемъ и хорошимъ намѣреніемъ, они могутъ со«гласоваться съ порядкомъ и послужить основаніемъ къ истин«ному благоденствію народа!»

Къ несчастію однакожъ, для достиженія этой цѣли недоставало нѣкоторыхъ условій. Народъ, коего живая сила воображенія часто заставляетъ молчать разсудокъ; народъ, недовольно постоянный, дабы оставаться долгое время при однѣхъ и тѣхъ же формахъ правленія, еслибы даже онѣ были совершенны, народъ, привыкшій въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій къ политической необузданности (*) и нетерпѣливо переносящій всякое стремленіе ограничить ее: такой народъ мало способенъ къ сохраненію либеральной конституціи, для которой преимущественно потребна умѣренность, ибо въ противномъ случаѣ она неминуемо превратится въ мѣсто побоища всевозможныхъ стра-

(*) Здѣсь нужно разумѣть только дворянство, потому что остальная часть польской націи никогда не входила въ соображеніе при различныхъ государственныхъ комбинаціяхъ. Во время владычества Россіи была сдѣлана первая попытка создать среднее сословіе, посредствомъ оживленія торговли и фабрикъ. Прежде оно почти вовсе не существовало, а крестьяне не имѣли никакихъ правъ, потому что права, дарованыя имъ конституціями 3 мая 1791 года и Варшавскаго герцогства, оставались большею частію на бумагѣ, безъ всякаго вліянія на дѣйствительную жизнь.

стей. Только народы съ спокойнымъ характеромъ, у которыхъ разсудокъ управляетъ чувствами т. е. преимущественно народы германскаго племени, на сколько показываетъ исторія, могутъ долгое время, безъ распаденія и анархіи, сохранять такое государственное устройство. Сверхъ того, подобное устройство должно вытекать изъ характера націи и составляться мало-помалу подъ вліяніемъ событій; оно не должно быть построено на воздухѣ безъ всякаго отношенія къ историческому развитію страны.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ сейма были обсуживаемы приготовленные проекты законовъ, между прочимъ уложеніе о наказаніяхъ, новыя правила объ ипотекахъ, законы о бракахъ и разводахъ, о чиновникахъ гражданскаго вѣдомства и т. д. Они всѣ были приняты, за исключеніемъ закона о бракѣ, въ которомъ не хотѣли допустить слишкомъ сильнаго вмѣшательства духовной власти. Государь, казалось, былъ доволенъ результатами, потому что хотя одно предложеніе и не было принято, но это произошло не изъ стремленій какой-либо партіи и не вслѣдствіе систематической опозиціи. «Между предложенными «законами», сказалъ Онъ, «только одинъ не былъ одобренъ, но «это исключеніе основывается на убѣжденіи и честныхъ намѣ«реніяхъ; оно показываетъ независимость вашихъ мнѣній и въ «этомъ отношеніи не можетъ возбудить Моего неудовольствія. «Свободно избранные могли свободно совѣщаться. Эта двойная «свобода будетъ всегда настоящимъ изображеніемъ народной «представительности, чрезъ которую Я желалъ узнать выраже«ніе общественнаго мнѣнія.» За симъ Онъ заключилъ свою рѣчь нѣсколькими ласковыми обращеніями къ депутатамъ, и между прочимъ сказалъ: «возвратившись въ нѣдра своихъ се«мействъ, вы выкажете себя честными, просвѣщенными граж«данами и распространите выгоды либеральныхъ учрежденій «на всѣ сословія, преимущественно же на тѣ, которыя несутъ «на себѣ главную тяжесть государственнаго зданія. Если толь«ко вы будете имѣть почтеніе предъ закономъ въ сердцахъ «вашихъ, оно перейдетъ и на всѣ ваши дѣйствія; въ этомъ «заключается настоящая цѣль цивилизаціи; достигнуть этой цѣли

«можно только съ чистымъ сердцемъ и съ чистыми намѣреніями. «Тогда личное благосостояніе каждаго будетъ въ связи съ благо-«состояніемъ общественнымъ, а законы будутъ прочны, потому «что будутъ основаны на внутреннемъ убѣжденіи.» Камеры считали себя вправѣ въ замѣчаніяхъ представленныхъ ими Государственному совѣту (*) какъ бы въ отвѣтъ на увѣщанія Государя, съ своей стороны сдѣлать замѣчаніе хотя повидимому и составленное въ почтительныхъ выраженіяхъ, но въ которомъ уже проглядывалъ намекъ на будущія столкновенія. Они распространялись въ общихъ теоріяхъ объ отношеніяхъ Царя къ народу; настаивали особенно на томъ, что Государь не долженъ относить къ себѣ возраженій сдѣланныхъ Его министрамъ; выражали свои желанія относительно новыхъ учрежденій и законовъ, ожидаемыхъ націею; требовали обѣщанныхъ въ уложеніи судовъ, предложенія новаго бюджета, отчета объ управленіи національными имѣніями, военнаго уложенія, закона о конскрипціи, о свободѣ книгопечатанія и заключали наконецъ прямымъ порицаніемъ правительства: по ихъ мнѣнію оно дѣйствовало слишкомъ поспѣшно, разомъ брало на себя слишкомъ большое число работъ и отъ этого часто останавливалось на неважныхъ, упуская будто бы изъ виду тѣ, въ которыхъ была наиболѣе надобность; чрезъ множество отдѣльныхъ часто противорѣчащихъ повелѣній оно надѣлало замѣшательства въ которыхъ правительственныя лица не умѣли найтись, и т. д. и все это депутаты заявили чрезъ минуту послѣ того какъ они сами требовали отъ правительства предложенія множества затруднительнѣйшихъ и наиболѣе сложныхъ законовъ. Эти замѣчанія и способъ ихъ выраженія не понравились Государю. Онъ справедливо нашелъ упреки, сдѣланные министрамъ, слишкомъ рѣзкими, разборъ политическихъ теорій неумѣстнымъ, тонъ всѣхъ замѣчаній оскорбительнымъ для Верховной власти, такъ какъ тонъ этотъ обнаруживалъ попытку депутатовъ затронуть основной

(*) Государственый Совѣтъ долженъ былъ на каждомъ сеймѣ предлагать обзоръ состоянія Государства и мѣръ принятыхъ правительствомъ въ промежутокъ времени отъ однаго сейма до другаго, на что камерамъ было дозволено дѣлать свои замѣчанія.—

смылъ самой конституціи и придать ей такое значеніе, какъ будто она не была добровольнымъ даромъ побѣдителя, но составляла мѣру необходимую, насильственно вынужденную. Неудовольствіе Государя выразилось въ рескриптѣ Его отъ $^{4}/_{23}$ сент. авг. 1818 года совѣту управленія, въ которомъ Онъ объявлялъ: «По конституціи камеры не имѣютъ никакого права «дѣлать правительству замѣчанія или упреки за его поступ«ки, а должны только высказать свое мнѣніе о дѣлаемыхъ имъ «предложеніяхъ. Онъ находитъ совершенно излишнимъ выска«зывать общія обвиненія противъ правительства, которыя легко «дѣлать, а трудно доказать, или распространяться въ теорети«ческихъ разсужденіяхъ, коихъ ошибочное пониманіе, всегда «влекло за собою столь печальныя послѣдствія для свѣта; толь«ко тогда Онъ могъ бы принять во вниманіе представленія ка«меръ, когда бы они служили выраженіемъ общественныхъ же«ланій или представляли бы спокойное разсужденіе о предло«женныхъ на обсужденіе законодательныхъ работахъ и еслибы «притомъ они были изложены съ умѣренностію, достоинствомъ и безъ несправедливыхъ притязаній!»—За симъ Онъ поручалъ совѣту заняться возбужденными камерами вопросами, на сколько они касались благосостоянія страны. Въ отношеніи свободы книгопечатанія, Государь совѣтовалъ на первый разъ сохранить цензуру, пока опытъ другихъ странъ не покажетъ, какія злоупотребленія можно предупредить ею. Прежняя конскрипція должна была быть сохранена и сеймъ по 91 статьѣ конституціи (*), только тогда долженъ былъ изъявить свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, еслибы предполагалось ввести новую. Въ заключеніе, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, Государь говоритъ: «Совѣтъ управленія ни въ какомъ случаѣ не долженъ «колебаться относительно значенія, которое слѣдуетъ приписы«вать камерамъ: посредствомъ ихъ узнается общественное мнѣ«ніе о прошедшемъ, равно и желанія его относительно буду-

(*) Статья 91: Сеймъ по сообщенію Государя совѣщается объ увеличеніи или уменьшеніи податей, таксъ и налоговъ и ихъ раздѣленіи, объ утвержденіи бюджетовъ, о монетной системѣ, рекрутскомъ наборѣ, равно и о другихъ предметахъ, которые будутъ ему предложены Государемъ.

«щаго.» Изъ этого видно, что Государь не чувствовалъ отвращенія къ конституціи; онъ вѣрилъ въ ея преимущества и не имѣлъ о томъ другаго мнѣнія, какъ увѣряли революціонеры; Онъ только не хотѣлъ допустить притязаній сейма и умѣлъ держать его въ надлежащихъ предѣлахъ. Не доказываетъ ли намъ исторія, что подобныя притязанія, все болѣе и болѣе присвоиваемыя дворянствомъ, были причиною паденія Польши?

По прежней польской конституціи, а отчасти также и по конституціи 3-го мая, вся верховная власть государства была въ рукахъ сейма, какъ представителя націи; онъ имѣлъ не только законодательную власть, но и право контроля надъ королемъ и министрами, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, и былъ даже послѣднею судебною инстанціею; короче, всѣ виды власти сливались въ немъ, какъ въ римскомъ сенатѣ или во французскомъ конвентѣ, и Польша не напрасно называлась республикою. Это время, рисуемое воображеніемъ Поляковъ золотымъ вѣкомъ, было на самомъ дѣлѣ абсолютнымъ царствомъ анархіи; сго-то хотѣли возвратить члены новаго сейма и такимъ образомъ возвыситься надъ Царемъ и правленіемъ; но попытки ихъ сокрушились о твердую волю Государя, точно опредѣлившаго въ конституціи взаимныя границы различныхъ властей и рѣшившагося удержать каждую въ ея предѣлахъ.

Въ это время состояніе Европы было весьма тревожно. Послѣ долгихъ потрясеній, произведенныхъ французскою революціею и войнами, всѣми овладѣло неудовольствіе, бывшее отчасти слѣдствіемъ несбывшихся надеждъ, которыми тѣшили себя послѣ паденія Наполеона. Въ Испаніи, Португаліи, Неаполѣ, Піемонтѣ, арміи предписывали законы своимъ правительствамъ; въ Англіи возникли сильныя волненія, преимущественно производимыя радикалами; во Франціи безпрерывно составлялись заговоры: королевскій принцъ былъ умерщвленъ рукою фанатика; въ Германіи были открыты многочисленныя тайныя общества: общественное чувство было и здѣсь напугано тайнымъ убійствомъ извѣстнаго писателя, единственною причиною котораго была ненависть партіи: короче не было ни одного государства, ни одной страны, которая не была тогда болѣе

или менѣе тревожима внутренними волненіями. Не удивительно, если это состояніе Европы оказало вліяніе и на Польшу.

Новый сеймъ былъ созванъ на 13/1 сентября 1820 г., и Государь открылъ его, имѣя слишкомъ основательныя опасенія, что чужой примѣръ могъ выказать свое вредное вліяніе и на Польшу. Потому съ Его стороны не было недостатка въ увѣщаніяхъ, просьбахъ и предостереженіяхъ. Онъ приглашалъ депутатовъ сохранить спокойствіе и мудрость и остаться до конца непорочными въ это время тяжкихъ искушеній; только при этомъ условіи могли быть приведены въ исполненіе, какъ Его, такъ и ихъ желанія. «Отъ васъ»-сказалъ Онъ—«Я требую правды; изъ вашихъ устъ желалъ бы Я слышать ее; передайте мнѣ «ее съ спокойствіемъ и искренностью. Она покажется вамъ въ полномъ свѣтѣ, если вы будете искать ее въ дѣйствительности, а не «въ пустыхъ отвлеченностяхъ; если вы обсудите ваше состояніе «на основаніи событій, а не на основаніи тѣхъ теорій, при «помощи которыхъ въ наше время стараются поддержать свергнутое или возникающее честолюбіе. Правда наконецъ обнаружитъ предо мною ваши мнѣнія, если вы только послушаетесь «голоса важныхъ интересовъ, которымъ вы служите представителями, если вы удалите изъ вашихъ совѣщаній всякое озлобленіе, всякія частныя соображенія, всякія особыя цѣли. Только въ такомъ случаѣ вы исполните вашу обязанность; Моя «обязанность теперь уже выполнена!» Затѣмъ Онъ объявилъ имъ, что если до-сего въ мѣрахъ, принятыхъ для блага страны, не всегда точно держались предписанному конституціею пути, то чрезъ это Его намѣренія нисколько не измѣнились, потому что Онъ твердо рѣшился, чтобы въ будущемъ однажды установленныя правила исполнялись со всею строгостью. Желанія, высказанныя ими прежде, приведены въ исполненіе и два проекта законовъ будутъ предложены на ихъ разсмотрѣніе: одинъ объ улучшеніи гражданскаго судоустроиства, другой объ уголовномъ судопроизводствѣ, болѣе соотвѣтствующемъ уголовному кодексу. Послѣ того Государь вторично обратился къ присутствующимъ съ увѣщательными словами: «Докажите вашему отечеству, что вы, «опираясь на вашу опытность, на ваши правила, на вашу совѣсть,

«умѣете сохранить подъ защитою вашихъ законовъ спокойную «независимость и высокую свободу. Докажите вашимъ современни-«камъ, что свобода эта есть другъ порядка и вашего благоденствія. «Есть страны гдѣ исполненіе долга и злоупотребленія стоятъ на «одной и той же линіи, гдѣ духъ зла легко возбуждаетъ «рабское подраженіе и снова старается достигнуть своего «ужаснаго господства. — Онъ управляетъ уже частью Евро-«пы, онъ уже порождаетъ тамъ преступленія и перевороты.» Со всѣмъ тѣмъ Государь обнадеживалъ, что система Его правленія, не смотря на эти злосчастныя происшествія, останется всегда неизмѣнною. «Безъ сомнѣнія, вѣкъ въ ко-«торомъ мы живемъ, требуетъ ограждающихъ законовъ для «основанія и обезпеченія общественнаго порядка; но этотъ же «вѣкъ налагаетъ на правительства обязанность охранять эти «законы отъ несчастнаго вліянія вѣчно безпокойныхъ и ослѣ-«пленныхъ страстей. Я никогда не буду» (такъ окончилъ Онъ свою достопамятную рѣчь) «условливаться о Моихъ правилахъ «и ни зачто не соглашусь на уступки, которыя могли бы имъ «противорѣчить!» Этими словами Онъ показалъ имъ, что нечего расчитывать на слабость или на уступки съ Его стороны, и, что Онъ твердо рѣшился слѣдовать по принятому пути. Въ заключеніе Онъ сказалъ депутатамъ, что если они будутъ вести себя умѣренно, спокойно и будутъ руководиться въ своихъ поступкахъ довѣріемъ и искренностью: «то осуществленіе какъ «ихъ, такъ и Его желаній уже недалеко.»

Не смотря на это увѣщаніе, сеймъ съ предубѣжденіемъ принялъ проекты законовъ, предложенные правительствомъ и почти безъ совѣщанія отвергнулъ ихъ. Возникла страстная оппозиція; во главѣ ея стали депутаты Калишскаго воеводства, гордясь недавно полученной свободой, они полагали, что находятся на прежнихъ сеймахъ, гдѣ безъ причины и основанія упрямо отвергали всѣ предложенные законы, гдѣ каждый сеймъ былъ прерываемъ и никакое законодательство не было возможно. Проектъ уголовнаго судопроизводства былъ отвергнутъ большинствомъ 120 голосовъ противъ 3-хъ, преимущественно потому, что въ немъ не былъ допущенъ судъ присяжныхъ. Поляки ни-

когда не имѣли этого суда, да и онъ отнюдь не былъ удобоприменимъ въ странѣ, имѣвшей столь небольшое и невѣжественное среднее сословіе. Но «присяжные» было тогда общимъ крикомъ преимущественно раздававшимся изъ Франціи. Поляки не хотѣли отстать отъ прочихъ, не взвѣсивъ прежде, дѣйствительно ли это учрежденіе такъ совершенно, какъ его старались выказать. Въ большей части германскихъ государствъ, гдѣ слѣдовали съ спокойствіемъ и размышленіемъ по пути народной свободы и народнаго благосостія, эти суды отнюдь не вездѣ были приняты, хотя они составляютъ коренное германское учрежденіе. Тщетно Государственный совѣтъ обращалъ вниманіе на неудобство этого учрежденія, тщетно старался онъ доказать, что найдется весьма мало людей, которые имѣли бы необходимую для сего степень образованія. Министры предостерегали,—они указывали на безуміе тѣхъ, которые небудучи довольны достигнутою свободою безпрерывно домогались новыхъ льготъ и которые доведутъ наконецъ до того, что потеряютъ и пріобрѣтенное. Чѣмъ сильнѣе Государь доказывалъ свои конституціонныя намѣренія, тѣмъ болѣе Онъ долженъ былъ быть недоволенъ сильнымъ противорѣчіемъ. Наконецъ, $^{13}/_{1}$ ноября 1820 г., Онъ закрылъ сеймъ рѣчью строгою и наполненною вполнѣ справедливыми упреками. «Изслѣдуйте вашу совѣсть,—сказалъ Онъ членамъ его,—и вы сами рѣшите вопросъ: «оказали ли вы въ теченіи совѣщаній вашему отечеству услуги, «которыя были ожидаемы отъ вашей мудрости, или напротивъ, «увлеченные слишкомъ обыкновенными заблужденіями времени, «не остановили ли вы дѣло возстановленія вашего отечества и не «отказались ли вы сами отъ надеждъ, которыя могли осуще«ствиться при благоразумномъ довѣріи. Тяжелая отвѣтствен«ность за это падаетъ на васъ.» Впрочемъ, чтобы показать, что Онъ не питаетъ въ своемъ сердцѣ злобы противъ камеръ за бывшія пренія, Государь заключилъ свою рѣчь слѣдующими примирительными словами: «чтобы не сказало общественное «мнѣніе относительно способа, посредствомъ котораго вы вос«пользовались вашими правами: — Я въ отношеніи къ вамъ «всегда сохраню свои чувства. Теперь Я оставлю васъ, но и

«въ дали Я буду пещись о вашемъ благоденствіи съ прежнимъ «постоянствомъ и благосклонностью; цѣлью Моихъ желаній на- «всегда останется видѣть данное Мною вамъ учрежденіе упро- «ченнымъ вашею умѣренностью и оправданнымъ вашимъ благо- «получіемъ.»

Этотъ сеймъ 1820 г. окончательно разрушилъ хорошія отношенія между Государемъ и Его польскими подданными. Всѣ дарованныя Имъ благодѣянія были разомъ забыты, и безпокойные умы, ищущіе своего счастія и своихъ выгодъ въ переворотахъ всего существующаго порядка, могли радоваться успѣху; труды ихъ не были тщетны. Послѣ того, какъ имъ удалось поколебать первоначальную довѣренность Государя и возбудить недовѣріе, а съ другой стороны, расположить къ неудовольствію духъ націи, они всѣми силами старались увеличить разрывъ. Съ тѣхъ-поръ тайныя общества, сходки, заговоры, сдѣлались многочисленнѣе; съ тѣхъ-поръ почва Польши по всѣмъ направленіямъ была разрыта революціонерами, дабы приспособить ее къ сильнѣйшему взрыву. Результаты не замедлили выказаться. Если только есть зародышъ дурной травы, она сильно разрастается до тѣхъ поръ пока не уничтожитъ плодоноснаго посѣва. Правительство скоро должно было убѣдиться въ тайныхъ козняхъ; ежедневно оно открывало новые признаки; ежедневно оно получало новыя доказательства усилій своихъ враговъ и дурнаго настроенія духа народонаселенія; оно должно было видѣть, что стоитъ на волканѣ, который угрожаетъ изверженіемъ при первомъ удобномъ случаѣ? Можно ли осуждать его, если оно, имѣя всѣ эти свѣдѣнія, удвоило мѣры предосторожности. Но имснно подобныя мѣры и раздражаютъ всего болѣе революціонеровъ. Они хотятъ, чтобы правительства дозволяли имъ спокойно и безпрепятственно работать для ихъ же низверженія; въ противномъ же случаѣ они жалуются на угнетенія и преслѣдованія.

Камеры въ ихъ ослѣпленіи ничего не страшились; они надѣялись на мнимые трактаты, долженствовавшіе будто бы связать Государя и въ заключеніе снова повторили выраженныя на прежнемъ сеймѣ жалобы, желанія и замѣчанія. Разгнѣван-

*

ный этимъ упорствомъ, Государь приказалъ совѣту управленія вовсе не заниматься ближайшимъ ихъ изслѣдованіемъ, такъ какъ на нихъ были даны отвѣты два года тому назадъ и вообще не вступать ни въ какія пренія о примѣненіи конституціонныхъ теорій къ уложенію дарованному Польшѣ, «потому что, «еслибы содержаніе его въ чемъ нибудь было бы сомнительно, «или требовало бы изъясненія, то одинъ только создавшій его «имѣлъ право рѣшить возникшій вопросъ, такъ какъ онъ конечно лучше всѣхъ знаетъ свои собственныя намѣренія.»

Между тѣмъ дефицитъ въ доходахъ, которые не могли покрыть расходовъ, родилъ вопросъ о возможности дальнѣйшаго существованія Польши, какъ особаго государства. Императоръ Александръ все еще огорченный поступками камеръ на послѣднемъ сеймѣ, объявилъ: «Если Королевство само не умѣетъ «содержать себя, то его нужно организировать другимъ образомъ.» Эти слова имѣли удивительное дѣйствіе и не мало облегчили мѣры принятыя для погашенія дефицита, бывшимъ въ то время (1821 г.) министровъ финансовъ Ксаверіемъ Любецкимъ. Сперва обратился онъ къ патріотизму обывателей и потребовалъ преждевременнаго взноса податей, для покрытія нужнѣйшихъ расходовъ, потомъ онъ заключилъ выгодныя ликвидаціи съ Австріею и Пруссіею касательно взаимныхъ долговъ; сверхъ того онъ отдалъ выгоднымъ образомъ на откупъ право мелочной продажи пива и водки, которая въ прежнее время будучи предоставлена собственному усмотрѣнію городскихъ правленій, давала малый доходъ (въ владѣльческихъ мѣстечкахъ и въ частныхъ имѣніяхъ она осталась на прежнемъ основаніи въ рукахъ дворянства) и наконецъ распорядился продажею національныхъ имуществъ, которые были доведены до совершеннаго упадка подъ управленіемъ арендаторовъ. Почти каждая изъ сихъ мѣръ, возбуждала жалобы со стороны лицъ, до которыхъ она касалась. Но Любецкій, не обращая вниманія на то, что эти мѣры вредили нѣкоторымъ личностямъ и частнымъ интересамъ, непоколебимо преслѣдовалъ свою цѣль: погасить дефицитъ и отстранить упрекъ, что Государство не можетъ содержать себя собственными средствами. Хотя такимъ образомъ

онъ возбудилъ противъ себя много вражды, но за то въ короткое время ему удалось привести государственные финансы въ такое превосходное состояніе, что не только текущіе расходы были покрыты, но еще оставался значительный излишекъ. То былъ человѣкъ вполнѣ созданный для обстоятельствъ того времени. Проницательнаго ума, твердой воли, онъ обладалъ болѣе практически, чѣмъ теоретически, труднымъ искусствомъ обращаться съ людьми. Дѣятельный, ловкій, находчивый, обладавшій разнообразными свѣдѣніями, онъ умѣлъ придать новую жизнь каждой отрасли своего управленія. Земскій кредитъ страны былъ пробужденъ, мастерства оживлены, торговля и обороты расширились.

Волновавшія Европу смятенія: Испанская война, возстаніе и война Грековъ за ихъ независимость, несогласія Россіи съ Портою, — всѣ эти обстоятельства, поглощавшія все вниманіе Императора, были причиною, что только по прошествіи пяти лѣтъ, въ Польшѣ былъ созванъ новый сеймъ. Государь желалъ, чтобы этотъ сеймъ кончился спокойнѣе предшествовавшаго; оппозиціонная же партія имѣя въ главѣ обоихъ Немоіевскихъ, съ своей стороны приготовлялась какъ и прежде бурно волновать его. Постоянно принимая за образецъ Францію, гдѣ въ то время произошло сильное волненіе по поводу исключенія изъ камеры депутата Манюэля, она желала и здѣсь принудить правительство къ подобному же шагу, дабы поставить его въ разладъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Викентій Немоіевскій на предстоящемъ сеймѣ долженъ былъ принять на себя роль Манюэля. Правительство, извѣщенное объ этомъ, предостерегло его, но когда это не помогло, ему былъ сообщенъ приказъ: — «небыть тамъ, гдѣ будетъ находиться Государь.» Онъ далъ подписку, но не менѣе того, хорошо предвидя послѣдствія, присутствовалъ при открытіи Государемъ камеръ. Чтобы не пришлось закрыть новый сеймъ, подобно прежнимъ польскимъ сеймамъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ, нужно было подумать о средствахъ удалить его. Такъ какъ мѣры предостереженія не помогли, взялись за болѣе энергическія, и когда Немоіевскій показался у Варшавской заставы, то былъ задержанъ и отвезенъ

въ свои помѣстья, гдѣ впредь долженъ былъ оставаться подъ надзоромъ. Его братъ, Бонавентура, оскорбилъ при этомъ служащаго чиновника, и по возникшему вслѣдствіе этого процессу, ему также было воспрещено являться въ столицу.

Однако съ удаленіемъ этихъ двухъ буйныхъ головъ не все еще было сдѣлано, и нельзя было расчитывать на спокойствіе преній до тѣхъ поръ пока не была ограничена ихъ публичность: въ-слѣдствіе чего $^{13}/_{1}$ февраля 1825 г. былъ изданъ дополнительный актъ (контрасигнованный кн. Любецкимъ), который возбудилъ громкія жалобы со стороны Поляковъ. Этотъ актъ постановлялъ, что на будущее время публичныя засѣданія будутъ происходить только при открытіи и закрытіи сейма, равно какъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ; обыкновенныя же совѣщанія всегда будутъ съ запертыми дверями. Изъ опыта прежнихъ сеймовъ, слишкомъ хорошо убѣдились, что депутаты при преніяхъ домогались болѣе наружной популярности, чѣмъ настоящаго блага страны, и охотнѣе распространялись въ пустыхъ декламаціяхъ нежели занимались основательнымъ разборомъ предложенныхъ имъ вопросовъ. Необходимо было положить этому конецъ, что и было исполнено добавочнымъ актомъ. Издавъ его, Императоръ Александръ пользовался предоставленнымъ ему правомъ: какъ создавшій и даровавшій конституцію, какъ стоявшій выше, а не ниже ее, Онъ измѣнилъ ее сообразно своимъ понятіямъ о настоящемъ благосостояніи страны. Кн. Любецкій въ поданномъ имъ письменномъ мнѣніи о добавочномъ актѣ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Вопросъ заключается въ томъ: «какимъ способомъ можно довести до свѣдѣнія Монарха желанія и жалобы народа, не подвергая ихъ съ одной стороны «коварству придворныхъ, а съ другой—искаженіямъ риторовъ,— «минутныхъ представителей общественнаго мнѣнія? Отвѣтъ на «этотъ вопросъ заключается въ предлагаемыхъ мѣрахъ. Публичность преній, приноситъ націи только ту пользу, что удостовѣряетъ что ея представители исполняютъ свое назначеніе. «Но для Государя эти пренія важны, потому что Онъ почерпаетъ въ нихъ познаніе фактовъ и людей. Въ дополнительномъ «же актѣ ничто не препятствуетъ депутатамъ говорить по совѣ-

«сти и свободно разбирать предложенные проекты и акты. Эти «разсужденія соединенныя въ протоколѣ каждаго засѣданія, бы«ли бы представлены Государю, а потому нація могла быть «увѣрена, что голосъ ея дойдетъ до трона. Польза не замедли«ла бы оказаться. Управленіе остерегалось бы употребить во«зло свою власть, совѣщанія были бы спокойнѣе и основательнѣе, «и Государь могъ бы узнать правду и заслуги, дабы употре«бить ихъ для общественной пользы». Въ этомъ заключалось мнѣніе кн. Любецкаго.

Этотъ дополнительный актъ возбудилъ противъ себя въ то время, и въ особености позднѣе, цѣлую бурю возгласовъ, которые старались распространить по всему свѣту; жаловались на уничтоженіе конституціи и нарушеніе трактатовъ; хотѣли привлечь къ этому вопросу всю Европу, утверждая, что на Вѣнскомъ конгрессѣ всѣ Государства торжественно поручились за конституцію Польши, почему они и должны отмстить за уничтоженіе ее. Во время Вѣнскаго конгреса не существовало польской конституціи, и Государства участвовавшія въ немъ, не могли ручаться за то, что было въ мысляхъ Императора Александра, и только спустя шесть мѣсяцевъ перешло въ дѣйствительность (*). Но основатель конституціи, какъ Онъ и объявлялъ неоднократно, далъ ее какъ первый опытъ конституціоннаго правленія, опытъ, который онъ надѣялся расширить впослѣдствіи, а потому и имѣлъ право, если только конституція не соотвѣтствовала Его намѣреніямъ, измѣнять ее по своему соображенію не давая въ томъ никому отчета; это было дѣйствіемъ законодателя исправляющаго свое произведеніе.

Такимъ образомъ, $^{13}/_{1}$ мая 1825 г. начался третій сеймъ. Пламенная любовь Императора Александра къ Полякамъ немного охладѣла; Онъ долженъ былъ убѣдиться наконецъ, что ихъ характеръ мало соотвѣтствуетъ конституціонной жизни. Въ прежнее время питая къ нимъ искреннее расположеніе, взирая на существованіе Царства какъ на свое твореніе, Онъ

(*) На заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса выставлено 9 іюня (28 мая) 1815 г. а польская конституція была дарована $^{27}/_{15}$ ноября 1815 г.

говорилъ съ ними съ теплотою и довѣрчивою любовію, обращался къ нимъ какъ отецъ къ дѣтямъ; предостерегалъ ихъ и во всемъ старался навести ихъ на истинный путь. Теперь удостовѣрившись, что Онъ за всѣ свои хорошія намѣренія, за дары и благодѣянія, былъ вознагражденъ только неблагодарностью, Онъ рѣшился, какъ великій Государь, исполнять свой долгъ какъ и прежде, но довѣріе и любовь къ Полякамъ-исчезли. Потому при открытіи сейма Онъ говорилъ съ достоинствомъ и спокойствіемъ, но уже болѣе не съ тѣмъ изліяніемъ, не съ тою искренностію какъ прежде; Онъ уже болѣе не просилъ и не увѣщевалъ, но говорилъ какъ властелинъ, принявшій рѣшеніе для каждаго случая. Онъ указывалъ на зачатки раздоровъ и распаденія, развитію конхъ Онъ долженъ былъ воспрепятствовать. «Дабы упрочить Мое твореніе, обезпечить продолжитель-«ность его существованія и доставить вамъ спокойное облада-«ніе имъ,» сказалъ Онъ, «Я прибавилъ къ основному договору «Государства еще одну статью. Эта мѣра, избавляющая Меня «отъ необходимости имѣть вліяніе на ваши выборы и на со-«вѣщанія, докажетъ вамъ, сколько Я старался объ упроченіи «любезныхъ Вамъ учрежденій; она не имѣетъ другаго основа-«нія.» Засимъ, сообщивъ сейму о положеніи страны и сдѣланныхъ успѣхахъ и успокоивъ его въ этомъ отношеніи Онъ продолжалъ: «Я былъ всегда готовъ принять предлагаемыя улуч-«шенія, но въ то же время твердо рѣшился, противиться вся-«кимъ стремленіямъ вреднымъ для благосостоянія страны.» Государь просилъ собраніе, сохранить спокойствіе въ совѣщаніяхъ. «Будущность вашей страны,—заключилъ Онъ,—въ вашихъ «рукахъ; имѣйте только въ виду благо и ея настоящія выгоды; «окажите ей услуги, которыхъ она ожидаетъ отъ вашего единоду-«шія, и поддержите Меня въ выполненіи тѣхъ желаній, кото-«рыя Я не переставалъ питать въ отношеніи къ ней.»

Предложенные проекты были приняты; между ними законъ о земскихъ кредитныхъ установленіяхъ скоро возбудилъ общее одобреніе и благодарность страны. Прочіе проекты были менѣе важны. Государь закрылъ совѣщанія, будучи вполнѣ доволенъ достигнутыми результатами, но даже это удовольствіе,

даже то обстоятельство, что Онъ благодарилъ народныхъ представителей, вызвало нареканія.

Окончаніе сего сейма было послѣднимъ публичнымъ актомъ Императора Александра I-го въ Польшѣ; — Его великая душа неоднократно встрѣчавшая одну неблагодарность взамѣнъ всѣхъ ея доброжелательныхъ намѣреній для блага человѣчества, вскорѣ послѣ того изнемогла въ печали. Въ наше время вліяніе распространяющагося въ Европѣ зла, день отъ дня все болѣе убѣждаетъ современниковъ, рѣдко справедливыхъ въ отношеніи къ великимъ людямъ, въ вѣрности политическихъ тенденцій (*) Императора Александра, подобно тому, какъ всѣ уже давно убѣждены въ благородствѣ Его характера. Когда, подобно героямъ прошедшихъ временъ, Онъ удалится болѣе отъ ближайшаго нашего созерцанія, тогда съумѣютъ вполнѣ оцѣнить все величіе, все благородство Его души; тогда потомство поставитъ Его на ряду съ величайшими Государями всѣхъ временъ, съ тѣми Государями, которыхъ имена вѣчно живутъ въ воспоминаніи народовъ.

Кончина Его подобно громовому удару подѣйствовала на всѣхъ; взоры всѣхъ народовъ обратились на сѣверъ,—тамъ было необычайное зрѣлище.—Здѣсь не мѣсто говорить, о возвышенныхъ чувствахъ, съ которыми два Августѣйшіе брата соревновали между собою—не въ томъ, кто первый овладѣетъ короною, но въ томъ, кто изъ нихъ отвратитъ ее отъ себя; и какую корону!—съ которою было связано владычество надъ половиною всего свѣта.—По волѣ усопшаго Государя, она досталась младшему брату, Николаю, не безъ подавленія могущественною рукою революціи, стремившейся обнять Его Государство. Изъ признаній схваченныхъ заговорщиковъ, оказалось, что они поддерживали связь съ тайнымъ обществомъ въ Польшѣ, имѣвшимъ цѣлію возстановленіе прежняго Польскаго Государства. Преслѣдуя нить этихъ первыхъ открытій, вдругъ обнаружили пропасть, надъ которою стояло правительство. Для разъясненія послѣдующаго, нужно будетъ привести нѣкоторыя объясненія этихъ заговоровъ. При этомъ мы будемъ руководствоваться

(*) Писано въ 1882 году.

обнародованными актами, заключающими въ себѣ признанія заточенныхъ (*).

Одинъ польскій писатель, какъ кажется имѣвшій вѣрныя свѣдѣнія (**), предполагаетъ, что первое начало патріотическихъ обществъ положено было во время долгаго сейма 1788—1792 г. и что только послѣ раздѣленія Польши они сдѣлались тайными. Наиболѣе извѣстныя лица соединились въ общества, съ цѣлью сохранить между разообщенными соотечественниками языкъ и національный духъ. Кн. Чарторижскій, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ предводителей этихъ обществъ, бывшій нѣкоторое время русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ куратором Виленскаго университета, усердно дѣйствовалъ въ ихъ пользу посредствомъ испрошенія Виленскому университету особыхъ статутовъ, также какъ и посредствомъ учрежденія школъ въ Литвѣ. Какъ министръ, именемъ Государя онъ вытребовалъ обратно отъ Австрійскаго правительства пресловутаго Колонтая, бывшаго въ заточеніи въ Ольмюцской крѣпости и препоручилъ ему и ревностному патріоту Чацкому, составить планъ для будущаго воспитанія молодежи въ Литвѣ; этотъ планъ онъ велѣлъ впослѣдствіи привести въ исполненіе въ подвѣдомственныхъ ему заведеніяхъ. Это одно уже показываетъ его намѣренія. Воспитаніе было такъ расчитано, чтобы сообщить юношеству не общую любовь къ ихъ новому отечеству, но любовь къ давно погибшему Государству; ихъ не только не старались воспитать какъ Поляковъ, искренно соединенныхъ съ Русскими, но скорѣе какъ Поляковъ бывшихъ внутренно тайными врагами Россіи. И все же, нѣкоторые писатели зашли такъ далеко, что утверждали, будто въ провинціяхъ подпавшихъ подъ власть Россіи хотѣли заглушить національный духъ! Такое же вліяніе какъ Чарторижскій имѣлъ на воспитаніе юношества въ сѣ-

---

(*) Смотри: Донесеніе слѣдственной коммиссіи, о тайныхъ обществахъ и послѣднихъ заговорахъ въ Польшѣ; (Rapport du comité d'enquête à S. A. I. le Grand Duc Constantin. à Paris 1827.) какъ и Wyrok sadu Sejmovego Krolewstwa Polskiego z roku 1838. w. Warszawie 1831.—Мохнацкій (Powstanie narodu Polskiego w. r. 1830 i 1831. Paryz 1834) также даетъ вѣрныя объясненія.

(**) Podczaszynski въ Revue des deux mondes. 1831. тетр. 4, ст 231.

верныхъ провинціяхъ, Чацкій имѣлъ въ южныхъ. На собственныя свои средства онъ основалъ большую гимназію въ Кременцѣ (которой онъ пожертвовалъ также свои коллекціи) и 120 школъ на Волыни, въ Подоліи и Украйнѣ. Вышеупомянутый писатель самъ сознается, что въ провинціяхъ, бывшихъ подъ властью Россіи, юношество получало совершенно польское воспитаніе и направленіе; только впослѣдствіи, когда его плоды обнаружились въ самомъ духѣ этой молодежи и въ существованіи многочисленныхъ тайныхъ обществъ, направленыхъ противъ правительства, стали стараться ограничить нѣсколько подобное воспитаніе.

Послѣ основанія Варшавскаго герцогства тайныя общества пришли нѣсколько въ упадокъ; въ то время менѣе расчитывали на тайные заговоры, чѣмъ на открытое возмущеніе; считали болѣе не нужнымъ, подкапывать съ усиліемъ ту почву, которую надѣялись скоро завоевать съ оружіемъ въ рукахъ. Побѣдное счастіе Наполеона, казалось вначалѣ готово было осуществить эти надежды, но едва съ паденіемъ завоевателя онѣ рушились, какъ снова взялись за прежнее средство. Уже въ 1814 г. вторично образовалось тайное общество, коего члены назвали себя «настоящими Поляками» («echten Polen»), но кажется оно имѣло мало успѣха, ибо большая часть націи, облагодѣтельствованная Александромъ, возлагала на Него всѣ свои надежды. Нѣкоторыя выраженія генерала Домбровскаго, сказанныя не задолго до его смерти (1818 г.), послужили кажется началомъ къ основанію новыхъ тайныхъ обществъ, если даже этотъ генералъ не былъ первымъ ихъ учредителемъ. Здѣсь все покрыто мракомъ неизвѣстности, что и понятно по существу самаго дѣла; только по отрывочнымъ даннымъ можно слѣдить за ними до новѣйшихъ временъ. Второе тайное общество образовалось въ 1817 г. въ Варшавскомъ университетѣ, когда студенты: Ксаверій Брониковскій, Викторъ Гельтманъ, Матушевичъ, Адамъ Замойскій (не изъ фамиліи магнатовъ) и Игнатій Маціовскій, составили союзъ подъ названіемъ «вольныхъ Поляковъ» («freien Polen») Онъ имѣлъ цѣлію не только сохраненіе польской національности, но и распространеніе респу-

бликанскихъ или скорѣе демократическихъ идей въ народѣ. Они думали съ помощію печати привести эти идеи въ обращеніе для чего и предприняли изданіе журнала: («Die Polniche Dekade» Польская декада»), главными редакторами коего были Ксаверій Брониковскій, В. Гельтманъ и Лудвигъ Питкевичъ. (*). Наконецъ, маіоръ Лукашинскій въ 1819 г, для лучшаго исполненія своихъ плановъ, старался воспользоваться массонскими ложами, уже до того повсемѣстно преслѣдовавшими политическую цѣль, и основалъ національное общество свободныхъ массоновъ (National Freimauerei). При этомъ его цѣль заключалась въ томъ, чтобы связать массонство съ національными интересами, или скорѣе въ томъ, чтобы подъ покровомъ массонства преслѣдовать политическіе виды.

Здѣсь кстати замѣтить: что почти каждое общество, съ политическою цѣлью, имѣетъ свои мнимыя и настоящія цѣли; первыя изъ нихъ невинны, похвальны, привлекательны, иначе они не нашли бы послѣдователей; настоящія же цѣли члены узнаютъ только тогда, когда уже не могутъ болѣе разорвать свои связи. Этимъ же путемъ слѣдовали національные массоны. Сперва (въ 1-й степени) только и было рѣчи что о любви къ отечеству и о гражданской доблести; потомъ уже (2 степень) границами для распространенія ложи объявлены были эмблематически: «высокія горы, два большихъ моря и двѣ рѣки»; алтарь отечества былъ изображаемъ «съ крѣпкимъ фундаментомъ, но съ поврежденною вершиной,» и вновь принимаемый долженъ былъ приносить клятву: «совершенно возстановить этотъ алтарь.» Еще далѣе (3 степень) магистръ говорилъ: «не будемъ поименовывать отдѣльныхъ цѣлей, потому что они извѣстны магистру.» Наконецъ въ 4-й степени, куда допускались только немногіе избранные, было открыто говорено объ этихъ цѣляхъ: они заключались «въ возстановленіи Польши въ прежнихъ ея границахъ.» Кромѣ того каждый вновь принимаемый въ общество, обязывался содѣйствовать развитію національности, распространенію его мнѣній и къ сохраненію

(*) По разсказамъ Шпацира, которые вѣроятно онъ слышалъ изъ устъ основателей изданія.

національнаго духа. Человѣкомъ управляютъ чувства,—если ихъ возбудить, то его легко можно будетъ заставить дѣйствовать. Національныя массонскія ложи, душою коихъ были Лукашинскій и Мохнацкій, старались распространить свое общество не только въ самомъ Царствѣ, но и во всѣхъ прежнихъ польскихъ провинціяхъ: въ Великой Польшѣ, въ Галиціи, Литвѣ. По старанію Лукашинскаго, ложи образовались также въ полкахъ. Доброгайскій, Адольфъ Чиховскій и Добржицкій учредили ихъ въ Калишѣ. Адъютантъ Домбровскаго, Лудвигъ Счанецкій, образовалъ ложу въ Познаньскомъ воеводствѣ, гдѣ при пылкомъ характерѣ обывателей, она скоро приняла видъ открытаго заговора подъ именемъ косиніеровъ (людей вооруженныхъ косами или жнецовъ). Генералъ Мельчинскій сталъ здѣсь во главѣ ихъ. Такъ какъ въ это время, вслѣдствіе обвиненія въ тайной политической цѣли, массонство было воспрещено въ Царствѣ, то предводители воспользовались этимъ обстоятельствомъ, дабы уволить всѣхъ боязливыхъ или ненадежныхъ членовъ и въ началѣ 1820 г., повидимому прекратили національное массонство, но тайно еще ревностнѣе продолжали его въ формѣ Карбонаріевъ (Carbonarismus.) Такимъ образомъ общество не прекратилось, но болѣе сосредоточилось, и необходимость величайшей тайны превращала его и здѣсь, какъ въ Познани, въ явный заговоръ (*).

Въ 1821 г. вступили въ познаньское общество подполковникъ Прондзинскій и возвратившійся тогда изъ-за границы генералъ Уминскій. Живой характеръ Поляковъ, равно и вліяніе буйнаго Уминскаго, не позволяли косиніерамъ оставаться въ бездѣйствіи. Но Познанцы очень хорошо понимали, что ихъ труды будутъ тщетны, если они не соединятся съ Варшавцами. Для сего, въ концѣ апрѣля 1821 г., Уминскій былъ посланъ въ Варшаву. Не избирая постояннаго жительства, дабы полиція не напала на его слѣды, онъ старался тотчасъ по выходѣ изъ экипажа познакомиться съ Лукашинскимъ. Въ тотъ же вечеръ собрались почти всѣ остальные наличные члены четвертой степени въ Лазенки: Государственный секретарь

(*) Мохнацкій 1, 336.

Виржболовичъ, подполк. Доброгойскій, Козаковскій и Прондзинскій, маіоръ Лукашинскій, чиновникъ министерства финансовъ Адольфъ Чиховскій, журналистъ Федоръ Моравскій и наконецъ волынскій помѣщикъ Лудвигъ Собанскій. Уминскій объявилъ имъ что: «національныя массонскія ложи въ Познани «потерпѣли совершенное преобразованіе и приняли рѣшитель«ное политическое направленіе. Тамошніе патріоты желаютъ «вступить въ тѣснѣйшую связь съ патріотами Царства и убѣ«дить ихъ опредѣлить ихъ стремленіямъ ближайшую цѣль.»

На 1-е мая было условлено другое собраніе въ Потокѣ, въ 1/4 мили отъ Варшавы. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ были еще введены Уминскимъ: полк. Оборскій, прежній начальникъ штаба Домбровскаго, адвокатъ Шредеръ, гр. Бруно-Кичинскій и случайно присутствующій Іорданъ. Дабы не обратить на себя вниманія они отправились въ лѣсъ къ Бѣлянамъ. Уминскій, послѣ повторенія вышеприведеннаго предложилъ: общество Варшавы и Познани тѣснѣе связать между собою и принести новую торжественную присягу. Упомянутая присяга была прочтена.— Въ ней вновь принимаемый обязывался: «Употребить всѣ свои «силы для возрожденія его любимой, но несчастной матери, и «быть готовымъ жертвовать за ея свободу и независимость своимъ «имуществомъ и даже самою жизнію. Онъ долженъ былъ обѣщать «не щадить крови измѣнниковъ и въ особенности тѣхъ людей, «которые будутъ преграждать путь къ благу его отечества, и «наконецъ, скорѣе пожертвовать собственною жизнію, чѣмъ от«крыть тайну общества.» Во время чтенія, Прондзинскій вынулъ свою шпагу, воткнулъ ее въ землю и прикрѣпилъ къ эфесу небольшое желѣзное изображеніе Косцюшки; Уминскій поднялъ свою руку, держа въ ней ножъ вмѣсто кинжала и когда присяга была прочтена, воскликнулъ: «клянетесь вы?» нѣкоторые голоса отвѣтили: «клянемся!»—«хорошо,» съ важностью отвѣтствовалъ генералъ «этого мнѣ достаточно, и я смотрю теперь на каждаго изъ васъ, какъ обязаннаго присягою.» Затѣмъ общество возвратилось въ Варшаву, гдѣ въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ имѣло дальнѣйшія собранія.

Названіе косиніеровъ или жнецовъ, предложенное Умин-

скимъ для преобразованныхъ національныхъ массонскихъ ложъ, не понравилось; общество со временемъ приняло названіе патріотовъ. Союзъ этотъ раздѣлялся на провинціи, которыя въ свою очередь распадались на округи и общины. Все прежнее королевство было раздѣлено на шесть провинцій, именно: Варшава или нынѣшнѣе Царство, Познань или прусскій участокъ, Лембергъ или австрійскій участокъ, Краковъ съ его областью, Вильно или Литва и Волынь съ Подоліею и Украйною; армія должна была составить седьмую провинцію. Во главѣ каждой изъ этихъ провинцій, для управленія округами и общинами назначили національное отдѣленіе. Общины состояли изъ маленькихъ союзовъ, не болѣе какъ въ десять членовъ, изъ которыхъ каждый отдѣльно имѣлъ право основать новый союзъ изъ десяти другихъ членовъ. Такимъ образомъ надѣялись распространить общество по всей странѣ, и въ случаѣ открытія, могли опасаться обнаруженія только небольшой его части. Начальники общинъ не были въ связи съ центральнымъ отдѣленіемъ въ Варшавѣ, но только съ начальниками округовъ, а эти послѣдніе съ начальниками провинцій, которые одни имѣли непосредственную связь съ Варшавскимъ отдѣленіемъ. Поэтому члены высшихъ отдѣленій были неизвѣстны членамъ низшихъ и въ то время, какъ верхніе наблюдали за нижними раздѣленіями, свѣдѣнія послѣднихъ распространялись только на ближайшихъ соучастниковъ. Если затѣмъ община или округъ были бы открыты, то это не влекло за собою паденія всего союза. Высшее отдѣленіе сверхъ того могло непосредственно отъ себя посылать эмиссаровъ въ различныя части Польши и учреждать отдѣльныя общества. Однимъ словомъ, власть его была велика и основывалась на той особенности человѣческой натуры, что человѣкъ тѣмъ охотнѣе повинуется неизвѣстнымъ властямъ, чѣмъ плотнѣе завѣса скрывающая ихъ, и чѣмъ болѣе остается простора для воображенія (*). Предсѣдателемъ временнаго главнаго отдѣленія въ Варшавѣ, былъ избранъ государственный секретарь Виржболовичъ, членами: Лукашинскій, Козаковскій, Прондзинскій, Моравскій,

(*) Мохнацкій I, стр. 374.

Шредеръ, Кичинскій и Собанскій, коего мѣсто впослѣдствіи заступилъ подполк. генеральнаго штаба Махницкій. Объ окончательномъ выборѣ верховнаго управленія для общества, члены были различнаго мнѣнія; одни, какъ Пронзинскій и Моравскій, хотѣли препоручить его одному изъ провинціальныхъ отдѣленій; другіе, въ особенности Лукашинскій и Махницкій, какому-либо извѣстному генералу и обратили вниманіе на Княжевича, удалившагося тогда въ Дрезденъ. Такъ вскорѣ послѣ ихъ основанія распались національныя массонскія ложи, дабы перейти въ болѣе опасный союзъ. Уминскій былъ главнымъ виновникомъ этого преобразованія, и учрежденія центральнаго отдѣленія. Еще много времени прошло въ совѣщаніяхъ о статутахъ общества; а между тѣмъ въ странѣ всѣми средствами старались распространить его. Полк. Оборскій былъ посланъ въ Литву, гдѣ онъ посвятилъ въ тайну общества, бывшаго губернскаго маршала (предводителя дворянства) Ромера; Собанскій былъ посланъ на Волынь и въ Подолію, гдѣ имѣлъ помѣстья; Уминскій отправился обратно въ Познань; Лукашинскій взялъ на себя распространеніе общества въ арміи, другіе въ остальныхъ провинціяхъ.

Посольства этихъ людей не остались безъ успѣха: скоро и въ этихъ мѣстностяхъ образовались тайныя политическія общества, бывшія болѣе или менѣе въ связи съ патріотическимъ союзомъ въ Варшавѣ. Такъ: Ромеръ, Гружевскій, Солтанъ, Бялозоръ основали союзъ въ Литвѣ; на Волыни: Тарновскій, Дзеконскій, Карвицкій, Ворчель; въ Подоліи и Украйнѣ: Собанскій, Мошинскій, Чижевскій, Шарковскій, Казиміръ Пулавскій и другіе.

Кромѣ названныхъ союзовъ, составлявшихъ развѣтвленія патріотическаго общества, въ слѣдствіе уже разъ даннаго толчка, образовались многіе другіе, всѣ вмѣстѣ имѣвшіе одну цѣль: предуготовить всеобщее возстаніе. Въ Варшавѣ, кромѣ вышепомянутаго общества Броникowскаго, возникло еще второе общество, основателями котораго были: Гофманъ, Кунатъ и Заборовскій; и третье «Друзей» («der freunde»), основанное Мауершпергомъ и Шкальскимъ; наконецъ общество студентовъ

подъ названіемъ: «Польша» (Полонія) распространившееся изъ Варшавскаго университета на университеты: Краковскій, Берлинскій и Бреславльскій (*); въ то же время Занъ основалъ въ Вильнѣ общество Проминистовъ (Strahlenden). — Такимъ образомъ, длинная сѣть тайныхъ союзовъ и обществъ распространилась по всему прежнему польскому королевству.

Но не одна Польша, почти всѣ Европейскія государства скрывали тогда въ своихъ нѣдрахъ подобныя тайныя общества: повсюду съ невѣроятною дѣятельностью составлялись заговоры, подканывалась почва подъ ногами правительствъ и предуготовлялся совершенный переворотъ всѣхъ прежнихъ учрежденій и существующаго порядка вещей. Повсюду правительства были вынуждены принимать мѣры предосторожности для противодѣйствія этимъ тайнымъ кознямъ. Онѣ заключались частію въ совершенномъ запрещеніи всѣхъ тайныхъ обществъ, хотѣвшихъ такъ сказать образовать государство въ государствѣ, частію въ введеніи болѣе или менѣе строгой цензуры, такъ какъ заговорщики особенно старались дѣйствовать на народъ посредствомъ популярныхъ книгъ, пѣсень, рѣчей и прокламацій. Такъ и въ Польшѣ предварительно была вновь введена цензура, а 6 ноября 1821 года было объявлено повелѣніе Императорскаго Намѣстника, воспрещающее всѣ тайныя общества. Но это воспрещеніе, вмѣсто того чтобы остановить отъ дальнѣйшихъ присоединеній къ обществамъ, какъ бы раздражая преступленіе, казалось еще болѣе возбуждало къ нему. Скоро и само правительство убѣдилось въ продолженіи существованія этихъ обществъ и 8 іюля 1822 г. назначило нарочную коммиссію для изслѣдованія происхожденія, распространенія и цѣли ихъ. Эта коммиссія скоро напала на вѣрные слѣды.

Польскія общества, какъ получившія вѣроятно первый толчокъ изъ заграницы, старались съ своей стороны, вступить въ тѣснѣйшую связь съ тамошними обществами, для чего были посланы въ разныя страны эмиссары. Въ началѣ 1822 г. былъ отправленъ въ Парижъ нѣкто Адольфъ Скоржевскій, за которымъ

(*) Подробности объ этихъ двухъ послѣднихъ можно видѣть въ «Исторіи тайныхъ обществъ новѣйшихъ временъ» (Лейпц. 1851 г.)

вскорѣ послѣдовалъ туда же капитанъ Карскій. Карскій возвратился въ апрѣлѣ и въ дружескомъ письмѣ увѣдомлялъ другаго посвященнаго въ тайну, калишскаго казначейскаго чиновника Добржицкаго, о послѣдствіяхъ своего посольства. Но едва прибылъ онъ къ границамъ Польши, какъ по предостерегательному извѣщенію изъ Парижа, былъ арестованъ и при немъ было найдено сказанное письмо, еще не отправленное имъ. Оно послужило къ нѣкоторымъ указаніямъ. Онъ разсказывалъ въ немъ, «что не могъ въ Дрезденѣ говорить съ генераломъ «Уминскимъ, почему и не знаетъ имѣлъ ли онъ свиданіе съ англійскимъ посланникомъ. Что въ Парижѣ онъ отыскалъ Скоржевскаго, вручилъ ему письма и предназначенныя къ печати «журналныя статьи и извѣстилъ его обо всѣхъ перемѣнахъ, «происшедшихъ въ обществѣ. Скоржевскій надѣялся вначалѣ «узнать многое о французскихъ тайныхъ обществахъ чрезъ «депутата Этіенна, но впослѣдствіи нашелъ болѣе затрудненій «нежели ожидалъ и наконецъ при отъѣздѣ Карскаго признался «что на Французовъ нельзя разсчитывать, хотя у нихъ множество карбонаріевъ и волненіе такъ велико, что онъ сомнѣвается, будетъ ли правительство въ состояніи совладать съ «нимъ.» Онъ заключалъ извѣщеніемъ, что Скоржевскій, въ письмѣ къ генералу Княжевичу въ Дрезденъ сговорился, поддерживать чрезъ него связь съ прусскою партіею. Уже прежде, при закрытіи массонскихъ ложъ, напали на слѣды національныхъ массоновъ, но не преслѣдовали ихъ. Когда же во время Неаполитанской революціи, обѣщавшей общую войну, Лукашинскій считавшій себя достаточно сильнымъ, дѣлалъ приготовленія къ открытому волненію, правительство было на сторожѣ. Заговорщики выжидали для возстанія только удаленія генерала Ермолова, долженствовавшаго отправиться съ 100.000 ч. въ помощь Австрійцамъ въ Италію. Великій Князь приказалъ позвать къ себѣ Лукашинскаго и допрашивалъ его, но какъ онъ отрекся отъ всего, то и былъ опять освобожденъ. Но теперь, вслѣдствіе письма Карскаго, обнаружилось болѣе доказательствъ; слѣды вели все явственнѣе къ широко-развѣтвленному тайному союзу. Къ тому присоединились еще другія

сновавія. Полковникъ Шнейдеръ, посвященный въ заговоръ, былъ обвиненъ въ двоеженствѣ. Дабы спасти себя, онъ, взамѣнъ прощенія, обѣщалъ сдѣлать важныя открытія и будучи обнадеженъ въ этомъ, обнаружилъ все, что зналъ о національныхъ массонахъ и доказалъ справедливость своихъ признаній бумагами, отданными ему для отправленія въ Калишъ.

Слѣдствіемъ сего были многіе аресты и между ними многихъ начальниковъ и соучастниковъ патріотическаго союза. Маіоръ Лукашинскій, подполковникъ Доброгайскій, чиновникъ казначейства въ Калишѣ Добржицкій, подполковники: Махницкій и Пронзинскій, адвокатъ Шредеръ, журналистъ Адольфъ Чиховскій и засѣдатель суда Кошутскій были взяты подъ стражу; одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ, Федоръ Моравскій, успѣлъ бѣжать за границу. Также точно и въ Пруссіи были арестованы генералъ Уминскій и нѣкоторые другіе участники этихъ волненій. Розыски продолжались почти два года. Но все же обвиненнымъ удалось скрыть отъ слѣдовательной коммиссіи существованіе патріотическаго союза, и она открыла только національныхъ массоновъ. Уже гораздо позже удостовѣрились, что эти лица были въ то же время членами патріотическаго общества.

Эти розыски вначалѣ распространили большое замѣшательство между участниками общества; изъ боязни открыть тайну, или навлечь на себя какое-либо подозрѣніе, они начали старательно избѣгать другъ друга; центральное отдѣленіе, коего члены были взяты подъ стражу или обратились въ бѣгство, не существовало болѣе: и короче, казалось что общество совершенно рушилось. Но какъ нѣкоторые не были арестованы, чего они однако весьма опасались, а труды слѣдственной коммиссіи затянулись безъ вредныхъ послѣдствій для нихъ, то они вновь были ободрены; молчаливость тѣхъ, которые были призваны къ суду, внушила имъ еще болѣе увѣренности и они снова взялись за прежніе козни, и начали принимать новыхъ членовъ, хотя съ соблюденіемъ величайшихъ мѣръ предосторожности. Къ числу принятыхъ въ это время (въ 1821, 1822 и 1823 годахъ) принадлежали, кромѣ гр. Ворчеля и Осолинскаго между

*

прочимъ и тѣ восемь, коихъ дѣло впослѣдствіи было передано суду сейма, именно: подполковникъ Северинъ Кржижановскій сенаторъ кастелянъ гр. Станиславъ Солтыкъ, ротмистръ Францъ Маевскій, священникъ Дембекъ, чиновники Государственнаго совѣта: Альбертъ Гржимайла, Андрей Плихта и гр. Романъ Залускій и наконецъ коммисаріатскій чиновникъ Заблоцкій. Новыхъ членовъ увѣряли, что общество расчитываетъ на возстаніе націи цѣлою массою, равно какъ и на непремѣнное содѣйствіе войска и значительныхъ особъ въ Варшавѣ. Управленіе приняли на себя Кржижановскій, Андрей Плихта и Альбертъ Гржимайла, которые болѣе заботились о спасеніи, чѣмъ о дальнѣйшемъ распространеніи общества, почему и допускали принятіе новыхъ членовъ не иначе какъ по личнымъ ихъ разрѣшеніямъ. Они болѣе своихъ предшественниковъ обращали вниманія на внутреннее развитіе общества во всѣхъ частяхъ страны. Кржижановскій, принятый еще самимъ Лукашинскимъ въ 1821 году, замѣнилъ его между военными: умный, ловкій, привлекательной наружности, онъ былъ какъ бы сотворенъ для того, чтобъ быть главою партіи. Онъ старался преимущественно дѣйствовать на молодыхъ офицеровъ, увѣренный, что молодость и честолюбіе прежде всего можно склонить къ сумасбродномъ предпріятіямъ; онъ учредилъ въ различныхъ полкахъ общины, долженствовавшія исподволь распространять духъ мятежа въ цѣломъ полку, дабы можно было съ увѣренностью располагать войсками, когда дойдетъ до возстанія. Всѣ высшіе и старѣйшіе офицеры были исключены; ихъ зрѣлой проницательности и опытности не довѣряли, и на нихъ не такъ легко можно было имѣть вліяніе, какъ на молодые, пылкіе умы. Плихта завязалъ сношенія съ чиновниками и молодыми людьми высшаго сословія; Гржимайла также обратилъ вниманіе на достаточныхъ или вліятельныхъ людей и ввелъ въ общество молодаго князя Яблоновскаго. Кржижановскій, человѣкъ живаго темперамента, часто предлагалъ начать дѣйствовать; Плихта, не смотря на свою молодость, болѣе умѣренный, умѣлъ обуздать его рвеніе и совѣтывалъ прежде всего осторожность; Гржимайла склонялся, смотря по обстоятельствамъ, то на ту, то на другую сторону,

и въ особенности настаивалъ на улучшеніяхъ въ самой организаціи движенія.

Въ провинціяхъ же непременно хотѣли знать, кто были тайные начальники, ожидая, какъ и увѣряли Кржижановскій, Плихта и Гржимайла, «что за ними скрываются знатные люди». Густавъ Малаховскій первый открылъ несправедливость этого увѣренія, и убѣжденный въ необходимости, поставить въ главѣ имя любимое народомъ, онъ собралъ въ Варшаву, въ апрѣлѣ 1823 года, депутатовъ изъ разныхъ провинцій для тайнаго совѣщанія. Тамъ были избраны члены новаго центральнаго отдѣленія болѣе многочисленнаго нежели бывшее до-сихъ-поръ и въ главѣ его поставленъ семидесятипятилѣтній старецъ, кастелянъ тр. Станиславъ Солтыкъ, племянникъ извѣстнаго своимъ фанатизмомъ епископа того же имени, и подобно ему заклятый врагъ Русскихъ.

Кромѣ его и бывшихъ до того времени трехъ вождей, были назначены членами высшаго отдѣленія: Густавъ Малаховскій, Антонъ Яблоновскій и священникъ Дембекъ. Солтыкъ вмѣстѣ съ ненавистью къ Русскимъ, принесъ опытность продолжительной и тревожной жизни; подъ его управленіемъ совѣщанія были многочисленнѣе и правильнѣе. Съ тѣхъ-поръ онъ, Кржижановскій и Яблоновскій образовали средоточіе общества. Но и Солтыкъ также не удовлетворялъ требованіямъ тѣхъ, которые искали неизвѣстнаго высшаго главу, а потому онъ принужденъ былъ объявить наконецъ, «что и выше его есть нѣкто, котораго онъ не смѣетъ назвать.» Не разъяснено, на сколько тутъ было правды.

На происходившихъ конференціяхъ было рѣшено обратить особенное вниманіе на настроеніе молодежи въ школахъ, способствовать всѣми средствами развитію національнаго духа и вновь дѣятельнѣе хлопотать о распространеніи общества. Литовскимъ ложамъ препоручили стараться добыть свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ въ Курляндіи, Пруссіи и Россіи; извѣстить, какіе запасы оружія заключаетъ въ себѣ Виленскій арсеналъ, такъ какъ въ свое время, необходимо было овладѣть

имъ и наконецъ ревностнѣе стараться объ увеличеніи числа членовъ.

Чрезъ Яблоновскаго, который вмѣстѣ съ Оссолинскимъ и Малаховскимъ частыми поѣздками поддерживалъ связь столицы съ провинціями, получены были первыя свѣдѣнія о существовавшихъ тогда въ русской южной арміи тайныхъ обществахъ молодыхъ офицеровъ; рѣшено было вступить съ ними въ связь. Въ январѣ 1824 г. Кржижановскій поѣхалъ на контракты (ярмарка) въ Кіевъ, съ порученіемъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія о русскихъ обществахъ. Чрезъ посредство гр. Александра Ходкевича онъ вступилъ въ сношенія съ подполк. Сергѣемъ Муравьевымъ и поручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Сначала они испытывали обоюдно другъ друга, потомъ сблизились, и наконецъ уже открыто договаривались, причемъ однако каждая партія имѣла свои затаенныя мысли. Русскіе признались откровенно, «что ихъ цѣль есть перемѣна правительства, для чего они завели сношенія во всѣхъ армейскихъ корпусахъ, что они готовы предоставить Полякамъ независимость и извѣстныя части земли, но за это, ожидали отъ нихъ помощи и содѣйствія въ ихъ предпріятіяхъ, успѣхъ коихъ долженъ былъ имѣть одинаково важное значеніе для обѣихъ сторонъ, преимущественно же обезоруженія, или по-крайней мѣрѣ удержанія въ бездѣйствіи Литовскаго армейскаго корпуса, въ которомъ они не имѣли связей». Кржижановскій выказалъ себя болѣе скрытнымъ, обѣщалъ въ-половину и объявилъ, что онъ не имѣетъ ни полномочій ни правъ, для того чтобы заключить окончательное соглашеніе, такъ какъ цѣль его пріѣзда состояла только въ установленіи дружественной связи между обоими обществами. На наивное предложеніе Муравьева «прекратить между двумя народами всякую національную вражду», онъ отвѣчалъ уклончиво, «что трудно будетъ внушить Полякамъ довѣріе къ Русскимъ и что это нужно предоставить времени». За тѣмъ обоюдно разпрашивали о предполагаемой формѣ правленія. Бестужевъ восхвалялъ американкую, подобную которой они думали ввести въ Россіи и убѣждалъ принять таковую же въ Польшѣ. Подобная странная идея могла только прійти въ головы молодыхъ энтузіа-

стовъ, знавшихъ только по наслышкѣ какъ ту страну, которую они брались преобразовывать, такъ и ту, учрежденіямъ которой хотѣли подражать. Кржижановскій показалъ себя осторожнѣе, отвергъ эту идею и упрекнулъ Русскихъ въ чрезмѣрномъ энтузіазмѣ, на что Бестужевъ отвѣчалъ: «безъ энтузіазма ни-«что великое не можетъ быть совершено». Окончательнымъ результатомъ было увѣреніе Кржижановскаго что «русское об-«щество можетъ расчитывать на содѣйствіе польскаго, какъ скоро «между управленіями обоихъ будетъ сдѣлано необходимое согла-«шеніе». На будущее время обоюдныя сношенія должны были происходить чрезъ посредство Гродецкаго. Такъ разстались эти офицеры, хотѣвшіе рѣшить судьбу 50 милліоновъ человѣкъ. Какъ мало довѣрія внушали молодые Русскіе пожилому проницательному Кржижановскому, доказалъ онъ по своемъ возвращеніи въ Варшаву, гдѣ, отдавая Солтыку отчетъ въ своемъ порученіи, не совѣтовалъ болѣе сближаться съ Русскими. Была ли это осторожность, или дѣйствіе національной антипатіи, или недовѣріе успѣху предпринятаго Русскими дѣла?

Между тѣмъ слѣдственная коммиссія привела къ окончанію свои занятія въ іюнѣ 1824 г. и шесть важнѣйшихъ членовъ національнаго общества массоновъ, именно: Лукашинскій, Доброгайскій, Добржицкій, Махницкій, Кошутскій и Шредеръ были преданы военному суду, президомъ котораго былъ военный министръ Гауке, а однимъ изъ засѣдателей генер. Блюмеръ. Судъ присудилъ Лукашинскаго на девять, а Доброгайскаго и Добржицкаго на шесть лѣтъ заключенія въ крѣпость; срокъ этотъ милостью Государя сокращенъ двумя годами. Другіе по недостатку законныхъ доказательствъ освобождены отъ наказанія и только отданы подъ надзоръ полиціи. Всѣ остальные члены общества, не принимавшіе дѣйствительнаго участія въ предпріятіи были освобождены. Такъ избѣгнулъ патріотическій союзъ висѣвшей надъ нимъ опасности быть открытымъ, почерпнулъ новую бодрость и съ большою увѣренностію предался прежнимъ волненіямъ.

Въ слѣдующемъ году (1825) кн. Яблоновскій получилъ порученіе продолжать переговоры съ Русскими на Кіевскихъ

контрактахъ. Вскорѣ послѣ него, по случаю смерти своего отца прибылъ туда и Кржижановскій, но предоставилъ одному кн. Яблоновскому вести переговоры съ русскими депутатами. Вслѣдъ засимъ этотъ послѣдній имѣлъ совѣщаніе съ Пестелемъ и княземъ Сергѣемъ Волхонскимъ. Предметомъ ихъ переговоровъ было тоже, что и въ предъидущемъ году. Пестель началъ разговоръ, превознося силу и развитіе русскаго союза и желалъ узнать отъ Яблоновскаго, въ чемъ заключались намѣренія Поляковъ. «Средины не существуетъ, сказалъ онъ, вы «должны быть за насъ, или противъ насъ.» Кн. Яблоновскій, не столь проницательный, какъ Кржижановскій и гораздо рѣшительнѣе въ своихъ объясненіяхъ, отвѣчалъ: «Единственная «цѣль патріотическаго союза есть независимость Польши и «достиженіе границъ, какія она имѣла до втораго раздѣла; для «достиженія этого всѣ они готовы принести величайшія жертвы.» Когда Пестель согласился на эти требованія и началъ распрашивать объ учрежденіяхъ, которыя предполагалось ввести въ Польшѣ, Яблоновскій объявилъ, «что хотя на этотъ счетъ «ничего не опредѣлено, но что онъ лично стоитъ за консти«туціонную монархію.» Пестель оспаривалъ его, опять превознося выгоды американскихъ учрежденій; но Яблоновскій отвѣтилъ, что ихъ союзъ не желаетъ республики и отклонилъ всякое вмѣшательство Русскихъ въ дѣла Польши, такъ какъ, въ противномъ случаѣ Поляки предпочтутъ повиноваться общему Государю. Далѣе онъ признался: «что Поляки ни какъ не думаютъ «возстать такъ скоро, ибо въ настоящее время состояніе Ев«ропы не обѣщаетъ выгодныхъ послѣдствій; до-сихъ-поръ, они «ограничиваются предуготовленіемъ средствъ для дѣйствія и «сохраненіемъ національнаго духа, съ тѣмъ чтобы воспользо«ваться первымъ удобнымъ случаемъ для выполненія своихъ «намѣреній. И, присовокупилъ онъ, для Польши не можетъ «быть болѣе удобнаго случая, какъ революція вспыхнувшая въ «Россіи, потому, собственные интересы Поляковъ должны ру«чаться за ихъ искреннее содѣйствіе въ этомъ случаѣ.» Наконецъ, какъ и въ прежнихъ переговорахъ съ Кржижановскимъ, разсуждали о мѣрахъ для задержанія въ Варшавѣ Великаго

Князя Константина Павловича, когда дѣло дойдетъ довозстанія. О судьбѣ опредѣленной ему и Царской фамиліи, послѣдующія показанія заговорщиковъ были неопредѣленны и противорѣчащи. Впрочемъ и теперь не было заключено никакого ближайшаго соглашенія; съ обѣихъ сторонъ ссылались на рѣшеніе дирекцій и опредѣлили путь для дальнѣйшихъ сношеній. Новый съѣздъ былъ условленъ на контракты слѣдующаго года (1826.) Въ этомъ же году начались ближайшія сношенія съ другимъ обществомъ «Тамплiеровъ», учрежденнымъ на Волыни ротмистромъ Маевскимъ и имѣвшимъ частію мистическую, частію политическую цѣль. Вѣрнѣйшимъ помощникомъ и совѣтчикомъ Маевскаго былъ подполк. Лаговскій, игравшій впослѣдствіи нѣкоторую роль во время революціи.

При самомъ началѣ патріотическаго общества, учредители и члены его выказали на ряду съ большимъ энтузіазмомъ и большое ослѣпленіе (*). Происшествія въ Испаніи и Неаполѣ разжигали ихъ еще болѣе. Уминскій требовалъ введенія конституціи 3-го мая, и говорилъ о всеобщемъ возстаніи; другіе полагали возложить корону на Великаго Князя Константина Павловича; Лукашинскій и Махницкій увѣряли, что безъ содѣйствія одного изъ трехъ государствъ, соединеніе всѣхъ частей Польши было невозможно, нѣкоторые опять утверждали, что какъ только Россія будетъ вовлечена въ какую либо опасную войну, то нужно было войдти въ соглашеніе съ ея противникомъ, и взяться за оружіе. Требовали возстанія всею массою, но такъ какъ народъ казалось мало былъ расположенъ къ сему, то всю надежду возлагали на армію.

Впослѣдствіи столь извѣстный Лелевель, принятый Плихтою, также принадлежалъ къ обществу и былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ его членовъ; но при розыскахъ будучи крайне остороженъ въ своихъ показаніяхъ онъ умѣлъ счастливо вывернуться, увѣряя: «что ему сказали, что подъ общими выраженіями «о независимости и освободѣ, цѣлью общества было сохранить

(*) Рѣзкою характеристическою чертою можетъ служить то, что въ одной изъ многочисленныхъ клятвъ, предлагаемыхъ вновь вступающимъ въ общество, было также обязательство: «одному не поддаваться тремъ.»

«народный духъ въ странахъ подпавшихъ подъ власть чужихъ государствъ хотя правда и съ намѣреніемъ, дабы они могли когда-нибудь быть вновь присоединены къ королевству.» Въ немъ чтили ученаго и отпустили безъ дальнѣйшихъ развѣдываній, дабы вскорѣ послѣ сего видѣть его однимъ изъ главнѣйшихъ предводителей заговорщиковъ. Вообще можно замѣтить, что большая часть лицъ замѣшанныхъ въ этихъ волненіяхъ, не смотря на оказанную имъ милость, впослѣдствіи при революціи, играли главнѣйшія роли.

Какъ мы видѣли, чрезъ признанія русскихъ заговорщиковъ были открыты первые слѣды этого политическаго союза. Назначенная для изслѣдованія коммиссія, состояла частію изъ Русскихъ, частію изъ Поляковъ, такъ какъ она должна была производить свои розыски не только въ Царствѣ, но и въ Русско-польскихъ провинціяхъ. Въ составъ ея входили сенаторы: гр. Станиславъ Замойскій, какъ президентъ, гр. Станиславъ Грабовскій, гр. Францъ Грабовскій, артиллерійскій генералъ и военный министръ гр. Гауке, дивизіонный генералъ Раутенштраухъ, съ польской стороны, и тайный совѣтникъ Новосильцовъ, ген.-лейтенантъ гр. Курута, дѣйствительный статскій совѣтникъ бар. Моренгеймъ, генералъ м. Кривцовъ и капитанъ-командоръ Колзаковъ-съ русской стороны. Послѣ самыхъ дѣятельныхъ трудовъ продолжавшихся почти цѣлый годъ, эта коммиссія, изложила результаты своихъ изслѣдованій въ донесеніи Великому Князю, впослѣдствіи напечатанномъ.(*) Такъ какъ скорое рѣшеніе казалось желательнымъ и такъ какъ большая часть заговорщиковъ состояла изъ военныхъ, то Великій Князь предложилъ судить ихъ военнымъ судомъ; но Государь, желавшій точно соблюсти всѣ законныя формы, препоручилъ произнесеніе приговора сенату, какъ высшему государственному судилищу по преступленіямъ оскорбленія Величества. По польскому уголовному кодексу считаются государственными преступленіями всѣ заговоры,

(*) Rapport du comité d'enquête à S A. I. le Grand Duc Constantin à Paris 1827. Самъ Мохнадкій (1, 484) соглашается, что слѣдовательная коммиссія, не смотря на всѣ утайки, собрала достаточно фактовъ, для того чтобы возвести на эшафотъ не одного изъ обвиненныхъ.

имѣющіе цѣлью: перемѣнить царствующую династію, свергнуть или измѣнить правленіе или конституцію страны, каждая измѣна отечеству съ намѣреніемъ возбудить внѣшнюю опасность или увеличить ее. Въ данномъ случаѣ цѣль общества была возстановленіе старой Польши, потому что члены его должны были клясться употребить всѣ силы для возрожденія ихъ несчастной, но любимой матери, и жертвовать для сего имуществомъ и жизнію. Но прежнее политическое состояніе отечества нельзя было возстановить не измѣняя настоящаго, т. е. безъ перемѣны династіи, безъ измѣненія существующаго правленія, безъ ниспровержения или преобразованія конституціи. Стремленіемъ, распространить ихъ союзъ, вездѣ гдѣ-говорилось по польски заговорщики вовлекали свое отечество также и во внѣшнюю опасность. По собственному признанію арестованныхъ, они имѣли цѣлью произвести возстаніе всею массою, ввести конституцію 3 мая, и наконецъ поднять оружіе противъ Россіи, какъ скоро она будетъ вовлечена въ опасную войну. Невозможно возражать на это, что они не привели въ исполненіе свои планы; это не отъ нихъ зависѣло: въ государственныхъ преступленіяхъ наказывается главное не исполненіе, но задуманное предпріятіе (*).

Сенатъ началъ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго воеводы сенатора, гр. Петра Бѣлинскаго, человѣка стараго, слабаго, отнюдь не соотвѣтствовавшаго столь важному назначенію, и постоянно бывшаго игрушкою въ рукахъ болѣе способныхъ людей. Онъ не имѣлъ ни необходимыхъ познаній

(*) Nam cetera maleficia tum persequare, ubi facta sunt: hoc nisi vrovideris, ne accidat, ubi evenit, frustra judicia implores. Capta urbe nihil fit reliqui victis— говоритъ Катонъ столь же выразительно какъ и справедливо въ разсужденіи о Катилинѣ. Другаго рода преступленія могли бы быть наказаны только въ такомъ случаѣ, если бы они дѣйствительно совершились; но здѣсь наказанію не можетъ препятствовать то обстоятельство, что преступленіе не совершилось, ибо если бы допустить разъ его совершеніе, то будетъ уже поздно обращаться къ судилищамъ. Когда государство ниспровергнуто то тѣмъ, которые претерпѣли отъ того, была бы совершенно напрасно разсчитывать на какое нибудь правосудіе.—Салюстій, Катилина, 52.

законовъ, ни остраго разсудка, потребнаго для того чтобы слѣдить за теченіемъ запутанныхъ судебныхъ преній и въ короткихъ выраженіяхъ резюмировать ихъ результатъ. Собственно президентомъ сената былъ гр. Станиславъ Замойскій и конечно онъ былъ болѣе способенъ для этого мѣста; но такъ какъ онъ былъ членомъ слѣдственной коммиссіи, то для отвращенія всякихъ жалобъ ему не слѣдовало быть судьею. Взоры всей страны были устремлены на это высшее государственное судилище: но по многимъ причинамъ его приговоръ легко было предвидѣть. Три побудительныя обстоятельства имѣли на него могущественное вліяніе: вопервыхъ, извѣстный духъ опозиціи овладѣвшій по разъясненнымъ уже причинамъ высшимъ обществомъ и оказавшій дѣйствіе и на сенаторовъ; затѣмъ тайное участіе къ обвиненнымъ бывшимъ отчасти въ родствѣ и дружбѣ съ судьями и имѣвшимъ тѣже цѣли исполненія, которыхъ сами судьи желали въ глубинѣ своей души; и наконецъ въ-третьихъ, общественное мнѣніе, которое живѣйшимъ образомъ и безъ всякаго лицемѣрія принимало участіе въ осужденныхъ. Оно во всевозможныхъ формахъ высказывалось въ ихъ пользу: на ихъ дѣло взирали какъ на польское національное дѣло; вѣдь они составили заговоръ за Польшу противъ Россіи. Всѣми средствами старались подѣйствовать на сенаторовъ и внушить имъ тѣже чувства; во всѣхъ обществахъ пріемъ былъ разсчитанъ смотря потому, чего отъ нихъ ожидали: отталкивая тѣхъ, на которыхъ мало надѣялись, предупредительно льстя всѣмъ, на которыхъ разсчитывали. Особенно женщины всѣми данными имъ природой средствами старались имѣть вліяніе на судей. Наконецъ народъ открытымъ и сильнымъ обнаруживаніемъ своихъ мнѣній, хотѣлъ напугать сенаторовъ: казалось вся Варшава ожидала изъ ихъ устъ приговора польской національности. Много ли нашлось бы людей, чтобы устоять противъ столькихъ моральныхъ вліяній, лести, надежды и страха? Сенаторы не принадлежали къ числу такихъ людей, и хотя преступленіе оскорбленія Величества было довольно ясно, они освободили обвиненныхъ.

Только одинъ голосъ, ген. Викентія Красинскаго, пытал-

ся говорить по внутреннему убѣжденію и осуждалъ ихъ. Этимъ навлекъ онъ на себя непримиримую ненависть и съ-тѣхъ-поръ была рѣшена его погибель. При этомъ еще разъ обнаружилось, что революціонеры требуютъ свободы, независимости и равенства на столько, на сколько они служатъ въ ихъ пользу; но когда противная сторона настаиваетъ на такихъ же требованіяхъ, они поднимаютъ гнѣвный крикъ и съ бѣшеною ненавистью преслѣдуютъ тѣхъ, кто хочетъ доказать независимость своего характера и своихъ мнѣній. Тѣмъ большаго уваженія заслуживаетъ человѣкъ, отваживавшійся судить по своей совѣсти, а не по видамъ партій. Можетъ быть многіе думали одинаково съ ген. Красинскимъ, но, страшась мести, ни одинъ не отваживался говорить такъ какъ онъ (*). Великій Князь, видѣвшій на мѣстѣ всѣ приведенныя въ движеніе тайныя пружины, дабы достигнуть подобнаго приговора, жаловался въ Петербургѣ на высказанное при этомъ случаѣ подозрительное рѣшеніе сенаторовъ, бывшее только отчасти слѣдствіемъ ихъ слабости; по этому Государь отдалъ приговоръ для разсмотрѣнія совѣту управленія, и желалъ знать, дѣйствительно ли онъ былъ слѣдствіемъ неправильнаго взгляда на государственныя преступленія какъ предполагали въ его оправданіе. Два мѣсяца продолжались пренія и при этомъ случаѣ произошелъ достопамятный споръ между русскимъ коммисаромъ Новосильцовымъ и кн. Любецкимъ, изъ коихъ первый обвинялъ, второй оправдывалъ. Любецкій одержалъ побѣду. Приговоръ высшаго суда заклю-

(*) Мы можемъ показать примѣръ, какъ далеко заходитъ страсть къ клеветѣ у революціонныхъ писателей во всемъ что относится до Польши. Возникъ вопросъ: могутъ ли епископы, члены сената, быть допущенными въ составъ судилища, такъ какъ можно было ожидать произнесенія смертнаго приговора. Рѣшили утвердительно, основываясь на папской булѣ 1603 года, дающей это право польскимъ епископамъ. Революціонеры, старавшіеся очернить все происходившее отъ правительства, тотчасъ стали распространять что: «только потому и настаивали на присутствіи епископовъ въ судѣ, чтобы съ помощію преданнаго духовенства легче достигнуть смертнаго приговора.» Но нужно замѣтить, что, во-первыхъ, духовенство уже по своему званію скорѣе чѣмъ свѣтскіе судьи склонно къ мягкимъ приговорамъ, а во-вторыхъ, что католическое духовенство, никакъ не было такъ слѣпо предано Русскому правительству, какъ хотѣли увѣрить всѣхъ клеветники.

чался въ слѣдующемъ: «Сенатъ, по несовершенству законовъ, не могъ произнести другаго приговора.» Засимъ послѣдовало освобожденіе заточенныхъ (*).

Во время этого достопримѣчательнаго процесса — страхъ, трепетъ и волненіе царствовали по всей странѣ. Надъ столькими головами на волоскѣ висѣлъ мечъ, столькимъ говорила совѣсть, что ихъ безопасность зависитъ единственно отъ молчаливости ихъ заточенныхъ сообщниковъ; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что многіе и даже можетъ быть, важнѣйшіе вожди и участники остались неизвѣстными, что доказывается продолженіемъ существованія общества и тѣмъ, что оно по прежнему стремилось къ осуществленію своихъ замысловъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Польшѣ, когда Россія была вовлечена въ войну съ Турціею. Уснувшія надежды заговорщиковъ воскресли: только при войнѣ, при смутности отношеній въ Европѣ, они могли надѣяться на успѣхъ. Волненія сдѣлались сильнее въ особенности между университетскою и военною молодежью. Въ это время, вслѣдствіе временныхъ обстоятельствъ, независимо отъ прежнихъ заговоровъ, образовался еще одинъ, полупорщиковъ, составленный молодыми людьми, которые, именно потому что ничего не разсчитывали и ни въ чемъ не сомнѣвались, скорѣе привели дѣло къ рѣшенію, чѣмъ хладнокровные, осторожные или робкіе заговорщики патріотическаго союза. Каково было его происхожденіе и распространеніе и какъ, послѣ различныхъ колебаній, онъ перешелъ наконецъ, $^{29}/_{17}$ ноября въ открытое возмущеніе, мы увидимъ это въ слѣдующей главѣ.

Дойдя до того мѣста, гдѣ заговорщикамъ удалось ввергнуть

(*) Ревностный революціонеръ Мохнацкій говоритъ объ этомъ оправданіи слѣдующее. «Оно было такъ сказать торжественнымъ освященіемъ всѣхъ прежнихъ предпріятій и вмѣстѣ полномочіемъ для будущихъ заговоровъ и для всѣхъ попытокъ низпровергнуть правительство (I. 499); оно подвело подъ существующій порядокъ вещей мину, которая наконецъ необходимо должна была взорвать его на воздухъ, судъ сейма своимъ приговоромъ показалъ себя болѣе революціоннымъ, нежели самые революціонеры, которыхъ онъ судилъ (I. 537.) Съ этого времени духъ революціи былъ такъ сказать въ воздухѣ Польши (I. 499)» и т д.

Польшу изъ состоянія мира и спокойствія въ революцію и войну, да будетъ намъ позволено бросить взглядъ на положеніе Польши подъ владычествомъ Россіи. Мы увидимъ изъ него, въ какой мѣрѣ были справедливы и основательны распространяемые впослѣдствіи революціонерами слухи и разсказы о страшныхъ притѣсненіяхъ, которымъ она подвергалась. Не будемъ возвращаться ко времени существованія Польши какъ самостоятельнаго государства, въ которомъ анархія свинцовымъ гнетомъ тяготѣла надъ страною и народомъ, но если сравнить состояніе Польши непосредственно предъ вступленіемъ во владѣніе Русскихъ, съ позднѣйшимъ временемъ, то нельзя воздержаться отъ справедливаго удивленія тому, что было сдѣлано въ столь короткое время въ странѣ безусловно преданной запущенію. Даже природные Поляки выражаются объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Никогда Польша небыла такъ счастлива» говоритъ сочинитель описанія польской революціи, помѣщеннаго во многихъ журналахъ «какъ во времена Александра. Нужно только сравнить прошедшее съ настоящимъ, дабы убѣдиться «въ справедливости сего. Для Наполеона Варшавское герцогство было военнымъ депо, изъ котораго онъ набиралъ солдатъ для своихъ непрерывныхъ походовъ. Торговля, промышленность, благосостояніе гражданъ, не процвѣтали въ то время. Только военное министерство было въ безпрерывной дѣятельности для набора рекрутъ, снаряженія ихъ и доставленія въ распоряженіе протектора. Жители были удручены налогами, вынужденными пожертвованіями, неоплаченными поставками для своихъ и чужихъ войскъ. Польша была нѣчто въ родѣ форпоста французской арміи на сѣверѣ Европы. Бѣдность обывателей ни съ чемъ не могла сравниться: ни кто не думалъ ни объ украшеніи городовъ и селеній, ни объ устройствѣ дорогъ, ни о средствахъ облегчить жителямъ уплату податей или удовлетвореніи ихъ личныхъ нуждъ. Войска были бременемъ для народа и безпрестанно были посылаемы изъ одного мѣста въ другое для экзекуцій, дабы силою взыскивать подати и тѣмъ временемъ жить на счетъ обывателей. Финансы были истощены. Общая нужда поглощала капиталы частныхъ лицъ и кредитъ совершенно упалъ, потому

«что не было никакой надежды въ будущемъ, а настоящее по-
«ложеніе было бѣдственно. Походъ Наполеона противъ Россіи
«довершилъ несчастіе герцогства и отнялъ у него послѣдніе
«жизненные соки.» Для довершенія картины мы приводимъ
еще показанія другаго Поляка (*). «Эта бѣдная страна» гово-
рить онъ, «дошла въ то время до послѣдней ступени бѣдствій,
«всѣ мѣстности опустошены, города въ развалинахъ, всѣ имѣ-
«нія отягощены чрезвычайными долгами; большая часть вла-
«дѣльцевъ въ полномъ банкротствѣ; общественный кредитъ у-
«ничтоженъ, земледѣліе запущено, другія отрасли промышле-
«ности почти неизвѣстны, торговля въ застоѣ. Подати только
«частію, и то съ помощію строжайшихъ экзекуцій поступали
«въ общественныя кассы; финансы были въ такомъ жалкомъ
«положеніи, что, даже для покрытія необходимѣйшихъ потреб-
«ностей государства, финансовое управленіе должно уже было
«прибѣгнуть къ распоряженію капиталами отданными на сохране-
«ніе. На зовъ Александра возстала несчастная, осиротѣвшая Поль-
«ша, и съ первой минуты учрежденія королевства въ изобиліи из-
«лились на нее благодѣянія съ русскаго трона. Чужестранецъ,
«вступившій опять въ Польшу, не вѣрилъ своимъ глазамъ, видя
«перемѣны въ послѣдніе 15 лѣтъ. Варшава, имѣвшая прежде гряз-
«ный наружный видъ, сдѣлалась однимъ изъ лучшихъ городовъ
«Европы, украшенная новыми великолѣпными строеніями, ши-
«рокими чистыми улицами и площадями; всѣ города въ королев-
«ствѣ получили новый видъ; основались села и, что было не-
«слыхано въ Польшѣ, большіе дороги и мосты могли срав-
«ниться съ германскими. Фабрики и мануфактуры воскресли и
«удержались только выгодною торговлею съ Россіею, подъ покро-
«вительствомъ великодушнаго Монарха. Польша подъ Русскимъ
«скипетромъ была хороша организированною, промышленною
«страною, чего не было въ прежнее время. Отечественное, закон-
«но учрежденное правительство, въ главѣ котораго были мѣстные
«уроженцы пеклось о благосостояніи страны и о развитіи всѣхъ

(*) Замѣчанія о послѣдней польской революціи. Поляка. Берлинъ, 1830 ст. 30.

«сословій общества. Кредитъ былъ пробужденъ и учрежденіе «банковъ даровало промышленности новую жизнь. Города Поль- «ши соревнокали съ германскими въ промышленной дѣятельно- «сти, и въ то время, какъ половина жителей была занята фаб- «риками, мануфактурою и торговлею, другая питалась доходами «своихъ полей. Войска и чиновники имѣли обезпеченный до- «ходъ; бѣднымъ людямъ умѣли доставить пріютъ и помощь. «Справедливость и точность были введены въ судебныя па- «латы и во всѣ отрасли управленія. Польша была счастлива «во всѣхъ отношеніяхъ.»

Дабы отвратить всякое подозрѣніе въ пристрастіи этого изображенія, приведемъ слова еще третьяго Поляка, повсюду выказывающаго себя непримиримымъ врагомъ Русскихъ (*): «Дѣйствительно, говоритъ онъ, не нужно сравнивать положе- «ніе такъ называемаго Царства, основаннаго въ 1815 г., съ «положеніемъ большой Ягеллоновской республики, которую три «раза дѣлили. Повсюду былъ введенъ порядокъ достойный «удивленія. Армія получила совершенную организацію, крѣпо- «сти были вновь созидаемы, превосходныя столбовыя дороги «прорѣзали страну по всѣмъ направленіямъ. Заведены воен- «ныя школы и прекрасное гражданское управленіе. Прежде, для «защиты страны, бывшей болѣе Франціи, имѣли едва 30,000 «человѣкъ регулярныхъ войскъ, съ 1815 г. подъ ружьемъ бы- «ло 32,000 человѣкъ, а во время революціи, въ нѣсколько мѣ- «сяцевъ можно было довести силы арміи до 100,000 состава «хорошо организированнаго, дисциплинированнаго войска. Въ «1788 г. доходы республики были въ 80 милліоновъ польскихъ «злотыхъ (13½ милліоновъ прусскихъ талеровъ), а теперь они «простираются, въ странѣ, имѣющей едва пятую или шестую «часть тогдашняго пространства, болѣе чѣмъ до 100 милліоновъ «злотыхъ (16⅔ мил. прусскихъ талеровъ)» (**).

(*) Подчашинскій, въ Revue des deux mondes 1832 г. тетрд. IV стр. 319.

(**) По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Петербургской торговой газетѣ, доходы 1816 г. не простирались болѣе 24 мил. польскихъ злотыхъ; въ 1817 г. до 53 мил.

Такъ подъ управленіемъ Россіи мы видимъ Царство пробудившимся для новаго существованія: земледѣліе распространяется, торговля оживляется, мануфактуры и фабрики воскресаютъ, а съ ними трудъ и промышленная дѣятельность; множество заграничныхъ фабрикантовъ отправляются въ страну, гдѣ имъ облегчается поселеніе; города выходятъ изъ мусора, а селенія изъ ихъ тины и грязи; гдѣ прежде виднѣлись грязныя соломенныя крыши, взоръ пріятно поражаютъ кирпичныя, и вмѣсто того чтобы, какъ прежде, трястись по бревенчатой мостовой или тащиться по глубокимъ пескамъ, путешественникъ быстро катится по прекраснымъ дорогамъ. Каналы прокапываются, рѣки разчищаются и дѣлаются судоходными, сообщеніе облегчается лучшимъ устройствомъ почтъ. Царство въ прежнее время было ничто иное какъ обширное болото, прерываемое густыми лѣсами и песчаными равнинами; кой-гдѣ на возвышенныхъ мѣстахъ виднѣлись клочки обработанной земли, кой-гдѣ возвышались кучки разбросанныхъ соломенныхъ шалашей, которые назывались селами, и другіе, немного получше первыхъ, которые назывались мѣстечками и городами. Посреди ихъ можно было видѣть или ободранное еврейское населеніе съ жадными взглядами, или бѣдствующихъ сельскихъ жителей съ впалыми, мрачными лицами, въ то время какъ богатые магнаты расточали въ Парижѣ или Лондонѣ потъ своихъ подвластныхъ умирающихъ съ голоду. Эти обширныя, скудно населенныя, болотныя, пастбищныя и песочныя пространства были разомъ превращены въ богато и хорошо населенную страну, гдѣ повсюду на бодрыхъ лицахъ хорошо одѣтыхъ обывателей, можно было прочесть выраженіе благосостоянія и довольства. Русское правительство съ особеннымъ попеченіемъ обходилось съ народомъ и страною; Поляки даже пользовались различными преимуществами въ сравненіи съ Русскими. Ремесленный трудъ и въ особенности выдѣлываніе шерстяныхъ матерій получили посредствомъ выгоднаго торговаго договора съ Россіею, такое поощреніе, даже

съ 1823 г. уже отъ 69 до 74 мил., а въ 1829 г. возрасли до 88 мил. (14⅔ мил прусскихъ талеровъ).

на счетъ русской торговли, что въ короткое время сдѣлали невѣроятные успѣхи (*). Въ теченіи двухъ лѣтъ ввезено въ Россію изъ Царства 30,000 штукъ сукна; эти сукна отправились частію въ Китай и хорошій сбытъ ихъ доставилъ купцамъ значительную прибыль. Тысячи трудолюбивыхъ нѣмцевъ-ремесленниковъ переселились въ Польшу, населили города и принесли съ собою германское прилежаніе и трудолюбіе. Усовершенствованное овцеводство значительно увеличилось и землевладѣльцы нашли въ этой новой отрасли сельскаго хозяйства вознагражденіе за застой хлѣбной торговли, которая была прежде единственнымъ источникомъ доходовъ страны.

Съ процвѣтаніемъ всѣхъ отраслей матеріальной дѣятельности улучшились и финансы государства, бывшіе прежде въ такомъ жалкомъ состояніи, что итогъ доходовъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, сдѣлалъ сомнительнымъ самостоятельное существованіе Царства. Мы уже упомянули о заслугахъ князя Любецкаго на этомъ поприщѣ; здѣсь мы приведемъ объ этомъ ближайшія подробности. Въ началѣ мы должны упомянуть о великодушіи Государя, не желавшаго имѣть доходовъ съ Польши и уступившаго весь итогъ этихъ доходовъ (Liste civile) въ пользу государства. Казенные домены были отнесены къ числу національныхъ, и сюда же присоединены великолѣпныя имѣнія, отрѣзанныя отъ нихъ Наполеономъ для дарованія своимъ генераламъ. Сильныя, энергическія мѣры, вскорѣ значительно увеличили государственные доходы безъ обремененія податныхъ сословій, и въ нѣсколько лѣтъ, финансы дошли до такого цвѣтущаго состоянія, что за совершеннымъ покрытіемъ всѣхъ расходовъ, общественныя кассы были наполнены деньгами и правительство имѣло средство прійти на помощь всѣмъ промышленнымъ отраслямъ и полезнымъ предпріятіямъ. Рево-

(*) Это покровительство зашло такъ далеко, что русскіе купцы, какъ узнали послѣ возстанія изъ найденнаго письма государственнаго секретаря Грабовскаго, охотно предлагали заплатить 15 милліоновъ рублей, если Поляки подвергнутся общему государственному тарифу. Вѣрьте послѣ этого жалобамъ Поляковъ! Rzut oka, стр. 153

*

люціонеры умѣли потомъ извлечь изъ этого немало пользы. Основанный частью средствами правительства кредитный союзъ (towarzystwo kredytowe ziemskie) при учрежденіи котораго оппозиціонная партія по обыкновенію подняла вопіющій крикъ,— привелъ въ обращеніе массу мертвыхъ капиталовъ, лежавшихъ прежде безъ пользы, подалъ помощь земледѣлію, и далъ новый толчокъ сельскому хозяйству. Національный банкъ, снабженный отъ правительства нужными фондами, поддержалъ развитіе финансовой системы и возвелъ публичный кредитъ, прежде не существовавшій въ Польшѣ, на неизвѣстную до сего высоту (4% закладные возвысились до 99 процентовъ). Другими разнообразными операціями банкъ поощрялъ всѣ промышленныя предпріятія и облегчая обращеніе капиталовъ, способствовалъ такимъ образомъ развитію какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли. Учетный курсъ понизился съ 8—10 на 5 процентовъ. Варшава, прежде почти вовсе неизвѣстное мѣсто въ торговомъ мірѣ, сдѣлалась значительнымъ рынкомъ, годъ отъ году становившимся важнѣе; по всѣмъ городамъ страны распространилась подобная же промышленность и коммерческая жизнь, а вмѣстѣ съ этимъ, въ одинаковой мѣрѣ, увеличивалось народонаселеніе. Возникли новые города и мѣстечки, старые увеличились по числу жителей; Варшава, считавшая въ 1814 г. едва 80,000 жителей, чрезъ нѣсколько лѣтъ имѣла 130,000; въ томъ же содержаніи народонаселеніе увеличилось и въ другихъ частяхъ страны: въ 1815 г. въ Царствѣ считалось едва $2^1/_2$ милліона жителей, 15 лѣтъ спустя—почти 4 милліона. Подобные факты говорятъ сами за себя и не могутъ быть опровергнуты никакими софизмами.

Благодѣтельное правительство пеклось не объ одномъ матеріальномъ благосостояніи страны, но и объ умственныхъ и моральныхъ интересахъ народа. Гдѣ человѣкъ съ трудомъ и въ потѣ лица долженъ пріобрѣтать необходимѣйшія потребности, тамъ онъ будетъ имѣть мало охоты и склонности къ умственнымъ занятіямъ; только когда матеріальное благосостояніе упрочено, умственные и моральные интересы въ состояніи развиться. Правительство положило основаніе этому развитію; оно

разровняло почву для процвѣтанія наукъ и нравственной культуры; сѣмена были посѣяны и уже начали приносить прекраснѣйшіе плоды. Никогда Польша въ духовномъ и нравственномъ отношеніяхъ не стояла такъ высоко, какъ въ то время. Въ Варшавѣ возникъ университетъ, имѣвшій богатѣйшія коллекціи и музеумъ; новыя кафедры, о которыхъ въ Польшѣ прежде и не слыхали, были въ немъ основаны и заняты извѣстными учеными; любознательное юношество со всей страны стремилось въ него, и новый университетъ могъ скоро соревновать съ наиболѣе посѣщаемыми заграничными. Всѣ отрасли общественнаго воспитанія были улучшены; вездѣ основаны школы съ соотвѣтствующими средствами для общаго, либо для спеціальнаго образованія. Такъ возникли различныя военныя заведенія въ Варшавѣ и Калишѣ; школа земледѣлія и образцоваго хозяйства въ Маримонтѣ; пансіоны—прежде школы безпорядковъ и порчи, были подчинены лучшему надзору; особенная заботливость была обращена на женскія школы, столь важныя, имѣющія столь обширное вліяніе на домашнее благосостояніе гражданъ; въ Варшавѣ учрежденъ институтъ для воспитательницъ, который во всѣхъ отношеніяхъ могъ считаться образцовымъ. Молодые ученые для дальнѣйшаго образованія были посылаемы за границу на счетъ правительства, дабы сдѣлать ихъ достойными занятія высшихъ ученыхъ должностей. Науки и искусства развились съ новою силою: никогда Польша не имѣла столькихъ ученыхъ, столькихъ отличнѣйшихъ писателей по различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній; никогда образованіе какъ высшаго сословія такъ и народа, не подвигалось впередъ такъ быстро: казалось, для Польши во всѣхъ отношеніяхъ настала лучшая, богатая жизнь.

При столь благопріятныхъ обстоятельствахъ и моральная сторона націи должна была значительно подвинуться впередъ. Деньги не были уже единственнымъ двигателемъ общества, какъ это было прежде, когда каждый, кто ихъ имѣлъ, могъ дѣлать все что угодно и былъ увѣренъ въ своей безнаказанности; магнаты перестали расточать свои доходы за границею; подкупленные судьи не оправдывали уже тѣхъ, которые пла-

тили болѣе и долѣе; дворяне не смѣли болѣе тиранствовать въ своихъ имѣніяхъ и обходиться съ своими несчастными крѣпостными по произволу; «Польское хозяйство» и «Польскіе Сеймы» перестали служить примѣромъ дурнаго, вошедшимъ въ пословицу; нельзя уже было сказать: «Польша существуетъ одними безпорядками» (Polska nierzadem stoi), потому что, порядокъ царствовалъ вездѣ; законъ былъ ясенъ и опредѣленъ; права и обязанности каждаго точно указаны; установились лучшія отношенія между дворянами и простонародіемъ; возвысилось многочисленное, достаточное среднее сословіе; судьи получили хорошее содержаніе, почему были менѣе подвержены искушеніямъ; землевладѣльцы, при лучшей обработкѣ и при общемъ возрастающемъ благосостояніи имѣли съ своихъ имѣній бо́льшіе доходы и не имѣли уже надобности продавать себя внѣ отечества, дабы имѣть деньги для чрезмѣрныхъ издержекъ.

Такимъ образомъ все улучшилось въ Польшѣ подъ мудрымъ управленіемъ кроткаго, но вмѣстѣ твердаго правительства, удалившаго духъ анархіи: натура и почва, промышленость, торговля, искусства, науки и даже самые люди; Польша, продолжая идти по этому пути, скоро забыла бы двѣсти лѣтъ своей анархіи, и стала бы на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы; но вдругъ вспыхнула злосчастная революція, и подобно урагану опустошительно пронеслась она по только-что разцвѣтшему посѣву (*).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ описанію самаго возстанія, будетъ не безполезно, бросить взглядъ назадъ и изложить въ краткомъ очеркѣ все сказанное нами до сихъ поръ. Поляки Варшавскаго герцогства были заклятыми врагами Рос-

(*) Поляки революціонеры, не имѣя возможности опровергнуть факты, возражаютъ: «не мудрость правленія, но періодъ мира и способности Любецкаго произвели это цвѣтущее состояніе.» Но, во-первыхъ, Польша со временъ Собіескаго, наслаждалась почти столѣтнимъ миромъ, а не въ это ли самое время она дошла до высшей степени упадка? Во-вторыхъ, что такое князь Любецкій, какъ не орудіе хорошо избранное правительствомъ, и постоянно поддерживаемое имъ, не смотря на всѣ возраженія!

сіи. Въ союзѣ съ Наполеономъ они вступили въ Россію, дабы отторгнуть отъ нее большую часть ея провинцій. Но обстоятельства скоро измѣнились: непріятель былъ истребленъ или прогнанъ; преслѣдуя его остатки, русская армія вступила въ Варшаву: все герцогство должно было покориться ея оружію. Право возмездія принадлежало теперь Императору Александру и Онъ могъ жестоко отмстить Полякамъ за нанесенныя ими оскорбленія: единственною Его местью было стараніе сдѣлать имъ добро. Онъ даровалъ всеобщую амнистію Литовцамъ измѣнившимъ присягѣ; Онъ даровалъ милость и пощаду Варшавцамъ, сражавшимся противъ Него; назначенное Имъ временное правленіе должно было приняться за дѣло съ величайшею кротостью и умѣренностью.

По договору, заключенному въ минуту необходимости, герцогство, подобно другимъ твореніямъ Наполеона, должно было опять прійти въ ничтожество и быть раздѣленнымъ между тремя державами: Россіею, Австріею и Пруссіею; но Александръ, при счастливомъ окончаніи войны, сохранилъ его отъ раздѣла, и на Вѣнскомъ конгрессѣ взялъ Поляковъ подъ свое покровительство, защищалъ ихъ дѣло какъ свое собственное и старался пріобрѣсть въ ихъ пользу наивыгоднѣйшія условія.

Въ началѣ намѣренія Его клонились къ тому, чтобы возстановить прежнее Польское государство и въ качествѣ конституціоннаго Монарха стать въ главѣ его. Но тогдашнія всеобщія опасенія перевѣса Россіи, равно и интриги уполномоченнаго французскаго министра на Вѣнскомъ конгрессѣ, уничтожили эти намѣренія; дабы не возбудить вторично европейскую войну, Императоръ согласился наконецъ уступить Австріи и Пруссіи различныя части герцогства, но не иначе какъ обезпечивъ имъ трактатами кроткое управленіе и возможно бо́льшую свободу. Остатокъ его Онъ возстановилъ, какъ ядро новаго Польскаго Царства, и далъ ему конституцію, либеральнѣе которой не могли желать сами либералы. Онъ далъ эту конституцію по собственному побужденію, никѣмъ къ тому не обязываемый и не побуждаемый. Еслибы Онъ хотѣлъ, отъ него зависѣло, поступить съ Польшею какъ съ завоеванною про-

винціею, и присоединить ее къ Россіи. И такое дѣйствіе не было бы даже насиліемъ побѣдителя, но желаніемъ самой польской націи, высказанномъ въ одномъ изъ прошеній къ Государю, подписанномъ совѣтами всѣхъ воеводъ. О самостоятельномъ существованіи въ то время не отваживались думать даже самые отчаянные. Тогда допускали, что Польша есть завоеванная страна, съ которою Императоръ можетъ поступить по своему усмотрѣнію. Общественное мнѣніе какъ въ Польшѣ, такъ и за границею, было приготовлено видѣть ее обращенною въ русскую провинцію; еслибы Государь настаивалъ на этомъ въ Вѣнѣ, никто не отказалъ бы Ему, съ условіемъ только, чтобы два государства: Австрія и Пруссія, наиболѣе тутъ заинтересованныя, были бы вознаграждены другимъ способомъ. Нужно замѣтить, что оба эти государства, вѣрно цѣня стоимость польскихъ провинцій, очень охотно предпочли бы иное вознагражденіе; что по этому съ ихъ стороны нельзя было опасаться сопротивленія; что Франція едва освобожденная тогда отъ надзора и опустошительной войны, была слишкомъ истощена и безъ средствъ, чтобы имѣть важное вліяніе, и наконецъ Англія, никогда не принимавшая большаго участія въ Польшѣ, отнюдь не могла бы начать войну съ континентальными державами. По этому какъ бы Императоръ Александръ не поступилъ съ герцогствомъ, Онъ не могъ опасаться сопротивленія, такъ какъ сосѣднія государства, одни имѣющія при этомъ рѣшительный голосъ, охотно видѣли бы превращеніе герцогства въ русскую область; между тѣмъ какъ возстановляя Царство, Государь далъ имъ постоянный поводъ къ безпокойству относительно опасностей, могущихъ возникнуть въ будущемъ.

Но Государь слишкомъ скоро могъ убѣдиться, что эта нація, къ которой Онъ былъ столько расположенъ, не успокоилась и не оцѣнила дарованныхъ ей милостей. Тщетно онъ много разъ напоминалъ Полякамъ, чтобы они не впадали опять въ прежнія ошибки, имѣвшія слѣдствіемъ паденіе нѣкогда столь могущественнаго государства, тщетно предостерегалъ Онъ ихъ не предаваться слѣпо теоріямъ того времени неоправданнымъ никакимъ опытомъ; тщетно давалъ Онъ имъ понять, что такимъ

образомъ они останавливаютъ всѣ хорошія намѣренія Его и подвергаются опасности большаго ограниченія тѣхъ выгодъ, на которыя Онъ уже снизошелъ. Всѣ предостереженія были напрасны: Поляки смотрѣли только на Францію и хотѣли подражать всему, что тамъ происходило (*). Одно тайное общество за другимъ, одинъ заговоръ послѣ другаго были открываемы; старались противоборствовать доброжелательнымъ намѣреніямъ правительства, оскорблять его: что удивительнаго, если Государь, огорченный такою неблагодарностію, дѣлался все болѣе скрытнымъ! Поведеніе Поляковъ вынудило Его наконецъ $^{13}/_{1}$ февраля 1825 года издать добавочный актъ, которымъ отмѣнялась публичность совѣщаній, и народнымъ представителямъ указано заниматься болѣе предложенными предметами, чѣмъ стараніемъ пріобрѣсти внѣшнюю популярность. Это была единственная перемѣна, которую дозволилъ себѣ Государь въ прежде даннномъ имъ учрежденіи. Преемникъ Его, Императоръ Николай засталъ уже это измѣненіе и утвердилъ его вмѣстѣ съ конституціею, въ которой не сдѣлано больше никакихъ перемѣнъ.

Наконецъ мы видѣли, что Поляки всѣмъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ благосостояніемъ были обязаны единственно русскому господству; ни въ какое другое время они не находились на такой степени благосостоянія, могущества, счастія и богатства: какъ вдругъ революція и ея прямыя слѣдствія снова отбросили Польшу на многіе годы назадъ.

Мы уже указали въ нашемъ разсказѣ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ причинъ этихъ происшествій; другія причины волненій заключались въ непостоянномъ характерѣ Поляковъ, въ примѣненіи къ конституціи камерной системы совершенно не-

(*) Что мы не преувеличиваемъ, можетъ доказать постоянное совпаденіе польскихъ волненій съ волненіями во Франціи. Съ 1815 г. до конца 1818 г., когда союзныя арміи занимали Францію, она была спокойна. Польша также. Съ 1819 по 1821 годъ, въ которомъ управленіе дѣлами перешло къ министерству Вилеля, Франція была потрясаема сильными волненіями, Польша также (сеймъ 1820 г.). Съ 1822 по 1830 г. было временемъ тихихъ заговоровъ и распространенія карбонаризма, какъ во Франціи, такъ и въ Польшѣ. Наконецъ въ 1830 г. эти заговоры вспыхнули какъ въ Парижѣ, такъ и въ Варшавѣ.

примѣнимой для народа, до такой степени увлекающагося страстями, наконецъ въ жаждѣ славы и подвиговъ ихъ арміи, возведенной Великимъ Княземъ Константиномъ на высшую степень совершенства.

Къ этому присоединилось еще ошибочное толкованіе объ отношеніи Государя къ польской конституціи: что будто Государь находится въ зависимости отъ конституціи, и что на Вѣнскомъ конгрессѣ она была предписана Ему иностранными государствами; несогласіе въ мнѣніяхъ между Поляками и Русскими о Литовскихъ провинціяхъ (съ обѣихъ сторонъ ихъ считали законными владѣніями, и онѣ были главною причиною раздора); безпокойное самолюбіе польскаго дворянства, которое никогда не могло забыть, чѣмъ оно было прежде и съ нетерпѣніемъ ждало минуты возстановить свое минувшее положеніе; затѣмъ издавна вкоренившаяся зависть къ Русскимъ, которыхъ всегда считали далеко ниже себя и ~~которые опередили~~ Поляковъ; наконецъ ревностно распространяемая революціонерами мысль, что Польша, не смотря на свое возстановленіе, все же не совершенно самостоятельна и независима. Результатомъ этого было безграничное стремленіе къ полной независимости, и, какъ къ слѣдствію ея,—къ возстановленію прежняго государства во всемъ его могуществѣ. Далѣе не было недостатка въ прямыхъ дѣйствіяхъ на народъ посредствомъ тайныхъ обществъ, которымъ способствовали нѣкоторые магнаты, въ тайнѣ приготовляя всѣ средства, чтобы съ помощію національнаго воспитанія сдѣлать Поляковъ способными къ сверженію русскаго владычества. Отсюда непрерывное возбужденіе молодежи посредствомъ школъ; безпрестанныя указанія на прежнее величіе и могущество Польши, на храбрость и величіе предковъ, о которыхъ составили себѣ преувеличенное представленіе, потому что, не обращая вниманія на иностранныхъ историковъ, постоянно держались хвастливыхъ и невѣрныхъ сказаній своихъ соотечественниковъ. Вмѣсто того, чтобы приписывать паденіе государства ошибкамъ этихъ предковъ, сваливали его всегда на сосѣдей, вели начало его со времени раздѣловъ Польши, которые были послѣдствіемъ паденія государства, а не причи-

ною, какъ они старались себя увѣрить. Принимая въ соображеніе эти планы и цѣли, которые большая часть народа болѣе или менѣе ясно имѣла въ виду, легко понять, что, чтобы не дѣлало русское правительство для блага страны, оно бы все таки никогда не могло достигнуть общей признательности и довольства, напротивъ, всѣ его благодѣтельныя мѣры были разсматриваемы только какъ средства приводящія какъ можно скорѣе къ преднамѣреннымъ цѣлямъ (*). Наконецъ, для разъясненія польскаго возстанія нужно принять въ соображеніе общее состояніе Европы и происшедшія въ то время революціи въ Испаніи, Португаліи, Неаполѣ, Піемонтѣ, возстаніе въ Греціи, равно какъ и счастливыя послѣдствія Іюльской революціи. Съ одной стороны происшествія въ Парижѣ и Брюсселѣ вызвали въ Варшавской молодежи страсть къ подражанію; съ другой стороны, разсчитывая на выказываемый тогда съ большею напыщенностію принципъ невмѣшательства, не опасались противудѣйствія другихъ Государей. При всемъ томъ, по стран-

(*) Приведемъ здѣсь нѣкоторыя замѣчательныя признанія Морица Мохнацкаго, слова котораго совершенно согласны съ тогдашними взглядами и мнѣніями его сооточественниковъ: «Я спрашиваю» говоритъ онъ (1. 197) «если бы даже Русскіе святѣйшимъ образомъ соблюдали конституціонное учрежденіе въ Царствѣ Польскомъ, то полное его развитіе не привело ли бы еще скорѣе къ возстанію, чѣмъ его ограниченіе? Революція лежала въ основаніи самаго учрежденія Царства и русскіе Государи не могли предотвратить ее ни пунктуальнымъ исполненіемъ конституціи, ни совершеннымъ ея уничтоженіемъ; по этой же самой причинѣ я не вывожу революцію изъ недостатковъ правительства, такъ какъ оно могло быть въ тысячу разъ хуже, если бы мы были независимы.» А въ другомъ мѣстѣ (1. 220) тотъ же писатель говоритъ: «По моему убѣжденію, ни свобода, ни учрежденія, каково бы не было ихъ достионство, не въ силахъ усладить судьбу націи, которая нѣкогда была велика и могущественна, впослѣдствіи пришла въ упадокъ и затѣмъ желаетъ вновь возвыситься. Такая страна находится въ состояніи постоянныхъ инсуррекцій, такой народъ живетъ только возстаніемъ и въ немъ одномъ видитъ свое назначеніе. Царство Польское, основанное конгрессомъ было только частицею общаго національнаго бытія. Дарованныя ему права и привилегіи по стольку лишь имѣли значеніе, по скольку они доставляли возможность законнымъ путемъ выказывать опозицію главнѣйшимъ врагамъ польскаго имени.» Итакъ возстаніе было произведено не злоупотребленіями, какъ часто старались выставить, но желаніемъ ниспровергнуть политическое состояніе Европы и вновь возстановить большое Польское государство. Такое заключеніе ясно бросается въ глаза изъ этихъ признаній одного изъ ревностнѣйшихъ участниковъ всѣхъ революціонныхъ смутъ.

ному противорѣчію, возлагали большія надежды на вмѣшательство Франціи и Англіи въ пользу Польши, дѣйствуя въ этомъ случаѣ подобно всѣмъ революціонерамъ, которые произвольно выбираютъ изъ договоровъ только то что клонится къ ихъ выгодамъ, забывая о существованіи всего, что этимъ выгодамъ противуположно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленія къ возстанію и возстаніе $^{29}/_{17}$ ноября.

Приготовленія къ возстанію и возстаніе $^{29}/_{17}$ ноября.

Какъ нѣкогда Вестфальскій миръ прекратилъ религіозныя войны, такъ Вѣнскій конгрессъ, казалось, положилъ конецъ политическимъ революціямъ; для народовъ настала новая эра мира, счастія и внутренняго благосостоянія, и Европа въ пятнаддать лѣтъ изрѣдка перерываемаго спокойствія, оправилась отъ потрясеній, опустошеній и переворотовъ двадцати-пятилѣтнихъ революцій и войнъ. Но демонъ революцій не былъ окончательно изгнанъ. Наполеонъ только на время мощною рукою положилъ на него оковы, дабы дать тѣмъ свободу демону войны. Едва послѣдній былъ обузданъ наконецъ союзными Монархами, какъ первый снова заявилъ о своемъ существованіи, снова сталъ во мракѣ пробираться между народами, ревностно стараясь разорвать свои оковы и вновь достигнуть разрушительнаго владычества надъ міромъ. Почти во всѣхъ странахъ Европы образовались тайныя общества, съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка, и Польша не отстала отъ другихъ въ этомъ отношеніи. Въ предъидущей книгѣ уже было показано, какъ старались здѣсь достигнуть возстановленія прежняго Польскаго королевства, посредствомъ возбужденія

національнаго духа и привлеченія молодаго патріотически-восторженнаго поколѣнія. Эта цѣль, хотя и въ смутномъ образѣ, съ бо́льшею или ме́ньшею силою представлялась каждому Поляку; значительная часть ихъ была посвящена въ самый планъ ея исполненія; но главнѣйшія дѣйствующія лица групировались вокругъ фамиліи Чарторижскихъ.

Происходя отъ Ягеллоновъ, фамилія эта по своей бѣдности до XVIII столѣтія не играла важной роли. Основателемъ ея величія и благосостоянія былъ Августъ Чарторижскій, который въ половинѣ прошедшаго столѣтія, вступивъ въ бракъ съ одною изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ страны, вдовствующею графинею Денгофъ, изъ фамиліи Синявскихъ, сдѣлался обладателемъ большаго состоянія. Онъ успѣлъ увеличить его еще болѣе отчасти строгою расчетливостью, отчасти пользуясь своимъ вліяніемъ на Короля Августа III, который даровалъ ему одно за другимъ до сорока восьми староствъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ магнатомъ страны, онъ съ тѣхъ поръ возымѣлъ притязаніе даже на корону. Желая захватить ее для себя или для своего сына Адама, онъ послалъ въ Петербургъ племянника своего, Понятовскаго, который вмѣсто того пріобрѣлъ ее для себя лично и этимъ возбудилъ непримиримую вражду Чарторижскаго. Все послѣдующее царствованіе Понятовскаго было омрачено интригами Чарторижскаго и его могущественной партіи, и такимъ образомъ было подготовлено и облегчено паденіе Польши. Прежніе друзья и единомышленники Россіи, при помощи которой они надѣялись достигнуть своихъ честолюбивыхъ цѣлей, сдѣлались ревностнѣйшими ея противниками, какъ скоро Россія предпочла имъ Понятовскаго. По смерти Августа Чарторижскаго, главою партіи сдѣлалась Изабелла Флеммингъ, жена сына его Адама. Въ то время, какъ мужъ ея интриговалъ на сеймахъ, она съ своей стороны дѣлала тоже въ гостиныхъ: прекрасной наружности, остраго ума, съ любезными манерами, эта женщина очаровывала каждаго, кто приближался къ ней; а во время своихъ неоднократныхъ путешествій, ей удалось мало по-малу войти въ тѣсную связь со всѣми знатнѣйшими лица-

ми Европы. Одно обстоятельство преимущественно раздражало ее противъ Россіи. Въ 1784 году принцъ Людвигъ Виртембергскій, братъ супруги Великаго Князя Павла Петровича, сочетался бракомъ съ ея прекрасною дочерью Маріанною: но къ ея величайшему оскорбленію, Императрица Екатерина II-я никогда не хотѣла признать этого брака. По этому, когда Россія была вовлечена въ войны съ Портою и Швеціею, Чарторижскіе изъ чувства мести поощряли всѣ мѣры направленныя противъ Россіи: долгій сеймъ, козни волновавшія Польшу отъ 1788 до 1792 года, враждебныя дѣйствія противъ Россіи, все это было бо́льшею частію дѣломъ Чарторижской и ея партіи. Слѣдствіемъ сего былъ второй раздѣлъ Польши. Теперь Чарторижскіе снова старались сблизиться съ Россіею и особенно настаивали на признаніи того союза, на которомъ они основывали такъ много надеждъ. Но и въ этотъ разъ, не имѣя успѣха, они вновь стали употреблять всѣ усилія, чтобы возбудить войну и раздоръ. Такъ оскорбленное честолюбіе и фамильныя интриги были одною изъ причинъ войны 1784 года. Война эта, для которой престарѣлая княгиня пожертвовала шесть милліоновъ злотыхъ, рѣшена была въ Вѣнѣ, куда удалились Чарторижскіе съ главнѣйшими лицами своей партіи. Въ Косціюшко, военныя дарованія котораго выказались въ послѣднюю войну, думали найти желаемаго полководца и при помощи его пріятельницы, княгини Любомирской, уговорили его принять на себя управленіе возстаніемъ. Послѣ неудачнаго исхода этой попытки, фамильнымъ ихъ имѣніямъ угрожала конфискація; но ихъ спасъ тогдашній генералъ губернаторъ Литовскихъ провинцій, кн. Репнинъ, давнишній пріятель княгини Чарторижской. Въ 1795 году онъ послалъ обоихъ молодыхъ Чарторижскихъ, сыновей Изабеллы въ С.-Петербургъ, и здѣсь, старшему изъ нихъ — Адаму, удалось пріобрѣсти благосклонность молодаго Великаго Князя Александра Павловича, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ защитникомъ, другомъ и благодѣтелемъ Поляковъ.

Между тѣмъ партія Чарторижскихъ не оставляла своихъ плановъ на будущее обладаніе Польшею: когда Наполеонъ стоялъ на вершинѣ величія, она надѣялась осуществить свои

планы при его помощи. Въ 1812 году престарѣлый Чарторижскій сталъ во главѣ конфедераціи противъ Россіи. Хотя никто не имѣлъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ исходѣ этой войны, но на всякій случай хотѣли обезпечить себя со стороны Россіи, почему молодой Адамъ Чарторижскій наружно держался русской партіи. При кротости Императора Александра не было надобности прибѣгать къ такой политикѣ; Онъ и безъ того простилъ бы все. Но эта политика еще болѣе увеличила довѣріе Государя къ молодому князю Адаму и этимъ при всякомъ случаѣ старались пользоваться. Въ предъидущей главѣ мы уже сказали, какого рода переговоры о Полыпѣ происходили на Вѣнскомъ конгрессѣ. Чарторижскій по своему честолюбію, надѣясь привести въ исполненіе глубоко-запавшіе въ его мысли планы, думалъ сдѣлаться Намѣстникомъ. Мы видѣли его потрясеніе, когда это ожиданіе несбылось. Съ тѣхъ поръ онъ снова предался тайнымъ интригамъ и въ сообществѣ съ другими магнатами, старался выполнить вышеначертанный планъ. Особенно старались отдалить отъ Россіи Литовскія провинціи (*) и склонить ихъ на сторону Польши. Положеніе Чарторижскаго, какъ куратора Виленскаго учебнаго округа, (который заключалъ всѣ учебныя заведенія этой провинціи), облегчало для него средства къ тому.

Послѣ присоединенія этихъ провинцій къ Россіи въ 1793 г. въ нихъ было сдѣлано весьма мало перемѣнъ и старые порядки, положенія и права сохранились по прежнему. Дворянство и духовенство удержало свои преимущества: почти всѣ должности, даже высшія, (за исключеніемъ военнаго или генералъ губернатора), въ управленіи, въ полиціи, и въ судахъ были заняты Поляками: и такъ почти ничто не измѣнилось, кромѣ верховнаго главы. Такимъ образомъ остался и прежній польскій духъ, духъ безпокойства, неудовольствія, сопротивленія, и если чего

(*) Дабы избѣгнуть пространныхъ описаній, подъ именемъ «Литовскихъ или бывшихъ Польскихъ провинцій,» мы будемъ разумѣть восемь западныхъ губерній Россіи, отдѣленныхъ отъ Польши въ царствованіе Императрицы Екатерины II, а именно: Витебскую, Могилевскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую, Житомирскую (Волынь), Каменецъ-Подольскую (Подолія) и Кіевскую (Украйна) съ Бѣлостокскою областью; преимущественно же послѣднія шесть.

недоставало, то это прежней свободы конфедерацій. Поляки тайно утѣшались надеждою, что это состояніе будетъ временное и что Польша скоро воскреснетъ съ новымъ блескомъ; возрастающее счастіе французскаго оружія въ началѣ столѣтія, давало этой надеждѣ ежедневно новую пищу. Когда въ 1807 году французская армія приблизилась къ границамъ Польши, радостно бились сердца Поляковъ, и они старались создавать всевозможныя препятствія на пути войскъ, сражавшихся противъ Французовъ. Дворяне Самогитскаго воеводства съ намѣреніемъ скрыли свои запасы хлѣба, дабы сберечь ихъ для ожидаемыхъ Французовъ, и такимъ образомъ чрезвычайно возвысили цѣну этого продукта. Кому неизвѣстно, на сколько недостатокъ продовольствія, претерпѣваемый войсками, затруднялъ въ то время дѣйствія Русскихъ. Тильзитскій миръ уничтожилъ надежду Поляковъ: Французы не вступили въ Литву и цѣны на хлѣбъ упали разомъ на четвертую часть, что повлекло за собою разореніе многихъ спекулировавшихъ дворянъ. Но все же это не заставило ихъ потерять бодрость; каждый предвидѣлъ, что при характерѣ и планахъ Наполеона, всякій миръ былъ не болѣе какъ кратковременнымъ перемиріемъ; посему не переставали ожидать появленія его внутри страны во главѣ своей побѣдоносной арміи; старались даже заранѣе проложить ему путь, представляя всѣ мѣры русскаго правительства въ невыгодномъ свѣтѣ и дѣлая послѣднее ненавистнымъ народу. Только съ ссылкою Наполеона на островъ св. Елены исчезла послѣдняя надежда. Къ этому присоединились новыя непріятности, когда въ 1816 году было издано повелѣніе, взыскать со штрафомъ 1% въ мѣсяцъ подати, при уплатѣ которыхъ многіе дворяне съ намѣреніемъ оставались въ недоимкѣ. На уплату этого взысканія многіе не могли достать вдругъ денегъ, и хотя чины администраціи охотно смотрѣли сквозь пальцы на неисправность уплаты, все же долги дворянства росли, банкрутства, раздѣлы имуществъ (ex-divisionen) (*) были слѣдствіемъ того и кредитъ

(*) Эти ex-divisionen были ничто иное, какъ раздѣленіе наличнаго имущества несостоятельнаго должника между его кредиторами. Тогда нерѣдко случалось,

исчезъ. Все это возбудило жалобы противу правительства, что оно будто бы разорило дворянство взысканіемъ 12% штрафа и возвышеніемъ цѣны на гербовую бумагу (столь нужную имъ для процессовъ.) Даже позже, когда правительство, съ цѣлію избавить дворянъ отъ хищныхъ ростовщиковъ, открыло для нихъ кредитный фондъ, посредствомъ котораго, уплачивая ежегодно 8%, въ 20 лѣтъ, можно было погасить долгъ и проценты, они съ ихъ обыкновеннымъ легкомысліемъ порицали и это благодѣтельное учрежденіе.

Неудовольствіе Литовцевъ еще болѣе увеличилось, когда новое Польское Царство получило собственную конституцію, а они не смотря на ихъ надежды не были присоединены къ нему. Тогда къ неудовольствію противъ Государя (который однакожъ дѣлалъ все, чтобы пріобрѣсти ихъ любовь и довѣріе) присоединилась зависть къ преимуществамъ ихъ братій, съ которыми они привыкли идти цѣлыя столѣтія рука объ руку съ одинаковыми правами и привилегіями и которыхъ они теперь видѣли отличаемыми безъ всякой причины. А между тѣмъ въ это время приведены были въ исполненіе многія распоряженія, долженствовавшія удовлетворить ихъ. Именно въ 1818 г. изъ всей русской арміи были выбраны Поляки и Литовцы, для присоединенія ихъ или къ отряду гвардіи въ Варшавѣ, или для составленія изъ нихъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса; прекрасное французское оружіе, сохранявшееся со времени пораженія Наполеона въ арсеналахъ страны, перевезено было въ Варшаву. Сверхъ того, всѣ должности въ гражданскомъ управленіи, не исключая и высшихъ, занимаемыхъ до того времени Русскими или Нѣмцами, старались вновь замѣстить мѣстными уроженцами. Наконецъ, главное управленіе этими провинціями, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ, ввѣрено было въ Варшавѣ Великому Князю. Все начало дышать

что многіе взамѣнъ уплаты отданныхъ ими взаймы денегъ, получали клочекъ безплодной земли, овинъ, домъ безъ дверей и оконъ, а часто и ровно ничего, особенно, когда кредиторами были Нѣмцы или Русскіе. Должники умѣли посредствомъ контрактовъ съ близкими родственниками устраивать такъ, что послѣ подобнаго банкрутства большая часть ихъ состоянія подъ чужими именами оставалась за ними же.

чисто польскимъ духомъ: Варшава была всему образцомъ; всѣ взоры постоянно были обращены туда; каждый Полякъ смотрѣлъ на нее какъ на столицу страны; оттуда распространялись по провинціямъ мнѣнія, книги, обычаи, моды; оттуда же произошелъ ударъ, приведшій все въ движеніе и отозвавшійся даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ, гдѣ только говорилось по-польски.

При этихъ-то обстоятельствахъ тайные союзы и общества начали проявлять свою гибельную дѣятельность. Изъ Варшавы, гдѣ въ 1818 г. они получили усиленное развитіе, начали они распространяться въ Литовскихъ провинціяхъ, въ началѣ подъ видомъ невинныхъ массонскихъ ложъ; но вскорѣ выказались непріязненныя намѣренія направленныя противъ правительства; въ Вильнѣ, Гродно, Россіенахъ и другихъ городахъ образовалось множество ложъ; въ первомъ изъ этихъ городовъ возникла даже, такъ называемая, преобразованная ложа, доступъ въ которую имѣли и женщины. Едва сформировалась она, какъ знатнѣйшія дамы города поспѣшили вступить въ нее. Массонство было между ними модою и онѣ образовали подобныя ложи во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ. Мало-по-малу въ этихъ собраніяхъ начали совѣщаться о политическихъ предметахъ: вспоминали прошедшее величіе и могущество Польши; говорили о будущности и о томъ, что минувшее опять легко могло быть возвращено. Такое направленіе въ особенности выказалось въ провинціальной ложѣ въ Вильнѣ, главнымъ магистромъ которой былъ Іосифъ Горецкій, одинъ изъ любимыхъ своими соотечественниками поэтовъ. Это направленіе не нравилось Нѣмцамъ и Русскимъ, которые требовали воздержанія отъ всего, касающагося политики, что и было обѣщано, но не исполнено. Въ это время тайно явился въ Вильну, съ давнихъ поръ хорошо извѣстный тамъ гр. Лудвигъ Платеръ (въ августѣ 1821 г.) Покровительствуемый правительствомъ, онъ былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ во главѣ лѣснаго вѣдомства и былъ даже посылаемъ на казенный счетъ за границу, для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній по этой части, возвратясь откуда, если онъ и собралъ какія-либо свѣдѣнія, то не при-

несъ рѣшительно никому пользы, развѣ только нѣкоторымъ изъ своихъ соотечественниковъ. Онъ почти ничего не сдѣлалъ во ввѣренномъ ему управленіи: не заботился ни о межеваніи, ни о раздѣленіи, разграниченіи и сбереженіи лѣсовъ; они были расхищаемы сосѣдними дворянами и пришли въ такой упадокъ, что его необходимо было удалить, а лѣса, болѣе чѣмъ съ 800 процессами, возникшими въ его управленіе, передать въ камеральный судъ. Тогда онъ выступилъ на новое поприще, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей всѣхъ польскихъ массонскихъ ложъ, и объявилъ свое намѣреніе внести новую жизнь въ терзаемое раздорами братство. Въ пространныхъ рѣчахъ онъ предлагалъ составленную имъ новую конституцію массонства, которая, по его увѣренію, была принята въ Варшавѣ съ соизволенія правительства. Замѣчательнымъ и вмѣстѣ противнымъ дарованнымъ массонамъ позволеніямъ было то постановленіе, что директорія (Великій востокъ) литовскихъ ложъ находилась не въ своей столицѣ (Петербургѣ), но въ чужой (въ Варшавѣ). Нѣмецкіе и русскіе массоны, питавшіе уже недовѣрчивость послѣ прежнихъ происшествій, скоро увѣрились, что эта восхваляемая конституція есть чисто духъ карбонаризма и торжественно протестовали противъ принятія ея. Такъ какъ Поляки преслѣдовали ихъ за это, то они разорвали съ ними всякія сношенія и закрыли свои ложи. Обратили ли на себя вниманіе правительства эти раздоры, или по другимъ поводамъ, но вскорѣ засимъ послѣдовало уже упомянутое повелѣніе, по которому всѣ тайныя общества, со включеніемъ и массоновъ, были воспрещены во всемъ государствѣ, и всякій служащій, принимавшій въ нихъ участіе, долженъ былъ письменно обязаться, никогда болѣе не принадлежать тайнымъ обществамъ.

Главнымъ средствомъ подготовленія страны къ будущему возстанію было воспитаніе, которое совершенно находилось въ рукахъ Поляковъ, и потому вполнѣ могло быть ведено въ польскомъ духѣ. Католическое духовенство въ монастырскихъ школахъ, гдѣ получала первое образованіе большая часть юношества, еще прежде дѣйствовало въ этомъ духѣ, въ особен-

ности Іезуиты, имѣвшіе до ихъ изгнанія, неограниченное вліяніе на воспитаніе и въ особенности на внутренній бытъ семействъ. Но важнѣе всего въ этомъ отношеніи было вліяніе Виленскаго университета, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Чарторижскій былъ назначенъ его куратором. Знаменитые профессоры, вызванные изъ-за границы, при возобновленіи университета въ 1803 г. мало-по-малу перемерли или удалились, а Чарторижскій замѣщалъ ихъ или Поляками или приверженцами Польши. Такъ ректоромъ университета опредѣлилъ онъ нѣкоего Твардовскаго, не бывшаго никогда профессоромъ и не имѣвшаго никакого ученаго званія; изъ помѣщиковъ Пинскаго уѣзда, гдѣ онъ будто-бы съ успѣхомъ занимался математическими науками, онъ внезапно былъ перенесенъ на поприще обширной воспитательной дѣятельности. Чарторижскій же призвалъ на каѳедру Лелевеля и его единомышленниковъ, расчитывая найти въ нихъ способныя орудія для извѣстныхъ цѣлей. Но онъ ошибся въ Лелевелѣ; этотъ послѣдній былъ усерднымъ, но невѣрнымъ орудіемъ: онъ всѣми силами содѣйствовалъ къ волненіямъ противъ русскаго владычества, но въ то же время скрывалъ въ душѣ своей пагубныя затаенныя мысли. Какъ скоро удалось бы ниспровергнуть это владычество, тогда, по его мнѣнію, должна была дойти очередь до высшаго дворянства, которое онъ тоже считалъ необходимымъ уничтожить посредствомъ всеобщей соціальной революціи. Онъ всѣми силами старался посѣять сѣмена этой революціи въ умахъ учащейся молодежи. Происходя изъ мелкой шляхты, бывшей естественно въ оппозиціи съ высшимъ дворянствомъ, и питая смертельную вражду къ аристократіи, съ которою онъ тѣмъ не менѣе поддерживалъ связи, онъ имѣлъ въ виду при предполагаемомъ перерожденіи государства, ввести чисто демократическое правленіе, по образу американскаго или лучше сказать старо-польскаго.

Лелевель, долженствовавшій играть столь важную роль при послѣдующемъ возстаніи, былъ уроженцемъ Варшавы (*) и происходилъ изъ дворянской прусской фамиліи Лёльгёвель

(*) Онъ родился тамъ въ мартѣ 1786 г.

(Lölhövel), одинъ изъ членовъ которой, изгнанный изъ Пруссіи за проступки, поселился въ Польшѣ и сдѣлался родоначальникомъ Лелевелей. Воспитанный у піаристовъ, молодой Лелевель поступилъ на короткій срокъ въ Виленскій университетъ, откуда отправился на Волынь къ ученому Чацкому, который опредѣлилъ его во вновь учрежденную гимназію въ Кременцѣ, и, найдя въ немъ единомышленника, оказывалъ ему большое довѣріе. Затѣмъ онъ исполнялъ должность профессора въ Вильнѣ (1814 г.) а потомъ былъ профессоромъ въ учрежденномъ Императоромъ Александромъ Варшавскомъ университетѣ (1816 г.), и наконецъ снова былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ исторіи въ Вильнѣ (1819 г.), гдѣ, при начинающихся тогда волненіяхъ, онъ нашелъ обширное поприще для своей дѣятельности. Строгій, неутомимый труженикъ, онъ обогатилъ польскую литературу многими сочиненіями по всеобщей и польской исторіи. Онъ писалъ объ Индіи, Карѳагенѣ, сѣверной миѳологіи, издалъ многія ученыя изслѣдованія, руководства, разсужденія и т. д., но совсѣмъ тѣмъ онъ мало способствовалъ къ развитію науки; какъ профессоръ онъ былъ постоянно окруженъ многочисленными слушателями, ибо молодежь отъ природы склонна ко всякаго рода историческимъ занятіямъ; къ тому же онъ умѣлъ произвесть глубокое впечатлѣніе на молодые умы посредствомъ искусныхъ намековъ на то, чѣмъ нѣкогда была Польша и чѣмъ она опять могла бы быть. Между этою молодежью, Лелевель избралъ орудіемъ къ исполненію дальнѣйшихъ своихъ плановъ, Матвѣя Зана, (человѣка некрасивой наружности, но отличавшагося обширнымъ умомъ и предпріимчивымъ характеромъ). Занъ, посѣщавшій тогда Виленскій университетъ и отличавшійся отъ товарищей своимъ высшимъ развитіемъ былъ очевидно предводителемъ академической молодежи, и въ 1820 г. основалъ по образцу германскихъ буршей общество молодыхъ людей, назвавшихъ себя «лучезарными» (променисты) какъ бы желая указать на то что всѣ лучи распространялись изъ одного общаго средоточія. Какъ и всѣ общества такого рода, оно раздѣлялось на нѣсколько отдѣленій съ различными цѣлями. Наружною гласною цѣлью

его было патріотически-научное образованіе и сохраненіе неприкосновенными польскаго языка и національности; но другою тайною цѣлью было подготовленіе будущей общественной революціи, для чего старались уничтожить всякіе слѣды аристократическаго духа въ подрастающей молодежи. Богатые и бѣдные сближались между собою, и послѣдніе воспитывались и получали образованіе на счетъ первыхъ, чтобы впослѣдствіи занять мѣста учителей и воспитателей въ богатѣйшихъ и наиболѣе знатныхъ семействахъ, гдѣ они должны были стараться распространять новыя идеи въ подрастающемъ поколѣніи. Спокойное существованіе подобнаго общества въ теченіи многихъ лѣтъ, безпрепятственное распространеніе посредствомъ его неудовольствія противъ существующаго порядка между молодежью и подготовленіе ея къ будущему возстанію, все это лучше всего доказываетъ какъ неосновательны были жалобы революціонеровъ на тайную полицію въ Польшѣ (*).

Только позже, когда происки тайныхъ обществъ были обнаружены, увеличили въ университетѣ число надзирателей и педелей, и надъ учениками учредили болѣе строгій надзоръ, что было необходимо по самому ходу дѣлъ: ибо никакое государство не можетъ спокойно смотрѣть, какъ стараются его ниспровергнуть.

На жалобу, что променисты въ ихъ сочиненіяхъ и пѣсняхъ злословятъ религію, военный губернаторъ, генералъ Корсаковъ, удовольствовался требованіямъ распустить общество, не настаивая на дальнѣйшихъ розыскахъ или взысканіяхъ. Общество распалось для того, чтобы тотчасъ же снова тайно собраться. Составился вторичный союзъ подъ именемъ Филаретовъ (друзей добродѣтели). Выборные изъ нихъ назвали себя Филоматами (друзьями знанія). Даже и по совершенномъ окончаніи курса Занъ оставался въ главѣ этого общества, коего цѣль и намѣренія успѣ-

(*) Мы здѣсь говоримъ о Литвѣ, гдѣ авторъ все это время жилъ и вблизи видѣлъ вещи, почему онъ можетъ по совѣсти увѣрить, что кромѣ заговорщиковъ ни одинъ человѣкъ тамъ и не примѣчалъ этой страшной тайной полиціи. Можетъ быть въ Варшавѣ было иначе; въ такомъ случаѣ это было только слѣдствіемъ повторяющихся тайныхъ обществъ и заговоровъ. Они первые создали тайную полицію, о которой и тамъ прежде также ничего не было слышно.

ли уже выказаться яснѣе: кромѣ уничтоженія аристократіи, они стремились изучить ближайшимъ образомъ страну и ея средства, чтобы получить возможность воспользоваться ими при первомъ случаѣ. Каждый ученикъ при отъѣздѣ своемъ на родину получалъ особую таблицу, которую онъ обязывался наполнить географическими, статистическими, историческими, геологическими и другими замѣчаніями и затѣмъ возвратить ее снова Зану. Составленная такимъ образомъ статистика, была отпечатана тайно, съ завѣшенными окнами, безъ разрѣшенія цензуры, и роздана соучастникамъ. Одновременно было учреждено типографское общество, долженствовавшее перепечатать вновь лучшія польскія сочиненія и распространить ихъ (*) въ странѣ по дешевымъ цѣнамъ. Одинъ самъ по себѣ маловажный случай, снова обратилъ вниманіе правительства на эти козни.

Двѣнадцати-лѣтній гр. Платеръ, бывшій въ Виленской гимназіи, въ самый день 3 мая 1823 г. написалъ на классной одскѣ: «Да здравствуетъ конституція 3 мая!» Другіе ученики прибавили къ этому свои замѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были довольно рѣзки. Дѣло само по себѣ было бы незначительно, еслибы оно не изобличало господствующій духъ школьной молодежи. Польскіе учители и надзиратели видѣли эти надписи и молчали; и все бы прошло спокойно, еслибы учитель русскаго языка, недовольный сдѣланнымъ ему начальникомъ выговоромъ, не донесъ объ этомъ. Такимъ образомъ возникло объ этомъ дѣло. Люди, захотѣвшіе выслужиться, донесли о немъ въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ Великому Князю въ Варшаву; вслѣдствіе чего Великій Князь повелѣлъ произвести строгое изслѣдованіе, и для этого послалъ въ Вильну своего адъютанта, полковника гр. Нессельроде, человѣка вполнѣ достойнаго и благороднаго. Доискиваясь источника непокорнаго и мятежнаго настроенія молодежи, удостовѣрились, что не смотря на запрещеніе, тайныя общества продолжаютъ существовать между студентами и что многіе профессоры, въ особенности же Лелевель, поощряютъ ихъ къ этому. При такихъ

(*) Объ этихъ тайныхъ обществахъ смотри статью въ Revue Britannique Avril 1831. (Histoire politique de la Lithuanie) и Шпациръ 1. 104.

обстоятельствахъ Императоръ Александръ нашелъ нужнымъ уволить князя Чарторижскаго отъ должности куратора Виленскаго университета и попечителя учебнаго округа, и замѣстить его своимъ уполномоченнымъ коммиссаромъ въ Польшѣ, сенаторомъ тр. Новосильцовымъ, коего многосторонніе свѣдѣнія, продолжительная политическая опытность и близкое знакомство съ Польшею, дѣлали особенно способнымъ къ занятію этой должности (*). Въ то же время ему было приказано произвести строгое слѣдствіе о студенческихъ обществахъ въ Вильнѣ; тогда были открыты всѣ тайныя общества Проминистовъ, Филаретовъ, Филоматовъ, члены которыхъ числомъ до 166, были большею частью студенты университета, оканчивающіе или уже окончившіе курсъ и даже частію уже вступившіе въ гражданскую или военную службу. Изъ этихъ 166 были особенно замѣшаны 108 чел., которыхъ привезли въ Вильну и допросили по одиначкѣ; причемъ ясно было доказано, что хотя они и знали о запрещеніи тайныхъ обществъ, но не смотря на то, основали ихъ подъ вліяніемъ четырехъ профессоровъ университета: Бобровскаго, Лелевеля, Глуховскаго, Даниловича и секретаря библіотеки Контрыма. Найденныя при нихъ различныя сочиненія и стихи, хотя и обнаруживали ихъ фанатическую ненависть къ правительству, но все же посредствомъ ихъ нельзя было ничего доказать, такъ какъ студенты единогласно утверждали, что учредили общества только съ ученою и благотворительною цѣлью. Поэтому обвиненными могли быть только ректоръ Твардовскій, секретарь библіотеки и четыре профессора поощрявшіе ихъ, и тѣ изъ студентовъ, которые участвовали въ составленіи патріотическихъ пѣсень и пасквилей. Твар.

(*) Гр. Новосильцовъ уже въ 1794 г. участвовалъ въ польскомъ походѣ съ генераломъ Ферзеномъ. Во время царствованія Императора Павла, онъ находился за границею, преимущественно въ Англіи; съ воцареніемъ же Императора Александра I былъ призванъ къ занятію высшихъ государственныхъ должностей. Во время владычества Наполеона, считавшаго его своимъ личнымъ врагомъ, онъ оставилъ службу и до 1812 г. жилъ въ Вѣнѣ, откуда въ томъ же году отправился къ русской арміи и былъ въ 1813 г членомъ временнаго правленія Варшавскаго герцогства, а послѣ учрежденія Царства, Императорскимъ уполномоченнымъ коммисаромъ при польскомъ правительствѣ. Впослѣдствіи онъ былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта въ Петербургѣ. (Онъ скончался весною 1838 г.).

довскій и четыре профессора, показавшіе себя недостойными оказаннаго имъ довѣрія, были удалены отъ должностей; секретарь библіотеки получилъ отставку съ пенсіею; этотъ послѣдній отправился въ имѣнье свое въ Россіенскій уѣздъ, Твардовскій возвратился въ Пинскъ, а Лелевель и Глуховской въ Варшаву. Бобровскій чрезъ годъ былъ вновь опредѣленъ на свою прежнюю должность, а Даниловичъ, человѣкъ съ большими познаніями, вскорѣ послѣ сего былъ профессоромъ въ Харьковѣ, а впослѣдствіи служилъ въ канцеляріи Государя. Всѣ 108 студентовъ были освобождены, безъ всякихъ послѣдствій, даже девять человѣкъ, оказавшихся наиболѣе виновными, были только удалены изъ Польши и посланы въ Россію. Клеветники разсказывали, что будто бы эти молодые люди были отправлены въ кандалахъ въ Сибирь и тамъ осуждены на каторжную работу; въ дѣйствительности ничего этого не было: напротивъ, съ ними обходились съ величайшею умѣренностью и даже, смотря по собственному ихъ желанію и по степени ихъ образованія и познаній, они были опредѣлены на службу въ различныхъ мѣстахъ государства, одни въ Одессѣ, другіе въ Москвѣ, въ Казани, въ Харьковѣ и нѣкоторые даже въ Петербургѣ (*). Такъ напримѣръ: Францъ Малевскій, одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ общества, былъ опредѣленъ въ канцелярію Государя; другой, Іосифъ Ковалевскій, сдѣлавъ на казенный счетъ ученое путешествіе въ Китай, былъ профессоромъ въ Казани; судьба поэта Мицкевича также извѣстна: благодаря своимъ талантамъ, онъ съ уваженіемъ былъ принятъ въ Одессѣ, а потомъ былъ посланъ въ Москву и Петербургъ, гдѣ съ нимъ обходились съ величайшимъ вниманіемъ. Позже, одна русская княгиня, предпринявшая путешествіе въ Италію, взяла его съ собою. Такъ всѣ, смотря по ихъ способностямъ, пріобрѣли болѣе или менѣе выгодное положеніе въ Россіи.

Такимъ образомъ Лелевель (**) былъ оторванъ отъ сре-

(*) Авторъ видѣлъ письма многихъ изъ сихъ молодыхъ людей, въ коихъ они благодарили судьбу за то что были отправлены въ Россію, потому что въ своемъ отечествѣ они никогда недостигли бы такого блестящаго поприща.

(**) «Королевскій» какъ по мнѣнію Шпацира (1. 136) его называлъ Мицкевичъ. Это происходитъ отъ слѣдующей ошибки: Лелевель, былъ изъ Варшавы—почему

доточія своихъ связей и тайныхъ происковъ; съ стѣсненнымъ сердцемъ и полный раздраженія воротился онъ въ свой родной городъ, гдѣ друзья его доставили ему мѣсто библіотекаря въ обществѣ наукъ. Между тѣмъ не только въ Вильно, но и въ школахъ другихъ городовъ, какъ-то: въ Кроже, Кейданахъ, Поневѣжѣ, Ковно, Свислочѣ и пр. былъ обнаруженъ въ высшей степени враждебный правительству духъ. Самыя нелѣпыя сказки были распространяемы между молодежью, для возбужденія въ ней ненависти противъ Россіи; къ сожалѣнію онѣ имѣли такой успѣхъ, что ученики были готовы на величайшія преступленія. Въ январѣ 1825 г. директоръ гимназіи въ Кейданахъ Молессонъ доносилъ куратору Новосильцову что: «дошло до его свѣдѣнія, что нѣкоторые ученики «гимназіи, имѣли намѣреніе умертвить Великаго Князя Константина Павловича, при перемѣнѣ лошадей на станціи, во «время поѣздки Его въ Петербургъ». Кураторъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, тотчасъ отправился въ Кейданы для изслѣдованія этого дѣла, и здѣсь оказалось, что родной сынъ упомянутаго директора Молессона, взбалмошный молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ, съ другимъ единомышленикомъ, по имени Тюръ, дѣйствительно составили планъ убійства и для этой цѣли держали въ постоянной готовности два двухстволь-ные, заряженные пулями, пистолеты. Такъ несчастный отецъ, самъ того не зная, выдалъ своего собственнаго сына. Когда два дня спустя Великій Князь прибылъ въ Кейданы, и спросилъ молодаго Молессона: «что я вамъ сдѣлалъ, что вы хотѣли убить «меня?» Онъ дерзко отвѣчалъ: «я и Тюръ рѣшились на это, «услышавъ, что по приказанію Вашему въ Вильно терзаютъ «студентовъ; къ тому же намъ обоимъ жизнь и безъ того на-«доѣла, потому что я влюбленъ въ сестру Тюра, а Тюръ въ «мою, безъ взаимной любви съ ихъ стороны». Кромѣ двухъ вышесказанныхъ еще четверо другихъ молодыхъ людей были посвящены въ тайну этого умысла, а потому всѣ шестеро бы-

---

Мицкевичъ называетъ его въ своихъ стихотвореніяхъ «Koronny» изъ Королевства, въ противоположность великому княжеству Литовскому. Изъ этаго «Koronny» г. Шпациръ дѣлаетъ «королевскаго Лелевеля».

ли приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни. Но Великій Князь смягчилъ наказаніе, Онъ приказалъ Молессона и Тюра сослать въ Сибирь, а остальныхъ четырехъ отдать въ солдаты.

Шпациръ, Ходзько и другіе разсказываютъ о пятистахъ студентахъ и ученикахъ, будто бы отданныхъ въ солдаты; для опроверженія ихъ, мы опредѣлимъ здѣсь ихъ точное число (*). Ихъ было всего двадцать шесть, именно: кромѣ четырехъ упомянутыхъ изъ Кейданъ, молодой Платеръ съ четырьмя товарищами, шесть гимназистовъ изъ Крожъ, два изъ Поневѣжа, три изъ Ковно и пять изъ Свислочи, которые или писали пасквили противъ Царской Фамиліи, или были виновны въ безпокойномъ поведеніи, въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству, и тому подобныхъ проступкахъ; наконецъ еще одинъ студентъ, хотѣвшій умертвить ректора Пеликана; всѣ они для исправленія были на время отданы въ солдаты. Но и здѣсь однако облегченіе и производство нисколько не было для нихъ закрыто. Такъ изъ числа четырехъ молодыхъ людей сосланныхъ въ 1825 г. изъ Кейданъ на Кавказъ солдатами, девять лѣтъ спустя, двое изъ нихъ (Виткевичъ и Селіоновичъ) пріѣзжали для свиданія съ родителями, поселившимися въ Шавляхъ; одинъ изъ нихъ былъ уже капитаномъ, а другой поручикомъ и оба сдѣлались хорошими офицерами. Точно также и большая часть другихъ молодыхъ людей сданныхъ вмѣстѣ съ ними въ солдаты (какъ напримѣръ: Платеръ и его товарищи) давно уже были произведены въ офицеры.

(*) При этомъ случаѣ мы можемъ указать и на другіе разсказы писателей, защищавшихъ революцію (Шпациръ 1. 112, Гербело, rzut oka, «что будто бы «Государь подписалъ указъ, въ которомъ польская національность открыто названа сумазбродствомъ». Слова въ рапортѣ, (это было Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ по дѣламъ Виленскаго университета за 1824 г.) изображающемъ смуты въ Виленскомъ округѣ и предлагающемъ мѣры для ихъ обузданія, были слѣдующія: «безразсудное стремленіе къ распространенію духа польскаго патріотизма». Въ рапортѣ говорится только о Виленскомъ учебномъ округѣ (Бѣлоруссія, Литва, Волынь, Подолія и Украйна) и въ приведенномъ выраженіи ясно разумѣлось только возбужденіе отвращенія къ Россіи и сильное желаніе прежняго порядка дѣлъ. Наконецъ выраженіе это находится не въ Царскомъ повелѣніи, потому что конфирмація относилась только къ предложеннымъ мѣрамъ (удаленіе четырехъ профессоровъ и т. д.).

Разсматривая всѣ происки противъ правительства, мы видимъ, что между всѣми распространенными въ Польшѣ и Литвѣ партіями, главнымъ образомъ отличались двѣ. Одна партія, исключительно состоявшая изъ депутатовъ отъ дворянства и изъ людей высшаго званія, пользующихся вліяніемъ и уже зрѣлыхъ лѣтъ, хотѣла произвести перемѣну мирнымъ путемъ безъ насильственныхъ средствъ. Другая, состоящая исключительно изъ литераторовъ, журналистовъ, молодыхъ офицеровъ и студентовъ, людей безъ опытности и практическихъ свѣдѣній, была равнодушна къ выбору средствъ, лишь бы только они вели къ перевороту. Главнымъ представителемъ первой партіи былъ кн. Чарторижскій, второй Лелевель. Да и цѣли обѣихъ партій не были совершенно одинаковы. Первая желала сохранить настоящую или сходную съ нею конституцію, но съ тѣмъ, чтобы въ главѣ ея былъ поставленъ Полякъ и чтобы всѣ польскія провинціи были соединены въ одно Королевство; послѣдняя желала не только политической, но и въ особенности, соціальной революціи. По мнѣнію ея, Польша со всѣми прежними составными частями страны, даже съ самыми отдаленными, которыя когда либо принадлежали ей, должна была быть возстановлена какъ республика или хотя и какъ Королевство, но съ такою конституціею, которая сосредоточивала бы всѣ виды власти въ рукахъ сейма; такимъ образомъ возникло бы учрежденіе въ родѣ національнаго конвента. Если это не было идеею большинства, вообще не имѣющаго идей, то по крайней мѣрѣ такова была мысль предводителей.

Первая партія распадалась опять на двѣ части: такъ называемыхъ дипломатовъ и оппонентовъ (конституціонистовъ или калишцовъ). Каждая имѣла свой особенный характеръ. Одна состояла изъ лицъ высшаго дворянства, довершившихъ свое политическое образованіе въ путешествіяхъ и при Европейскихъ дворахъ. Они съ грустью вспоминали о золотомъ времени, когда дворянство въ Польшѣ было почти полнымъ властелиномъ страны; ихъ желаніе и цѣль состояли въ томъ, чтобы вновь возвратить это счастливое время (*). Польша опять

(*) Наши предки въ немногихъ словахъ очень вѣрно изобразили прежнее со-

должна была сдѣлаться однимъ большимъ независимымъ государствомъ, но не посредствомъ войны или революціонныхъ потрясеній, которыя имъ, обладателямъ большихъ имѣній были ненавистны, а исподоволь, посредствомъ умѣнія пользоваться обстоятельствами. Они надѣялись облегчить достиженіе своей цѣли посредствомъ лукаво распространяемыхъ опасеній о преобладаніи Росссіи, посредствомъ дипломатическаго искусства, посредствомъ интригъ и тайныхъ договоровъ за границею, а внутри посредствомъ фанатизированія національнаго чувства; затѣмъ уже, когда бы удалось вовлечь Россію въ опасную войну, надлежало приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Эта партія, тихо и неутомимо стремящаяся къ своей цѣли, хотя и была слабѣйшая числомъ, но, не смотря на это, была не менѣе опасна, такъ какъ ее составляли бо́льшею частію люди богатые, знатные и образованные, а потому и обладающіе большими средствами. Къ ней принадлежали лица первѣйшихъ фамилій, Чарторижскій, Велепольскій, Лудвигъ Платеръ, Густавъ Малаховскій и другіе. Впослѣдствіи она была названа дипломатическою.

Другую половину первой партіи образовали депутаты оппозиціи сейма; хотя они также имѣли въ виду большое Польское государство, но въ будущемъ: ихъ первая, непосредственная цѣль была оппозиція. Отправляясь отъ конституціи 1815 года, какъ отъ исходнаго пункта, они надѣялись законными средствами достигнуть желанной цѣли; каждый шагъ впередъ по этому пути, долженъ былъ быть сдѣланъ не иначе какъ сеймомъ; они гнушались всякихъ насилій, всякихъ народныхъ волненій и революцій. Въ дѣйствіяхъ своихъ они руководились примѣромъ Франціи; оппозиція Фоа (Foy), Бенжамена Констана (Constant), Казиміра Перріе (Perrier), была образцомъ, которому они подражали. Ядро этой партіи состояло изъ депутатовъ Калиша, почему она и была предпочтительно называема Калишскою. Она особенно групировалась около братьевъ Немо-

стояніе Польши, которое съ такимъ нетерпѣніемъ желали теперь воротить: «Est coelum nobilium, paradisus clericorum, infernus rusticorum.» (Это небо для дворянства, рай для духовенства и адъ для крестьянъ).

ievскихъ, обоихъ Моравскихъ и гр. Владислава Островскаго, но къ нимъ присоединились и тѣ депутаты и другихъ воеводствъ, которые хотѣли обратить на себя вниманіе, какъ то: Барзиковскій депутатъ Остроленки, Свирскій—Люблина, Свиджинскій и Иванъ Ледоховскій—Кракова, Воловскій и Крысинскій—Мазовіи, и другіе.

Для большинства націи конституція не могла сдѣлаться точкою соединенія; для сего необходимо было осуществленіе общей идеи, т. е. возстановленіе прежняго Польскаго Королевства. Эта идея служила девизомъ другой главной партіи, собственно революціонной, которая также распадалась на два отдѣленія. Она состояла изъ военныхъ, ученыхъ и учащихся. Отличительное свойство этой партіи заключалось въ томъ, что члены ея были преимущественно молодые люди, хотѣвшіе произвести революцію, во что бы то ни стало и не разбирая средствъ. Цѣль обоихъ развѣтвленій этой партіи была одна и таже и заключалась въ осуществленіи главной идеи. Они ра сходились только во взглядахъ на средства, долженствовавшія привести къ ней. Партія военныхъ, состоящая изъ молодежи, посвященной въ прежнія патріотическія общества, хотя и была тогда ослаблена заточеніемъ своихъ предводителей, хотѣла воспользоваться всею массою народныхъ силъ, приготовить эти силы и тогда уже открытымъ возстаніемъ достигнуть своихъ цѣлей; имъ казалось только необходимымъ имѣть для сего способнаго полководца. Предводители академической партіи (подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ профессоровъ, журналистовъ, адвокатовъ, студентовъ и гимназистовъ) хотѣли, въ противоположность первымъ, подвигаться впередъ съ осторожностью: прежде чѣмъ отважиться явно выступить на бой, они хотѣли подвести тайные подкопы подъ всю прежнюю Польшу. Эта партія была наиболѣе опасна, потому что она не гнушалась никакими средствами и имѣла преимущественно цѣлью возбужденіе нижшихъ сословій общества. Сверхъ того она состояла бо́льшею частію изъ молодыхъ людей безъ опытности, безъ политическаго и соціальнаго образованія, фанатически преданныхъ своимъ предводителямъ, и готовыхъ исполнить всякое ихъ приказаніе. Эти предводители,

не обнаруживая своихъ дальнѣйшихъ плановъ, дѣйствовали сперва согласно съ дипломатическою партіею и частію получали инструкціи отъ ея предводителей.

Одинъ извѣстный сочинитель, пишущій въ польскомъ духѣ (*), выражается объ этихъ разнообразныхъ стремленіяхъ слѣдующимъ образомъ: «Они безпрестанно возбуждали общественное вниманіе, образовывали множество центральныхъ пунктовъ и распространяли оттуда національный духъ по различнымъ направленіямъ между людьми совершенно различныхъ занятій и образа мыслей. Оппозиція сейма дѣйствовала на всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ образованному гражданскому классу, любившихъ разсуждать, но страшившихся всѣхъ отважныхъ и незаконныхъ дѣйствій: тайныя общества подготовляли солдатъ, рѣдко принимающихъ участіе въ конституціонныхъ тонкостяхъ и считающихъ ихъ маловажными; Лелевель, также какъ Занъ и великій поэтъ Мицкевичъ, бывшій послѣдователемъ этой школы, дѣйствовали на молодежъ, живущую въ царствѣ идеаловъ и общихъ теорій. Послѣ того, какъ стремленія ихъ раздѣлились, необходимость не позволяла имъ соединиться, чтобы Русское правительство не узнало общихъ цѣлей и не разрушило бы разомъ общаго дѣла.»

Каждая изъ упомянутыхъ партій съ самодовольствіемъ цѣнила высоко только свои собственныя стремленія, а прочія считала маловажными: только своими трудами думала она ускорить дѣло и привести его ближе къ желанной цѣли; на стремленія же всѣхъ другихъ партій смотрѣла скорѣе какъ на препятствія. Дипломатъ расчитывалъ только на свои интриги; отъ вѣчнаго сопротивленія оппонентовъ сейма онъ не ожидалъ ничего, кромѣ развѣ еще бо́льшаго ограниченія полученныхъ правъ; употреблять военную силу онъ не желалъ; болѣе же всего ненавистны ему были демократическія стремленія молодежи. Оппоненты сейма, гордясь тѣмъ, что могли выказывать въ камерахъ открытое сопротивленіе правительству, смотрѣли

(*) Шпациръ. 1, 97.

съ пренебреженіемъ на тѣхъ, которые не могли представлять націю въ залахъ засѣданія. Военные полагали, что нѣтъ никакой надобности, ни въ законодателяхъ, ни въ ораторахъ, были бы только храбрые и испытанные солдаты и опытный генералъ, могущій вести ихъ къ побѣдѣ; наконецъ молодые люди университетовъ ожидали дѣйствительныхъ послѣдствій только отъ своихъ стремленій: еслибы вся Польша проникнулась мало-помалу однимъ и тѣмъ же духомъ, что могло бы тогда сопротивляться ей!

Подобно тому какъ дипломатическая партія взирала на кн. Чарторижскаго какъ на свою главу, такъ и законодательная оппозиція считала своими предводителями братьевъ Немоіевскихъ и гр. Владислава Островскаго, большое состояніе котораго, свѣтское образованіе, ловкое обращеніе и привлекательная наружность, возвышали его еще болѣе; точно такъ и военная партія со времени удаленія Кржижановскаго съ надеждою обращала свое вниманіе на Хлопицкаго. Слава, заслуженная этимъ генераломъ во время испанскихъ войнъ, неограниченное довѣріе, питаемое къ нему солдатами, его величественная наружность, желѣзная строгость его дисциплины, наконецъ распространенное по всей странѣ высокое мнѣніе о его военныхъ талантахъ, указывали на него какъ на человѣка, съ успѣхомъ могущаго предводительствовать польскою арміею противъ Русскихъ. Къ этому присоединялось еще и то, что онъ, въ первые годы Русскаго владычества, вслѣдствіе незначительной непріятности на разводѣ, вышелъ въ отставку и былъ въ немилости у Великаго Князя: при господствующемъ духѣ сопротивленія, конечно всякій, кто заслужилъ неудовольствіе правительства, былъ героемъ націи. О причинахъ и обстоятельствахъ его отставки были распространяемы тысячи различныхъ разсказовъ, одинъ страннѣе и нелѣпѣе другаго; съ тѣхъ поръ популярность его въ Польшѣ не имѣла границъ. Къ тому же, не было ни одного генерала, могущаго оспаривать у него преимущества. Оставшіеся отъ временъ французскихъ; Пацъ, Радзивилъ, Сѣравскій, Войсчинскій и Казиміръ Малаховскій были стары, не служили и не имѣли особенныхъ дарованій; а на дѣйстви-

*

тельной службѣ находились только двое, считавшіеся хорошими Поляками: Круковецкій и Шембекъ; послѣдній любимый большинствомъ за ласковое обращеніе свое со всѣми, а первый за духъ сопротивленія, о которомъ распространяли по обыкновенію множество вымышленныхъ анекдотовъ; но люди, ближе знавшіе обоихъ, не довѣряли, какъ военнымъ способностямъ перваго, такъ и лукавой хитрости втораго.

Таково было настроеніе духа различныхъ партій въ Польшѣ, настроеніе, которое нужно отличать отъ духа націи, вполнѣ довольной своимъ положеніемъ, сознавшей благодѣянія русскаго правительства, справедливо цѣнившей всѣ выгоды, пріобрѣтенныя ихъ страною отъ соединенія съ могущественнымъ государствомъ, и за исключеніемъ временныхъ злоупотребленій, которыя вездѣ встрѣчаются, не желавшей никакихъ перемѣнъ. Большая часть дворянства, все вновь созданное среднее сословіе, чиновники, купцы, фабриканты, были въ высшей степени нерасположены къ революціи, которая могла подвергнуть разнымъ случайностямъ благосостояніе ихъ, пріобрѣтенное продолжительнымъ трудомъ; что же касается до крестьянъ, то они стояли еще на слишкомъ низкой ступени развитія, для того чтобы имѣть свое собственное мнѣніе: они были въ совершенной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ, а потому, гдѣ послѣдніе остались вѣрными, тамъ были вѣрны и крестьяне; тамъ же, гдѣ помѣщики выказали революціонныя стремленія, они могли расчитывать и на крестьянъ, какъ на готовое орудіе для выполненія своихъ намѣреній. Поэтому главнымъ двигателемъ и элементомъ къ будущему возстанію оставались только часть дворянства, литераторы, военное сословіе, молодежъ и чернь значительнѣйшихъ городовъ, явленіе повторявшееся и у другихъ народовъ.

Волненія, имѣвшія прямымъ слѣдствіемъ возстаніе $^{29}/_{17}$ ноября, къ описанію котораго мы теперь переходимъ, вообще весьма мало разъяснены для того, чтобы можно было съ увѣренностью и фактически изложить ихъ. Нисшіе двигатели, всѣ ихъ старанія и заговоры довольно извѣстны; но все же они были только орудіемъ въ рукахъ высшихъ, до настоящей мину-

ты еще мало разоблаченныхъ, хотя и можно отчасти угадать ихъ. Поэтому въ послѣдующемъ изложеніи мы приводимъ только то, что извѣстно изъ отдѣльныхъ сочиненій и судебныхъ розысковъ (*); мы предоставляемъ будущему историку разъяснить и выставить въ вѣрномъ свѣтѣ всѣ происшествія того времени.

Большой слѣдственный процессъ, возбужденный въ 1826 г. противъ тайныхъ обществъ и заговоровъ, унялъ на нѣкоторое время ихъ дѣятельность; но къ концу того же года, когда члены обществъ не подвергнувшіеся аресту увидѣли себя въ безопасности, они опять взялись за прежніе происки и пытались основать новыя связи, частію между молодыми людьми университета, частію же между воспитанниками военныхъ школъ. Послѣдніе имѣли гибельное вліяніе на настроеніе духа арміи, потому что воспитывавшіеся тамъ молодые люди, поступая въ полки унтеръ-офицерами, приносили съ собою духъ неудовольствія и возмущенія и всѣми силами старались распространить его. Чарторижскій и Лелевель, также отважились дѣйствовать смѣлѣе въ Варшавѣ. Чарторижскій, обманутый въ надеждѣ получить мѣсто Намѣстника, на которомъ, какъ выражается одинъ изъ его почитателей, «онъ одинъ могъ надѣяться привести въ исполненіе свои планы» (**), будучи куратором Виленскаго учебнаго округа, въ тишинѣ продолжалъ дѣйствовать, не измѣняя принципамъ своей жизни (***); но и здѣсь онъ былъ уволенъ и удаленъ отъ своей должности. Послѣ этого, считая обстоятельства еще несозрѣвшими для своихъ намѣреній, онъ отправился за границу, чтобы на нѣкоторое время отвратить отъ себя вниманіе. Но едва приговоръ о государственныхъ преступникахъ былъ переданъ въ сенатъ какъ онъ возвратился, дабы занять въ немъ свое мѣсто. Те-

(*) Многое разъясняютъ въ этомъ отношеніи актъ обвиненія, равно какъ и приговоръ надъ заговорщиками объявленный криминальнымъ судомъ въ Варшавѣ, Авторъ пользовался преимущественно этимъ официальнымъ актомъ.

(**) Шпациръ. 1. 145.

(***) Тоже, ст. 146 Въ этомъ отношеніи еще яснѣе выражается извѣстный революціонный журналъ «Nowa Polska». «подъ отеческими попеченіями (№ 12) «и съ вѣдома кн. Адама (Чарторижскаго) образовались и развились патріотическія общества. Когда они были открыты, онъ сколько могъ защищалъ ихъ, уменьшалъ ихъ вину и многихъ юношей спасъ отъ погибели.»

перь онъ усерднѣе, хотя все еще съ бо́льшею осторожностію, принялся за дѣло, и различныя партіи взирали на него какъ на своего тайнаго главу. Тогдашнія политическія отношенія начали запутываться, возгорѣлась турецкая война, отношенія Англіи и Австріи къ Россіи казались двусмысленными и угрожающими: чѣмъ запутаннѣе дѣлались обстоятельства, тѣмъ радостнѣе казались они польскимъ патріотамъ и тѣмъ бо́льшую подавали имъ надежду. Чарторижскій, предвидѣвшій скорый взрывъ, думалъ только о томъ, какъ бы обезпечить свои имѣнія въ Россіи и взялъ подъ залогъ ихъ нѣсколько милліоновъ изъ русскаго банка. Большая часть другихъ предводителей сдѣлали тоже; такимъ образомъ люди, которыхъ впослѣдствіи не знали какъ превозносить за принесенныя ими отечеству жертвы, во время обезпечили себя. Лелевель, принужденный въ 1824 г. вернуться въ Варшаву, въ началѣ могъ дѣйствовать только въ замкнутомъ кругу. Онъ былъ здѣсь менѣе извѣстенъ, не имѣлъ еще довольно вѣсу и вліянія, чтобы привлечь на себя вниманіе; тогда именно господствовала калишская оппозиція и была въ своемъ блестящемъ періодѣ, а потому первымъ стараніемъ его было сдѣлаться членомъ сейма. Съ содѣйствіемъ своихъ прежнихъ покровителей онъ достигъ сего и былъ избранъ депутатомъ маленькаго городка Желехова. Знакомство съ депутатомъ отъ Мѣхова, Зверковскимъ, человѣкомъ рѣшительнымъ и смѣлымъ, бывшимъ офицеромъ Наполеоновской арміи, привело его въ средоточіе всей дѣятельности. Не имѣя ни состоянія, ни вліянія, мало уважаемый высшими партіями, Зверковскій былъ тѣмъ болѣе расположенъ къ планамъ и намѣреніямъ Лелевеля, что при помощи ихъ онъ могъ надѣяться играть важную роль. Онъ ревностно старался привлечь Лелевеля къ большему кругу дѣйствія. Вѣроятно при его помощи Лелевель вступилъ въ связь съ политическимъ союзомъ, бывшимъ въ то время въ Варшавѣ и состоявшимъ изъ людей высшихъ званій, депутатовъ и дипломатовъ, къ числу которыхъ принадлежали: Густавъ Малаховскій, Францъ Тршинскій, Зверковскій и другіе. (*) Этотъ союзъ, съ одной стороны при помощи по-

(*) Wyrak sądu kryminalnego (приговоръ криминальнаго суда) ст. 58.

средниковъ, имѣлъ большое вліяніе на партіи военной и академической молодежи и отчасти давалъ направленіе ихъ дѣйствіямъ, а съ другой стороны поддерживалъ связи съ заговорщиками чужихъ странъ, въ особенности во Франціи, откуда онъ и получалъ наставленія.

Конецъ 1828 г. казался совершенно благопріятнымъ для намѣреній польскихъ заговорщиковъ. Россія, озабоченная своими торговыми интересами на Черномъ морѣ, также какъ и участіемъ въ греческихъ дѣлахъ, была вовлечена въ войну съ Турціею, которая въ началѣ не столько отъ сопротивленія непріятеля, сколько отъ препятствій, представляемыхъ природою, казалась весьма трудной. О мнимыхъ неудачахъ русской арміи были распространяемы самые преувеличенные слухи, и революціонеры внимали имъ съ торжествующею радостію. Тотчасъ же рѣшено было начать дѣйствія и общимъ возстаніемъ увѣнчать долго скрываемые замыслы. Вслѣдствіе такого рѣшенія они удвоили свою дѣятельность: всѣ ихъ средства должны были соединиться и вся молодежь столицы должна была быть привлечена къ участію въ ихъ планахъ.

Теперь является на сцену лицо, получившее мгновенную славу, не столько по своимъ личнымъ качествамъ, сколько вслѣдствіе обстоятельствъ. — То былъ Петръ Высоцкій, подпоручикъ гвардейскихъ Гренадеръ, основавшій около этого времени изъ молодыхъ офицеровъ и воспитанниковъ военныхъ школъ союзъ противъ правительства; дѣйствовалъ ли онъ въ этомъ случаѣ по собственному влеченію, или, что вѣроятнѣе, по побужденію свыше, — остается неизвѣстнымъ. Когда впослѣдствіи, предпринятая имъ революція удалась, онъ въ полнотѣ своего торжества, описалъ весь ходъ заговора на сколько зналъ его (*). Онъ счи-

(*) Или скорѣе, приказалъ описать, потому что Высоцкій также мало владѣлъ перомъ, какъ и даромъ слова (впослѣдствіи мы увидимъ образцы его краснорѣчія). Морицъ Мохнацкій былъ настоящимъ сочинителемъ сего описанія, изданнаго отъ имени Высоцкаго. (Сначала оно было напечатано въ Польскомъ Курьерѣ № 357). Когда же позже Высоцкому со всѣхъ сторонъ дѣлали за него упреки, онъ охотно взялъ бы его обратно, но уже было поздно. Одни были въ претензіи, что онъ ихъ назвалъ, другіе, что онъ назвалъ ихъ недостаточно; такимъ образомъ, не угодивъ никому, онъ болѣе всего повредилъ самому себѣ, давъ готовый документъ для своего обвиненія впослѣдствіи.

талъ себя въ немъ главнымъ лицомъ и объявилъ это всему свѣту. «15/3 декабря 1828 г. говоритъ онъ-«случайно собрались у меня «нѣкоторые молодые люди изъ школы подпрапорщиковъ (*), «и мы разговорились о политическомъ положеніи Европы и «необходимости освободить наше отечество. Трудная турец- «кая война, въ которую была вовлечена Россія, оживляла на- «ши надежды. На другой день я сообщилъ нашъ разговоръ «нѣсколькимъ другимъ подпрапорщикамъ, образъ мыслей кото- «рыхъ мнѣ былъ извѣстенъ, и, образовавъ союзъ, мы поклялись «взаимно употребить всѣ наши силы и даже пожертвовать жизнью «для защиты нарушенной конституціи; въ случаѣ же ареста не «выдавать другъ друга; наконецъ мы условились быть чрезвы- «чайно осторожными относительно принятія новыхъ членовъ; «въ особенности же рѣшились не допускать предающихся пьян- «ству и картежной игрѣ и вообще людей подозрительнаго ха- «рактера».

Независимо отъ этого общества, между военною молодежью еще прежде было другое, котораго если не главою, то однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ былъ подпоручикъ Іосифъ Заливскій.—Этотъ Заливскій, уже въ 1820 г. находясь еще въ школѣ подпрапорщиковъ, принималъ участіе въ господствовавшихъ тогда волненіяхъ; впослѣдствіи, произведенный въ подпоручики, онъ продолжалъ привлекать молодыхъ людей къ союзу, направленному противъ правительства, къ чему ему представлялось много случаевъ по его должности учителя плаванія (1824). Обладая необузданнымъ честолюбіемъ, но безъ особенныхъ умственныхъ способностей, онъ своимъ рѣшительнымъ характеромъ и таинственнымъ поведеніемъ оказывалъ большое вліяніе на окружающихъ. Безъ опредѣленнаго плана въ будущемъ, онъ вербовалъ сначала только недовольныхъ, долженствовав-

(*) Предназначаемая для военной службы польская молодежь приготовлялась въ отдѣльныхъ школахъ, для пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, кромѣ того для образованія въ высшихъ военныхъ наукахъ существовала такъ называемая аппликаціонная школа. Дабы имѣть доступъ въ одну изъ этихъ школъ, нужно было послужить въ полку и имѣть званіе унтеръ-офицера Способнѣйшіе унтеръ-офицеры были представляемы полковыми командирами къ пріему въ военныя школы, въ которыхъ были приготовляемы къ офицерской службѣ.

шихъ быть готовыми на всякій случай (*). Наконецъ въ университетѣ между студентами все еще продолжались тайные союзы, которые однакожъ безпрестанно принимали новыя названія и виды.

Между тѣмъ Высоцкій всѣми силами старался набирать сообщниковъ, сперва въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку, въ которомъ служилъ самъ, а потомъ и въ другихъ полкахъ. Его усиліямъ способствовало то обстоятельство, что большая часть молодыхъ офицеровъ арміи вышли изъ школы подпрапорщиковъ. Въ гренадерскомъ полку содѣйствовали ему подполковникъ Пашковичъ, посвященный въ прежніе заговоры военныхъ; въ саперахъ—подпоручики Пржедпельскій и Новосельскій, ручавшіеся за большую часть остальныхъ офицеровъ своего баталіона. Такимъ образомъ мало-по-малу были вовлечены еще многіе молодые офицеры изъ войскъ расположенныхъ въ Варшавѣ, которые обязались распространять союзъ въ своихъ полкахъ.

Когда заговорщики нашли такимъ образомъ приверженцевъ между военными, хотя и молодыми, неопытными и недовольными настоящимъ порядкомъ, рѣшились они начать сношенія съ городскими жителями. Высоцкій, не зная существованія другихъ обществъ, былъ со своими соучастниками въ невѣдѣніи, будутъ ли жители ихъ поддерживать. Сперва узнали мнѣніе Юліана Нѣмцевича, который, бывши прежде товарищемъ и другомъ Косцюшко, пользовался большимъ уваженіемъ, и отъ котораго, судя по его прежнему образу мыслей, можно было ожидать согласія. Нѣмцевичъ въ общихъ выраженіяхъ восхвалялъ любовь ихъ къ отечеству, но старецъ, живущій уже съ третьимъ поколѣніемъ, былъ довольно остороженъ, дабы не вмѣшаться въ это дѣло и отклонялъ предложенія молодыхъ энтузіастовъ словами:

(*) Смотри, позже изданную имъ въ Парижѣ, брошюру: La revolution Polonaise du 29 Novembre 1830. Paris 1833. ст. 2, по которою нужно пользоваться съ величайшею осторожностію. Къ явнымъ выдумкамъ сочинителя, между прочимъ принадлежитъ мнимый разговоръ его съ кн Любецкимъ, такъ неискусно вымышленный, что показываетъ только ограниченность изобрѣтателя; тоже можно сказать о явно выдуманной исторіи объ измѣнѣ Скржинецкаго. Все это однако не мѣшаетъ Заливскому громогласно выдавать свои выдумки за истину.

что еще не настало время. Но Высоцкій принялъ этотъ уклончивый отвѣтъ за совершенное одобреніе, и былъ этимъ поощренъ къ дальнѣйшимъ усиліямъ.

Между прочими менѣе значительными лицами были приняты въ это время въ заговоръ трое будущихъ его предводителей: Морицъ Мохнацкій, описавшій его, Адамъ Гуровскій и Адольфъ Чиховскій, коихъ прежній горькій опытъ не могъ удержать отъ новыхъ замысловъ: всѣ трое были введены своими братьями, принадлежавшими къ союзу въ качествѣ подпрапорщиковъ. Адамъ Гуровскій, своими связями съ калишскою и дипломатическою партіями, былъ въ особенности важнымъ пріобрѣтеніемъ, и служилъ посредникомъ между ними и названными партіями.

Подпрапорщики, усиливъ такимъ образомъ свою партію, считали свое предпріятіе окончательно созрѣвшимъ; неспособные на глубокій расчетъ и соображеніе, большею частію пригодные только для того, чтобы быть орудіемъ другихъ, они желали ускорить минуту взрыва и назначили для сего конецъ марта мѣсяца. Тогда дошло до нихъ извѣстіе, что: «Императоръ Николай, передъ открытіемъ втораго турецкаго похода со всею фамиліею прибудетъ въ Варшаву, чтобы короноваться Царемъ Польскимъ.» Это извѣстіе произвело большое волненіе во всей странѣ: удовольствіе и радость между всѣми дѣйствительно любившими свое отечество, — частыя совѣщанія и усиленную дѣятельность между заговорщиками всѣхъ оттѣнковъ. Высшій политическій союзъ, предоставлявшій до-сихъ поръ академической и военной молодежи неосторожно подвергаться опасности и навлекать на себя подозрѣніе, вышедъ на нѣсколько мгновеній изъ тьмы окружавшей его, и чрезъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ вошелъ въ непосредственную связь съ союзомъ подпрапорщиковъ; по разсказамъ Мохнацкаго поводомъ къ тому было слѣдующее (*): Титъ Дзялинскій, молодой, богатый дворянинъ изъ Познани, находившійся въ родствѣ съ первѣйшими фамиліями (въ особенности съ Чарторижскими), спросилъ секретно у Адама Гуровскаго: «не можетъ ли онъ ему доставить надежныхъ

(*) Часть 1, ст. 547.

людей для посягательства на жизнь Государя и Царской фамиліи». Гуровскій поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ Высоцкаго и подпрапорщиковъ; они рѣшились, вмѣсто того чтобы произвести возстаніе въ мартѣ, соединить его съ планомъ Дзялинскаго и отложить до коронаціи. Дзялинскій съ своей стороны съ большою радостію узналъ о заговорѣ школы, предложилъ для вспоможенія ему свою жизнь и состояніе и увѣрилъ, что не преминетъ извѣстить о всемъ кн. Адама Чарторижскаго; тотчасъ послѣ этого онъ намекнулъ, что «Чарторижскаго нужно избрать диктаторомъ»; однако потребовалъ честнаго слова Гуровскаго, что имя Чарторижскаго при другихъ заговорщикахъ будетъ называемо съ величайшею осторожностію (*).

Послѣ этого связь высшаго союза съ подпрапорщиками сдѣлалась дѣятельнѣе; Густавъ Малаховскій, Эдуардъ Тршинскій, Бернардъ Потоцкій (сынъ извѣстнаго ученаго Ивана Потоцкаго) сдѣлались извѣстными послѣднимъ. Когда Высоцкій изъявилъ желаніе познакомиться съ членами сейма, Гуровскій обѣщалъ сблизить его съ Зверковскимъ, принадлежавшимъ къ калишской партіи, или, какъ Гуровскій насмѣшливо выражался: «къ монархически - конституціонно - законно - оппозиціонной партіи сейма». Они имѣли продолжительное совѣщаніе. Высоцкій хвалился распространеніемъ своего союза, надѣялся на поддержку камеръ и объявилъ: «что онъ и его подпрапорщики избрали Зверковскаго посредникомъ между собою и камерами». При этомъ свиданіи было также рѣшено, что камеры должны представлять будущее правительство возстанія.

Различныя обстоятельства, какъ-то: нерѣшительность Дзялинскаго, его происки противъ Густава Малаховскаго, котораго онъ хотѣлъ выставить подозрительнымъ, многіе аресты, — произвели между заговорщиками опасенія, но не измѣнили ихъ планы; впрочемъ, все это были обыкновенныя явленія всѣхъ заговоровъ, въ которыхъ и ревностные соучастники не всегда избѣгаютъ подозрѣнія собратовъ.

Зверковскій, извѣщенный что Дзялинскій, Потоцкій и Малаховскій знали о союзѣ военныхъ школъ, получилъ отъ под-

(*) Мохнацкій I. 559.

прапорщиковъ, доселѣ договарившихся только чрезъ Гуровскаго, уполномоченіе войти съ ними въ соглашеніе. Собраніе было назначено въ квартирѣ Зверковскаго. Въ немъ было рѣшено, что Дзялинскій долженъ былъ ѣхать въ Берлинъ, а Бернгардъ Потоцкій въ Вѣну, съ цѣлію вывѣдать какъ будетъ принята польская революція, съ одной стороны у Англійскаго посланника, съ которымъ Дзялинскій былъ знакомъ, а съ другой стороны—въ Австрійскомъ кабинетѣ чрезъ родственниковъ Потоцкаго. Малаховскій взялся набирать сообщниковъ между жителями Галиціи, Сандомирскаго и пограничныхъ воеводствъ и подготовлять настроеніе духа ихъ къ перевороту; тоже самое хотѣли сдѣлать Зверковскій въ камерахъ, а Гуровскій въ калишской партіи. Въ отношеніи возстанія было условлено слѣдующее: непосредственно предъ коронаціею хотѣли подать подписанную многими собравшимися въ Варшавѣ депутатами просьбу объ отмѣнѣ добавочнаго акта, запрещавшаго публичность совѣщаній сейма. Еслибы Государь, какъ ожидали, отказалъ въ этомъ, хотѣли увѣдомить военныхъ заговорщиковъ. Они должны были во время парада на саксонской площади, гдѣ обыкновенно присутствовали Государь, оба Великіе Князя Константинъ и Михаилъ и юный Наслѣдникъ престола Александръ, броситься на особъ Царской фамиліи изъ рядовъ польскихъ солдатъ, умертвить ихъ и тѣмъ поднять знамя бунта. При этомъ расчитывали на многочисленныхъ сообщниковъ, которыхъ они имѣли въ расположенныхъ въ Варшавѣ войскахъ, надѣялись при помощи ихъ увлечь польскія войска въ революцію и, въ связи съ возмутившимся народомъ, противостать русскимъ полкамъ въ Варшавѣ. Собранная для коронаціи въ лагерь въ окрестностяхъ столицы, польская армія должна была защищать дальнѣйшее дѣло возстанія. Высоцкій—именемъ своихъ военныхъ соучастниковъ, объявилъ себя готовымъ и тутъ же сдѣлалъ нужныя распоряженія. Чрезъ посредство Урбанскаго, казначея гвардейскаго гренадерскаго полка запаслись изъ лагеря боевыми патронами и увеличили пріемъ молодыхъ людей изъ университета и изъ войскъ варшавскаго гарнизона.

Гуровскій приготовлялся уже къ отъѣзду въ Калишъ, какъ

вдругъ въ одно утро врывается къ нему блѣдный и разстроенный Дзялинскій и говоритъ: «Я отъ всего отказываюсь, намъ измѣнили, меня сейчасъ предостерегъ Моренгеймъ (состоящій при Великомъ Князѣ русскій статскій совѣтникъ).» Правительство получило посредствомъ небольшаго допроса одного молодаго священника различныя указанія, которыя однакоже не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Смущенный Гуровскій спѣшитъ съ этою новостью къ Высоцкому: они рѣшаютъ держать это обстоятельство въ тайнѣ отъ прочихъ. Нѣсколько часовъ спустя, Бернгардъ Потоцкій успокоиваетъ ихъ увѣреніемъ, что: «Дзялинскій оправился отъ своего страха и что они оба исполнятъ свои порученія.» Они отправились, но одинъ не поѣхалъ въ Берлинъ, а другой не поѣхалъ въ Вѣну; съ-тѣхъ-поръ о нихъ ничего не было слышно. Малаховскій же, Гуровскій и Зверковскій ревностно и не безъ послѣдствій взялись за дѣло.

Въ маѣ 1829 г. насталъ день, столь желанный большею частію націи, день, въ который Императоръ Николай хотѣлъ возложить на свою главу польскую корону. Сенаторы, депутаты, дворянство, гражданскіе и военные чины и любопытные всѣхъ сословій стремились въ Варшаву, полные радостной надежды, что счастіе ихъ страны прочно укрѣпится этимъ актомъ: только заговорщики мрачно прокрадывались въ толпѣ, дабы отравлять чувства, задушать радость и привлекать сообщниковъ и орудія для злочестивѣйшихъ намѣреній. Но Провидѣніе пеклось о главѣ Монарха и сдѣлало тщетнымъ всѣ замыслы Его враговъ. Замѣшательства, недоразумѣнія, несогласія и неизвѣстность постигли ихъ, и удержали поднятыя для преступленія руки, и лѣтописи народа, хвалившагося своимъ благородствомъ, не были запятнаны самымъ низкимъ дѣломъ. (*) Упомянутое прошеніе, подписанное весьма не большимъ числомъ лицъ, было подано, но, какъ спра-

(*) Подчашинскій I. ст. 332, Мохнацкій 1. 548, Мирославскій (histoire de la révolution de Pologne, Paris 1836) 1. 114. и другіе не скрываютъ, что дѣло шло о смертномъ умыслѣ. Шпациръ, напротивъ, писавшій для Нѣмцевъ, изъ опасенія повредить репутаціи покровительствуемыхъ имъ Поляковъ, говоритъ, что они имѣли цѣлію только арестованіе.

ведливо предвидѣли, безъ всякихъ послѣдствій. Это должно было служить сигналомъ для заговорщиковъ. Но у депутатовъ недостало бодрости. Вслѣдствіе ли того, что ихъ сердца не довольно зачерствѣли и ихъ чувство отвергало мысль за довѣренность отвѣчать измѣною, или вслѣдствіе того, что ими овладѣло естественное отвращеніе отъ открытаго возмущенія и его ужасовъ,—словомъ, они выразили такую мысль: «минута неблагопріятна и необходимо обождать еще нѣкоторое время.» Молодые офицеры, предпочитавшіе лучше подвергнуть себя опасности самымъ дѣйствіемъ, нежели ожиданіемъ, были недовольны этимъ замедленіемъ. Но имъ отвѣчали: «Россія только-что пріобрѣла значительные успѣхи надъ Турками, почему въ ту минуту нельзя было отважиться ни на что рѣшительное; къ тому же присовокупляли, что положеніе дѣлъ во Франціи, равно какъ и тамошнее министерство (Martignac) неблагопріятны перевороту въ Польшѣ.

Между тѣмъ число соучастниковъ было весьма велико и въ послѣднее время еще значительно увеличилось; достаточно было одного измѣнника, чтобы погубить всѣхъ заговорщиковъ. Постоянный страхъ быть обнаруженными овладѣлъ соучастниками въ войскѣ; они ежеминутно опасались, что ихъ арестуютъ. Но ареста не послѣдовало, чѣмъ они однако не успокоились; то что не случилось сегодня, могло случиться завтра. Дабы избавиться отъ этого мучительнаго положенія, они представили бывшимъ съ ними въ связи депутатомъ, что: «если они теперь не начнутъ дѣйствовать, то неминуемо погибнутъ всѣ, какъ основатели военнаго союза, такъ и прикосновенные къ нему депутаты. Что, по ихъ мнѣнію, оставалась еще возможность привести въ исполненіе неудавшійся умыселъ, если только депутаты дадутъ на то свое согласіе. Для этого можно было воспользоваться предстоящимъ народнымъ праздникомъ въ Уяздовѣ, гдѣ должна была присутствовать вся Царская фамилія.» Но это тоже не сбылось и народный праздникъ, три для послѣ коронаціи, прошелъ спокойно.

Послѣ этого волненія насталъ годъ совершеннаго бездѣйствія: подпрапорщики и ихъ предводители сердились на членовъ

высшаго союза, удержавшихъ ихъ отъ дѣйствія. Едва избѣгнувъ кораблекрушенія и не совершенно успокоенные насчетъ своей безопасности, они не осмѣливались предпринять, что либо серіозное. Изъ надежды падали въ той мѣрѣ, какъ укрѣплялось спокойствіе Европы. Чѣмъ болѣе помрачались надежды, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ обращались они назадъ, къ первоначальному двусмысленному ходу турецкой войны, обѣщавшему столько благопріятныхъ шансовъ для ихъ плановъ и упрекали тѣхъ, которые препятствовали имъ въ то время. Ихъ заговоры, подобно предшествовавшимъ, угасли бы безъ послѣдствій, или открытые, подверглись бы наказанію, если бы не происшествіе, совершенно перевернувшее положеніе дѣлъ въ Европѣ: Іюльская революція во Франціи. Какъ искра въ открытую пороховую бочку, такъ извѣстіе о парижскихъ происшествіяхъ упало между Поляками и объяло ихъ пламенемъ. Заговорщики съ новымъ рвеніемъ стали распространять въ войскахъ свои намѣренія и виды; это было тѣмъ легче для нихъ, что войска находились тогда въ лагерномъ сборѣ подъ Варшавой. Ни о чемъ другомъ не говорили какъ о французской революціи; примѣненіе не трудно было сдѣлать, дѣйствіе на воспламененное настроеніе духа Поляковъ, особливо молодыхъ офицеровъ не могло замедлиться. Къ этому присоединились еще комиссары французской пропаганды, разжигавшіе пламя и обѣщавшіе помощь; журнальныя статьи и сочиненія друзей и соотечественниковъ во Франціи, возвышавшихъ древній польскій героизмъ и рисовавшихъ преувеличенными красками великіе подвиги польскихъ легіоновъ во французской службѣ; короче всѣ пружины были приведены въ движеніе для возбужденія польскаго національнаго тщеславія и для понужденія къ ниспроверженію существующаго порядка. Все это не было тщетно. Быстро увеличивалось число заговорщиковъ; скоро нѣсколько сотъ офицеровъ было посвящено въ тайну и они уже считали себя достаточно сильными, дабы начать дѣйствовать. Подъ защитою и съ помощію Франціи — они надѣялись скоро возмутить всѣ свои бывшія провинціи, чего же они могли опасаться?

Теперь и Высоцкій въ первый разъ вошелъ въ тѣснѣйшее

соприкосновеніе съ Заливскимъ чрезъ посредство Урбанскаго. Заливскій, подпоручикъ 1-го линейнаго полка, въ ту пору 40 лѣтъ, былъ дѣятельнымъ возмутителемъ, «въ остальномъ же» — какъ выразился про него одинъ изъ его сообщниковъ «(*) «самый обыкновенный человѣкъ, ограниченныхъ понятій, и притомъ интригантъ и лгунъ.» Его рвеніе къ распространенію союза сдѣлало его скоро однимъ изъ предводителей его. «Но вмѣстѣ съ «нимъ» говоритъ тотъ же писатель «вкрались между заговорщиками коварство, переносы, клеветы и неумѣренное чес«толюбіе, ибо Заливскій непремѣнно хотѣлъ быть первымъ. «Высоцкій, хотя столь же ограниченный, какъ и Заливскій, (**) «имѣлъ однакожъ на столько здраваго смысла, чтобы понять, что «послѣ совершенія революціи, ему невозможно оставаться во «главѣ; Заливскій же при всемъ своемъ невѣжествѣ и грубости создавалъ обширные планы для будущности, и непремѣнно «хотѣлъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ или полководцемъ.» Эти оба, такимъ образомъ изображенные, предводителя заговора имѣли съ другими съѣздъ въ Маримонтѣ, дабы переговорить о мѣрахъ къ возстанію. Они обоюдно распрашивали о силахъ: Высоцкій показалъ, исключая значительнаго числа подговоренныхъ имъ подпрапорщиковъ, 30-ть офицеровъ. Заливскій увѣрялъ, вѣроятно преувеличенно, что онъ имѣетъ въ распоряженіи болѣе 200 офицеровъ. Второй вопросъ заключался въ томъ, должно ли тотчасъ предпринять возстаніе или отсрочить его до слѣдующей весны? Въ надеждѣ, особенно поддерживаемой Заливскимъ, что до весны вспыхнетъ война между Франціею и сѣверными государствами, рѣшились на послѣднее и положили, до тѣхъ поръ употреблять возможную дѣятельность для приготовленій. Далѣе опредѣлили: дабы имѣть возможность располагать въ назначенный часъ значительною вооруженною силою, во всѣхъ полкахъ учредить общества офи-

(*) Мохнацкій. 1. 577.

(**) Мохнацкій говоритъ про него (1. 540): «Онъ почти безъ всякихъ познаній, хотя и читалъ много историческихъ и военныхъ сочиненій, имѣетъ мало «природнаго ума и рѣшительно ничего геніальнаго, ничего проницательнаго въ «пониманіи вещей».

церовъ, долженствовавшихъ въ свою очередь имѣть вліяніе на своихъ младшихъ сотоварищей, на унтеръ-офицеровъ и на солдатъ, и приготовлять ихъ къ предстоящему перевороту. Для облегченія же связи съ выборными каждое изъ этихъ обществъ должно было избратъ уполномоченнаго, имѣвшаго обязанностью заниматься всѣми дѣлами. Отдѣльныя общества не могли имѣть между собою связи, дабы открытіе одного не было бы одинаково гибельно для всѣхъ. Наконецъ, въ обезпеченіе отъ измѣны, положили наблюдать чрезъ тайныхъ шпіоновъ за всѣми дѣйствіями посвященныхъ въ тайну, долженствовавшихъ еще, сверхъ того, зорко слѣдить другъ за другомъ.

Заливскій, Урбанскій, Пашковичь и Высоцкій взялись подговорить войска въ столицѣ. Но въ Варшавѣ, кромѣ двухъ гвардейскихъ полковъ, гренадеръ и конныхъ егерей, изъ числа польскихъ войскъ были еще расположены, 4-й линейный п., любимое войско Великаго Князя, саперный баталіонъ и гренадерскія роты 11-ти остальныхъ пѣхотныхъ полковъ; всего 10,000 чел. или третья часть всей арміи; другія двѣ трети имѣли постоянныя квартиры, соразмѣрно распредѣленныя по обѣимъ сторонамъ Вислы. Изъ этихъ войскъ Высоцкій и Заливскій взяли на себя гренадерскія роты, Пашковичь и Урбанскій полкъ гвардейскихъ гренадеръ. Между гвардейскими егерями и въ 4-мъ полку они еще не дѣлали попытокъ, не полагаясь на духъ этихъ войскъ. Только позже удалось имъ склонить двухъ офицеровъ 4-го полка, скоро увлекшихъ въ измѣну и прочихъ. Прежде всего заботились обезпечить себя выборомъ способнаго предводителя. Тайныя предложенія, дѣлаемыя генералу Хлопицкому, были отвергаемы имъ; этотъ генералъ былъ врагомъ всякихъ революціонныхъ предпріятій, такъ что при извѣстіи о Парижскихъ происшествіяхъ, коихъ дѣйствіе на своихъ соотечественниковъ онъ тотчасъ понялъ, онъ воскликнулъ: «бѣдная «Польша! какое несчастіе предстоитъ тебѣ.» Къ другимъ генераламъ имѣли мало довѣрія, однако нѣкоторые изъ нихъ, слывшіе за такъ называемыхъ хорошихъ Поляковъ, должны были быть приготовлены. Въ это время войска выступили изъ лагеря подъ Варшавою и возвратились въ свои квартиры.

Между тѣмъ уполномоченные отдѣльныхъ полковъ, имѣли частыя сходбища съ вышепоименованными предводителями; на этихъ сходкахъ было рѣшено, начать сношенія съ остатками прежнихъ патріотическихъ обществъ, съ цеховыми различныхъ ремеслъ, съ обучающеюся молодежью, съ молодыми гражданскими чиновниками, наконецъ съ тѣми членами камеръ, на которыхъ можно было положиться. Для сего были избраны Заливскій и Урбанскій, но послѣдній думалъ, что за нимъ зорко слѣдятъ, почему былъ замѣненъ Высоцкимъ. Остатки прежнихъ обществъ дѣйствовали отдѣльно, не связно, безъ плана; на ихъ помощь можно было однакожъ расчитывать, такъ точно какъ на ремесленниковъ и работниковъ, всегда готовыхъ содѣйствовать возстанію; но они не имѣли такихъ предводителей, каковыми въ революцію 1794 г. были башмачникъ Килинскій и мясникъ Сѣраковскій. Съ значительнѣйшими и богатѣйшими между ними съ надлежащею осторожностію старались сблизиться, дабы привлечь ихъ и ихъ работниковъ. Еще легче шло съ молодыми гражданскими чиновниками, присоединеніе коихъ доставляло ту выгоду, что чрезъ нихъ можно было узнавать мѣры и тайны различныхъ министерствъ. Менѣе всего затрудненій встрѣтили со стороны университетской молодежи, достаточно подготовленной собственными тайными обществами; скорѣе приходилось обуздывать ихъ горячее нетерпѣніе, чѣмъ возбуждать ихъ. Наконецъ были начаты переговоры со многими депутатами, обѣщавшими свое содѣйствіе (*).

Высоцкій, чрезъ посредство Іосифа Болеслава Островскаго, бывшаго ученика адвокатуры, познакомился со многими молодыми людьми изъ гражданскихъ сословій, которые, подобно Островскому, будучи уволены за дурное исполненіе служебныхъ обязанностей, въ чувствѣ мести искали удовлетворенія для своей безпокойной дѣятельности; къ числу ихъ принадлежали, бывшій секретарь казначейства, Михаилъ Дембинскій и находившійся подъ надзоромъ полиціи, стряпчій, Ксаверій Броникowскій. Точно также черезъ Островскаго онъ вошелъ въ сношенія съ журналистами: Лудвигомъ Набѣлякомъ, Северии-

(*) Заливскій, ст. 10.

номъ Гощинскимъ, Лудвигомъ Жуковскимъ и Францомъ Гржимайло. Набѣлякъ, уроженецъ Галиціи за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ приглашенъ къ сотрудничеству редакторомъ официальныхъ вѣдомостей (Dziennik Powszechny), секретаремъ Хлендовскимъ; это былъ человѣкъ, отличавшійся большою твердостью духа и необыкновенною физическою силою, готовый на всякое отчаянное предпріятіе. Онъ всею душою предался заговору и нашелъ восторженнаго помощника въ поэтѣ Гощинскомъ, принужденномъ по политическимъ обстоятельствамъ бѣжать изъ Волыни. Чрезъ посредство Островскаго же и Набѣляка, университетскія общества также были вовлечены въ предпріятіе; два изъ этихъ обществъ были наиболѣе замѣчательны (*): одно подъ управленіемъ Іоанна Бартковскаго, другое Михаила Швейцера. Члены ихъ состояли частію изъ студентовъ, частію изъ унтеръ-офицеровъ; цѣль ихъ была общая всѣмъ другимъ подобнымъ обществамъ; но кромѣ того они поклялись въ смерти Великаго Князя, и двое изъ среды ихъ, студенты Міончинскій и Шиманскій добровольно вызвались привести въ исполненіе это убійство (**).

Для непосредственнаго распространенія возстанія и для управленія имъ составился въ октябрѣ мѣсяцѣ особый комитетъ, къ которому принадлежали: изъ числа депутатовъ: Романъ Солтыкъ и Зверковскій; изъ литераторовъ: Морицъ Мохнацкій, Ксаверій Броникowскій, Іосифъ Болеславъ Островскій, Лудвигъ Набѣлякъ и Михаилъ Швейцеръ; наконецъ изъ офицеровъ: Высоцкій, Заливскій, Шлегель и Завиша-Чарный. Совѣщались о различныхъ планахъ, взвѣшивали средства и силы, и утвердили на случай удачи возстанія, будущее временное правленіе. Оно должно было состоять изъ депутатовъ: гр. Влади-

(*) Можетъ быть ихъ было болѣе, но свѣдѣнія имѣются только объ этихъ двухъ. Нѣкоторые студенты приказали отслужить $^{4}/_{24}$ ноября октября торжественную панихиду по воинамъ, падшимъ подъ Прагою въ 1794 г. что повлекло за собою слѣдствіе, и между студентами были открыты два тайныхъ общества, изъ десяти человѣкъ каждое. Эти общества, въ подраженіе италіянскимъ, Вендетамъ ничего не знавшимъ одинъ о другомъ, возбудили вниманіе, и заставили догадываться о высшемъ еще неизвѣстномъ обществѣ. Эта нить была преслѣдуема, и слѣды большаго открытія были уже близки; когда ночь $^{29}/_{17}$ ноября освободила заточенныхъ.

(**) Wyrok sądu kryminalnego, стр. 35.

*

слава Островскаго, Викентія Немоіевскаго, Іоахима Лелевеля, Валентина Зверковскаго и Романа Солтыка, имѣя во главѣ кн. Чарторижскаго. Составивъ его такимъ образомъ, надѣялись имѣть представителей, какъ различныхъ частей страны, такъ и всѣхъ отдѣльныхъ мнѣнійани правленій: ибо Немоіевскій пользовался особеннымъ уваженіемъ въ Великой Польшѣ; Зверковскій имѣлъ много связей въ Краковскомъ воеводствѣ, Лелевель—въ Варшавѣ и между университетскою молодежью, Островскій въ Люблинскомъ воеводствѣ; наконецъ Солтыкъ имѣлъ помѣстья въ Сандомирскомъ воеводствѣ; въ другомъ отношеніи, Лелевель и Зверковскій должны были быть представителями демократической партіи, Немоіевскій — конституціонной, Островскій и Солтыкъ—высшей аристократической.

Чарторижскій и Владиславъ Островскій были посвящены въ тайну, но первый изъ нихъ не желалъ столь скораго поднятія оружія, а послѣдній не хотѣлъ быть во главѣ заговора Немоіевскій же, кажется, не былъ извѣщенъ. Солтыкъ и Зверковскій взяли на себя направлять общественное мнѣніе въ провинціяхъ; Лелевель долженъ былъ продолжать дѣйствовать на молодежь въ Варшавѣ (*).

Недовольные партіями дипломатическою и сейма, которыхъ обвиняли въ томъ, что они воспрепятствовали возстанію во время коронаціи, хотѣли на этотъ разъ дать рѣшительный сигналъ безъ ихъ вѣдома и содѣйствія; условились принять планъ революціи согласный съ предположеніями Лелевеля, а выполнить его посредствомъ молодежи. При этомъ ревностно отыскивали сочиненія, относящіяся до революціи 1794 г., дабы

(*) Солтыкъ, (La Pologne, précis de la révolution. à Paris 1833. 2 vol.) 1. 45. Но разсказъ его и Шпацира не согласенъ съ разсказомъ Мохнацкаго. Послѣдній утверждаетъ (1. 576): Ничто не было рѣшено предварительно: большая часть заговорщиковъ надѣялась только на мечъ, не думая ни о чемъ другомъ; нѣкоторые не хотѣли даже, чтобы имъ напоминали о будущемъ правленіи. «Если мы «только начнемъ революцію» говорили они, «то остальное найдется, и нація уже са«ма изберетъ себѣ правленіе». Таково будто бы было общее мнѣніе, и оно достаточно выказываетъ все легкомысліе тѣхъ, которые стремились произвести переворотъ въ государствѣ. Въ началѣ октября, хотя планы заговорщиковъ и были сообщены многимъ высшимъ, извѣстнымъ по своимъ мнѣніямъ особамъ (Чарторижскому, Кохановскому и такъ далѣе), но соглашеніе объ учреждаемомъ правленіи произошло только впослѣдствіи.

воспользоваться опытомъ предшественниковъ. Мемуары Килинскаго (*) и особенно сочиненіе генерала Княжевича: «Могутъ ли Поляки достигнуть своей независимости» (**), въ которыхъ разбирались ошибки прежнихъ революцій, должны были служить руководствомъ для оцѣнки, предпринимаемыхъ на этотъ разъ мѣръ. Потому-то въ ходѣ и исполненіи настоящей революціи, находимъ столько сходства съ прежнею революціею—Косціюшки.

Ежедневно слышались грозные признаки предстоящей бури; старались всячески освоить народъ съ идеею о возстаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ напугать противниковъ. Такъ въ первыхъ числахъ октября на углахъ улицъ нашли приклеенныя записки, возбуждавшія Поляковъ къ революціи; затѣмъ слѣдовали угрозы противъ Великаго Князя и объявленія, что съ новаго года Бельведеръ (мѣстопребываніе Великаго Князя) отдается въ наймы. Хотя, относительно, весьма немногіе изъ Варшавскихъ жителей знали о заговорѣ, но большинство предчувствовало, что происходило; революція была въ умахъ. Повсюду носились слухи, что революція скоро вспыхнетъ; даже опредѣляли день, сперва 10 потомъ 15 и наконецъ 20 октября; даже офицеры русскаго гарнизона предчувствовали предстоящій перевотъ и были готовы на всѣ крайности. Но такъ какъ сроки, назначаемые для возстанія, прошли спокойно, то это обстоятельство усыпило бдительность высшихъ начальниковъ, и они стали смотрѣть на господствующее волненіе, только какъ на отраженіе волненій во Франціи. Чѣмъ болѣе говорилось о революціи, тѣмъ менѣе вѣрили они ей. Настойчивое нетерпѣніе молодыхъ офицеровъ заставило наконецъ Высоцкаго назначить день, 18 октября, но съ условіемъ, сперва посовѣтоваться со своими двумя главными помощниками: Заливскимъ и Урбанскимъ. Но Заливскій и Урбанскій требовали дальнѣйшей отсрочки; въ особенности Заливскій, завидуя уваженію, которымъ пользовался Высоцкій, охотно ловилъ каждый предлогъ, чтобы противорѣ-

(*) Pamiętniki Jana Kilinskiego, szewca a razem Pułkownika 20 regimentu w Warszawie 1830.

(**) Czy Polacy mogą się wybić na niepodległość, вновъ отпечатанное въ Варшавѣ въ 1831 г.

чить ему. Чрезъ это возникло жаркое несогласіе, усиленное случившимися въ то же время многими арестами студентовъ. Высоцкаго осыпали упреками, раздѣлились на партіи, открылись недоразумѣнія, весь заговоръ казалось былъ готовъ рушиться или быть открытымъ. Высоцкій, въ отчаяніи старался опять поправить дѣло. Онъ спѣшитъ къ Кс. Броникoвскому и совѣщается съ нимъ о мѣрахъ, которыя должны быть приняты; онъ удваиваетъ свои происки между молодыми офицерами, требующими доказательствъ, что камеры и нація будутъ помогать имъ; наконецъ Высоцкій и Заливскій получаютъ полномочіе доставить нужныя удостовѣренія. Но въ эти минуты имъ угрожала величайшая опасность. Одинъ изъ подпрапорщиковъ, терзаемый совѣстью, извѣстилъ Великаго Князя обо всемъ, что зналъ о заговорѣ, и добавилъ: «я хочу спасти мое отечество отъ революціи, которая никогда не можетъ удасться». Урбанскій и Высоцкій тотчасъ были арестованы. Казалось, все было потеряно; но доброта Великаго Князя спасла ихъ. Въ польской арміи Онъ любилъ свое собственное созданіе и выслушивалъ весьма неблагосклонно обвиненія противъ своихъ офицеровъ. Вслѣдствіе сего Высоцкій отдѣлался легкимъ допросомъ, а Урбанскій вскорѣ также былъ освобожденъ. Но все же подпрапорщикамъ было воспрещено сношеніе съ городомъ, и вмѣсто подполковника Олендзскаго, ихъ начальникомъ былъ назначенъ даровитый, но строгій генералъ Трембицкій. Но съ этихъ поръ заговорщики были объяты страхомъ; они считали свою тайну открытою; въ городѣ были произведены многіе другіе аресты; на всѣхъ лицахъ можно было прочесть неясное безпокойство и смущеніе. Многіе члены въ страхѣ отреклись отъ общества. Заговорщики видѣли, что если они не будутъ дѣйствовать, то погибнутъ; полиція была на ихъ слѣдахъ; они знали, что за ними наблюдаютъ. Отважный, желанный, но все-таки страшный шагъ долженъ былъ быть наконецъ сдѣланъ.

Слѣдующее обстоятельство дало окончательное рѣшеніе. Извѣстіе, что кн. Любецкій получилъ изъ Петербурга повелѣніе пополнить казну на случай предстоящаго похода въ Бельгію— съ быстротою молніи разнеслось повсюду. Въ нѣсколько ча-

совъ весь городъ зналъ объ этомъ; въ подобныхъ обстоятельствахъ, по словамъ одного извѣстнаго писателя (*), «даже наиболѣе щекотливые люди между Поляками считали себя въ правѣ, смотрѣть на свою должностную присягу, какъ на вынужденную и необязательную!» «Правительство не могло предпринять», продолжаетъ онъ, «никакого дѣйствія, никакого рѣшительнаго шага, никакого распоряженія, какъ бы не было оно важно или маловажно, о которыхъ каждый Полякъ не былъ бы заранѣе предувѣдомленъ и къ нимъ приготовленъ»; и это «неуваженіе всякой тайны» онъ извиняетъ естественнымъ чувствомъ самохраненія противъ мнимо-непріязненнаго правительства. Это извѣстіе пробудило противоположныя чувства: съ одной стороны радостную надежду, потому что расчитывали на обще—европейскую войну, на возстаніе и революцію у всѣхъ народовъ; съ другой стороны, явилось опасеніе, что войска, на которыя болѣе всего расчитывали, будутъ удалены изъ страны ранѣе, чѣмъ всѣ приготовленія будутъ окончены. Нельзя было терять времени, ибо, въ противномъ случаѣ, легко было лишиться денегъ, собранныхъ въ государственномъ казначействѣ, огнестрѣльныхъ запасовъ, находившихся въ Модлинѣ и войскъ, разбросанныхъ по всей странѣ, которыя могли быть въ скоромъ времени переведены за границу. Вслѣдствіе сего согласились обо всѣхъ обстоятельствахъ выполненія задуманнаго плана; разослали эмиссаровъ во всѣ стороны: въ полки, составлявшіе гарнизоны, къ вліятельнымъ людямъ, на которыхъ могли надѣяться, къ важнѣйшимъ революціоннымъ обществамъ всѣхъ провинцій, гдѣ только говорилось по-польски. Романъ Солтыкъ и Зверковскій объѣзжали провинціи по лѣвому берегу Вислы; Завиша - Чарный отправился въ Брестъ - Литовскій, для переговоровъ съ офицерами Литовскаго корпуса; другіе, подъ предлогомъ

(*) Шпациръ, 1. 168. Онъ старается извинить даже эту возмутительную измѣну. Справедливо и съ достоинствомъ отвѣчаетъ ему на это въ Берлинской военно-литературной газетѣ 1832 г. т. IV критикъ его прежнихъ сочиненій: «Ни «кто не можетъ принудить, принять должность или мѣсто; но однажды принявъ «эту обязанность, остается святымъ долгомъ пунктуально исполнять ее, если бы «даже пришлось и погибнуть чрезъ это. Покрайней мѣрѣ, такъ понимаютъ это «всѣ честные люди».

свиданія съ родными, поѣхали въ Литву, Волынь и Подолію. Патріотическому обществу Галиціи поручили послать эмиссара въ Вильну, дабы подготовить къ возстанію тамошнюю университетскую молодежь, и напомнить членамъ старыхъ патріотическихъ обществъ ихъ прежнюю клятву и принятыя ими на себя обязательства. Викентій Поль, молодой человѣкъ, чрезвычайно дѣятельный, отправился туда, дабы руководить возстаніемъ, не открывая однакожъ тѣхъ, которые его послали. Такъ какъ всѣ эти лица были ожидаемы обратно, то не полагали возможнымъ покончить приготовленія въ ноябрѣ, и день открытаго возстанія назначенъ былъ на 10 декабря; къ этому времени могли возвратиться всѣ отправленные.

Но, начиная съ этого времени, происшествія развивались съ возрастающею быстротою и повлекли за собою болѣе раннее начало возстанія. Молодые люди дѣлались все смѣлѣе и неосторожнѣе, правительство все внимательнѣе и подозрительнѣе. Когда въ половинѣ ноября—Швейцеръ, Мейснеръ, Воловскій и другіе союзники были арестованы; когда слѣды все явственнѣе указывали предводителей заговора; когда наконецъ одинъ студентъ сдѣлалъ важныя признанія и разнесся слухъ: «что «правительство обо всемъ извѣщено и скоро будетъ назначенъ «высшій судъ надъ заточенными», тогда рѣшили предупредить правительство и немедленно приняться за дѣло.

Наконецъ и осторожный Лелевель также дозволилъ Заливскому и Высоцкому войти съ нимъ въ непосредственное сношеніе. $^{21}/_{9}$ ноября Кс. Броніковскій повелъ ихъ обоихъ въ библіотеку ученаго общества, дабы дождаться тамъ Лелевеля. Вскорѣ, туда же вошелъ человѣкъ въ черной одеждѣ, блѣдный, худощавый, съ согнутымъ туловищемъ и обезображенномъ прыщами лицомъ:—то былъ Лелевель. Высоцкій обратился къ нему съ высокопарною рѣчью, и именемъ войска, предложилъ ему вопросъ: «будутъ ли камеры участвовать въ революціи и поддерживать ее или нѣтъ?» Лелевель, принужденный высказаться рѣшительно, былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ пожималъ плечами, качалъ головою и искалъ въ мысляхъ какую нибудь отговорку, дабы не оттолкнуть молодыхъ воиновъ и не обя-

зать себя къ чему нибудь именемъ камеръ. Но поставленный настоятельными требованіями въ критическое положеніе, онъ отвѣтилъ наконецъ: «что камеры конечно должны будутъ по-«слѣдовать за 30,000 арміею, такъ какъ они имѣютъ наи-«лучшее мнѣніе о хорошемъ духѣ національныхъ войскъ. Хо-«тя,» продолжалъ онъ, «судьба уничтожила многіе военные за-«говоры, но на этотъ разъ онъ надѣется на счастливый ис-«ходъ.» Затѣмъ онъ поощрялъ ихъ не медлить долѣе; но зная чрезъ Броніковскаго о далеко не блестящихъ способностяхъ Заливскаго и Высоцкаго, онъ требовалъ, чтобы они, при успѣхѣ возстанія, предоставили дальнѣйшее управленіе дѣлами старѣйшимъ и знатнѣйшимъ людямъ. Это требованіе мало согласовалось съ планами ихъ честолюбія, почему они оставили Лелевеля весьма неудовлетворенными; онъ же съ своей стороны, еще болѣе убѣдился въ ограниченности ихъ дарованій. Въ заключеніе, было условлено произвести возстаніе въ слѣдующее воскресеніе, $^{28}/_{16}$ ноября; но впослѣдствіи оно было отложено до понедѣльника, такъ какъ въ этотъ день всѣ караулы въ столицѣ должны были быть заняты польскими войсками.

Затѣмъ Высоцкій, Урбанскій и Заливскій съ нѣкоторыми другими держали совѣщаніе о лучшемъ способѣ привести въ исполненіе свои планы. Смерть Великаго Князя была рѣшена и должна была быть первымъ шагомъ, ибо Лелевель замѣтилъ: «что если Онъ останется въ живыхъ, то можетъ быть нѣкоторыя войска будутъ колебаться принять ихъ сторону.» Но Высоцкій не желалъ, чтобы покушеніе на жизнь было приведено въ исполненіе подпрапорщиками: «солдату не подобаетъ,» сказалъ онъ, «наложить руку на своего начальника.» Таковы противорѣчія, скрывающіяся въ человѣческомъ сердцѣ! Когда же объ этомъ возникъ споръ, то Набѣлякъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими гражданскими чиновниками, вызвался взять это на себя. По первоначальному плану, покушеніе должно было быть исполнено среди бѣлаго дня, и революція должна начаться на саксонской площади, во время парада. Великій Князь ежедневно отправлялся на площадь узкою улицею: здѣсь Набѣлякъ съ своими соучастниками хотѣлъ преградить ему путь и совершить

убійство; по данному знаку всѣ русскіе генералы должны были быть тотчасъ окружены на плацу и арестованы. Но какъ Великій Князь ѣздилъ въ легкихъ дрожкахъ и очень скоро, то выполненіе казалось затруднительнымъ. Набѣлякъ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ спутникомъ своимъ, Гощинскимъ, нѣсколько разъ отправлялся въ эту улицу, на встрѣчу Великому Князю, дабы ознакомиться съ мѣстностью и свыкнуться съ исполненіемъ своихъ замысловъ. Впослѣдствіи измѣнили планъ и рѣшили привести его въ исполненіе ночью въ самомъ Бельведерѣ. Такъ какъ Набѣлякъ не зналъ тамошняго расположенія, и желалъ имѣть помощниками нѣсколькихъ подпрапорщиковъ, то ему указали на Константина Тржасковскаго и еще на двухъ другихъ, которые хорошо знали Бельведеръ.

Заливскій долженъ былъ, согласно съ прежними предположеніями, начертать подробный операціонный планъ, который, вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ, что «камеры и нація одобряютъ ихъ предпріятіе,» долженъ былъ быть предложенъ представителямъ различныхъ полковыхъ союзовъ во время собранія $^{28}/_{16}$ ноября у подпоручика Боркевича. А спрашивается, какой залогъ они имѣли для подобныхъ завѣреній? Только немногіе голоса своихъ сообщниковъ, молодыхъ людей изъ городскихъ сословій, и нѣкоторыхъ земскихъ депутатовъ, ожидавшихъ отъ переворотовъ собственныхъ выгодъ. Единственно посредствомъ уловки они обманули обѣ стороны: городскимъ жителямъ они говорили объ общемъ желаніи военныхъ, военнымъ о желаніи и содѣйствіи жителей. Можно смѣло утверждать, что менѣе сотой части военныхъ и еще гораздо мѣньшая пропорція жителей раздѣляли ихъ виды. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, люди отчаянные и предпріимчивые влекутъ за собою менѣе смѣлыхъ; многіе принимали участіе, не зная для чего? многіе слѣдовали слѣпо изъ политическаго фанатизма, другіе изъ страха, изъ любопытства, еще другіе изъ страсти къ перемѣнамъ; и такимъ образомъ заговоръ былъ довершенъ, прежде чѣмъ тѣ, посредствомъ которыхъ онъ былъ выполненъ, хорошо узнали, что дѣлали. Впослѣдствіи кн. Любецкій выразился объ этомъ весьма справедливо и остроумно:

«Революція была произведена адвокатами безъ кліентовъ, до-«кторами безъ паціентовъ и молодыми субалтеръ-офицерами, не хотѣвшими болѣе быть субалтерами.» Конечно, въ этомъ счетѣ недостаетъ еще высшихъ предводителей, бывшихъ главными виновниками!

Силы русскихъ войскъ въ Варшавѣ были достаточны для противодѣйствія народному возстанію, чего единственно опасались со времени происшествій въ Парижѣ и Брюсселѣ; силы эти состояли всего изъ 7000 человѣкъ, а именно: изъ трехъ полковъ гвардейской кавалеріи (Подольскіе кирасиры (*), уланы Его Высочества, Гродненскіе гусары) и двухъ полковъ гвардейской пѣхоты (Литовскій и Волынскій) съ ихъ артиллеріею. Эта послѣдняя не находилась въ Варшавѣ; пѣшая артиллерія, подъ начальствомъ генерала Корфа, была расположена въ Гурѣ на Вислѣ, а конная—въ Скіерневицахъ. Расчитывая на вѣрность польскихъ войскъ, и рѣшительно не опасаясь нападенія съ ихъ стороны, не приняли никакихъ мѣръ предосторожности.

Рано утромъ $^{28}/_{16}$ ноября, Заливскій послалъ офицеровъ въ полки, расположенные въ окрестностяхъ, извѣстить заговорщиковъ, что революція вспыхнетъ $^{29}/_{17}$ вечеромъ, и сообщить имъ, что они при этомъ должны дѣлать. Рѣшено было, что одинъ баталіонъ 1-го егерскаго полка, расположеннаго въ Согачевѣ, долженъ былъ застичь въ расплохъ и обезоружить русскій учебный баталіонъ, стоявшій въ Блонѣ; одинъ баталіонъ 1-го линейнаго полка изъ Мечонова, долженъ былъ взять русскую гвардейскою конную батарею въ Скіерневицахъ, въ то время какъ другой баталіонъ того же полка, овладѣетъ русскою пѣшею батареею въ Гурѣ. Наконецъ 8-й полкъ, расположенный въ Пултускѣ и Сіероцкѣ, долженъ былъ завладѣть Модлиномъ (**). Генералъ Шембекъ и полковники Рыбинскій и Скржинецкій, начальствовавшіе этими полками, кажется, были предупреждены о заговорѣ; но все же Рыбинскій былъ застигнутъ въ расплохъ и онѣмѣлъ отъ испугу, когда посланный офицеръ объявилъ

(*) Подольскій кирасирскій полкъ не былъ гвардейскимъ. *Пр. пер.*

(**) Заливскій, 1. ст. 16.

ему: «что возстаніе вспыхнетъ на слѣдующій день»; впрочемъ онъ обѣщалъ свое содѣйствіе (*). Расчитывали также на Хлопицкаго, хотя и безъ всякаго основанія. Вообще судьба этого генерала была такова, что, какъ говоритъ Мохнацкій, во всѣхъ заговорахъ, начиная отъ Лукашинскаго и кончая Высоцкимъ, имъ располагали безъ его вѣдома. И при всемъ томъ, они легко могли удостовѣриться въ настоящемъ образѣ его мыслей, такъ какъ онъ отнюдь не скрывалъ своихъ мнѣній. Еще въ 1821 г. Уминскій старался вовлечь его въ тогдашнія общества, но безъ всякаго успѣха; когда онъ заклиналъ его любовію къ отечеству, Хлопицкій коротко и ѣдко отвѣтилъ ему: «мое отечество есть «военный шатеръ, ваше отечество не годится мнѣ даже и на пару «сапогъ.» При его открытомъ, прямомъ характерѣ, онъ гнушался всѣхъ тайныхъ дѣйствій, тайныхъ союзовъ и заговоровъ. Когда, незадолго до возстанія, ему объявилъ Хлендовскій: «что ему предназначаютъ начальствованіе арміею,» онъ отвѣчалъ: «хотя мнѣ неоднократно говорили объ этомъ, я все же не вѣрю, «чтобы солдаты, привыкшіе къ строгой дисциплинѣ, дозволили «склонить себя на такой поступокъ. Сдѣлаютъ смятеніе, но ни-«какъ не возстаніе. Что касается до меня, то я никогда не возь-«му на себя начальствованіе надъ заговорщиками.» Такъ говорилъ онъ, и съ гордостью отвергалъ всѣ предложенія (**).

Въ тотъ же день, Людвигъ Набѣлякъ принялъ присягу 32–хъ (по Заливскому 80) студентовъ и молодыхъ гражданъ, предназначенныхъ къ предпріятію противъ особы Великаго Князя. Вечеромъ въ 7 час. собрались у подпоручика Боркевича представители офицеровъ заговорщиковъ; начертанный планъ былъ предложенъ и одобренъ ими. Онъ заключалъ въ себѣ три главныхъ пункта: умерщвленіе Великаго Князя, взятіе арсенала и обезоруженіе русскихъ войскъ. Для сего были приняты слѣдующія мѣры: Набѣлякъ, съ студентами и нѣсколькими подпрапорщиками, долженъ былъ, съ наступленіемъ сумерекъ, ворваться во дворецъ Великаго Князя и привести въ

(*) Шпациръ, 1. ст. 175.

(**) Мохнацкій. 1 ст. 588.

исполненіе покушеніе на Его жизнь (*). Въ то же время вооруженные подпрапорщики должны были направиться къ близь лежащимъ казармамъ трехъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ, и съ помощію шести гренадерскихъ ротъ 1-го и 3-го егерскаго и 6-го линейнаго полковъ съ 4-мя оруд. учебной артиллеріи, обезоружить русскихъ кирасиръ, уланъ и гусаръ. Это не было внушеніемъ ослѣпленной самоувѣренности; казармы полковъ русской кавалеріи на Сольцѣ не были построены съ цѣлію отраженія непріятельскаго нападенія, но для сохраненія солдатской диспиплины; они были окружены широкими и глубокими водяными рвами, чрезъ которые были перекинуты немногіе мосты. Нужно было занять только эти мосты пѣхотою, дабы принудить всю, находившуюся тамъ, кавалерію положить оружіе, если она не хотѣла потонуть въ глубокихъ рвахъ или сгорѣть въ деревянныхъ казармахъ и конюшняхъ.

Школа подпрапорщиковъ состояла, за исключеніемъ небольшаго числа русскихъ юнкеровъ, изъ 200, и даже болѣе, взрослыхъ людей (не юношей), имѣвшихъ болѣе 20-ти лѣтъ, бо́льшею частію изъ мелкаго дворянства (шляхта) и безъ всякаго образованія. Высоцкій, одинъ изъ учителей ихъ, по своему происхожденію и службѣ принадлежалъ къ этой школѣ, и потому обходился съ нѣкоторыми изъ нихъ не какъ начальникъ, но какъ другъ и соучастникъ. Онъ имѣлъ въ этомъ отрядѣ главное начальство, но какъ ему не очень довѣряли по его вялости и ограниченности, то ему придали двухъ помощниковъ, подпор. Шлегеля и отставнаго пор. Добровольскаго, смѣлый умъ которыхъ ручался за болѣе рѣшительныя дѣйствія.

Пока все это происходило въ южной части города и вокругъ Бельведера, въ сѣверной части саперный баталіонъ, подкрѣпленный однимъ баталіономъ 4-го п., долженъ былъ напасть внезапно на, находившійся въ сосѣдствѣ, л. гв. Волынскій п. обезоружить его и взять въ плѣнъ; также точно гренадерскія

(*) Но не взять Его въ плѣнъ, какъ впослѣдствіи оттоваривались они для оправданія Изъ изслѣдованій криминальнаго суда ясно видѣнъ смертный умыселъ, и Мохнацкій и Заливскій отнюдь не отрицаютъ его. Послѣдній даже дѣлаетъ живые упреки Высоцкому за неудачу въ выполненіи сего.

роты 3-го полка и вовлеченная въ заговоръ часть гвардейскихъ гренадеръ, стоявшихъ въ однѣхъ казармахъ съ Литовскимъ полкомъ, должны были съ заряженными ружьями напасть на этотъ полкъ и задержать его. Эта часть плана была препоручена управленію Урбанскаго.

Между тѣмъ всѣ караулы столицы, (въ этотъ день отъ втораго баталіона 4–го п.), вмѣстѣ съ гренадерскими ротами 5-го и 8–го полковъ должны были направиться на, находящійся посреди города, арсеналъ и овладѣть имъ; но оружіе арсенала (что Заливскій нарочно подтвердилъ) ни въ какомъ случаѣ не должно быть роздано, но сбережено. Здѣсь управленіе имѣлъ Заливскій, коему было поручено главное начальство до того времени, пока одинъ изъ генераловъ, Хлопицкій, Пацъ или Сѣравскій (уже приготовленный) не станетъ во главѣ заговорщиковъ. Маіоръ Кіекерницкій, съ гренадерскими ротами 1-го полка, долженъ былъ отправиться въ Прагу, овладѣть пороховыми магазинами и препятствовать Русскимъ занять оба моста чрезъ Вислу; въ случаѣ нужды онъ долженъ былъ даже разломать мосты.

Наконецъ Кс. Брониковскому было ввѣрено управленіе народнымъ возстаніемъ; онъ долженъ былъ распредѣлить разныхъ лицъ по кварталамъ города, для возмущенія народа подъ тѣмъ предлогомъ, что будто Русскіе умерщвляютъ Поляковъ, (rzna, morduja) и такимъ образомъ прервать по всему городу сношенія законныхъ властей между собою. Назначено было четыре главныхъ сборныхъ пункта: въ старомъ городѣ, въ новомъ городѣ, на саксонской площади и въ Гржибовѣ за саксонскимъ садомъ. Народъ не долженъ былъ быть вооруженъ оружіемъ изъ арсенала, но запастись собственнымъ. Всѣ русскіе генералы и офицеры должны были быть схвачены и, въ случаѣ сопротивленія, умерщвлены; сигналомъ для общаго возстанія должно было служить пламя пивоварни на Сольцѣ, находящейся вблизи казармъ русской кавалеріи. Многіе офицеры были посланы въ лагерь и въ предмѣстье Прагу для добыванія боевыхъ патроновъ. Для начала возстанія былъ избранъ 6-й часъ вечера, такъ какъ въ это время простой народъ, ни-

чего еще не подозрѣвавшій, обыкновенно, по окончаніи работы, предавался пьянству и шумной веселости въ многочисленныхъ кабакахъ города, и слѣдовательно удобнѣе было распорядиться имъ.

Для объясненія послѣдующихъ сценъ, необходимо представить краткій очеркъ самой мѣстности. Для сего нужно обратить вниманіе на три пункта, на которыхъ происходили главныя происшествія: Бельведеръ съ его окрестностями, арсеналъ и саксонская площадь. Войдя въ крайніе южные ворота города, вступаютъ въ длинную каштановую аллею, ведущую на Александровскую площадь; въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ воротъ, видѣнъ съ правой стороны Бельведеръ, двуэтажный, съ длинными флигелями замокъ, стоящій совершенно открыто. Позади его находится покатость, по которй тянется небольшая красивая роща по направленію къ Лазенкамъ, лѣтнему пребыванію покойнаго Короля Станислава Августа; не далеко оттуда виднѣется школа подпрапорщиковъ. Если идти вдоль канала, на которомъ расположены Лазенки, по направленію къ сѣверу, то пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, встрѣчается мостъ Собіесскаго, названный такъ по причинѣ находящейся на немъ статуи великаго Короля, весьма грубой работы; улица, ведущая черезъ мостъ, поворачиваетъ вправо и спускается внизъ по направленію къ предмѣстью Солецъ, расположенному по низкому берегу Вислы и заселенному преимущественно бѣдными людьми и Евреями; въ этомъ предмѣстьи находились казармы русской гвардейской кавалеріи—длинные, низкіе, деревянные дома, окруженные, какъ уже сказано, водяными рвами. Другая улица, немного влѣво отъ моста, ведетъ по подножію Уяздовскихъ высотъ къ сѣверу, къ такъ называемой «Деревенской кофейнѣ» (wieyska kawa), извѣстному увеселительному мѣсту, противъ котораго возвышались Радзивиловскія казармы, большое, въ то время еще недоконченное строеніе Отсюда, въ нѣсколько минутъ ходьбы, достигаютъ чрезъ Віейскую улицу Александровской площади, гдѣ собственно начинается городъ. Слѣдовательно всѣ эти мѣстные предметы расположены въ южной сторонѣ города, и сгрупированы на неболь-

шомъ пространствѣ квадратной версты. Второй пунктъ, избранный заговорщиками для ихъ дѣйствій, былъ арсеналъ. Арсеналъ лежалъ въ сѣверной части, ближе къ центру города, тотчасъ возлѣ Красинскаго сада и дворца, и состоялъ изъ большихъ массивныхъ строеній, удобныхъ для продолжительной обороны. Въ немъ было нагромождено значительное количество оружія. Немного сѣвернѣе, но вблизи арсенала, находились, въ Дзикой улицѣ, казармы л. гв. Волынскаго п., а не вдалекѣ отъ нихъ, тотчасъ подлѣ плацъ-парада, въ Закрочимской улицѣ —казармы сапернаго бат. и 4-го полка. На одной высотѣ съ арсеналомъ, но болѣе къ востоку, на высокомъ берегу Вислы возвышается Королевскій замокъ, старое, обширное, неправильное зданіе, со многими флигелями и дворами. Отсюда начинаются узкія и кривыя улицы стараго города, который тянется къ сѣверу. На самомъ краю стараго города, противъ Маримонтскихъ воротъ, находились Александровскія казармы, гдѣ квартировали: л. гв. Литовскій п., польскій гвардейскій Гренадерскій п. игренадерскія роты 1-го, 3-го и 7-го линейныхъ полковъ.

Наконецъ третій пунктъ дѣйствія и центральный пунктъ города, составлялъ саксонскій дворецъ (нѣкогда лѣтнее пребываніе Августа Саксонскаго), съ большимъ плацъ-парадомъ впереди, и съ прекраснымъ садомъ въ англійскомъ вкусѣ, обыкновеннымъ мѣстомъ гулянья избраннаго общества, тотчасъ позади его. За этимъ садомъ находились казармы гвардейскаго Конно-Егерскаго полка. Длинная, широкая улица перерѣзываетъ большую часть города отъ Александровской площади до Королевскаго замка; она называется сначела «Новый свѣтъ», а далѣе «Краковское предмѣстіе». Эта улица для Варшавы тоже, что Невскій проспектъ для Петербурга, Бульвары для Парижа и «Подъ липами» для Берлина. Она составляетъ главнѣйшую, и наиболѣе посѣщаемую часть всего города, и въ то же время служитъ постоянною сценою самой дѣятельной жизни и движенія, равно какъ и всѣхъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ событій бывшихъ въ Варшавѣ. Точно также и въ теперешнюю революцію въ ней происходила большая часть изъ нихъ.

Изъ этого описанія видно, что русская пѣхота была распо-

ложена совершенно раздѣльно и удалена отъ кавалеріи почти на цѣлую милю: именно — пѣхота на сѣверной, а кавалерія на южной оконечности города. Между ними находились казармы различныхъ польскихъ войскъ и арсеналъ. Почему сообщеніе русскихъ войскъ чрезъ городъ было невозможно; вслѣдствіе чего, со времени брюссельскихъ происшествій, первоначальныя приказанія по этому предмету были измѣнены. Прежде, въ случаѣ тревоги, пѣхота должна была двинуться къ арсеналу и оборонять его; но впослѣдствіи мысль объ оборонѣ города была совершенно оставлена, и командиры русскихъ полковъ получили тайный приказъ, на случай народнаго возстанія, тотчасъ покинуть городъ и идти на открытое поле къ Бельведеру. Важнѣйшими пунктами въ военномъ отношеніи были безспорно: арсеналъ, какъ имѣющій большія запасы оружія, Королевскій замокъ съ плацомъ впереди, откуда можно было держать въ повиновеніи, какъ старый городъ, такъ и Краковское предмѣстье; Саксонская площадь, какъ центръ города, гдѣ соединялось множество главнѣйшихъ улицъ, и вмѣстѣ какъ пунктъ соединенія сѣверной части съ южною; наконецъ, Александровская площадь, съ которой можно было обладать южною частію города. При оборонѣ большихъ городовъ первое условіе составляетъ обладаніе главными площадями и выходами важнѣйшихъ улицъ. Захватить ихъ, занять концы главныхъ улицъ орудіями и посылать кавалерійскіе отряды по всѣмъ направленіямъ, для того чтобы разгонять собирающіяся толпы народа—вотъ мѣры, принявъ которыя вовремя, можно не опасаться народнаго возстанія. И въ Варшавѣ опасность не была бы велика, еслибы съ самаго начала не была покинута всякая мысль объ оборонѣ города въ случаѣ возстанія.

Планъ былъ начертанъ, смертный жребій вынутъ, и съ наступленіемъ слѣдующаго дня судьба Польши должна была вступить въ новый фазисъ. Назначенные къ Бельведеру студенты, увѣренные, что имъ трудно вернуться живыми, рѣшились въ послѣдній разъ повеселиться и отправились на бывшій въ тотъ вечеръ балъ въ рессурсѣ. Особенное выраженіе ихъ незнакомыхъ лицъ, показалось страннымъ бывшему тамъ любим-

цу высшаго общества, полк. Кицкому, и онъ спросилъ секретаря Хлендовскаго, кто эти молодые люди? Хлендовскій отвѣчалъ съ многозначущимъ выраженіемъ: «эти молодые люди, начнутъ завтра другаго рода танецъ», и затѣмъ въ нѣсколькихъ словахъ сообщилъ полковнику обо всемъ происходившемъ. Кицкій протянулъ ему руку, говоря: «сабля и пистолеты мои готовы, я вашъ на жизнь и на смерть». Но эти же студенты, вмѣстѣ съ Набѣлякомъ отправились прямо съ бала въ кармелитскій костелъ на исповѣдь (*); такъ, со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, смѣшивали они святыню съ преступленіемъ, религію съ планомъ убійствъ и революціи и утѣшенія будущей жизни съ наслажденіями жизни настоящей.

Наконецъ насталъ злопамятный день $^{29}/_{17}$ ноября; всюду обнаруживалось какое-то безпокойство, глухая тишина, какъ обыкновенно бываетъ предъ сильною бурею. Великій Князь былъ извѣщенъ, что приготовляется что-то, но Онъ презиралъ этими извѣщеніями и оставался по прежнему въ своемъ замкѣ Бельведерѣ, почти безъ караула; небольшое число невооруженныхъ инвалидовъ, отправляли тамъ всю службу. Еслибы Великій Князь былъ тираномъ, какимъ Его хотѣли представить, то Онъ конечно, какъ и всѣ тираны, подумалъ бы о мѣрахъ для обезпеченія своей особы. Лучшее доказательство, что Онъ ничего не боялся и довѣрялъ чести народа, гордившагося тѣмъ, что никогда ничего не предпринималъ противъ своихъ государей (**), состоитъ въ томъ, что Онъ жилъ безпечно, никѣмъ не оберегаемый, посреди большаго, безпокойнаго города.

(*) Мохнацкій. 1. 595.

(**) Хотя и это несправедливо: многіе польскіе государи были лишены жизни,— напр. Лешекъ Бѣлый (1227), Пржемыславъ (1296), не говоря уже о Литовскихъ: Мендовгѣ (1263), Виттольдѣ, (1337) Сигмундѣ (1440)и другихъ; что же касается до государей со времени прекращенія Ягеллоновской династіи, то своевольство, вольность и сопротивленіе дворянства, его конфедераціи, рокошъ и. т. д., все же въ сущности дѣйствовали противъ нихъ. Даже въ позднѣйшія времена нѣтъ недостатка въ примѣрахъ прямыхъ нападеній на своихъ повелителей, такъ наприм: на Сигизмунда III нападали дважды: одинъ разъ въ его лагерѣ, во время смутъ Зборовскаго, другой разъ въ, Варшавѣ при входѣ въ каѳедральный соборъ св. Іоанна, гдѣ онъ былъ спасенъ сыномъ своимъ, Владиславомъ, который схватилъ убійцу. (См. Нѣмцевичъ życie Zygmunta III—1.) Наконецъ, кто не знаетъ

Еще утромъ во время ученья, участвующіе въ заговорѣ офицеры приказали солдатамъ быть послѣ обѣда въ готовности, на случай могущей быть тревоги, которыя производились весьма часто, и укрѣпить кремни на своихъ ружьяхъ. Въ полдень, подпоручики Домбровскій и Пржиборовскій, каждый съ фургономъ и двумя солдатами, отправились въ Повонзковскій лагерь, арестовали ветерана унтеръ-офицера, именемъ коменданта, сняли посты и взяли изъ тамошнихъ запасовъ 40,000 боевыхъ патроновъ, которые провезли чрезъ заставу (*) подъ предлогомъ, что они везутъ новые мундиры для войскъ. Въ 2 часа пополудни былъ отданъ приказъ, чтобы къ 6 часамъ всѣ были въ готовности и подъ ружьемъ, дабы по данному сигналу, тотчасъ начать дѣйствовать; тогда должны были быть розданы солдатамъ патроны и при этомъ они должны были быть подговорены принять участіе въ возстаніи. Возмущеніе еще не участвующихъ въ заговорѣ подпрапорщиковъ, должно было быть произведено послѣ 6 часовъ; къ этому времени, молодые люди, назначенные на Бельведеръ, должны были собраться въ рощу у Лазенокъ, гдѣ подпрапорщикъ Тильскій подастъ имъ сигналъ къ началію посредствомъ зажженія пивоварни на Сольцѣ.

Великій Князь, по обыкновенію, присутствовалъ на парадѣ, далъ аудіенціи, окончилъ текущія занятія и затѣмъ, удалился во внутренніе покои. Русскіе генералы и высшіе сановники, предназначенные мятежниками въ жертву, спокойно находились посреди ихъ; они не предчувствовали, что тайная измѣна въ тишинѣ замышляетъ ихъ погибель (**). Начинало уже смеркаться; приближался вечеръ пасмурнаго, ноябрьскаго дня. Назначенные для нападенія на Бельведеръ подпрапорщики и студенты

какимъ удивительнымъ образомъ былъ спасенъ отъ рукъ убійцы король Станиславъ Августъ, во время Барской конфедераціи.

(*) Залѣвскій, ст. 17.

(**) При описаніи происшествій этого дня, авторъ преимущественно взялъ за основаніе манускриптъ достойнаго генерала, находившагося при особѣ Великаго Князя, предварительно однакожъ сравнивъ его съ другими вѣрными источниками, такъ напр. свѣдѣнія бывшія результатами послѣдующихъ изслѣдованій, взяты изъ Wyrok sadu kryminalnego и т. д. Разсказъ о нападеніи на Бельведеръ большею частію почерпнутъ со словъ президента Любовицкаго, и другихъ непосредственныхъ очевидцевъ. Кромѣ того взяты въ соображеніе польскія реляціи.

*

по одиначкѣ отправляются въ рощу къ Лазенкамъ, разсѣеваются въ ней и ждутъ условленнаго сигнала. Въ рѣшительную минуту многіе лишаются бодрости. Въ столь маломъ числѣ, они должны были вторгнуться во внутрь дворца, на который досихъ-поръ они привыкли смотрѣть издали, съ боязливою робостью. Иные отправляются съ рѣшительностію со своихъ квартиръ; но мысль о страшномъ значеніи минуты, о неизвѣстности исхода, картины темницы, смерти и мученій, въ страшномъ видѣ представляющіяся имъ, до такой степени затмѣваютъ ихъ чувства, что они не могутъ найти мѣста сборища и почти безъ сознанія бродятъ между деревьями. Сходятся только пятеро подпрапорщиковъ, обладающіе въ качествѣ военныхъ бо́льшею рѣшимостью а изъ студентовъ, вмѣсто ожидаемыхъ 32,— кромѣ предводителей Лудвига Набѣляка и Северина Гощинскаго,—только 13. Мостъ Собіесскаго, по своему уединенному положенію, былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Казалось, все соединилось здѣсь, чтобы поколебать нравственную рѣшимость юношей; статуя короля, столь возвысившаго славу Польши, печальныя ивы, окружающія ее, даже луна, изрѣдка бросающая свои лучи между облаками, гонимыми вѣтромъ. Отъ моста они должны были направиться къ замку Великаго Князя двумя партіями: одна, бо́льшая, предводимая подпрапорщикомъ Тржасковскимъ, имѣвшимъ между польскою прислугою въ замкѣ близкаго родственника, и потому хорошо знавшимъ мѣстность его, должна была устремиться въ ворота, отъискать Великаго Князя и умертвить Его; другая, меньшая, съ подпрапорщикомъ Кобылинскимъ, должна была показаться съ задней или садовой стороны, частью для воспрепятствованія Великому Князю укрыться, частію, для предотвращенія опасности, могущей приблизиться съ этой стороны. Въ бо́льшей партіи было 14 чел., именно: кромѣ Тржасковскаго, предводителей Набѣляка и Гощинскаго, и двухъ отставныхъ подпрапорщиковъ, Станислава Понинскаго и Карла Пашкевича, еще 9 студентовъ: Никодимъ Рупневскій, Зено Немоіевскій, Лудвигъ Орпишевскій, Валеріанъ Ротермундъ, Эдуардъ Трежчинскій, Валентинъ Насіоровскій, Лудвигъ Янковскій, Валентинъ Витковскій и Рохъ

Рупневскій; вторая, меньшая состояла только изъ двухъ подпрапорщиковъ: Карла Кобылинскаго и Северина Чиховскаго и четырехъ студентовъ: Александра Свентославскаго, Валентина Красновскаго, Антона Косинскаго и Леонарда Реттеля.

Взоры ихъ устремлены на Солецъ, но ожидаемое пламя не показывается. Тильскій дважды поджигалъ пивоварню, и только при третьемъ разѣ пламя обхватило ее, и запылалъ сигналъ погибели многихъ тысячъ! Между тѣмъ, студентамъ принесли оружіе, принадлежащее русскимъ подпрапорщикамъ и тайно взятое у нихъ, въ то время какъ ихъ заманили подъ ложнымъ предлогомъ въ большой залъ. Уже половина седьмаго,—ружья заряжаются, оба отдѣленія начинаютъ двигаться, большее въ-право, меньшее въ-лѣво. Тржасковскій и Набѣлякъ, впереди достигаютъ наконецъ большихъ воротъ Бельведера; въ эту минуту они слышатъ выстрѣлы со стороны сада, что возвѣщаетъ имъ, что Высоцкій также началъ дѣйствовать. Ворота отперты, двухъ караульныхъ инвалидовъ угрозами принуждаютъ молчать; пятеро изъ партіи остаются здѣсь въ видѣ резерва; остальные девять, ведомые Тржасковскимъ и Набѣлякомъ, врываются во дворъ и вбѣгаютъ вверхъ по лѣстницѣ замка.

Входя въ замокъ со стороны Бельведера, вступаютъ прежде всего въ обширные, освѣщенные люстрою сѣни, въ концѣ которыхъ была лѣстница, ведущая въ верхній этажъ, въ отдѣльные покои Великаго Князя; вправо же былъ входъ въ покои княгини Ловичь, занимавшей лѣвый флигель замка. Студенты, съ крикомъ: «смерть тирану!» ворвались въ сѣни, разбили въ дребезги висящую люстру, и вломились въ комнату направо, гдѣ сидѣлъ камердинеръ княгини Ловичь, бывшій гвардейскій солдатъ, Постерниковъ. Ворвавшись сюда, они тотчасъ же разбили прикладами зеркала на стѣнахъ, какъ люди невладѣющіе болѣе собою. Когда Тржасковскій увидѣлъ ошибочное направленіе своихъ товарищей, то закричалъ имъ: «сюда, господа, сюда!» послѣ чего всѣ повернули назадъ, и поспѣшили за Тржасковскимъ по парадной лѣстницѣ въ верхній этажъ.

Великій Князь отдыхалъ послѣ обѣда. Вице-президентъ города Любовицкій, навлекшій на себя ненависть преданностію Ве-

ликому Князю, и генералъ Жандръ ожидали въ передней Его пробужденія; первый—для отданія вечерняго рапорта, а второй, какъ человѣкъ имѣвшій доступъ къ вечерней бесѣдѣ Великаго Князя. Суматоха въ такое время, когда всякій живущій въ домѣ остерегался малѣйшаго шума, возбудила ихъ вниманіе; они вскочили и подбѣжали къ стекляннымъ дверямъ, ведущимъ на лѣстницу; какое зрѣлище представилось имъ! Сверкающіе штыки и шумная толпа, ломившаяся вверхъ по лѣстницѣ. Съ быстротою молніи они угадали въ чемъ было дѣло и поспѣшили увѣдомить Великаго Князя. Но едва достигли они сосѣдней комнаты, дежурнаго камердинера, какъ убійцы были уже на ихъ пятахъ. Комната камердинера отдѣлялась только короткимъ и узкимъ корридоромъ отъ опочивальнаго покоя Великаго Князя; въ ту минуту, когда Любовицкій отворилъ дверь въ этотъ корридоръ, противоположная дверь опочивальни была отворена камердинеромъ Фризе (*), разбудившимъ уже Великаго Князя, который хотѣлъ выйти на шумъ. Показавшись въ дверяхъ, Онъ очутился въ 6—8 шагахъ лицемъ къ лицу со своими убійцами. Любовицкій имѣлъ только время закричать: «Худо, Государь!» (Zle Moscі Xiaże!) какъ ударъ штыкомъ поразилъ его сзади. Онъ упалъ безъ чувствъ; но все же ему нанесли еще двѣнадцать глубокихъ, хотя не смертельныхъ ранъ, и между прочимъ пронзили его правую руку, которою онъ прикрывалъ сердце. Фризе, видя опасность, въ которой находится его повелитель, насильно захлопнулъ дверь, заперъ ее изнутри на задвижку, и затѣмъ повелъ Великаго Князя въ маленькую комнату подъ крышей праваго флигеля, гдѣ съ его помощію Князь наскоро одѣлся(**). Убійцы, удержанные запертою дверью, которую они тщетно старались разломать, изливаютъ свою ярость на двухъ находившихся въ комнатѣ лакеяхъ, смертельно изранивъ ихъ. Съ смертною блѣдностію на лицѣ, съ смущенными взора-

(*) То былъ нѣмецъ Фризе, спасшій Великаго Князя, а не Полякъ Кохановскій, какъ ложно увѣряютъ его соотечественники

(**) Польскія сказанія много говорятъ при этомъ случаѣ о потаенныхъ дверяхъ, ходахъ и кабинетахъ. Въ дѣйствительности же, въ цѣломъ замкѣ нѣтъ таковыхъ. Великій Князь укрылся въ небольшой комнатѣ подъ крышею, гдѣ утромъ приготовлялся Его завтракъ и чистилось платье.

ми, озираются они кругомъ, не зная, что предпринять далѣе; ихъ цѣль не была достигнута, ихъ добыча ушла: тогда послышался троекратный голосъ со двора: «сходите внизъ, онъ мертвъ!» Они спѣшатъ по лѣстницѣ внизъ во дворъ, гдѣ товарищи встрѣчаютъ ихъ словами: «Великаго Князя уже нѣтъ въ живыхъ.» Затѣмъ всѣ удалились столь же поспѣшно какъ и пришли.

Поводомъ къ этому недоразумѣнію было слѣдующее обстоятельство: генералъ Жандръ, вошедшій въ комнату камердинера передъ Любецкимъ, видя судьбу, постигшую президента, поспѣшилъ чрезъ среднюю комнату во дворъ, дабы призвать помощь. Едва добѣжалъ онъ безъ шляпы до воротъ, дабы позвать людей изъ конюшень или ближайшій караулъ у бельведерской заставы, какъ оставшіеся у воротъ заговорщики, бросились на него и нанесли ему нѣсколько ранъ штыками. Несчастный, шатаясь прошелъ еще нѣсколько шаговъ и упалъ на кучу песку, гдѣ и испустилъ духъ. Такъ какъ онъ по наружному виду и по манерамъ имѣлъ сходство съ Константиномъ Павловичемъ, то, кажется, убійцы приняли его за Великаго Князя, вслѣдствіе чего, они отозвали своихъ товарищей и поспѣшно убѣжали (*), рѣшиться на что было уже время, потому что со всѣхъ сторонъ, изъ флигелей, конюшень и ближайшихъ строеній собиралась прислуга. Вслѣдъ за тѣмъ, прискакалъ съ нѣсколькими всадниками, дежурный ординарецъ (впослѣдствіи Свиты Его Величества ген.-маіоръ Александровъ). Между тѣмъ заговорщики, гонимые страхомъ отъ своего поступка, скрылись въ темнотѣ и разсыпались въ близъ лежащей рощѣ; побросавши частію оружіе, они поодиначкѣ достигли Собіесскаго моста, гдѣ соединились со пколою подпрапорщиковъ, только что исполнившею свое вторичное нападеніе на уланскія казармы.

(*) Противъ мнѣнія, что Великаго Князя хотѣли только увезти, говоритъ невозможность, чтобы девять молодыхъ людей могли силою увезти Великаго Князя изъ Его дворца, изъ среды Его многочисленной прислуги; и даже допуская, что они увезли бы Его, куда бы помѣстили они Князя, такъ какъ въ эту минуту, въ отстоящемъ почти на часъ ходьбы городѣ, не было ни одного пункта въ ихъ власти. и сверхъ того, уже готовые по тревогѣ, три кавалерійскихъ полка спѣшили со всѣхъ сторонъ и никакъ не допустили бы увезти такого плѣнника.

Въ то самое время, какъ выше поименованныя два отдѣленія исчезли за Лазенковскою рощею, Высоцкій, присутствовавшій при зажженіи пивоварни, поспѣшилъ съ Шлегелемъ и Добровольскимъ къ школѣ подпрапорщиковъ. Еще пламя не было видно, когда онъ вмѣстѣ съ Добровольскимъ ворвался въ залъ, гдѣ въ это время шло преподаваніе теоріи фронтовой службы, и воззвалъ къ оружію.—Что онъ при этомъ случаѣ говорилъ, неизвѣстно (*); послѣднія слова его были: «Спѣшите въ столовый залъ, тамъ раздадутъ вамъ боевые патроны». Нѣкоторые, уже извѣщенные подпрацорщики послѣдовали тотчасъ этому приказанію и съ криками «къ оружію! къ оружію!» бросились въ столовую; ихъ примѣръ увлекъ остальныхъ, и въ нѣсколько мгновеній всѣ патроны, привезенные Шлегелемъ изъ Повонзковскаго лагеря, были розданы. Высоцкій объявилъ немногимъ русскимъ юнкерамъ: «что они могутъ не присоединяться къ остальнымъ», и дружески разстался съ ними, чѣмъ, какъ онъ позже разсказывалъ, не мало удивилъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ пошли вмѣстѣ съ другими, не постигая въ чемъ дѣло, и только тогда отдѣлились отъ своихъ польскихъ товарищей, когда не могли болѣе сомнѣваться въ гибельныхъ намѣреніяхъ ихъ предводителей. Только одинъ, проницательнѣе другихъ выскочилъ въ окно, бросился въ закрытыя дрожки и счастливо достигнулъ своего полка, Волынскаго, который такимъ образомъ выигралъ время, чтобы приготовиться, и былъ уже подъ ружьемъ, когда тревога сдѣлалась общею. Затѣмъ школа построилась обыкновеннымъ порядкомъ на плацу. Высоцкій, какъ старшій изъ присутствовавшихъ офицеровъ, повелъ ихъ, числомъ 160 человѣкъ, къ ближайшимъ казармамъ гвардейскихъ уланъ(**), приказавъ прежде сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ на

(*) Онъ сказалъ будто бы: «Поляки! пробилъ часъ мщенія. Сегодня должны «мы побѣдить или умереть. Да будетъ грудь ваша для непріятеля вторыми Термопилами». На кажется рѣчь эта есть позднѣйшее изобретѣніе Морица Мохнацкаго, вложенная въ уста Высоцкаго. Онъ самъ показывалъ при послѣдующихъ допросахъ: «что онъ не помнитъ, что онъ сказалъ тогда, а знаетъ только, что говорилъ въ духѣ возстанія.»

(**) Они находились вблизи школы подпрапорщиковъ; сѣвернѣе ихъ были кирасирскія казармы, южнѣе гусарскія.

воздухъ, дабы тѣмъ, какъ онъ впослѣдствіи увѣрялъ, дать знать ожидаемымъ на помощь егерскимъ ротамъ, что онъ началъ свои дѣйствія (*). По достиженіи казармъ, слова оцѣпенѣли на его устахъ, и онъ не былъ въ силахъ отдавать приказанія. Подпрапорщики не знали съ чего начать, и долго были въ нерѣшимости, слѣдуетъ ли умертвить или нѣтъ, стоящаго на часахъ и отдающаго имъ честь солдата. Наконецъ его убили; нѣкоторые перешли черезъ мостъ, и стрѣляли въ окна казармъ, равно и по выбѣгающимъ уланамъ; другіе кричали: «нужно скорѣе поджечь казармы». Но вдругъ, тѣ изъ нихъ, которые стояли позади на большой дорогѣ, неизвѣстно по какой причинѣ, обратились въ бѣгство къ Собіесскому мосту, за ними послѣдовали и остальные, перешедшіе уже ровъ. При этомъ бѣгствѣ, благоразумнѣйшіе изъ нихъ успѣли ускользнуть, что было исполнено съ большою опасностію, потому что, всѣ угрожали другъ другъ другу смертію за малѣйшій признакъ трусости. Остановившись у Собіесскаго моста, и переведя духъ, предводители вторично повели школу противъ уланскихъ казармъ, дабы освободить исчезнувшаго Домбровскаго (**), котораго считали въ плѣну у уланъ; вѣроятнѣе впрочемъ, что Шлегель хотѣлъ исправить ошибку, происшедшую отъ внезапнаго паническаго страха. Въ это же время подпрапорщикъ Нико былъ посланъ на Александровскую площадь, дабы привести егерскія роты.

Хотя до-сихъ-поръ имъ никто не препятствовалъ въ исполненіи ихъ замысловъ, но, не смотря на это, и во второй разъ подпрапорщики были ни предпріимчивѣе, ни искуснѣе. Никто не озаботился завладѣть мостами, дабы запереть кавалерію въ ея казармахъ. Передовые перешли съ большой улицы по мосту, разсыпались при входѣ на полковой дворъ и стрѣляли по выстраивавшимся уланамъ. Но внезапный страхъ вторично

(*) «И дабы произвести тревогу между Русскими», прибавляетъ М. Мохнацкій въ извѣстномъ донесеніи. Но здѣсь дѣло было вовсе не въ томъ, чтобы предостеречь ихъ, а напротивъ, въ томъ, чтобы напасть на нихъ неожиданно.

(**) Какъ онъ самъ признался послѣ Высоцкому, онъ тайно направился по дорогѣ черезъ Солецъ въ городъ.

овладѣлъ ими; въ этотъ разъ первыми обратились въ бѣгство не задніе, но бывшіе впереди. Опять спѣшатъ они въ величайшемъ безпорядкѣ къ Собіесскому мосту, осыпая проклятіями все еще не появляющихся егерей. Дабы ускорить ихъ прибытіе, вторично посланъ изъ среды ихъ Камиллъ Мохнацкій, тотчасъ возвратившійся съ извѣстіемъ, что: «егерей не видно; «русскіе же кирасиры въ полномъ движеніи, дабы отрѣзать имъ «обратный путь». Въ эту минуту они увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи Подольскихъ кирасиръ, тянувшихся въ длинной колоннѣ между городомъ и Собіесскимъ мостомъ. Путь отъ кирасирскихъ казармъ къ Бельведеру, у подошвы Уяздовскихъ высотъ, пересѣкаетъ путь отъ Собіесскаго моста къ Уяздовскому госпиталю и оставляетъ Собіесскій мостъ влѣво. Подпрапорщики считаютъ себя отрѣзанными и погибшими и бросаются съ дороги въ рощу, мимо которой должны были проходить кирасиры. Имъ удалось достигнуть ея опушки. Ихъ смятеніе увеличивается раздающимися кругомъ ихъ трубными звуками; они шепчутся между собою, что егеря выдали ихъ; но однажды сошедшіе съ пути долга, они осыпаютъ страшнѣйшими угрозами всякаго, навлекающаго на себя малѣйшее подозрѣніе въ измѣнѣ, подстрекаемые въ этомъ убійцами Бельведера, соединившимися съ ними у Собіесскаго моста.

Кирасиры, приготовленные къ выступленію произошедшимъ вблизи пожаромъ, и встревоженные пальбою, безпрепятственно сѣли на коней и двинулись къ Бельведеру. При поспѣшности передовыхъ частей, случилось такъ, что два заднихъ эскадрона не много отстали. Въ этотъ промежутокъ бросились бѣгущіе подпрапорщики, и имъ удалось проскользнуть; ихъ оставалось на лицо едва 100 человѣкъ. Задніе эскадроны, ничего не зная о происшедшемъ, остановились, дабы дать имъ время очистить дорогу, и тогда уже продолжали свое движеніе къ Бельведеру; подпрапорщики съ своей стороны старались достигнуть возвышенія между «Деревенской кофейной» и Радзивиловскими казармами. Въ это время они слышатъ за собою конскій топотъ и бросаются въ недостроенныя еще казармы. Шумъ этотъ происходилъ отъ одного взвода уланъ, посланнаго для развѣ-

данія причины всѣхъ этихъ безпорядковъ, столь же походившихъ на преступное своеволіе, какъ и на враждебныя дѣйствія. Но едва подъѣхали уланы къ казармамъ, какъ по нимъ былъ открытъ огонь изъ дверей и оконъ. Конечно, они не могли предпринять что либо серіозное противъ занимавшихъ строенія пѣхотинцевъ, особенно при ночной темнотѣ, а потому возвратились къ Бельведеру, потерявъ двухъ лошадей убитыми и трехъ или четырехъ солдатъ легко ранеными. Подпрапорщики воспользовались ихъ удаленіемъ и поспѣшили въ городъ на Вейскую улицу, полные гнѣва противъ долженствовавшихъ поддержать ихъ и не прибывшихъ егерскихъ ротъ. Въ ярости убили они безвиннаго кирасирскаго вахмистра, возвращавшагося отъ генерала Кнорринга, коему онъ донесъ о тревогѣ въ казармахъ, и ранили мимо ѣдущаго казака. На Александровской площади, найденной ими пустою, они остановились, дабы собраться и перевести духъ.

Что до егерскихъ ротъ, то простой случай, какъ то часто бываетъ при революціяхъ, лишилъ ихъ возможности прійдти къ подпрапорщикамъ на помощь. Подъ предлогомъ тревоги, бывшіе въ заговорѣ, молодые офицеры вывели эти роты изъ ихъ казармъ на Ординацкую улицу, но, вмѣсто того, чтобы вести ихъ на сборное мѣсто, назначенное гарнизону, обратились они съ ними внизъ по Новому-свѣту къ русскимъ гвардейскимъ казармамъ, на которыя должны были произвести нападеніе. Они остановились на Александровской площади, дабы получить боевые патроны, которые были привезены на крестьянской телегѣ. Здѣсь присоединились къ нимъ 4-ре орудія, назначенныя для дѣйствія противъ русской кавалеріи; тутъ же присоединились къ нимъ и старшіе офицеры ротъ. Между ними и младшими офицерами возникъ споръ о томъ, куда нужно вести роты. Во время этого спора, прошелъ мимо гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, который, по первой тревогѣ, генералъ Курнатовскій посадилъ на коней. Онъ приказываетъ егерскимъ ротамъ тотчасъ идти къ Бельведеру; артиллеристы также не отважились остаться, такъ какъ конные егеря слѣдовали непосредственно за ними. Впрочемъ, ихъ орудія были безъ заря-

довъ, и не были употреблены. Когда они пришли къ Бельведеру, то нашли собранными тамъ три русскихъ кавалерійскихъ полка, и передъ ихъ фронтомъ Великаго Князя, закутаннаго въ свою шинель, окруженнаго генералами: Курутою, Кнорингомъ, Штрандманомъ, Марковымъ и Данненбергомъ, ожидавшаго прибытія остальныхъ войскъ, съ спокойною наружностью, но внутренно глубоко взволнованнаго. По странному случаю, назначенныя для нападенія и взятія въ плѣнъ русской кавалеріи егерскія роты, сдѣлались такимъ образомъ ея лучшею защитою, потому что, подъ командою русскаго генерала, они образовали, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и въ два послѣдующіе дня, прикрытіе этой кавалеріи и единственную защиту Бельведера.

Здѣсь Великій Князь вторично чуднымъ образомъ избѣгъ явной опасности. Одинъ изъ заговорщиковъ, егерскій офицеръ, подпор. Волосчанскій, въ то время, когда Великій Князь увѣщевалъ солдатъ не забывать своего долга, намѣревался застрѣлить Его. Онъ взялъ солдатское ружье и прицѣлился; но ружье осѣклось (*). Послѣ чего онъ бросилъ его на землю и скрылся въ темнотѣ.

Къ несчастію, теперь пропустили удобный моментъ для дѣйствія. Въ эту первую минуту, когда заговорщики еще дѣйствовали робко и нерѣшительно, легко было подавить возстаніе, но давъ имъ время усилиться чернью и солдатами, вначалѣ медленно приближавшимися, дозволивъ имъ безъ сопротивленія распорядиться въ городѣ и умертвить всѣхъ тѣхъ, которые старались возвратить солдатъ къ ихъ долгу, допустили такимъ образомъ развитіе безпорядка, который въ слѣдующіе дни превратился въ настоящую революцію. До сего времени все какъ бы соединилось для того, чтобы уничтожить планъ возмутителей. Ничто не удалось имъ: Великій Князь избавился отъ опасности; русская кавалерія, которую они хотѣли обезоружить, едва не обезоружила ихъ самихъ, и войска, долженствовавшія прійти на помощь къ нимъ, были остановлены и употреблены также противъ нихъ самихъ.

(*) По Заливскому и Шпадиру, даже три раза.

Немногимъ успѣшнѣе шли въ началѣ дѣла и на другой, сѣверной сторонѣ. Подпрапорщикъ Нико, первый посланный Высоцкаго нашелъ егерскія роты еще на Александровской площади, и получивъ обѣщаніе, что они тотчасъ выступятъ на помощь, онъ поспѣшилъ далѣе въ городъ, дабы освѣдомиться объ успѣхѣ возстанія. Но каковъ былъ его испугъ, когда пройдя по Новому-свѣту, онъ нашелъ, что все было тихо и нѣмо, нигдѣ ни малѣйшаго признака движенія. Онъ вскакиваетъ въ попавшіяся ему дрожки и мчится по пустымъ улицамъ, крича: «къ оружію Поляки, нашихъ рѣжутъ!» Встрѣчающіеся съ изумленіемъ уступаютъ ему дорогу; только въ концѣ Краковскаго предмѣстья, одинъ офицеръ пытается арестовать его, но Нико успѣваетъ спастись въвозникающей суматохѣ, для того что бы призывать народъ къ оружію въдругихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, возлѣ арсенала смятеніе усиливалось. Послѣ 5 часовъ, какъ было условлено, подпор. Чарнецкій и Линовскій собрали гренадерскія роты 5-го полка за садомъ Красинскаго ираздѣлили между ними добытые боевые патроны; это происходило возлѣ самой квартиры русскаго коменданта, который одинъ только имѣлъ право отдавать приказанія гарнизону. На окликъ они отвѣчали также точно, какъ и другіе собирающіяся войска: что они назначены для общаго патруля. Эти патрули часто назначались, почему этотъ отзывъ не могъ показаться страннымъ. Между тѣмъ Заливскій, имѣвшій главное управленіе въ этой части города, съ величайшимъ нетерпѣніемъ, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, ожидалъ сигнала отъ Высоцкаго; запасшись патронами, съ заряженными ружьями, готовые къ бою, они съ возрастающимъ безпокойствомъ провели болѣе часу, непрестанно устремляя взоры на Солецъ. Офицеры, посвященные въ тайну, безпрестанно приходили съ вопросами, что имъдолжно дѣлать, и съ извѣщеніями, что Русскіе начинали догадываться обо всемъ. Они объявили, что если нескоро начнутъ дѣйствовать, то они распустятъ роты, опасаясь измѣны. Бѣшенство Заливскаго противъ Высоцкаго было безгранично, и онъ считалъ уже все погибшимъ отъ его неспособности. Въ 6 час. сигналъ долженъ былъ запылать; было уже болѣе 7 часовъ,

а его не было видно. Между тѣмъ пивоварня была дѣйствительно зажжена, но пламя было такъ незначительно, что въ сѣверной части города ничего не было замѣтно. Потому Заливскій приказалъ собрать всѣ войска, бывшія у арсенала и дабы подать имъ для сего сигналъ, зажечь два дома вблизи его, въ Новолипской улицѣ. Владѣлецъ ихъ, бѣдный Еврей, угрозами и побоями былъ принужденъ достать сѣру и другіе горючіе матеріалы и положить ихъ подъ кровлю. Такъ какъ онъ медленно принимался за разрушеніе своей собственности, то его жестоко избили (*).

Таковы были причины, по которымъ возстаніе запоздало въ этой части города, и тѣмъ не мало помѣшало одновременности въ дѣйствіяхъ заговорщиковъ. Но новый пожаръ привелъ въ движеніе весь гарнизонъ и уничтожилъ всѣ планы на нечаянное нападеніе на Русскихъ въ казармахъ. Заливскій, выступившій съ двумя ротами противъ Волынскаго полка, долженъ былъ поспѣшно возвратиться, найдя его въ готовности. Народъ съ своей стороны, только теперь началъ мало-по-малу собираться, привлеченный воззваніями и высланными Броникowскимъ сообщниками. Изъ числа 50, давшихъ ему слово помогать, явилось всего 8. Ревностнѣйшіе между ними: Жуковскій, Козловскій, Дунинъ, Корманскій, Мохнацкій и Дембинскій пошли въ питейные дома и трактиры и стращали людей условленными криками. Но въ началѣ чернь появлялась весьма боязливо; однакожъ не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, и вообще всегда готовая поддерживать всякое волненіе, она начала собираться мало-по-малу изъ стараго города и ближайшихъ улицъ все въ большія толпы, которыя теперь при воззваніи: «къ арсеналу!» направились туда. Ворота и двери, слабо обороняемыя частію ближайшаго караула (отъ 4-го полка), были выбиты, народъ и чернь, даже женщины разграбили нагроможденные запасы оружія и раздѣляли его между собою, чѣмъ въ особенности воспользовались, поврежденному имъ духу спекуляціи, Евреи, при-

(*) И это тотъ самый подвигъ, который революціонеры выставляли образцомъ умѣренности, великодушія и уваженія къ праву собственности. Смотри: «Недѣля освобожденія Польши» (Варшава 1830) ст. 34.

своивъ себѣ много дорогаго оружія. Это случилось безъ всякаго содѣйствія войскъ (*). Въ короткое время 40,000 ружей, сабель и пистолетовъ были растасканы или розданы; и, вооруженная такимъ образомъ, чернь предалась необузданной ярости «Къ оружію», раздавалось по всѣмъ улицамъ, «къ оружію, Поляки! Русскіе умерщвляютъ нашихъ братьевъ, Русскіе жгутъ «и грабятъ городъ!» Вслѣдствіе этого мнимаго вѣроломства и предательства Русскихъ, они считали себя вправѣ позволить себѣ дѣйствительное вѣроломство. Какъ тигры бросались они на свою добычу; гдѣ только показывался Русскій или кто либо изъ высшихъ польскихъ офицеровъ, на него нападали, оскорбляли и брали въ плѣнъ или умерщвляли. Только не многія изъ жертвъ избѣгли опредѣленной имъ судьбы; большая часть погибла отъ рукъ убійцъ, часто не зная откуда былъ направленъ ударъ.

Между тѣмъ Заливскій расположился съ двумя гренадерскими ротами 5-го полка по обѣ стороны арсенала и захватилъ здѣсь поодиночѣ многихъ русскихъ офицеровъ и генераловъ, спѣшившихъ къ своимъ войскамъ, между прочими и командировъ Литовскаго и Волынскаго гвардейскихъ полковъ: Энгельмана и Ессакова, чрезъ что оба эти полка остались въ неизвѣстности, что̀ имъ должно было дѣлать. Вскорѣ подошелъ и первый баталіонъ 4-го полка и расположился правѣе арсенала въ улицѣ Наливки. Это было приведено въ исполненіе не безъ сопротивленія со стороны старшихъ офицеровъ. Заговорщики —молодые офицеры, собрали полкъ въ казармахъ, роздали боевые патроны и возбуждали ихъ къ возстанію. Когда они хотѣли вывести баталіонъ, прибылъ полковникъ того полка, Богуславскій, и старался удержать ихъ отъ забвенія своего долга. Тщетно напоминалъ онъ солдатамъ благодѣянія и лю-

(*) Если вѣрить свидѣтельству Заливскаго, и сопоставляя его съ мѣрами, принятыми чрезъ два дня послѣ того временнымъ правленіемъ для того, чтобы снова собрать разграбленное оружіе: то какъ кажется разграбленіе оружія было противно намѣреніямъ заговорщиковъ. Они только хотѣли завладѣть арсеналомъ, дабы употребить въ свою пользу сохраняемое тамъ оружіе, но войска запоздали, а подчиненные агенты, не бывшіе посвящены во всѣ тайны высшихъ предводителей, чрезмѣрно воспламенили народъ, отчего и произошла эта ошибка.

бовь Великаго Князя: они уже выслушали голосъ возмущенія и не обращали вниманія на слова и просьбы ихъ начальника. Тогда Богуславскій становится съ распростертыми руками въ воротахъ и говоритъ: «путь къ преступленію будетъ проложенъ только чрезъ мой трупъ». Воины смущаются только на одно мгновеніе, но потомъ его отталкиваютъ, опрокидываютъ, и солдаты чрезъ своего предводителя устремляются изъ воротъ(*); быстро построившись при выходѣ изъ нихъ, они спѣшатъ по Францисканской улицѣ къ арсеналу, гдѣ капитанъ Рославковскій, какъ старшій между ними, принимаетъ начальство надъ баталіономъ (**).

Едва прибыли они сюда, какъ минуту спустя, подошелъ и л. гв. Волынскій п. Какъ мы прежде видѣли, онъ былъ вовремя предостереженъ русскимъ подпрапорщикомъ (***)и по этому былъ на сторожѣ. Такъ какъ командиръ его, генералъ Ессаковъ попался въ руки Заливскаго, то старшій по немъ офицеръ, полк. Овандеръ приказалъ полку стать въ ружье; но, не зная объ измѣненіи диспозиціи въ случаѣ тревоги, онъ двинулся, согласно прежнему распоряженію, двумя колоннами къ арсеналу. Правая колонна (1-й бат.), съ которой онъ шелъ самъ, направилась изъ Дзикой улицы въ Пржеіаздовскую улицу, какъ вдругъ неожиданно была встрѣчена огнемъ гренадерскихъ ротъ 5-го полка, занявшихъ всю ширину этой улицы (****). Изумленный такимъ пріемомъ, баталіонъ не зналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; сверхъ того, снабженный только холостыми патронами, и не имѣя инструкціи на таковой случай, онъ отошелъ назадъ, и выстроился въ Дзикой улицѣ, близь горѣвшаго дома. Лѣвая

(*) Wyrok etc. ст. 30.

(**) Здѣсь присоединились къ нимъ еще, покинувъ занимаемые ими караулы, отдѣльныя части 2-го баталіона. По Мохнацкому, заговорщики поколебали вѣрность 4-го и тѣмъ, что разсѣевали между солдатами тайныя записки, въ которыхъ говорилось, что: «благосклонность къ нимъ Великаго Князя сдѣлала ихъ врагами отечества.»

(***) Но не чрезъ прибывшій порожній экипажъ генерала Ессакова, какъ разсказываетъ Шпациръ. Лошади, съ убитымъ кучеромъ на дрожкахъ, побѣжали къ Брюловскому дворцу, гдѣ генералъ Ессаковъ только-что былъ въ гостяхъ.

(****) Они стояли на небольшой площади предъ бывшимъ домомъ Мостовскаго, впослѣдствіи министерства внутреннихъ дѣлъ.

колонна (2-й бат.) двинулась сначала вдоль Францисканской улицы и потомъ поворотила въ улицу Наливки, гдѣ наткнулась на первый бат. 4-го полка; такимъ же образомъ и по тѣмъ же причинамъ она также была вынуждена отступить. Вслѣдъ за симъ пришло приказаніе свыше, что полкъ долженъ идти на новый плацъ-парадъ (такъ называемое марсово поле), назначенный общимъ сборнымъ пунктомъ. Когда, направляясь туда, 2-й бат. встрѣтилъ саперный баталіонъ, шедшій именно оттуда къ арсеналу, то войска, искоса взглянувъ на друга, дали другъ другу мѣсто, такъ сказать, механически, по привычкѣ дѣйствовать вмѣстѣ, для одной и той же цѣли.

Саперный баталіонъ давно уже былъ выведенъ капитаномъ Гавронскимъ и подпоручиками Пржедпельскимъ и Мальчевскимъ на плацъ передъ казармами, снабженъ боевыми патронами и возбужденъ къ упорной битвѣ съ Русскими. Въ эту минуту явился командиръ баталіона, подполковникъ Майковскій и повелъ его на марсово-поле, какъ сборный пунктъ для всей пѣхоты. Здѣсь, построивъ баталіонъ въ колонну, съ ружьями у ноги, ожидалъ онъ дальнѣйшихъ приказаній отъ генерала Жимирскаго, къ бригадѣ котораго принадлежалъ его баталіонъ. Тогда услышали ружейные выстрѣлы и увидѣли пожаръ въ городѣ. Послѣ сего подпоручикъ Мальчевскій подошелъ къ Майковскому и требовалъ, «чтобы онъ велъ баталіонъ въ городъ», потому что «Русскіе убиваютъ Поляковъ.» Но какъ Майковскій не хотѣлъ исполнить его требованій, потому что долженъ былъ ожидать приказаній генерала, Мальчевскій вынулъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ въ него. Пуля пролетѣла мимо головы подполковника и такъ его напугала, что онъ безъ сопротивленія повиновался всякому требованію и спокойно смотрѣлъ, какъ Мальчевскій приказалъ зарядить ружья и слѣдовать за нимъ къ арсеналу. Такимъ образомъ, Мальчевскій принялъ настоящее начальство надъ баталіономъ. Прійдя къ арсеналу, саперы расположились въ Длугой улицѣ.

Общая тревога вовремя была замѣчена л.-гв. Литовскимъ полкомъ и воспрепятствовала нечаянному нападенію на него, хотя и этотъ полкъ, подобно Волынскому, былъ лишенъ своего

командира, генерала Энгельмана. Генералъ Жимирскій повелъ Литовскій и польскій гвардейскій Гренадерскій полки, составлявшіе его бригаду и вмѣстѣ стоявшіе въ Александровскихъ казармахъ, къ вышеназванному сборному пункту; оставаясь здѣсь, они не принимали болѣе никакого участія въ происшествіяхъ этого дня. Только нѣкоторые взводы польскаго Гренадерскаго полка, предводимые заговорщиками—офицерами, отдѣлились и направились вмѣстѣ съ гренадерскими ротами 1-го, 3-го и 7-го полковъ, съ коими они были вмѣстѣ расположены, къ арсеналу, бывшему общимъ сборнымъ пунктомъ заговорщиковъ. Здѣсь также появилась рота гвардейской конной артиллеріи, коей начальникъ, подполковникъ Хоржевскій, также точно какъ и командиръ саперовъ, былъ принужденъ съ пистолетомъ у груди привести свои орудія бунтовщикамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были вывезены на плацъ предъ дворцомъ Красинскаго, другія въ прилегающія улицы, и еще нѣкоторыя поставлены предъ банкомъ, защита коего была поручена гренадерамъ 2-го полка. Гренадеры 8-го полка защищали Примасовскій палацъ на сенаторской площади; а маіоръ Кіекерницкій съ гренадерами 1-го полка, отправился въ Прагу, гдѣ безъ всякаго сопротивленія овладѣлъ тамошними пороховыми магазинами. Все это, разсказанное здѣсь одно за другимъ, произошло почти одновременно.

Между тѣмъ Высоцкій и Шлегель прибыли со школою подпрапорщиковъ къ арсеналу, но были встрѣчены здѣсь упреками Заливскаго. Заливскій повелительно спросилъ Высоцкаго, по какой причинѣ онъ такъ поздно подалъ сигналъ, и что сталось съ Великимъ Княземъ и русскою кавалеріею? Когда же онъ услышалъ, что первый находится въ живыхъ, а вторая невредима, его гнѣвъ не зналъ границъ и онъ обошелся съ Высоцкимъ весьма грубо. Высоцкій и подпрапорщики должны были донести о другихъ подвигахъ. Еще во время отдыха на Александровской площади, они изранили двухъ русскихъ офицеровъ: адъютанта Постольскаго и шт.-ротмистра Дерфельдена, изъ коихъ послѣдній вскорѣ умеръ отъ ранъ. Вслѣдъ засимъ наткнулись они на генерала Станислава По-

тоцкаго, начальника всей польской пѣхоты, о настоящемъ образѣ мыслей котораго не было ничего извѣстно. Они арестовали его, и Высоцкій умолялъ его, «именемъ цѣпей Игельстрома» (Потоцкій былъ арестованъ нѣкоторое время въ 1794 г.) объявить себя за нихъ, такъ какъ войска уже склонены въ ихъ пользу и заняли важнѣйшіе пункты. Однакожъ всѣ его убѣжденія были тщетны; но все же генералу дозволили безпрепятственно отправиться далѣе. Когда подпрапорщики направились по городу, повстрѣчался имъ у церкви св. Креста всадникъ, котораго они тотчасъ задержали. То былъ талантливый и энергическій генералъ Трембицкій; незадолго до возстанія онъ былъ назначенъ начальникомъ школы, но такъ какъ онъ соблюдалъ должную строгость между подпрапорщиками, то успѣлъ навлечь на себя смертельную ненависть многихъ изъ нихъ. Они арестовываютъ его, и убѣждаютъ стать во главѣ ихъ, но какъ онъ не соглашается, то они насильно тащутъ его съ собою; съ криками: «къ оружію кто любитъ отечество!» они слѣдуютъ далѣе, но также какъ и Нико находятъ вездѣ мертвую тишину, прерываемую единственно шумомъ боязливо и поспѣшно захлопываемыхъ ставень и дверей. Они считали уже себя покинутыми и принесенными въ жертву и съ мрачнымъ озлобленіемъ продолжали свой путь къ Краковскому предмѣстью. Здѣсь наконецъ началъ присоединяться къ нимъ народъ, который они тотчасъ вооружили своими тесаками. У дворца Намѣстника наткнулись они на военнаго министра, гр. Гауке, стараго заслуженнаго солдата, имя котораго часто упоминалось во времена Наполеона, въ особенности какъ защитника Замосцья въ 1813 г. въ сопровожденіи начальника своего штаба, полковника Мецишевскаго, онъ ѣхалъ туда, куда призывалъ его долгъ. Они окружили его и схватили лошадь подъ уздцы. «Прочь съ дороги сопляки!» кричитъ имъ старый воинъ (*), и старается прочистить себѣ дорогу своими пистолетами: тогда цѣлый залпъ повергаетъ

(*) «Na bok, Smarkacze!» Неизвѣстно, выстрѣлилъ ли онъ изъ пистолетовъ или нѣтъ хотя одинъ подпрапорщикъ и былъ раненъ, но легко можетъ быть, что онъ былъ раненъ своими, при залпѣ, даннымъ въ темнотѣ по генералу, когда онъ былъ узнанъ.

его и его спутника на земь, гдѣ ихъ обоихъ прикалываютъ штыками. Чрезъ Козію и Сенаторскую улицы, подпрапорщики продолжали путь къ арсеналу, причемъ по недоразумѣнію былъ убитъ генералъ Новицкій, считавшійся ревностнымъ патріотомъ. Передъ Примасовскимъ дворцомъ они только что стали приводить въ порядокъ свои ряды, разорванные толпами народа, какъ вдругъ мимо ихъ проѣзжаетъ карета. На ихъ окликъ, кто въ ней?—отвѣчаютъ слабымъ голосомъ: «генералъ Новицкій.» Имъ послышалось Левицкій (такъ назывался русскій комендантъ, котораго они поклялись умертвить), они тотчасъ выстрѣлили, и уже по трупу Новицкаго узнали свою ошибку, когда было поздно. Какъ скоро они достигли внутреннихъ частей города, къ нимъ примкнули воспитанники учебной школы и часть кавалерійской школы. Затѣмъ толпа ихъ отправилась на квартиру Лелевеля, дабы пригласить его, стать во главѣ ихъ. Они нашли его дрожащимъ и блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ просилъ ихъ извинить его, потому что его отецъ трудно боленъ, и ему невозможно бросить его. Молодые люди удовольствовались этимъ и оставили его въ покоѣ. Онъ только былъ способенъ и искусенъ составлять въ тишинѣ заговоры.

Исчезнувшій Добровольскій опять внезапно появился въ театрѣ (rozmaitosci, variétés) и махая саблею восклицалъ: «Поляки къ оружію, Русскіе убиваютъ нашихъ!». Тотчасъ поднялся шумъ, замѣшательство, все бросилось вонъ изъ театра. Въ этомъ общемъ смятеніи встаетъ, случайно бывшій тамъ генералъ Хлопицкій, и говоритъ съ энергіею: «Кто васъ прислалъ сюда? что значитъ этотъ крикъ?» и потомъ прибавляетъ: «ступайте отсюда, я вамъ это приказываю!» Но какъ Добровольскій мѣшкалъ и убѣждалъ окружающихъ его заарестовать бывшихъ здѣсь русскихъ офицеровъ, Хлопицкій вскричалъ съ гнѣвомъ: «Я вамъ говорю убирайтесь; присутствующіе здѣсь офицеры находятся подъ моею защитою.» Смущенный Добровольскій удалился, и такимъ образомъ бывшіе тамъ русскіе офицеры избавились отъ плѣна. За тѣмъ Хлопицкій самъ оставилъ театръ и исчезъ (*). Добровольскій же продолжалъ свой

(*) По разсказу бывшаго въ то время въ театрѣ очевидца.

путь, изъ Краковскаго предмѣстья побѣжалъ въ ближнюю Медовую улицу, гдѣ онъ засталъ въ публичномъ концертѣ русскаго генерала Рихтера. Здѣсь не было другаго Хлопицкаго, и Рихтеръ былъ взятъ въ плѣнъ, чрезъ что русская пѣхота лишилась своего дивизіоннаго начальника.

Хотя многое было упущено, но все же еще энергическія мѣры могли бы прекратить возстаніе. Быстрая атака нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи въ различныхъ улицахъ легко могла разогнать еще слабыя толпы народа, и не дозволить заговорщикамъ утвердиться на опорномъ пунктѣ; большая часть войска, увлеченная нѣсколькими, офицерами бывшими въ заговорѣ и покинутая народомъ, возвратилась бы къ своему долгу; болѣе упорные были бы доведены до сего силою; такимъ образомъ все возмущеніе было бы подавлено, тѣмъ легче, что для поддержанія кавалеріи можно было употребить большую часть пѣхоты. Таково было мнѣніе почти всѣхъ генераловъ. Но Великому Князю представляли, что: (*) «все смятеніе произошло отъ «ошибочнаго мнѣнія народа и войска, что Русскіе напали на Поля«ковъ и умерщвляли ихъ, и дабы укротить ихъ, лучше всего не«вмѣшательствомъ Русскихъ доказать имъ неосновательность этой «клеветы.» Это лукавое предложеніе было принято Великимъ Княземъ, и Онъ рѣшился держать русскія войска совершенно вдали отъ борьбы, потому что, какъ Онъ выразился, «Русскимъ нечего дѣлать въ польской дракѣ (klótnia)» Такимъ образомъ они оставались только зрителями, чрезъ что заговорщикамъ удалось выполнить всѣ свои намѣренія, и присоединить наконецъ къ себѣ и еще остававшихся вѣрными Поляковъ. Было только дозволено генералу Курнатовскому въ сопровожденіи русскихъ генераловъ Данненберга и Фансгаве, съ гвардейскимъ Конно-Егерскимъ полкомъ, сдѣлать попытку къ утишенію возстанія. Они пробрались по Краковскому предмѣстью до замка, а одинъ эскадронъ даже до арсенала, разогнали собирающійся народъ и арестовали нѣсколькихъ человѣкъ; но не подкрѣпленные пѣхотою, они не отважились предпринять что либо про-

(*) Указываютъ на адъютанта Великаго Князя, гр. Владислава Замойскаго введшаго Его въ заблужденіе такими представленіями.

тивъ арсенала, гдѣ въ настоящее время былъ главный пунктъ возстанія.

По отголоску выстрѣловъ и шуму возрастающаго волненія, всѣ вѣрные своему долгу, старшіе офицеры и генералы бросились на лошадей и поспѣшили туда, гдѣ было необходимо ихъ присутствіе. Но большая часть ихъ или попалась въ руки бунтовщиковъ, или была умерщвлена ими: первую судьбу имѣли, кромѣ уже вышепоименованныхъ: адъютантъ Великаго Князя, гр. Нессельроде, генералы: Дьяковъ и Кривцовъ, смотритель арсенала, генералъ Бонтанъ, флигель-адъютанты: Бутурлинъ и Грессеръ (послѣдній тяжело раненъ) и другіе; вторая, горчайшая судьба постигла генераловъ: Станислава Потоцкаго, Трембицкаго, Блюмера и русскаго полковника Засса. Комендантъ, генералъ Левицкій, равно какъ и ненавистный Полякамъ Рожнецкій (*) счастливо избѣгли опредѣленной имъ погибели: послѣдній, какъ говорятъ, посредствомъ переодѣванія, а первый какимъ-то чудомъ, потому что когда его узнали, то произвели по немъ множество ружейныхъ выстрѣловъ; но онъ остался невредимъ, и только казакъ, сопровождавшій его, былъ убитъ. Генералы Потоцкій, Бонтанъ, Редель и др., одинъ за другимъ являлись у арсенала и пытались то просьбами и обѣщаніями, то наставленіями и угрозами увѣщевать поочередно народъ и солдатъ, дабы возвратить ихъ къ спокойствію и исполненію своего долга. Все это было тщетно, они сдѣлались только жертвами своей преданности. Сотни сабель были уже обнажены надъ Бонтаномъ, и онъ, также какъ и Редель, съ трудомъ были спасены въ арсеналѣ и тамъ взяты подъ стражу. Трембицкій, котораго подпрапорщики притащили къ арсеналу, вторично получилъ здѣсь приглашеніе стать во главѣ ихъ, но онъ отклонилъ его отъ себя, сказавъ: «я съумѣю сохранить вѣрность, въ которой я присягнулъ моему

(*) Генералъ Рожнецкій былъ начальникомъ жандармовъ, и потому самому былъ для бунтовщиковъ какъ бѣльмо на глазу; кромѣ того, какъ гросмейстеръ массонскихъ ложъ, онъ дѣйствовалъ наперекоръ гр. Платеру и другимъ, чѣмъ навлекъ на себя ненависть тѣхъ, которые хотѣли пользоваться орденомъ для своихъ тайныхъ цѣлей. Наконецъ уже самая преданность его правительству, которому онъ служилъ, была преступленіемъ въ глазахъ заговорщиковъ.

Государю»; вслѣдъ за тѣмъ нѣсколькими выстрѣлами онъ былъ повергнутъ на землю. Еще дышащаго протащили его нѣкоторое пространство, ругаясь надъ нимъ, и наконецъ умертвили его у колодца за Бѣлянской улицей. Такую же участь вскорѣ послѣ него испыталъ генералъ Станиславъ Потоцкій. Такъ какъ Потоцкій все продолжалъ увѣщевать солдатъ, то Нико и другіе бросились на него и объявили, что онъ долженъ принять сторону народа или умереть. Въ теченіи своей продолжительной и тревожной жизни, генералъ всегда сохранялъ свою честь и не хотѣлъ при концѣ ея, запятнать свои сѣдины клятвопреступленіемъ; съ презрѣніемъ онъ отказалъ въ этомъ. Затѣмъ онъ спѣшитъ къ гренадерамъ 5 полка, занимавшимъ теперь выходъ изъ улицы Лешно, и убѣждаетъ ихъ слѣдовать за нимъ къ Бельведеру. Гренадеры уже колеблются, какъ вдругъ народъ бросается на генерала, срываетъ его съ лошади и топчетъ ногами. Солдаты спокойно взираютъ на оскорбленіе ихъ старца начальника; когда же нѣсколько жандармовъ хотятъ освободить избитаго, покрытаго кровію генерала, они множествомъ выстрѣловъ повергаютъ его на землю. Онъ жилъ всего нѣсколько часовъ (*).

Такъ погибли, одинъ за другимъ, старые, достойные воины, въ теченіи 25-ти лѣтъ стоявшіе со славою во главѣ войскъ, погибли потому, что не хотѣли признавать въ горсти студентовъ, писцовъ и журналистовъ, въ нѣсколькихъ увлеченныхъ солдатахъ и въ толпѣ пьяной черни представителей націи. Для оправданія этихъ убійствъ, произведенныхъ съ холоднымъ разсчетомъ, утверждали впослѣдствіи, что: «генералы пали въ открытой борьбѣ». Конечно они боролись, но только словами и просьбами, потому-то они и должны были пасть отъ пуль и штыковъ. Мятежники требовали отъ нихъ чести или жизни, и благородныя жертвы не задумались отдать имъ жизнь.

Незадолго до сего погибъ также генералъ Блюмеръ, осо-

(*) При разсказѣ о смерти Трембицкаго и Потоцкаго, авторъ преимущественно слѣдовалъ Мирославскому (tableau de la première époque de la révolution de Pologne. Besançon, 1833). страница 43, такъ какъ все сказанное имъ подтверждается другими источниками.

бенно навлекшій на себя ненависть народа и солдатъ, какъ бывшій предсѣдателемъ многихъ военно-судныхъ коммиссій. Когда при началѣ возмущенія, онъ показался за садомъ Красинскаго, то гренадеры 5-го полка, совершившіе столько смертоубійствъ въ этотъ день, задержали его, и узнавъ его, дали по немъ залпъ, какъ по осужденному на смертную казнь; пронзенный шестнадцатью пулями, Блюмеръ испустилъ духъ на мостовой. Недовольная еще этимъ, чернь стала ругаться надъ его трупомъ, притащила его къ фонарному столбу и повѣсила на немъ. Еще болѣе возмутительнымъ образомъ погибъ русскій полковникъ Засс, человѣкъ отличавшійся гуманнымъ и любезнымъ характеромъ, спасшій своимъ ходатайствомъ многихъ несчастныхъ, и постоянно заступавшійся за Поляковъ (*). Въ то время, какъ онъ ѣхалъ въ своей каретѣ къ Бельведеру, онъ былъ задержанъ саперным патрулемъ у саксонскаго сада, и приведенъ къ вышеупомянутому поручику Мальчевскому, стоявшему со своею ротою у банка. На вопросъ Засса: «Гдѣ находится полковникъ?»—«Что тебѣ нужно?» закричалъ тотъ грознымъ голосомъ, и, вынувъ свою шпагу, съ такою силою ударилъ его по головѣ, что онъ ошеломленный зашатался. Затѣмъ Мальчевскій хладнокровно приказалъ своимъ солдатамъ добить его (**). Даже безвинный слуга долженъ былъ раздѣлить участь своего господина, и былъ умерщвленъ народомъ.

Тогда вспомнили о заключенныхъ: подпрапорщики и народъ спѣшатъ въ различныя тюрьмы, къ кармелитамъ, въ монастырь св. Мартына (Marcinkanki) и другіе, выламываютъ ворота и освобождаютъ заточенныхъ, тотчасъ присоединяющихся къ нимъ. Возстаніе распространяется все далѣе и далѣе; вмѣсто этихъ

(*) Они удостовѣрились въ этомъ послѣ его смерти изъ его бумагъ. Съ нимъ случилось, какъ и со многими другими; во время жизни онъ былъ оклеветанъ и преслѣдованъ по однимъ слухамъ; ему отдали справедливость, когда уже было поздно. «Il était difficile de remplir avec plus de conscience une charge si délicate et si dangereuse», говоритъ про него Романъ Солтыкъ 1, ст. 62.

(**) По собственному признанію Мальчевскаго на бывшихъ впослѣдствіи допросахъ. Wyrok etc. ст. 35. (впрочемъ, Мальчевскій бѣгствомъ избѣгнулъ угрожавшаго ему наказанія).

освобожденныхъ гауптвахты наполняются русскими офицерами, приверженцами русскаго правительства и людьми подозрѣваемыми въ шпіонствѣ; нѣкоторые изъ послѣднихъ были даже умерщвлены; такъ между прочимъ престарѣлый Макротъ, бывшій парикмахеръ, въ особенности навлекшій на себя ненависть народа; но вмѣстѣ съ нимъ погибла также невинная жертва — десятилѣтняя дѣвочка, его воспитанница.

Такимъ образомъ, возстаніе, неудачное при началѣ, чрезъ удержаніе русскихъ войскъ и чрезъ безпрепятственное исполненіе, успѣло усилиться и сдѣлаться страшнымъ, подобно пламени въ пространствѣ, наполненномъ горючими матеріалами, нигдѣ не противопоставляющими ему сопротивленія. Но вскорѣ обнаружился недостатокъ искуснаго управленія: изъ первоначальнаго плана ничего не было приведено въ исполненіе; все что произошло, произошло случайно, благодаря инстинкту или ярости народа и солдатъ. Народъ и войска были тѣсно соединены злодѣяніями, и именно эти злодѣянія заставляли ихъ изъ страха наказанія продолжать начатое. Но теперь, когда ихъ соединенная сила съ благоразуміемъ должна была быть направлена къ опредѣленной цѣли, высказалась неспособность доселѣ бывшихъ предводителей; что же касается до высшихъ, то они считали, что слишкомъ рано и рисковано начать дѣйствовать открыто. Всякій требовалъ приказаній, а никто не умѣлъ давать ихъ. Старшіе офицеры, силою и угрозами увлеченные своими подчиненными, начали говорить смѣлѣе и отказываться отъ дальнѣйшаго повиновенія. Заливскій, Высоцкій и другіе, выказавшіеся сначала, убѣдились въ своемъ безсиліи управлять мятежниками. Искали предводителя, который бы обладалъ не только храбростію, но также проницательностью, силою и уваженіемъ; и всѣ голоса соединились, дабы призвать Хлопицкаго, но Хлопицкаго нигдѣ нельзя было отъискать.

Теперь народъ разсѣялся по городу для грабежа; многія водочныя лавки были разломаны, найденные запасы расхищены и выпиты, и чернь, напившись до пьяна своимъ любимѣйшимъ напиткомъ, пыталась грабить лавки и магазины. Уже

многіе изъ нихъ были выломаны, какъ подоспѣвшія войска разогнали хищниковъ. Но все же не обошлось безъ воровства и грабежа; многіе дома, занимаемые Русскими, были совершенно разграблены, въ другихъ только были уведены лошади съ конюшень. Когда натянутыя пружины начали понемногу ослабѣвать, а утомленный народъ и войска жаждали отдыха, заговорщики соединились, дабы по-крайней-мѣрѣ удержать за собою выигранное пространство, кругомъ арсенала, внутри котораго находились три важнѣйшіе пункта: банкъ, арсеналъ и Примасовскій палацъ. Ближайшія небольшія площади были заняты, отдаленнѣйшія же, также какъ и главнѣйшія улицы: Краковское предмѣстье, Новой-свѣтъ, Маршальская и Мазовецкая улицы были совершенно очищены ими, и частію заняты гвардейскимъ Конно-Егерскимъ полкомъ. Овладѣніе же мостомъ черезъ Вислу, долженствовавшее вести за собою важныя послѣдствія, было упущено обѣими сторонами.

Гвардейскіе Конно-Егеря одни, бывшіе въ дѣйствіи со стороны, законной власти, удерживали до глубокой ночи саксонскую площадь и прилегающія къ ней улицы; полк. Миллеръ два раза посылалъ разъѣзды до Королевскаго замка, дабы освободить укрывшихся тамъ русскихъ генераловъ и офицеровъ; однакожъ караулъ отъ 4-го полка, подъ начальствомъ участвовавшаго въ заговорѣ офицера, заперъ передъ ними ворота и не впустилъ егерей. Изъ небольшихъ окрестныхъ улицъ, (Пивная, Святоянская, Козья) по нимъ было произведено нѣсколько выстрѣловъ, но не солдатами, а чернью; это не воспрепятствовало егерямъ обезоружить стрѣлявшихъ людей. Отдавая оружіе, нѣкоторые изъ нихъ спрашивали: «но чѣмъ же мы будемъ защищаться противъ Русскихъ (Москалей)?» На отвѣтъ: «идите спать, никто не обидитъ васъ» они разошлись спокойно и смѣясь, говорили: «Кажется что такъ (podobno ze tak.)» Между подозрительными людьми, схваченными гвардейскими егерями (подозрительными считались всѣ хорошо одѣтые съ оружіемъ въ рукахъ), число коихъ простиралось до 200, оказалось много мелкихъ чиновниковъ канцелярій. Эти люди были въ такомъ восторженномъ настроеніи, что вовсе не скрывали своего участія въ быв-

шихъ безпорядкахъ, а напротивъ громко хвастались этимъ и съ увѣренностію говорили объ успѣхѣ ихъ предпріятія.

Всѣ попытки, дѣлаемыя до-сихъ-поръ мятежниками, склонить къ начальствованію кого либо изъ значительныхъ генераловъ, были тщетны; наконецъ нашелся одинъ, согласившійся на это предложеніе. То былъ генералъ Сѣравскій, человѣкъ уже въ лѣтахъ (*), чрезвычайно дѣятельный, сражавшійся подъ начальствомъ Наполеона, но не выказавшій особенныхъ дарованій. Убѣжденный полковникомъ Кицкимъ, который своею красивою наружностью и рыцарскимъ обращеніемъ пріобрѣлъ большую любовь народа и особенно женщинъ, и въ то же время душою и тѣломъ былъ преданъ революціи, Сѣравскій вызвался взять на себя управленіе возстаніемъ. Онъ старался внести больше единства въ несвязныя движенія заговорщиковъ; онъ побудилъ гренадерскія роты 2-го и 6-го полковъ, уже наскучившія безцѣльнымъ шумомъ и смятеніемъ и хотѣвшія отправиться въ свои казармы, вновь воротиться; наконецъ онъ отправился къ гвардейскимъ егерямъ на саксонскую площадь, дабы и ихъ также побудить къ измѣнѣ. Но здѣсь, начальникъ главнаго штаба, генералъ Семіонтковскій, приказалъ арестовать его и отвести въ, находящуюся вблизи, его квартиру. Такимъ образомъ его предпріятіе въ самомъ началѣ было безуспѣшно. Но вскорѣ послѣ сего, генералъ Семіонтковскій, какъ многія другія несчастныя жертвы этой ночи, заплатилъ жизнью за свою вѣрность. Отрядъ саперовъ старался убѣдить перейти на ихъ сторону стоявшій у саксонскаго дворца караулъ 4-го полка. Семіонтковскій подъѣхалъ туда, дабы съ своей стороны склонить этихъ саперовъ вернуться къ своему долгу. Но одинъ изъ унтеръ-офицеровъ выстрѣлилъ и убилъ его на повалъ (**).

Была уже глубокая ночь; смятеніе мало-по-малу утихало повсюду, исключая только окрестности арсенала. Даже здѣсь овладѣлъ всѣми паническій страхъ, когда вдругъ на Красинской площади услышали выстрѣлы изъ орудій. Это случилось

(*) Онъ родился въ 1777 г.

(**) Wyrok. стр. 41.

по недоразумѣнію, но все же чрезъ это былъ убитъ въ Медовой улицѣ несчастный ветеранъ. Около 3-хъ часовъ утра, почти весь народъ разбѣжался, виднѣлись только одиночные всадники, развѣдывавшіе о Хлопицкомъ. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Одинъ молодой офицеръ увѣрялъ солдатъ, хотѣвшихъ также идти домой: что онъ посланъ этимъ генераломъ, съ приказаніемъ каждому отряду удерживать свои посты до слѣдующаго утра. Ему повѣрили, начали кричать: «да здравствуетъ генералъ!» и войска остались бивуакирующими на улицахъ. Такъ прошла остальная часть этой ночи безъ дальнѣйшихъ приключеній.

По свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, то была поразительно-страшная ночь. Всѣ благонамѣренные люди заперлись и заложили ворота и двери; на улицахъ была видна только чернь. Но повсюду у запертыхъ воротъ былъ слышенъ стукъ и крики людей, хотѣвшихъ войти, или для того, чтобы спастись отъ рукъ убійцъ, или дабы отыскивать въ домахъ обреченныхъ жертвъ. Имѣвшій личнаго врага долженъ былъ трепетать, потому что подъ видомъ публичной мести, удовлетворяли тайной. Непрерывно слышался на улицахъ, издали раздававшійся, глухой шумъ, или ружейная пальба; то вдругъ наступала тишина, то вдругъ опять раздавалось пронзительное завываніе народа: «къ оружію Поляки, къ оружію!», или слышался топотъ и шумъ быстро скачущихъ офицеровъ или экипажей. Еслибы кто нибудь осмѣлился выйти изъ воротъ или на улицу, то онъ увидалъ бы при блѣдномъ свѣтѣ одного изъ пожаровъ, освѣщавшихъ ночь, то толпы вооруженной черни, то съ шумомъ идущія войска, или бѣглецовъ съ блѣдными лицами, съ боязнію стремящихся по улицамъ. Никто не спалъ. Каждый, приготовляясь къ ужаснѣйшимъ событіямъ, провелъ ночь въ тоскливомъ ожиданіи, теряясь въ догадкахъ о причинѣ шума и суматохи, и съ трепетомъ ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій. Кто былъ способенъ на глубокое размышленіе, видѣлъ ясно, куда должно было привести это возстаніе. Онъ предвидѣлъ погибель съ трудомъ пріобрѣтеннаго благосостоянія, достигнутой свободы, и польской молодежи, которая такъ легкомысленно ввергнулась

въ пучину революціи, и собственными руками вырывала себѣ преждевременную могилу.

Таково было 17 ноября, которымъ такъ многократно гордились заговорщики. Какъ видно, въ этотъ день не было совершено ни одного подвига. Никто не нападалъ, едвали кто защищался. До битвы между Русскими и Поляками вовсе не доходило, потому что, когда кавалерія сѣла на лошадей, подпрапорщики убѣжали отъ нее, а Волынскій полкъ, безъ инструкцій и боевыхъ патроновъ, не вступалъ въ битву (*). Изъ всего хода происшествій этого дня, можно заключить, что если-бы въ первыя минуты, когда войска еще колебались, а народъ не осмѣливался выйти изъ своихъ домовъ, были употреблены энергическія мѣры, то возмущеніе могло бы быть подавлено. Только ошибочная идея о трудности подавить мятежъ въ большихъ городахъ силою оружія, выведенная изъ происшествій въ Парижѣ и упроченная брюссельскимъ переворотомъ—съ одной стороны; съ другой стороны—темнота ночи, неизвѣстность, до какихъ поръ распространилось возстаніе, до какой степени войска были склонены заговорщиками (отпаденіе столь облагодѣтельствованныхъ воиновъ 4-го полка и сапернаго баталіона возбудило недовѣріе ко всѣмъ другимъ), наконецъ и моральное впечатлѣніе, произведенное покушеніемъ на жизнь Великаго Князя,—все это побудило Его, согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые совѣтывали дать утихнуть народу и солдатамъ и не возбуждать ихъ ярости вмѣшательствомъ Русскихъ. Изъ числа войскъ, которыя одни составляли истинную силу возстанія (на чернь не стоило обращать вниманія; нѣсколько эскадроновъ, были бы достаточны для того, чтобы разогнать ее) (**), вначалѣ на сторонѣ заговорщиковъ были только саперы, 4-й полкъ, нѣсколько гренадерскихъ ротъ съ гвардейскою конною артил-

(*) И потеря Русскихъ въ этотъ день не превышала 20 убитыхъ и столько же раненыхъ, какъ авторъ имѣль случай убѣдиться изъ бумагъ русскаго главнаго штаба.

(**) Мохнацкій разсказываетъ (11. 52), что, когда онъ вмѣстѣ сдругими предводителями управлялъ народомъ у арсенала, то первыми выстрѣлами, попавшими въ толпу, она такъ была напугана, что тотчасъ разбѣжалась и съ трудомъ могла быть собрана.

лерію и школа подпрапорщиковъ (*); между тѣмъ, почти одинаковое число изъ однихъ польскихъ войскъ, остались вѣрными, а именно: гвардейскій конно-егерскій полкъ, часть гвардейскихъ гренадеръ, равно какъ и нѣкоторыя гренадерскія роты полевыхъ полковъ. Эти войска, подкрѣпленныя двумя русскими пѣхотными и тремя кавалерійскими полками, были болѣе нежели достаточны для того, чтобы уничтожить возмущеніе на мѣстѣ; нужно было только позволить имъ дѣйствовать. Но не только подавить, можно было предупредить все возстаніе, или, по-крайней-мѣрѣ, тотчасъ при началѣ положить на пути его трудно-преодолимыя преграды, еслибы, при повторяющихся предзнаменованіяхъ угрожающихъ безпокойствъ, занять арсеналъ баталіономъ русскихъ войскъ, а въ Бельведерѣ, вмѣсто безоружныхъ инвалидовъ, поставить сильный караулъ. Легко было предвидѣть, что на этихъ двухъ пунктахъ будутъ главныя нападенія; посему необходимо было ихъ во время обезпечить. Но именно эти-то пункты и были совершенно упущены изъ виду.

(*) Число отпавшихъ войскъ, по показанію Солтыка (1. 70), доходитъ до 4,500; но онъ же говоритъ, что въ Варшавѣ находилось польскихъ войскъ всего 10,000 человѣкъ. Все же кажется, что первое число показано слишкомъ малымъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Ходъ возстанія до обнародованія манифеста противъ Россіи.

Ходъ возстанія до обнародованія манифеста противъ Россіи.

—

Событія ужасной ноябрьской ночи были покрыты таинственнымъ мракомъ; никто не зналъ, чему приписать причину этихъ неслыханныхъ происшествій: простому ли случаю или глубоко обдуманному плану? Ни одно значительное лицо, ни военное, ни гражданское не выказалось при этомъ; не было никого, кто бы могъ указать исходъ изъ этой путаницы. Безспорно, еще долгое время многое будетъ оставаться во мракѣ, пока не появятся когда нибудь мемуары Чарторижскаго, Островскаго, Лелевеля и другихъ и не разъяснятъ дѣла. Тѣ изъ высшихъ лицъ, которыя были посвящены въ загсворъ, хотя и знали что приготовляется что-то, но столь скорая развязка была для нихъ совершенно неожиданна и не была одобряема ими. Въ особенности князь Чарторижскій высказалъ такое мнѣніе: «если уже «рѣшились однажды произвести общее возстаніе, то не слѣдовало «предпринимать его слишкомъ рано и торопливо; необходимо «было выждать не только разрыва между Франціею и Россіею, «но даже начатія непріязненныхъ дѣйствій между двумя держава-«ми, прежде чѣмъ отважиться на столь рѣшительный шагъ» (*).

(*) Шпациръ, 1. 196.

Лица, не посвященныя въ заговоръ и вообще большинство публики, можетъ быть, не безъ удовольствія встрѣтили бы легкое волненіе съ цѣлью напугать правительство и Великаго Князя и достигнуть уничтоженія нѣкоторыхъ злоупотребленій; но кровопролитіе, убійства генераловъ и, выказавшіяся при этомъ, демагогическія тенденціи далеко перешли границы ихъ тайныхъ желаній. Наконецъ, многія изъ высшихъ лицъ, тайно склонявшихся на сторону революціи, не рѣшались дѣйствовать явно, пока было мало надежды на успѣхъ, ибо они не хотѣли подвергать опасности свои имущества, свое общественное положеніе и наконецъ свои собственныя личности.

Такъ какъ возстаніе повидимому казалось только вспышкою народной ярости, поддержанною войсками, то чтобы сдѣлать его безвреднымъ, нужно было только взять управленіе въ твердыя руки. Проницательный и опытный кн. Любецкій, возъимѣлъ эту мысль еще во время ночнаго смятенія и съумѣлъ принять надлежащія мѣры. Дабы возвысить совершенно упадшее уваженіе къ административному совѣту, и пріобрѣсти ему большую популярность, было необходимо ввести въ составъ его лицъ, пользующихся народною любовію, и воспрепятствовать виновникамъ возстанія склонить ихъ на свою сторону и тѣмъ придать значеніе своему предпріятію. По этому еще ночью, въ такую пору, когда почти никто не осмѣливался показываться изъ своихъ жилищъ, кн. Любецкій собралъ членовъ административнаго совѣта: графовъ: Валентина Соболевскаго, Тадеуша Мостовскаго, Станислава Грабовскаго, Фредро и генераловъ Раутенштрауха и Косицкаго, и пригласилъ присоединиться къ нимъ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, князей: Адама Чарторижскаго и Михаила Радзивила, а также кастеляновъ: гр. Паца, Кохановскаго и престарѣлаго Юліана Нѣмцевича. Генералъ Хлопицкій, также приглашенный, нигдѣ не могъ быть отысканъ. Именемъ Государя Любецкій предложилъ собравшимся взять на себя посредничество между Великимъ Княземъ и возмутившимися, ибо только такимъ способомъ можно было, по его мнѣнію, предохранить страну отъ гибельныхъ слѣдствій возстанія, которое по ничтожности

средствъ и малому значенію его предводителей не представляетъ надежды на счастливый исходъ. Посредствомъ такого ловкаго оборота, Любецкій надѣялся овладѣть революціею. Еслибы это удалось ему, все осталось бы по прежнему; ночное смятеніе было бы выставлено простою случайностью, и возмутители остались бы въ сторонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завязалъ и съ Великимъ Княземъ переговоры о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій, для отвращенія дальнѣйшей борьбы и успокоенія народа. Великій Князь, чрезъ своего адъютанта, гр. Владислава Замойскаго, приказалъ объявить ему: «что онъ отступаетъ и предоставляетъ Полякамъ самимъ согласить свои недоразумѣнія.»

Между тѣмъ, на слѣдующее утро на улицахъ оставались только солдаты и студенты. Народъ былъ только впослѣдствіи вновь привлеченъ звуками набата. Дома и магазины оставались запертыми. Съ обѣихъ сторонъ конецъ ночи былъ проведенъ въ большомъ безпокойствѣ и въ ежеминутномъ ожиданіи нечаяннаго нападенія: революціонныя войска стояли бивуакомъ вокругъ арсенала, гвардейскіе конно-егеря—противъ ихъ, на саксонской площади и близлежащихъ улицахъ. Три русскихъ кавалерійскихъ полка расположились вокругъ Бельведерскаго замка; егерскія гренадерскія роты 1-го и 3-го полковъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими взводами другихъ, оставшихся вѣрными войскъ, образовали ихъ авангардъ противъ Александровской площади. Оба русскіе пѣхотные полка, также какъ и гвардейскіе гренадеры подъ начальствомъ Жимирскаго, остались въ сѣверной части города. Съ ранняго утра народъ и саперы начали задирать конныхъ егерей, а около 8 часовъ бунтовщики произвели на нихъ общее нападеніе. Маіоръ Антонини, съ гренадерскими ротами 8–го полка началъ наступленіе противъ ихъ фронта отъ Примасовскаго дворца, въ то время какъ саперы подъ начальствомъ капитана Валентина д'Отерива (d'Hauterive, иностранца, постоянно отличаемаго Великимъ Княземъ) и отложившаяся рота гвардейскихъ гренадеръ, подъ начальствомъ поручика Чеховскаго, угрожали имъ слѣва. Гвардейскіе егеря уступили этому совокупному нападенію и отошли чрезъ Новый - свѣтъ на Алексан-

*

дровскую площадь. Мятежники преслѣдовали ихъ тремя колоннами: саперы съ 2-мя орудіями по Новому - свѣту, Чеховскій съ гвардейскими гренадерами справа, по Брацкой улицѣ, Антонини съ гренадерами 8-го полка слѣва, на Солецъ. Толпы вооруженнаго народа, смѣшавшись съ войсками, усилили отдѣльныя колонны. Впереди одного изъ такихъ взводовъ, составленныхъ изъ солдатъ и гражданъ, ѣхалъ подпорщикъ Нико, вооруженный ружьемъ, пистолетами, саблей и палашомъ и приглашалъ народъ къ общему вооруженію, дабы выгнать «Москалей» изъ города.

На Александровской площади саперы съ орудіями и окружающимъ ихъ народомъ остановились, видя что гренадерскія роты 1-го и 3-го егерскихъ полковъ, предводимыя русскимъ генераломъ, приготовляются къ сильному сопротивленію. Люди хорошо одѣтые и вооруженные стали подъѣзжать къ помянутымъ войскамъ и возбуждать ихъ къ измѣнѣ. Командовавшій егерями, генералъ Данненбергъ, чтобы положить этому конецъ, приказалъ стрѣлять по соблазнителямъ; двое изъ нихъ были ранены, а остальные затѣмъ удалились. Примѣръ этихъ егерей, которые остались вѣрными своему долгу, единственно благодаря твердости генерала Данненберга, указываетъ, что было бы, еслибы умѣли съ такою же энергіею дѣйствовать и на остальныя войска или, въ случаѣ надобности, противъ нихъ. Но старанія многихъ генераловъ получить дозволеніе на принятіе строгихъ мѣръ противъ возмутителей, оставались тщетными, и самоувѣренность послѣднихъ возрастала по мѣрѣ того, какъ имъ предоставляли безнаказанную свободу дѣйствій.

Между тѣмъ русскіе кавалерійскіе полки оставили городъ и расположились у Мокатова; здѣсь, ввечеру того же дня присоединились къ нимъ три гвардейскихъ пѣхотныхъ полка, обошедшіе кругомъ города, также какъ и русская артиллерія изъ Гуры и Скіерневицъ; эта послѣдняя не была захвачена, такъ что планъ мятежниковъ въ провинціяхъ удался столь же мало, какъ и въ столицѣ. Когда тамъ узнали, что Великій Князь находится въ живыхъ и не только избѣгнулъ всѣхъ разставленныхъ Ему сѣтей, но напротивъ, какъ прибавляли разскащики, самъ

блокировалъ съ значительными силами Варшаву, то заговорщиками овладѣлъ страхъ, и ни одна изъ вышеприведенныхъ, условленныхъ мѣръ не была выполнена (*). Великій Князь учредилъ свою главную квартиру въ Вержбѣ, селеніи, отстоящемъ на 3 версты отъ городской заставы. Оставшіяся вѣрными польскія войска также должны были послѣ полудня очистить городъ. Всякая связь съ жителями была строго пресѣчена.

Между тѣмъ около 7 час. утра появилась прокламація административнаго совѣта въ его новомъ составѣ, въ которой онъ увѣщевалъ народъ къ спокойствію и подтверждалъ, что Русскіе отступили; но какъ прокламація не была написана въ духѣ революціи, то она возбудила между приверженцами послѣдней еще болѣе ожесточенія. Въ ней было выражено сожалѣніе высшаго управленія о случившихся происшествіяхъ, желаніе, чтобы виновники мятежа отступились бы отъ своихъ предпріятій; сомнѣніе въ успѣхѣ революціи; наконецъ опасенія внутренняго раздора и междоусобной войны. Но зачинщики революціи всего менѣе думали о томъ, чтобы сойти съ пути, на которомъ они стояли, а напротивъ хотѣли слѣдовать по немъ до послѣдней крайности. Такъ какъ немногіе Русскіе, находившіеся въ Варшавѣ, не оказали сопротивленія, то революціонеры считали себя непобѣдимыми и требовали явнаго разрыва съ Россіею, тайно надѣясь на защиту и помощь Франціи. Прежде всего они видѣли необходимость во что бы то ни стало поставить во главѣ движенія знаменитыя и уважаемыя всѣми имена. За неимѣніемъ Хлопицкаго они обратились къ Нѣмцевичу, который какъ сотоварищъ, участникъ бѣдствій и другъ Косціюшки, пользовался огромнѣйшею популярностью. Но Нѣмцевичъ, уже испытавшій всю шаткость революціонныхъ попытокъ, со слезами на глазахъ просилъ пощадить его сѣдины, и предложилъ вмѣсто себя генерала Паца, который хотя и не обладалъ особенными дарованіями, но имѣлъ извѣстное имя и большое богатство (**). За неимѣніемъ кого либо другаго, Пацу сдѣлали пред-

(*) Заливскій, стр. 24.

(**) Пацы считаютъ себя происходящими отъ знаменитой фамиліи Pazzi изъ Флоренціи. Они успѣли пріобрѣсть, въ особенности въ Литвѣ, извѣстность, уваже-

ложеніе; но сначала онъ равномѣрно уклонился. Наконецъ, послѣ многихъ просьбъ, его убѣдили принять главное начальство надъ войсками до появленія Хлопицкаго.

Дабы охранить отъ всякихъ покушеній зданіе банка, административный совѣтъ рѣшилъ перенести въ него свои засѣданія. Около 9 час. утра члены его, въ торжественной процессіи, пѣшкомъ, между рядами безчисленнаго множества зрителей направились къ банку; впереди, верхомъ на лошади, въ національномъ костюмѣ ѣхалъ генералъ Пацъ. Народъ, неспособный размышлять о будущемъ и живущій только настоящею минутою, провожалъ шествіе съ громкими радостными возгласами. Вслѣдствіе криковъ и настояній толпы, собравшейся у банковаго дворца, престарѣлый Венгржецкій, прежде бывшій президентомъ города, снова былъ назначенъ въ эту должность, хотя онъ, дрожа отъ страха и волненія, охотно отказался бы отъ этой чести. Отставной полковникъ гр. Петръ Лубенскій былъ назначенъ начальникомъ вновь формируемой національной гвардіи. Они оба принуждены были подписать свои имена подъ прокламаціями, которыя хотѣли составить приверженцы возстанія. Генералъ Томашъ Лубенскій назначенъ былъ вице-президентомъ города и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ полиціи. Кромѣ того, нетерпѣливая толпа требовала еще окончательнаго избранія главнокомандующаго, и такъ какъ отсутствіе Хлопицкаго продолжалось, то многіе голоса называли Сѣравскаго, освобожденнаго послѣ отступленія гвардейскихъ егерей изъ квартиры коменданта. Административный совѣтъ долженъ былъ призвать его, и хотя Пацъ былъ уже прежде назначенъ, но и Сѣравскому также поручили главное начальство надъ войсками. Такимъ образомъ оказалось сразу два главнокомандующихъ, безъ всякаго впрочемъ домогательства съ ихъ стороны. Когда ввечеру Сѣравскій возвратился въ банковый дворецъ, Броніковскій, во главѣ толпы народа объявилъ ему: что они требуютъ другаго состава и другаго

ніе и обширныя помѣстья. Въ одномъ монастырѣ Камалдуловъ, основанномъ ими близъ Ковно, и служившемъ мѣстомъ погребенія членовъ фамиліи, видны еще и теперь хорошо сохранившіяся муміи многихъ извѣстнѣйшихъ изъ числа ихъ.

образа дѣйствій со стороны административнаго совѣта, преимущественно же удаленія генераловъ Коссецкаго и Раутенштрауха; «хотя насъ здѣсь только 10-ть депутатовъ», добавилъ Брониковскій, дабы придать болѣе значенія своимъ словамъ, «но всякій изъ насъ представляетъ тысячу.» Сѣравскій передалъ это требованіе административному совѣту, вслѣдствіе чего Раутенштраухъ и Коссецкій дѣйствительно были удалены (*).

Наконецъ уже къ вечеру генералъ Хлопицкій былъ отысканъ. Гдѣ онъ находился, было общимъ вопросомъ, на который никто не умѣлъ отвѣтить. Впослѣдствіи узнали, что когда онъ, при выходѣ изъ театра, наткнулся на гренадерскія роты 8-го полка, то подошелъ къ начальствовавшему ими офицеру и просилъ его защиты, которая была оказана ему съ полнымъ уваженіемъ; но онъ отвергъ всѣ просьбы стать во главѣ возстанія. Надѣвъ солдатскую шинель, Хлопицкій, дабы удобнѣе скрыться, сталъ въ третью шеренгу. Послѣ того онъ былъ препровожденъ, подъ конвоемъ изъ шести гренадеръ, во дворецъ военной коммиссіи. Когда маіоръ Антонини двинулся въ 5 час. утра на саксонскую площадь, то оставилъ 60 чел. для защиты дворца. Во все продолженіе возстанія, Хлопицкій приказалъ доносить себѣ о ходѣ событій, не выходя изъ своего убѣжища. Наконецъ его пребываніе было открыто кн. Любецкимъ и предложенія административнаго совѣта были переданы ему. По нѣкоторомъ размышленіи онъ принялъ главное начальство надъ войсками, но съ условіемъ предводительствовать ими именемъ Царя. Первое его дѣйствіе было въ духѣ примиренія, къ которому онъ постоянно стремился во все время нахожденія своего во главѣ правленія. Схваченныхъ ночью русскихъ генераловъ и офицеровъ, большую часть которыхъ заключили въ арсеналъ, онъ приказалъ, съ надлежащими предосторожностями, перевести въ замокъ и тамъ обходиться съ ними съ должнымъ приличіемъ; дабы защитить ихъ отъ всякаго проявленія народной злобы, онъ самъ, съ сильнымъ прикрытіемъ, проводилъ ихъ туда.

(*) Шпацыръ 1. 205.

Не смотря на успокоительную прокламацію административнаго совѣта, волненіе и безпокойство въ городѣ продолжались цѣлый день. Жилища русскихъ офицеровъ и чиновниковъ были разграблены, равно какъ и русскій коммисаріатъ на Новомъ свѣтѣ, гдѣ были похищены огромныя суммы. Въ слѣдующіе дни въ рукахъ простаго народа можно было видѣть толстыя пачки ассигнацій, и такимъ образомъ пропали цѣлые милліоны. Всѣ Русскіе, или находившіеся въ связи съ Русскими, должны были опасаться за свою жизнь. Шайки вооруженной и частію пьяной черни съ буйствомъ расхаживали по улицамъ; бѣда тому, кто попадался имъ въ руки и не могъ представить ненныхъ доказательствъ своего патріотизма. Многіе Евреи были лишены жизни, подъ предлогомъ что они служатъ шпіонами русскому правительству; этотъ угнетенный народъ постоянно служилъ цѣлью для преслѣдованіи черни, которая теперь отплачивала ему кровью за его обманы въ ежедневныхъ сношеніяхъ и въ торговлѣ. Въ отдаленнѣйшихъ частяхъ города повторились прежнія безчинства: магазины, въ особенности водочные и съѣстныхъ припасовъ, были сломаны и разграблены, а владѣльцевъ ихъ подвергали жестокимъ оскорбленіямъ. Это продолжалось въ теченіи всей ночи (*).

Наиболѣе ревностные участники возстанія были испуганы оборотомъ, который принимали дѣла подъ управленіемъ административнаго совѣта и Хлопицкаго; они рѣшились отстранить всякую возможность къ примиренію, и потому еще ночью усло-

(*) До какой степени порядокъ и дисциплина исчезли между революціонными войсками, показываетъ слѣдующій возмутительный поступокъ солдатъ сапернаго баталіона. Когда они увидѣли, что капитанъ Тержтеніакъ, примѣтивъ возмутительный духъ баталіона, удалился и не хотѣлъ присоединиться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ бунтовщиковъ, они рѣшились наказать его за это. Трое изъ солдатъ отправились на его квартиру. Онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ ворота и ласково спросилъ, гдѣ находится баталіонъ? Тогда одинъ изъ солдатъ сказалъ: «мы «научимъ тебя покидать насъ!», другой выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но промахнулся. Тержтеніакъ искалъ спасенія въ своемъ жилищѣ, убійцы преслѣдовали его штыками, когда же, сопротивляясь, онъ ухватилъ два направленныя на него штыка, третій солдатъ пронзилъ его сзади Вскорѣ послѣ сего Тержтеніакъ умеръ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Убійцы же хвалились своимъ подвигомъ, хотя впослѣдствіи они сами должны были признаться, что не имѣли цѣлью удовлетворенія никакой частной мести, потому что Тержтеніакъ постоянно весьма хорошо обходился со своими солдатами. [Wyrok. ст. 36].

вились что на слѣдующій день они открыто составятъ комитетъ для управленія общественнымъ мнѣніемъ; комитетъ будетъ имѣть публичныя засѣданія въ залѣ городской ратуши и пригласитъ къ участію въ нихъ всѣхъ патріотовъ, дабы пріобрѣсть посредствомъ ихъ нужное значеніе и, по примѣру французскаго клуба Якобинцевъ, не дозволять правленію отклоняться съ революціоннаго пути. Это было началомъ того патріотическаго общества, которое въ теченіи возстанія, подъ разными названіями, постоянно держалось во главѣ движенія и неутомимо стремилось впередъ. Лелевель, какъ первый возбудившій мысль о немъ и какъ учредитель, былъ назначенъ президентомъ, а Ксаверій Брониковскій — вице-президентомъ.

На слѣдующее утро $^{1}/_{19}$ дек. ноябр. извѣстіе о появленіи Хлопицкаго, о его назначеніи, а также дневной приказъ, въ которомъ онъ повелѣвалъ войскамъ удержать за собою занимаемые ими посты, распространили неописанную радость въ народѣ и въ войскахъ. Но въ это самое время патріотическій клубъ подъ предсѣдательствомъ Лелевеля открылъ свои публичныя засѣданія: вся молодежь и все что было экзальтированнаго въ цѣлой Варшавѣ, безъ различія званій — все это устремилось туда; яростныя рѣчи раздались противъ русскаго владычества; многія лица, извѣстныя по прежнимъ заговорамъ, какъ напр. Андрей Плихта, Махницкій, Доброгайскій и другіе присоединились къ клубистамъ, а съ ними вся академическая и военная молодежь. Вслѣдъ за тѣмъ, для увеличенія волненія въ народѣ, все еще не хотѣвшемъ выказать настоящаго одушевленія, Брониковскій предпринялъ изданіе ежедневной газеты «Патріотъ» и приказалъ раздавать номера ея безденежно; патріотическіе стихотворцы и уличные пѣвцы расхаживали по улицамъ съ наскоро написанными на случай стихами; на всѣхъ углахъ были прибиты объявленія съ цѣлью распространить самыя невѣроятныя извѣстія, уловка употребляемая въ продолженіи всей революціи. То вдругъ объявлялось изъ Петербурга «что тамъ вспыхнуло возстаніе, парализирующее всѣ силы правительства,» то изъ Кракова «что «вспомогательный корпусъ Австрійцевъ, силою въ 60,000, пере«шелъ границу и поступательно подвигается къ Варшавѣ, между тѣмъ

«какъ другой отрядъ вступилъ на Волынь». О Французахъ писали «что они заняли Прусско-рейнскія провинціи, и вскорѣ перейдутъ Рейнъ.» Какъ ни были нелѣпы всѣ эти извѣстія, все же они находили людей, которые имъ вполнѣ довѣряли, между малообразованными и несвѣдующими въ дипломатическихъ дѣлахъ польскими мѣщанами, мелкими чиновниками канцелярій и писцами адвокатовъ и нотаріусовъ. Бывшій тогда въ Варшавѣ молодой Французъ Жираръ, кампаніонъ одной изъ шерстяныхъ фабрикъ и офицеръ французской національной Гвардіи, уже прежде съ намѣреніемъ показывавшійся народу въ своемъ мундирѣ, когда вспыхнуло возстаніе, сталъ ѣздить верхомъ по улицамъ города и громко читать будто-бы полученныя имъ изъ французской арміи письма, въ которыхъ извѣщалось, что она уже во многихъ стычкахъ и въ одной рѣшительной битвѣ разбила Пруссаковъ и идетъ на Берлинъ. Идущій подлѣ Жирара студентъ или почетный гвардеецъ переводилъ содержаніе письма, и народъ радостно восклицалъ: «да здравствуютъ Французы и Австрійцы! смерть Пруссакамъ!» Возбужденное этимъ и подобными тому способами, непріязненное настроеніе противъ Пруссаковъ долго удерживалось въ нисшихъ сословіяхъ польскаго народа, хотя мѣры, принятыя прусскимъ правительствомъ на границахъ, будучи слабо соблюдаемы, далеко не такъ затрудняли сношенія съ Франціею, какъ мѣры, принятыя на австрійскихъ границахъ.

Какъ только Русскіе удалились и Поляки были предоставлены самимъ себѣ, между ними вновь обнаружились прежнія несогласія, лежащія въ основаніи ихъ народнаго характера: всякій не только хотѣлъ высказать свое мнѣніе, но и навязать его другимъ. Въ этомъ отношеніи господствовалъ полнѣйшій хаосъ, но все-таки можно было отличить два рода мнѣній: въ основаніи одного лежалъ страхъ, въ основаніи другаго—гордая самоувѣренность. Первый былъ присущъ всѣмъ опытнымъ людямъ, видѣвшимъ въ этомъ возмущеніи паденіе государства. Напротивъ того, молодежь, всегда поддающаяся первому впечатлѣнію, была исполнена самоувѣренности и все считала возможнымъ. Сообразно съ этими двумя направленіями выказались

особенно двѣ партіи, которыя во многомъ были несогласны между собою, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ шли рука объ руку: первая партія, конституціонная (послѣ въ насмѣшку названная доктринерскою) желала сохранить ненарушимо какъ старый порядокъ вещей, такъ и данное Императоромъ Александромъ уложеніе; вторая партія, демократическая или народная, имѣвшая образцомъ Францію, выставляла какъ основной принципъ верховную власть народа со всѣми его послѣдствіями. Первая, въ главѣ коей стоялъ кн. Любецкій, а потомъ генералъ Хлопицкій, не хотѣла отрываться отъ Россіи; она требовала только болѣе правильнаго управленія, уничтоженія вкравшихся злоупотребленій и точнѣйшаго соблюденія конституціи; при этихъ условіяхъ она соглашалась и даже желала оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ русскому государству. Поэтому она старалась устранять неумѣренныя требованія молодежи и уничтожать всѣ попытки, могущія сдѣлать примиреніе невозможнымъ. Возмущеніе отверзло страшную бездну между Польшею и Россіею, конституціонная партія старалась всѣми силами уничтожить эту бездну; между тѣмъ какъ противная партія, имѣвшая во главѣ Лелевеля, только и думала о томъ, чтобы увеличить ее какъ можно болѣе; она не хотѣла и слышать о примиреніи съ Россіею, но требовала рѣшительной войны съ нею, до-тѣхъ-поръ, пока Польша не будетъ возстановлена въ прежнихъ своихъ предѣлахъ. Цѣль этой партіи заключалась въ основаніи большаго польскаго государства съ демократическими учрежденіями и въ присоединеніи къ нему всѣхъ провинцій, когда либо входившихъ въ составъ Польши. На первой очереди стояла Россія, покончивъ съ нею, слѣдовало приняться за Пруссію и Австрію. Невозможно опредѣлить, на чемъ собственно остановились бы ихъ притязанія, потому что несомнѣнно, что по мѣрѣ успѣха они бы увеличивались все болѣе и болѣе. Вѣдь владѣли же они прежде и Смоленскомъ, и Кіевомъ, и Лифляндіею? вѣдь былъ же когда-то Одеръ границею Польши съ Германіею, а Померанія и Пруссія были же подвластны ей или въ ленной отъ нея зависимости (*). Воз-

(*) Лелевель начерталъ карту Польши въ томъ видѣ, въ какомъ, по его мнѣ-

вращеніе Галиціи, самой лучшей изъ ихъ провинцій, подразумѣвалось само собою. Увлекающаяся молодежь мечтала о пріобрѣтеніи всѣхъ этихъ странъ, если и не разомъ, то мало-по-малу; въ связи съ революціонною Франціею они надѣялись безъ труда привести въ исполненіе свой планъ. По ихъ понятіямъ все было возможно для польской храбрости. Вѣдь завоевалъ же Наполеонъ цѣлый свѣтъ съ польскими уланами? вѣдь были же Поляки всегда лучшими войсками въ составѣ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ армій? По ихъ увѣреніямъ, даже большая часть извѣстныхъ генераловъ, были Поляки, измѣнившіе свои имена, или по-крайней-мѣрѣ лица, происходившія изъ прежнихъ польскихъ провинцій, какъ Силезія, Пруссія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія и др. Съ презрительнымъ сожалѣніемъ взирали они на стремленія противной партіи, желавшей удержать настоящее положеніе; всѣхъ мыслящихъ такимъ образомъ они считали людьми ограниченными. И такъ, ихъ первымъ притязаніемъ относительно Россіи было: уступка всѣхъ провинцій, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, притязаніе, которое не одобряли проницательнѣйшіе члены даже этой партіи, такъ какъ они слишкомъ хорошо понимали, что могущественный русскій Государь не уступитъ добровольно значительную часть своей страны. Вначалѣ первая партія, къ которой принадлежали всѣ люди умѣренные и нерасположенные къ смутамъ, была гораздо могущественнѣе, но по ея миролюбію и воздержанности она далеко не была такъ дѣятельна и не имѣла столько вліянія, какъ вторая партія, состоявшая изъ пылкой и неутомимой молодежи. Вотъ поэтому послѣдняя день-ото-дня усиливалась все болѣе и болѣе, и при каждомъ столкновеніи съ первою, все увеличивала свою силу, пока наконецъ почти совсѣмъ не подавила ее. Первая партія имѣла въ кн. Любецкомъ умнаго и способнаго предводителя; съ дальновидной расчетливостью онъ умѣлъ предвидѣть и во-время устранять непомѣрныя требованія и притязанія противниковъ,

---

пію, она должна была быть возстановлена. На этой картѣ составными частями польскаго государства обозначены были не только западная Пруссія и Померанія, но и довольно большая часть Бранденбурга и Силезіи.

и ему удалось уже начать примиреніе съ Россіею. Какъ искусный боецъ онъ постоянно отражалъ повторенные удары своихъ молодыхъ, сильныхъ соперниковъ и надѣялся наконецъ утомить ихъ и тѣмъ склонить на уступки. Но вскорѣ Любецкій убѣдился, что не имѣлъ достаточно силы для этого, и потому сталъ искать благовиднаго предлога для своего удаленія; хотя онъ оставилъ послѣ себя дѣятельнаго преемника; но послѣднему, при всей его силѣ и энергіи, недоставало политической мудрости Любецкаго.

Для усиленія авторитета административнаго совѣта и вмѣстѣ для ослабленія противной партіи, Любецкій продолжалъ привлекать къ себѣ всѣхъ вліятельныхъ лицъ и вводить ихъ въ составъ административнаго совѣта. Съ другой стороны, дабы ловкимъ образомъ удалить тѣхъ членовъ совѣта, которые не пользовались популярностью и въ то же время не выказать уступчивой слабости передъ общественнымъ мнѣніемъ, придумали средство учредить такъ называемое «исполнительное отдѣленіе», членами коего были назначены: князья: Чарторижскій, Радзивилъ и Любецкій, кастеляны: Кохановскій и Дембовскій, генералъ Хлопицкій и наконецъ, депутаты: Густавъ Малаховскій, Владиславъ Островскій и Лелевель. Они должны были немедленно рѣшать спѣшныя дѣла, и только для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ призывать на совѣщаніе остальныхъ членовъ управленія. Такимъ образомъ административный совѣтъ безпрестанно принималъ новый видъ, что однако не могло спасти его, ибо существованіе его во время революціи, которой онъ не желалъ и которой не содѣйствовалъ, было политическою аномаліей.

Избраніемъ Лелевеля патріотическій клубъ былъ лишенъ своего главы, и самъ Лелевель былъ поставленъ въ двусмысленное положеніе. Между незначительными членами своего клуба, онъ могъ играть важную роль; но рядомъ съ искусными государственными мужами, онъ оставался совершенно въ тѣни; при каждомъ вопросѣ большинство оказывалось противъ него, и никто не соглашался съ его предложеніями. Вслѣдствіе этого Лелевель снова началъ свою двуличную роль. Съ одной сторо-

ны онъ открыто соглашался съ рѣшеніемъ своихъ товарищей, съ другой — тайно работалъ противъ этихъ рѣшеній и старался сдѣлать ихъ недѣйствительными. Боязнь лишиться черезъ эту двусмысленную роль всякаго довѣрія дѣлала его еще осторожнѣе, еще скрытнѣе и таинственнѣе въ своихъ выраженіяхъ, и онъ не отваживался высказываться ясно, ни въ совѣтѣ, ни въ патріотическомъ клубѣ. Черезъ это кн. Любецкій отчасти достигнулъ своей цѣли.

Между тѣмъ новые члены управленія желали удаленія Великаго Князя съ русскими войсками, близость коихъ все еще безпокоила ихъ. Ибо послѣдніе все еще были довольно сильны, дабы въ соединеніи съ тѣми польскими войсками, которыя остались вѣрными, дать дѣламъ другой оборотъ. Генералъ Хлопицкій получилъ предложеніе притянуть расположенные въ провинціяхъ полки и озаботиться обезпеченіемъ столицы; въ то же время для прекращенія безпорядковъ, было предписано учрежденіе во всей странѣ такъ называемой стражи безопасности (straz bezpieczeństwa). Дабы привести войска генерала Шембека, стоявшія вблизи Сохачева, былъ посланъ полк. Кицкій; полк. Скржинецкій, секретно находившійся во время возмущенія въ Варшавѣ, отправился въ Пултускъ, чтобы привести оттуда свой полкъ. Этими мѣрами было водворено въ столицѣ нѣкоторое спокойствіе, и въ первый разъ сначала революціи, жители могли въ теченіи ночи предаться покою.

Между тѣмъ, хотя Великій Князь, въ надеждѣ что все можно уладить мирнымъ путемъ, и не соглашался съ настояніями генераловъ Герштенцвейга и Данненберга, быстрымъ нападеніемъ подавить еще слабыя силы мятежниковъ, но тѣмъ не менѣе онъ старался усилиться польскими войсками въ провинціяхъ и послалъ приказаніе генералу Шембеку присоединиться къ нему съ его бригадою (1-мъ и 3-мъ егерскими полками).

Шембекъ выступилъ съ 1-мъ егерскимъ п. изъ Сохачева, и достигнувъ Блони, лично отправился въ главную квартиру въ Вержбу, отдавъ приказаніе войскамъ оставаться до его воз-

вращенія въ Блони. Въ его отсутствіе прибылъ полк. Кицкій и хотѣлъ вести войска въ Варшаву, но офицеры воспротивились сему, желая во всякомъ случаѣ дождаться возвращенія своего генерала. Сей послѣдній былъ $^{2}/_{20}$ $^{\text{дек.}}_{\text{нояб.}}$, въ 2 ч. пополудни у Великаго Князя и далъ слово привести свои войска. При отъѣздѣ его, къ нему подъѣхалъ принадлежавшій къ числу заговорщиковъ, поручикъ гвардейскихъ егерей Крушевскій, и требовалъ отъ него инструкцій; Шембекъ приказалъ ему остаться при Великомъ Князѣ. Въ 6 час. онъ былъ опять въ Блони, гдѣ нашелъ уже Кицкаго. Вначалѣ Шембекъ отказывался слѣдовать за нимъ въ Варшаву, но просьбы и требованія молодыхъ офицеровъ склонили его измѣнить своему слову. Онъ сѣлъ на лошадь и отдалъ приказаніе выступить въ Варшаву, четыре часа спустя послѣ того, какъ онъ клялся въ совершенно противномъ; отсюда произошла польская поговорка: «положись на Шембека, онъ не предастъ тебя» (*).

По желанію Великаго Князя, $^{2}/_{20}$ $^{\text{Дек.}}_{\text{Нояб.}}$ нѣкоторые члены исполнительнаго отдѣленія отправились къ нему въ Вержбу. То были князья Чарторижскій и Любецкій, гр. Владиславъ Островскій и Лелевель. Первые двое защищали распоряженія, сдѣланныя административнымъ совѣтомъ. Дабы поддержать ихъ и поколебать спокойствіе Великаго Князя, Лелевель увѣрялъ: «что въ настоящую минуту Императоръ Николай также окруженъ возмущеніемъ, находится въ плѣну и даже, можетъ «быть, Его нѣтъ уже болѣе въ живыхъ». Спокойно выслушалъ ихъ Великій Князь, но княгиня Ловичъ не могла удержать своего негодованія и вскричала, указывая на Лелевеля: «этотъ «человѣкъ, которому вы оказываете столько довѣрія, есть главный виновникъ всѣхъ бѣдъ». Смущенный Лелевель могъ только принужденно улыбнуться. За тѣмъ она обратилась къ Остров-

(*) Фамилія Шембекъ, о которой говорится въ этой, столь лестной поговоркѣ, происходила, какъ и многія другія фамиліи, изъ Германіи. Настоящее имя ихъ есть Шёнбергъ. Шенберговъ или Шенбурговъ можно найти во всѣхъ странахъ: въ Португаліи, во Франціи, въ Англіи, въ Польшѣ, вездѣ съ немного измѣненнымъ произношеніемъ, въ которомъ все-таки ясно слышится нѣмецкое происхожденіе. Въ Польшѣ, въ царствованіе Іоанна Казиміра, фамилія Шембекъ (Schembek) была извѣстна подъ именемъ Шемберга.

скому и заклинала его отвратить грозную бурю отъ ея отечества, такъ какъ онъ одинъ пользуется довѣріемъ народа. Начались переговоры, и въ отвѣтъ на вопросы и требованія депутатовъ Великій Князь объявилъ: «что Ему никогда не приходило въ голову нападать на Варшаву, что имъ всѣмъ извѣстно, что бывшія у Него подъ командой войска не предприняли никакихъ другихъ дѣйствій кромѣ оборонительныхъ. Если бы Онъ впослѣдствіи былъ принужденъ произвести нападеніе, то обѣщалъ предупредить объ этомъ за 48 часовъ». Депутаты опасались движенія въ Царство Литовскаго корпуса. Онъ успокоилъ ихъ на этотъ счетъ. Когда они наконецъ потребовали уступки прежде бывшихъ польскихъ провинцій, то Великій Князь, какъ бы изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, нѣсколько времени не отвѣчалъ ни слова, а потомъ холодно сказалъ: «Я не уполномоченъ братомъ моимъ договариваться объ этомъ предметѣ.» Когда же просили по крайней мѣрѣ Его ходатайства объ этомъ, Онъ добавилъ, обратясь къ Лелевелю: «Какъ, милостивый государь, вы только что увѣряли что Государь въ плѣну, можетъ быть уже болѣе не въ живыхъ, а теперь вы желаете, чтобы Я ходатайствовалъ предъ Нимъ?» Въ заключеніе онъ обѣщалъ предстательствовать за виновныхъ. «Здѣсь нѣтъ виновныхъ», отвѣчалъ запальчиво Островскій, и тѣмъ прекратились переговоры, продолжавшіеся въ теченіи шести часовъ.

По полученіи извѣстія объ этихъ переговорахъ, патріотическій клубъ собрался въ засѣданіе и опредѣлилъ, дабы въ самомъ началѣ подѣйствовать на административный совѣтъ, передать ему отъ имени народа и войска манифестъ, въ которомъ были бы начертаны будущія дѣйствія совѣта въ духѣ революціи. Послѣ четырехъ-часоваго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ Броникоскаго, согласились по слѣдующимъ пунктамъ: «генералъ Хлопицкій долженъ немедленно открыть непріязненныя дѣйствія и возбудить возстаніе въ провинціяхъ; поступки прежняго министерства должны быть изслѣдованы, до того же времени министры должны оставаться подъ надзоромъ; съ Великимъ Княземъ не слѣдуетъ болѣе вступать въ перего-

«воры, а оставивъ его заложникомъ, договариваться прямо съ «Петербургомъ; всѣ начальники войскъ, кои не выскажутся тот- «часъ въ пользу націи, должны быть объявлены измѣнниками оте- «чества; наконецъ—всѣ названныя мѣры слѣдуетъ немедлен- «но привести въ исполненіе. Еслибы они не были исполнены «на слѣдующій же день, то нѣкоторые члены клуба должны «были быть приняты въ административный совѣтъ». Депутація, составленная изъ 12-ти членовъ, вручила этотъ манифестъ административному совѣту, который, прежде чѣмъ пропустить депутацію, хотѣлъ выждать возвращенія его собственныхъ депутатовъ изъ лагеря. Когда въ 9 ч. вечера они прибыли, то кастеляны: Кахановскій и Дембовскій съ гр. Островскимъ вышли, дабы именемъ правительства узнать «желанія общества»; но депутаты клуба, вѣрные своей роли, выдавая себя за уполномоченныхъ націи, хотѣли передать «желанія народа и войска» только лишь собранному въ полномъ составѣ совѣту, который и принялъ ихъ за симъ. Президентъ, кн. Чарторижскій обѣщалъ имъ дать отвѣтъ на слѣдующій день и потомъ сообщилъ имъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Великому Князю, а также и отвѣтъ Его. Уступчивость административнаго совѣта сдѣлала депутатовъ клуба еще смѣлѣе; они выразили свое удивленіе о подобномъ шагѣ, равно какъ и о безуспѣшности его, и тѣмъ ясно выказали намѣреніе присвоить себѣ власть.

Между тѣмъ Шембекъ шелъ всю ночь со своимъ полкомъ и $^{3}/_{24}$ $^{\text{дек.}}_{\text{нояб.}}$ около 2 ч. утра прибылъ наконецъ къ Вольской заставѣ. Съ дороги онъ послалъ записку поручику Крушевскому съ требованіемъ, чтобы находящіеся еще у Великаго Князя войска послѣдовали бы его примѣру и выступили бы къ Варшавѣ. Нѣсколько часовъ спустя, вся Варшава была въ движеніи, дабы привѣтствовать перваго, отпавшаго отъ Великаго Князя, генерала и первыя, пришедшія на помощь, войска.

Шембекъ отправился тотчасъ въ административный совѣтъ, но будучи увѣдомленъ объ оборотѣ, который принимали дѣла, онъ уклонился отъ сношеній съ падающею властью, дабы примкнуть къ власти возрастающей въ лицѣ представителей патріотическаго клуба, чрезъ посредство которыхъ, онъ надѣял-

ся скорѣе достигнуть своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Шембекъ объявилъ, что онъ одобряетъ возстаніе и всѣми силами будетъ помогать ему; онъ находился также въ засѣданіи, въ которомъ ожидали отвѣта административнаго совѣта на представленный ему манифестъ. Клубисты, обрадованные его присоединеніемъ, заманивали его надеждою получить со временемъ главное начальство надъ всею вооруженною національною силой.

Между тѣмъ административный совѣтъ, устрашенный смѣлостью своихъ противниковъ и опасаясь новаго возстанія, рѣшился, по предложенію Любецкаго, принять послѣдній пунктъ манифеста и привлечь въ свою среду 4-хъ вліятельнѣйшихъ членовъ патріотическаго клуба, дабы тѣмъ парализировать его опасную дѣятельность. Для объявленія объ этомъ рѣшеніи, былъ избранъ человѣкъ, пользующійся, изъ числа всѣхъ членовъ совѣта, наибольшею популярностію—гр. Владиславъ Островскій; онъ вошелъ въ собраніе клуба въ ту самую минуту, когда въ немъ шумно вотировался вопросъ о необходимости принудить правительство къ энергическимъ мѣрамъ. Тотчасъ же передаетъ онъ четверымъ изъ числа членовъ: Ксаверію Брониковскому, Морицу Мохнацкому, Андрею Плихтѣ и Махницкому, приглашеніе принять участіе въ занятіяхъ административнаго совѣта; вполнѣ довольные этимъ предложеніемъ, названныя лица немедленно послѣдовали за Островскимъ, вслѣдствіе чего клубъ вторично былъ лишенъ своихъ предводителей.

Между тѣмъ поручикъ Крушевскій получилъ въ 7 ч. утра, въ лагерѣ при Кроликарнѣ, записку генерала Шембека и сообщилъ ее прочимъ офицерамъ своего полка, объявившимъ свою готовность слѣдовать за нимъ. Затѣмъ онъ поскакалъ къ гвардейскому Гренадерскому полку, дабы и его также отклонить отъ своего долга. Тщетно командиръ полка, генералъ Жимирскій старался воспрепятствовать ему въ этомъ: солдаты требовали, чтобы ихъ вели обратно въ городъ, дабы соединиться со своими братьями. Въ такихъ обстоятельствахъ Великій Князь, дабы избавить ихъ отъ позора добровольной измѣны, послалъ имъ съ адъютантамъ своимъ, Владиславомъ Замойскимъ письменное позволеніе отправиться въ Варшаву. Такъ покину-

ли Его и послѣднія польскія войска, войска къ которымъ Онъ всею душею былъ привязанъ, которыя Онъ самъ образовалъ, на которыя Онъ смотрѣлъ съ гордостію какъ на свое созданіе, какъ на своихъ дѣтей. Понятно все волненіе, долженствовавшее происходить въ Его душѣ. Впослѣдствіи Онъ выражался съ особеннымъ прискорбіемъ о невѣрности 4-го полка и саперовъ, которыхъ онъ предпочтительно предъ всѣми другими осыпалъ доказательствами своей благосклонности; взамѣнъ этого они были первые, которые покинули Его и измѣнили Ему. «Они доказали Мнѣ, что слово благодарность есть пустой звукъ», воскликнулъ Онъ въ глубокомъ волненіи. Не менѣе глубоко онъ былъ оскорбленъ отъ лица созданной имъ арміи вѣроломствомъ генерала Шембека.

У заставы войска были встрѣчены полк. Кицкимъ и множествомъ молодыхъ людей и торжественно введены въ городъ. Самъ Хлопицкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, а народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ ихъ. Вначалѣ были слышны только радостные крики, но когда народъ увидѣлъ впереди солдатъ генераловъ Красинскаго и Курнатовскаго, то въ немъ пробудилось чувство ненависти. Первому не хотѣли простить его мужественнаго поведенія во время суда надъ прежними заговорщиками, когда онъ одинъ противостоялъ всѣмъ угрозамъ революціонной партіи; втораго обвиняли за твердость, съ которою онъ во время возстанія удерживалъ въ повиновеніи гвардейскій Егерскій полкъ. Поднялись крики, шумъ, восклицанія: «измѣнники!»—сабли были обнажены, ружья направлены на нихъ: Хлопицкій и Шембекъ едва могли прикрыть собою генерала Красинскаго, на котораго особенно были озлоблены. Достигнувъ банка, народъ началъ кричать, чтобы Красинскій сошелъ съ лошади, но едва онъ исполнилъ это, какъ толпа съ бѣшенствомъ ринулась на него, избила его и хотѣла умертвить; Хлопицкій и Шембекъ съ трудомъ спасли его во дворцѣ. Въ эту минуту показался впереди гвардейскихъ Егерей Курнатовскій, котораго тщетно хотѣли удержать угрозою, что «если онъ покажется, то его ожидаетъ вѣрная смерть. «Пусть будетъ что будетъ», отвѣчалъ Курнатовскій, «но я не разлучусь съ моими

*

войсками. Едва достигнулъ онъ банковаго дворца, какъ возобновились тѣ же сцены, и Хлопицкій долженъ былъ употребить все свое вліяніе и рѣшимость, дабы и его укрыть во дворцѣ.

Едва Хлопицкій приказалъ запереть двери за спасенными, какъ народъ поднялъ извнѣ яростный ревъ, требуя обратно своихъ жертвъ и угрожая вломиться во дворецъ, если его воля не будетъ исполнена. Затѣмъ обоихъ генераловъ заставили выйти на балконъ; ихъ принудили, предъ двумя знаменами, бывшими въ рукахъ у студентовъ, принести клятву, которую имъ подсказывалъ предводитель студентовъ, профессоръ Ширма: они должны были поклясться, что не будутъ сражаться, ни явно, ни тайно противъ этихъ двухъ знаменъ—національнаго и академическаго. Вслѣдъ затѣмъ Красинскій и Курнатовскій старались оправдаться передъ толпою, но ихъ не слушали, на нихъ опять навели ружейныя дула, и Хлопицкій вторично спасъ ихъ, ставъ передъ ними.

Покинутый послѣдними польскими войсками, и судя по ихъ примѣру, не имѣя возможности расчитывать на остальные полки, бывшіе въ провинціяхъ, сверхъ того убѣждаясь ежедневно, что могущество клубистовъ идетъ въ возрастающей прогрессіи, а вслѣдствіе того и въ той же степени уменьшается всякая надежда на примиреніе; съ другой стороны, видя свои войска, оставившія все свое снаряженіе въ казармахъ, подверженными всѣмъ возможнымъ лишеніямъ и бѣдствіямъ въ суровую пору года,—Великій Князь рѣшился $^{3}/_{11}$ дек. нояб. предоставить Поляковъ ихъ собственной судьбѣ и, съ небольшою горстью вѣрныхъ Россіянъ, проложить себѣ обратный путь въ отечество. Нельзя не сознаться, что такое предпріятіе встрѣчало весьма много препятствій: во всемъ былъ ощутительный недостатокъ, не было теплой одежды, съѣстныхъ припасовъ, корма, запасовъ; между горстью Русскихъ и Россіею была большая рѣка, переходу черезъ которую было такъ легко воспрепятствовать; они были окружены непріятельскими войсками и народонаселеніемъ, которому уже болѣе нельзя было довѣрять, ибо революціонеры разослали своихъ эмиссаровъ во всѣ стороны. Однакожъ, не смотря на все это, Великій Князь не унывалъ. Онъ объявилъ свое

рѣшеніе административному совѣту письмомъ, въ которомъ выражалъ надежду, что не встрѣтитъ препятствій на своемъ обратномъ пути, и въ заключеніи Онъ поручалъ всѣ общественныя учрежденія, частную собственность и безопасность отдѣльныхъ лицъ защитѣ и покровительству націи (*).

Революціонеры упрекали Хлопицкаго и членовъ умѣренной партіи въ томъ, что они упустили Великаго Князя съ 7,000 чел.; ибо они надѣялись въ то время пріобрѣсти немалыя выгоды, еслибы удалось взять въ плѣнъ Великаго Князя и оставить Его заложникомъ (**). Этотъ упрекъ такъ же неоснователенъ, какъ и всѣ прочіе упреки, дѣлаемые диктатору. Независимо отъ всѣхъ политическихъ соображеній, не въ его власти было воспрепятствовать отступленію Великаго Князя; самое большее что можно было сдѣлать, это не допустить Его къ переправѣ черезъ Вислу, послѣ чего Великій Князь могъ свободно обратиться въ Галицію и достигнуть австрійскихъ границъ, ранѣе чѣмъ страна, вообще неохотно и медленно принимавшая участіе въ революціи, рѣшила бы на чью сторону ей склониться.

Извѣстіе объ отступленіи Великаго Князя распространило въ

(*) Революціонеры и историкъ ихъ Шпациръ, придали этому письму такой смыслъ, какъ будто Великій Князь ставилъ самого себя подъ защиту польской націи, и поэтому поводу они подробно распространяются о какомъ-то великодушіи послѣдней. Вотъ подлинникъ этого письма, по которому можно о немъ судить. «Je permets aux troupes Polonaises, qui me sont restées fidèles jusqu' à ce dernier moment, de réjoindre leurs camarades. Je me mets en marche avec les troupes Impériales, pour m'éloigner de la capitale, et j'espère de la loyauté Polonaise, qu'elles ne seront pas inquiétées dans leurs mouvemens pour règagner les frontières de L'Empire. Je recommande tous les établissemens, les propriétés et les individus à la protection de la nation Polonaise et les mets sous la sauvegarde de la foi la plus sacrée. Warsovie le 3 Dec. 1830. (signé) Constantin »

(**) Романъ Солтыкъ въ своемъ сочиненіи (la Pologne, précis historique de la révolution. à Paris. 1833. 2 vol.) часть I, страница 79, полагаетъ: «Нужно «было держать Великаго Князя въ заключеніи и пользоваться Его особою, Его «именемъ и Его подписью; Его нужно было волею или неволею противопоставить «Императору Николаю и сдѣлать его центромъ, вокругъ котораго собра- «лись бы всѣ недовольные въ Россіи и въ арміи; наконецъ» заключаетъ онъ, «должно «было требовать отъ Него либеральной инициативы въ пользу польской независимо- «сти и снизойти на Его освобожденіе иначе, какъ за большія уступки со сто- «роны Императора Николая.» Какъ бы они ошиблись въ этомъ заключеніи!

Варшавѣ невыразимую радость и позволило озаботиться о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Подполковникъ генеральнаго штаба Хршановскій представилъ диктатору крайнюю необходимость овладѣть Модлиномъ и находящимися въ немъ запасами; гарнизонъ этой крѣпости, за исключеніемъ трехъ запасныхъ эскадроновъ русской гвардейской кавалеріи и полуроты артиллеріи, состоялъ исключительно изъ польскихъ войскъ. На слѣдующій день, $^{4}/_{22}$ дек. нояб. Хлопицкій направилъ туда Хршановскаго съ 4-мя ротами чрезъ Сероцкъ, а полк. Кицкаго съ бывшимъ адъютантомъ Великаго Князя, въ настоящее время своимъ адъютантомъ, Владиславомъ Замойскимъ, онъ послалъ, въ сопровожденіи 40 волонтеровъ, прямо въ Модлинъ. Диктаторъ снабдилъ Кицкаго подлиннымъ письмомъ Великаго Князя, въ которомъ заключалось извѣстіе объ отступленіи его въ Россію, и поручилъ ему потребовать отъ коменданта, полковника Гугенмуса сдачи крѣпости. Гугенмусъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ Великаго Князя, и потому можно было ожидать, что онъ не имѣетъ инструкцій, и послѣ предъявленія вышепомянутаго письма, также рѣшится на отступленіе. Въ Новодворѣ Кицкій узналъ, что комендантъ приготовляется къ оборонѣ. Въ сопровожденіи одного Замойскаго, онъ отправился въ крѣпость, гдѣ нашелъ полк. Гугенмуса испуганнымъ признаками волненія между польскими войсками гарнизона, что и способствовало ему уговорить коменданта къ очищенію крѣпости: оно должно было совершиться со всѣми военными почестями, съ оружіемъ и обозомъ, и отступающіе должны были быть провожаемы до границы польскими войсками. Когда Хршановскій съ 4-мя ротами прибылъ изъ Сероцка, то русская кавалерія была уже въ готовности къ выступленію (*). Такимъ образомъ эта крѣпость, съ 5 милліонами патроновъ и съ множествомъ другихъ запасовъ, досталась мятежникамъ безъ всякихъ усилій. Конечно, нельзя не удивляться и можно объяснить только забывчивостью при общемъ смущеніи, что со стороны Русскихъ, этотъ чрезвычайно важный пунктъ не былъ обезпеченъ отпра-

(*) Она направилась чрезъ Пултускъ и Чижево къ Цехановцу, гдѣ $^{23}/_{11}$ дек. перешла черезъ русскую границу.

вленіемъ въ него войскъ, ибо только захваченные въ немъ огромные запасы могли дать возмутившимся средства для веденія продолжительной войны. Въ ночь на $^{30}/_{18}$ число можно было безпрепятственно послать войска изъ Варшавы въ Модлинъ, потому что мосты тогда еще не были заняты, а городъ до самаго замка былъ во власти войскъ, оставшихся вѣрными; можетъ быть даже въ слѣдующіе дни не было бы еще поздно смѣнить находившуюся въ крѣпости польскую пѣхоту нѣсколькими русскими ротами, ибо при господствующемъ тогда въ Варшавѣ замѣшательствѣ, никто не подумалъ бы воспрепятствовать этому, а для переправы чрезъ Вислу, конечно, не было бы недостатка въ судахъ, для столь малаго числа войскъ. Замосцье, занятое одними польскими войсками, послѣдовало примѣру Модлина, и комендантомъ его былъ назначенъ генералъ Сѣравскій, котораго Хлопицкій удалилъ этимъ назначеніемъ изъ Варшавы.

Извѣстіе о возстаніи, вслѣдствіе заведеннаго еще прежде порядка запиранія воротъ, достигло до ближайшихъ городовъ и селеній не ранѣе $^{3}/_{21}$ дек. нояб., и сообщники заговора тотчасъ стали дѣйствовать въ его пользу. Немедленно были основаны клубы, рѣчами и прокламаціями призывали народъ къ возстанію, учредили національную гвардію, объявили о наборѣ рекрутъ; короче, въ мѣньшемъ размѣрѣ были приняты тѣ же самыя мѣры какъ и въ столицѣ. Эмиссары поспѣшили во всѣ стороны дабы предуготовить народъ и склонить его на сторону революціи; но народъ повсюду оставался весьма равнодушенъ. Очевидцы, проѣзжавшіе въ то время чрезъ Польшу, увѣряютъ: что Варшава казалась волканомъ, извергающимъ пламя, который потрясалъ все, что было по близости, но что по мѣрѣ удаленія отъ Варшавы, жители были хладнокровнѣе и не столь склонны къ революціи (*); подобно тому,

(*) «На шесть миль въ окружности столицы», говорили путешествующіе по Царству, «умы сильно взволнованы, и тамъ-то и есть настоящее сосредоточіе революціи; но чѣмъ болѣе удалялись мы отъ Варшавы, тѣмъ болѣе удостовѣрялись, что повсюду преобладаетъ склонность къ мирнымъ, спокойнымъ занятіямъ. «На воинственное движеніе инсургентовъ столицы, смотрѣли съ неудовольствіемъ. Убѣжденія разосланныхъ во всѣ стороны эмиссаровъ, принимались весьма холодно; только въ Люблинѣ нашлись нѣкоторые, взявшіеся за оружіе; по всѣмъ

какъ прежде все недовольство настоящимъ порядкомъ, такъ и теперь все могущество и сила революціи, казалось, сосредоточились въ столицѣ. Городскіе и сельскіе жители, помня благодѣянія русскаго господства, только съ опасеніемъ могли думать о несомнѣнно предстоящихъ опасностяхъ, о страшной войнѣ, объ опустошеніи и разореніи страны, между тѣмъ какъ выгоды, обѣщаемыя въ будущемъ, были весьма сомнительны.

До сего всѣ публичные акты были издаваемы отъ имени Царя, и между членами, столько разъ преобразованнаго высшаго управленія, были еще частью назначенные самимъ Монархомъ; но значительный шагъ къ революціи былъ уже сдѣланъ тѣмъ, что большинство членовъ не было назначено Царемъ. Между тѣмъ члены совѣта удостовѣрились, по отступленіи Великаго Князя, что для того чтобы управленіе могло удержаться и чтобы народъ не склонился бы окончательно на сторону клубовъ, необходимо было дѣйствовать рѣшительнѣе. Послѣ воззванія къ націи административный совѣтъ вдругъ, 4 декабря, объявилъ себя распущеннымъ, чтобы уступить мѣсто временному правленію, которое впрочемъ состояло почти изъ тѣхъ же лицъ, именно: кн. Чарторижскаго какъ президента, кастеляновъ: Паца, Кохановскаго, Дембовскаго, престарѣлаго Нѣмцевича и депутатовъ Лелевеля и Владислава Островскаго. Этимъ была уничтожена послѣдняя тѣнь законной власти, вслѣдствіе чего нѣкоторые члены прежняго административнаго совѣта, и въ особенности кн. Любецкій (*), отказались подписать актъ объ его

«другимъ направленіямъ, на Калишъ, Краковъ, Бѣлостокъ, вездѣ господствовало полное спокойствіе и лишь испугъ жителей служилъ признакомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось Царство. Только высшее сословіе и чернь показываютъ склонность къ революціи; среднее же, довольное настоящимъ, не надѣется улучшить чрезъ нее свой бытъ. Оно опасается не только приближенія русской арміи, но и внутренней реакціи. Если бы власть была въ рукахъ горожанъ, то кровь не была бы пролита и требуемая покорность была бы тотчасъ оказана; теперь же они только безучастные зрители ненавистныхъ дѣйствій мятежниковъ, и едва осмѣливаются показываться на улицахъ.»

(*) Этимъ опровергается мнѣніе Шпацира, будто кн. Любецкій былъ виновникомъ этого преобразованія. Вообще Шпациръ приписываетъ Любецкому множество совершенно чуждыхъ ему намѣреній.

распущеніи. Новое правленіе начало свою дѣятельность тѣмъ, что созвало сеймъ на $^{18}/_{6}$ дек., дабы противопоставить такимъ образомъ законную власть, происходящую изъ среды націи, всякой другой, которую клубисты могли бы захватить въ свои руки. Затѣмъ временное правленіе издало составленную въ духѣ революціи прокламацію къ войскамъ, по которой всѣ отставные солдаты и унтеръ-офицеры немедленно должны были явиться на службу. Чѣмъ враждебнѣе былъ этотъ послѣдній шагъ въ отношеніи къ Россіи, тѣмъ съ большимъ одобреніемъ онъ былъ принятъ революціонною партіею.

Патріотическій клубъ, раздраженный удаленіемъ своихъ членовъ изъ среды высшаго управленія, громогласно жаловался на правительство, при чемъ не скрывалъ своего неудовольствія противъ генерала Хлопицкаго, который болѣе всѣхъ противился непомѣрнымъ требованіямъ клубистовъ. Они инстинктивно видѣли въ Хлопицкомъ опаснаго противника. Потому одинъ изъ рьяныхъ ораторовъ клуба—Морицъ Мохнацкій не устрашился даже прямо назвать его измѣнникомъ. Хлопицкій открыто высказался противъ разрыва съ Россіею, объявилъ, что польская армія не можетъ выдержать продолжительной борьбы съ превосходною силами русскою арміею, почему единственное спасеніе для страны заключается въ примиреніи на выгодныхъ условіяхъ, а потому онъ ничего не хотѣлъ слышать о нападеніи на Великаго Князя и даже во многомъ облегчилъ ему средства къ безпрепятственному отступленію. Это мнѣніе, заявленное открыто, показалось клубистамъ измѣною противъ націи.

Подобныя, безпрестанно повторяющіяся выходки, возбудили сильное негодованіе Хлопицкаго, который и безъ того былъ весьма вспыльчиваго характера. Раздраженный, онъ немедленно отправился въ засѣданіе, только что образовавшагося, временнаго правленія; здѣсь въ горькихъ выраженіяхъ онъ жаловался на отсутствіе дисциплины въ арміи, на нелѣпые возгласы клубистовъ и присовокупилъ, что онъ слагаетъ съ себя главное начальство надъ войсками. Онъ говорилъ съ такимъ негодованіемъ, съ такимъ жаромъ, что посреди рѣчи его внезапно поразилъ ударъ, и онъ безъ чувствъ грохнулся на полъ. Смя-

теніе, испугъ, негодованіе противъ клубистовъ и участіе въ уважаемомъ полководцѣ овладѣли всѣми; его вынесли въ прихожую, открыли кровь и затѣмъ отвезли на квартиру. Но кто можетъ описать гнѣвъ, ярость, бѣшенство народа и войска, когда они узнали объ этомъ происшествіи; они затрепетали отъ опасенія потерять въ генералѣ единственнаго предводителя, на котораго можно было положиться, и который одинъ могъ съ успѣхомъ защищать и спасти ихъ отечество; массы были такъ озлоблены противъ виновниковъ этого случая, что ихъ съ трудомъ можно было удержать отъ насилія. Они проклинали клубистовъ, а дѣятельнѣйшаго изъ нихъ, Мохнацкаго едва удалось спасти отъ ярости народа, угрожавшаго ему смертію.

Благодаря этому происшествію, клубъ потерялъ всю популярность, которою пользовался до-сихъ-поръ. Даже академическая молодежъ принадлежавшая прежде къ ревностнѣйшимъ его членамъ, разорвала съ нимъ всякую связь. Она образовала, подъ начальствомъ профессора Ширмы, почетную стражу при особѣ Хлопицкаго; юношескій энтузіазмъ видѣлъ въ немъ ангела-хранителя націи и спасителя отечества; тотчасъ послѣ этого происшествія къ нему былъ посланъ печатный адресъ, въ которомъ молодые люди объявили: «что всякаго, кто не бу-«детъ повиноваться Хлопицкому, они будутъ преслѣдовать сво-«ими кинжалами,» и тутъ же высказали свою готовность содѣйствовать закрытію клуба. Клубъ, въ это время, только что собрался вновь и разсуждалъ о новыхъ статутахъ, для него предложенныхъ. Въ настоящую минуту вопросъ шелъ о томъ, чтобы указать безсильному и непопулярному правительству его ошибки и доставить ему популярность; одинъ ораторъ только что успѣлъ взобраться на столъ и началъ оттуда декламировать свою рѣчь, какъ вдругъ толпа студентовъ и нѣсколько офицеровъ, подъ предводительствомъ Ширмы, ворвались въ залу, стащили оратора со стола, погасили свѣчи и разогнали собраніе. Затѣмъ они провозгласили на улицахъ, что клубъ распущенъ. Этотъ случай, выставившій клубистовъ въ смѣшномъ видѣ, довершилъ ихъ пораженіе въ общественномъ мнѣніи.

Между тѣмъ рано утромъ $^{5}/_{23}$ дек. нояб. кн. Чарторижскій и Нѣм-

цевичь, котораго Хлопицкій удостоивалъ особенною дружбою, отправились къ сему послѣднему, чтобы убѣдить его вновь принять главное начальство надъ войсками; но Хлопицкій, успѣвшій уже оправиться отъ болѣзни, послѣ долгаго колебанія, остался при своемъ рѣшеніи. Всѣ, кто только имѣлъ нѣкоторое значеніе въ Варшавѣ, всѣ съ безпокойствомъ поспѣшили въ пріемныя комнаты Хлопицкаго, дабы узнать объ исходѣ переговоровъ. Вскорѣ съ печальнымъ лицомъ выходитъ Чарторижскій и отправляется въ правленіе, дабы объявить ему отказъ генерала; нѣсколько часовъ спустя является туда же и Нѣмцевичь и предлагаетъ вручить Хлопицкому неограниченную власть. Правленіе, хотя и пораженное этимъ предложеніемъ, соглашается, дабы не возбудить опаснаго раздора, и составляетъ актъ, въ которомъ объявляетъ Хлопицкаго главнокомандующимъ съ диктаторскою властью и въ то же время изъявляетъ надежду, что онъ будетъ воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій личнаго произвола. Но не такъ думалъ Хлопицкій. Въ сопровожденіи адъютанта, въ парадной формѣ, украшенный орденами, онъ отправляется въ залу правленія и произноситъ рѣчь, наполненную горькими упреками правленію за безпорядки, имъ допущенныя: «Въ арміи нѣтъ болѣе субординаціи,» говоритъ онъ: «правленіе безсильно, клубы распространяютъ анархію и вско-«рѣ внутренній раздоръ готовъ будетъ растерзать Польшу. По-«ра наконецъ положить предѣлъ этимъ вѣчнымъ смутамъ; оте-«чество нуждается въ человѣкѣ, который пожертвовалъ бы собою «для него и оберегалъ бы его интересы; я хочу взять на себя «это бремя и принимаю диктатуру». Когда ему подали составленный предъ тѣмъ актъ,—онъ бросилъ его на столъ: «Мнѣ «здѣсь даютъ назначеніе», воскликнулъ генералъ, «но я не при-«нимаю его; сознавая безсиліе и разъединенность правленія, я «самъ объявляю себя диктаторомъ, и горе тому,»—добавилъ онъ, съ силою ударивъ кулакомъ по столу,—«кто меня ослушается!» Затѣмъ, принявъ болѣе спокойный тонъ, генералъ обѣщалъ сохранить диктатуру только до открытія сейма и въ дѣйствіяхъ своихъ руководиться благомъ отечества; онъ заключилъ свою рѣчь, сказавъ, что: «прежде всего нужно обратить вниманіе

на внутреннихъ враговъ, которые гораздо опаснѣе внѣшнихъ». Послѣ того онъ вышелъ изъ зала, оставивъ членовъ собранія изумленныхъ и въ полномъ смущеніи (*), сѣлъ на лошадь и поскакалъ на марсово-поле, куда еще прежде приказано было собраться всѣмъ, находящимся въ столицѣ войскамъ. Хлопицкій приказалъ солдатамъ окружить себя и прочелъ имъ прокламацію приблизительно такого содержанія: «Такъ какъ крити-«ческое положеніе государства требуетъ величайшей энергіи и «быстроты, то я принялъ на себя на непродолжительное время «диктатуру; не честолюбіе побудило меня къ сему, но сила «обстоятельствъ; я дѣлаю то, что дѣлали въ подобныхъ слу-«чаяхъ Римляне, и обѣщаю сложить свою власть въ руки сей-«ма, употребивъ ее сначала для блага націи.» Войска, исполненныя неограниченнаго довѣрія къ старому генералу, приняли его объявленіе громкимъ ура! Народонаселеніе столицы также было довольно, надѣясь, что Хлопицкій своею энергіею положитъ конецъ анархіи и господству клубистовъ. На слѣдующій день Хлопицкій объявилъ временному правленію, что онъ его удерживаетъ и утверждаетъ его титулъ; только Лелевель былъ исключенъ изъ числа членовъ. Диктаторъ предоставилъ правленію внутреннюю администрацію страны, оставивъ себѣ только внѣшнія сношенія, равно какъ и санкцію внутреннихъ распоряженій.

Съ этихъ поръ этотъ замѣчательный человѣкъ занималъ нѣкоторое время главную роль во всѣхъ событіяхъ; поэтому для насъ будетъ не лишнимъ ближе съ нимъ ознакомиться. Іосифъ Хлопицкій родился въ 1772 г. въ Галиціи, разсадникѣ всѣхъ великихъ людей Польши (**), и происходилъ отъ благородной и недостаточной фамиліи. Хотя ему было уже 60 лѣтъ, но, не смотря на тревожную жизнь, онъ казался гораздо моложе; онъ былъ крѣпкаго и закаленнаго тѣлосложенія, а отъ про-

---

(*) «Даже адъютанты Хлопицкаго поблѣднѣли тогда» говоритъ Шпациръ, 1, 239. «съ тѣхъ поръ онъ сталъ обращаться со всѣми, какъ повелитель, издавна привыкшій вселять благоговѣніе.»

(**) Тарновскіе, Замойскіе, Жолкевскіе, Собіесскіе и др.—всѣ родомъ изъ Галиціи.

должительной привычки къ командованію, въ наружности его было что-то внушающее и повелительное. Съ юности избравъ военную карьеру, онъ участвовалъ въ войнахъ своего отечества во времена Косцюшки, а позже присоединился къ легіонамъ Домбровскаго въ Италіи. Вездѣ онъ выказывалъ хладнокровіе и неустрашимость, обратившія на себя вниманіе его начальниковъ; вскорѣ репутація его, какъ отличнаго офицера, совершенно упрочилась. Сражаясь въ рядахъ французской арміи, онъ постепенно возвышался по ступенямъ военной іерархіи. Особенно въ Испаніи, далъ онъ множество доказательствъ своихъ способностей и личной храбрости. Произведенный въ бригадные генералы, онъ находился до 1812 г. подъ начальствомъ маршала Сюше, который посвятилъ ему не одинъ листъ своихъ мемуаровъ, и впослѣдствіи горячо жаловался на его утрату, когда онъ былъ отозванъ для похода противъ Россіи. Въ этомъ походѣ Хлопицкій былъ тяжело раненъ. По выздоровленіи, обойденный Наполеономъ при производствѣ, онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Парижѣ въ то время, когда союзники вступили въ этотъ городъ Послѣ паденія Наполеона, Императоръ Александръ призвалъ его въ армію вновь образованнаго Польскаго Царства, но служба его продолжалась недолго: вслѣдствіе ли непріятностей по службѣ или какой либо другой причины (*), онъ вышелъ въ отставку и съ-тѣхъ-поръ жилъ уединенно въ Варшавѣ, довольствуясь небольшимъ состояніемъ, которое было только что достаточно, чтобы удовлетворить ограниченнымъ потребностямъ стараго воина.

Хлопицкій былъ человѣкъ совершенно античнаго характера,

(*) Исторія о дотаціяхъ, назначенныхъ генералу, которую Шпациръ приводитъ съ цѣлью унизить Хлопицкаго, есть чистая басня. Настоящая причина есть слѣдующая: Хлопицкій считалъ себя оскорбленнымъ выговоромъ, который сдѣлалъ ему Великій Князь на парадѣ, за солдата одѣтаго не по формѣ, и въ слѣдствіе этого онъ подалъ въ отставку. Хотя Великій Князь старался успокоить его, для чего даже посылалъ къ нему Намѣстника, Хлопицкій все таки остался непоколебимъ. Когда вскорѣ послѣ того Императоръ Александръ, лично почитавшій его, прибылъ въ Варшаву и встрѣтилъ генерала на балѣ, то подошелъ къ нему съ открытыми объятіями и сказалъ: «Какъ, генералъ, вы не хотите больше служить намъ вашею шпагою?» глубоко тронутый Хлопицкій отвѣчалъ на это: «только не въ мирное время; при первой войнѣ, я съ радостію предложу Государю мою службу и мою жизнь.»

поэтому можно было предвидѣть, что благосклонность къ нему современныхъ революціонеровъ продолжится не долго. По привычкѣ и съ намѣреніемъ онъ былъ холоденъ и скрытенъ, говорилъ подобно Наполеону рѣзкимъ тономъ и отрывочными фразами, которыя однакожъ часто были полны глубокаго смысла, по этому настоящія его намѣренія для большинства оставались скрытыми.

Когда вспыхнула революція, и мятежники вездѣ искали его, полагая, что находясь въ немилости, онъ съ радостію станетъ въ главѣ ихъ, Хлопицкій съ намѣреніемъ скрылся, дабы не быть противъ воли вовлеченнымъ въ предпріятіе, въ высшей степени неодобряемое имъ, и коего бѣдственныя послѣдствія онъ предвидѣлъ. Такъ какъ событіе, слѣдствіемъ котораго былъ раздоръ, смуты, безпорядки, совершилось безъ его участія, такъ какъ съ другой стороны не было никого, кто бы могъ взять бразды правленія въ твердыя руки, то онъ считалъ долгомъ честнаго гражданина предложить отечеству свои услуги. Дабы не встрѣчать препятствій въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ требовалъ неограниченной власти, а какъ всякій видѣлъ въ немъ великаго полководца, образовавшагося въ наполеоновской школѣ, какъ народный голосъ возвышалъ его надъ всѣми современными военачальниками, то естественно, что онъ не встрѣтилъ оппозиціи своимъ требованіямъ, и спустя нѣсколько дней послѣ грознаго взрыва 29 ноября, посредствомъ котораго Поляки думали освободиться отъ власти, ограниченной закономъ, они сами добровольно поставили надъ собою, въ лицѣ Хлопицкаго, власть, ни чѣмъ не ограниченную.

Какъ солдатъ, привыкшій къ порядку и повиновенію, наученный сверхъ того опытомъ какъ прежнихъ польскихъ, такъ и французскихъ революцій, онъ въ высшей степени ненавидѣлъ анархію революціоннаго правительства, коей первый зародышъ онъ видѣлъ во временномъ правленіи; онъ твердо рѣшился всѣми силами противодѣйствовать этой анархіи. Другъ его, Нѣмцевичъ поддерживалъ въ немъ этотъ образъ мыслей. Внимательнымъ изученіемъ, чтеніемъ исторіи и собственнымъ опытомъ, этотъ послѣдній достигъ основательнаго знанія своего народа и

твердо былъ убѣжденъ, что незаконная и необузданная вольность приведетъ его къ погибели. Къ нимъ присоединились всѣ опытные, образованные люди страны, которымъ было что терять; со страхомъ замѣчали они съ одной стороны успѣхи анархіи, а съ другой опасность истребительной войны. Они единодушно примкнули къ диктатору, отъ энергіи котораго они ожидали обузданія анархіи, а отъ его благоразумія и твердости отвращенія внѣшнихъ опасностей.

Противъ этой партіи стоялъ Лелевель во главѣ молодыхъ людей безъ состоянія, съ экзальтированными идеями, но безъ всякой политической опытности; людей склонныхъ къ разрушенію и уничтоженію, но неспособныхъ созидать что либо. Изъ числа болѣе замѣчательныхъ послѣдователей этого направленія, мы уже назвали: во-первыхъ, Морица Мохнацкаго, поклонника нѣмецкой философской школы, въ противоположность профессору Ширма, который придерживался шотландской философіи, что и было причиною сильной вражды между ними (*); во-вторыхъ, Адама Гуровскаго, коего экзальтированныя статьи ставили въ затрудненіе даже его собственныхъ друзей; въ третьихъ, Ксаверія Брониковскаго, который съ искусствомъ и неутомимою дѣятельностью работалъ въ пользу революціи; и наконецъ хитраго, краснорѣчиваго адвоката, Іосифа Болеслава Островскаго. Къ нимъ нужно прибавить еще: ксендза Казиміра Пулавскаго, справедливо названнаго народнымъ трибуномъ и имѣвшаго всѣ нужныя для сего качества: хитрость, смѣлость, даръ убѣжденія и большую популярность между народомъ, отъ котораго онъ не отличался ни нравами, ни образованіемъ; и Лудвига Жуковскаго—трудолюбиваго труженика, котораго употребляли для редакціи сочиненій, издаваемыхъ для народа. Приверженцы этой партіи называли себя романтиками въ политикѣ, частію потому, что, подобно литературнымъ романтикамъ Франціи, они требовали неограниченной свободы, которая въ поли-

(*) Мохнацкій, впрочемъ, былъ человѣкъ большаго ума. Его сочиненіе о возстаніи, оставшееся по случаю его преждевременной смерти не оконченнымъ, есть можетъ быть лучшее изъ числа написанныхъ въ польскомъ духѣ; по-крайней-мѣрѣ оно самое правдивое и основательное.

тикѣ еще скорѣе чѣмъ въ поэзіи ведетъ къ анархіи, частію же потому, что они уже прежде, подъ видомъ изслѣдованій классической и романтической поэзіи, на глазахъ цензуры проводили въ періодическихъ изданіяхъ чисто политическія теоріи (*). Самъ Лелевель не имѣлъ никакого практическаго знанія дѣлъ; конечно, онъ былъ способенъ занимать каѳедру, но не стоять во главѣ государства, въ особенности въ столь запутанныхъ обстоятельствахъ; онъ умѣлъ только разжигать пламя, но не могъ погасить его. До революціи, во время революціи и послѣ нея, онъ постоянно игралъ роль возмутителя, противъ всѣхъ существовавшихъ правительствъ; на него можно смотрѣть какъ на истиннаго виновника всѣхъ бывшихъ во время революціи заговоровъ, безпокойствъ и волненій. Незадолго до революціи ему попались въ руки мемуары, ложно приписываемые Робеспіеру, и онъ дѣятельно взялся за ихъ изученіе. Съ-тѣхъ-поръ онъ принялъ за образецъ поступки этого изверга революціи, и старался дѣйствовать на народъ и достигнуть собственнаго возвышенія преимущественно посредствомъ журналовъ, клубовъ и лести. Потомъ, изъ этого и другихъ описаній французской революціи, онъ научился устрашать своихъ противниковъ волненіями и народными смутами; такимъ образомъ ему удавалось добиться отъ нихъ всего и управлять ими согласно своимъ намѣреніямъ. Подобно Робеспіеру, безъ личной храбрости, безъ дара слова, робкій, скрытный, но всетаки непомѣрно честолюбивый, онъ, какъ и Робеспіеръ, выставлялъ другихъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ открытой опасности, а самъ всегда дѣйствовалъ скрытно посредствомъ многочисленныхъ учениковъ. Даже по наружности онъ имѣлъ много сходства съ Робеспіеромъ. Подобно ему—блѣдный, худощавый, онъ никогда не отваживался поднимать глазъ, но обыкновенно держалъ ихъ потупленными; не было ничего естественнаго и открытаго ни въ его харак-

(*) «Dziennik powszechny» и «Польскій курьеръ», первый издаваемый Хлендовскимъ, а послѣдній Адольфомъ Чиховскимъ, стояли во главѣ романтиковъ; другія повременныя изданія принадлежали къ партіи классиковъ Никто не предчувствовалъ, что подъ этимъ мелочнымъ споромъ скрываются совершенно серьозныя политическія теоріи.

терѣ, ни въ манерахъ. Какъ Робеспіеръ въ С-тъ-Жюстѣ, такъ Лелевель въ Морицѣ Мохнацкомъ имѣлъ неограниченнаго и преданнаго послѣдователя, чрезъ котораго онъ преимущественно представлялъ свои проекты и предложенія, ибо Мохнацкій обладалъ смѣлостью и рѣшимостью, качествами недостающими Лелевелю.

Когда Хлопицкій принялъ диктатуру, революція распространилась уже по всей странѣ; вся молодежь была полна энтузіазма или точнѣе самоувѣренности; даже пожилые люди были увлечены мало-по-малу, хотя и не слишкомъ довѣряли исходу, въ которомъ не сомнѣвалась молодежь. Этому одушевленію всего болѣе способствовали пресса и распространеніе по всей странѣ патріотическихъ клубовъ. До 20-ти періодическихъ изданій неотступно трудились для того, чтобы направлять общественное мнѣніе. Не много людей, не много убѣжденій, которыя могли бы устоять противъ подобныхъ, ежедневно возобновляющихся, нападеній. Для достиженія своей цѣли революціонеры считали всякое средство годнымъ: клевету, совершенное искаженіе истины, вымышленные разсказы, какъ собственнаго изобрѣтенія, такъ и заимствованные у другихъ; затѣмъ ободренія, прельщающія надежды, ожиданія близкой помощи, извѣстія о революціяхъ, долженствовавшихъ произойти у противниковъ, о возмущеніяхъ и раздорахъ въ непріятельской арміи и т. п. Въ то время какъ журналисты дѣйствовали черезъ посредство своихъ изданій, клубы оказывали вліяніе непосредственное и тѣмъ болѣе опасное, что собравшуюся толпу несравненно легче взволновать, нежели одного читателя. Пламенные ораторы, въ родѣ Мохнацкаго, Пулавскаго, Шинглярскаго и др., громили въ своихъ рѣчахъ мнимыхъ измѣнниковъ отечества, порицали тѣхъ, кои не довольно выказывали усердія, бросали яростные намеки на богатыхъ и достаточныхъ лицъ, поносили злоупотребленія и слабость правительства и разжигали ненависть противъ Россіи. Въ заключеніе они требовали отъ страны величайшихъ усилій и утверждали, что весь свѣтъ полонъ удивленія къ польской націи и готовъ принять ея сторону. Этими и подобными тому средствами, удалось, понемногу разжечь бѣшеное пламя въ молодыхъ сердцахъ, особенно въ столицѣ и нѣкоторыхъ

большихъ городахъ; что касается до провинцій, то въ нихъ было гораздо спокойнѣе. Хлопицкій обратилъ теперь все вниманіе на то, чтобы утишить мало-по-малу это бурное волненіе. Онъ приказалъ закрыть клубы, а журналы пригласилъ соблюдать бо́льшую осторожность; онъ сохранилъ имя Царя во всѣхъ публичныхъ актахъ и молитвахъ и принялъ мѣры только для оборонительной войны, дабы дать тѣмъ больше вѣса своимъ представленіямъ въ Петербургѣ. Предложенія многихъ молодыхъ людей, являвшихся изъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ частей Польши и вызывавшихся возмутить эти провинціи, онъ постоянно и рѣшительно отвергалъ, дабы не навлечь на страну одновременной вражды всѣхъ трехъ государствъ. Всѣ его усилія клонились къ примиренію, потому что продолжительная борьба Польши съ могущественною Россіею, по его мнѣнію, была невозможна. Опытъ прежнихъ временъ оправдывалъ это мнѣніе. Въ 1794 г. было не меньше энтузіазма и одушевленія; вначалѣ и тогда были пріобрѣтены многія выгоды, а подъ-конецъ все же пришлось покориться. Герой и идолъ революціи, Хлопицкій надѣялся также сдѣлаться ея властелиномъ и повелителемъ; онъ заблуждался въ этомъ: онъ не зналъ, что народъ также легко разбиваетъ свои кумиры, какъ быстро сооружаетъ ихъ.

Кн. Любецкій, хорошо предвидѣвшій неминуемыя слѣдствія революціи и охотно желавшій избавиться отъ нихъ, по настоятельной просьбѣ своей, былъ посланъ диктаторомъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ гр. Іоанномъ Езерскимъ для того, чтобы испытать путь мирныхъ переговоровъ и добиться, если возможно, ручательствъ въ точномъ исполненіи конституціи и въ присоединеніи къ Царству прежнихъ польскихъ провинцій. Другіе дипломатическіе агенты съ подобными же инструкціями были посланы въ Парижъ и въ Лондонъ, откуда болѣе всего ожидали помощи. Маркизъ Велепольскій отправился въ Лондонъ, генералъ-интендантъ Волицкій–въ Парижъ; старались даже войти въ сношенія съ австрійскимъ и прусскимъ консулами; въ Вѣнѣ сверхъ того дѣйствовали чрезъ посредство поселившихся тамъ знатныхъ Поляковъ.

Опасаясь открытія враждебныхъ дѣйствій прежде полученія отвѣта изъ Петербурга, диктаторъ послалъ своего адъютанта, Владислава Замойскаго, въ Брестъ, къ генералу Розену съ увѣдомленіемъ о посольствѣ Любецкаго и Езерскаго и объявленіемъ: «что ежели генералъ перейдетъ границу до возвра-«щенія Любецкаго и Езерскаго, то онъ одинъ будетъ отвѣчать «предъ Государемъ за пролитую кровь.» Генералъ Розенъ отвѣчалъ коротко: «я не имѣю приказаній начать непріязненныя дѣйствія.» Этотъ отвѣтъ успокоилъ диктатора.

Революціонная партія, настаивавшая прежде на нападеніи на Великаго Князя, пока онъ находился въ предѣлахъ Польши, требовала теперь нападенія на литовскія провинціи, дабы привлечь ихъ къ возстанію. Лелевель ссылался на свои многочисленныя связи въ этихъ провинціяхъ, обѣщалъ вѣрное содѣйствіе Литовскаго корпуса и обратилъ особое вниманіе на необходимость пользоваться первыми впечатлѣніями для того, чтобы сколь возможно болѣе распространить возстаніе. «Революція», говорилъ онъ для бо̀льшаго убѣжденія, «не можетъ за-«щищаться; она должна нападать, иначе потеряетъ всякую си-«лу!» Но диктаторъ оставался непоколебимъ въ виду всѣхъ этихъ настояній, потому что, расчитывая на примиреніе, онъ хотѣлъ держаться въ предѣлахъ умѣренности и избѣгать всякихъ вызывающихъ дѣйствій. Позже мы увидимъ, какія послѣдствія могло бы имѣть это движеніе въ Литву, столь ревностно желаемое революціонерами; здѣсь мы удовольствуемся тѣмъ, что обратимъ вниманіе на слѣдующее. Императоръ Александръ, движимый своимъ благосклоннымъ расположеніемъ относительно Польши, дозволилъ, чтобы всѣ рекруты литовскихъ провинцій были бы отдаваемы въ одинъ армейскій корпусъ, который былъ расположенъ въ Литвѣ же, и въ которомъ большая часть офицеровъ была изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Такимъ образомъ этотъ корпусъ почти весь состоялъ изъ Литовцевъ; только между старшими офицерами было небольшое число Русскихъ. На это расчитывали заговорщики. Но въ Литовскомъ корпусѣ не было ни ветерановъ краковской конфедераціи 1794 г., ни остатковъ побѣжденной Напо-

леоновой арміи, подобно тому какъ въ Царствѣ, и по удаленіи нѣсколькихъ офицеровъ нечего было и думать о возмущеніи даже части этого корпуса; гренадерская же его бригада, въ которой 24 гвардейскихъ офицера, присланные изъ Петербурга, замѣнили собою удаленныхъ, отъ начала до конца войны принадлежала къ войскамъ, сражавшимся съ наибольшею храбростію противъ Поляковъ. Менѣе же всего можно было найти приверженцевъ въ 1-й гусарской дивизіи, также расположенной въ Литвѣ, но имѣвшей между офицерами много Нѣмцевъ изъ остъ-зейскихъ провинцій, которые, напротивъ, гордились своею вѣрностью и преданностью престолу (*).

(*) Г. Шпациръ говоритъ слѣдующее (ч. 1. ст. 378): «Особеннымъ единомыслі-«емъ къ польскому дѣлу отличалась гусарская дивизія генерала Безобразова, «расположенная въ Литвѣ, но большею частію состоявшая изъ Лифляндцевъ, Кур-«ляндцевъ и Поляковъ, также въ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полкахъ, офицеры раз-«рывали на клочки знамена и топтали ихъ ногами! Генералъ Безобразовъ былъ «даже удаленъ за то, что онъ распустилъ до такой степени свою дивизію. Нѣ-«сколько времени спустя, когда прибылъ Великій Князь, офицеры, бывшіе въ по-«дозрѣніи и въ особенности тѣ, которые на вопросъ: хотятъ ли они сражаться про-«тивъ Поляковъ? отвѣчали отрицательно, были отправлены въ нѣсколькихъ стахъ «кибиткахъ въ Сибирь и во внутрь Россіи. Число этихъ офицеровъ показываютъ «до 400. Послѣдствія показали, что весь Литовскій корпусъ, силою въ 30,000 «чел., по первому знаку изъ Варшавы присоединился къ общему дѣлу возстанія.» Здѣсь, что ни слово, то невѣрность. Во-первыхъ фактъ, что будто гусарская дивизія высказала расположеніе къ польскому дѣлу, есть чистая клевета; только немногіе офицеры были удалены изъ нея, и она принадлежала къ войскамъ сражавшимся съ особенною храбростію противъ Поляковъ. Во-вторыхъ, разсказамъ о срываніи знаменъ могутъ повѣрить только тѣ, которые не имѣютъ даже основныхъ понятій о военномъ бытѣ. Въ-третьихъ, Безобразовъ былъ удаленъ не по причинѣ приведенной авторомъ, но вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и болѣзненнаго состоянія, и притомъ не раньше апрѣля, а не тотчасъ по прибытіи Великаго Князя. Въ четвертыхъ, Великій Князь не имѣлъ никакого отношенія къ арміи; авторъ вмѣшиваетъ Его, частію для того, чтобы удовлетворить своей личной ненависти, частію же, дабы указать на всю великость преступленія Хлопицкаго, который далъ возможность Великому Князю уйти. Армія была подъ начальствомъ Дибича; Великій Князь нисколько не вмѣшиваясь въ ея управленіе. Наконецъ, удаленные офицеры, но далеко не въ числѣ 400, были переведены въ 4-й армейскій корпусъ, стоявшій въ Москвѣ, гдѣ они могли продолжать службу, не будучи поставлены въ необходимость сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Изъ этого простаго распоряженія, Поляки сочинили исторію о Сибири. Они дѣлали это изъ ненависти и изъ желанія оклеветать русское правительство, а иностранные писатели подражали имъ по незнанію, или изъ недоброжелательства.

Расчитывали еще на населеніе; но въ то время, когда русскія войска спѣшили со всѣхъ сторонъ, и частію уже проходили страну въ различныхъ направленіяхъ, ни чья рука не поднялась за Поляковъ: сперва хотѣли выждать результатовъ сраженія; но русскіе полководцы имѣли повелѣніе, не прежде вступить въ битву, какъ обезпечивъ для себя ея исходъ; слѣдовательно Поляки, еслибы даже имъ удалось достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ въ началѣ, впослѣдствіи, будучи удалены отъ всѣхъ своихъ вспомогательныхъ средствъ и атакованы съ нѣсколькихъ сторонъ, неминуемо были бы подавлены соединенными силами Русскихъ. И такъ, еслибы послушались Лелевеля и несвѣдущихъ крикуновъ патріотическаго клуба, то, по всей вѣроятности, революція была бы прекращена гораздо ранѣе, нежели при осторожныхъ дѣйствіяхъ диктатора, столь порицаемыхъ ими.

Дознано опытомъ, что послѣ несчастнаго исхода какого нибудь предпріятія, тысячи голосовъ принимаются доказывать, что еслибы послушались именно ихъ, то дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ. Тоже самое было и въ этомъ случаѣ. Предпріятіе противъ Литвы, на которомъ такъ ревностно настаивала партія Лелевеля, не удалось бы также точно, какъ неудались позже попытки Дверницкаго и Гелгуда, и конечно нашлись бы сотни голосовъ, которые стали бы порицать этотъ походъ и утверждать, что гораздо было бы лучше, вмѣсто того чтобы вызывать могущественнаго противника, ограничиться благоразумною обороною и выждать благопріятныхъ обстоятельствъ для перехода въ наступленіе. При несчастіи, всякое дѣйствіе, еслибы даже оно было превосходно, всегда кажется дурнымъ; и наоборотъ, при счастіи, дурное очень часто кажется превосходнымъ.

Сопротивленіе диктатора въ высшей степени раздражило революціонную партію, и съ того времени она уже рѣшила его низверженіе. Однакожъ исполнить это было не легко. Диктаторъ пользовался любовью солдатъ и довѣріемъ націи, нужно было лишить его того и другаго. Клубисты не отчаявались въ этомъ и приступили къ дѣлу. На словахъ и на бумагѣ, тайно и явно

старались они распространять и разсѣевать разные намеки, клеветы и обвиненія противъ диктатора; хотѣли набросить тѣнь на его честность и откровенность, и даже возбудить недовѣріе къ его познаніямъ и способностямъ, короче—они не пренебрегли никакимъ средствомъ для униженія диктатора въ глазахъ націи. «Къ чему», говорили они, «диктатура? развѣ мы «для того отказались отъ власти Русскихъ, чтобы подчинить «себя власти военной, еще болѣе строгой? что касается до «опасеній анархіи, то это не болѣе какъ химера!» Многіе изъ старѣйшихъ генераловъ, которые завидовали диктатору за его популярность между народомъ, и изъ коихъ каждый считалъ себя по-крайней-мѣрѣ столь же способнымъ какъ и онъ, поддерживали домогательства клубистовъ. «Гораздо лучше», говорили они, «имѣть въ главѣ правленія не военнаго; мы «генералы охотно готовы отказаться отъ нашихъ чиновъ и «стать подъ команду молодыхъ талантливыхъ офицеровъ». Желаніе унизить Хлопицкаго завело ихъ такъ далеко, что они утверждали даже, «что вогсе не нужно поручать глагное на«чальствованіе надъ войсками опытному генералу, потому что «предстоящая война должна быть по преимуществу партизан«скою въ которой каждый хорошій солдатъ можетъ быть началь«никомъ». Итакъ одни вѣрили серіозно, другіе притворялись что вѣрятъ, будто сильную, регулярную армію, шедшую противъ главнаго притона возмущенія, можно было удержать отрядами партизановъ! Лелевель, коего планъ относительно Литвы былъ уничтоженъ сопротивленіемъ Хлопицкаго, предостерегалъ всѣхъ и каждаго отъ тайныхъ умысловъ диктатора, «который», по его словамъ, «обладалъ только незаконною, самовольно-присвоенною властью.» Въ своихъ козняхъ противъ диктатора, Лелевель нашелъ себѣ помощь тамъ, гдѣ менѣе всего ожидалъ ее. Незадолго до того, прибыли въ Варшаву изъ Калишскаго воеводства братья Немоіевскіе, пользовавшіеся большимъ уваженіемъ, какъ представители рѣшительной оппозиціи противъ русскаго правительства. Немоіевскіе очень хорошо видѣли, что при неограниченномъ могуществѣ диктатора, они не будутъ играть никакой роли; по этому они рѣшили, не выказываясь тотчасъ

же, выждать открытія сейма. Но, дабы не оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми единомышленниками, возъимѣли мысль сдѣлаться редакторами какой либо газеты, посредствомъ которой имъ было бы удобно распространять свои мнѣнія и намѣренія. Они избрали своимъ органомъ «Польскій курьеръ (kuryer Polski)», принадлежавшій Адольфу Чиховскому, который, какъ участникъ прежнихъ союзовъ патріотическаго общества, находился долго въ заточеніи и былъ открытымъ врагомъ Русскихъ. Ежедневно, по вечерамъ въ 6 ч. собирались они у Чиховскаго; предназначенныя для курьера статьи были прочитываемы, и помѣщеніе ихъ въ газетѣ рѣшалось большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ они сдѣлались средоточіемъ для соединенія людей всѣхъ партій, не исключая клубистовъ съ Лелевелемъ во главѣ. Эти послѣдніе, лишившись, вслѣдствіе закрытія клуба прежней популярности, съ радостію воспользовались случаемъ присоединиться къ людямъ, столь высоко стоявшимъ въ мнѣніи народа какъ Немоіевскіе. При этомъ у нихъ было еще другое основаніе: они хотѣли отвлечь общественное вниманіе отъ своихъ тайныхъ происковъ, направленныхъ противъ диктатора; потому что въ то время они были заняты серіознымъ противъ него заговоромъ, слишкомъ хорошо понимая, что легко могутъ сдѣлаться жертвами миролюбивыхъ стремленій диктатора.

Озабоченный происками этого новаго союза, Хлопицкій еще разъ послѣдовалъ политикѣ Любецкаго и принялъ въ составъ правленія важнѣйшихъ его членовъ: Викентій Немоіевскій былъ назначенъ президентомъ счетной палаты, его братъ, Бонавентура—министромъ юстиціи, а Болеславъ Островскій получилъ мѣсто секретаря въ томъ же министерствѣ. Викентій Немоіевскій, вслѣдствіе органическихъ недостатковъ своего слуха, исключительно предался научной дѣятельности; голова его была полна разныхъ конституціонныхъ теорій, но отнюдь не практическихъ способностей; въ жизни имъ постоянно руководили его окружающіе. Его братъ Бонавентура, напротивъ, былъ одаренъ всѣмъ, чего недоставало Викентію: наружностью, даромъ слова и нѣкоторою ловкостью; ему недоставало только высшаго образова-

нія. Въ послѣднемъ отношеніи онъ безспорно стоялъ ниже своего брата, но какъ обыкновенно бываетъ, что ограниченныя свѣдѣнія неразлучны съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ, такъ и Немоіевскій былъ чрезвычайно высокомѣренъ, что отчуждало отъ него всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Наконецъ, оба брата были лишены высшей практической способности, для того чтобы умѣть отличить важное отъ неважнаго, настоять на первомъ и уступить во второмъ, оба они были настойчивы до упрямства и притомъ преимущественно въ маловажныхъ вещахъ; черезъ это они дѣлались настоящимъ камнемъ преткновенія для всякаго правительства, которое предоставляло имъ какое нибудь вліяніе.

Между тѣмъ, бывшіе въ заговорѣ противъ диктатора, Лелевель и союзники его: Зверковскій, Брониковскій, Мохнацкій, Кремповицкій, Пулавскій, Завиша и Заливскій продолжали свои тайныя засѣданія у Морица Мохнацкаго. Наученные опытомъ, они рѣшили теперь —не учреждать уже болѣе національнаго конвента, какъ хотѣли прежде, но взять правленіе въ свои руки, поставивъ во главѣ его пять членовъ изъ своей среды, именно: Лелевеля, Зверковскаго, Тржтинскаго, Мохнацкаго и Брониковскаго. Мохнацкій вызвался, во главѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, ворваться въ жилище диктатора и завладѣть имъ живымъ или мертвымъ. Онъ уже былъ на дорогѣ къ дому Хлопицкаго, когда съ трудомъ былъ удержанъ убѣжденіями Высоцкаго, грозившаго, въ случаѣ ежели онъ не уступитъ, тотчасъ поспѣшить со своими на помощь къ диктатору.

Среди всѣхъ этихъ волненій приблизился срокъ, назначенный для открытія сейма. Депутаты, мало-по-малу прибывавшіе въ Варшаву до открытія официальныхъ засѣданій, имѣли между собою частныя совѣщанія о мѣрахъ, которыя предполагалось принять. Вопреки воззваній партіи клубистовъ, большинство все-таки склонялось на сторону диктатора, какъ единственнаго человѣка, могущаго вывести государство изъ его настоящаго кризиса, будетъ ли это посредствомъ войны или посредствомъ примиренія. Партія Лелевеля напротивъ утверждала: «въ «настоящее время главное дѣло заключается въ томъ, чтобы воз-

«будить возможно бо̀льшій энтузіазмъ въ цѣлой націи для на-«длежащаго развитія всѣхъ ея силъ, потому что въ войнахъ, «имѣющихъ вопросомъ существованіе государства, рѣшаетъ не «одна только армія, соразмѣрно меньшая часть народа, но вся «нація должна принимать въ нихъ участіе. Въ предводителяхъ «не будетъ недостатка: революціонныя войны, пробуждавшія и «напрягавшія народную силу, всегда сами создавали своихъ «геро̀евъ». «Хлопицкій», добавляли они, повторяя свои прежнія обвиненія, «пропустилъ удобную минуту для дѣйствій, не умѣлъ «оцѣнить настоящую цѣль возстанія, и старался ограничить си-«лы націи одною регулярною арміею.» Вопреки этимъ тайнымъ происка̀мъ, страхъ анархіи одержалъ верхъ, и депутаты склонялись уже на то, чтобы утвердить Хлопицкаго диктаторомъ, такъ какъ онъ одинъ былъ въ состояніи обуздать анархистовъ. Но все таки считали необходимымъ предварительно испытать его намѣренія. Для сего, $^{17}/_{5}$ декабря была отправлена къ нему въ залъ засѣданія временнаго правленія, депутація изъ 20 членовъ сейма и нѣсколькихъ сенаторовъ съ кн. Чарторижскимъ во главѣ. Чарторижскій объявилъ диктатору, что: «желаніе на-«ціи заключается въ томъ, чтобы было приступлено наконецъ «къ предпріятіямъ въ духѣ возстанія, чтобы были прерваны всѣ «переговоры и взамѣнъ ихъ начаты военныя дѣйствія.» Диктаторъ отвѣтствовалъ съ достоинствомъ: «Моя совѣсть побуждаетъ ме-«ня открыто высказать вамъ, что мои намѣренія заключаются «только въ сохраненіи Царства въ границахъ, опредѣленныхъ «Вѣнскимъ конгрессомъ, потому что я увѣренъ, что невозмож-«но требовать бо̀льшаго, не пожертвовавъ всею польскою ар-«міею. Я клялся въ вѣрности Царю Николаю и хочу испол-«нить мою клятву; потому не думайте, чтобы я былъ намѣренъ «вновь завоевать присоединенныя къ Россіи польскія провин-«ціи. Впрочемъ, въ будущемъ конституція будетъ поставлена «подъ такія гарантіи, что ее нельзя будетъ нарушить безнака-«занно, а государство останется замкнутымъ для русскихъ «войскъ. Ни къ чему бо̀льшему я не обязываюсь. Въ этомъ «заключается моя исповѣдь; она свободна и неизмѣнна». Зверковскій возразилъ на это: «Не такова была цѣль возстанія; не

«для того отважились мы на послѣднюю крайность, чтобы не «видѣть болѣе русскихъ войскъ въ странѣ, имѣть конституцію «и владѣть восемью воеводствами: дѣло идетъ о всей Литвѣ, По«доліи, Волыни и Украйнѣ, гдѣ также живутъ братья Поляковъ, «которые всѣ вмѣстѣ должны стремиться къ одной цѣли, ибо «безъ нихъ Царство само по себѣ ничего не значитъ, и всѣ «Поляки должны, или вмѣстѣ существовать, или вмѣстѣ погиб«нуть». Раздраженный Хлопицкій отвѣчалъ: «Я нахожусь тутъ «отъ имени конституціоннаго Царя, которому я присягалъ; я «вамъ представилъ мою исповѣдь, и пришелъ сюда не за тѣмъ, «чтобы вступать въ ссору съ депутатами». Засимъ онъ схватилъ шляпу и вышелъ изъ комнаты. Изумленные, съ смущенными лицами смотрѣли депутаты другъ на друга; въ особенности были поражены словами Хлопицкаго тѣ изъ нихъ, которые принимали близкое участіе въ происшествіяхъ 29 ноября. Лелевель старался успокоить всѣхъ тѣмъ, что онъ не въ первый разъ слышитъ подобное мнѣніе диктатора, почему можно надѣяться, что если оборонительная война будетъ сопровождаться успѣхомъ, то диктаторъ воспользуется побѣдою, и притязанія его неограничатся тѣмъ, что онъ не теперь высказалъ Опасаясь неблагопріятнаго дѣйствія словъ Хлопицкаго на народъ, всѣ дали обѣщаніе не разглашать о происходившемъ въ этомъ засѣданіи.

Здѣсь вполнѣ выказалась вся рѣзкость различія, которое существовало между цѣлями обѣихъ сторонъ. Диктаторъ держался того мнѣнія, что революція 29 ноября была несчастіемъ, коего пагубныя слѣдствія надлежитъ отвратить, но коимъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужно воспользоваться для уничтоженія различныхъ злоупотребленій въ управленіи. По этому онъ хотѣлъ примиренія, но подъ условіемъ прочныхъ ручательствъ въ томъ, что впредь конституція будетъ соблюдаема точно. На этихъ условіяхъ можно было въ нѣкоторой мѣрѣ надѣяться на мирное соглашеніе. Напротивъ того, революціонеры, хотя и увѣрявшіе что злоупотребленія, нарушенія конституціи и т. д. принудили ихъ взяться за оружіе, имѣли, по ихъ же собственному признанію, единственною цѣлью, вновь возвысить Польшу

на счетъ Россіи. Эта цѣль ясно высказана въ словахъ Зверковскаго: всѣ возгласы о нестерпимыхъ, будто бы, нарушеніяхъ конституціи были только поводомъ, предлогомъ, прикрытіемъ настоящихъ цѣлей, которыя надѣялись безъ труда привести въ исполненіе, воспользовавшись смутными событіями того времени и покровительствомъ революціонной Франціи (*).

18/6 декабря, въ 6 ч вечера, согласно созывающему циркуляру, однакожъ безъ непосредственнаго приглашенія правительства, камеры собрались въ Королевскомъ замкѣ, обыкновенномъ мѣстѣ ихъ засѣданій (**). Приверженцы заговорщиковъ настаивали на томъ, чтобы сеймъ самъ открылъ свои засѣданія, избралъ бы своего маршала, и объявилъ возстаніе національнымъ; другіе напротивъ полагали: «что право открытія сейма «принадлежитъ только Царю или правительству, слѣдовательно, «въ настоящее время диктатору»; но калишская партія возражала на это: «похищенная власть не есть правительство, о

(*) Доказательство нашимъ словамъ мы находимъ въ сочиненіи Мохнацкаго, изданномъ въ 1834 г. Авторъ говоритъ въ немъ (1 196), «Весьма ошибался бы «тотъ, кто сталъ бы утверждать, что (мнимый) антиконституціонный образъ «дѣйствій правительства, былъ главною причиною революціи. Народъ, возста«ющій всею массою, рѣдко опредѣлительно выражаетъ, чего онъ хочетъ. Фран«цузская монархія въ прошедшемъ столѣтіи рушилась при крикахъ «хлѣба»! Но «голодъ никакъ не можетъ быть причиною учрежденія республики. Ордонансы «Карла X породили въ Парижѣ іюльскую революцію, но подъ криками: «долой «ордонансы, да здравствуетъ хартія!» Парижане подразумѣвали собственно только «низпроверженіе реставраціи. Тоже случилось и у насъ. Когда Варшавскій народъ «расхитилъ оружіе изъ цейхгауза, онъ не заботился о конституціи, которой не «понималъ, но единственно о Польшѣ, что онъ напротивъ очень хорошо понималъ, хотя въ первое время и старались выставить антиконституціонныя зло«употребленія, какъ главную причину этого возстанія.» Засимъ слѣдуетъ приведенное уже выше мѣсто, гдѣ онъ говоритъ: «Революція произошла бы, не смотря на «то, если бы конституція была соблюдаема самымъ святѣйшимъ образомъ; даже «точнѣйшее исполненіе ея скорѣе привело бы къ вооруженному возстанію, съ «цѣлью вновь присоединить прежнія ровинціи.» Въ другомъ мѣстѣ (1. 151) Мохнацкій прямо говоритъ: «Диктатура не съумѣла понять, что цѣль нашего возстанія заключалась въ увеличеніи нашей страны и независимости ея.» Это мѣсто мы приводимъ для тѣхъ, которые все еще вѣрятъ злоупотребленіямъ, будто бы существовавшимъ въ Польшѣ.

(**) Смотри объ этомъ сеймѣ: Protokul posiedzen izby Poselskiey Krolewstwa Polskiego w dniach 18 i 20 Grudnia 1830 roku odbytych etc. Warszawa 1831 8. (Протоколъ засѣданія камеры депутатовъ Королевства Польскаго 18 и 20 дек 1830 г.)

которомъ говоритъ конституція.» По назначеніи президента, нѣкоторые, въ особенности же Густавъ Малаховскій и Бернацкій, стали требовать, чтобы возстаніе было провозглашено національнымъ и была бы объявлена благодарность тѣмъ, которые произвели его. Своими шумными возгласами они увлекли наконецъ все собраніе, которое постановило: «что революцію 29 ноября оно считаетъ дѣломъ націи и утверждаетъ ее.» Засимъ гр. Владиславъ Островскій, человѣкъ аристократической фамиліи, привлекательной наружности, многосторонняго образованія, пользовавшійся популярностью, былъ единодушно избранъ маршаломъ камеръ; его на рукахъ понесли на президентское мѣсто. Зверковскій и Густавъ Малаховскій, дабы не дать кому либо возможность отступить впослѣдствіи, стали утверждать, что недостаточно на словахъ признать возстаніе національнымъ, но, дабы доказать единодушіе камеръ, необходимо утвердить это признаніе своими подписями. Требованіе это было исполнено, и собраніе назначило $^{9}/_{21}$ декабря началомъ своихъ совѣщаній.

Хлопицкій, раздраженный своевольнымъ открытіемъ сейма, а еще болѣе рѣшеніемъ его, одобряющимъ революцію, рѣшеніемъ, которое онъ считалъ преждевременнымъ и препятствующимъ петербургскимъ переговорамъ, еще въ 11 ч. того же вечера послалъ временному правленію, равно и обоимъ президентамъ камеръ свое отреченіе отъ диктатуры. На другой день въ 4 ч. утра Чарторижскій, Островскій, а позже и престарѣлый Нѣмцевичъ, поспѣшили къ Хлопицкому, дабы смягчить его. Хлопицкій объявилъ имъ: «что поведеніе сейма онъ «считаетъ незаконнымъ, что онъ охотно слагаетъ съ себя дик«татуру и отказывается также отъ начальствованія надъ вой«сками; вслѣдствіе чего», продолжалъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ, «необходимо будетъ назначить военную ком«миссію, въ составъ которой я предлагаю, какъ способнѣйшихъ «офицеровъ: генерала Клицкаго и подполковниковъ Коса и «Прондзинскаго». Обдумавъ основательно свое положеніе, Хлопицкій убѣдился, что не смотря на могущество, которымъ онъ обладалъ, но все таки, будучи ограниченъ сеймомъ, онъ ни-

какимъ образомъ не могъ бы привести въ исполненіе своихъ плановъ соглашенія и возстановленія порядка. Для успѣха своихъ намѣреній, онъ считалъ необходимымъ вести переговоры съ Россіею и иностранными государствами безъ всякаго ограниченія, и безъ содѣйствія какого либо другаго національнаго авторитета рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ; короче, ему нужно было имѣть такую же власть, какою прежде пользовался Косцюшко. Дабы предупредить всякое подозрѣніе насчетъ желанія его злоупотребить своею властью, Хлопицкій соглашался, чтобы сеймъ ограничилъ ея продолжительность, но взамѣнъ требовалъ, чтобы самый сеймъ былъ закрытъ немедленно по изданіи декрета учрежденія. Таковы были условія, на которыхъ онъ объявилъ себя готовымъ вновь принять диктатуру. Дабы согласить противныя мнѣнія, Островскій предложилъ слѣдующій планъ: камеры должны были быть закрыты, а Хлопицкій облеченъ властью диктатора, но при немъ должна была состоять постоянная коммиссія сейма, коей предоставлялось право, въ случаѣ надобности, снять съ него эту власть.

Между тѣмъ въ городѣ царствовало величайшее безпокойство и волненіе. Смущенный народъ и войско требовали, во что бы то ни стало, удержанія диктатора; только къ нему одному они имѣли довѣріе. Студенты, подъ предводительствомъ Ширма, въ своемъ юношескомъ энтузіазмѣ зашли такъ далеко, что угрожали умертвить всѣхъ депутатовъ, кои будутъ сопротивляться возобновленію диктатуры, и гдѣ только встрѣчались съ противниками Хлопицкаго нападали на нихъ; съ трудомъ были вырваны изъ ихъ рукъ Морицъ Мохнацкій и Адамъ Гуровскій, коихъ они хотѣли повѣсить. Такъ въ тоскливомъ ожиданіи прошло воскресенье 19 декабря.

20 декабря, рано утромъ камеры собрались въ чрезвычайное засѣданіе; множество молодыхъ людей наполняли трибуны, дабы, въ случаѣ нужды, угрозами достигнуть назначенія диктатора; рота такъ называемой почетной гвардіи, съ заряженными ружьями заняла караулы внутри и снаружи залы собранія. Маршалъ Островскій открылъ засѣданіе объявленіемъ: «что при крайней опасности, въ которой находится государ-

«ство, не остается другаго средства, какъ снова вручить диктатуру генералу Хлопицкому. Генералъ не отклоняетъ ее отъ себя, но ставитъ для принятія ея нѣкоторыя непремѣнныя условія, заключающіяся въ слѣдующихъ 6-ти пунктахъ предлагаемаго имъ проекта закона». Затѣмъ были прочтены эти пункты: 1) Генералу Хлопицкому поручается высшая диктаторская власть безъ всякой отвѣтственности. 2) При немъ состоитъ депутація сейма, которая можетъ лишить его этой власти и передать ее другому. 3) Депутація эта состоитъ изъ обоихъ президентовъ камеръ, двухъ сенаторовъ и трехъ депутатовъ. 4) Въ случаѣ смерти диктатора или прекращенія его власти, сеймъ тотчасъ опять собирается. 5) Диктаторъ по своему выбору назначаетъ членовъ правленія. 6) Тотчасъ по обнародованіи сего декрета, сеймъ расходится и можетъ собраться вновь не иначе, какъ по призванію диктатора.

По прочтеніи этихъ пунктовъ, Ѳеофилъ Моравскій, депутатъ Калиша, предложилъ другой проектъ, въ которомъ онъ старался доказать, что диктатору невозможно предоставить большую власть, чѣмъ та, которую до-сихъ-поръ имѣлъ конституціонный Монархъ. Только одинъ голосъ поддерживалъ это предложеніе; оно было отвергнуто, и вслѣдъ за тѣмъ возникли жаркіе споры, въ которыхъ зрители приняли участіе и даже частію заглушили голоса членовъ сейма. Не смотря на сопротивленіе многихъ депутатовъ, внутренно чувствовавшихъ себя возмущенными подобнымъ неуваженіемъ къ засѣданіямъ сейма, не смотря на то, что можетъ бытъ большинство изъ нихъ уже не было склонно къ принятію диктатуры, однакожъ, съ одной стороны страхъ передъ заряженными ружьями студентовъ, съ другой стороны шумъ и волненіе зрителей, заставили депутатовъ уступить требованіямъ трибунъ. Одинъ панегиристъ революціи говоритъ объ этомъ: «Безъ сомнѣнія, сеймъ не былъ совершенно свободенъ «въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ вслѣдствіи преобладающаго вліянія маршала, такъ вслѣдствіе криковъ и угрозъ зрителей, «не дозволявшихъ произнести ни одного слова тѣмъ, кои хотѣли говорить противъ диктатора» (*).

(*)Шпациръ. 1. ст. 284.

Хлопицкій, который, по увѣренію Островскаго, не хотѣлъ прежде согласиться ни на малѣйшее отступленіе отъ вышепомянутыхъ шести пунктовъ, къ общему удивленію, обошелся чрезвычайно любезно съ посланною къ нему депутаціею и согласился даже на желаемую перемѣну въ 3-мъ пунктѣ, вслѣдствіе которой вышеупомянутая депутація сейма, назначенная для наблюденія за дѣйствіями диктатора, должна была состоять изъ обоихъ президентовъ камеръ, изъ 5 сенаторовъ и 8 депутатовъ, по одному изъ каждаго воеводства, выбираемыхъ самимъ сенатомъ и камерою представителей. Съ тріумфомъ возвратилась депутація и возвѣстила о счастливыхъ результатахъ своего посольства. Тотчасъ приступили къ подачѣ голосовъ: 108 объявили себя за предложеніе продлить диктатуру генер. Хлопицкаго на неопредѣленное время; одинъ только Ѳеофилъ Моравскій отважился возстать противъ этого предложенія.

Революціонная партія и Хлопицкій сошлись въ желаніи, чтобы послѣдній остался диктаторомъ; но желанія ихъ вытекали изъ совершенно-различныхъ источниковъ: революціонеры хотѣли удержанія диктатора, чтобы имѣть въ лицѣ его способнаго предводителя для войны; Хлопицкій же, напротивъ, добивался диктаторства единственно съ цѣлью отвратить отъ своего отечества эту войну. Это то и было причиною непріязненныхъ столкновеній между ними впослѣдствіи, когда обнаружилась обоюдная ошибка.

Но прежде распущенія сейма рѣшено было издать для оправданія возстанія, манифестъ, въ которомъ, по предложенію Зверковскаго, преимущественно предполагалось обратить вниманіе на слѣдующіе три пункта: 1) На необходимость независимаго существованія для Польши, такъ какъ не было никакихъ ручательствъ въ точномъ исполненіи конституціи со стороны Россіи. 2) На всѣ нарушенія конституціи. 3) На требованіе о присоединеніи къ Царству всѣхъ прежнихъ польскихъ провинцій. Затѣмъ приступили къ выбору депутаціи, назначенной для наблюденія за дѣйствіями диктатора; въ составъ ея вошли слѣдующія лица: отъ сената: кромѣ президента кн. Чарторижс-

скаго, кн. Михаилъ Радзивилъ, кастеляны: Антонъ Глисчинскій, Михаилъ Кохановскій, Матвѣй Водчинскій и генералъ Лудвигъ Пацъ; отъ камеры депутатовъ: кромѣ маршала Островскаго, Іоаннъ Ледоховскій отъ Кракова, Францъ Солтыкъ отъ Сандомира, Ѳеофилъ Моравскій отъ Калиша, Іосифъ Свирскій отъ Люблина, Игнатій Дембовскій отъ Плоцка, Константинъ Езерскій отъ Мазовіи, Игнатій Венцикъ отъ Подляхіи и Іосифъ Вишневскій отъ Августова. Тогда же была назначена коммиссія для составленія манифеста, въ которую избраны слѣдующія лица: изъ депутатовъ: Зверковскій, Густавъ Малаховскій, Свидзинскій, Бернацкій и Лелевель; изъ сенаторовъ: плоцкій епископъ Празмовскій, воевода Міончинскій и кастеляны: Михаилъ Потоцкій и Станиславъ Малаховскій.

По окончаніи всего вышесказаннаго, обѣ камеры соединились для принятія генерала Хлопицкаго и провозглашенія его диктаторомъ. Генералъ вошелъ въ залу засѣданія въ полномъ мундирѣ, украшенный всѣми орденами, въ томъ числѣ и русскими; увидѣвъ у входа вооруженную почетную гвардію, онъ приказалъ ей удалиться, такъ какъ, по его словамъ, было неприлично, чтобы вооруженные люди присутствовали въ залѣ народныхъ представителей. Чарторижскій встрѣтилъ Хлопицкаго объявленіемъ, что нація вручаетъ ему высшую власть, въ надеждѣ что онъ употребитъ ее только для ея блага. Онъ отвѣчалъ на это: «По мѣрѣ силъ моихъ я буду стараться оправ-«дать оказанное мнѣ довѣріе; я принимаю этотъ санъ потому «только, что обстоятельства, по моему мнѣнію, дѣлаютъ не-«обходимымъ сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ.» Въ заключеніе онъ обрадовалъ собраніе словами, которыхъ отъ него вовсе не ожидали: «Если сеймъ»—сказалъ онъ—«опять «лишитъ меня моего званія, то, преклонивъ главу предъ досто-«инствомъ народа, я безропотно возвращусь къ частной жизни.» Этимъ видимымъ смиреніемъ, приличнымъ его силѣ, онъ польстилъ гордости членовъ сейма и покорилъ себѣ всѣ сердца. Едва онъ умолкъ, какъ раздались крики: «да здравствуетъ отечество! да здравствуютъ представители и диктаторъ!» Собравшіеся на улицахъ толпы народа съ радостью повторяли

эти восклицанія. Вслѣдъ затѣмъ президентъ сената объявилъ засѣданія камеръ отсроченными на неопредѣленное время.

Тотчасъ послѣ своего вторичнаго избранія, диктаторъ упразднилъ временное правленіе и замѣнилъ его высшимъ національнымъ совѣтомъ, который подъ его руководствомъ долженъ былъ завѣдывать всѣмъ управленіемъ страны и въ которомъ министры присутствовали наравнѣ съ прочими членами. Диктаторъ избралъ членами этого совѣта: князей Чарторижскаго и Радзивила, маршала сейма Островскаго, кастеляна Дембовскаго, извѣстнаго своими способностями по финансовой части, и замѣчательнаго своею дѣятельностью депутата Борзиковскаго. Актъ учрежденія опредѣлилъ обязанности этого совѣта, состоящія въ слѣдующемъ: снабдить казначейство нужными фондами, произвести вооруженіе арміи, озаботиться о доставленіи необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, наблюдать за судопроизводствомъ, пещись объ общественномъ порядкѣ и безопасности и распространять національный духъ. Для отдѣльныхъ отраслей управленія были назначены особые министры, а именно: министромъ финансовъ, за отсутствіемъ Любецкаго, назначенъ былъ Лудвигъ Ельскій; военнымъ министромъ—генералъ Исидоръ Красинскій; юстиціи—Бонавентура Немоіевскій; духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія—Лелевель; внутреннихъ дѣлъ и полиціи—Томашъ Лубенскій. Такимъ образомъ на управленіе страной имѣли вліяніе четыре различныя власти, которыя безпрестанно сталкивались между собою: вопервыхъ, диктаторская власть съ неограниченнымъ кругомъ дѣйствій; затѣмъ власть контрольнаго отдѣленія, имѣвшаго право вмѣшиваться рѣшительно во все и во всякое время отрѣшить какъ диктатора, такъ и всѣ назначенныя имъ власти; подъ вѣдѣніемъ диктатора состоялъ національный совѣтъ, который, подобно прежнему временному правленію, надзиралъ за всѣми отраслями администраціи и могъ, безъ разрѣшенія диктатора, приводить въ дѣйствіе существующіе уже законы; наконецъ еще министерства, имѣвшія въ своемъ завѣдываніи тѣ же самыя отрасли какъ и совѣтъ. Изъ этого можно имѣть понятіе о запутанности и безпорядкахъ въ управленіи, которыя возникали тѣмъ скорѣе, что каждый

членъ каждаго изъ названныхъ учрежденій старался выказать въ наилучшемъ свѣтѣ свою дѣятельность и усердіе къ службѣ. Къ довершенію этого нужно замѣтить, что почти всѣ члены національнаго совѣта, бывшаго въ зависимости отъ диктатора, въ то же время состояли членами контрольной надъ нимъ коммиссіи, и слѣдовательно имъ очень часто приходилось становиться въ противорѣчіе со своими обязанностями. Сверхъ того національный совѣтъ раздѣлилъ свое управленіе на пять департаментовъ, и каждому изъ членовъ поручилъ завѣдываніе однимъ изъ нихъ; чрезъ это члены національнаго совѣта безпрестанно приходили въ столкновенія съ министрами, и часто по одному и тому же вѣдомству отдавались самыя противорѣчащія приказанія. И въ нисшихъ управленіяхъ было не лучше,— чиновниковъ безпрестанно мѣняли, переводили изъ одного вѣдомства въ другое, старыхъ и опытныхъ служакъ замѣняли молодыми людьми, часто не имѣвшими основныхъ понятій о назначенномъ имъ кругѣ дѣйствій, и которымъ съ большимъ трудомъ только удавалось свыкнуться съ новымъ родомъ занятій. Все это возбуждало сильное неудовольствіе въ странѣ.

Между тѣмъ Великій Князь безпрепятственно продолжалъ свой маршъ. По приказанію диктатора продовольствіе и подводы были повсюду доставляемы Ему безъ всякихъ остановокъ. $^{7}/_{25}$ декаб. ноябр. Онъ не безъ затрудненій переправился на паромахъ чрезъ Вислу, у Пулавы и двинулся оттуда на Куровъ и Любартовъ (гдѣ графиня Малаховская, урожденная кн. Сангушко, принимала Великаго Князя съ особымъ гостепріимствомъ) къ Влодавѣ, гдѣ перешелъ Бугъ и вступилъ на русскую землю $^{14}/_{2}$ декабря. Можно себѣ представить общую радость, когда удалось наконецъ послѣ затруднительнѣйшаго двѣнадцати-дневнаго похода, въ самую суровую пору года, достигнуть границъ отечества, которое многіе не надѣялись уже болѣе увидѣть. Имущество офицеровъ и солдатъ оставалось въ Варшавѣ, и впослѣдствіи только весьма немногіе нашли отъ него кое-какіе остатки. Въ Влодавѣ отдѣлился отъ Великаго Князя, адъютантъ его, полков. Турно, считавшій дѣломъ чести проводить русскія войска до границъ государства. Со времени варшавскихъ происшествій

Великимъ Княземъ овладѣло какое-то уныніе. Онъ былъ по прежнему исполненъ кротости и милосердія, но глубокая скорбь выражалась на Его лицѣ; Онъ и не скрывалъ даже своего намѣренія, совершенно удалиться отъ дѣлъ и провести остатокъ дней въ спокойствіи и уединеніи. «Карьера моя навсегда окончилась», не разъ говаривалъ Онъ, и присовокуплялъ тихимъ голосомъ: «на свѣтѣ не существуетъ благодарности». Достойно замѣчанія еще одно обстоятельство, которое Онъ высказалъ посланнымъ къ Нему депутатамъ Люблинскаго воеводства: что не смотря на многочисленныя донесенія и предостереженія, особенно со стороны Государя, который съ братскою нѣжностью заклиналъ Его соблюдать большую осторожность,—возстаніе въ Варшавѣ было для Него совершенно неожиданно. Онъ слишкомъ любилъ Поляковъ для того, чтобы не расчитывать на взаимную любовь съ ихъ стороны! Даже во время своего похода Онъ выказывалъ свое расположеніе къ польскимъ солдатамъ. Встрѣчая нѣкоторыхъ изъ нихъ, идущихъ къ своимъ полкамъ, Онъ останавливалъ ихъ, ласково разговаривалъ съ ними, поощрялъ исполнить свой долгъ и никогда не отпускалъ ихъ, не одаривъ щедрою рукой.

Невыразимо было впечатлѣніе, которое извѣстіе о возстаніи произвело въ Петербургѣ, Москвѣ и вообще во всей Россіи; крикъ негодованія, требованія наказанія и мщенія раздались отвсюду. Императоръ Николай получилъ первое неожиданное извѣстіе о возстаніи въ ночь на $^{6}/_{24}$ декабря. ноября. Когда на другой день, послѣ парада, Государь собралъ вокругъ себя генераловъ и офицеровъ и объявилъ имъ о варшавскихъ происшествіяхъ: о мятежѣ войскъ, о покушеніи на жизнь Великаго Князя, объ умерщвленіи генераловъ, раздался единодушный возгласъ: «Веди насъ противъ нихъ!» Всѣ были готовы наказать мятежниковъ и пожертвовать послѣднею каплею крови для защиты любимаго Монарха. Негодованіе было такъ велико, что самъ Государь считалъ нужнымъ умѣрить его. Вѣдь не всѣ же жители Варшавы или Царства одинаково виновны и одинаково принимали участіе въ заговорѣ; нужно отличать обольстителей отъ обольщенныхъ и наказывать только первыхъ. «По-

(x) Записки французскаго посланника въ Петербургѣ. Дворянскій сборникъ 1866 г. № 5 и № 6.

*

кажемъ имъ» — говорилъ великодушный Государь — «справедли-«вость, но безъ мести; непоколебимую стойкость въ борьбѣ за «честь государства, но безъ ненависти, снисходительность для «всѣхъ кающихся, но безъ слабости!»

Въ первомъ донесеніи Великаго Князя говорилось конечно только объ одномъ заговорѣ военныхъ, распространенія коего еще нельзя было опредѣлить; поэтому казалось возможнымъ, что Великій Князь самъ, съ войсками, оставшимися вѣрными долгу или съ помощію Литовскаго корпуса, будетъ въ состояніи подавить это возстаніе; вслѣдствіе этого Литовскій корпусъ и получилъ приказаніе вступить въ Польшу (*). Но ближайшія вслѣдъ за тѣмъ донесенія доказали обширное распространеніе заговора. Поэтому, первоначальное распоряженіе было отмѣнено до полученія дальнѣйшихъ извѣстій отъ Великаго Князя, въ томъ вниманіи, чтобы не увеличить смѣлость мятежниковъ, давая имъ случай одержать успѣхи надъ незначительными силами Русскихъ. Взамѣнъ того, 1-й пѣхотный корпусъ, расположенный въ остзейскихъ губерніяхъ и въ Жмуди, и 3-й кавалерійскій корпусъ изъ Подоліи, получили приказаніе немедленно выступить въ походъ: первый изъ нихъ, оставивъ одну дивизію въ Вильнѣ, долженъ былъ двинуться по направленію къ Бѣлостоку, а второй — по направленію къ Хелму; впослѣдствіи это послѣднее направленіе было измѣнено и вмѣсто Хелма приказано двигаться на Брестъ. Въ тоже время фельдмаршалъ гр. Сакенъ, находившійся въ Кіевѣ, получилъ предписаніе, въ случаѣ возстанія въ южныхъ русско-польскихъ губерніяхъ, принять для подавленія его рѣшительныя мѣры, для чего употребить въ дѣло 3-й пѣхотный и 4-й и 5-й кавалерійскіе корпуса. Изъ

(*) Повелѣніе объ этомъ дано было $^{7}/_{25}$ декабря. Генералъ Розенъ долженъ былъ сосредоточить свои войска у Бреста и Бѣлостока, и затѣмъ прямо двигаться на Варшаву, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ Великаго Князя дальнѣйшихъ инструкцій. Онъ имѣлъ приказаніе только въ такомъ случаѣ вступить въ битву съ инсургентами, если будетъ имѣть вѣрную надежду на побѣду. Полки его корпуса должны были выступить со своими 3-ми баталіонами, впрочемъ потомъ эти послѣдніе остались въ резервѣ. Литовскій корпусъ, переименованный въ слѣдствіе этихъ происшествій въ 6-й, былъ расположенъ въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Бѣлостокской области.

этого видно, что въ странѣ не было недостатка въ войскахъ, для уничтоженія могущихъ случиться тамъ покушеній бунтовщиковъ.

Уже три дня послѣ того $^{19}/_{28}$ декабря ноября, командиръ Литовскаго корпуса, генералъ Розенъ, получилъ приказаніе, не ранѣе выступить противъ инсургентовъ, какъ по соединеніи всѣхъ своихъ силъ и прибытіи 1-го пѣхотнаго корпуса; ему разрѣшалось поступить иначе только въ такомъ случаѣ, если нужно будетъ поспѣшить на помощь Великому Князю и освободить Его изъ рукъ непріятеля. Въ то же время генералъ Муравьевъ, извѣстный своимъ посольствомъ въ Хиву, былъ посланъ съ 24-я гвардейскими офицерами для замѣщенія ими менѣе надежныхъ офицеровъ Литовскаго корпуса, въ особенности же гренадерской его бригады; эти послѣдніе должны были быть переведены въ 4-й пѣхотный корпусъ, расположенный въ Москвѣ.

Еще двумя днями позже, $^{12}/_{30}$ декабря ноября послѣдовалъ приказъ: генералу Розену, въ случаѣ нападенія на него превосходныхъ силъ мятежниковъ, дабы не подвергнуться отдѣльному пораженію, отступить къ Гродно на корпусъ гр. Палена, который форсированными маршами долженъ спѣшить къ нему на помощь. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ получались точнѣйшія свѣдѣнія, первоначальныя распоряженія измѣнялись: сперва велѣно было вступить въ Царство; потомъ приказано оставаться на границахъ до прибытія подкрѣпленій; впослѣдствіи, въ случаѣ нападенія, предписано медленное отступленіе на идущія подкрѣпленія. Наконецъ, при ежедневно увеличивающихся слухахъ о распространеніи возстанія, $^{13}/_{1}$ декабря было рѣшено сформированіе особой арміи, въ составѣ 3-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ побѣдителя Турокъ, гр. Дибича–Забалканскаго; къ ней же долженъ былъ присоединиться сверхъ того еще Гвардейскій корпусъ. Въ то же время пограничныя или сосѣдственныя Польшѣ губерніи: Виленская, Гродненская, Минская, Волынская, Подольская и Бѣлостокская область объявлены на военномъ положеніи и подчинены также главному начальству Дибича.

Между тѣмъ кн. Любецкій и гр. Езерскій съ паспортами

отъ Великаго Князя успѣли доѣхать до Нарвы; здѣсь, по повелѣнію Государя, они были задержаны и спрошены, представителями чего являются они, потому что какъ польскихъ пословъ, Государь ихъ принять не можетъ, такъ какъ Онѣ въ первый разъ слышитъ о существованіи независимаго польскаго правительства. Кн. Любецкій объявилъ, что онъ какъ министръ ѣдетъ въ Петербургъ, дабы отдать Монарху отчетъ въ случившихся происшествіяхъ отъ имени административнаго совѣта; а гр. Езерскій представился въ качествѣ польскаго депутата. Послѣ сего они получили позволеніе продолжать путь. $^{13}/_{25}$ декабря прибыли они въ Петербургъ. Еслибы требованія, представленныя ими были болѣе умѣренны, то примиреніе не было бы невозможно. Хотя въ первыя минуты негодованіе Государя противъ Поляковъ выразилось весьма рѣзко: но вскорѣ Его обычная доброта взяла верхъ, и Онъ былъ готовъ выслушать ихъ жалобы и, на сколько они справедливы, обѣщать на будущее время отстраненіе поводовъ къ нимъ.

Незадолго до сего, $^{17}/_{5}$ декабря Государь издалъ прокламацію къ Полякамъ, въ которой обѣщалъ имъ прощеніе и забвеніе случившагося, если они добровольно покорятся, и исполнятъ слѣдующія главныя условія: тотчасъ освободятъ всѣхъ плѣнныхъ русскихъ подданныхъ; немедленно вновь возстановятъ учрежденный Государемъ въ 1826 г. административный совѣтъ, и въ тоже время прекратятъ дѣйствіе всякой другой власти, неимѣющей законнаго происхожденія. Польскія войска должны собраться у Плоцка, гдѣ они получатъ дальнѣйшія приказанія Государя. Похищенное изъ арсенала, оружіе должно быть возвращено, и всякое, въ слѣдствіе безпокойствъ допущенное, вооруженіе прекращено. Въ заключеніе Государь объявлялъ, что Онъ никогда не согласится вести переговоры съ заговорщиками, людьми безъ чести и совѣсти. Несчастіе, пріуготовленное ими своему отечеству пусть обрушится со всею силою на ихъ собственныя головы; тѣмъ, которые поддались минутному заблужденію, предстоитъ возможность получить помилованіе, но никогда и никакъ Онъ не согласится на уступки, требованіе которыхъ предъявляютъ съ оружіемъ въ рукахъ. Флигель-адъю-

тантъ, полк. Гауке, братъ умерщвленнаго генерала, былъ посланъ въ Варшаву, дабы пригласить Поляковъ возвратиться къ своему долгу (*). Но на это было мало надежды, и молодые офицеры, собравшіеся въ пріемныхъ диктатора, встрѣтили самоувѣренными насмѣшками слова полковника Гауке.

Единственный человѣкъ, который могъ бы еще устроить примиреніе, съ каждымъ днемъ терялъ свое вліяніе, въ слѣдствіе безпрерывныхъ козней партіи Лелевеля. Тысячью различныхъ средствъ съумѣла она отдалить отъ Хлопицкаго всѣ умы и даже отвратить отъ него молодыхъ людей почетной гвардіи, еще такъ недавно отправившихъ къ нему печатное изъясненіе, въ которомъ они высказывали полнѣйшую преданность. Такъ увидѣлъ наконецъ диктаторъ себя одного посреди грозныхъ тучь, собиравшихся надъ его главою, покинутымъ всѣми и всѣмъ, кромѣ своей твердой воли и неустрашимости. Видя ежедневно возрастающее могущество враждебной ему партіи и убѣдившись, что нужно покинуть всякую надежду спасти свое отечество предположеннымъ имъ путемъ, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ принести ему въ жертву свою жизнь; но прежде рѣшился испробовать еще одно средство; если бы оно не удалось, тогда оставалось все предоставить судьбѣ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ продолжались волненія. Анархія не оставалась въ бездѣйствіи: время отъ времени происходили народные безпорядки въ предмѣстьяхъ; то пытались разграбить Францисканскую улицу, гдѣ Евреи имѣли свои магазины; то вооруженныя шайки бродили по городу, провозглашая имена Лелевеля и Мохнацкаго. Однакожъ диктатору удалось подавить всѣ смятенія въ самомъ зародышѣ.

Редакторы манифеста употребили около десяти дней на его сочиненіе. Густавъ Малаховскій, Нѣмцевичъ, Лелевель, Морозевичъ представили каждый свои особые проекты; Свидзинскій, владѣвшій болѣе другихъ даромъ слова, долженъ былъ составить общее извлеченіе изъ нихъ; Лелевель, Зверковскій и Морозевичъ помогали ему въ этомъ трудѣ. Хотѣли обнародовать

(*) Онъ прибылъ въ Варшаву $^{16}/_{4}$ декабря.

манифестъ немедленно, но диктаторъ потребовалъ, чтобы онъ былъ представленъ предварительно на его разсмотрѣніе. Но составители, безъ его вѣдома, опираясь только на согласіе контрольнаго отдѣленія и съ тайною цѣлью навсегда разрушить только-что начавшіеся переговоры, приказали сначала отлитографировать манифестъ, а потомъ и напечатали его, хотя безъ подписей, сперва въ Польскомъ куръерѣ, а потомъ мало-помалу и въ другихъ журналахъ; однакожъ многіе изъ редакторовъ, страшась гнѣва диктатора, неохотно принимали его. Хлопицкій былъ въ высшей степени раздраженъ такимъ поспѣшнымъ обнародованіемъ манифеста вопреки его запрещенію; онъ горько жаловался на это обстоятельство, и оно было поводомъ къ жестокой ссорѣ съ контрольнымъ отдѣленіемъ, которая съ тѣхъ поръ продолжалась до самаго конца диктатуры.

Главная цѣль манифеста заключалась въ томъ, чтобы склонить на свою сторону общественное мнѣніе Европы. Прежде всего Поляки были выставлены въ немъ, какъ народъ храбрый и несчастный въ одно и то же время, народъ, успѣвшій пріобрѣсти себѣ и почетъ, и славу на поляхъ битвъ Европы, но въ то же время съ вопіющею несправедливостью вознаграждаемый за это; далѣе выставлялась неколебимая вѣрность Поляковъ великому человѣку, котораго они до конца поддерживали и съ которымъ вмѣстѣ погибли. Затѣмъ слѣдовала мрачная картина терпимыхъ ими несправедливостей и страшныхъ притѣсненій. Но въ 1-й главѣ мы уже достаточно разсмотрѣли, и успѣхи, сдѣланныя Польшею во время владычества Россіи, и тотъ контрастъ, который существовалъ между бѣдностію и бѣдствіями прежнихъ лѣтъ и благосостояніемъ позднѣйшаго времени, когда вспыхнула революція. Улучшенія произошли не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи, какъ старались увѣрить Поляки. Съ-тѣхъ-поръ какъ, устраненіемъ внѣшнихъ препятствій, было положено основаніе духовному благосостоянію, (ибо пока разумъ принужденъ бороться съ физическими потребностями, онъ не имѣетъ силы для того, чтобы возвыситься до отвлеченной дѣятельности), науки и искусства возвысились какъ никогда прежде; можетъ быть даже Польша никогда не

пользовалась въ такой мѣрѣ истинною свободою, свободою, исключающею своеволіе, свободою, которая существовала не для одной привилегированной касты, но для всѣхъ одинаково. Далѣе, въ манифестѣ передача страны подъ русскій скипетръ была представлена такъ, какъ будто бы повелители Европы, принимая участіе въ Польшѣ, поставили Императору Александру непремѣннымъ условіемъ сдѣлать для нея все то, что, какъ мы видѣли, было исполнено Государемъ безъ всякаго посторонняго побужденія, а единственно по Его собственной волѣ; при этомъ исчислялись еще всѣ пожертвованія сдѣланныя Поляками и многочисленныя обязанности, которыми будтобы Государь былъ связанъ въ отношеніи къ нимъ.

Манифестъ признавалъ, что Поляки пользовались національными учрежденіями и свободою, но они пріобрѣли эти блага, только пожертвовавъ своею независимостью. Здѣсь кстати было бы предложить вопросъ: была ли Польша независима, когда повиновалась приказаніямъ Наполеона, или въ то время, когда Императоръ Александръ вступилъ во владѣніе ею? «Дарованная Императоромъ національность», говоритъ манифестъ, «была только приманкою для Поляковъ, подвластныхъ «сосѣднимъ государствамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оружіемъ противъ «этихъ государствъ»; но въ противорѣчіе съ этимъ показаніемъ, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ національность называется пустымъ призракомъ. Послѣ такого вступленія, начинается исчисленіе различныхъ притѣсненій, при чемъ правительству приписываются постоянно самыя недружелюбныя цѣли: «введеніе строгой «военной дисциплины», говоритъ манифестъ, «имѣло предметомъ «униженіе арміи и уничтоженіе въ ней чувства собственна«го достоинства; мѣры Государя въ отношеніи конституціи «имѣли цѣлью будто бы уничтожить хитростью то, что было «дано противъ воли; народное богатство было поглощаемо мо«нополіями, финансы расточаемы на жалованье наемникамъ и «шпіонамъ.» На это можно возразить, что кромѣ чиновниковъ и войска никто не получалъ содержанія, а финансы были въ столь хорошемъ положеніи, что съ найденными капиталами Поляки имѣли возможность въ теченіи 7-ми мѣсяцевъ поддержи-

вать войну противъ Россіи. Это послѣднее обстоятельство блестящимъ образомъ опровергаетъ и дальнѣйшія жалобы на огромное жалованье, получаемое нѣкоторыми избранными лицами, на щедрыя награды и т. д. Что касается до притѣсненія воспитанія, о которомъ упоминается вслѣдъ затѣмъ, то объ этомъ было уже говорено прежде. На этомъ мѣстѣ прерывается трудъ Свидзинскаго, и начинается изложеніе Лелевеля, отличающееся особенными преувеличеніями. «На національныя вос-«поминанія», говоритъ онъ, «смотрѣли какъ на государственную «измѣну, и преслѣдовали Поляковъ за то, что они называли «себя Поляками; дѣти были вырываемы изъ объятій матерей, «и надежды уважаемыхъ семействъ ссылались въ Сибирь (на «самомъ дѣлѣ только два гимназиста, Моллесонъ и Тюръ, хо-«тѣвшіе по собственному признанію, умертвить Великаго Кня-«зя, (см. выше) сосланы въ Сибирь) (*); Польскій языкъ былъ «вытѣсненъ изъ публичныхъ преній и школьнаго преподаванія, «гражданскія права уничтожены указами, помѣщики разорительнымъ управленіемъ повергнуты въ бѣдность, а нетерпимость «греческаго духовенства къ иновѣрію постоянно препятствова-«ла свободѣ католической церкви.» Однакожъ для всѣхъ этихъ доводовъ недостаетъ доказательствъ: школьное преподаваніе и судопроизводство производились всегда на польскомъ языкѣ, а указы служили только вспомогательными законами, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ старый литовскій статутъ оказывался недостаточнымъ. Подъ разореніемъ помѣщиковъ, вѣроятно подразумѣвается то легкомысліе, съ которымъ нѣкоторые изъ нихъ употребляли во зло благодѣтельное учрежденіе земскаго кредитнаго банка, а что касается упрека греческому духовенству, то его терпимость, въ противоположность польскому (нужно вспомнить только о диссидентахъ) извѣстна всему свѣту.

Затѣмъ опять начинаются жалобы Свидзинскаго «на доба-

(*) Въ Сибирь, взятую въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. въ азіатскую Россію. Въ польскомъ смыслѣ, Сибирь начинается тамъ, гдѣ прекращается старопольская граница, и если кто либо былъ посылаемъ въ Москву, Ярославль, Воронежъ, или въ другіе русскіе губернскіе города, какъ то было со многими польскими генералами, то польскіе журналы тотчасъ извѣщали о ссылкѣ ихъ въ Сибирь.

«вочный актъ, на удаленіе одного депутата (см. выше), на за-«точеніе значительнѣйшихъ членовъ сената и депутатовъ, си-«гналъ къ которому подало петербургское возмущеніе, на еже-«дневныя заключенія тысячъ жертвъ въ тюрьмы, и наконецъ на «страшныя мученія, которымъ ихъ обрекали.» Подобныя вещи не требуютъ опроверженія. Побудительныя причины къ изданію добавочнаго акта мы изъяснили въ 1-й главѣ; изъ членовъ сената и депутатовъ никто не былъ арестованъ, исключая Станиислава Солтыка, главы патріотическаго союза; для ежедневно арестовываемыхъ тысячь, недостало бы мѣста въ тюрьмахъ, а объ ужасныхъ мученіяхъ можно себѣ составить понятіе изъ забавнаго доказательства, приводимаго Шпациромъ въ его исторіи польскаго возстанія; по его словамъ: Адольфъ Чиховскій въ своей тюрьмѣ былъ подвергнутъ страшнѣйшей пыткѣ: два казака должны были безпрерывно и пристально смотрѣть на него.

Изобразивъ такими красками несчастную судьбу Польши, манифестъ блестящимъ образомъ превозноситъ польскую націю; между прочимъ онъ упоминаетъ о томъ, какъ выбили непріятеля изъ столицы и какъ великодушно допустили Великаго Князя отступить. Дабы склонить народы Европы къ поддержкѣ возстанія вооруженною силою, манифестъ исчисляетъ всѣ выгоды, которыя произойдутъ въ случаѣ побѣды Поляковъ, и вредъ для всего свѣта, который повлечетъ за собою подавленіе ихъ возстанія. «Поляки», сказано въ немъ, «суть спасители свободы, которой хотятъ на-«нести смертельный ударъ; они будутъ оберегать и защищать «цивилизацію и не допускать до Европы дикія орды сѣвера; «для сосѣднихъ народовъ, владѣющихъ частями Польши и пи-«тающихъ можетъ быть недовѣріе къ нимъ, они будутъ служить «только опорою, блюстителями и защитниками ихъ свободы; если-«бы даже они не были поддержаны, то они все-таки рѣшились «одни вести борьбу за всѣхъ, и если принуждены будутъ пасть, то «умрутъ съ сладкимъ чувствомъ: что они защищали человѣческія «права европейскихъ народовъ.» Не говоря уже о крайней самонадѣянности, съ которою 4 милліона людей брали на себя покровительство 160 мил., Поляки хотѣли еще увѣрить, что пред-

приняли свою революцію за Австрію и Пруссію, дабы служить имъ оплотомъ противъ Россіи; за Францію, чтобы не сражаться противъ нея; за всю Европу, дабы оберегать ея права и свободу. Но, не желая, съ другой стороны, остаться съ пустыми руками за всѣ свои труды, они сознались въ концѣ манифеста, хотя и въ противорѣчіе съ прежними показаніями, что они имѣютъ цѣлію нетолько независимость, но и завоеваніе прежде бывшихъ польскихъ провинцій.

Кромѣ общихъ, въ манифестѣ приведенныхъ жалобъ, польскіе революціонеры, частію въ манифестѣ, частію въ другихъ распространенныхъ сочиненіяхъ, придавали важность преимущественно слѣдующимъ жалобамъ, стараясь выставить ихъ главнымъ поводомъ къ возстанію: Притѣсненіе свободы книгопечатанія, тайная полиція, несовершенство судопроизводства, пребываніе русскихъ войскъ въ Варшавѣ, непредложеніе бюджета, наконецъ требованія независимости и соединенія съ литовскими провинціями.

Вначалѣ пресса была совершенно свободна; но когда Поляки, въ подражаніе французскимъ революціоннымъ журналамъ, начали печатать нападки на правительство, возбуждать страсти толпы и даже угрожать открытымъ насиліемъ, тогда нашлись вынужденными, до изданія постояннаго закона о печати, временно учредить цензуру. Само собою разумѣется, что Императоръ Александръ не могъ терпѣть наглой дерзости польскихъ журналистовъ, въ такую минуту, когда всѣ европейскія правительства были вынуждены принять мѣры противъ разрушительнаго вліянія французской прессы. Впрочемъ Поляки сами дали лучшее доказательство благоразумія этой мѣры, когда вслѣдствіе ихъ пресловутой революціи, имъ пришлось управлять по своему собственному усмотрѣнію. Тогда подобныя личности, какъ Лелевели, Мохнацкіе, Гуровскіе, Островскіе, Жуковскіе, Яновскіе и тому подобныя, вдругъ выказались изъ мрака, окружавшаго ихъ до-сихъ-поръ и захватили въ свои руки всю силу и всю власть надъ страною. Результатъ былъ тотъ, что никакая частная или общественная репутація не могла устоять предъ ними; что они всюду вмѣшивались, со всѣми

спорили и на всѣхъ клеветали; что они своими происками лишали силы и популярности одно правительство вслѣдъ за другимъ и потомъ свергли ихъ всѣхъ; что знаменитѣйшіе представители націи были систематически очерняемы посредствомъ журналовъ, и потомъ преслѣдуемы какъ враги отечества и измѣнники; что такіе люди, какъ Хлопицкій, Скржинецкій, Чарторижскій только своимъ удаленіемъ отъ дѣлъ или бѣгствомъ успѣли избѣжать позорной смерти, которой все-таки подвергся Янковскій и другіе. Именно этой самой свободѣ печати, люди, ни въ чемъ невинные, были обязаны тѣмъ, что ихъ считали измѣнниками и заключали въ тюрьмы, хотя впослѣдствіи были принуждены формально признать ихъ правоту, какъ это случилось напр. въ дѣлѣ одного честнаго нѣмца, по имени Лёсселя. Эта прославленная свобода прессы зашла такъ далеко, что даже самые покровители революціи, люди помогавшіе ея возбужденію и при русскомъ правительствѣ весьма громко кричавшіе о ней, какъ напр. престарѣлый Нѣмцевичъ (*), Брюно, Кицинскій, Іоаннъ Ледоховскій, Густавъ Малаховскій и другіе, даже эти люди, когда они добились столь желаемой свободы и могли видѣть на дѣлѣ ея результаты, возстали противъ нее, и стали теперь также ревностно говорить противъ свободы пе-

(*) Онъ говоритъ слѣдующее: «Въ нашихъ газетахъ не щадятъ ни чести, ни «репутаціи ближнихъ, ни даже женскаго пола, защищать который есть обязан«ность всякаго благороднаго человѣка. Съ нѣкоторыхъ поръ въ нашихъ періо«дическихъ изданіяхъ обнаруживается колкость, язвительность, злоба, стараніе «унизить и оскорбить безъ пощады и безъ всякаго повода. Зависть мелкихъ душъ «въ особенности обращается на зажиточныхъ гражданъ; безъ судебнаго изслѣ«дованія, безъ всякихъ доказательствъ ихъ прямо называютъ измѣнниками. Нѣтъ «болѣе ничего святаго, рѣшительно все служитъ предметомъ нападокъ. Подобныя «горькія оскорбленія, безпрерывно повторяющіяся, наполняютъ всѣ сердца глубо«кою печалью. Здѣсь жена плачетъ объ оскорбленіи своего мужа, тамъ сестра «жалуется на несправедливость, претерпѣваемую ея братомъ, тамъ сынъ готовитъ «мщеніе за свою обиженную мать: во всѣхъ семействахъ господствуютъ печаль «и горькое раздраженіе. Сочинители подобныхъ статеекъ дѣлаютъ себѣ изъ нихъ «простую забаву и «Я такъ порядочно отдѣлалъ такого-то», говоритъ одинъ изъ «нихъ другому, и не думаетъ о послѣдствіяхъ подобной игры; оскорбленіе добра«го имени не забывается; отсюда происходятъ постоянныя неудовольствія, раз«доры, поединки. Что сталось бы съ человѣческимъ обществомъ, еслибы каж«дому предоставлялось право безнаказанно нападать на самыя драгоцѣнныя бла«га своего ближняго, на его жизнь и честное имя? Мы живемъ въ такое время, «когда всѣ эгоистическія страсти, подобно вѣтрамъ сталкивающимся съ четырехъ

чати, какъ прежде говорили за нее. Подъ-конецъ дошло до того, что каждый былъ принужденъ добывать удовлетвореніе палкою за оскорбленіе, нанесенное перомъ. Скржинецкій преимущественно потому лишился популярности, что объявилъ себя противъ своевольства печати и даже присовѣтовалъ палку, какъ противодѣйствующее средство. Ни одна репутація даже частнаго человѣка не оставалась неприкосновенной; кто имѣлъ тайнаго врага, могъ заранѣе знать, что будетъ обвиненъ въ «Nowa Polska» или въ «Польскомъ курьерѣ», какъ измѣнникъ, приверженецъ Россіи или тайный противникъ революціи. И подобныя нападки въ эту эпоху революціи были тѣмъ опаснѣе, что народъ вѣрилъ журналамъ и тотчасъ на мѣстѣ производилъ судъ и расправу. Правительство напротивъ того, встрѣчало препятствіе во всѣхъ своихъ мѣрахъ. Между сотнями сотрудниковъ журналовъ, каждый имѣлъ свое особое мнѣніе, свой особый путь, по которому страна должна была быть спасена. Если правительство не точно слѣдовало этому пути, оно уже было неправо и подвергалось порицаніямъ. Но между предложенными путями нужно было избрать только одинъ; слѣдовательно, всякій разъ правительство, естественно, имѣло болѣе голосовъ противъ себя чѣмъ на своей сторонѣ. Къ тому

«странъ свѣта, создаютъ грозные кумиры ненасытнаго честолюбія; никто не до-«вольствуется исполненіемъ своихъ обязанностей; всякій считаетъ себя создан-«нымъ къ обладанію высшими должностями и властью надъ своими ближними; «каждый считаетъ себя представителемъ всей націи. Одинъ пишетъ, что нужно «разрушить устарѣлые предразсудки, другой, что нѣтъ болѣе другаго закона «кромѣ революціонной необходимости и что народъ есть единственный судья. «Наконецъ третьи восклицаютъ: Пусть всѣ эти господа откажутся отъ своихъ «должностей и уступятъ мѣсто достойнѣйшимъ Несчастные! они сами не знаютъ «чего хотятъ; они не знаютъ, что въ настоящее время нѣтъ большаго мученія какъ «быть государственнымъ чиновникомъ. Мы сдѣлаемъ лучше»—заключаетъ Нѣмцевичъ, — «если откажемся отъ этихъ колкостей, будемъ обуздывать черезъ-чуръ «сильное увлеченіе; можно не совсѣмъ такъ думать, какъ вы господа, и все-таки «быть хорошимъ Полякомъ. Люди крайней партіи угрожаютъ *покинуть насъ*, «если не будетъ клубовъ, если не будетъ неограниченной свободы печати; мнѣ «кажется, что было бы благороднѣе остаться; вѣдь есть же возможность *и безъ «клубовъ, и съ законами противъ клеветы,* жить свободно и спокойно.» А въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ: «*Нація не желаетъ революціонныхъ потрясеній; мятежная часть варшавскаго населенія не есть нація.*» Почти въ томъ же духѣ писали Брюно, Кицинскій, Ледоховскій и другіе.

же большая часть журналистовъ были молодые, неопытные, едва оставившіе училища люди, повинующіеся только голосу своихъ личныхъ страстей.

И прежде Поляки никогда не могли похвастаться большою свободою печати; Іезуиты постоянно заботились о томъ, чтобы ничто не было пропущено и печатано, что было противно ихъ государственнымъ или церковнымъ цѣлямъ. Одинъ уважаемый польскій исторіографъ выражается слѣдующимъ образомъ объ этомъ состояніи общества: «Почти одни только «священныя книги, наполненныя полемикою противъ иновѣр«цевъ дозволялись къ печати; всѣ типографіи были въ рукахъ «духовенства и подъ строжайшею цензурою Іезуитовъ, запре«щавшихъ даже ввозъ изъ-за границы полезныхъ книгъ подъ «предлогомъ, что они заражены расколомъ. Духовенство дума«ло только объ увеличеніи своихъ преимуществъ и объ угне«теніи иновѣрцевъ; кто болѣе выказывалъ духъ нетерпимо«сти и гоненія, тотъ былъ болѣе почитаемъ. Кромѣ бого«словія ни одна наука не могла развиваться свободно (*).»

Послѣ ограниченія свободы печати, Поляки болѣе всего приводили жалобъ противъ тайной полиціи, которая знала всякое дѣйствіе, подслушивала всякое откровенное слово, которая проникала даже въ семейства, такъ что отецъ не довѣрялъ сыну, сынъ отцу, братъ брату » Для исполненія всего этого, число шпіоновъ должно было быть по-крайней-мѣрѣ на половину противъ числа жителей; да въ этомъ никто и не сомнѣвался, и въ каждомъ чужомъ лицѣ видѣли шпіона. Когда Поляки свергнули «нестерпимое иго» первымъ ихъ дѣломъ было, пріобрѣсти болѣе вѣрныя свѣдѣнія объ этой системѣ вывѣдыванія. Вслѣдствіе этого хватали всякое сколько нибудь подозрительное лицо. Натыкалась ли чернь на человѣка, физіономія коего не нравилась ей, тотчасъ кричали: «Это шпіонъ, повѣсить его» и счастливъ былъ онъ, если ему удавалось отдѣлаться простымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. На всѣхъ дорогахъ народъ останавливалъ

(*) Бандтке въ своей исторіи Польши, въ концѣ 2-го тома, въ описаніи правовъ 18-го столѣтія. (Dzieie Krolewstwa Polskiego. w Wroclawiu 1820 2 vol)

прохожихъ и проѣзжихъ, которые были потомъ отсылаемы въ варшавскія тюрьмы. Такимъ образомъ эти послѣднія мало-помалу совершенно наполнились. Но наконецъ удалось сдѣлать драгоцѣнное открытіе. Тщательно объискивая Бельведеръ, квартиры Куруты, Новосильцова, Рожнецкаго и т. д., взяли всѣ бумаги, въ надеждѣ найти въ нихъ много данныхъ, могущихъ быть полезными для возбужденія несогласій между кабинетами, а также для полученія доказательствъ для различныхъ обвиненій. Между бумагами полицейскаго чиновника Шлея нашли списокъ съ 5,000 именъ. Могло ли это быть что-либо другое какъ не списокъ шпіоновъ! вѣдь называли же шпіонами первыхъ сановниковъ, первыхъ генераловъ государства и людей, имѣвшихъ въ своемъ управленіи цѣлые департаменты! Не изслѣдовавъ хорошенько дѣла, поспѣшили возвѣстить во всѣхъ газетахъ, что наконецъ открытъ списокъ шпіоновъ; что число ихъ доходило до 5,000, и что для содержанія подобной арміи шпіоновъ были потребны ежедневно сотни тысячь злотыхъ; эти обвиненія были услужливо повторяемы иностранными журналами. Нарочная коммиссія была назначена дабы судить этихъ шпіоновъ; захваченныя у русскихъ чиновниковъ бумаги были переданы ей, и она начала изслѣдованіе, съ надеждою достигнуть важныхъ результатовъ; но изъ числа всѣхъ заключенныхъ только 22 человѣка дѣйствительно оказались виновными или подозрѣваемыми въ шпіонствѣ, такъ что всѣхъ остальныхъ пришлось освободить. Къ стыду журналистовъ и легковѣрныхъ, какъ въ самой Польшѣ, такъ и за границею, пришлось объявить что манускриптъ найденный у Шлея, былъ ни что иное, какъ рукопись напечатаннаго на 1830 годъ адресъ-календаря, заключающаго въ себѣ систематическій списокъ служащихъ, сенаторовъ, депутатовъ и духовенства; многіе же милліоны злотыхъ, которые должны были стоить шпіоны, оказались ариѳметическимъ упражненіемъ, сдѣланнымъ журналистами по первому же невѣрному предположенію. Далѣе оказалось, что многія лица, которыя были умерщвлены или заключены въ темницы по подозрѣнію въ шпіонствѣ, постоянно заступались за Поляковъ и защищали ихъ передъ высшими властями. Мы видѣ-

ли, какимъ возмутительнымъ образомъ былъ лишенъ жизни полковникъ Зассъ, человѣкъ безспорно достойный полнаго уваженія съ чѣмъ соглашаются даже его враги; изъ его бумагъ удостовѣрились, что онъ съ полною откровенностью возставалъ противъ злоупотребленій и обличалъ ихъ, что при всякомъ случаѣ онъ ходатайствовалъ за несчастныхъ и заступался за угнетаемыхъ. Даже сами революціонеры впослѣдствіи отдали ему эту справедливость (*). Другой примѣръ: купецъ Риттерихъ долго былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ за то, что въ то время какъ Поляки производили строжайшія изслѣдованія всѣхъ дѣйствій русскаго правительства и его чиновниковъ (**), онъ посылалъ донесенія въ Петербургъ. Тотчасъ послѣ возстанія Риттериха схватываютъ. Объискивая его бумаги, съ радостью находятъ черновыя этихъ донесеній, и что же въ нихъ видятъ? Ничто другое какъ откровенное изложеніе всѣхъ жалобъ Поляковъ и просьбы объ удовлетвореніи ихъ (***). Легко привести множество подобныхъ примѣровъ Къ величайшему стыду своему узнали, что небольшое число шпіоновъ были люди нищаго званія, не имѣющіе доступа ни въ какое порядочное общество, и которые, сверхъ того, будучи всѣмъ извѣстны за полицейскихъ агентовъ, не могли извѣстить ни о чемъ важномъ, а переносили только дневныя сплетни; что тысячи исторій, изобрѣтенныхъ ненавистью на счетъ генерала Рожнецкаго, были не болѣе какъ басни, что однимъ словомъ всѣ важныя открытія, которыя надѣялись сдѣлать съ цѣлью обвинить правительство, разлетѣлись какъ мыльные пузыри.

(*) Смотри сочиненія Подчашинскаго, Губе, Солтыка и др.

(**) Ни одна нація не имѣла столькихъ лазутчиковъ какъ Поляки: у нихъ все занималось шпіонствомъ: господа и слуги, служащіе и неслужащіе, женщины и дѣвушки высшихъ и нисшихъ сословій; и чѣмъ болѣе они шпіонствовали сами, тѣмъ болѣе имъ было досадно, если это же оружіе употреблялось противъ нихъ. Русское правительство не могло сдѣлать ни одного шага, который тотчасъ же не былъ бы открытъ заговорщикамъ, самыя секретныя мѣры немедленно были имъ извѣстны, (они сами признаются въ этомъ), и послѣ этого они же жалуются, что правительство для своей безопасности, въ свою очередь, старалось узнавать объ ихъ предпріятіяхъ.

(***) Смотри сочиненіе одного изъ яростнѣйшихъ враговъ Россіи, М Губе, который самъ былъ членомъ коммиссіи изслѣдованія: «Русская система страха и преслѣдованій.» Парижъ. 1832. ст. 221.

Можно смѣло утверждать, что число тайныхъ полицейскихъ агентовъ во французской монархіи съ республиканскими учрежденіями, даже въ одномъ Парижѣ, было болѣе чѣмъ во всемъ Царствѣ Польскомъ, даже если прибавить къ тому цѣлую Россію отъ Буга до китайской границы, и что во всякомъ случаѣ существованіе тайной полиціи было вызвано происками самихъ же Поляковъ. Каждое дѣйствіе влечетъ за собою противодѣйствіе и нѣтъ никакой возможности требовать, чтобы правительство беззащитно отдавало себя на произволъ всякаго скрытнаго нападенія. Но ложный страхъ, мнимое преслѣдованіе всѣхъ дѣйствій, всѣхъ словъ, всѣхъ мыслей, было только грознымъ призракомъ, терзавшимъ нечистую совѣсть заговорщиковъ. Еслибы полиція въ дѣйствительности была тѣмъ, чѣмъ ее выставляли, то обо всѣхъ этихъ заговорахъ нельзя было бы даже и подумать. Это обстоятельство поражаетъ даже людей мало способныхъ къ логическимъ выводамъ; дабы устранить его говорили: «ненависть къ Русскимъ до того овладѣла умами, что съ ними прекратили всякое сношеніе, почему они ничего не могли узнать.» Оставляя въ сторонѣ преувеличеніе этихъ словъ, вспомнимъ только что, во-первыхъ, шпіоны были не Русскіе, а Поляки; а во-вторыхъ, что еслибы всѣ суммы, о которыхъ разсказывали, были дѣйствительно обращены на содержаніе агентовъ, то безъ всякаго затрудненія можно бы было развѣдать о всѣхъ заговорахъ противъ правительства.

Что касается жалобъ на дурное правосудіе, то нужно замѣтить, что оно было въ рукахъ Поляковъ. Поэтому, если несмѣняемые судьи увлекались своевольными дѣйствіями, то кого же слѣдовало обвинять въ томъ? Разумѣется самихъ судей. И такъ, если въ этомъ отношеніи дѣйствительно было на что пожаловаться, то Поляки должны винить въ этомъ самихъ себя. Если они были безчестны, слабы, пристрастны, продажны, то тѣмъ хуже для нихъ. Къ сожалѣнію, во всѣ времена эти качества существовали между ними. Вотъ какъ описываетъ старое судопроизводство одинъ свѣдущій путешественникъ (*):

(*) Фридрихъ Шульцъ: «Путешествіе Лифляндца изъ Риги въ Варшаву». Берлинъ, 1797. часть II, стр. 110.

«Веденіе тяжбъ въ Польшѣ обходится весьма дорого. Высоко-
«мѣрныя, корыстолюбивыя и эгоистическія свойства характера
«Поляковъ легко вовлекаютъ ихъ въ ссоры съ сосѣдями и со-
«перниками, чему способствуютъ самые законы, весьма двусмы-
«сленные, неопредѣленные, и которыхъ смыслъ можетъ быть истол-
«кованъ по произволу; все это порождаетъ огромное количество
«тяжебныхъ дѣлъ. Такъ какъ въ Польшѣ обыкновенно человѣкъ,
«имѣющій на своей сторонѣ одно только право, безъ всякихъ по-
«сторонних пособій, признается неправымъ, то для поддержанія
«своего права необходимо задаривать стряпчихъ, докладчиковъ,
«судей. Но къ тому же средству прибѣгаютъ и противники, же-
«лающіе обратить неправильное въ правильное. Такъ возникаетъ
«двойная тяжба: одна сторона вооружается документами и за-
«конами, другая табакерками, перстнями и червонцами. При
«равновѣсіи тяжущихся сторонъ, стряпчіе и судьи, не желающіе
«сдѣлать вредъ ни одной изъ нихъ, прибѣгаютъ къ любимому
«средству польскаго судопроизводства — примиренію (medium
«terminum), и обѣ стороны остаются правы. Чрезъ это стряп-
«чіе и судьи пріобрѣтаютъ выгоды не только отъ настоящихъ
«тяжбъ, но и отъ будущихъ, потому что дѣло, отдаленное на
«нѣкоторое время, вновь возобновляется при первомъ случаѣ.
«Этотъ ходъ тяжбъ такъ извѣстенъ, и вслѣдствіи долгаго при-
«мѣненія сдѣлался столь обыкновененъ, что при подкупѣ адвока-
«товъ, судей и т. д. нѣтъ никакой надобности соблюдать даже
«внѣшнія приличія или скрытность.»

Менѣе всего основательны жалобы на обремененіе жите-
лей квартирнымъ постоемъ. 7,000 челов. русской Гвардіи
были расположены въ Варшавѣ въ казармахъ; и только офи-
церы, принадлежащіе къ штабамъ, были размѣщены у обыва-
телей; а что это могло значить для города такой величины какъ
Варшава? Къ тому же эти самые гвардейскіе офицеры, обык-
новенно молодые люди изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій,
истрачивали значительныя суммы наличныхъ денегъ, которыя
оживляли мелкія отрасли городской торговли и значительно
увеличивали благосостояніе нисшихъ классовъ. По-крайней-мѣрѣ

впослѣдствіи отсутствіе ихъ было весьма ощутительно для купцовъ и мастеровыхъ (*).

Причины, по которымъ бюджетъ не былъ предложенъ камерамъ, мы уже приводили въ 1-й главѣ. Кромѣ того, одна изъ польскихъ газетъ, «Tygodnik», издаваемая подъ редакціею просвѣщенныхъ людей, объясняетъ дѣло это слѣдующимъ образомъ: Ключъ для настоящей загадки, по мнѣнію этого журнала, хорошо извѣстенъ главамъ мятежа. Достовѣрно извѣстно, что духъ абсолютизма не участвовалъ въ немъ, и что медленность министерства въ представленіи бюджета, большею частію была слѣдствіемъ кабинетныхъ соображеній, которыя однако вся нація прекрасно понимала. Обнародованіе бюджета было замедлено главнымъ образомъ весьма понятною осторожностью самыхъ жаркихъ польскихъ патріотовъ, основанною на грустныхъ опытахъ прошедшаго; хотѣли сколь возможно далѣе отсрочить эту критическую минуту, чтобы дать время утвердиться порядку. — Еще существовало броженіе прежнихъ анархическихъ идей между депутатами и извѣстна была безусловная формула, съ которою искони избиратели обращались къ своимъ депутатамъ («na podatki nie pozwolać»). Кромѣ того, министерство и всѣ разсудительные люди были озабочены тѣмъ, чтобы камера, слѣдуя новѣйшимъ теоріямъ, не отказала бы въ утвержденіи бюджета единственно изъ слѣпой неразсудительности или изъ одного удовольствія воспротивиться правительству, по примѣру старыхъ временъ. Либералы только для того такъ ревностно домогались предложенія бюджета, чтобы опять возобновить позорныя сцены прежнихъ сеймовъ; между тѣмъ какъ министерство

(*) Послѣ этого, что нужно сказать о слѣдующихъ нелѣпыхъ разсужденіяхъ: «Правительство прокармливало въ Варшавѣ 8,000 Русскихъ на счетъ домовладѣльцевъ» (Шпациръ, стр. 218). Ограниченность, которая воображаетъ, что кто нибудь можетъ повѣрить подобной выдумкѣ, должна быть также велика какъ и злонамѣренность, чтобы привести такой доводъ, въ несправедливости котораго самъ авторъ его не могъ не быть убѣжденнымъ. Онъ неоднократно повторяетъ въ своихъ разсказахъ, что всѣ русскія войска квартировали въ казармахъ, были внезапно атакованы въ казармахъ, оборонялись въ казармахъ, слѣдовательно они отнюдь не обременяли жителей постоемъ, тѣмъ менѣе продовольствіемъ, потому что русское правительство никогда не заставляло жителей кормить своихъ солдатъ, а тѣмъ болѣе офицеровъ.

напротивъ, желало замедлить помянутое сообщеніе, именно съ цѣлью лишить ихъ случая покрыть себя стыдомъ предъ всею Европою и дать поводъ къ возобновленію давно извѣстной поговорки: «Поляки неспособны управлять сами собою.»

Изслѣдовавъ ближайшимъ образомъ жалобы революціонеровъ, что же оказывается? Пришла ли страна въ упадокъ во время владычества Россіи? Стала ли она хоть на одну ступень ниже? Была ли она угнетаема? Ничего подобнаго не существовало: страна была богаче, цвѣтущѣе, могущественнѣе чѣмъ когда либо, и даже можно утверждать, что она обладала въ бо́льшей степени, нежели въ какую бы то ни было эпоху ея исторіи, настоящею свободою, которая заключается въ уваженіи закона. Конечно, мы не утверждаемъ, что все было совершенно; будучи далеки отъ слѣпаго пристрастія, мы не отрицаемъ, что существовали злоупотребленія; но гдѣ же они не существуютъ? При всемъ томъ, эти злоупотребленія могутъ быть менѣе поставлены въ вину высшему правительству нежели подчиненнымъ начальствамъ. Безспорно, вслѣдствіе ограниченія свободы печати и строгой цензуры, проистекалъ тотъ вредъ, что задержанныя газеты и сочиненія читались еще съ бо́льшею жадностію; ибо не смотря на цензуру умѣли тайно доставать всѣ запрещенныя журналы и сочиненія. Также совершенно справедливо, что нѣкоторыя полицейскія мѣры были притѣснительны, что многіе чиновники превышали свою власть; все это дѣйствительно тѣмъ вреднѣе, что ни полиція, ни чиновники ничего не могли предупредить, а только поддерживали духъ мелкаго интригантства. Однакожъ все это далеко не было такъ сильно развито, какъ представляла неумѣренная фантазія Поляковъ. Спрашивается, есть ли государство, въ которомъ нѣтъ злоупотребленій? Стало ли ихъ меньше во Франціи послѣ столь прославляемой іюльской революціи? или въ Бельгіи? или въ свободной Англіи (вспомнимъ только Ирландію!)? Но если были ошибки и злоупотребленія въ управленіи, то главная вина въ томъ падаетъ всетаки на Поляковъ, а не на Русскихъ, потому что чиновники были исключительно Поляки, а поэтому они одни были виновниками, составителями и исполнителями

всѣхъ тѣхъ дѣлъ, на которыя возникли впослѣдствіи жалобы. И какъ тайная полиція, такъ и многочисленные аресты, на которые такъ жаловались, были только слѣдствіемъ польскихъ заговоровъ. Впрочемъ названныя злоупотребленія, если и существовали, то все же отнюдь не были достаточны для оправданія возстанія, легкомысленно разрушившаго счастье цѣлаго поколѣнія. На самомъ дѣлѣ существовали совершенно постороннія причины, и между ними на первомъ планѣ требованіе независимости. Но, не говоря уже о томъ, что малочисленныя племена почти всегда благоденствуютъ подъ владычествомъ великихъ державъ (мы назовемъ только Эстляндію и Лифляндію или жителей Эльзаса), Польша, кромѣ того, какъ государство наслаждалась совершенною самостоятельностію (*); ей нечего было опасаться Россіи; напротивъ, она могла ожидать отъ нея только содѣйствія, покровительства и пріязни, и подъ защитою ея вполнѣ достигнуть своего внутренняго развитія. Ея національность, ея нравы, обычаи, законы, ея языкъ и религія не испытывали ни малѣйшаго угнетенія; иноплеменные чиновники не наводняли ее и не истощали страны; она имѣла своихъ собственныхъ чиновниковъ, судей, министровъ и Царскаго Намѣстника. Такимъ образомъ она обладала всѣми выгодами самостоятельности, безъ ея вреднаго послѣдствія—слабости; потому что въ соединеніи съ Россіею и при содѣйствіи Россіи она была сильна и могущественна извнѣ. Единственное обстоятельство, которое не согласовалось съ полною самостоятельностью заключалось въ томъ, что чужеземный Монархъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Польскимъ Царемъ. Но здѣсь мы сошлемся на польскую исторію. Съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась династія Пястовъ не имѣли ли Поляки почти постоянно иноплеменныхъ

(*) Кн. Любецкій опредѣлилъ однажды въ административномъ совѣтѣ весьма рельефно и справедливо отношенія Польши къ Россіи: «Разсматривая оба государства», сказалъ онъ, «мы не найдемъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни насилій, ни перемѣнъ въ нравахъ и обычаяхъ; каждое изъ нихъ слѣдуетъ пути, предписанному ему высшею мудростію; единственно съ чѣмъ можно сравнить ихъ отношенія между собою, это съ тѣми отношеніями, которыя существуютъ между двумя братьями, исполненными одинаковыхъ чувствъ благодарности къ ихъ отцу и повинующимися ему, не преграждая одинъ другому дороги».

королей? Развѣ Ягеллоны, оказавшіе столько заслугъ Полякамъ, не были иноземцы? а князья трансильванскіе, короли шведскіе, курфирсты саксонскіе? Не сами ли Поляки выбирали этихъ иностранцевъ предпочтительно предъ своими соотечественниками? Вообще говоря, не доказываетъ ли вся исторія, что большая часть народовъ были всегда наиболѣе счастливы подъ владычествомъ иноземныхъ князей? Австрія при Габсбургахъ, Пруссія при Гогенцолернахъ, Англія при князьяхъ гановерскихъ, Данія при голштинскихъ? И наконецъ сами Поляки, во время ихъ наибольшаго могущества, не хотѣли ли нѣсколько разъ избрать въ короли русскихъ Царей, и избраніе это безъ сомнѣнія совершилось бы, еслибы только Цари не щадили денегъ и усилій (*). Послѣ смерти Сигизмунда Августа, послѣ бѣгства Генриха Валуа, послѣ смерти Баторія, Поляки предлагали свою корону въ Москвѣ, и даже въ послѣднія времена, когда уже могущество ихъ клонилось къ упадку, они требовали отъ Императрицы Екатерины на польскій тронъ Ея внука Константина (**), того самаго Константина, котораго они впослѣдствіи осыпали клеветами и даже посягнули на его жизнь.

Наконецъ, мы дошли до важнѣйшаго пункта,—до литовскихъ провинцій. «Права народовъ неотъемлемы,» говорятъ сочинители польскаго манифеста: «самое продолжительное лишеніе этихъ правъ, самое долгое притѣсненіе не уничтожаютъ ихъ.» Соглашаясь съ этимъ основаніемъ, изъ него никакъ нельзя вывести заключенія, что будто бы провинціи, отдѣленныя въ новѣйшія времена отъ Польши, были незаконно удерживаемы. Напротивъ, онѣ издревле принадлежали русскому государству, и потому было совершенно справедливо опять возвратить ихъ подъ его владычество. Литовцы принадлежатъ къ Латышско-Прусскому племени, населяющему небольшое пространство между Вилiей, Нѣманомъ и Двиною, въ теперешней Самогитіи, и бывшему долгое время данниками русскихъ Полоцкихъ и Кіевскихъ

(*) См. Исторію Карамзина, 9 и 10 томы.

(**) Между прочимъ смотри объ этомъ въ сочиненіи: Ferrand Histoire des trois dèmembremens de la Pologne. Т. III. стр. 535.

князей. Уже въ древности они сдѣлались извѣстны въ сосѣднихъ странахъ своими разбойническими набѣгами. Однакожъ до тѣхъ поръ, пока русское могущество было непоколебимо, они не осмѣливались предпринимать ничего болѣе серьезнаго кромѣ этихъ набѣговъ; когда же Россія подпала игу Монголовъ, Литовцы начали усиливаться на ея счетъ (*). Они овладѣвали однимъ городомъ послѣ другаго, однимъ княжествомъ вслѣдъ за другимъ, и не прошло ста лѣтъ послѣ нашествія Батыя, какъ на развалинахъ русскаго государства образовалось могущественное Литовское княжество, составленное изъ чисто русскихъ элементовъ; это былъ такъ сказать союзъ русскихъ княжествъ, которыми властолюбиво управлялъ Литовецъ. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія три геніальныхъ государя, одинъ послѣ другаго наслѣдовали литовскій тронъ и образовали собою величайшую историческую эпоху своего отечества. Гедыминъ (съ 1315—1341) положилъ основаніе могуществу и величію государства, его сынъ Ольгердъ (съ 1341—1377) слѣдовалъ примѣру отца, а при хитромъ Витольдѣ, племянникѣ Ольгерда (по 1430), Литва была государствомъ, простиравшимся отъ Буга до Угры (недалеко отъ Москвы) и отъ Двины до Чернаго моря. Большую часть подданныхъ составляли Русскіе, православнаго вѣроисповѣданія; только меньшинство (теперешніе Самогиты) и князья были литовскаго племени. Но, подобно тому какъ господствующіе Франки исчезли въ побѣжденной Галліи, такъ исчезли литовскіе властелины между покоренными Русскими. Русскій языкъ былъ придворнымъ, судебнымъ, книжнымъ языкомъ; Грекороссійская вѣра была господствующая, какъ между большею частію князей такъ и въ народѣ, за исключеніемъ природныхъ Литовцевъ, оставшихся еще довольно долго въ язычествѣ. Нравы, обычаи, политическія учрежденія, все осталось русское, даже почетный титулъ кня-

(*) Ихъ же Историкъ Кояловичъ говоритъ по этому поводу (1. ст. 57): Alienis malis in suarum rerum incrementa Lituani per otium usi, sensim fines in Russiam praeferebant.» Литовцы воспользовались чужимъ несчастіемъ для своихъ выгодъ, и постепенно расширили свои границы въ Россіи.

зей, называвшихъ себя подобно русскимъ «Великимъ Княземъ» и «Господаремъ» или «Государемъ». Присвоеніемъ себѣ этого титула они обнаружили тайное желаніе, занять мѣсто прежнихъ великихъ князей кіевскихъ, удѣлами коихъ они владѣли. Это было русское государство, во главѣ котораго стояло чужеземное племя. Поляки, которыхъ владѣнія ограничивались тогда страною по верхней и средней Вислѣ, также не оставались праздными, въ то время когда Россія была истощена, измучена, залита кровью изъ тысячи ранъ, нанесенныхъ ей Татарами; Поляки отняли у Россіи лучшее изъ всѣхъ ея княжествъ, Галичское или теперешнюю Галицію. Какія были ихъ права на эту область? Никакихъ. Для овладѣнія княжествомъ Казиміръ III воспользовался только тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній галичскій князь сочетался бракомъ съ сестрою его супруги, а съ другой стороны тѣмъ, что никто не могъ оспаривать его завоеванія. Позже Поляки присвоили себѣ еще Волынь и Кіевъ, на томъ основаніи, что Болеславъ храбрый, а послѣ него Болеславъ II смѣлый, призванные на помощь русскими князьями, проникли до Кіева. Хотя они немедленно были прогнаны, и набѣги ихъ не оставили никакихъ слѣдовъ, Поляки тѣмъ не менѣе оновывали на этомъ впослѣдствіи свои требованія, которыя были столько же основательны, какъ еслибы Россія, Пруссія и Австрія предъявили бы притязанія на Францію, на томъ основаніи, что войска ихъ дважды доходили до Парижа и нѣкоторое время занимали всѣ ея крѣпости, или если бы Франція объявила притязанія на цѣлую Европу, потому только, что французскія арміи побѣдоносно занимали почти всѣ европейскія столицы.

Послѣ завоеванія Гедыминомъ Пинска, Чернигова, Волыни и Кіева, Ольгердъ покорилъ значительное княжество Брянское, а вслѣдъ затѣмъ завоевалъ Мстиславль, Ржевъ и Бѣлый. По мѣрѣ того, какъ съ одной стороны враги Русскихъ—Татары, ослабѣвали вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, съ противоположной стороны возвышался другой врагъ, несравненно болѣе опасный. Ольгердъ, распространяя свои завоеванія, покорилъ Подолію и проникъ до Чернаго моря. Ему наслѣдовалъ его сынъ Ягайло. Литва безъ сомнѣнія была бы теперь господ-

ствующимъ государствомъ на сѣверѣ, еслибы въ эпоху ея высшаго могущества не случилось событія, которое низвело ее съ ея блестящаго пути; мы говоримъ о супружествѣ Ягайло съ польскою принцессою, объ избраніи его на польскій престолъ и объ обращеніи его въ религію, которой никто не исповѣдывалъ въ его наслѣдственной землѣ. Это обстоятельство дало другое направленіе литовской политикѣ; изъ русско-азіатской системы, въ которой Литовское княжество имѣло главнѣйшее значеніе, (потому что монгольское владычество склонялось къ паденію) политика его перешла къ западно-европейской, дабы играть въ ней только второстепенную роль и сдѣлаться блѣднымъ спутникомъ, безцвѣтно и безжизненно слѣдующимъ за движеніями другаго главнаго созвѣздія, съ которымъ вмѣстѣ ему и суждено было достигнуть разрушенія. Безъ этого брака, можетъ быть, Литва сдѣлалась бы ядромъ, къ которому присоединились бы остальныя русскія владѣнія, и вмѣсто Москвы, образовалось бы, можетъ быть въ Вильнѣ то сильное и единое государство, которому мы удивляемся теперь въ Россіи; хорошее начало для такой комбинаціи уже было сдѣлано. Такъ, повидимому не важныя обстоятельства рѣшаютъ часто судьбу народовъ и государствъ!

Послѣдствія однакожъ не тотчасъ обнаружились; Литовцы, возвеличенные своими храбрыми князьями, еще долго оставались героями полными силы и сознанія своихъ достоинствъ. Племянникъ Ольгерда, Витольдъ, коему Ягайло долженъ былъ уступить владычество надъ Литовцами съ верховною отъ Польши зависимостью (Suprematie), сдѣлался мощнымъ орудіемъ для исполненія ихъ обширныхъ замысловъ. Онъ былъ опаснѣйшимъ врагомъ Россіи; онъ увеличилъ и округлилъ завоеванія своихъ предшественниковъ; для достиженія этой цѣли никакія средства не были имъ пренебрегаемы: хитрость, открытая сила и измѣна, коварство и обманъ, все это онъ употреблялъ поочередно для исполненія своихъ намѣреній. Вся его исторія есть сплетеніе обмановъ и предательствъ. Онъ покорилъ пограничныя русскія княжества еще остававшіяся свободными, какъ напр.: Друцкъ, Великіе-Луки и даже Смоленскъ, которымъ онъ завла-

дѣлъ посредствомъ коварства. Кіевъ, Сѣверскъ и Подольскъ, состоявшіе уже въ зависимости, но въ главѣ коихъ находились особые литовскіе удѣльные князья, были присоединены къ Великому Княжеству. Такимъ образомъ могущественная власть Витольда простиралась отъ границъ Пскова внизъ до Днѣстра и Чернаго моря, отъ Буга до Оки и Сулы; Можайскъ, Калуга, Курскъ, Путивль были русскими пограничными городами; вся южная Россія повиновалась ему, между тѣмъ какъ законные наслѣдники Владиміра Великаго должны были довольствоваться пустынною, малонаселенною полосою сѣверной Россіи. Но и это послѣднее достояніе Витольдъ старался исторгнуть изъ ихъ рукъ, и еслибы такое стремленіе удалось ему, то онъ окончилъ бы нѣсколькими столѣтіями ранѣе соединеніе всей Россіи подъ однимъ скипетромъ, которое началось впослѣдствіи съ противоположной стороны. Дабы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, Витольдъ взялся доставить Тохтамышу ханство золотой орды, и въ награду за это взялъ съ него обѣщаніе, что сдѣлавшись ханомъ, онъ отдастъ ему Великое Княжество Московское (*). Въ такомъ случаѣ онъ однимъ ударомъ окончилъ бы дѣло своихъ предшественниковъ, ибо подобно имъ онъ очень хорошо понималъ, что будущая безопасность Литвы зависитъ отъ совершеннаго уничтоженія Русскаго Царства, преимущественно же Москвы, начинавшей уже становиться могущественною. Такъ какъ Литва возросла только на счетъ Россіи, то легко было предвидѣть, что если останется хотя одинъ независимый князь изъ рода Рюрика, онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ для Литвы, потому что на его сторонѣ всегда будетъ законное право. Однакожъ всѣ планы Витольда неожиданно рушились, потому что онъ самъ и покровительствуемый имъ Тохтамышъ были на-голову разбиты Татарами при р. Ворсклѣ (1399 г.), и Тохтамышъ вскорѣ послѣ того погибъ.

Во времена Витольда (1430) Литва достигла высшей степени своего величія; послѣ него она начала склоняться къ упадку, сперва медленно, а потомъ съ возрастающей быстротой; послѣд-

(*) Такъ удостовѣряютъ русскіе историки. Карамзинъ. V, стр. 162.

ствія союза съ Польшею начали дѣлаться ощутительными. Вскорѣ эти союзники стали даже, подъ ничтожными предлогами, оспаривать у Литовцевъ ихъ завоеванія. Литовцы по-крайней-мѣрѣ пріобрѣли оружіемъ большую часть русскихъ провинцій; Поляки же, покровительствуемые пристрастными королями, отняли ихъ у нихъ посредствомъ хитрости, измѣны или открытой силы. Тщетно Литовцы указывали день и часъ, когда они завладѣли этими странами; Поляки ссылались на наслѣдственныя права, которыя вовсе не существовали, указывали на фамильныя связи, на мнимые браки съ русскими княжнами, забывая, что, по древнему русскому государственному праву, княжна ни въ какомъ случаѣ не могла наслѣдовать земель и никогда не получала областей въ приданое; при томъ же, всѣ мнимыя женскія наслѣдства уже по одному тому ничего не значили, что въ то время существовало на лицо множество потомковъ Рюрика мужескаго пола. Такъ сперва Поляки отняли у Литвы большую часть Галиціи, потомъ Подолію, и наконецъ въ 1569 г. Волынь, Кіевъ и Подляхію. Литовцы съ досадою видѣли себя обобранными ихъ собственными союзниками, между тѣмъ какъ съ другой стороны Русскіе, усилившись, также возстали, и съ оружіемъ въ рукахъ требовали обратно утраченныя земли. Великое Княжество Московское, сдѣлавъ значительные успѣхи при мудромъ правленіи Дмитрія Донскаго и сына его Василія, не страшилось болѣе монгольскаго ига и устремляло свои виды на Литву. Встрѣча была неминуема; и здѣсь судьба благопріятствовавшая Россіи хотѣла, чтобы она имѣла своимъ государемъ Іоанна III, именно въ то время, когда послѣдовало это столкновеніе. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко превосходилъ своего соперника, Казиміра IV, и вполнѣ былъ созданъ для того, чтобы сдѣлаться основателемъ и творцомъ обширнаго государства.

Увѣренный въ правотѣ своего дѣла, Іоаннъ при каждомъ случаѣ громко и откровенно высказывалъ свои требованія: онъ открыто говорилъ Литовцамъ, что ни онъ самъ, ни его преемники не будутъ въ состояніи заключить съ ними продолжительнаго мира, пока они будутъ владѣть лучшими русскими обла-

стями. При всѣхъ своихъ другихъ предпріятіяхъ, Іоаннъ постоянно имѣлъ въ виду Литву; возвращеніе понесенныхъ утратъ было цѣлью всѣхъ его стараній, всѣхъ переговоровъ, всѣхъ посольствъ и договоровъ съ другими государями. Долго не доходило до открытаго столкновенія: обѣ стороны очень хорошо знали, что разъ возникнетъ война, — она сдѣлается борьбою на жизнь и на смерть. Между тѣмъ Казиміръ IV скончался; но еще при немъ, различныя покоренныя части бывшаго княжества Черниговскаго, побуждаемыя единствомъ вѣроисповѣданія и любовью къ родной странѣ, перешли на сторону Іоанна, отказавшись, для успокоенія своей совѣсти, отъ вассальныхъ отношеній къ князю Литовскому. Когда же сей послѣдній жаловался на это Великому Князю, Іоаннъ отвѣчалъ ему: «Князья рода Вла-«диміра, добровольно служившіе Литвѣ, имѣютъ право возвра-«титься опять, съ ихъ наслѣдственными землями, подъ покро-«вительство ихъ кореннаго отечества.» По смерти Казиміра (1492) Іоаннъ воспользовался удобною минутою и взялся за оружіе; счастье благопріятствовало ему, и Литовцы были принуждены начать переговоры. Послѣ долгихъ споровъ, они должны были уступить Іоанну множество городовъ Бѣлоруссіи, и новый ихъ Великій Князь Александръ обѣщалъ даже признать Іоанна «государемъ всея Руси», если только онъ не будетъ требовать возвращенія Кіева. Это условіе заключало въ себѣ нѣкоторымъ образомъ признаніе правъ Іоанна. Іоаннъ, сознавая это право, не хотѣлъ отъ него отказаться. Вслѣдствіе того чрезъ нѣсколько лѣтъ опять дошло до войны. Успѣхъ склонился на сторону Іоанна, и скоро все пространство отъ московскихъ границъ до Кіева было вновь завоевано имъ. Наконецъ, Великій Князь Александръ, сдѣлавшійся между тѣмъ и королемъ Польскимъ, послѣ многихъ неудачныхъ походовъ, принужденъ былъ опять приступить къ переговорамъ. Онъ требовалъ возвращенія завоеваннаго. По его словамъ Іоаннъ долженъ былъ возвратить ему его отцовское наслѣдіе. Іоаннъ холодно отвѣчалъ на это: «Наслѣдственное достояніе королей, «есть Литва и Польша; Россія же составляетъ наше наслѣдіе. «То, что мы возвратили теперь изъ него съ Божіею помощію,

«того мы не можемъ отдать назадъ. Сверхъ того еще Кіевъ, «Смоленскъ и многіе другіе города и области принадлежатъ «Россіи, и мы рѣшились возвратить и ихъ къ составу нашего «государства; потому, если желаете прочнаго мира, то отдайте «намъ эти города и области». Весьма естественно, что Литовцы не хотѣли согласиться на такія условія, но нуждаясь въ мирѣ, рѣшились, оставляя въ сторонѣ обоюдныя требованія, заключить перемиріе на шесть лѣтъ (1503).

Итакъ мы видимъ, что намѣреніе Іоанна, присоединить къ государству всѣ области, исторгнутыя Литовцами у Россіи, выказалось при этомъ довольно ясно. Его преемники неуклонно преслѣдовали ту же цѣль; перемѣнялись Государи, но требованія и стремленія оставались тѣ же. Іоаннъ скончался въ 1505 г., Александръ въ 1506 г.; война вновь возгорѣлась въ 1508 г., и такъ какъ силы обѣихъ сторонъ были довольно равномѣрны, то, по обыкновенію, она продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ общей сложности, склоняясь болѣе къ выгодамъ Русскихъ, которымъ удалось даже завоевать Смоленскъ (1514), бывшій въ теченіи 110 лѣтъ отдѣленнымъ отъ Россіи. (Сто лѣтъ спустя онъ опять былъ потерянъ и вновь завоеванъ). Войны эти были чрезвычайно чувствительны для Литвы; Русскіе простирали свои успѣхи до самой Вильны. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, было вторично заключено перемиріе на 6 лѣтъ (1522); миръ не могъ состояться, потому что съ заключеніемъ онаго, русскіе Великіе Князья должны бы были торжественно отказаться отъ своихъ требованій на отнятыя у Россіи области, и права на нихъ уступить Литовцамъ, чего естественно они не хотѣли. Поэтому, какъ скоро обѣ стороны чувствовали себя истощенными продолжительной борьбою, онѣ заключали на нѣсколько лѣтъ перемиріе, и потомъ возобновляли войну; такой порядокъ вещей продолжался болѣе двухъ столѣтій. Съ нашей стороны было бы совершено излишне слѣдить за всѣми фазами этой продолжительной борьбы и указывать, какъ счастіе поперемѣнно склонялось то на одну, то на другую сторону; ибо успѣхъ не всегда былъ на сторонѣ Русскихъ; напротивъ того, нѣсколько разъ они были

приведены на край гибели соединенными силами Литовцовъ и Поляковъ, напр. при королѣ Стефанѣ Баторіѣ и позже во время Лже-Дмитріевъ, которыхъ Поляки напустили на Россію (*); но, не смотря на это, русскіе князья непоколебимо стремились къ своей цѣли, даже и въ то время, когда династія Романовыхъ наслѣдовала престолъ по пресѣченіи Рюрикова дома. Завоеваніе вновь прежнихъ русскихъ владѣній было не только дѣломъ династіи, но и всей страны; борьба происходила не между потомками Рюрика и Ягеллонами, но между Русскими и Поляками за русскую собственность, которую Поляки присвоивали себѣ (**). Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, вслѣдствіе истощенія Россіи послѣ смутнаго времени, принужденъ былъ за-

(*) Поляки, какъ разсказываетъ очевидецъ, выражались въ то время въ Москвѣ слѣдующимъ образомъ: «Намъ уже удалось сдѣлать одного бродягу русскимъ Царемъ; теперь мы имъ даемъ втораго, мы уже покорили ему половину страны и завоюемъ другую, и во что бы то ни стало, поставимъ на своемъ.» (Baer Chronicau Moscovit).

(**) Польскіе историки, по поводу перенесенія великокняжеской столицы изъ Кіева во Владиміръ, а позже въ Москву, утверждаютъ, что: Великія Княжества Кіевское и Московское, были двѣ совершенно различныя страны, которымъ не было никакого дѣла другъ до друга. Это все равно, еслибы сказали, что со времени Петра Великаго, перенесшаго свою резиденцію въ Петербургъ, Москва сдѣлалась совершенно чужою страною, потому что Москвичи или Великороссы не суть Ингерманландцы; или еслибы утверждали, что: со времени перенесенія столицы короля изъ Кракова въ Варшаву, жителей великой и малой Польши нельзя было болѣе считать Поляками, такъ какъ столица Польши находилась теперь въ Мазовіи; вслѣдствіи этого новое королевство нужно было бы назвать Варшавскимъ или Мазовецкимъ, а выше названныя области совершенно исключить изъ него. Въ прежнее время Польша также была раздѣлена на мелкія владѣнія; Владиславъ и Казиміръ Великій, мало по-малу, соединили ее въ одно цѣлое. Это право соединенія, «собиранія» земли, Поляки хотятъ оспаривать только у русскихъ князей относительно ихъ государства, и въ заключеніе приводятъ совершенно произвольныя различія между Руссинами, Русняками, Русскими и Москвитами, которые всѣ составляютъ одинъ великій русскій народъ, коего два главныя нарѣчія, велико и мало-россійское, менѣе различествуютъ между собою, чѣмъ верхне и нижне нѣмецкое Еще прежде Поляки упирали на эти мнимыя различія, дабы прикрыть свои похищенія; они постоянно называли Великороссовъ Московитами (отъ нихъ переняла это названіе и остальная Европа), какъ будтобы они составляли совершенно особое племя чуждое Русскому; еслибъ можно, они бы даже охотно сдѣлали ихъ Татарами. Подъ именемъ Русскихъ, Поляки хотѣли подразумѣвать только порабощенныхъ ими, потому что внутреннее чувство говорило имъ, что доколѣ будетъ существовать свободная Россія, то какъ бы она не была слаба, она все-таки объявитъ свои требованіе на области, оторгнутыя отъ нее во время ея безсилія.

ключить Деулинское перемиріе (2 сент. 1608 г.), по которому онъ за одинъ разъ уступилъ все, что предки его, со времени могущественнаго Іоанна III, въ продолженіи 150 лѣтъ взяли обратно отъ Литвы и Польши; литовскіе межевые столбы снова возникли вблизи отъ Москвы—у Можайска. Но уже пробилъ послѣдній часъ польскаго могущества. Своимъ собственнымъ поведеніемъ, своимъ фанатизмомъ, нетерпимостью, своевольствомъ, жестокостью, гордые польскіе государи довели украинскихъ казаковъ до того, что они возстали и присоединились добровольно къ ихъ древнему отечеству. Во время войны, возникшей по сему случаю, Царь Алексѣй Михайловичъ, достойный преемникъ своего отца, завоевалъ: Украйну, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ, короче—всю древнюю Русь до самаго Днѣпра; по миру заключенному въ Москвѣ 14 апр. 1686 г., всѣ эти владѣнія торжественно были уступлены Россіи. Такимъ образомъ была наконецъ достигнута цѣль предположенная Іоанномъ III: русскія области по сю сторону Днѣпра, бывшія долгое время предметомъ непрерывныхъ раздоровъ и многократно переходившія изъ однѣхъ рукъ въ другія, были окончательно присоединены къ своему отечеству; еще оставались области, лежащія по ту сторону Днѣпра, но и имъ суждено было, сто лѣтъ спустя, при Екатеринѣ Великой, быть также присоединенными къ государству, которому они искони принадлежали.

И такъ несокрушимая сила народнаго права была блестящимъ образомъ доказана на дѣлѣ, когда эти области, послѣ вѣковыхъ угнетеній чужеземными повелителями, наконецъ опять возвратились въ лоно своего отечества. Мы съ намѣреніемъ упоминаемъ объ угнетеніяхъ, потому что достаточно прочесть сочиненія самихъ польскихъ писателей, чтобы знать какъ поступали съ этими провинціями. Іезуиты убѣдили королей, что эти области до-тѣхъ-поръ не сдѣлаются всею душою польскими, пока не пріймутъ католической вѣры. Вліяніе религіи на мнѣнія, виды и убѣжденія людей, безспорно, неисчислимы; нельзя не соглашаться съ тѣмъ, что Русскіе, сохраняя свою древнюю вѣру, этимъ самымъ были прикованы къ своему прежнему отечеству и, при первомъ удобномъ случаѣ, готовы соединиться съ нимъ.

Сдѣлавъ ихъ католиками, можно было разомъ отдалить ихъ отъ Россіи, и тогда было бы не трудно ихъ совершенно ополячить. И такъ считали необходимымъ вытѣснить православную религію и замѣнить ее католическою. Попытка, сдѣланная на Флорентинскомъ соборѣ для соединенія церквей или такъ называемой уніи, должна была служить переходною мѣрою: сперва православные должны были сдѣлаться уніатами, а потомъ католиками. На сунодальномъ соборѣ въ Брестѣ (1595) удалось, частію угрозами, частію обѣщаніемъ временныхъ выгодъ, склонить нѣкоторое число греческихъ епископовъ къ принятію уніи. При этомъ имъ обѣщали право засѣданія въ сенатѣ и всѣ прочія преимущества католиковъ; но какъ только они подписали унію, данныя обѣщанія ни въ чемъ не были сдержаны. Только два епископа протестовали противъ уніи, и объявили брестскіе трактаты не дѣйствительными и вынужденными. Ихъ отлучили отъ церкви; они же, съ своей стороны, отлучили отъ церкви отступниковъ. Такимъ образомъ было положено начало вѣчнаго раздора и преслѣдованій. Большинство народа осталось вѣрнымъ религіи предковъ; произошелъ странный расколъ; духовенство проклинало другъ друга, народъ роптalъ, церкви были пусты. Но какъ бы то ни было, уніатская церковь получила свое начало въ Литвѣ, и наперерывъ съ католиками стала преслѣдовать угнетеніями и всевозможными жестокостями своихъ, братьевъ оставшихся вѣрными ихъ прежнимъ убѣжденіямъ. Не менѣе самовластно поступала и польская шляхта, въ средѣ которой считались только горожане, помѣщики, чиновники, судьи и короли; на поступки и рѣшенія этихъ лицъ не было никакой аппелляціи. Коренной русскій народъ былъ подверженъ здѣсь такому рабству, что самая жизнь была ему въ тягость. Но даже и эта печальная жизнь находилась въ рукахъ тирановъ. Каждый дворянинъ былъ неограниченный властелинъ надъ своими крестьянами. Онъ могъ ихъ бить кнутомъ, изувѣчивать и даже лишать жизни, заплативъ ничтожную пеню въ сто польскихъ грошей,—никто не обращалъ на это вниманія. И теперь эти самые дворяне, до-сихъ-поръ попиравшіе ногами всѣ Божескіе и человѣческіе законы, огра-

ниченные въ ихъ нагломъ произволѣ энергическимъ правительствомъ, вдругъ начали торжественно разсуждать о свободѣ, о святости человѣческихъ и народныхъ правъ!

Таковы были средства, которыя употребляли Поляки для уничтоженія въ подвластномъ народѣ его прежней религіи и національности, и которыя однакожъ оставались безуспѣшны; ибо когда онъ опять присоединился къ Россіи, языкъ его оказался весьма мало измѣненнымъ польскими притѣснителями (*); нравы и образъ жизни были русскіе, а религія, вопреки всѣмъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, между большинствомъ все еще православная. Къ этимъ историческимъ изслѣдованіямъ первоначальнаго соединенія литовскихъ провинцій съ Россіею намъ остается прибавить только, что провозглашаемая Поляками неотъемлемость народныхъ правъ, говоритъ вполнѣ въ пользу Россіи, потому что Поляки владѣли русскими областями только по праву сильнаго, праву, прекратившемуся вмѣстѣ съ ихъ могуществомъ.

Достаточно опровергнувъ такимъ образомъ всѣ жалобы Поляковъ, бросимъ теперь короткій взглядъ назадъ, на происшествія, изложенныя въ началѣ этой главы. Мы видѣли, что искра, зароненная 29-го ноября, обхватила пламенемъ государственное зданіе, все еще пылавшее, вопреки всѣмъ усиліямъ благонамѣренныхъ людей погасить его; мы видѣли борьбу консервативной и революціонной партій; тщетныя усилія Любецкаго и Хлопицкаго овладѣть возстаніемъ, которое безпрестанно при-

(*) Объ этомъ наивно отзывается одинъ новѣйшій польскій путешественникъ, гр. Рачинскій (издатель, или лучше сказать вѣроятный сочинитель писемъ Собіесскаго): въ своемъ сочиненіи: «Живописное путешествіе по нѣкоторымъ провинціямъ Туецкой Имперіи (Бреславь 1828. стр. 9)» онъ говоритъ слѣдующее: «Состояніе «здѣшнихъ сельскихъ жителей совершенно неудовлетворительно (на Волыни). Мнѣ «было трудно понять ихъ разговоръ. Наши предки сдѣлали большую политическую «ошибку, не употребивъ всѣ старанія измѣнить это чуждое намъ и столь схожее «съ русскимъ нарѣчіе.» Что бы было, еслибы Русскіе послѣдовали этому совѣту въ Мазовіи? Впрочемъ, Рачинскій несправедливо обвиняетъ своихъ предковъ: они дѣлали все возможное, дабы уничтожить это чуждое нарѣчіе, только результаты не соотвѣтствовали ихъ трудамъ. По волѣ Всевышняго должны существовать многіе языки, потому русское правительство, хотя и владычествуетъ надъ многими языками и нарѣчіями, но никогда не старается истреблять ихъ.

нимало новые фазы; мы видѣли его быстрое распространеніе по всей странѣ, произведенное страхомъ и ужасомъ, клубами и журналами, обѣщаніями внѣшней помощи и приманкою великолѣпной будущности; мы замѣтили большое усиленіе демократической партіи, стараніе ея сдѣлать невозможнымъ всякое примиреніе, приготовленія въ войнѣ и предпринятыя вооруженія. Далѣе, неувѣренность диктатора въ успѣхѣ борьбы и стараніе революціонеровъ вредить его популярности за то, что онъ не раздѣлялъ ихъ мнѣній; наконецъ мы видѣли какъ созванный сеймъ, такъ сказать, узаконилъ революцію и обнародовалъ манифестъ, который не дозволялъ надѣяться на другое рѣшеніе вопроса, какъ на рѣшеніе силою оружія.

Весьма много также было говорено о всеобщности возстанія, изъ чего выводили заключеніе о его національности. Но если употреблять средства, которыми пользовались революціонеры, то можно взволновать всякій народъ. Главнымъ двигателемъ революціи была восторженная молодежь; ибо ничего нѣтъ легче, какъ одушевить впечатлительное юношество и склонить его на всѣ пожертвованія для высокой цѣли. Достижима ли эта цѣль, выполнимо ли предпріятіе, объ этомъ оно не думаетъ; по его понятіямъ, желаемое есть всегда въ то же время возможное. Если въ продолженіи возстанія присоединялись къ нему и болѣе благоразумные люди, то это случилось частію потому, что они не могли совершенно отдѣлиться отъ молодежи, частію потому, что они хотѣли обуздать ея безразсудныя стремленія, частью же съ тѣмъ чтобы управлять происшествіями, и, если возможно, достичь благопріятнаго исхода. Революція была всеобща, потому что молодая, восторженная часть націи необходимо должна была наконецъ увлечь за собою благоразумнѣйшую, воздержаннѣйшую. Умѣренность въ политическихъ мнѣніяхъ есть отрицательное качество; она пассивна и обнаруживается только сопротивленіемъ противъ всего ненормальнаго; но какъ всякое только пассивное сопротивленіе наконецъ всегда преодолѣвается продолжительнымъ дѣйствіемъ, (такъ точно какъ пассивная оборона и съ превосходными средствами уступаетъ продолжительному нападанію), то умѣренные подъ конецъ всегда

*

увлекаются восторженными. Такимъ образомъ одинъ агитаторъ сдѣлаетъ болѣе, чѣмъ сто умѣренныхъ. Возникшее благосостояніе страны внушило Полякамъ самосознаніе своихъ достоинствъ, мужество и довѣріе къ своимъ силамъ; въ то же время расчитывали на отпаденіе Литовскихъ провинцій. Французская іюльская революція возбудила надежды на успѣхъ, возстаніе Бельгіи усилило ихъ; окончательно признанное отдѣленіе Греціи отъ Турціи вселило увѣренность въ возможность такихъ же послѣдствій для Польши. Къ тому же Поляки располагали прекрасною арміею, со всѣми нужными для войны запасами, (прежде у нихъ ничего этого не было); удивительно ли послѣ этого, что они считали себя въ состояніи бороться со всякимъ непріятелемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ обнародованія манифеста до начала войны.

Отъ обнародованія манифеста до начала войны.

Обнародованіемъ манифеста былъ сдѣланъ вызовъ Россіи; съ тѣхъ-поръ вопросъ не могъ быть разрѣшенъ иначе какъ силою оружія. Шесть недѣль, истекшихъ еще до начала войны, были посвящены инсургентами, частію вооруженіямъ и приготовленіемъ къ войнѣ, частію же стараніямъ склонить въ свою пользу иностранныя державы, въ особенности Францію. Между тѣмъ партія дѣйствія, предводимая Лелевелемъ, съ помощію журналовъ и газетъ день-ото-дня усиливалась, и продолжала рѣшительно противодѣйствовать диктатору, который съ каждымъ днемъ все болѣе обнаруживалъ свое отвращеніе къ революціи и революціонерамъ. Въ началѣ новаго года (1831) эта партія съ досадою узнала, что одна изъ жертвъ, осужденныхъ ею на смерть, счастливо избѣгла своей участи. Неудовлетворенные еще жестокостями, которымъ подвергли вице-президента Любовицкаго въ Бельведерѣ, революціонеры ожидали только исцѣленія его ранъ, дабы возвести его на эшафотъ (*). Но Любовицкому удалось из-

(*) По мнѣнію Солтыка (ч. 1. ст. 170), къ ненависти противъ Любовицкаго примѣшивалось еще много личной вражды, которую онъ навлекъ на себя въ прежней своей должности вице-президента Варшавы.

бѣжать опредѣленной ему судьбы посредствомъ бѣгства въ Брсславль, которое онъ совершилъ при помощи братьевъ графовъ Лубенскихъ, отличавшихся умомъ, образованіемъ, дѣятельностью и ненавистью къ анархіи. Исчезновеніе его привело въ ярость революціонеровъ; по обыкновенію они стали кричать объ измѣнѣ и злобно осыпать угрозами всѣхъ должностныхъ лицъ; диктаторъ принужденъ былъ отрѣшить отъ должностей четырехъ братьевъ Лубенскихъ; а гр. Генрихъ Лубенскій и старшій братъ Любовицкаго, въ особенности благопріятствовавшіе его бѣгству, были даже заключены въ тюрьму. Тайные происки анархистовъ внушили диктатору такія опасенія, что онъ не рѣшался даже выѣзжать изъ столицы; все болѣе и болѣе разочаровывался онъ въ Лелевелѣ, къ которому благоволилъ сперва, но коего неотступныя требованія объ образованіи литовскаго легіона, равно и достовѣрныя свѣдѣнія объ его интригахъ, внушили наконецъ диктатору сильное недовѣріе къ нему. Лелевель же съ своими единомышленниками, съ своей стороны, не оставался въ бездѣйствіи. Такъ какъ войска преимущественно имѣли неограниченное довѣріе къ одному только Хлопицкому, то старались поколебать это довѣріе и вооружить ихъ противъ него. Уже удалось склонить многихъ офицеровъ изъ саперъ и изъ другихъ полковъ, и къ новому году все было готово для нанесенія рѣшительнаго удара диктатору. Большая часть членовъ общества, собиравшагося на квартирѣ Чиховскаго, поддерживала при этомъ партію Лелевеля; а журналы, бывшіе всѣ болѣе или менѣе подъ вліяніемъ профессоровъ, дѣлали безпрестанныя нападки на диктатора. Одни говорили о необходимости новой революціи, другіе полагали, что нужно только уничтожить диктатуру, которая вообще представлялась, по ихъ мнѣнію, дѣйствіемъ, не имѣвшимъ никакой причины и совершенно не согласнымъ съ положеніемъ дѣла; наконецъ третьи находили страннымъ, что такая обширная власть, бо́льшая нежели какую прежде имѣлъ конституціонный Монархъ, была предоставлена одному человѣку, и притомъ такому, который даже не выказываетъ большихъ государственныхъ способностей. Всѣ эти средства до такой степени удались, что даже

почетная гвардія диктатора, въ насмѣшку названная преторіанскою, охладѣла къ нему. Мало-по-малу опустѣли его пріемныя комнаты, прежде такъ наполненныя, и по всему было замѣтно, что дни народной любви и довѣрія минивались для него безвозвратно. Раздраженный этими происками, Хлопицкій рѣшился сложить съ себя санъ, который изо всѣхъ силъ старались сдѣлать для него ненавистнымъ; по его приказанію сеймъ былъ снова созванъ на $^{17}/_{5}$ января. Но еще прежде онъ получилъ извѣщеніе о заговорѣ, направленномъ къ его низверженію.

$^{13}/_{1}$ января Варшава была внезапно встревожена извѣстіемъ, что артиллерійскій подполк. Добржанскій сдѣлалъ диктатору важныя открытія о заговорѣ, въ главѣ котораго стояли: Лелевель, Ксаверій Брониковскій и Болеславъ Островскій. Дѣйствительно, Добржанскій извѣстилъ Хлопицкаго, что саперы приглашали артиллеристовъ присоединиться къ нимъ, для того чтобы произвести контръ-революцію съ цѣлью, будто бы, оказать помощь диктатору противъ правленія. Онъ самъ убѣдился въ казармахъ въ справедливости этого показанія и нашелъ уже готовые патроны; вслѣдствіе того, по приказанію генерала Бонтана, онъ поспѣшно вооружилъ для сопротивленія двѣ роты артиллеріи. Лозунгомъ къ возстанію, добавилъ Добржанскій, долженъ былъ быть отказъ диктатора утвердить доставленное ему прошеніе объ открытіи вновь клубовъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ закрытія клубовъ, въ кофейномъ домѣ «молодой Гонораты», на Медовой улицѣ, образовалось новое общество, которое по приказанію диктатора также было закрыто, что возбудило между клубистами большой ропотъ; они хотѣли подать диктатору жалобу объ этомъ предметѣ, и въ случаѣ отказа довести дѣло до возстанія. Носились уже слухи, что саперы и артиллеристы, равно какъ и 4-й полкъ были склонены клубистами на свою сторону, и что даже генералы Шембекъ и Круковецкій приняли участіе въ ихъ предпріятіи. Всѣ эти слухи возбудили большое негодованіе въ столицѣ, а гр. Леонъ Ржевускій прямо объявилъ, что, по его мнѣнію, самое лучшее что можно было сдѣлать, это всадить Лелевелю пулю въ лобъ, дабы избавить отечество отъ подобнаго чудовища.

Хлопицкій призвалъ къ себѣ Лелевеля, принялъ его, окруженный своими офицерами и объявилъ ему, что получилъ на него формальный доносъ. Лелевель, уже приготовленный къ этому, отвѣчалъ, что доносъ этотъ можетъ быть основанъ только на выдумкахъ его враговъ. Тѣмъ не менѣе Лелевель, Броніковскій и Островскій, равно какъ и доносчикъ Добржанскій, были арестованы, и диктаторъ приказалъ призвать къ себѣ министра юстиціи Бонавентуру Немоіевскаго, дабы онъ распорядился назначеніемъ особой коммиссіи, которая немедленно произнесла бы приговоръ надъ преступниками. Однако Немоіевскій отказался дать на это согласіе, утверждая, что дѣло должно быть передано на рѣшеніе обыкновенныхъ судей; а партія Лелевеля, съ своей стороны, употребляла всѣ усилія, чтобы освободить своихъ предводителей. Вся молодежь, на которую онъ преимущественно имѣлъ вліяніе, настаивала у диктатора на его свобожденіи; даже часть почетной гвардіи, съ Лудвигомъ Набѣлякомъ и Адамомъ Гуровскимъ во главѣ, присоединилась къ нимъ; наконецъ появился и національный совѣтъ и сложилъ съ себя свой санъ, такъ какъ онъ считалъ себя оскорбленнымъ арестованіемъ одного изъ своихъ членовъ. Все это подѣйствовало на Хлопицкаго: онъ началъ колебаться; а извѣстно, что коль скоро рождается сомнѣніе въ винѣ, то непосредственно за тѣмъ возникаетъ убѣжденіе въ невинности. Дѣйствительно ли диктаторъ былъ убѣжденъ или только принужденъ уступить обстоятельствамъ, но, какъ бы то ни было, онъ принялъ милостиво ходатайство почетной гвардіи и объявилъ членамъ высшаго совѣта, что онъ самъ оставитъ свое званіе, если совѣтъ не вступитъ въ отправленіе прежнихъ обязанностей. За симъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ареста, онъ приказалъ освободить Лелевеля, вѣроятно довольный тѣмъ, что могъ дать почувствовать ему свой перевѣсъ. Также точно были освобождены Броніковскій и Островскій, и все дѣло было потушено. Но у Хлопицкаго вырвались слова: «берегитесь Лелевеля, онъ второй докторъ Франсіа.»

На сколько было правды въ извѣстіи объ этомъ заговорѣ, узнать не легко. Партія Лелевеля, конечно, выдавала его за

басню, за интригу аристократической партіи; однакожъ трудно повѣрить, чтобы онъ не имѣлъ другихъ основаній. Только опасеніе раздоровъ въ столь критическія минуты, спасло арестованныхъ отъ ближайшихъ изслѣдованій.

Вѣроятно побужденный этимъ случаемъ, Хлопицкій, день спустя, подписалъ декретъ объ учрежденіи для столицы правильной національной гвардіи. Она простиралась до 6,000 ч. осѣдлыхъ гражданъ, имѣвшихъ недвижимое имущество и собственность, какъ то: домовладѣльцевъ, капиталистовъ, купцовъ, ремесленныхъ старостъ и должностныхъ лицъ, въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ. Кромѣ того, изъ людей всѣхъ сословій была сформирована особая стража безопасности, силою почти въ 20,000, предназначавшаяся для содѣйствія войскамъ при защитѣ города; впрочемъ, этого сброда гораздо больше боялись, нежели надѣялись на него. Въ главѣ этого ополченія былъ поставленъ, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся изъ-за границы, гр. Антонъ Островскій, старшій братъ маршала сейма, большой патріотъ, человѣкъ пріятной наружности, но не одаренный особенными талантами; хотя онъ и не обладалъ никакими военными познаніями, но добился этого назначенія, благодаря своимъ обширнымъ связямъ съ купеческимъ сословіемъ и мѣщанами. Въ арсеналѣ было найдено 30 т. ружей, такъ какъ польская армія незадолго передъ возстаніемъ получила, по ходатайству Великаго Князя, новое оружіе. Изъ этого числа 20 т. были розданы во вновь формируемые баталіоны; около 6 т. пропало въ рукахъ Евреевъ при грабежѣ 29 ноября; остальныя 4 т. были назначены для вооруженія національной гвардіи. Кромѣ того начальникъ гвардіи приказалъ приготовить для нея и для стражи безопасности 20,000 косъ, пикъ и разнаго холоднаго оружія. Она была правильно раздѣлена на гренадеръ, фузелеръ и егерей, и къ ней были приданы 4 орудія. Хотя національная гвардія назначалась только для сохраненія порядка и для обороны города, однакожъ только страхомъ и принужденіемъ можно было заставить большинство жителей для виду присоединиться къ ней (*).

(*) Впослѣдствіи была учреждена еще особая «городская гвардія» въ 800 ч.,

Утомленный кознями партій и столькими противорѣчащими требованіями, и наскучившій своею трудною обязанностью, Хлопицкій съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта изъ Петербурга, долженствовавшаго рѣшить его будущее поведеніе. Противъ ожиданія, отвѣтъ этотъ былъ замедленъ. Въ высшей степени обезпокоенный этимъ молчаніемъ, не предзнаменовывавшимъ ничего хорошаго, Хлопицкій $^{21}/_{9}$ дек. послалъ въ Петербургъ своего адъютанта, подполк. Вилежинскаго, съ постановленіемъ обѣихъ камеръ, которымъ революція объявлялась національною, и предписалъ ему, возвратиться обратно никакъ не позже $^{7}/_{26}$ янв. дек., все равно удастся ли ему получить отвѣтъ, который онъ долженъ былъ настоятельно потребовать отъ кн. Любецкаго, или не удастся. Въ ночь на $^{7}/_{26}$ янв. дек. Вилежинскій дѣйствительно возвратился, но не привезъ ничего рѣшительнаго, а только извѣстіе, что гр. Езерскій въ скоромъ времени прибудетъ съ отвѣтомъ Государя. Онъ увѣдомилъ также, что русскія войска со всѣхъ сторонъ подвигаются къ границамъ Польши (*). Наконецъ, въ половинѣ января, прибылъ въ Варшаву гр. Езерскій съ письмомъ отъ гр. Грабовскаго къ генералу Хлопицкому и къ президенту административнаго совѣта Соболевскому; вслѣдствіе чего Хлопицкій могъ наконецъ исполнить рѣшеніе, уже задолго передъ тѣмъ созрѣвшее въ его умѣ.

Утромъ $^{16}/_{4}$ января (1831) Хлопицкій призвалъ къ засѣданію національный совѣтъ, въ которомъ были вскрыты и прочитаны привезенныя письма. Въ томъ, которое было адресовано Хлопицкому говорилось: «Я имѣю порученіе сообщить вамъ, что «Его Императорское Величество получилъ письмо ваше отъ

набранная изъ Евреевъ, которые не хотѣли отрѣзывать свои бороды; тѣ же, которые рѣшались на это, могли поступать въ національную гвардію, или вмѣсто того вносить извѣстную сумму денегъ.

(*) По случаю отправленія Вилежинскаго, польскіе журналы еще разъ стали распространять самыя нелѣпыя сказки: что будто онъ былъ ввезенъ ночью тайкомъ, что никто не смѣлъ его видѣть, и что его окружили величайшею таинственностью и т. д. Въ такъназываемыхъ историческихъ сочиненіяхъ повторялось тоже самое. Вилежинскій во всеуслышаніе объявилъ всѣ эти слухи баснями. Точно такими же выдумками были фразы, приписываемыя при этомъ случаѣ Государю, какъ напримѣръ: » Soumission ou la mort, je roulerai la Pologne et passerai le Rhin, » и т. д.

«10-го сего мѣсяца, и съ удовольствіемъ усмотрѣлъ тѣ чув-«ства, которыя вы питаете къ Его высокой Особѣ. Его Импе-«раторское Величество, еще болѣе убѣдится въ нихъ, ког-«да вы датите, генералъ, въ томъ неопровержимое доказатель-ство, «соображаясь сколь возможно съ манифестомъ изданнымъ Его «Величествомъ къ польской націи [18]/6 дек. 1830 года.» Въ письмѣ къ Соболевскому государственный секретарь бла-годарилъ его именемъ Государя, за то, что онъ хотѣлъ ско-рѣе удалиться изъ административнаго совѣта, чѣмъ утвердить своею подписью незаконное созваніе сейма, и приглашалъ какъ его, такъ и прочихъ членовъ совѣта отправиться въ Пе-тербургъ. По прочтеніи этихъ писемъ въ засѣданіи возникло жаркое трехъ-часовое преніе о томъ, должно ли еще продолжать переговоры съ С.-Петербургомъ или же прервать ихъ. Одна часть членовъ держалась мнѣнія, что необходимо продолжать ихъ, дабы выиграть время для окончательнаго вооруженія; но большинство объявило себя въ пользу немедленнаго прерванія переговоровъ, такъ какъ они ни къ чему не могли повести, а выиграніе времени было бы одинаково полезно какъ для нихъ, такъ и для Русскихъ. Хлопицкій, соглашаясь съ меньшинст-вомъ, въ энергическихъ выраженіяхъ возсталъ противъ защит-никовъ противуположнаго мнѣнія, объявивъ за тѣмъ, что онъ не можетъ взять на себя отвѣтственности за разрывъ, почему и считаетъ своею обязанностію созвать сеймъ.

Національный совѣтъ немедленно сообщилъ обо всемъ слу-чившемся контрольному отдѣленію, члены котораго, усмирен-ные передачею ихъ посольства и недовольные тѣмъ, что диктаторъ хочетъ еще продолжать переговоры, отправились прямо къ нему, съ цѣлью склонить его измѣнить свои на-мѣренія; въ случаѣ неудачи, они намѣревались, дурно оцѣ-нивъ его характеръ, подѣйствовать на него страхомъ отрѣ-шенія отъ должности. Хлопицкій изложилъ передъ ними по-ложеніе дѣлъ, и затѣмъ, ссылаясь на письмо Грабовскаго, прямо объявилъ, что съ такимъ документомъ въ рукахъ, ему невозможно болѣе удерживать за собою ввѣренную ему власть. Доказательства Царскаго благоволенія и безъ того умень-

нать довѣріе націи къ нему; а съ другой стороны, принимая въ соображеніе ничтожныя средства, которыя можно противопоставить столь могущественному Монарху, онъ не только не можетъ совѣтывать доводить дѣло до крайности, но напротивъ, считаетъ необходимымъ отвратить предстоящія бѣдствія переговорами при посредничествѣ Пруссіи. Въ случаѣ неуспѣшнаго хода войны, что слѣдуетъ естественно ожидать при превосходствѣ непріятельскихъ силъ, каждый назоветъ его измѣнникомъ. «Я знаю» — продолжалъ онъ — «что и съ меньшими силами можно разбить сильнѣйшаго противника, но въ «данномъ случаѣ несоразмѣрность черезъ-чуръ велика: мы «едва можемъ противопоставить 40,000 ч. 150,000 Русскихъ, «и точно также, какъ я не могу прошибить стѣну лбомъ, точно «также я не въ силахъ съ столь незначительною арміею по«бѣдить Русскихъ. Сверхъ того, вслѣдствіе дурнаго урожая, «намъ недостаетъ надлежащихъ запасовъ для похода; ихъ «имѣется всего на 12 дней.» «Мнѣ кажется невѣроятнымъ» возразилъ Игнатій Дембовскій — «чтобы недостатокъ въ припа«сахъ былъ дѣйствительно такъ великъ! Изъ нашего воеводства «(Плоцкаго) послано большое количество ихъ въ Модлинъ, и я «одинъ изъ моего маленькаго имѣнія отпустилъ 500 сухарей.» — «Я это знаю,» прервалъ его Хлопицкій: — «мнѣ уже давно про«жужжали уши этими 500 сухарями; но если Дембовскій ду«маетъ, что припасовъ имѣется достаточно, то пусть онъ зай«метъ мое мѣсто, потому что я не хочу болѣе быть диктато«ромъ.» Это объявленіе произвело величайшее смятеніе. Лестью и просьбами удалось наконецъ Чарторижскому опять смягчить диктатора. Однакожъ онъ продолжалъ настаивать на недостаточности польскихъ дѣйствующихъ войскъ, припасовъ и фуража. «Если бы я» — произнесъ онъ съ увѣренностью, основанною на знаніи своихъ соотечественниковъ — «предпринялъ этотъ походъ «и былъ бы разбитъ, то всѣ единогласно закричали бы: «измѣ«на!» Я хорошо помню что даже кн. Іосифъ Понятовскій и мно«гіе другіе подверглись этому упреку. Самъ Косціюшко не из«бѣжалъ бы его, еслибы не былъ взятъ въ плѣнъ при Маціови«цахъ.» Затѣмъ, когда Вишневскій заявилъ мнѣніе, что армію

можно значительно усилить, если поставить въ 3-ю шеренгу косиніеровъ, Хлопицкій отвѣчалъ на это: «ведите сами войну съ вашими косарями если хотите, а мнѣ ихъ и даромъ не нужно!»

Пренія становились все болѣе шумными. Раздраженный возраженіями диктаторъ въ гнѣвѣ воскликнулъ наконецъ: «Если «есть люди, которые ни въ грошъ не ставятъ свою совѣсть и «данную Государю присягу, то я смотрю иначе на эти вещи: я «только для того употребилъ довѣренную мнѣ власть, чтобы о- «хранить націю отъ ужасовъ анархіи; что касается до того, что- «бы вести ее на бойню, то эту отвѣтственность я не могу взять «на себя.» Тогда произошла шумная сцена. Ледоховскій замѣтилъ Хлопицкому, что такъ какъ онъ самъ требовалъ диктатуры, то и долженъ удержать ее и исполнять свою обязанность; что силы русской арміи были уже тогда извѣстны ему, и что тогдашнее положеніе дѣлъ ни въ чемъ не измѣнилось и теперь, а потому онъ не имѣетъ права обмануть оказанное ему довѣріе, не нанося тѣмъ существеннаго вреда какъ самому себѣ, такъ и цѣлой націи. Не вступаясь въ дальнѣйшія изъясненія, Хлопицкій возразилъ съ жаромъ: «съ такимъ незначительнымъ «числомъ войскъ я не могу вести войны. Вы, милостивый госу- «дарь»—обратился онъ къ Ледоховскому—«вы только и гово- «рите о войнѣ; но я очень сомнѣваюсь, остались ли бы вы все «время подлѣ меня на полѣ битвы. Я тутъ же слагаю съ се- «бя свой санъ: я не хочу быть ни диктаторомъ, ни предводи- «телемъ, ни офицеромъ, ни солдатомъ.»—«Если нація прика- «жетъ»—возразилъ Ледоховскій—«вы должны повиноваться; не «хотите вы быть, ни диктаторомъ, ни полководцемъ, ни офи- «церомъ, то вы будете солдатомъ.»—«Хорошо! воскликнулъ Хло- пицкій, схвативъ его за руку: «я буду солдатомъ, но уже болѣе ни чѣмъ»; и съ этими словами онъ ушелъ въ свой кабинетъ, съ силою захлопнувъ за собою дверь.

Члены коммиссіи съ замѣшательствомъ посматривали другъ на друга, не зная что имъ начать. Молва о происшедшемъ раздорѣ распространилась по городу; говорили, что наблюдательное отдѣленіе сейма хочетъ лишить Хлопицкаго диктаторства. Его

многочисленные враги, преимущественно клубисты, тотчасъ приготовились и предлагали свое содѣйствіе; его приверженцы напротивъ, раздраженные клеветами партіи Лелевеля, хотѣли покончить съ нею. Послѣ долгаго совѣщанія, на слѣдующее утро отдѣленіе сейма спросило диктатора: на какихъ условіяхъ онъ желаетъ сохранить ввѣренную ему власть, или по-крайней-мѣрѣ главное начальство надъ арміею? Хлопицкій отвѣчалъ: «что онъ «не можетъ взять на себя отвѣтственность за несчастія, которыя «неминуемо испытаетъ страна, вслѣдствіе столь неравной борь«бы; почему онъ только тогда можетъ сохранить ввѣренную «ему власть, если ему дадутъ неограниченное полномочіе въ «выборѣ и употребленіи мѣръ для спасенія отечества.» Депутація отклонила это предложеніе, отвѣтивъ, что она сама не уполномочена облечь его такою властью, для полученія которой ему слѣдуетъ обратиться къ камерамъ. Тѣмъ кончились переговоры, и Хлопицкій получилъ увольненіе. Онъ былъ всѣми покинутъ теперь; его враги торжествовали. Контрольное отдѣленіе, въ рукахъ коего осталась власть, препоручило національному совѣту, сообща съ министрами, управлять страною на прежнемъ основаніи. Временнымъ главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Вейсенгофъ, а въ случаѣ отсутствія, его замѣщали генералы Клицкій и Шембекъ. Вслѣдъ затѣмъ, обнародовавъ увольненіе диктатора, контрольное отдѣленіе объявило себя распущеннымъ при открытіи польскаго сейма.

Невозможно представить себѣ всеобщаго изумленія, которое было произведено объявленіемъ диктатора. До сихъ поръ, съ чрезмѣрною самонадѣянностью свойственною молодежи и довѣряя смѣшнымъ увѣреніямъ журналистовъ, что въ Россіи повсюду вспыхнули возмущенія, что русская армія не хочетъ сражаться съ Полякими, что Турки и Персы объявили уже войну Россіи, а Франція и Англія намѣреваются сдѣлать тоже самое; наконецъ расчитывая на помощь Литвы,—Поляки не боялись войны: журналисты постоянно увѣряли публику, что армія доведена уже болѣе чѣмъ до 100,000 состава, и что въ случаѣ нужды можно будетъ ее удвоить; кромѣ того, всѣ надѣялись на Хлопицкаго, котораго они считали первымъ полко-

водцемъ въ мірѣ; и вдруъ всѣ эти мечты разомъ разсѣялись, и они услышали, что невозможно было выдержать неровную, продолжительную борьбу. Трудно составить себѣ понятіе объ ожесточеніи, произведенномъ этимъ объявленіемъ. Съ обычнымъ непостоянствомъ народъ отнялъ теперь свою любовъ у человѣка, рѣшившагося сдѣлать подобное признаніе. Хлопицкій былъ теперь также проклинаемъ, какъ не задолго до того боготворимъ; до бѣшенства раздраженный народъ разсѣялся по городу, и вездѣ, гдѣ только видѣлъ въ картинныхъ лавкахъ портреты Хлопицкаго, разрывалъ ихъ на куски и топталъ ногами. Національная гвардія съ трудомъ могла воспрепятствовать бо́льшимъ скопищамъ. Враги Хлопицкаго ревностно старались увеличить общее волненіе. Они не могли простить ему слова его, что онъ взялъ на себя власть только для того, чтобы остановить распространеніе революціи; что онъ предложилъ посредницею ненавистную Пруссію, а не Францію или Англію; что онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ революціонерамъ и не хотѣлъ нарушить свою присягу Государю, наконецъ, что онъ унижалъ средства, которыя они считали достаточными, для того чтобы сопротивляться цѣлому свѣту. Стали распускать слухъ, что бывшій диктаторъ намѣревается бѣжать къ Русскимъ, и требовали его арестованія. Вслѣдствіе этого къ нему былъ приставленъ полк. Турно, а президентъ сената, кн. Чарторижскій и маршалъ сейма, Владиславъ Островскій, отправились къ нему и требовали его честнаго слова въ томъ, что онъ не выѣдетъ изъ столицы. При рѣшительномъ характерѣ Хлопицкаго легко было предвидѣть его отвѣтъ. «Дѣлайте со мною что хотите», отвѣчалъ онъ, презрительно улыбаясь: «я привыкъ къ военнымъ тюрьмамъ, и вы мнѣ уже дали сегодня стража, но не ожидайте отъ меня никакого обѣщанія!» Этотъ отвѣтъ привелъ ихъ въ затрудненіе; высшій совѣтъ принялся обсуждать, что слѣдовало дѣлать при такихъ обстоятельствахъ Лелевель, движимый своею ненавистью, предложилъ отказаться отъ всѣхъ актовъ диктатора, дабы не брать на себя отвѣтственность за нихъ предъ народомъ; но это предложеніе было отклонено умѣренною партіею. Между тѣмъ Хлопицкій находился нѣсколько

дней подъ карауломъ своей же почетной гвардіи. Однако же онъ перенесъ это, какъ и всѣ оскорбленія, которыми его осыпали, съ истиннымъ великодушіемъ; чѣмъ сильнѣе было общественное озлобленіе противъ него, тѣмъ спокойнѣе и хладнокровнѣе онъ становился, въ полномъ убѣжденіи, что всегда дѣйствовалъ для истиннаго блага своего отечества. Пристыженные враги его принуждены были наконецъ снять караулъ отъ его дверей. Хлопицкій тотчасъ же поспѣшилъ выйти въ сопровожденіи своего стража, дабы показать, что онъ не боится народа. Полный сознанія своей невинности, съ поднятою головою и безстрашнымъ взглядомъ, такъ сказать вызывая народъ, отъ прошелъ по многимъ улицамъ, послѣ чего возвратился въ свою квартиру. Никто не отважился напасть на него.

Послѣ трехъ дней общаго унынія, смятенія и безпокойныхъ предчувствій, Варшава дождалась наконецъ собранія сейма. $^{19}/_{1}$ янв., послѣ богослуженія въ костелѣ св. Іоанна, камеры были открыты. Оба президента говорили при этомъ рѣчи послѣдовательно одинъ за другимъ. Сначала президентъ сената кн. Чарторижскій въ общихъ выраженіяхъ изложилъ положеніе страны, настоящія ея потребности и необходимость не связывать судьбу цѣлой націи съ судьбою одного лица. Затѣмъ въ болѣе опредѣлительныхъ выраженіяхъ говорилъ маршалъ сейма, гр. Островскій. Такъ какъ прежде онъ весьма много содѣйствовалъ диктатурѣ Хлопицкаго, то теперь онъ считалъ нужнымъ, чтобы устранить отъ себя всякіе упреки, также рѣшительно пристать къ противоположному мнѣнію. Онъ говорилъ въ пользу чрезвычайныхъ мѣръ; требовалъ объявленія независимости и сказалъ, что нація, сражающаяся за свою свободу, ничего не должна опасаться. «Настала рѣшительная мину-«та», продолжалъ Островскій, «когда собравшіеся представители «народа должны окончить начатое дѣло. «Лучше погибнуть чѣмъ «покориться»—эти слова должны быть лозунгомъ націи. Сила «заключается не въ числѣ, а въ нравственной доблести. Польша, «конечно, не имѣетъ Θермопилъ, но въ ней есть спартанскія «сердца; изъ нихъ Поляки воздвигнутъ брустверъ, который, по-«добно знаменитой китайстой стѣнѣ, оградитъ нашу страну отъ

«Русскихъ. При томъ же мы имѣемъ союзниковъ въ рядахъ «нашего непріятеля; армія, которая, какъ говорятъ, должна по-«бѣдить насъ, состоитъ частію изъ нашихъ же братьевъ. Мо-«жетъ быть конституціонные народы выжидаютъ только, чтобы «мы объявили себя независимыми, дабы двинуть сильныя ар-«міи съ береговъ Сены и Темзы. Итакъ необходимо только «съ убѣжденіемъ произнести послѣднее слово; въ этомъ заклю-«чается первая обязанность сейма.» Слова эти произвели силь-ное впечатлѣніе; заключавшіеся въ нихъ намеки были для всѣхъ понятны, раздались многіе голоса: дайте намъ полковод-ца! другіе требовали немедленнаго похода въ Литву. Дабы приступить къ выбору главнокомандующаго, члены вновь из-бранной коммиссіи сейма были приглашены на слѣдующее утро въ военный совѣтъ, собравшійся у генерала Клицкаго, а къ вечеру должны были предложить сейму избранныхъ канди-датовъ.

Выборъ былъ не легокъ; хотя представлялось довольно соиска-телей, но между ними не было ни одного, одареннаго особенными талантами; къ тому же интриги различныхъ партій, старавших-ся каждая объ избраніи своихъ кандидатовъ, еще болѣе услож-нили вопросъ. Революціонеры предлагали Сѣравскаго или Шем-бека, вполнѣ преданныхъ имъ, и даже Заливскаго; умѣренная партія желала Паца или кн. Радзивила; всѣ солдаты указывали на Клицкаго или Круковецкаго, изъ которыхъ послѣдній особенно обратилъ на себя вниманіе, стараясь интриговать преимуще-ственно посредствомъ молодежи. Имѣя въ виду пожать добрые плоды, если не тотчасъ, то по-крайней-мѣрѣ въ будущемъ, онъ между прочимъ произнесъ слѣдующія слова, получившія общую извѣстность: «Если бы правительство поставило даже барабанщи-ка во главѣ насъ, то мы будемъ повиноваться и ему.» Кромѣ названныхъ лицъ была еще рѣчь о генералахъ: Вейсенгофѣ, Жимирскомъ, Войсчинскомъ, равно какъ и о полковникѣ Скржи-нецкомъ, что доказывало, что уже въ то время общее мнѣніе было въ его пользу, а легко можетъ быть также, что онъ вступилъ уже въ тайныя сношенія съ революціонерами. Вопросъ теперь со-стоялъ въ томъ: на чьей сторонѣ было мнѣніе арміи? но армія

*

вѣрила только въ одного Хлопицкаго. Въ генералахъ Клицкомъ и Круковецкомъ признавали военныя познанія, но первый былъ старъ и удрученъ болѣзнями, а послѣдній пользовался дурною репутаціею, по своему упрямству, самолюбію, вспыльчивости и склонности къ интригамъ. Генералы Сѣравскій и Шембекъ были люди безъ дарованій, коихъ главная заслуга заключалась только въ слѣпой преданности ихъ революціонерамъ; Радзивилъ и Пацъ хотя пользовались большимъ уваженіемъ, но болѣе за свой характеръ, чѣмъ за военныя заслуги; оба они имѣли понятіе о войнѣ, были храбрыми солдатами, но они не дали никакихъ доказательствъ своихъ способностей какъ генералы, и мало обѣщали ихъ въ будущемъ. Жимирскому наконецъ не довѣряли, да онъ и не имѣлъ особенныхъ способностей; Вейсенгофа вовсе знать не хотѣли за его дурной образъ жизни; Войсчинскій, современникъ и другъ Косцюшко, былъ старъ и слабъ; что же касается до Скржинецкаго, то предпочесть его столькимъ генераламъ казалось несогласнымъ съ военною субординаціею. Приверженцы Заливскаго наконецъ, состояли бо́льшею частью изъ людей самыхъ восторженныхъ. Рѣшено было узнать мнѣніе всѣхъ бывшихъ на лицо въ столицѣ генераловъ и офицеровъ, которыхъ пригласили подать свои голоса на бумагѣ, въ запечатанныхъ конвертахъ, президенту сената. Было предложено 7 кандидатовъ, а именно: кн. Михаилъ Радзивилъ, Шембекъ, Круковецкій, Вейсенгофъ, Войсчинскій, Пацъ и Скржинецкій. Изъ нихъ коммиссія избрала трехъ: Радзивила, Шембека и Вейсенгофа, и представила ихъ для выбора камерамъ. Тайно коммиссія благопріятствовала Радзивилу, не какъ способнѣйшему, но какъ человѣку, которому, по его характеру, можно было оказать наибольшее довѣріе. По самому положенію своему онъ внушалъ къ себѣ болѣе всѣхъ уваженія, и сверхъ того надѣялись, что Хлопицкій, единственный способный генералъ, на котораго могли расчитывать, будетъ поддерживать его своими совѣтами и даже можетъ быть согласится подъ его именемъ предводительствовать арміею. Эта надежда основывалась на слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Среди общаго замѣшательства нѣкоторые члены сейма тай-

но обратились къ Хлопицкому; между прочимъ Моравскій и Бернацкій, имѣли съ нимъ продолжительную бесѣду въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, въ которой они старались склонить его принять начальство надъ арміею. Спокойно и терпѣливо выслушалъ ихъ Хлопицкій, но остался непоколебимо при своемъ мнѣніи. Онъ развилъ передъ ними побудительныя причины своихъ поступковъ, объяснилъ положеніе дѣлъ и доказалъ неизбѣжность войны. «Предводительствовать арміею я не желаю,» сказалъ онъ, «но не отказываюсь сражаться въ ея рядахъ. Я «буду солдатомъ, и надѣюсь, что, принимая въ соображеніе мои «лѣта, суровую пору года и мои прежнія заслуги, мнѣ будетъ «оказано снисхожденіе, и отъ меня не будутъ требовать слишкомъ строгой службы; я съ благодарностію приму всякое об«легченіе и надѣюсь своею опытностью и совѣтами быть по«лезнымъ избранному вами главнокомандующему.» На вопросъ, кого онъ совѣтуетъ избрать, Хлопицкій назвалъ кн. Радзивила. «Онъ честенъ», сказалъ онъ, «и пользуется народною любовью. «Хотя онъ по службѣ моложе бо́льшей части генераловъ и «никогда не имѣлъ подъ своимъ начальствомъ отдѣльной части «больше полка; но онъ храбрый солдатъ, и только потому не «имѣетъ старшинства по службѣ, что рано оставилъ ее. Сверхъ «того, вслѣдствіе близкихъ отношеній, въ которыхъ мы нахо«димся, мнѣ легко будетъ оказывать ему содѣйствіе и онъ съ «своей стороны не отвергнетъ моихъ совѣтовъ.»

Когда въ тотъ же день, $^{20}/_{8}$ января (*) въ 6 час. вечера камеры были собраны, то это объявленіе Хлопицкаго, извѣстное бо́льшей части членовъ, преимущественно рѣшило выборъ въ пользу Радзивила. Къ тремъ предложеннымъ генераламъ присоединили еще Круковецкаго, и послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній, приступили къ подачѣ голосовъ. Послѣдствія можно было предвидѣть. Изъ 140 наличныхъ голосовъ, кн. Радзивилъ получилъ 107, Круковецкій 18, Вейсенгофъ 8 и Шембекъ 6. Было уже

(*) Не 21-го, какъ ошибочно повторили за Preussischen Staatszeitung всѣ заграничныя газеты и сочиненія (даже не исключая Шпацира). Мы дѣлаемъ это замѣчаніе съ тѣмъ, чтобы критики не сочли выставленное нами число за ошибку. Многія другія подобныя погрѣшности мы уже исправили, молча.

поздно, когда президентъ сената провозгласилъ кн. Радзивила главнокомандующимъ. Тотчасъ раздались громкія восклицанія: «Да здравствуетъ Радзивилъ! пусть ведетъ онъ насъ въ Литву! на битву! на битву!» Сенаторы и депутаты вскочили съ своихъ мѣстъ и окружили новаго главнокомандующаго, который съ своей стороны нисколько не желалъ этого назначенія и даже боялся его; тѣмъ не менѣе, онъ не считалъ себя вправѣ отказать общему желанію. Онъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ громкимъ голосомъ: «Повинуясь волѣ націи, я отвѣчаю на «оказанное мнѣ довѣріе немногими словами: я останусь та-«кимъ каковъ я былъ.» Такъ, по желанію революціонеровъ, другое извѣстное имя было глубоко впутано въ революцію! Послѣ того какъ Радзивилъ объявилъ, что онъ принимаетъ новое званіе только до-тѣхъ-поръ, пока не найдутъ достойнѣйшаго, засѣданіе сейма было закрыто при крикахъ «въ Литву! въ Литву!»

Избраніе новаго главнокомандующаго было возвѣщено правительствомъ народу и войску посредствомъ воззванія, въ которомъ не обошлось безъ упрековъ его предшественнику: «Ге-«нералъ Хлопицкій», говорилось въ немъ, «коему въ безпримѣр-«номъ довѣріи нація вручила высшую власть, отказался отъ «славной обязанности начальствовать храбрыми. Здѣсь не мѣ-«сто изслѣдовать побудительныя причины, заставившія генера-«ла, въ столь важную и рѣшительную минуту, отказаться отъ «службы отечеству; пусть судитъ о нихъ потомство!» Такимъ образомъ правительство само публично оклеветало человѣка, отъ котораго одного ожидало спасенія. Впрочемъ, назначеніе Радзивила было принято съ обычнымъ восторженнымъ энтузіазмомъ; на него возлагали самыя неумѣренныя надежды, хотя на дѣлѣ онъ былъ весьма мало способенъ осуществить ихъ. То былъ добрый, умѣренный, немного слабый человѣкъ; о его военныхъ подвигахъ ничего не было слышно. Вездѣ въ другомъ мѣстѣ такія качества были бы недостаточны, чтобы довѣрить человѣку въ столь критическія минуты главное начальство; но здѣсь съ обыкновеннымъ легкомыслiемъ расчитывали, что настоящая его обязанность будетъ заключаться въ томъ, чтобы прикрывать своимъ именемъ распоряженія другихъ болѣе спо-

собныхъ — расчетъ, который постоянно оказывался вреднымъ для военныхъ операцій и для армій, лишая ихъ единства въ управленіи. Кромѣ того всѣмъ нравилось въ Радзивилѣ то, что онъ не старался, подобно Круковецкому, Шембеку и Сѣравскому, возвыситься посредствомъ вліянія партій; а не избранные честолюбцы предпочитали его всякому другому сопернику, надъ которымъ нельзя было надѣяться пріобрѣсть такое вліяніе, какъ надъ Радзивиломъ.

Съ паденіемъ диктатора клубисты снова вздохнули свободнѣе; ихъ тайныя собранія вновь были открыты и огласились простнѣйшими рѣчами. Но эта первая попытка едва не кончилась дурно для нихъ. Какъ только сдѣлалась извѣстною отставка Хлопицкаго, они начали, посредствомъ прибитыхъ на углахъ улицъ объявленій, приглашать гражданъ къ собранію въ залѣ редута. Многіе явились на это приглашеніе, но лишь только начались пренія, какъ вдругъ въ залу вошелъ губернаторъ города, престарѣлый генералъ Войсчинскій во главѣ военнаго патруля и приказалъ разогнать ревностныхъ ораторовъ, угрожая имъ впредь употребить въ дѣло пули. На это они излили въ своихъ газетахъ страшнѣйшее негодованіе. «Генералъ нарушилъ уваженіе къ гражданамъ», говорили они: «нанесъ оскорбленіе достоинству народа,» и т. п. нелѣпыя фразы. Патріотическій клубъ, дня два спустя послѣ этого происшествія, также былъ открытъ съ большимъ торжествомъ. Лелевель вторично стоялъ во главѣ его, Романъ Солтыкъ былъ вице-президентомъ; всѣ неумѣренные люди присоединились къ нему и старались овладѣть ходомъ дѣлъ. Достигнуть этого казалось легче всего посредствомъ печати; органомъ своимъ они избрали газету Nowa Polska (Новая Польша), журналъ, издаваемый только съ новаго года самыми рьяными ноябристами. Адамъ Гуровскій, Болеславъ Островскій и Людвигъ Жуковскій были три главныхъ редактора, въ первое время почти одни наполнявшіе его листки своими статьями. Въ этомъ журналѣ разсуждали обо всемъ съ такою запальчивостью, желчностію, злословіемъ и часто съ такимъ незнаніемъ дѣла, что возбудили негодованіе между всѣми безпристрастными людьми.

Одинъ безъименный авторъ (вѣроятно Викентій Немоіевскій) выражался объ этомъ журналѣ, въ «Польскомъ курьерѣ» слѣдующимъ образомъ: «Эти молодые люди проклинаютъ все то, что «по ихъ словамъ было хорошо за 15 лѣтъ, но не теперь, т. е. «все то, чему они не учились, посѣщая школу и чему теперь «уже не хотятъ учиться: потому что гораздо легче надменно от«вергать, нежели основательно изслѣдовать и опровергнуть. No«wa Polska хочетъ низвернуть рѣшительно все прежнее и за«мѣнить его только собою и клубами, въ которыхъ заключается, «по ея мнѣнію, единственное спасеніе страны.»

Между тѣмъ общественное мнѣніе было полно ожиданія войны, требовало войны и надѣялось исключительно на войну; съ этою цѣлью рѣшено было расторгнуть послѣднюю связь, соединявшую Польшу съ Россіею. Уже $^{20}/_{8}$ вечеромъ, еще до избранія главнокомандующаго, революціонная партія заставила Романа Солтыка внести предложеніе: объявить Россійскій Царствующій домъ лишеннымъ польскаго престола. Когда это предложеніе было прочитано, изумленіе и смущеніе овладѣло депутатами и зрителями; это былъ шагъ совершенно неожиданный, и нѣсколько минутъ въ засѣданіи царствовало глубокое молчаніе. Наконецъ, голосъ умѣренной партіи одержалъ верхъ, и маршалъ сейма, за день передъ тѣмъ самъ намекавшій на это сверженіе, отстранилъ предложеніе, объявивъ, что по существующимъ статутамъ, право предлагать законы принадлежитъ правительству, а не камерамъ Поэтому, прежде чѣмъ принять это предложеніе, необходимо было учредить новое правленіе или же предоставить камерамъ право иниціативы. Не смотря на то, предложеніе было отослано въ коммиссію, а чтобы устранить всѣ препятствія, немедленно было приступлено къ составленію закона, предоставляющаго камерамъ право иниціативы. И такъ, первый шагъ былъ сдѣланъ и впечатлѣніе, произведенное имъ, было такъ велико, что въ слѣдующіе дни всѣ разговоры столицы, всѣ разсужденія клубовъ и журналовъ имѣли предметомъ предложеніе Солтыка. Мало-по-малу общественное мнѣніе все болѣе и болѣе съ нимъ освоивалось, а извѣстно, что можно свыкнуться съ самою невѣроятною мыслью,

если только держать ее постоянно въ умѣ. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ предложеніе, вслѣдствіе безпрестанныхъ о немъ разсужденій, было признано наконецъ большинствомъ соотвѣтствующимъ тому положенію, въ которомъ были дѣла. Въ камерахъ предводители партіи дѣйствія успѣли склонить наконецъ на свою сторону и тѣхъ депутатовъ, которые до сего не принадлежали открыто ни къ какой партіи, но держались середины между восторженными и умѣренными, какъ наприм.: Ледоховскій, Свидзинскій, оба Островскіе и другіе. Эти послѣдніе стали во главѣ партіи дѣйствія, и своимъ сильнымъ вліяніемъ дали ей перевѣсъ. Такъ какъ ихъ общая цѣль заключалась въ принятіи мѣры, посредствомъ которой можно было бы увлечь за собою людей боязливыхъ и колеблющихся и сдѣлать для нихъ невозможными попытку отговориться, всякую надежду отступить впослѣдствіи, то понятно, что еслибы имъ удалось наконецъ, привести въ исполненіе вышесказанную мѣру, то этимъ самымъ былъ бы данъ открытый лозунгъ къ непримиримой борьбѣ съ Россіею.

Вслѣдствіе сего, въ третьемъ засѣданіи сейма $^{22}/_{10}$ янв. былъ предложенъ законъ, по которому не только правительство, но и камеры должны были имѣть право иниціативы, но съ условіемъ, что если предложеніе будетъ сдѣлано не непосредственно коммиссіями, но отдѣльными членами, то камеры, не обсуждая его, должны были рѣшить предварительно, слѣдуетъ ли его отстранить или представить на разсмотрѣніе коммиссій. Еслибы отдѣльныя мнѣнія о проектѣ каждой изъ двухъ камеръ были бы несогласны между собою, то принятіе или отверженіе его должно было рѣшаться по большинству голосовъ въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ камеръ. Этимъ способомъ принятіе предложеній на дѣлѣ было поставлено въ зависимость отъ камеры депутатовъ, какъ имѣвшей бо̀льшее число членовъ. Тщетно многіе члены возстали противъ цѣли, къ которой былъ направленъ этотъ законъ; тщетно другой Солтыкъ (по имени Францъ) объявилъ, что присутствующіе народные представители не были уполномочены свергать съ трона царствующую династію, восклицанія: «къ порядку!» — прервали ихъ слова. И здѣсь,

гдѣ разсуждали о свободѣ, не позволяли даже говорить свободно! Большинствомъ 95 голосовъ противъ 12, законъ объ инициативѣ былъ принятъ; сенату пришлось поневолѣ послѣдовать этому примѣру. Такимъ образомъ были измѣнены существенныя основанія государственнаго устройства, а камера депутатовъ преобразована въ конвентъ, который, будучи освобожденъ отъ всякой уравновѣшивающей власти, могъ каждый вопросъ, въ качествѣ высшей инстанціи, рѣшать по желанію революціоперовъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи были представлены доклады министровъ о различныхъ ввѣренныхъ имъ отрасляхъ управленія, начиная съ 29 ноября. Въ то время, когда занялись слушаніемъ этихъ докладовъ, $^{23}/_{11}$ вечеромъ были получены прокламаціи фельдмаршала Дибича къ польской арміи и націи; составленныя съ большимъ тактомъ и согласно съ истиной, они произвели чрезвычайное впечатлѣніе, и, въ то же время наполнили революціонную партію новою яростью. Онѣ возвѣщали предстоящее вступленіе русскихъ войскъ; говорили объ образѣ дѣйствій, котораго войска будутъ держаться въ отношеніи къ жителямъ и котораго они ожидаютъ отъ нихъ взаимно; напоминали народу и арміи обязанности ихъ къ Монарху, и въ заключеніе приглашали ихъ при приближеніи ограждающей власти оставить знамена мятежа. Въ первой изъ этихъ прокламацій, къ польской націи, фельдмаршалъ объявлялъ: что только одни виновные будутъ подвергнуты отвѣтственности, и даже изъ нихъ не всѣ, а только зачинщики возстанія и тѣ, которые обагрили свои руки невинною кровью. Засимъ онъ сообщалъ Полякамъ тѣ правила, которыми онъ будетъ руководиться при предстоящемъ вступленіи въ Царство. Главнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: мирные граждане пользуются полнѣйшею безопасностью и охраненіемъ; все потребное для войскъ будетъ покупаемо на наличныя деньги; въ случаѣ же если бы пришлось прибѣгнуть къ реквизиціямъ, жители получатъ вмѣсто платы квитанціи, которыя будутъ принимаемы, какъ чистыя деньги при взносѣ податей; оружіе, при вступленіи русскихъ войскъ, должно было быть повсюду выдано; тотъ же, кто будетъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ преданъ военному суду; города и се-

ленія, которые окажутъ сопротивленіе, будутъ обложены чрезвычайною контрибуціею; но въ случаѣ, если они возстанутъ, находясь въ тылу арміи, то къ нимъ будетъ приложена вся строгость военныхъ законовъ; при приближеніи русскихъ войскъ мѣстныя городскія и сельскія власти должны, въ знакъ покорности, высылать на встрѣчу ихъ депутацію съ бѣлыми знаменами; возвратившимся къ повиновенію обѣщается полное забвеніе случившагося; организація управленія должна вездѣ оставаться въ такомъ видѣ, какъ была до возмущенія; отлучившіеся чиновники будутъ замѣщены другими, преимущественно не принимавшими участія въ революціи; наконецъ, жители, оставшіеся спокойными, могутъ ожидать полнаго покровительства; имѣнія же тѣхъ, кои будутъ держаться на сторонѣ мятежниковъ, подвергнутся секвестру.

Во второй прокламаціи, къ польскимъ войскамъ, напоминалась имъ вкратцѣ вся исторія послѣднихъ лѣтъ, равно какъ и благодѣянія, которыми они обязанны Императору Александру. Потомъ, упомянувъ о примѣрномъ поведеніи тѣхъ немногихъ польскихъ офицеровъ, кои могли принять участіе въ турецкой кампаніи, прокламація говоритъ далѣе: «Мы всѣ «съ удовольствіемъ приняли это ратное товарищество, еще бо«лѣе укрѣпившее связь между русскими и польскими войсками. «Съ этою мыслью связываются для насъ лучшія надежды осущ«ствленія взаимныхъ стремленій, основанныхъ на всемъ, что воен«ная доблесть имѣетъ прекраснаго и святаго. Эти надежды были «жестоко обмануты: горсть молодыхъ людей, не имѣющихъ даже «понятія объ опасностяхъ, молодые офицеры, никогда не быв«шіе на полѣ битвы, такъ сказать рекруты, успѣли поколебать «вѣрность храбрыхъ. Послѣдніе сдѣлались свидѣтелями страшнѣй«шаго преступленія—убійства ихъ начальниковъ; они не вос«препятствовали возмущенію противъ ихъ законнаго Государя. Какое несчастное ослѣпленіе, какая малодушная снисхо«дительность могла побудить ветерановъ, допустить совершеніе «величайшихъ злодѣйствъ и присоединиться къ кровожаднымъ «толпамъ! Возможно ли, чтобы жсланіе принесть пользу оте«честву могло бы, хотя одно мгновеніе, служить извиненіемъ та-

«кихъ поступковъ? Но вѣдь это отечество здѣсь на лицо, дабы «сказать имъ, что оно съ давнихъ поръ не было такъ счастливо «какъ теперь. Оно уже достигло многаго и могло ожидать еще «бо́льшаго отъ своей вѣрности и сохраненія общественнаго «порядка. Вдаваясь въ неровную борьбу, оно все ставитъ на кар- «ту, потому что возстаетъ противъ Государя, котораго твердый и «энергическій характеръ хорошо извѣстенъ, потому что ос- «корбляетъ державу, которую никогда еще не оскорбляли без- «наказанно.» «Польскіе воины!» говорится далѣе: — «возмущеніе «хочетъ запятнать васъ клеймомъ позора; откажитесь отъ та- «кого безчестья. Исторія вспомнитъ когда нибудь, что вы, въ «надеждѣ быть полезными вашему отечеству, были вѣрны и «покорны агитатору, много обѣщавшему вамъ и ничего не «давшему. Неужели ей придется прибавить къ этому, что вы «воздали неблагодарностью и вѣроломствомъ Государю, вели- «кодушно давшему вамъ все то, на что вы не имѣли даже пра- «ва надѣяться? Неужели вы рѣшитесь навлечь на ваше отече- «ство новое несчастіе, а на себя самихъ неизгладимый упрекъ? «Если и были справедливые поводы къ жалобамъ, то вамъ над- «лежало бы имѣть на столько довѣрія къ характеру нашего Госу- «даря, чтобы законнымъ путемъ, съ откровенностью характеризи- «рующую настоящихъ воиновъ, представить ему ваши жалобы.» Далѣе въ прокламаціи говорится, что если солдаты не могутъ воз- вратиться къ долгу путемъ, указаннымъ въ Императорскомъ ма- нифестѣ отъ $^{17}/_{5}$ дек., то должны по-крайней-мѣрѣ присоеди- ниться къ приближающимся русскимъ войскамъ, которыя всту- паютъ въ Царство только для того, чтобы возстановить поря- докъ, и примутъ съ отверстыми объятіями всякаго раскаи- вающагося. Затѣмъ Дибичъ обращается къ генераламъ и полков- никамъ польской арміи: «Возвратитесь», говоритъ онъ имъ, «отъ минутнаго заблужденія, которому вы сами могли поддать- «ся только съ цѣлью, своимъ присоединеніемъ къ мятежникамъ «вернуть ихъ къ долгу и оказать услуги вашему отечеству, «не измѣняя вашей присягѣ. Опытъ вѣроятно разочаровалъ «васъ. Возвратитесь къ долгу вѣрности, и тѣмъ вы возвратите «вашей странѣ благосостояніе и счастіе. Если же», заключаетъ

фельдмаршалъ свое воззваніе,—«между вами есть люди зачер-«ствѣлые въ преступленіяхъ, которые не въ состояніи положить-«ся на великодушіе другаго, потому только, что сами они не «имѣютъ понятія о высокомъ чувствѣ, его рождающемъ, то мы «разрываемъ съ ними узы всякаго военнаго товарищества, и «Всемогущая десница Божія, покровителя праваго дѣла, низвер-«жетъ на ихъ головы наказаніе, которое они заслужили свои-«ми преступленіями.»

Революціонная партія чувствовала, что нельзя болѣе терять ни одной минуты; необходимо было изгладить впечатлѣніе, произведенное этими прокламаціями въ Польшѣ и за границею, еще болѣе сильнымъ впечатлѣніемъ; нужно было принять мѣру, которая своею смѣлостью привела бы въ изумленіе всѣ умы и не оставила бы времени на размышленія. Немедленно рѣшили снова обратиться къ предложенію Солтыка, и надѣялись провести его безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ спеціальной коммиссіи, какъ того требовалъ недавно изданный законъ, потому что это повлекло бы за собою только потерю времени. Если бы партіи умѣренныхъ было дано достаточно времени на размышленіе, то нельзя было надѣяться на согласіе ея съ такою мѣрою, которая совершенно уничтожала возможность примиренія и отрѣзывала всѣ пути къ отступленію. Что касается до революціонеровъ, то они зашли уже черезъ-чуръ далеко: отступленіе для нихъ во всякомъ случаѣ было невозможно, и потому, ради ихъ собственной безопасности, имъ пришлось увлекать за собою и цѣлую націю; они расчитывали, что на всякій случай имъ полезно было имѣть побольше сообщниковъ, потому что чѣмъ больше число виновныхъ, тѣмъ слабѣе кажется вина каждаго изъ нихъ порознь. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ описанію достопамятнаго засѣданія $^{25}/_{13}$ янв., въ которомъ польскій престолъ былъ объявленъ свободнымъ, да будетъ намъ позволено привести здѣсь разговоръ гр. Езерскаго съ Императоромъ Николаемъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ переданъ графомъ польскому сейму. Разговоръ этотъ въ немногихъ чертахъ обрисовываетъ и вѣрно опредѣляетъ весь спорный вопросъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о человѣколюбіи

и великодушіи характера русскаго Монарха. Тѣмъ болѣе необходимо передать этотъ разговоръ, что именно онъ далъ революціонной партіи непосредственный поводъ, чтобы увлечь камеры къ такому поступку, который долженъ былъ образовать непроходимую бездну между Польшею и Россіею.

$^{26}/_{14}$ декабря, въ 10 ч. вечера гр. Езерскій былъ потребованъ къ Государю, принявшему его въ присутствіи гр. Бенкендорфа (*). Государь ласково привѣтствовалъ Езерскаго и выразилъ глубокую печаль о варшавскихъ происшествіяхъ.—«Я «никакъ этого не ожидалъ», сказалъ Онъ, «мое самолюбіе было «оскорблено. Я любилъ Поляковъ и расчитывалъ на взаимную «любовь.» Езерскій отвѣчалъ, оправдываясь, что происшествія 29 ноября есть дѣло небольшаго числа людей, и при томъ только бывшее слѣдствіемъ распространившагося слуха, что будто Русскіе убиваютъ Поляковъ; что 4-й полкъ увлекъ за собой массу народа, которая въ этомъ движеніи не имѣла никакой опредѣленной цѣли. Затѣмъ граждане, коихъ спокойствію угрожала опасность, были принуждены соединиться и вооружиться для защиты своей собственности, противъ взволнованной толпы: «Могъ ли Я предвидѣть», продолжалъ Государь, «чтобы польское «войско, которое Я высоко цѣнилъ, на честь и вѣрность кото«раго Я полагался столько же какъ и на храбрость, скрывало «въ средѣ своей зародышъ измѣны и вѣроломства. Въ этихъ «солдатахъ, умерщвляющихъ посѣдѣлыхъ въ бояхъ начальни«ковъ, отрекающихся отъ знаменъ, законовъ, долга и военной «дисциплины, и распространяющихъ страхъ и ужасъ по улицамъ «мирнаго города, могу ли Я узнать въ нихъ воиновъ, кои съ «незапамятныхъ временъ славились нарушимою вѣрностью? «На нихъ расчитывалъ Я въ минуту опасности; во всѣхъ «внѣшнихъ войнахъ они составляли Мой авангардъ. Законы «чести и обычаи всѣхъ народовъ и во всѣ времена клеймили «позоромъ всякаго военнаго, покидающаго знамена или нару«шающую присягу. Чѣмъ болѣе было Мое довѣріе, тѣмъ пре«ступнѣе измѣна; потому Я считаю своимъ долгомъ наказать

(*) Мы передаемъ весь этотъ разговоръ по донесенію Езерскаго, не ручаясь за его дипломатическую точность.

«виновниковъ столькихъ несчастій; но Мои чувства, равно какъ «и Мои интересы, заставляютъ Меня желать, чтобы Польша са- «ма очистилась отъ преступленія, которое совершили нѣкото- «рые изъ ея сыновъ противъ Меня и своего отечества.» Настаивая на необходимости предварительнаго возвращенія къ повиновенію, Государь продолжалъ: «Пусть будетъ возстано- «вленъ законный порядокъ вещей; пусть будутъ найдены истин- «ные преступники,— общее мнѣніе потребуетъ наказанія ихъ; «но пусть тогда они предстанутъ предо Мною, какъ дѣти, упо- «вающіе на своего отца, и пусть Мнѣ одному будетъ предоста- «влено позаботиться объ ихъ помилованіи. Осуществленіе этого «послѣдняго доставило бы Мнѣ невыразимую радость. На пред- «ставителяхъ польскаго народа лежитъ обязанность, опираясь на «законы, коихъ они естественные хранители, загладить оскор- «бленіе, нанесенное законному порядку вещей, дабы Я могъ «избавиться отъ грустной обязанности наказывать. Пусть только «сами представители произнесутъ надъ преступниками судебный «приговоръ, и тогда даже самое слабое наказаніе послужитъ Мнѣ «доказательствомъ, что они желаютъ отмстить за оскорбленную «святость законовъ.» Упомянувъ затѣмъ, что число виновныхъ еще не велико, что большая часть войскъ не измѣнила своимъ обязанностямъ, и что только 4-й полкъ, школа подпрапорщиковъ и саперный баталіонъ нарушили ихъ, но что и они могутъ впослѣдствіи, на поляхъ битвъ загладить свой проступокъ, Государь указалъ на свою собственную гвардію: «посмотрите на «баталіоны Моей гвардіи, возмутившіеся при Моемъ восшествіи «на престолъ: они соревнуютъ теперь въ преданности съ дру- «гими полками, и Я беззаботно ввѣряюсь имъ. Развѣ Я такъ «страшенъ, такъ неумолимъ? Вѣдь вы видѣли Мое поведеніе «съ людьми, замѣшанными въ происшествіяхъ 14-го декабря «1825 г.» На это Езерскій вторично замѣтилъ, что большая часть народа и войска не участвуютъ въ томъ, на что отважилась только горсть молодыхъ людей, и что единственно стеченіе обстоятельствъ принудило націю принять теперешнее положеніе. «Я нахожу весьма естественнымъ», возразилъ Государь, «что въ первыя минуты безпокойствъ граждане вооружились и

«организировали стражу для защиты своей собственности, но «для Меня необъяснимы начатыя по всей странѣ вооруженія, «конскрипціи, приготовленія къ войнѣ. Противъ кого направле«ны всѣ эти вооруженія? Не хотятъ ли со Мною вести войну? «Что значатъ распространяемыя въ Моихъ областяхъ проклама«ціи, съ цѣлью произвести возмущеніе и соблазнить Моихъ «солдатъ? Какъ согласовать все это съ миролюбивыми намѣре«ніями и съ чувствами вѣрности, которыми мнѣ обязаны?»

Нужно знать, что въ первые же дни послѣ возстанія русскія области были наводнены мятежными воззваніями, въ которыхъ польскіе революціонеры приглашали къ возмущенію какъ жителей, такъ и войско. Въ этихъ воззваніяхъ заключалась самая ненавистная ложь, возмутительнѣйшія клеветы противъ правительства и вообще не было забыто ни одно средство, которое только могло раздражить умы. Революціонеры ожидали большихъ результатовъ отъ дѣйствія этихъ мѣръ, и потому ежедневно распространяли въ своихъ газетахъ преждевременныя извѣстія о возстаніяхъ, которыя должны были скоро вспыхнуть то въ той, то въ другой мѣстности Россіи. Они ошибались; ихъ приглашенія произвели впечатлѣніе только на тѣхъ, которые уже прежде были приверженцами возстанія.

Езерскій, поставленный въ безвыходное положеніе вопросами Государя, приписалъ все страху. Будто бы, послѣ первыхъ минутъ изумленія онъ овладѣлъ всѣми, и всѣ полагали, что поступки нѣсколькихъ человѣкъ безвозвратно компрометировали политическое существованіе всей націи. Этотъ страхъ соединилъ всѣхъ при видѣ общей опасности и можетъ быть устраненъ только успокоительными словами Государя. Осторожно коснулся онъ еще желанія о присоединеніи прежнихъ польскихъ провинцій къ Царству. «Я Царь Польскій!» возразилъ Государь,— «и хочу имъ остаться; но Я не могу допустить ничего, что «имѣло бы даже видъ уступки, въ особенности если ее требу«ютъ отъ Меня въ минуту бунта и съ оружіемъ въ рукахъ. «Если бы Я это сдѣлалъ, то Я бы забылъ свои обязанности «въ отношеніи къ тому мѣсту, на которое Меня призвало про«видѣніе. Пусть Мнѣ повѣрятъ, Моимъ желаніемъ не можетъ

«быть, чтобы невинные пострадали за виновныхъ.» «Поставьте «себя въ Мое положеніе»—продолжалъ Онъ:—«могули Я, закон- «ный вашъ Царь, вступить въ унизительные переговоры съ Мо- «ими подданными? Могу ли допустить, чтобы вы Мнѣ предписыва- «ли условія, на основаніи которыхъ вы будете Мнѣ впредь по- «виноваться? Будь Я только Польскимъ Царемъ, Я бы нахо- «дился теперь среди васъ; но какъ Русскій Императоръ, Я дол- «женъ обращать вниманіе и на другіе интересы: Я не могу упу- «скать изъ виду честь и достоинство великаго Государства. Я «ни въ какомъ случаѣ не хочу дѣйствовать опрометчиво. Ука- «жите Мнѣ на средство къ мирному рѣшенію вопроса, сред- «ство пригодное для польскаго Царя, который въ то же время «есть русскій Императоръ; ничего лучшаго Я не желаю. Мое «единственное желаніе устранить настоящія затрудненія при «содѣйствіи Поляковъ и вмѣстѣ съ Поляками; поэтому Я же- «лалъ бы окружить себя совѣтомъ изъ сенаторовъ и депута- «товъ, которыхъ Я могъ бы считать вѣрными и достойными «уваженія подданными.» Объяснивъ затѣмъ, что Онъ велѣлъ созвать въ Петербургъ всѣхъ находившихся въ Россіи поль- скихъ сенаторовъ, Государь опять возвратился къ своему тре- бованію, чтобы Поляки сами оказали правосудіе надъ тѣми, которые привели ихъ на край гибели: «Я самъ не хочу нико- «го карать, но Поляки должны видѣть, что Мое требованіе по- «лучить удовлетвореніе серіозно. Возможно ли требовать, чтобы «Я все предалъ забвенію? Могу ли Я закрыть глаза на все, что «произошло? Развѣ въ Варшавѣ не было совершено убійствъ? «Развѣ не покушались на жизнь Моего брата? Развѣ участники «въ этомъ покушеніи не сдѣлались, по вашимъ собственнымъ «законамъ, виновными въ государственномъ преступленіи?» На- конецъ, переходя къ главному вопросу, Государь сказалъ: «Отъ «Меня требуютъ, чтобы Я уступилъ присоединенныя къ Импе- «ріи прежде бывшія польскія провинціи. Такая мысль никог- «да не могла прійти Мнѣ на умъ; угрозами еще менѣе «можно достигнуть того, что составляетъ дѣло немыслимое. «Какимъ образомъ Я могу одно изъ Государствъ, стоящихъ «подъ Моимъ скипетромъ, возвышать на счетъ другаго?»

Езерскій, самъ сознавшій нелѣпость этого требованія, въ замѣшательствѣ не зналъ, что отвѣчать; онъ извинялся своимъ неумѣніемъ вести политическій разговоръ, и только заклиналъ Государя забыть все случившееся и выказать свое великодушіе. «Мой манифестъ», отвѣчалъ Государь, «показываетъ Мои на«мѣренія въ отношеніи Польши; онъ показываетъ, подъ какими «условіями вы можете увидѣть Меня въ средѣ вашей, какъ «прощающаго отца. Если бы настоящія обстоятельства сдѣла«ли бы затруднительнымъ выполненіе отдѣльныхъ пунктовъ, то «Я впередъ соглашаюсь на нѣкоторыя смягченія.» затѣмъ Государь заключилъ, что въ качествѣ Польскаго Царя Онъ считаетъ своею обязанностью подавить возмущеніе и наказать преступниковъ (*). Что до-сихъ-поръ не вся нація, а только нѣкоторые измѣнники заслужили Его негодованіе, если же и нація вооружится противъ Него и вступитъ въ борьбу съ Его арміею то: Поляки своими же пушечными выстрѣлами низринутъ Польшу.

Когда послѣ этой бесѣды Езерскій подалъ письменное донесеніе о жалобахъ Поляковъ, и привелъ въ немъ уже разобранныя нами жалобы, Государь написалъ на немъ карандашемъ слѣдующія слова: «Я не измѣнилъ своей клятвѣ; Я вѣрно «исполнялъ въ отношеніи страны всѣ обязанности, оставлен«ныя Мнѣ братомъ Моимъ съ измѣненіями, которыя Онъ самъ «въ добровольно данныхъ Имъ учрежденіяхъ полагалъ необхо«димымъ сдѣлать; нація уже измѣнила учиненной Мнѣ прися«гѣ, а потому еслибы Я хотѣлъ, Я бы могъ съ своей стороны

(*) При тогдашнемъ, общемъ неудовольствіи противъ Россіи, поднятомъ журналистами, одна англійская газета (Morning Post) весьма справедливо замѣчала: «Къ чему эта ярость противъ русскаго Императора, потому только, что Онъ объявилъ, что будетъ поступать такъ какъ долженъ поступать, какъ иначе поступить не можетъ и какъ поступило бы всякое другое правительство, еслибы чувствовало себя для сего довольно сильнымъ. Вѣдь Поляки сами первые воззвали къ оружію. Если они не надѣялись достичь своихъ желаній мирнымъ путемъ, то тѣмъ менѣе они могли думать получить ихъ посредствомъ возмущенія. Если бы Государь поступилъ иначе, заключили бы, что Онъ страшится и не имѣетъ довѣрія къ своему могуществу. Какъ бы издѣвались надъ Его слабостью! а потому весьма безразсудно осуждать русское правительство, за то, что оно дѣйствуетъ, какъ должно дѣйствовать, если не хочетъ признать себя безсильнымъ.»

«считать себя освобожденнымъ отъ данной Мною націи клят-«вы. Совсѣмъ тѣмъ Я не сдѣлалъ этого; это все, что Я теперь «могу отвѣчать; всякій другой поступокъ Мой былъ бы съ Мо-«ей стороны столь же непростительною, сколь и безполезною сла-«бостью, и никто не можетъ побудить Меня къ чему нибудь «подобному. Пусть только Поляки положатся на Меня, и они «будутъ счастливы; слово Государя, сознающаго свое достоин-«ство, стоитъ также чего нибудь!» (*).

Въ то время, когда подобныя мысли наполняли душу Государя, въ засѣданіи сейма $^{25}/_{13}$ янв. рѣшена была побѣда революціонной партіи. Съ ранняго утра залъ и трибуны наполнились многочисленными зрителями, съ нетерпѣніемъ ожидавшими вѣстей изъ Петербурга и предчувствовавшими, что должно произойти что-то необыкновенное. Однако, большинство членовъ сейма далеко не предчувствовало въ началѣ засѣданія, какой оборотъ примутъ дѣла въ концѣ, такъ какъ революціонеры хранили глубокое молчаніе, относительно своего намѣренія, провести актъ о лишеніи престола. Сперва шли пренія о сообщенныхъ дипломатическихъ актахъ, которыя произвели разнообразныя ощущенія; революціонная партія была особенно раздражена выказаннымъ къ ней открытымъ презрѣніемъ. Затѣмъ сильное неудовольствіе разразилось противъ кн. Любецкаго, совершенно отрекшагося отъ возстанія, которому онъ никогда не былъ искренно преданъ, и оставшагося въ Петербургѣ. За неимѣніемъ на лицо Любецкаго напали на престарѣлаго Нѣмцевича и упрекали его въ томъ, что послѣ происшествій 29 ноября, когда потребовали удаленія прежнихъ членовъ административнаго совѣта, онъ воспрепятствовалъ выходу кн. Любецкаго, угрожая въ противномъ случаѣ отставкою какъ своею, такъ и кн. Чарторижскаго. Нѣмцевичъ, для отклоненія этихъ нападокъ принужденъ былъ сказать, что онъ основывался тогда какъ на заслугахъ Любецкаго государству, такъ и на общественномъ мнѣніи, бывшимъ совершенно въ его пользу въ то время.

(*) По удостовѣренію Езерскаго Государь написалъ только вышеприведенныя нами слова, а потому всѣ приписываемыя Ему затѣмъ фразы должно считать вымышленными.

Вслѣдъ затѣмъ гр. Езерскій доложилъ о содержаніи приведеннаго нами разговора съ Императоромъ. Впечатлѣніе произведенное имъ было чрезвычайно; революціонеры скрежетали; многіе вскочили съ своихъ мѣстъ и стали упрекать Езерскаго въ слабости и недостойномъ поведеніи; нѣкоторые, по обыкновенію, были даже готовы объявить его измѣнникомъ. Онъ энергически защищался, и большинство камеръ признало его поведеніе безупречнымъ (*) .Когда страсти были уже достаточно воспламенены, Лелевель всталъ съ своего мѣста и началъ говорить, съ цѣлью еще болѣе раздуть вспыхнувшее пламя. Подъ видомъ защиты кн. Любецкаго, онъ высказалъ самыя рѣзкія противъ него обвиненія. Въ особенности онъ старался повредить ему въ глазахъ Государя, съ искуственнымъ жаромъ превознося его заслуги во время революціи (**). За тѣмъ онъ осуждалъ дѣйствія Езерскаго и обвинялъ его въ томъ, что онъ не вѣрно изобразилъ Государю связь всѣхъ происшествій, и потому долженъ считаться виновникомъ полнаго разрыва съ Россіею; упрекъ, который было довольно странно слышать изъ устъ Лелевеля.

(*) На упрекъ, что онъ выказалъ слабость характера и не произнесъ предписанныхъ ему энергическихъ словъ, Езерскій отвѣчалъ: «Господа вы забываете, что это двѣ вещи совершенно разныя, говорить въ Варшавѣ про Государя, или въ Петербургѣ съ Государемъ.» Тѣмъ не менѣе раздраженіе противъ него было такъ сильно, что съ нимъ хотѣли поступить какъ съ государственнымъ преступникомъ. Онъ открыто говорилъ, что въ русской арміи господствуетъ прекрасный духъ, что во всей странѣ спокойно и никто не заточенъ въ тюрьму; только немногіе подозрительные люди отправлены во внутреннія губерніи. А такъ какъ обо всемъ этомъ увѣряли совершенно противное, то понятно, почему Езерскій навлекъ на себя такую ярость.

(**) Два года спустя, будучи въ изгнаніи, онъ употребилъ подобную же уловку, и писалъ къ своимъ соотечественникамъ въ Россіи, навлекшимъ на себя своею вѣрностью его негодованіе, письма въ такомъ тонѣ, какъ будто они были за одно съ нимъ, съ цѣлью компрометировать ихъ въ глазахъ правительства. Такимъ же низкимъ средствомъ воспользовался Заливскій, приведя въ своемъ сочиненіи (La Révolution Polonaise du 30. Nov. Paris 1833) дерзкую ложь на счетъ кн. Любецкаго, въ надеждѣ сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ Государя. Но ложь его до такой степени очевидна и такъ ясно носитъ на себѣ печать клеветы, что и самый легкомысленный читатель не можетъ быть обманутъ. Какъ будто можно повѣрить, что кн. Любецкій, человѣкъ чрезвычайно умный, знающій людей, и насквозь видѣвшій каждаго изъ нихъ, зазвалъ къ себѣ съ улицы подпоручика, человѣка весьма ограниченнаго ума, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго для того только, чтобы сообщить ему правительственныя тайны.

Когда камера была уже подготовлена такимъ образомъ, маршалъ сейма гр. Островскій вновь выступилъ съ предложеніемъ проекта Солтыка. Онъ объявилъ, что «судя по ходу дипломатическихъ переговоровъ и вслѣдствіе прокламацій фельдмаршала Дибича, очевидно, что цѣль ихъ революціи не можетъ быть достигнута безъ войны, тѣмъ болѣе, что Царь московскій приказалъ уже своимъ войскамъ ворваться въ Польшу. Къ этому онъ добавилъ насмѣшливо, что уже не въ первый разъ «Татары» усѣивали ее своими костями и орошали своею кровью, и потомъ заключилъ свою рѣчь словами: «что пора уже отрѣ«шиться отъ старой привычки или страха, которые побуждаютъ «взирать на Императора Николая, какъ на польскаго Ца«ря, ибо только та присяга можетъ связывать Поляковъ, кото«рую они съ древнѣйшихъ временъ приносили Пястамъ, Ягел«лонамъ и свободно избраннымъ королямъ.» Затѣмъ онъ предложилъ безотлагательно разсмотрѣть проектъ Солтыка объ отрѣшеніи династіи Романовыхъ отъ польскаго престола. Хотя многіе изъ умѣренной партіи не одобряли ругательствъ, направленныхъ противъ Россіи, и хорошо понимали, что ни человѣкъ, ни общество, ни народъ не могутъ освободить себя отъ своей собственной присяги, и что присяга была бы только лицемѣріемъ, еслибы каждый считалъ себя связаннымъ ею только до-тѣхъ-поръ, пока это для него удобно; но напуганные крикомъ большинства, они не отважились противорѣчить. Мнѣніе Островскаго было поддержано въ пространной рѣчи братомъ его, начальникомъ національной гвардіи. Вслѣдъ за тѣмъ Воловскій потребовалъ немедленнаго объявленія независимости націи. Тогда вскочилъ Ледоховскій и вскричалъ: «Объявимъ тотчасъ же, что Царь Николай пересталъ царствовать въ Польшѣ!» Воспламененные умы не могли быть долѣе удерживаемы; депутаты встали со своихъ мѣстъ и кричали наперерывъ другъ передъ другомъ: «Николай пересталъ быть нашимъ Царемъ! Николай уже болѣе не Царь нашъ!» Зрители въ залѣ и на трибунахъ подхватили этотъ крикъ, и такимъ образомъ была рѣшена преступная мѣра, долженствовавшая впослѣдствіи принесть столько несчастій! Люди хладно-

кровные и спокойно разсуждавшіе, были изумлены, поражены и приведены въ замѣшательство; всѣ послѣдствія этого шага ясно представлялись ихъ воображенію; Чарторижскій потушилъ глаза и старался собраться съ мыслями. Езерскій одинъ имѣлъ смѣлость напомнить камерѣ законъ, ею же изданный за три дня передъ тѣмъ, по которому всякое предложеніе должно было предварительно обсуждаться въ коммиссіи, и затѣмъ уже быть представлено камерамъ для подачи голосовъ; но онъ былъ осмѣянъ, освистанъ, его голосъ потерялся среди общаго шума. Послѣ этого поручено было секретарю сената Нѣмцевичу немедленно составить декретъ о томъ, что польскій тронъ съ этого времени долженъ считаться не занятымъ. Содержаніе декрета было слѣдующее: «Польская нація объявила въ собраніи «своего сейма, что она составляетъ народъ независимый и «имѣетъ право предложить польскую корону тому, кого она «почтетъ достойнымъ и отъ кого она можетъ съ достовѣрностью «ожидать, что онъ свято и ненарушимо будетъ блюсти данную «присягу и установленныя права.»

Не довольствуясь этимъ, революціонная партія, преслѣдуя далѣе свои виды, потребовала, чтобы всѣ сенаторы и депутаты тотчасъ подписали сей актъ. Этимъ способомъ надѣялись на столько глубоко завлечь ихѣ въ революцію, что имъ по неволѣ приходилось или поддерживать ее или погибнуть вмѣстѣ съ нею (*). Въ первомъ пылу фананизма многіе подписались, не размышляя о томъ, что дѣлаютъ; другіе исполнили это съ стѣсненнымъ сердцемъ и только изъ страха предъ народомъ; наконецъ третьи подписались только для того, чтобы ихъ не сочли за трусовъ. Такъ члены сейма всѣ въ совокупности утвердили актъ, который они поодиночкѣ бо́льшею частію не одобряли; впрочемъ это есть обыкновенное явленіе во всѣхъ революціонныхъ собраніяхъ, въ которыхъ публично высказы-

(*) Wolny Polak, № 1, стр. 46, говоритъ открыто: «Отрѣшеніе Императора «Николая должно было быть рѣшительною мѣрою, и имѣло главною цѣлью: окомпрометировать націю Этой цѣли достигли, но въ то же время навлекли на себя «неудовольствіе могущественнаго Монарха, оскорбили національную гордость «Русскихъ и увеличили тѣмъ силу нашего противника.»

ваемое мнѣніе слишкомъ часто бываетъ въ разладѣ съ настоящимъ мнѣніемъ членовъ.

Въ 5 ч. засѣданіе было закрыто; депутаты разошлись подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній; но чернь, которая всегда поддается только настоящему, громко провозглашала на улицахъ: «Николай уже болѣе не Царь нашъ!» Такимъ образомъ среди бурнаго волненія была принята вѣсть о рѣшеніи, долженствовавшемъ имѣть столь печальныя послѣдствія для страны; разрывъ съ Россіею былъ произнесенъ безвозвратно; вопросъ не могъ уже быть рѣшенъ иначе какъ силою оружія; партія людей осторожныхъ, хлопотавшая объ успокоеніи и примиреніи, была окончательно побѣждена; всѣ колебанія и сомнительныя мѣры были устранены; не оставалось никакого средства къ примиренію; по неволѣ приходилось побѣдить или погибнуть. Агитаторы торжествовали; побѣда ихъ была рѣшительна; послѣднее препятствіе, долженствовавшее удержать потокъ демократіи, было уничтожено; мятежное волненіе распространилось теперь по всей странѣ, неудержимо увлекая всѣхъ, кто пытался сопротивляться ему. Какъ бы отбросивъ въ сторону всѣ понятія о приличіи и уваженіи, которыми даже непріязненные народы обязаны другъ другу, революціонеры зашли такъ далеко, что въ тотъ же день распорядились отслужить торжественную панихиду по казненнымъ въ 1826 г. русскимъ заговорщикамъ. Между прочимъ замѣчательно было при этой торжественной поминкѣ то, что впереди процессіи по улицамъ несли на подушкѣ французскую трехъ-цвѣтную кокарду, какъ революціонный знакъ, и все духовенство, украшенное такою же кокардою, принимало въ ней участіе.

Патріотическому союзу, постоянно болѣе другихъ увлекавшемуся, казалось еще недовольно всего того, что произошло, и онъ обратился къ камерамъ съ просьбою, въ которой были изложены слѣдующія требованія: «Сеймъ долженъ объявить независи-«мость Польши въ границахъ 1772 года, а Императора Ни-«колая, равно и всѣхъ членовъ фамиліи Романовыхъ, навсегда «лишенными правъ на польскій престолъ; освободить всѣхъ «жителей Царства и русско-польскихъ провинцій отъ данной

«Ему присяги; наконецъ пригласить жителей этихъ провин-«цій прислать депутатовъ для, образованія конфедераціи, на по-«добіе бывшей въ 1812 году.» Когда камеры, отстранивъ это предложеніе, объявили, что онѣ составляютъ единственный законный патріотическій союзъ и не нуждаются въ чужомъ вліяніи, клубисты съ яростью напали на нихъ въ Nowa Polska и позволили себѣ такія возмутительныя клеветы и обвиненія, что собраніе сейма, въ высшей степени оскорбленное, сочло себя вправѣ принять мѣры къ ограниченію свободы, или скорѣе, наглости книгопечатанія. Когда Лелевель еще издали увидѣлъ приближеніе этой грозы, то приказалъ немедленно вычеркнуть свое имя изъ числа редакторовъ. 28 января происходили на сеймѣ весьма жаркія пренія по этому предмету. Неудовольствіе противъ такъ называемыхъ романтиковъ, т. е. крайнихъ энтузіастовъ въ политикѣ, было общее. Ледоховскій настоятельно требовалъ наказанія ихъ, и обвинялъ Лелевеля въ томъ, что онъ, будучи министромъ, будучи членомъ камеры депутатовъ и высшаго совѣта, не смотря на то, не только терпитъ подобныя злоупотребленія, но еще самъ стоитъ во главѣ редакцій подобныхъ газетъ. Лелевель, принявшій уже мѣры предосторожности, спокойно всталъ и объявилъ, что онъ болѣе не принадлежитъ къ издателямъ Nowa Polska, да и прежде этого не помѣстилъ въ ней ни одной статьи (однакожъ такая существуетъ и даже съ подписью его имени въ № 8-мъ этой газеты.) Этимъ объясненіемъ удовольствовались, но отвѣственный редакторъ газеты, Людвигъ Жуковскій былъ позванъ въ судъ. Но извѣстно, какой результатъ влекутъ за собою жалобы противъ свободы печати; какъ могли присяжные или судьи рѣшиться произнести приговоръ, если они знали, что на слѣдующій же день, могли быть совершенно опозорены посредствомъ печати. Жуковскій, какъ и слѣдовало ожидать, былъ оправданъ и продолжалъ оскорблять и чернить самыхъ уважаемыхъ людей; но дабы не повредить патріотическому обществу, коего органомъ былъ его журналъ, онъ объявилъ, что не имѣетъ съ нимъ ничего общаго.

Лелевель съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи Отставка Хлопицкаго дала ему возможность снова приняться

за свои планы относительно возмущенія Литвы, и теперь по его настоянію были размѣщены вдоль всей границы дѣятельные офицеры, долженствовавшіе поддерживать связь съ сообщниками возстанія, равно какъ и съ предводителями тайныхъ обществъ. Посредствомъ ихъ узнавали все, что происходило въ Россіи; при ихъ содѣйствіи наводнили всю Литву мятежными прокламаціями; Хлопицкій, какъ прямодушный солдатъ, ненавидѣлъ подобныхъ козней и препятствовалъ имъ; тѣмъ не менѣе они усердно производились на счетъ настоящихъ предводителей мятежа. Многіе Литовцы, Волынцы и Подольцы прокрались въ Польшу и уже давно требовали, чтобы имъ позволено было образовать свой особый легіонъ; диктаторъ не хотѣлъ ничего и слышать объ этомъ, въ настоящую же минуту этого препятствія уже не существовало. Немедленно былъ учрежденъ клубъ подъ названіемъ «соединенныхъ братьевъ», который началъ свои козни составленіемъ, подъ руководствомъ Лелевеля, адреса къ сейму; по обыкновенію адресъ былъ наполненъ неосновательнѣйшими клеветами и ругательствами противъ Россіи, которыя могли быть внушены только давно затаенною ненавистью и мстительностью; вслѣдъ за ругательствами новые клубисты, именемъ Литвы, Волыни, Подоліи и Украйны, съ смѣшною важностью объявили, что эти четыре области совершенно присоединяются ко всѣмъ обязанностямъ общаго отечества и ввѣряютъ свою судьбу народнымъ представителямъ Царства Польскаго; адресъ заключался просьбою разрѣшить выходцамъ помянутыхъ провинцій учрежденіе отдѣльнаго легіона. $^{24}/_{12}$ янв. Лелевель сталъ въ главѣ депутаціи «соединенныхъ братьевъ», дабы вручить камерѣ ихъ адресъ. Послѣ долгихъ преній камера рѣшила что въ польской арміи должно быть два особыхъ легіона: одинъ изъ жителей Литвы, Самогитіи и Бѣлоруссіи, другой изъ жителей Волыни, Подоліи и Украйны; проектъ закона по этому предмету былъ составленъ, не сходя съ мѣста, и тутъ же принятъ. Спустя нѣсколько, дней, оба легіона уже образовались, ибо все было заранѣе приготовлено для этого, и молодые люди все время занимались военными упражненіями. Оба легіона еще значительно усилились новымъ наплы-

вомъ молодыхъ Поляковъ изъ поименованныхъ провинцій, такъ что, состоя вначалѣ всего изъ 300 ч., впослѣдствіи они могли выставить до двухъ тысячъ. Они приняли участіе въ сраженіи при Гроховѣ. Камера сверхъ того предложила названной депутаціи до-тѣхъ-поръ продолжать свои засѣданія, пока настоящіе представители областей по ту сторону Буга и Нѣмана не будутъ въ состояніи принять участія въ совѣщаніяхъ сейма: столь глубоко было нравственное паденіе палаты, что она поддалась на такой грубый фокусъ, какъ адресъ подписанный 220 молодыми людьми, безъ званія и имени, какъ будто онъ дѣйствительно могъ выражать желанія девяти-миліоннаго, бо̀льшею частью русскаго населенія; съ непонятною наглостью палата объявила что «Русскій Императоръ незаконно «владѣетъ этими областями, а какъ онѣ сами выразили жела«ніе принадлежать къ составу Польскаго Царства, то она объ«являетъ всѣ прежніе акты русскаго правительства въ этихъ «областяхъ не дѣйствительными.»

Въ теченіи восьми недѣль революціи было почти столько же различныхъ правленій; послѣ паденія Хлопицкаго и объявленія независимости рѣшили упразднить и верховный совѣтъ, учрежденный Хлопицкимъ, и замѣнить его другою властью. Съ этою цѣлью были представлены на разсмотрѣніе коммиссій два проекта: одинъ болѣе монархическаго, другой болѣе республиканскаго направленія; первый былъ предложенъ Барзиковскимъ, второй Леономъ Дембовскимъ: Барзиковскій предлагалъ правительство съ королевскою, ограниченною властью во главѣ, состоящее изъ одного, и самое большее изъ трехъ лицъ и отвѣтственнаго министерства, избираемаго этими лицами; Дембовскій напротивъ требовалъ одного только совѣта министровъ съ президентомъ во главѣ его. Пренія объ этихъ двухъ предложеніяхъ продолжались съ $^{26}/_{14}$ до $^{29}/_{17}$ января. Братья Немоіевскіе, доселѣ дѣйствовавшіе всегда съ полнымъ согласіемъ, впервые разошлись во мнѣніяхъ. Викентій высказался въ пользу перваго, Бонавентура—въ пользу втораго предложенія. На сторонѣ перваго было все высшее дворянство, хотѣвшее поставить во главѣ правленія кн. Чарторижскаго, на сторонѣ втораго—Калишская пар-

тія. Камера предложила среднюю мѣру. 29 было рѣшено учрежденіе правительства изъ пяти лицъ, въ которомъ сверхъ того, по военнымъ вопросамъ, долженъ былъ присутствовать главнокомандующій въ качествѣ шестаго члена; но въ такомъ случаѣ, для сохраненія нечетнаго числа, младшій изъ пяти выбывалъ. Рѣшеніе должно было производиться по большинству голосовъ, для производства дѣлъ было потребно присутствіе по-крайней-мѣрѣ трехъ членовъ. Права новаго правленія были почти одинаковы съ правами конституціоннаго короля. Исполненіе его рѣшеній лежало на обязанности шести министровъ; каждое повелѣніе, для того чтобы имѣть законную силу, должно было быть подписано президентомъ и скрѣплено отвѣтственнымъ министромъ. Такимъ образомъ, это было нѣчто въ родѣ директоріи, которой было суждено быть свергнутой не счастливымъ солдатомъ, но буйными клубистами. Это правленіе подчинялось сейму, какъ высшей законодательной инстанціи; при немъ состоялъ особый главнокомандующій, который, будучи снабженъ обширными полномочіями, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, легко могъ сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ. Впрочемъ, все это было установлено на время и зависѣло отъ исхода борьбы.

Приступили къ выбору членовъ. Лелевель и его партія надѣялись на назначеніе его президентомъ; въ этомъ состояла вся цѣль ихъ стремленій и происковъ Но партія умѣренныхъ, имѣвшая на своей сторонѣ все высшее дворянство, уже начала опасаться вліянія этого честолюбца, который съ помощію многочисленныхъ приверженцевъ совершенно по своему произволу управлялъ столицею. Посему эта партія объявила себя противъ Лелевеля, такъ что онъ, надѣявшійся быть президентомъ, едва попалъ въ члены. Президентомъ былъ выбранъ, большинствомъ 121 голоса противъ 17, кн. Чарторижскій; послѣ него наибольшее число голосовъ имѣли: Викентій Немоіевскій (104) и Ѳеофилъ Моравскій (100), и только при вторичномъ собираніи голосовъ были избраны Барзиковскій и Лелевель, первый съ 91 голосомъ, второй съ 73, стало быть съ наименьшимъ числомъ. На каждаго изъ этихъ пяти лицъ смотрѣли

какъ на представителя особаго направленія: на кн. Чарторижскаго какъ представителя высшаго дворянства; Викентія Немоіевскаго—англійскихъ конституціонныхъ идей; Ѳеофилъ Моравскій считался представителемъ французскихъ мнѣній, желавшихъ слить республиканскую форму правленія съ монархическою; наконецъ Лелевель представлялъ демократію (*). Барвиковскій не имѣлъ опредѣленныхъ мнѣній, но колебался между всѣми, ближе склоняясь однакожъ на сторону умѣренной партіи, почему онъ и держался болѣе князя Чарторижскаго; Моравскій же, по прежнему, присталъ къ Немоіевскому; и такъ Лелевель оставался одинъ со своими тенденціями; вслѣдствіе этого вліяніе его въ верховномъ совѣтѣ почти ничего не значило, но тѣмъ сильнѣе и опаснѣе оно выказывалось внѣ его: два главныхъ орудія, посредствомъ которыхъ Лелевелю оставалось дѣйствовать, были клубы и журналы; въ то же время посредствомъ тайныхъ интригъ онъ старался подкапываться подъ всѣхъ сколько нибудь высоко стоящихъ лицъ. Какъ ни была велика скрытность его поступковъ, все же кой-что изъ нихъ было извѣстно, и это извѣстное, конечно, не могло возвысить расположенія къ нему его товарищей по управленію. Къ тому же, будучи членомъ правительства, онъ оставался по прежнему президентомъ патріотическаго общества, бывшаго въ явной оппозиціи съ правительствомъ, что дѣлало для всѣхъ очевиднымъ двойственность его характера и поступковъ. Впрочемъ, во всемъ этомъ онъ былъ только вѣренъ своей ролѣ: вѣчно добиваться чего нибудь, и никогда не быть въ состояніи ничего совершить.

Засѣданіе 30 числа, въ которомъ происходили выборы, было закрыто рѣчью кн. Чарторижскаго, въ которой онъ изложилъ свои намѣренія, виды и средства, бывшія, по его мнѣнію, необходимыми для спасенія страны. «Политическій «принципъ мой», сказалъ онъ, «состоялъ въ томъ, чтобы возстано- «вить отечество посредствомъ благоразумнаго союза съ Рос- «сіею и хорошо расчитаннаго вліянія на благородное и гуман-

(*) Nowa Polska, органъ въ которомъ высказывались намѣренія Лелевеля, выражала это такимъ образомъ: «Быть или не быть? быть свободной демократіи или не быть ничему!»

«ное сердце Императора Александра. Польша, въ союзѣ «съ одноплеменнымъ народомъ, могла бы вслѣдствіе медлен- «ныхъ, но обдуманныхъ, постоянныхъ и возрастающихъ усилій, «наконецъ снова достигнуть своего полнаго возстановленія и «самостоятельности. Это убѣжденіе было основаніемъ и руко- «водствомъ для всѣхъ моихъ дѣйствій. Революція самымъ ходомъ «своимъ уничтожила этотъ принципъ, почему мнѣ не ос- «тается ничего болѣе, какъ присоединиться къ желанію націи.» Затѣмъ Чарторижскій убѣждалъ въ необходимости единодушія, взаимнаго довѣрія и поддержки вновь созданной власти: потому что силою и твердостью правительства обусловливается будущность націи. Въ заключеніе, какъ бы пораженный страшнымъ предчувствіемъ, онъ считалъ нужнымъ предостеречь націю отъ безумнаго самообольщенія, увѣщевалъ всѣхъ быть готовыми перенести всякое несчастіе и пригласилъ сеймъ, принять въ соображеніе этотъ случай и не связывать судьбу народа съ какимъ нибудь однимъ, опредѣленнымъ учрежденіемъ.

Князь Чарторижскій въ частной своей жизни былъ человѣкъ мягкаго характера и умѣренныхъ мнѣній, но безъ силы воли и энергіи. Часто онъ хорошо видѣлъ на чьей сторонѣ была правда и право, но все таки не препятствовалъ злу, и всегда былъ только игрушкою людей злонамѣренныхъ. Пока дѣло касалось словъ и красивыхъ рѣчей, онъ былъ на своемъ мѣстѣ; но какъ скоро требовались сильныя, рѣшительныя мѣры, то его безпомощность и слабость дѣлались для всѣхъ очевидными.

Различіе мнѣній между членами высшаго правительства не замедлило обнаружиться при выборѣ министровъ. Чарторижскій и Барзиковскій, а съ другой стороны Немоіевскій и Моравскій, дабы болѣе упрочиться, хотѣли опредѣлить въ кабинетъ своихъ приверженцевъ; пришлось взаимно сдѣлать уступки, и потому въ министры были избраны не способнѣйшіе, но тѣ, которые болѣе пришлись по вкусу обѣимъ партіямъ. По настоянію Чарторижскаго, Густавъ Малаховскій былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а кастелянъ Бнинскій—народнаго просвѣщенія; Немоіевскій же содѣйствовалъ къ назначенію брата своего министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Алоизія Бернацкаго ми-

нистромъ финансовъ; кромѣ того, министромъ юстиціи былъ избранъ Римбелинскій, а военнымъ вначалѣ оставался еще Исидоръ Красинскій. Самыя же дѣла подвигались тѣмъ менѣе впередъ, что внутренній раздоръ обнаружился снова, потому что каждый изъ пяти членовъ правленія взялъ на себя отдѣльную отрасль, чрезъ что естественно приходилъ въ столкновеніе съ тѣмъ министромъ, вѣдомству котораго она подлежала.

Вмѣсто Густава Малаховскаго иностранными дѣлами по прежнему управлялъ кн. Чарторижскій, чему весьма много способствовали его историческое имя и связи съ высшими дипломатическими лицами за границею. Со всѣмъ тѣмъ дѣла шли не такъ, какъ бы желали Поляки. Хотя дипломатическіе агенты и были посланы къ разнымъ дворамъ, но они не имѣли большаго успѣха. Маркизъ Велепольскій встрѣтилъ въ Англіи весьма холодный пріемъ, и немногимъ болѣе посчастливилось генералу Княжевичу, смѣнившему интенданта Волицкаго въ Парижѣ; министры: Пальмерстонъ въ Англіи и Себастіани во Франціи объявили посланнымъ Поляковъ, что они не понимаютъ цѣли ихъ возстанія; сами они говорятъ, что произвели его вслѣдствіе нарушенія конституціи, а между тѣмъ требуютъ расширенія границъ. Однакожъ, уступая тогдашнему настроенію общественнаго мнѣнія, французское правительство послало герцога Мортемара въ Петербургъ, но только съ порученіемъ поддерживать представленія Любецкаго и Езерскаго. Еще менѣе имѣли успѣха дипломатическія попытки у прочихъ правительствъ. Гр. Романъ Залускій вовсе не былъ допущенъ въ Швецію; гр. Линовскій, отправившійся съ интендантомъ Волицкимъ въ Константинополь, истощался въ тщетныхъ усиліяхъ взволновать Порту; также безплодны остались интриги галиційскихъ магнатовъ въ Вѣнѣ. Пруссія отозвала даже изъ Варшавы своего генеральнаго консула, чрезъ котораго инсургенты тщетно пытались начать переговоры. Такимъ образомъ всѣ дворы остались равнодушны; дѣло революціи никоимъ образомъ не могло имъ нравиться.

Сколько неблагопріятны были дипломатическіе переговоры, столько же напротивъ были успѣшны старанія склонить на сторону Польши общественное мнѣніе Европы. Для этой цѣли

были употреблены всѣ пружины: послали эмиссаровъ во всѣ страны, дабы заинтересовать дѣломъ Поляковъ всѣ наиболѣе распространенные журналы; дѣйствовать на общественное мнѣніе посредствомъ книгъ и брошюръ, разсѣевать клеветы противъ Россіи и дѣлать подозрительными ея намѣренія. Склоняли на свою сторону публицистовъ, пользующихся авторитетомъ, и мелкихъ писателей, коихъ повторенныя нападенія и клеветы не преминули оказать дѣйствіе на массы. Когда такимъ образомъ публика была ежедневно настраиваема въ пользу Поляковъ, неудивительно, что подъ-конецъ это настроеніе перешло въ неумѣренный энтузіазмъ къ нимъ. Три обстоятельства служили къ тому, чтобы еще болѣе усилить дѣйствіе всѣхъ этихъ мѣръ. Во-первыхъ, смѣшивали дѣло Поляковъ съ дѣломъ свободы вообще, вслѣдствіе чего вся молодежь Европы была одушевлена въ ихъ пользу; во-вторыхъ, принимали на вѣру неправдоподобности и преувеличенія, разсѣеваемыя Поляками по свѣту противъ Россіи, и думали, что ни одинъ народъ не былъ такъ угнетенъ какъ они; въ-третьихъ, Европа съ удовольствіемъ видѣла, что вниманіе Россіи, могуществомъ которой въ послѣднее время столько старались напугать ее, было поглощено внутреннею войною и совершенно нейтрализовано относительно тогдашняго положенія Европы, при которомъ извѣстныя партіи надѣялись достигнуть весьма большихъ результатовъ. Наконецъ на расположеніе общества немало оказало вліянія убѣжденіе, будто бы Поляки терпѣли страшнѣйшую несправедливость; отсюда происходило частію доброжелательство, которое ощущаютъ къ людямъ глубоко оскорбленнымъ, частію же извѣстная симпатія, которую привлекаетъ каждый слабый, борющійся съ сильнымъ: обыкновенно при этомъ не разбираютъ основанія, причины, право, если даже слабѣйшій десять разъ неправъ, если онъ самъ вызвалъ сильнѣйшаго, раздражая его: все же большинство будетъ принимать въ немъ живое участіе, хотя бы за одну его отвагу.

Чѣмъ менѣе успѣха имѣли переговоры съ иностранными государствами, тѣмъ болѣе должны были думать Поляки о развитіи и увеличеніи собственныхъ силъ При началѣ революціи

армія Царства Польскаго состояла изъ 2-хъ гвардейскихъ полковъ, 2-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ дивизій, съ принадлежащею къ нимъ артиллеріею (*). Организація ея была совершенно одинакова съ русскою армією. Каждая пѣхотная дивизія состояла изъ 3-хъ бригадъ, но два полка 2-хъ-баталіоннаго состава въ каждой, всего стало быть изъ 12 баталіоновъ, въ числѣ коихъ 4 баталіона егерей, составлявшіе отдѣльную бригаду. Кавалерійская дивизія состояла изъ 2-хъ бригадъ т. е. изъ 4-хъ полковъ, или изъ 16-ти эскадроновъ. Баталіоны были силою болѣе чѣмъ въ 900 чел., эскадроны въ 180 чел., (**). Артиллерія была также раздѣлена на двѣ пѣшія бригады, изъ 3-хъ батарей или ротъ каждая, и одну конную бригаду изъ 2-хъ ротъ. Пѣшія батареи или роты имѣли по 12-ти, а конныя по 8-ми орудій. Такимъ образомъ общій составъ войскъ былъ слѣдующій: Гвардія состояла изъ гвардейскихъ Конно-Егерей (4 эскадр.), полка гвардейскихъ Гренадеръ (2 бат.), саперовъ (1 бат.), конной батареи (8 орудій), конно-ракетной полубатареи (4 орудія), пѣшей ракетной полубатареи (6 орудій); всего 3 батал., 4 эскадр. и 18 орудій. Армейская пѣхота состояла изъ 8 линейныхъ полковъ (16 бат.), 4 егерскихъ полковъ (8 бат.) и полка ветерановъ (2 бат.); кавалерія изъ 4-хъ полковъ конныхъ егерей (16 эскадр.), 4-хъ полковъ уланъ (16 эскадр.) и полка жандармовъ (2 эскадр.) Артиллерія—изъ 2-хъ конныхъ батарей (16 орудій) и 6-ти пѣшихъ батарей (72 орудія). Общій итогъ: 29 баталіоновъ, 38 эскадроновъ, 106 орудій, или 25,100 чел. пѣхоты, 6800 чел. кавалеріи, и 2100 чел. артиллеріи, всего 35,000 человѣкъ.

Въ первые же дни послѣ возстанія былъ объявленъ призывъ 100,000 человѣкъ подвижнаго ополченія, долженствовавшаго образовать 100 баталіоновъ и 100 эскадроновъ; для организаціи этаго ополченія были назначены два региментара, гр. Романъ Солтыкъ по правому берегу Вислы, а гр. Стани-

(*) О состояніи польской арміи при началѣ революціи смотри приложенную табель подъ литерою А.

(**) Каждый состоялъ изъ 160 рядовыхъ, 16 унт.-офиц., 2-хъ трубачей и 5—6 оберъ-офицеровъ.

ТАБЕЛЬ А.

Состояніе польской арміи до революціи.

Дивизіи.	Бригады.	Полки.	Полковые командиры.	Батал.	Эскадр.	Орудія.
I. Гвардія. Командиръ: Генералъ отъ кавалеріи, графъ Викентій Красинскій.	Див. ген. Курнатовскій.	Гв. Конно-Егерскій п. (*)	Полковн. Ягминъ.	—	4	—
	Див. ген. Жимирскій.	Гвардейскіе Гренадеры.	» Бораковскій.	2	—	—
	Полк. Игнатій Ледоховскій.	Гварл. Конная батарея.	Подполк. Хоржевскій.	—	—	8
		Конно-ракетная полубат	» Ятовскій.	—	—	4
		Пѣшая ракетная полубат.	Капит. Скальскій.	—	—	6
		Саперы.	Подполк. Майковскій.	1	—	—
II. Пѣхота Корпусный Командиръ: Генералъ отъ инфантеріи графъ Станиславъ Потоцкій.			Всего . .	3	4	18
1-я Пѣхотная дивизія: дивиз. генер. Круковецкій.	1 бриг., бригадн. генер. Гелгудъ.	1-ый линейный полкъ.	Полков. Рыбинскій.	2	—	—
		5-ый » »	» Завадскій.	2	—	—
	2 бриг., бригад. генер. Павловскій.	2-ой » »	» Слюпецкій.	2	—	—
		6-ой » »	» Горскій.	2	—	—
	3 бриг., бригад. генер. Шембекъ.	1-ый егерскій »	Генералъ Шембекъ.	2	—	—
		3 ій » »	Полковн. Бѣлинскій.	2	—	—
2-я Пѣхотная дивизія: дивиз. генер. Жолтовскій.	1 бриг., бригад. генер. Фр нцъ Моравскій.	3-ій линейный »	» Андрихевичъ.	2	—	—
		7-ой » »	» Роландъ.	2	—	—
	2 бриг., бригад. генер. Блюмеръ.	4-ый » »	» Богуславскій.	2	—	—
		8-ой » »	» Скржинецкій.	2	—	—
	3 бриг., бригад. генер. Чижевскій.	2-ой егерскій »	» Вольскій.	2	—	—
		4-ый » »	» Завицкій.	2	—	—
		Ветераны.		2	—	—
III. Кавалерія. Корпусный Командиръ: Генералъ отъ кавалеріи Рожнецкій.			Всего . .	26	—	—
Конно-Егерская дивизія: дивиз. генер. Клицкій. помощникъ его, бригад. генер. Дверницкій.	1-я бриг., бригад. генер. Пржебендовскій.	1-й Конно-Егерскій п.	Полков. Яковскій.	—	4	—
		3-й » » »	« Матв. Дембинскій.	—	4	—
	2-я бриг., бригад. генер. Дзекопскій.	2-й » » »	« Казим: Скаржинскій.	—	4	—
		4-й » » »	« Іосифъ Каменскій.	—	4	—
Уланская дивизія: дивиз. генер. Вейсенгофъ. помощникъ его, бригад. генер. Томицкій.	1-я бриг., бригад. генер. Сухоржевскій.	1 Уланскій полкъ	« Буковскій.	—	4	—
		3 » »	« Корытовскій.	—	4	—
	2-я бриг., бригад. генер. Пр. Адамъ Виртемберг-скій.	2 » »	Подполк. Жемецкій.	—	4	—
		4 » »	Подполк. Рутіе.	—	4	—
		Жандармы.		—	2	—
IV. Артиллерія. Командиръ: генералъ отъ артиллеріи гр. Гауке.			Всего . .	—	34	—
	Конно-артил. бригада: полков. Канарскій.	Конныя батареи № 1, и 2.		—	—	16
	1-я пѣшая артил. бриг. бригад. генер. Редель.	Пѣшія батареи № 1, 2, 3.		—	—	36
	2-я пѣшая артил бриг. б. иг. генер. Гуртигъ.	Пѣшія батареи № 1, 2, 3.		—	—	36
			Всего . .	—	—	88
			Всей Арміи . . .	29	38	106

(*) Гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, съ 3-я русскими гвардейскими полками: Подольскимъ кирасирскимъ, уланами Его Высочества и Гродненскимъ гусарскимъ составлялъ одну дивизію, подъ начальствомъ генерала Курнатовскаго.

(*) Гвардейскій Гренадерскій полкъ съ двумя русскими гвардейскими полками: Литовскимъ и Волынскимъ, и съ тремя литовскими гренадерскими полками: Самогитскимъ, Луцкимъ и Несвижскимъ, составлялъ одну пѣхотную дивизію, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рихтера.

славъ Малаховскій (отецъ Густава) по лѣвому берегу (*). Эти регименгары (regimentarze), званіе, сохранившееся со временъ республики, имѣли большую власть и могли назначать даже въ высшія офицерскія должности. Всѣ уволенные отъ службы солдаты и офицеры были призваны и должны были явиться въ депо полковъ, которымъ они прежде принадлежали. Срокъ службы польскихъ солдатъ былъ 10 лѣтъ; поэтому въ продолженіе владычества Россіи ежегодно было увольняемо около 3,500 солдатъ. Эти отставные составляли сильный резервъ старослужащихъ солдатъ, и изъ нихъ предполагалось сформировать 3-и и 4-е баталіоны, равно какъ 5-ые и 6-ые эскадроны, для всѣхъ бывшихъ уже на лицо полковъ, чрезъ что число войскъ почти удваивалось. Сборъ этихъ старыхъ солдатъ шелъ весьма быстро, и ранѣе трехъ недѣль 3-и баталіоны и часть 4-хъ вступили уже въ ряды и были вооружены ружьями, найденными въ арсеналѣ. Немного медленнѣе шло дѣло съ 5-ми и 6-ми эскадронами по недостатку годныхъ лошадей, и формированіе ихъ было окончено только къ началу войны. Вторымъ повелѣніемъ былъ предписанъ наборъ одного коннаго солдата съ каждыхъ 50 дымовъ; этою мѣрою надѣялись добыть 10,000 кавалеристовъ.

Наборъ ополченія въ воеводствахъ шелъ успѣшно; но нельзя сказать того же объ его организаціи, ибо диктаторъ, не имѣя довѣрія къ такого рода войскамъ, и не имѣя намѣренія пользоваться ими, совершенно предоставилъ ихъ формированіе регименгарамъ, дѣятельность коихъ не заслужила одобренія страны. При назначеніи офицеровъ они поступали совершенно произвольно, давая значительныя должности молодымъ офицерамъ и лицамъ изъ гражданскихъ сословій, и обходя старшихъ офицеровъ; вслѣдствіе этого уже въ то время возникъ сильный ропотъ, еще болѣе увеличившійся позже, когда новыя войска поступили въ составъ арміи; офицеры старой арміи

(*) Царство Польское заключаетъ въ себѣ слѣдующее число жителей: въ 453 городахъ 915,873 чел., въ 22,607 селеніяхъ 3,221,761 чел., всего 4,137,634. Изъ сего числа: женщинъ 2,071,189, мужчинъ 2,066,445. Изъ числа мужскаго народонаселенія не достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста 944,903 чел.; отъ 20 до 30 лѣтъ 225,436 свыше 30 лѣтъ 896,056 человѣкъ.

съ неудовольствіемъ видѣли, что молодые люди, никогда не служившіе, или бывшіе по чинамъ и по службѣ гораздо моложе ихъ, разомъ получили такое повышеніе въ новыхъ полкахъ, что имъ приходилось принимать отъ нихъ приказанія. Это было источникомъ непріязненныхъ отношеній и безчисленныхъ ссоръ. Регименгары извиняли себя недостаткомъ старыхъ офицеровъ, потому что бывшіе налицо (коихъ насчитывали до 1500) должны были, или поступить во вновь сформированные 3-и и 4-е баталіоны и 5-ые и 6-ые эскадроны, или сами опредѣлились въ число волонтеровъ, такъ что для ополченія оставалось самое малое число ихъ; а между тѣмъ въ дѣйствительности для него было потребно до 3000 офицеровъ. При формированіи арміи сдѣлана была большая ошибка въ томъ, что набранныхъ людей не распредѣлили поровну въ старые полки и тѣмъ не удвоили, и даже утроили ихъ. Образованіе ихъ шло бы скорѣе, и духъ новыхъ войскъ могъ бы только выиграть отъ этого; такимъ способомъ получилась бы армія совершенно однообразная по своимъ качествамъ; теперь же оказывалось, что польская армія состояла постоянно изъ двухъ элементовъ—старыхъ и новыхъ полковъ, совершенно не похожихъ одинъ на другой, ни по духу, ни по содержанію и вооруженію. Не говоря уже о томъ, что упустили изъ виду эти простыя мѣры, но даже новымъ полкамъ не дали для обученія ихъ хорошихъ кадровъ и учителей изъ унт.-офицеровъ и старыхъ солдатъ (они всѣ должны были поступить въ ряды); весьма естественно, что они дѣлали медленные успѣхи въ военномъ образованіи. Дабы устранить жалобы на регименгаровъ и ускорить формированіе новыхъ войскъ, Хлопицкій къ концу своей диктатуры удалилъ этихъ регименгаровъ и вмѣсто ихъ назначилъ 4-хъ организаторовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи по два воеводства. То были бригадные генералы: Пржебендовскій, Павловскій, Дзеконскій и дивизіонный генералъ Жолтовскій, изъ коихъ первому были назначены для военной организаціи Калишъ и Мазовія, второму Плоцкъ и Августовъ, третьему Краковъ и Сандоміръ и наконецъ Жолтовскому Люблинъ и Подляхія. Еще позже генералъ Клицкій получилъ

главное начальство надъ всею вооруженною силою на лѣвомъ берегу Вислы, состоявшею, по бо́льшей части, изъ войскъ еще формируемыхъ.

Такимъ образомъ, рѣшено было сформированіе 3-хъ и 4-хъ баталіоновъ, но при этомъ совершенно упущено изъ виду соединеніе старыхъ баталіоновъ съ новыми. Первые два баталіона остались въ прежнемъ составѣ, 3-и сформированы изъ отставныхъ солдатъ, а 4-ые тоже изъ отставныхъ и изъ рекрутъ; также точно 3-и дивизіоны кавалерійскихъ полковъ были составлены изъ старо-служившихъ солдатъ. Но послѣдствія этихъ мѣръ для обоихъ родовъ оружія были совершенно различны. 1-ые и 2-ые баталіоны были лучшими, 3-и уже не столь надежны, а 4-ые слабы. Напротивъ того въ кавалеріи, 3-и дивизіоны были лучшіе, между тѣмъ какъ первые два не выказывали той рѣшительной отваги, которая составляетъ главную силу кавалеріи. Въ то же время приступлено было къ сформированію пяти пѣшихъ батарей съ 40 орудіями, для чего воспользовались 14-ю гаубицами изъ Модлина и прусскими орудіями, находившимися въ рукахъ Поляковъ со времени походовъ 1806-7 годовъ. Турецкія орудія изъ Варны (3-хъ фун.) (*) были даны конной ракетной полубатареѣ, переформированной въ легкую. 12-ти фунт. орудія гвардейской конно-артиллеріи были отданы въ одну изъ пѣшихъ батарей, а она взамѣнъ ихъ получила 6-ти фунт. пушки.

Къ концу декабря 3-и баталіоны вступили въ ряды, и за тѣмъ пѣхота по распоряженію Радзивила, (такъ какъ Хлопицкій не хотѣлъ ничего измѣнять) была раздѣлена на четыре дивизіи. 1-ю командовалъ Круковецкій. Она состояла изъ 1-го, 5-го, 2-го и 6-го линейныхъ полковъ, составлявшихъ двѣ бригады: Гелгуда и Казиміра Малаховскаго, всего 12 бат. 2-я дивизія, подъ начальствомъ генерала Жимирскаго, заключала въ себѣ 3-й и 7-й линейные и 2-й и 4-й егерскіе полки (бригады: Роланда и Чижевскаго), всего 12 бат. 3-ю дивизію, генерала Скржинецкаго, составляли 4-й и 8-й линейные полки и 2 бат

(*) Кто не возмутится подобнымъ употребленіемъ этихъ орудій, которыя по приказанію Императора Николая были доставлены по взятіи Варны для сооруженія памятника королю Владиславу, нѣкогда павшему подъ стѣнами этой крѣпости.

ветеранов (бригады Богуславскаго и Чолчинскаго). Присоединеніемъ четвертаго баталіона 4-го полка составъ этой дивизіи въ началѣ января доведенъ до 9-ти баталіоновъ. Пѣхотный полкъ «Варшавскихъ юношей», также предназначенный въ эту дивизію, еще не былъ совершенно сформированъ. Наконецъ 4-я дивизія, подъ начальствомъ генерала Шембека, состояла изъ 1-го и 3-го егерскихъ полковъ и 4-хъ бат. гвардейскихъ Гренадеръ, всего 10 бат. (бригады Чихоцкаго и Мюльберга). Вся пѣхота составляла тогда 43 бат. или, считая баталіонъ въ 900 чел., 38,700 чел. Но баталіоны были сильнѣе, потому что ихъ доводили до тысячнаго состава и даже выше (*). Саперы были распредѣлены по ротно въ Модлинѣ, Замосцьѣ и Прагѣ; кромѣ того ко всякой дивизіи было придано не большое число ихъ. Наконецъ, изъ числа 4-хъ баталіоновъ, для коихъ было отдѣлено 14,600 чел. (по 1050 чел. на баталіонъ), три были назначены для занятія Модлина, четыре для Замосцья, а остальные четыре были распредѣлены между отдѣльными отрядами, прикрывавшими, подъ начальствомъ Дверницкаго и Сѣравскаго, теченіе верхней Вислы (*).

Позже было сдѣлано распоряженіе: изъ находящихся въ депо подвижныхъ ополченій образовать 16-ть пѣхотныхъ полковъ (для каждаго воеводства по два) въ 3-и баталіона и 16 кавалерійскихъ полковъ въ 4-е эскадрона каждый. Изъ набранныхъ уже въ воеводствахъ 77,600 чел. сперва были отданы вышеупомянутые 14,600 для четвертыхъ баталіоновъ; изъ оставшихся 63,000—43,800 предназначены для формированія этихъ 16 новыхъ пѣхотныхъ полковъ; затѣмъ для дальнѣйшаго распоряженія оставалось еще около 20,000 чел. Для сформированія 16-ти новыхъ кавалерійскихъ полковъ съ каждыхъ 50 дымовъ слѣдовало выставить одного всадника, что должно было составить 9,932 кавалериста. По донесенію военнаго министра, изъ нихъ въ январѣ уже было собрано 8,000; но сильныя затруд-

(*) Баталіоны 1-го егерскаго (прежде всѣхъ вступившаго въ Варшаву) и 4-го линейнаго полковъ имѣли гораздо болѣе 1000 чел., ибо всѣ волонтеры стремились поступить именно въ эти полки.

(*) Въ Модлинъ были назначены 4-е бат. 8-го линейнаго и 1-го и 3-го егерскихъ полковъ; въ Замосцье—3-го и 7-го линейныхъ и 2-го егерскаго полковъ къ Дверницкому и Сѣравскому—1-го 2-го, 5-го и 6-го линейныхъ полковъ.

ненія представлялись относительно снабженія ихъ годными лошадьми; и хотя еще прежде были отобраны для этой цѣли всѣ упряжныя лошади, но все же нашлись вынужденными одной части этой кавалеріи дать лошадей крестьянскихъ. За то формированіе конныхъ полковъ изъ волонтеровъ напротивъ шло весьма успѣшно. При началѣ кампаніи воеводства: Августовское, Плоцкое, Подлясское и Люблинское выставили каждое по одному полку; воеводства Краковское и Мазовецкое образовали каждое по два полка; Калишское выставило даже три, которымъ однакоже не посчастливилось, такъ что послѣ Гроховскаго сраженія изъ нихъ составлено два; 2 полка Сандомирскаго воеводства никогда не были въ полномъ комплектѣ. Вся эта кавалерія волонтеровъ, по мѣрѣ своего формированія, вступала въ ряды и простиралась всего до 8,000 чел. Полки заимствовали свои названія отъ воеводствъ, но вообще ихъ называли Кракузами.

Внѣ этой общей организаціи было еще нѣсколько отдѣльно сформированныхъ отрядовъ, какъ напр. пѣшій егерскій полкъ (5-й—2,400 чел.) и уланскій полкъ (6-й—480 чел.) изъ жителей Варшавы, подъ названіемъ «Варшавскіе юноши». 2 бат. стрѣлковъ волонтеровъ изъ Подляхіи и Сандомира (Курпы); далѣе Калишскіе, Плоцкіе и Мазовецкіе стрѣлки; одинъ бат. Подольцевъ и т. д. Константинъ Замойскій далъ 200,000 польскихъ злотыхъ для сформированія уланскаго полка (5-го), въ который онъ самъ вступилъ рядовымъ; изъ бывшихъ жандармовъ сформировали два сильныхъ эскадрона конныхъ карабинеровъ, подъ начальствомъ маіора Шнейде. Изъ выходцевъ прежнихъ польскихъ провинцій были сформированы: дивизіонъ изъ Подольцевъ (2 эск.), дивизіонъ изъ Познанцевъ и дивизіонъ изъ Галичанъ (такъ называемый легіонъ Вислы) (*). Кромѣ того бы-

(*) Изъ Велико-Польши и Галиціи молодые люди неудержимо стремились въ Польшу, вопреки всѣмъ запрещеніямъ ихъ правительствъ: бывшіе офицеры, студенты, ученики и даже, при общей заразѣ, сыновья нѣмецкихъ чиновниковъ. Оттуда получались большія пособія деньгами, оружіемъ и другими потребностями. По официальнымъ объявленіямъ изъ Велико-Польши перешло 2500, изъ Галиціи, гдѣ большинство сельскихъ жителей Русскіе или, какъ ихъ называютъ тамъ, Русняки, приходили большею частью только дворяне; за то оттуда было болѣе присылаемо денегъ, оружія, косъ и всякаго рода запасовъ.

ли сформированы съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ еще различные другіе небольшіе отряды, какъ напр. Кракузы «золотаго знамени», «бѣлаго орла», «Понятовскаго» и «Косцюшки»; конные егеря Кушеля, Литовскій легіонъ, такъ называемые «адскіе егеря», подъ начальствомъ полков. Гёрица, о которыхъ, не смотря на ихъ названіе, было мало слышно. Наконецъ были еще небольшіе отряды волонтеровъ, присоединившихся къ старымъ полкамъ.

Разсматривая боевыя силы въ томъ видѣ, какъ они успѣли сформироваться ко времени Гроховскаго сраженія, мы видимъ слѣдующее: Въ Пѣхотѣ:

43 бат. старой арміи, со включеніемъ третьихъ бат. и въ двухъ полкахъ четвертыхъ .	38,700	чел.
11 четверт. батал., разброс. по разнымъ мѣстамъ	11,000	«
5 бат. стрѣлк., волонтеровъ, Подольцевъ и пр.	1,700	«
1 » Варшавскихъ юношей	800	«
6 » 19 и 20-го полк., вооруженныхъ косами	4,800	«
66 баталіоновъ	57,000	чел.
не считая различные отряды косиніеровъ и Варшавской національной гвардіи.	6,000	чел.

Въ Кавалеріи:

36 эскадроновъ старой арміи, по 180 чел. .	6,800	чел.
18 » третьихъ дивизіоновъ	3,200	«
6 » Познанцевъ, Галиційцевъ, Подольцевъ, всѣ бывшіе болѣе чѣмъ въ комплектномъ составѣ.	1,000	«
2 » карабинеровъ (прежнихъ жандармовъ).	360	«
50 (*) или 12 полковъ Кракузовъ	8,000	«
3 » 5-го уланскаго полка, коихъ формированіе было окончено	360	«
3 » Конныхъ егерей Кушеля . . .	380	«
118 эскадроновъ	20,100	чел.

Въ Артиллеріи: Въ старой арміи: 6 пѣш. батар., по 12 ор. 72 ор.
» » » 3 конныхъ по 8 ор. 24 «
Вновь сформированныя 5 пѣш. батар. по 8 ор. 40 «
Легкая полубатарея . . . . . 6 «

14½ батарей съ 142 орудіями и 3000 чел.

(*) То были: 1-й Краковскій—6 эскадр., Люблинскій—4 эскадр., Плоцкій — 6,

Кромѣ сего предполагались къ сформированію: Въ Пѣхотѣ: 14 новыхъ полковъ (19-й и 20-й, были уже сформированы) или 42 бат. по 900 чел., всего 38,000 чел., и два бат. 5-го егерскаго п. (Варшавскихъ юношей) 1,600 чел., всего 44 бат. или 39,600 чел. Въ Кавалеріи: 16 новыхъ полковъ или 64 эскадр. 10,000 чел., 5 и 6-го уланскихъ полковъ еще 5 эскадр. 600 чел.; всего 69 эскадр. или 10,600 чел. Въ Артиллеріи: двѣ резервныя роты,—24 орудія.

И такъ весь итогъ вооруженныхъ силъ, коихъ формированіе было окончено къ февралю мѣсяцу, составлялъ: 66 баталіоновъ хорошо обученной пѣхоты, силою въ 57,000 чел.; 118 эскадроновъ кавалеріи, силою въ 20,000 чел. и 142 орудія съ 3,000 артиллеристовъ. Всего 80,000 чел. съ 142 орудіями (*). Еще не окончили формированія: 39,600 чел., пѣхоты, 10,600 кавалеріи, 500 чел. артиллеристовъ,—всего 50,700 чел., съ 24 орудіями.

Крѣпость Замосцье имѣла на валахъ 160 орудій и для вылазокъ полевую батарею изъ 4-хъ орудій; комендантомъ послѣ Сѣравскаго былъ полк. Іоаннъ Крысинскій. Въ Модлинѣ было 60 орудій, и комендантъ его, полк. Игнатій Ледоховскій, усердно заботился объ исправленіи пришедшихъ въ упадокъ верковъ. Въ Прагѣ и Варшавѣ было поставлено 43 орудія. Старинныя укрѣпленія предмѣстья Праги были вновь возстановлены и исправлены; у самой Варшавы также начали возводить укрѣпленія съ лѣваго берега Вислы. Комендантами въ Прагѣ были полковники Косъ и Семіонтковскій; работами по укрѣпленію завѣдывалъ инженеръ-полковникъ Колачковскій. На лѣвомъ берегу Вислы, подъ общимъ начальствомъ генерала Клицкаго, находились изъ числа вооруженныхъ войскъ: четвертые баталіоны 1-го, 2-го, 5-го и 6-го полковъ—4000 чел., баталіонъ Курповъ —320 чел., 18 эскадр третьихъ дивизіоновъ—3200

Подлясскій—4, Августовскій — 4, 1-й Мазовецкій—4, 2-й—4, 1-й Сандомирскій—4, 2-й — 2; 1-й, 2-й, и 3-й Калишскіе, каждый по четыре эскадрона. Всего 12 полковъ—50 эскадроновъ.

(*) Это исчисленіе такъ мало преувеличено, что вѣроятно еще ниже дѣйствительности, потому что многочисленныя небольшія вооруженія, вовсе неприняты въ расчетъ.

чел., 3 эскадр. конныхъ егерей подъ начальствомъ Кушеля 380 чел., 16 эскадр. Кракузовъ (изъ Кракова, Калиша и Сандомира) 2500 чел. и 6 легкихъ орудій. Всего же: 5 бат., 37 эскадр. съ 6 орудіями, т. е. 10,400 чел., изъ коихъ 4,300 пѣхоты и 6,100 кавалеріи. Если исключить изъ вышеприведеннаго числа вооруженныхъ силъ эти 5 бат., 37 эскадр., также какъ и 7 бат. находившихся въ крѣпостяхъ, т. е. изъ 80,000 чел.—17,400: то останется для главной арміи 62,600 чел., въ составѣ 54 бат. и 81 эскадр.—составъ, въ которомъ, по единогласному показанію свѣдущихъ лицъ, она находилась во время сраженія при Гроховѣ.

Всею кавалеріею вначалѣ командовалъ генералъ Вейсенгофъ; она была раздѣлена на 5-ть дивизій, ввѣренныхъ генераламъ: Томицкому, Сухаржевскому и Томашу Лубенскому и полковникамъ Янковскому и Рутіе; каждая дивизія была составлена изъ двухъ старыхъ полковъ и двухъ, или даже болѣе, полковъ Кракузовъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи происходили безпрестанныя измѣненія. Организація кавалеріи была поручена полковнику Турно, а 5-хъ и 6-хъ эскадр.—въ особенности генералу Дверницкому. Для формированія войскъ было употреблено значительное число старыхъ офицеровъ, но большинство ихъ отвыкло отъ службы. Многочисленная, полная рвенія молодежь прибывала изъ Познани и Галиціи, но каждый изъ нихъ хотѣлъ быть офицеромъ и достигалъ этого посредствомъ разныхъ происковъ и протекціи. Такимъ образомъ армія все болѣе и болѣе обременялась огромнымъ числомъ офицеровъ. Такъ какъ, вслѣдствіе безразсудства революціонеровъ, армія была лишена многихъ способныхъ начальниковъ, каковы напр: генералы Потоцкій, Трембицкій, Блюмеръ, Семіонтковскій, коихъ умертвили, Курнатовскій и Красинскій, которыхъ удалили, и такъ какъ сверхъ того многіе генералы были заняты формированіемъ резервовъ, какъ Жолтовскій, Дзеконскій, Павловскій: то между начальствующими лицами произошло много перемѣнъ. Вмѣсто убитыхъ или отсутствующихъ вступили другіе, по сіе время отказывавшіеся отъ службы, какъ напр., кромѣ кн. Радзивила и Паца, генералы: Войсчинскій, Сѣравскій, Томашъ Лубенскій и

престарѣлый Казиміръ Малаховскій, вполнѣ раздѣлявшій судьбу польскихъ ополченій отъ начала ихъ до конца; далѣе полковники: Кицкій, Амвросій Скаржинскій, Мицельскій, Хлаповскій, Рожицкій и другіе. Однако недостатокъ въ хорошихъ генералахъ былъ ощущаемъ въ продолженіи всей войны. Заслуги большей части изъ нихъ ограничивались тѣмъ, что они храбро водили свои войска въ огонь и твердо его выдерживали; но почти ни одинъ не имѣлъ ясныхъ понятій объ операціяхъ цѣлой арміи, объ искусствѣ овладѣть ходомъ битвы посредствомъ хладнокровія и благоразумія; ни одинъ почти не зналъ совокупнаго употребленія всѣхъ родовъ оружія и не умѣлъ направлять дѣйствія ихъ къ одной цѣли. Но неспособность ихъ вполнѣ можно было оцѣнить только по ошибкамъ, сдѣланнымъ ими въ теченіи самой войны.

Кн. Радзивилъ, недовѣряя самому себѣ, хотѣлъ окружить себя людьми, имѣющими репутацію способныхъ офицеровъ; такъ Пронздзинскій и Хршановскій были возвращены изъ ссылки, въ которой держалъ ихъ Хлопицкій. Генералъ Мрочинскій былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба, Францъ Моравскій дежурнымъ генераломъ, подполк. Пронздзинскій — генералъ-квартирмейстеромъ; всею артиллеріею командовалъ генер. Редель; начальникомъ инженеровъ вначалѣ былъ генер. Малетскій; когда же онъ послѣ Гроховскаго сраженія удалился изъ арміи, то мѣсто его занялъ полк. Колачковскій, который хотя и былъ врагомъ революціи, но тѣмъ не менѣе выказалъ большія способности. Военный министръ, Исидоръ Красинскій, былъ человѣкъ незначительный; способнѣйшій членъ главной военной коммиссіи былъ генер. Раутенштраухъ, выказавшій, по выбытіи изъ административнаго совѣта, много усердія и дѣятельности при формированіи войскъ; но впослѣдствіи онъ удалился, будучи оскорбленъ, когда при выборѣ военнаго министра ему предпочли младшаго его, генерала Моравскаго.

Для артиллеріи образовали въ Варшавѣ резервный баталіонъ около 1,000 чел., который, будучи постоянно въ комплектѣ, назначался для замѣны потерь, понесенныхъ въ сраженіяхъ. Этотъ баталіонъ, не смотря на короткій срокъ обученія,

далъ очень хорошихъ артиллеристовъ; только относительно матеріальной части существовали непреодолимыя затрудненія. Не смотря на усиленную дѣятельность арсенальныхъ работъ, никогда не могли имѣть одновременно болѣе 150-ти орудій съ упряжью, преимущественно по причинѣ трудностей, которыя представляла отливка орудій. Тоже самое было и съ ружьями: не было никакой возможности вполнѣ вооружить ими всѣ полки. Косы и пики, хотя и высоко цѣнились теоретиками, но опытъ этой войны еще разъ доказалъ, что противъ картечи и огня пѣхоты они ничего не значатъ, и что ружье со штыкомъ есть лучшее оружіе для солдата. Университетская гвардія была распущена, и молодые люди были распредѣлены въ корпуса, полки и по провинціямъ, чтобы, въ качествѣ колонновожатыхъ, адъютантовъ, ординарцевъ и въ тому подобныхъ должностяхъ, наблюдать за старшими начальниками и чиновниками, коимъ не довѣряли, и поддерживать ихъ энергію.

Если въ вышеприведенномъ исчисленіи военныхъ силъ Польши вкрались нѣкоторыя ошибки, то просимъ извинить насъ; это предметъ чрезвычайно запутанный, и Поляки съ намѣреніемъ окружали его непроницаемымъ мракомъ. Они постоянно имѣли на готовѣ двоякаго рода цифры, хотя и для одной и той же цѣли т. е. для собственнаго прославленія и самохвальства. Если они хотѣли напугать своихъ противниковъ или показать удивленному свѣту, на какія усилія способенъ польскій патріотизмъ, то они непомѣрно увеличивали числительность своихъ военныхъ силъ и говорили о 150,000 войска; когда же они вступали въ сраженіе или были разбиты, то уменьшали свои силы до крайности, чтобы имѣть возможность съ обычнымъ хвастовствомъ разсказывать, что одинъ сражался противъ восьми, или что только въ-десятеро сильнѣйшій непріятель могъ заставить ихъ отступить. Въ дѣйствительности же, въ большей части сраженій этой войны, силы обѣихъ сторонъ мало различались, во многихъ даже Поляки имѣли превосходство въ числѣ, и можно съ достовѣрностью сказать, что они ни разу недостигли значительныхъ успѣховъ тамъ, гдѣ не имѣли на своей сторонѣ превосходства силъ.

Для продовольствія арміи были предписаны огромныя поставки, и жители обременены всевозможными реквизиціями. Количество выставленныхъ запасовъ равнялось по цѣнности суммѣ прежнихъ податей за три года; это было тѣмъ тягостнѣе, что въ предшествовавшемъ (1830) году, урожай былъ весьма плохой. Жалобы подавлялись угрозами, силою и страхомъ. Такимъ способомъ удалось собрать значительные запасы, но которые, въ предположеніи наступательныхъ дѣйствій, были размѣщены въ высшей степени не разумно у самой границы: въ Ломжѣ, Седльцѣ, Люблинѣ и Плоцкѣ, гдѣ тотчасъ же при началѣ войны они достались въ руки Русскихъ. И въ деньгахъ не было недостатка, благодаря предшествовавшему управленію кн. Любецкаго. Болѣе 67 милліоновъ польскихъ злотыхъ наличными деньгами хранились въ казначействѣ; эта сумма составилась частію изъ остатковъ различныхъ займовъ, сдѣланныхъ подъ поручительствомъ Россіи, частію изъ доходовъ отъ продажи казенныхъ вотчинъ и отъ операцій банка, частію же наконецъ изъ разныхъ другихъ капиталовъ. Новый министръ финансовъ представилъ смѣту вѣроятной суммы расходовъ на текущій годъ, со включеніемъ военныхъ издержекъ (жалованье арміи было расчитано на 120,000 чел.), въ 133 милліона злотыхъ, слѣдовательно оставалось добыть всего 66 милліоновъ. Они должны были быть покрыты 14 милліонами прямыхъ и 40 милліонами косвенныхъ налоговъ, и 9 милліонами лѣсныхъ доходовъ. Расчитывали на всякія случайности, но упустили изъ виду самую главную,—именно, что большая часть этихъ доходовъ уничтожалась съ наступленіемъ русской арміи.

Въ то время, когда уже приближалась грозная, истребительная война, безсмысленныя толпы беззаботно предавались наслажденіямъ минуты. Обычныя увеселенія продолжались какъ и въ мирное время, и редуты, кофейные дома и театры посѣщались болѣе чѣмъ когда либо. Въ послѣднихъ малѣйшіе намеки на настоящее положеніе были принимаемы съ шумомъ и одобрительными криками, махали знаменами, на которыхъ были гербы отпадшихъ провинцій; устраивали аллегорическія прозрач-

ныя картины; патріотическія пѣсни пѣлись актерами и повторялись хоромъ изъ партера и ложъ. Подъ конецъ спектакля одушевленіе обыкновенно доходило до такой степени, что зрители, какъ бы внѣ себя, со всѣхъ сторонъ брали приступомъ сцену и сами принимались исполнять національные танцы вмѣстѣ съ актрисами и танцовщицами; тамъ можно было видѣть студентовъ и офицеровъ, клубистовъ и депутатовъ, даже сенаторовъ, смѣшавшихся съ актерами и кружащихся безъ разбора; зрѣлище, которому, кажется, не слѣдовало повторяться послѣ 1794 года. Но время идетъ впередъ, а люди остаются все тѣже.

Восемь недѣль протекло отъ начала революціи; партія умѣренныхъ была побѣждена, Хлопицкій удаленъ, отстраненіе Императорской династіи отъ польскаго престола было высказано въ сеймѣ; полный перевѣсъ былъ на сторонѣ революціонеровъ. Тайные предводители ихъ стремились неутомимо впередъ, къ цѣли, которая въ туманѣ мелькала предъ ними, но которая по мѣрѣ приближенія ихъ отодвигались все далѣе назадъ и становилась все болѣе мрачною. Но какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, чѣмъ быстрѣе движеніе, тѣмъ больше его сила и инерція; подъ-конецъ оно становится такъ сильно, что никто уже не бываетъ въ состояніи владѣть собою, и даже наиболѣе разсудительные люди теряютъ разсудокъ. Такъ и революціонеры потеряли наконецъ головы, и какъ бы понуждаемые адскою силою, все подталкивая, тѣснясь и возбуждая свой несчастный народъ, наконецъ вогнали его въ бездонную пропасть.

Еще камеры продолжали спорить съ клубами о различныхъ предметахъ; то о цвѣтѣ кокардъ, должны ли онѣ быть бѣлыя, или бѣлыя съ краснымъ, или трехъ-цвѣтныя по образцу французскихъ; то о теоріяхъ различныхъ формъ правленія, такъ какъ клубисты безъ размышленія давали преимущество республикѣ съ совершенно демократическими формами,—какъ вдругъ, среди этихъ споровъ, подобно громовому удару, пронеслась вѣсть, что «Русскіе перешли границы Царства»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ начала войны до сраженія при Гроховъ.

Отъ начала войны до сраженія при Гроховѣ.

Въ то время, когда вспыхнула польская революція, фельдмаршалъ Дибичъ находился въ Берлинѣ; онъ уже имѣлъ прощальную аудіенцію у короля и намѣревался возвратиться въ С.-Петербургъ, какъ вдругъ извѣстія о варшавскихъ происшествіяхъ еще болѣе ускорили его отъѣздъ. По прибытіи въ С.-Петербургъ онъ узналъ не безъ внутренняго волненія о назначеніи своемъ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею. Онъ очень хорошо понималъ всѣ трудности и опасность борьбы съ возставшимъ народомъ; но въ то же время величайшій полководецъ своего времени не считалъ невозможнымъ побѣдить эти трудности. «Если мнѣ неудастся покончить все однимъ ударомъ, то весь позоръ падетъ на меня», говорилъ онъ своимъ приближеннымъ. Примѣръ Испаніи, Германіи и Россіи былъ передъ глазами, а польское возстаніе не уступало, повидимому, ни въ силѣ, ни въ одушевленіи, возстаніямъ этихъ народовъ. Какъ искусный полководецъ, фельдмаршалъ строго взвѣсилъ всѣ обстоятельства; онъ ясно сознавалъ всѣ выгоды оборонительной войны въ Польшѣ передъ наступательной; въ минувшее лѣто, онъ лично могъ убѣдиться, до какого совершенства были доведены польскія войска неусыпными заботами Цесаревича Кон-

стантина Павловича; онъ зналъ, что эти войска могли удвоиться и даже утроиться послѣ сбора отпускныхъ солдатъ; онъ хорошо понималъ, что армія, сражающаяся за идею, которою она глубоко проникнута, и имѣющая поддержку въ цѣлой массѣ народонаселенія страны, что такая армія обладаетъ огромною силою сопротивленія. Все это онъ сознавалъ и чувствовалъ, и все-таки не колебался; уповая на свой геній, полагаясь на силу своей воли, онъ считалъ возможнымъ побороть всѣ препятствія. Кромѣ того онъ зналъ русскихъ солдатъ и расчитывалъ на нихъ. Наконецъ не было еще достовѣрно извѣстно, дѣйствительно ли возстаніе пустило такіе глубокіе корни въ сердцахъ польскаго народа, и будетъ ли онъ готовъ, подобно другимъ народамъ, возстававшимъ за идею, принести безграничныя жертвы въ его пользу. Польскій народъ такъ былъ облагодѣтельствованъ русскимъ Монархомъ, что трудно было ожидать совершеннаго забвенія своего долга большинствомъ и присоединенія его къ зачинщикамъ мятежа. Можно было надѣяться, что когда пройдетъ первый пылъ страстей, Поляки не рѣшатся доводить дѣло до послѣдней крайности. Отъ большаго или меньшаго участія народа въ возстаніи зависѣлъ срокъ, въ который революція могла быть подавлена; въ томъ же что она будетъ подавлена рано или поздно, въ этомъ опытный полководецъ ни минуты не сомнѣвался.

Первою заботою Дибича было выбрать для себя способнаго помощника, которому можно было бы поручить трудную обязанность начальника главнаго штаба. Выборъ его палъ на гр. Толя, человѣка, котораго онъ давно уважалъ за его высокія достоинства, и который оказывалъ уже ему столько дѣйствительной помощи во время блестящей турецкой кампаніи.

Генералъ-квартирмейстеромъ фельдмаршалъ желалъ имѣть генерала Берга, котораго военныя способности онъ оцѣнилъ также во время турецкой войны, но Бергъ находился тогда въ Италіи для излеченія болѣзни, поэтому названную должность занялъ генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, составившій себѣ извѣстность въ войнахъ съ Французами. Начальникомъ всей артиллеріи былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, а генералъ-интендантомъ сенаторъ Абакумовъ.

Всѣ войска, предназначенныя въ дѣйствующую армію, должны были къ 15 января собраться на польской границѣ между Брестомъ и Гродно. Они состояли изъ слѣдующихъ частей: 1-й пѣхотн. корпусъ, подъ начальствомъ генер. отъ кавалеріи гр. Палена 1-го (одна гусарская и три пѣхотныхъ дивизіи); бывшій Литовскій, переименованный въ 6-й пѣхотн. корпусъ, подъ начальствомъ генер. отъ инфантеріи бар. Розена (одна уланская и двѣ пѣхотныя дивизіи и одна бригада гренадеръ); къ сему корпусу долженъ былъ присоединиться слѣдовавшій изъ Варшавы гвардейскій отрядъ (два пѣхотныхъ и три кавалерійскихъ полка). 3-й резервн. кавалер. корпусъ генер. отъ кавалеріи гр. Витта (одна кирасирская и одна уланская дивизіи), и наконецъ 7-мь казачьихъ полковъ; всего 70 бат., 108 эскадр., 300 орудій и 3,500 казаковъ. По соединеніи всѣхъ этихъ частей и увѣрившись предварительно въ вѣрности бывшаго Литовскаго корпуса, военныя дѣйствія тотчасъ должны были начаться, а мѣста выступившихъ корпусовъ предполагалось занять слѣдующими войсками: Гренадерскимъ корпусомъ изъ военныхъ поселеній, подъ начальствомъ генер. отъ инфантеріи кн. Шаховскаго (три дивизіи); 2-мъ пѣхотн. корпусомъ генер. отъ кавалеріи гр. Палена 2-го (одна гусарская и три пѣхотныхъ дивизіи); 5-мъ резервн. кавалер. корпусомъ ген.-лейт. бар. Крейца (одна драгунская и одна конно-егерская дивизіи); Гвардейскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича (двѣ пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскихъ дивизіи) и наконецъ 9-ю казачьими полками; всего: 88 бат., 104 эскадр. съ 306 орудіями и 4660 казаковъ. Силы весьма значительныя, но которыя вступили на театръ военныхъ дѣйствій не вдругъ, а послѣдовательно одни за другими. Какъ скоро часть войскъ была уже собрана на границѣ, фельдмаршалъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Въ Вильнѣ, гдѣ было значительное стеченіе страстной и пылкой молодежи и гдѣ открытое возмущеніе сдерживалось только военною силою, онъ остановился на одинъ день, велѣлъ себѣ представить дворянство, профессоровъ и студентовъ, сказалъ имъ нѣсколько ободрительныхъ и увѣщательныхъ словъ и, получивъ отъ нихъ удостовѣреніе въ ихъ вѣр-

ности и безпредѣльной преданности престолу, продолжалъ свой путь по направленію къ Гродно.

Въ то время много было толковъ и сужденій о личности фельдмаршала. Даже его противники не оспаривали въ немъ душевной доброты и справедливости. Въ его глазахъ можно было прочесть выраженіе дружелюбія, снисходительности и кротости; хотя въ гнѣвѣ взоръ его блисталъ подобно молніи,—но не на долго, и минутная вспышка тотчасъ уступала мѣсто обычному выраженію доброты. Его высокое и выпуклое чело обличало свѣтлый и острый умъ, который не могъ быть поставленъ въ тупикъ самыми запутанными обстоятельствами. Когда онъ получалъ какую нибудь бумагу или донесеніе, ему достаточно было мелькомъ взглянуть на нихъ, чтобы понять всю сущность дѣла и не упустить ничего сколько нибудь важнаго. Этотъ ясный и проницательный взглядъ, свойственный всѣмъ великимъ людямъ, дѣлалъ самые запутанные вопросы легкими для него. Однако, лица, знавшія его прежде, замѣчали въ немъ большую перемѣну; онъ потерялъ много прежней живости; его сложеніе пріобрѣло особую тучность; походка сдѣлалась тише и расчитаннѣе, казалось—онъ хотѣлъ придать ей больше значенія и достоинства; его загорѣлое лицо свидѣтельствовало о трудной боевой жизни, солнечныя лучи Сены, Дуная и Балкановъ оставили на немъ неизгладимые слѣды; багровый цвѣтъ лица, короткая шея, плоская грудь, слишкомъ плотный станъ не мало озабочивали окружавшихъ его врачей, а особое меланхолическое выраженіе его лица обличало въ немъ тайную скорбь.

На ряду съ фельдмаршаломъ главнѣйшимъ дѣятелемъ предстоявшей войны является гр. Толь, имя котораго было такъ часто связано съ именемъ Дибича и обращало на себя вниманіе не столько большинства, сколько отдѣльныхъ просвѣщенныхъ наблюдателей. Вся наружность его выказывала что-то энергическое, смѣлое и рѣшительное. Еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (ему было 53 г.), онъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; онъ имѣлъ твердую походку, говорилъ рѣзко и отрывисто, а обращеніе его отличалось прямотою и гуманностью; наружность его служила выраженіемъ его внутрен-

нихъ качествъ, въ которыхъ преобладали положительность, энергія и твердость. Всякій вопросъ онъ умѣлъ обсудить съ полною ясностью, и такъ какъ онъ никогда не упускалъ изъ виду свою цѣль, то всякое приказаніе и распоряженіе отдавалось имъ коротко и точно. Ничто не могло вывести его изъ обычнаго спокойствія; при самыхъ неожиданныхъ извѣстіяхъ, онъ быстро обсуживалъ обстоятельства и тотчасъ принималъ рѣшеніе. Ко всему этому онъ былъ одаренъ прекрасною памятью и особымъ достоинствомъ характера, которое не дозволяло ему обращать вниманіе на постороннія побужденія, когда дѣло шло объ исполненіи долга. Кутузовъ безошибочно оцѣнилъ въ молодомъ Толѣ будущаго полководца, отличая его еще кадетомъ и наконецъ поручивъ ему, въ 1812 г., не смотря на его молодость, трудную обязанность генералъ-квартирмейстера своей арміи. Съ-тѣхъ-поръ Толь имѣлъ значительное вліяніе на всѣ важнѣйшія событія, которыя въ то время совершенно измѣнили политическое устройство Европы, хотя имя его и упоминалось менѣе другихъ. По смерти Кутузова онъ сохранилъ званіе генералъ-квартирмейстера въ главной квартирѣ Императора Александра, а по заключеніи мира былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи, и въ этомъ званіи находился при Дибичѣ, какъ во время турецкой кампаніи, такъ и въ польскую войну.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1830 г. фельдмаршалъ прибылъ въ Гродно, гдѣ временно, до соединенія всей дѣйствующей арміи, онъ назначилъ свою главную квартиру. Со всѣхъ сторонъ стягивались колонны; зимнія дороги были покрыты войсками: кавалерія, пѣхота, артиллерія съ сѣвера и съ юга тянулись темными лентами по снѣжнымъ полямъ. Не смотря на сильные морозы, бодро шли русскія войска на встрѣчу битвамъ. Изъ прежнихъ Суворовскихъ войнъ съ Польшею, въ которыхъ Русскіе всегда оставались побѣдителями, они не вынесли блисталельнаго мнѣнія о своемъ непріятелѣ. «Поляки пойдутъ намъ только на закуску» (Die Polen wären für sie nur ein Frühstück), такъ выражались солдаты и приводили въ примѣръ Французовъ, какъ достойныхъ противниковъ и Пруссаковъ,

*

какъ храбрыхъ союзниковъ (*). 1-й корпусъ шелъ весь декабрь мѣсяцъ, чтобы достигнуть своего назначенія; 26-го числа гусарская дивизія вступила въ Ковно, а 8-ю днями позже и 1-я пѣхотная; 2-я дивизія была уже около Гродно, а 3-я въ Вильнѣ; первоначально эти войска должны были слѣдовать на Августово, но впослѣдствіи это распоряженіе было отмѣнено, вслѣдствіе представленія генер. Розена, что «вступленіе въ предѣлы Царства Польскаго было бы начатіемъ непріязненныхъ дѣйствій, а у него не было для этого кавалеріи, такъ какъ 3-й кавалер. корпусъ еще не прибылъ.»

6-й пѣхотн. корпусъ, въ концѣ декабря, былъ сосредоточенъ между Брестомъ и Бѣлостокомъ, 3-й кавалер. корпусъ форсированнымъ маршемъ приближался къ Бресту, 5-й кавалер. расположился на постоянныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Луцка и Владиміра-Волынскаго. 2-й пѣхотн. корпусъ, только-что возвратившійся изъ Турціи, долженъ былъ, пополнивъ убыль въ людяхъ, выступить изъ Орловской, Могилевской и Витебской губерній не ранѣе половины января и черезъ мѣсяцъ прибыть на границу. Гренадерскій корпусъ, слѣдовавшій форсированнымъ маршемъ изъ военныхъ поселеній Новгородской губерніи, былъ ожидаемъ въ Вильно къ $^{22}/_{10}$ янв., и наконецъ Гвардія, выступившая $^{7}/_{26}$ $^{\text{янв.}}_{\text{дек.}}$, должна была прибыть въ Вильно $^{13}/_{1}$ марта.

Къ $^{13}/_{1}$ янв. 1831 г. на пространствѣ между Гродно и Брестомъ были собраны: 2-я пѣхотн. дивизія и одинъ гусарскій полкъ; весь 6-й пѣхотн. корпусъ съ гвардейскимъ отрядомъ Великаго Князя Константина Павловича; наконецъ 3-й резервн. кавалер. корпусъ и 6 казачьихъ полковъ, — всего 52 бат., 90 эскадр., 3,000 казаковъ и болѣе 200 орудій, — силы достаточныя для отраженія первыхъ попытокъ инсургентовъ. (**) 6-й пѣхотн. корпусъ занималъ пространство отъ Гродно чрезъ Бѣлостокъ до Брянска, имѣя позади себя въ Свислочѣ отрядъ гвардіи Константина Павловича.

(*) Авторъ слышалъ подобныя сужденія изъ устъ самихъ солдатъ.

(**) Пѣхота: 2-я пѣхотная дивизія . . . . 12 батал. съ 36 орудіями.
24-я » » » . . . . 12 » » 36 »

3-й резервн. кавалер. корпусъ расположился у Мелстичей, Высоко-Литовска и Бреста; 2-я пѣхотн. дивизія съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ находилась въ авангардѣ между Гродно и Кнышинымъ. Остальныя войска были еще въ движеніи.

Изъ этого обзора расположенія и передвиженій русской арвъ декабрѣ можно судить, какія послѣдствія могло вести за собою вторженіе въ Литву инсургентовъ, на которое такъ расчитывали революціонеры; это мнѣніе такъ вкоренилось въ особенности между молодыми офицерами, что одинъ изъ способнѣйшихъ между ними, Хршановскій, считалъ обязанностью въ половинѣ декабря представить диктатору планъ, въ которомъ, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, считая невозможнымъ скорое прибытіе русскихъ войскъ съ юга, онъ предлагалъ: сосредоточить польскую армію между Ломжою, Снядовомъ и Замбровомъ. Если была возможность сохранить миръ, то этой цѣли было легче достигнуть удаливъ войска изъ Варшавы; если же война была неизбѣжна, то конечно слѣдовало стараться имѣть сколько возможно болѣе шансовъ на своей сторонѣ; направивъ въ концѣ декабря всю польскую армію, состоявшую въ то время изъ 38,000 пѣхоты и 7,000 кавалеріи противъ 6-го корпуса, по его мнѣнію, можно было расчитывать на вѣрный успѣхъ. Уже одна неожиданность и отвага этого предпріятія обусловливали его удачу, не говоря о прочихъ расчетахъ. Онъ надѣялся даже одержать такой же успѣхъ и надъ 1-мъ корпусомъ, чрезвычайно растянувшимся на походѣ. Размѣръ этихъ успѣховъ долженъ былъ обусловить дальнѣйшія дѣйствія;

	резервные батал. сей дивизіи.	16	»	—	»
	25-я пѣхот. дивизія	12	»	36	»
	Литовская гренадер. бригада	6	»	12	»
	Гвардейскій отрядъ Великаго Князя.	4	»	12	»
	всего 52 батал. съ 132 орудіями.				
Кавалерія:	Сумскій гусарскій п.	6 эскадр.	съ	6 кон.	оруд.
	Литовская улан. дивизія	24	»	24	»
	3-я уланская дивизія	24	»	24	»
	3-я кирасирская дивизія	24	»	24	»
	Кавалерія гвардейскаго отряда	12	»	12	»
	всего 90 экскадр. 90 орудій.				

если успѣхъ будетъ полный, то можно было двинуться противъ гренадеръ; если же предпріятіе удастся только отчасти, то все-таки слѣдовало дойти до Бѣлицы, а оттуда отступить чрезъ Слонимъ на Брестъ; этотъ послѣдній пунктъ надлежало между тѣмъ занять резервами, въ теченіи января укрѣпить его и снабдить запасами. Армія отступившая къ Бресту и укомплектованная посредствомъ новаго набора, была бы въ состояніи помѣряться силами съ русскою, или покрайней мѣрѣ удержаться въ оборонительномъ положеніи. При томъ же, весеннія оттепели и распутица чрезвычайно затруднили бы подвозъ продовольственныхъ припасовъ для русской арміи, тѣмъ болѣе что его по необходимости пришлось бы производить изъ дальнихъ губерній, такъ какъ окрестныя страны къ тому времени были бы истощены постоянными передвиженіями войскъ. Напротивъ Поляки, располагаясь у Бреста, не встрѣтили бы никакихъ затрудненій въ продовольствіи, имѣя сообщеніе съ Варшавою по шоссе. Короче говоря, Хршановскій надѣялся, что приведеніе въ исполненіе его плана будетъ имѣть послѣдствіемъ пораженіе хотя части русской арміи и дастъ возможность, хотя на время пріостановить вступленіе ея въ Польшу и такимъ образомъ выиграть время для новыхъ рекрутскихъ наборовъ. Наконецъ, если Поляки и были бы сверхъ всякаго чаянія разбиты въ Литвѣ, то конечно все было бы потеряно, но это, по его мнѣнію, послужило бы къ скорѣйшему рѣшенію ихъ судьбы—рѣшенію, котораго рано или поздно слѣдовало ожидать подъ стѣнами Варшавы, и въ послѣднемъ случаѣ страна пострадала бы несравненно болѣе.

Нельзя отвергать, что планъ подполк. Хршановскаго могъ доставить нѣкоторыя выгоды, однакожъ не надолго Со стороны Русскихъ и на этотъ случай были приняты надлежащія мѣры. Генералъ бар. Розенъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи (считая 6 резевн. батал.) (*) 36 батал. и 24 эскадр. (около 30,000 пѣхоты и 3,600 ч. кавалеріи); къ нимъ присоединились 4 бат. и 12 эскард. (3,600 пѣхоты и 2,000 кавал.) гвардейскаго отряда; а потому, еслибы даже бар. Розенъ и не могъ удержать-

(*) Резервные батал. 24 пѣхотн. дивизіи; 6 же резервныхъ батал. 25 дивиз. находились на Волыни.

ся въ-началѣ, то, отступая назадъ, онъ съ каждымъ шагомъ все болѣе увеличивалъ свои силы присоединеніемъ частей 1-го пѣхотнаго корпуса, спѣшившаго къ нему на помощь; такимъ образомъ черезъ нѣсколько дней онъ имѣлъ бы значительное превосходство въ силахъ надъ Поляками. Онъ имѣлъ повелѣніе отнюдь не вступать въ дѣло съ сильнѣйшимъ непріятелемъ и въ такомъ только случаѣ рѣшиться на сраженіе, если будетъ напередъ увѣренъ въ успѣхѣ; избѣгая битвы, онъ долженъ былъ завлекать противника въ глубь страны, и, присоединивъ къ себѣ подкрѣпленія, напасть на него съ превосходными силами; въ случаѣ удачи онъ могъ безспорно достичь огромныхъ результатовъ, ибо въ то время долженъ былъ подойти 3-й кавалер. корпусъ, который былъ уже близко и который могъ быть направленъ въ тылъ Поляковъ, чтобы совершенно отрѣзать имъ отступленіе. Польская часть народонаселенія, т. е. меньшинство, вѣроятно присоединилась бы къ арміи инсургентовъ (*), чѣмъ, разумѣется, послѣдняя не очень бы усилилась, потому что главная ея сила заключалась въ превосходномъ военномъ образованіи; въ этомъ случаѣ страна конечно пострадала бы болѣе, и ужасы войны увеличились бы, но чѣмъ далѣе подвинулась бы впередъ польская армія вначалѣ, тѣмъ сильнѣе было бы ея пораженіе впослѣдствіи, когда бы она наткнулась на превосходнаго силами противника, когда бы ей пришлось отступать среди зимы, будучи тѣснимою спереди, окруженною со всѣхъ сторонъ многочисленною легкою кавалеріею непріятеля, и въ заключеніе подвергаясь опасности быть совершенно отрѣзанною русскими войсками, шедшими съ юга. Настоящая сила Поляковъ была въ ихъ собственномъ отечествѣ, гдѣ все имъ благопріятствовало; но чѣмъ болѣе они стали бы углубляться во внутрь Россіи, тѣмъ болѣе уменьшалась бы ихъ сила. Доказательствомъ служатъ Гелгудъ и Дверницкій. Планъ

(*)Но и то со страхомъ и колебаніемъ, потому что еще ничто не было рѣшено: подобное предпріятіе только въ такомъ случаѣ могло бы принести выгоду, еслибы полякамъ удалось пріобрѣсть перевѣсъ въ рѣшительномъ сраженіи. И въ этомъ вопросѣ взглядъ Хлопицкаго оказался наиболѣе проницательнымъ изъ всѣхъ.

Хршановскаго былъ бы только повтореніемъ экспедиціи Гелгуда въ бо́льшемъ масштабѣ. Сверхъ того, матеріальная часть въ польской арміи далеко не была обезпечена. Чтобы быть въ состояніи исполнить съ успѣхомъ такое обширное предпріятіе, армія должна быть снабжена лошадьми, военнымъ обозомъ, аммуниціею, должны быть организованы парки и магазины; устроить все это на походѣ и среди множества препятствій было весьма нелегко; даже впослѣдствіи, не смотря на всю дѣятельность Поляковъ, имъ удалось сформировать только одинъ небольшой и то плохой паркъ (*).

Разсматривая этотъ планъ съ политической точки зрѣнія, послѣдствія его могли быть еще важнѣе: вторженіемъ въ предѣлы Россіи Поляки глубоко оскорбили бы національную гордость русскаго народа; возгорѣлась бы война народная въ полномъ смыслѣ этого слова, и вся нація, какъ во времена нашествія Наполеона, рѣшилась бы на всевозможныя пожертвованія для удержанія дерзкаго непріятеля. Озлобленіе и ненависть увеличились бы тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло шло не о превосходномъ силами и страшнымъ своимъ могуществомъ непріятелѣ, но о врагѣ, издавна презираемомъ и неоднократно уже побѣжденномъ. За границею этотъ планъ былъ бы осужденъ даже между приверженцами Польши, не говоря уже о ея противникахъ, потому что въ такомъ случаѣ Польша сама начала бы дѣйствовать наступательно и всякая надежда на вмѣшательство другихъ государствъ, на которое преимущественно расчитывали Поляки, мгновенно бы рушилась. Итакъ, этимъ вторженіемъ, не говоря уже о всей опасности и невыгодныхъ послѣдствіяхъ его въ военномъ отношеніи, Польша возстановляла противъ себя всю русскую націю, отдалялась отъ всѣхъ другихъ государствъ

(*) Извѣстный польскій генералъ выражается объ этомъ въ своемъ манускриптѣ слѣдующимъ образомъ: «Хлопицкаго упрекали, что онъ не вступилъ въ Литву «въ декабрѣ, когда Русскіе еще не были въ готовности. Состояніе польской ар«міи можетъ служить на это отвѣтомъ. Сдѣлавъ сіе, Хлопицкій походомъ въ суро«вую пору года погубилъ бы отборныя наши войска и обезсилилъ бы новыя «организаціи, и все это для невѣрнаго результата. Кромѣ того, вслѣдствіе при«нятой имъ системы, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ начать непріязнен«ныхъ дѣйствій, пока не убѣдился, что они неизбѣжны.»

и даже отчуждала отъ себя общественное мнѣніе, на которое она опиралась въ продолженіи всей войны. Такимъ образомъ диктаторъ былъ совершенно правъ, отвергнувъ этомъ планъ, который особенно нравился клубистамъ, но онъ зашелъ слишкомъ далеко,ославъ талантливаго составителя его въ Модлинъ, куда онъ былъ назначенъ 2-мъ комендантомъ (*).

Въ военномъ совѣтѣ, составленномъ изъ старшихъ офицеровъ и генераловъ, предположено было дѣйствовать иначе: наступательныя дѣйствія противъ Россіи были совершенно основательно отвергнуты: благопріятное для нихъ время было уже упущено. Теперь напротивъ слѣдовало обратить все вниманіе на средства для упорной обороны. Поэтому поводу возникли два различныя мнѣнія: слѣдуя одному, надлежало придвинуть армію къ границамъ и защищать шагъ за шагомъ родную почву; по другому слѣдовало покинуть правый берегъ Вислы, неудобный для обороны и, сосредоточивъ главныя силы вблизи Варшавы, ожидать нападенія Русскихъ. Защитники послѣдняго мнѣнія, въ числѣ коихъ были Хлопицкій и Прондзинскій, въ особенности опирались на слова Наполеона: «кто владѣетъ треугольникомъ меж«ду Варшавою, Сіероцкомъ и Модлиномъ, тотъ владѣетъ Поль«шею»(**). Эти слова великаго полководца приводили какъ неопровержимый авторитетъ; нашлись люди, которые горячо ухватились за нихъ и, какъ обыкновенно бываетъ, кончили тѣмъ, что развили до смѣшной крайности мысль, въ сущности совершенно справедливую. Они порѣшили, что ни въ какой другой мѣстности Поляки не могутъ надѣяться на успѣхъ противъ Русскихъ, но что, находясь въ треугольникѣ, они непремѣнно разобьютъ непріятеля, а сами будутъ совершенно застрахованы отъ всякой неудачи. Противная партія, не смотря на всѣ свои доводы, не успѣла поколебать этого мнѣнія. Тщетно она ста-

(*) Диктаторъ былъ въ особенности заклятый врагъ всякихъ прожектеровъ, даже талантливыхъ; не одинъ Хршановскій былъ сосланъ въ Модлинъ; Прондзинскій имѣлъ ту же участь за представленіе плана объ укрѣпленіи Варшавы посредствомъ доставленія изъ Замосцья излишней артиллеріи и заготовленія большихъ магазиновъ. Онъ также былъ назначенъ 2-мъ комендантомъ въ Замосцье.

(**) Pelet, Memoires sur la guerre de 1809. Paris 1825. T. 1. p. 162.

ралась доказать, что каждая идея можетъ быть справедлива только при извѣстныхъ условіяхъ и что въ данномъ случаѣ именно этихъ - то условій и недоставало; что пресловутый треугольникъ въ тогдашнемъ его положеніи во все не доставлялъ никакого прикрытія арміи, заключенной въ его предѣлахъ, потому что одинъ уголъ его у Сіероцка былъ совершенно открытъ (*); другой—у Варшавы и Праги, защищенъ только въ половину, такъ какъ возводимыя тамъ укрѣпленія были не значительны и совершенно недостаточны, для того чтобы прикрыть отступленіе цѣлой арміи, и наконецъ, укрѣпленія Модлина находились въ такомъ разрушенномъ состояніи, что ихъ легко было взять открытою силой. Къ тому же Модлинъ и Варшава не могли обойтись безъ значительныхъ снабженій и безъ непрерывнаго подвоза продовольственныхъ припасовъ. Защитники приведеннаго плана утверждали, что до начала военныхъ дѣйствій можно еще успѣть достаточно укрѣпить эти три пункта и вполнѣ снабдить ихъ всѣми необходимыми запасами; но противники весьма основательно возражали, что Наполеонъ безспорно могъ извлечь выгоды изъ этого театра войны, но они находятся совершенно въ другомъ положеніи, нежели онъ. Наполеонъ если бы былъ разбитъ, конечно могъ держаться между тремя вышеупомянутыми крѣпостями до прибытія подкрѣпленій, которыя снова дали бы ему возможность перейти въ наступленіе. Маневрируя съ одного берега на другой, прикрываясь поочередно то той, то другой изъ двухъ рѣкъ, онъ могъ на время задержать наступленіе Русскихъ и даже могъ надѣяться, посредствомъ нечаяннаго нападенія или во время переправъ ихъ черезъ рѣки, разбить ихъ по частямъ. Но для того чтобы перейти въ наступленіе, ему во всякомъ случаѣ пришлось бы дождаться прибытія изъ Франціи свѣжей арміи, присоединеніе которой дало бы ему перевѣсъ надъ непріятелемъ; еслибы онъ лишился этой помощи, то, не смотря на всю оборонительную силу треугольника, онъ все-таки былъ бы побѣжденъ. Что касается до Поляковъ, то имъ не откуда было

(*) Сіероцкъ былъ обнесенъ только старымъ полуразрушеннымъ валомъ.

ожидать свѣжей арміи, слѣдовательно подъ конецъ они неминуемо были бы вынуждены покориться, а занятіе Варшавы положило бы конецъ войнѣ. Сверхъ того, этотъ планъ имѣлъ еще ту не выгоду, что съ принятіемъ его пришлось бы болѣе половины страны уступить непріятелю безъ боя.

Ко всему этому нужно прибавить, что треугольникъ между Варшавою, Модлиномъ и Сіероцкомъ былъ превосходною во всѣхъ отношеніяхъ позиціею для чужеземной арміи, которая хотѣла бы защищать Польшу, но для мѣстной, національной арміи онъ терялъ большую часть своихъ достоинствъ. Для послѣдней все дѣло заключалось въ оборонѣ Варшавы—центра всей дѣятельности, откуда революція началась, и гдѣ она должна была окончиться; но Варшава, по самому положенію своему въ одномъ изъ угловъ треуголника, могла быть атакована съ юга и легко взята; въ такомъ случаѣ сѣверныя укрѣпленія оказались бы безполезными. Далѣе, предстояла зимняя кампанія, слѣдовательно рѣки должны были замерзнуть и сдѣлаться удобными для перехода; такимъ образомъ упомянутая позиція теряла главное свое достоинство—неприступность. При всемъ томъ нельзя отрицать, что для войны строго оборонительной, въ данныхъ обстоятельствахъ, трудно было найти позицію болѣе выгодную какъ между рѣками Вислою, Бугомъ и Наревомъ, еслибы только въ трехъ вышепомянутыхъ пунктахъ были устроены надежные тетъ-де-поны. Конечно, при этомъ надлежало бы еще укрѣпить нѣкоторые другіе важнѣйшіе пункты, какъ наприм. устроить тетъ-де-понъ при впаденіи Вепржа или Пилицы въ Вислу и т. п. Но Хлопицкій, желавшій во что бы то ни стало избѣгнуть войны и не ожидавшій никакихъ хорошихъ результатовъ отъ ея продолжительности, не принялъ своевременно надлежащихъ мѣръ; когда же онъ впослѣдствіи сложилъ съ себя диктатуру, то было уже поздно; военныя дѣйствія уже открылись, и теперь единственное желаніе Хлопицкаго состояло въ томъ, чтобы сохранить честь оружія и умереть со славою. Эта мысль до такой степени овладѣла имъ, что и впослѣдствіи онъ совершенно пренебрегалъ укрѣпленіемъ страны; не имѣя никакой надежды на успѣхъ, ему казалось рѣшительно все

равно, гдѣ бы не умереть, лишь бы умереть съ честью. Онъ хотѣлъ выждать непріятеля подъ стѣнами столицы и здѣсь дать ему генеральное сраженіе.

Подполковникъ генеральнаго штаба Пронзинскій былъ того мнѣнія, что, такъ какъ Сіероцкъ не былъ укрѣпленъ, то слѣдовало сосредоточить всю армію позади Вислы и удержать только мостовое укрѣпленіе въ Прагѣ, навесть еще одинъ мостъ въ этомъ пунктѣ, а другой у Модлина и вести оборонительную войну, не упуская при этомъ изъ виду нападенія въ случаѣ возможности на отдѣльныя части русской арміи или дѣйствія на ея сообщенія. Варшава, какъ главнѣйшій пунктъ, будучи укрѣплена и снабжена всѣми запасами, служила бы сильнымъ лагеремъ, откуда при первой попыткѣ непріятеля перейти чрезъ Вислу, можно было угрожать его флангамъ или тылу. Однако же этотъ планъ встрѣтилъ мало сочувствія и не безъ причины; дѣйствительно, онъ во-1-хъ уступалъ непріятелю безъ боя половину Польши, и во-2-хъ, неувѣренность и робость, которыя проглядывали въ немъ, могли бы оказать дурное вліяніе на нравственный духъ арміи и народа, считавшихъ себя непобѣдимыми, и вселить въ нихъ недовѣріе къ храбрости преводителей. Къ тому же этотъ планъ былъ удобоисполнимъ только лѣтомъ, зимою даже важнѣйшія рѣки немогутъ считаться преградами для непріятеля.

Подполковникъ Хршановскій, сторонникъ партіи, утверждавшей, что не слѣдовало покидать безъ защиты пространство отъ границъ до Варшавы, предложилъ съ своей стороны: сосредоточить всю армію у Венгрова, выславъ небольшіе отряды къ Остроленкѣ и къ Седльце. Еслибы русскій фельдмаршалъ съ частью своей арміи вступилъ въ пространство между Бугомъ и Наревомъ, а другую направилъ бы на Гранну, то, по его мнѣнію, можно было съ надеждою на успѣхъ атаковать войска, находившіяся на лѣвомъ берегу Буга, оттѣснить ихъ къ рѣкѣ, на которой ледъ былъ ненадеженъ, и тѣмъ привести ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Если же вся русская армія перешла бы на лѣвый берегъ Буга, то слѣдовало принять сраженіе въ окрестностяхъ Лива на чрезвычайно выгод-

ной оборонительной позиціи, которой фронтъ прикрывался болотистымъ ручьемъ Ливцомъ, еще не замерзшимъ и представлявшимъ весьма мало удобныхъ пунктовъ для переправы. Чтобы вытѣснить Поляковъ изъ этой позиціи, Русскимъ пришлось бы понести значительныя потери; тогда какъ Поляки, даже въ случаѣ неудачи, теряли немного, потому что позднее время года и лѣса, начинающіеся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лива и простирающіеся до самой Праги, затрудняли преслѣдованіе и дѣлали почти невозможнымъ употребленіе кавалеріи. Позиціи при Ливѣ Хршановскій отдавалъ преимущество предъ Гроховской, на томъ основаніи, что послѣдняя имѣла незначительное протяженіе въ глубину, а въ тылу ея находилось трудно-проходимое дефиле, не говоря уже о томъ, какое нравственное вліяніе имѣло бы появленіе Русскихъ подъ самыми стѣнами Варшавы. Въ случаѣ, еслибы русская армія вознамѣрилась обойти позицію при Ливѣ, то можно было, воспользовавшись тѣмъ моментомъ, когда она подставитъ свой флангъ, атаковать ее, а наконецъ, еслибы даже все это оказалось безуспѣшно, все-таки оставалась къ запасѣ Гроховская позиція, которую можно было занять впослѣдствіи.

Изъ этого видно, что оба плана были основаны на предположеніи, что русская армія начнетъ наступленіе не ранѣе весны, когда вскрывшіяся рѣки облегчаютъ оборону, но такъ какъ наступленіе совершилось зимою, когда всѣ болота и рѣки, покрытыя льдомъ, были удобопроходимы, то главные доводы обѣихъ сторонъ распадались сами собою, и планъ Хршановскаго оказывался столько же не удобопримѣнимъ, какъ и планъ Пронздзинскаго. И здѣсь оказалось, что расчетъ Хлопицкаго, предлагавшаго дать рѣшительное сраженіе подъ стѣнами столицы, былъ дальновиднѣе прочихъ. Разумѣется въ то время онъ не могъ предвидѣть, что внезапное припятствіе, созданное самою природою, разстроитъ всѣ планы русскаго главнокомандующаго.

Послѣ долгихъ споровъ и преній, при чемъ главнокомандующій кн. Радзивилъ игралъ совершенно пасивную роль, рѣшено было принять среднюю мѣру, а именно, такъ какъ было неизвѣстно, съ которой стороны непріятель произведетъ напа-

деніе, то всю армію расположили эшелонами на двухъ главныхъ дорогахъ, ведущихъ изъ Ковно и изъ Бреста; при наступленіи Русскихъ положено было медленно отступать къ столицѣ и здѣсь принять рѣшительное сраженіе въ заранѣе избранной позиціи при Гроховѣ. Во исполненіе этого плана дивизія Круковецкаго, усиленная стрѣлковымъ баталіономъ волонтеровъ и кавалерійскою дивизіею Янковскаго (всего 13 бат., 16 эскадр. и 24 оруд.), расположилась лѣвѣе Варшавы на ковенской дорогѣ, занимая Радзыминъ, Сіероцкъ, Яблонну, Зегржъ, а самъ Янковскій съ двумя кавалерійскими полками былъ выдвинутъ въ Рожанъ; правѣе города на брестской дорогѣ, въ Калушинѣ, Минскѣ и Шенницѣ стала дивизія Жимирскаго (12 бат. съ 28 оруд.), имѣя одинъ полкъ въ Ливѣ, а другой въ Ополе, для подкрѣпленія уланской дивизіи Сухоржевскаго (16 эскадр)., выдвинутой для охраненія границы впередъ къ Венгрову и Седльце. Дивизія Скржинецкаго (9 бат. 12 оруд.) расположилась у Станиславова и Добре. Остальная часть арміи: дивизія Шембека (вмѣстѣ со стрѣлками Кушеля (11 бат. 16 оруд.), резервная артиллерія (6 батарей) и три кавалерійскихъ дивизіи (Лубенскаго, Томицкаго и Рутіе) осталась назади у Окунева и Варшавы. Такимъ образомъ главная армія (всего 45 бат. и 80 эскадр. или около 54,000 съ 136 орудіями) (*) расположилась на 3-хъ главныхъ дорогахъ, идущихъ въ Варшаву чрезъ Пултускъ, Венгровъ и Седльце, занимая одной дивизіей каждую изъ этихъ дорогъ и имѣя передовые отряды въ Рожанѣ, Вышковѣ, Венгровѣ и Седльце, а резервы у Окунева и Праги. Въ такомъ положеніи польскіе генералы рѣшились выжидать пока окончательно объяснятся намѣренія противника, съ тѣмъ чтобы принять дальнѣйшія мѣры, смотря по обстоятельствамъ.

Между тѣмъ русская армія въ концѣ января (по новому стилю) занимала слѣдующее положеніе. Приближеніе къ Виль-

(*) 45 бат. составляютъ 40,000, 80 эскадр. 14,000, всего 54000. Шпицирь, который сколько возможно старается всегда уменьшать силы Поляковъ, съ цѣлью увеличить славу ихъ сопротивленія, въ этомъ случаѣ даетъ довольно вѣрныя свѣденія, а именно онъ считаетъ, что польская армія состояла изъ 44 бат., 78 эскадр. и 140 орудій, силою въ 52,000 человѣкъ. II, 13).

нѣ и Гродно Гренадерскаго корпуса, совершившаго походъ изъ Новгородской губерніи по самымъ дурнымъ дорогамъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, дозволило передвинуть 1-ю и 3-ю пѣхотныя и 1-ю гусарскую дивизіи, занимавшія до-сихъ-поръ Виленскую и сѣверную часть Гродненской губерніи,—въ Бѣлостокскую область, гдѣ собирались главныя силы. 2-я гренад. дивизія тотчасъ вслѣдъ затѣмъ вступила въ Гродно, а остальныя части Гренадерскаго корпуса находились еще на пути слѣдованія, въ Виленской губерніи. Такимъ образомъ главная армія значительно усилилась. 1-й пѣхотн. корпусъ въ полномъ составѣ расположился сѣвернѣе Бѣлостока, между Гоніондзомъ и Кнышинымъ; правѣе его, въ Гродно стала 2-я гренад. дивизія, лѣвѣе-расположились 6-й пѣхотн. и 3-й кавалер. корпуса; первый изъ нихъ между Бѣлостокомъ, Брянскомъ, Бѣльскомъ и Гродзискомъ, имѣя въ резервѣ гвардейскій отрядъ Константина Павловича, а второй отъ Высоко-Литовска до Бреста. И такъ главная масса русскихъ войскъ, силою до 90,000 чел., была сосредоточена на пространствѣ между Гродно и Брестомъ и имѣла передъ собою рѣки Бобръ, Наревъ и Бугъ, образующія границы Царства Польскаго. На оконечности лѣваго крыла, во Владимірѣ-Волынскомъ находился 5-й кавалер. корпусъ, а на оконечности праваго крыла, у Ковно стягивались 1-я гренад. и три полка 3-й гренад. дивизіи, подъ начальствомъ кн. Шаховскаго. Въ Вильнѣ до прибытія Гвардіи оставалась 1-я бригада 3-й гренад. дивизіи, а въ Минскѣ 6-й егерскій п. 1-го пѣхотнаго корпуса. Главная квартира была въ Гродно.

Поляки и ихъ приверженцы даютъ совершенно ложныя свѣдѣнія относительно силы Русскихъ, а потому мы считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть этотъ вопросъ подробнѣе. Войска, бывшія въ 1-й линіи и дѣйствительно вступившія въ февралѣ въ Царство Польское, какъ мы сейчасъ видѣли, состояли изъ 1-го, 6-го и Гренадерскаго корпусовъ, гвардейскаго отряда, 3-го и 5-го кавалерійскихъ корпусовъ и 10 казачьихъ полковъ. Въ то время составъ пѣхотнаго корпуса былъ слѣдующій: 3-и пѣхотныя дивизіи, одна легкая кавалерійская дивизія, 3-и пѣшихъ и 1 конная артил. бригада. Пѣхотная дивизія состояла изъ 3-хъ бри-

гадъ, каждая въ два полка 2-хъ баталіоннаго состава, всего въ дивизіи 12 батал., изъ коихъ 8 батал. линейной пѣхоты и 4 батал. егерей. Въ кавалерійскихъ дивизіяхъ было только по 2 бригады: каждая бригада изъ 2-хъ полковъ, а полкъ изъ 6-ти эскадроновъ, что составляетъ 24 эскадр. на дивизію (*). На каждую пѣхотную дивизію приходилась одна бригада пѣшей артиллеріи, на каждую кавалерійскую бригаду—одна рота конной артиллеріи; въ одной артиллерійской бригадѣ было 3 роты или батареи: одна батарейная и двѣ легкихъ, каждая въ 12 орудій. Тоже число орудій было и въ ротѣ конной артиллеріи. Пѣшая батарейная батарея состояла изъ десяти—12-и фунтовыхъ пушекъ и 2-хъ полупудовыхъ единороговъ. Эти единороги, введенные въ русской арміи гр. Шуваловымъ въ царствованіе Елисаветы, отличаются отъ гаубицъ тѣмъ, что имѣютъ бо́льшую длину канала, но подобно имъ могутъ стрѣлять гранатами. Пѣшая батарея состояла изъ десяти 6-ти фунтовыхъ пушекъ и 2-хъ четверть-пудовыхъ единороговъ. Конныя батареи раздѣлялись также на батарейныя и легкія и также имѣли по десяти 6-ти или 12-ти фунтовыхъ пушекъ и по два единорога. Нужно замѣтить, что во многихъ батареяхъ не всѣ 12 орудій были взяты въ походъ; такъ какъ при самомъ выступленіи начались оттепели, то въ корпусахъ 1-мъ и 6-мъ пѣхотныхъ и 3-мъ кавалерійск., равно какъ и въ гвардейскомъ отрядѣ, по 4 орудія съ каждой батареи, а всего 96 орудій было оставлено въ Бѣлостокѣ подъ прикрытіемъ 6-го карабинернаго полка. Изъ 3-хъ бригадъ пѣхотной дивизіи, при первой бригадѣ находилась батарейная, а при остальныхъ двухъ легкія батареи. Но при гренадерскихъ дивизіяхъ было по двѣ батарейныхъ и по одной легкой батареи. Артиллерійскія бригады имѣли одинаковые номера съ пѣхотными дивизіями, напр.: при 1-й дивизіи 1-я артил. бригада, а при 2-й дивизіи 2-я бригада и т. д. Въ каждой бригадѣ роты имѣли особую ну-

(*) Пѣхотные полки состояли собственно изъ 3-хъ батал., а кавалерійскіе изъ 7 эскадр., но третьи баталіоны и седьмые эскадроны оставались въ запасѣ для формированія резервовъ. Только резервные батал. 6-го пѣхотнаго корпуса были приведены на военное положеніе.

ТАБЕЛЬ В.

Состояніе Россійско Императорской арміи при вступленіи въ Царство Польское 6 Февраля (25 Января) 1831 г.

Главнокомандующій арміею: генералъ-фельдмаршалъ гр. Дибичъ-Забалканскій.
Начальникъ главнаго штаба: генералъ отъ инфантеріи гр. Толь.
Генералъ-квартирмейстеръ ген.-лейт. Нейдгардтъ. Начальникъ артиллеріи ген.-лейт. Сухозанетъ. Начальникъ инженеровъ генералъ-м. фонъ Денъ.
Дежурный генералъ генералъ-маіоръ Обручевъ. Генералъ-интендантъ сенаторъ Абакумовъ.

I-й пѣхотный корпусъ. Генералъ отъ кавалеріи. Графъ Паленъ

Дивизіи	Бригады	Полки	Пѣхота: Баталіоны	Пѣхота: Числительны	Кавалерія: Эскадроны	Кавалерія: Число людей	Артиллерія: Число орудій	Артиллерія: Прислуга
1-я гусарская дивизія, 3163 чел. г.-л. кн. Лопухинъ	1-я, г.-м. Ланской	Сумскій	-	»	6	-		
		Ольвіопольскій	»	»	6	790		
	2 » » Іессель	Клястицкій	»	»	6	790		
		Лубенскій	-	»	6	[illegible]		
1-я пѣхотн. дивизія, 10,597 чел. г.-л. Жерве	1 г.-м. Мандерштернъ	1 Морской	2	1790				
		2 »	2	[illegible]				
	2 » » Добрышинъ	3 »	2	1789				
		4 »	2	1769				
	3 » » Офросимовъ	1 егерскій	2	[illegible]				
		2 »	2	1803				
2-я пѣхотн. дивизія, 10,308 чел. г.-м. кн. Любомирскій (¹), коего смѣнилъ г.-м. Тесловъ	1 » » Нефлозъ	Принца Вильгельма Прусскаго	2	[illegible]47				
		» Карла »		1578				
	2 » » Гурко 1	Ревельскій	2	1768				
		Эстляндскій	-	1675				
	3 » » кн. Пкейде	3-й егерскій	2	1713				
		4 » егерскій	2	[illegible]28				
3-я пѣхотн. дивизія, 9,607 чел. г.-м. Шуринъ	1 » » Моригейль	Староингерманландскій	-	1670				
		Новоингерманландскій	-	1720				
	2 » » Патерсонъ	Фельдмаршала Кутузова		1654				
		Великолуцкій	2	[illegible]				
	3 » » Местиловскій	5 егерскій	2	1420				
		6 » (²)	2	1540				
1 Артиллер. дивизія 96 орудій прислуги 1674. г.-м. Перренъ	1 конная полк. Паскевичъ	Конныя батареи № 1 и 2			»	-	18	372
	1 пѣшая — Потемкинъ	Пѣшія батареи № 1, 2, 3	»	»		-	30	506
	2 — — Вексинусъ	Пѣшія батареи № 1, 2, 3	»	»	-	»	24	414
	3 — — Крапоткинъ	Пѣшія » № 1, 2, 3	»	»	»	-	24	382
		Всего	36	31513	24	3163	96	1674

Примѣчанія.

(¹) Еще до вступленія въ Польшу, г.-м. Тесловъ былъ назначенъ на мѣсто кн. Любомирскаго.

(²) 6 егерскій полкъ оставался въ Минскѣ, и только въ мартѣ присоединился къ арміи.

6-й Пѣхотный корпусъ. Генералъ отъ инфантеріи Баронъ Розенъ

Дивизіи	Бригады	Полки	Пѣхота: Баталіоны	Пѣхота: Числительны	Кавалерія: Эскадроны	Кавалерія: Число людей	Артиллерія: Число орудій	Артиллерія: Прислуга
6-(Литовская) Уланская дивизія 3780 человѣкъ г.-м. Блодекъ	1-я, г.-м. Прондзинскій	Польскій уланскій	»	»	6	868		
		Татарскій »	»	»	6	[illegible]90		
	2 » » Игнатьевъ	Литовскій »	»	»	6	896		
		Волынскій »	»	»	6	926		
24 пѣхотная дивизія 10,725 чел. г.-л. Кишкинъ	1 » » Левандовскій	Брестскій	2	1790				
		Бѣлостокскій	2	1784				
	2 » » Никитинъ	Литовскій	2	1760				
		Виленскій	2	1765				
	3 » » Пинабель	47 егерскій	2	1800				
		48 »	2	1766				
25 пѣхотная дивизія 10,388 ч. г.-л. Рейбницъ	1 » » Брайко	Волынскій	2	1720				
		Минскій	2	1600				
	2 » » Линденъ	Подольскій	2	1756				
		Житомирскій	2	1744				
	3 » » Бринкенъ фонъ-Нотигъ	49 Егерскій	2	1725				
		50 »	2	1753				
г.-м. Муравьевъ 5017 ч.	Литовская гренадерская бригада	Самогитскій	2	1670				
		Луцкій	2	1667				
		Несвижскій карабинерный	2	1680				
6 (Литовская) Артиллерійская дивизія, 80 орудій прислуги 1508 ч. г.-м. Шушеринъ	16 конная полк. Зиновьевъ	Конныя батареи № 31, 32	»	»	»	-	16	331
	24 пѣшая — Бирманъ	Пѣшія » № 1, 2, 3	»	»	»	»	24	406
	25 пѣшая — Бабарыкинъ	Пѣшія » № 1, 2, 3,	»	»	»	»	24	403
	Литовская Гренадерская Артил. бриг. — Бар. Ренне	Пѣшія » № 1, 2.	»	»	»	»	16	368
		Всего	30	26070	24	3780	80	1508

Гвардейскій отрядъ Великаго Князя Константина Павловича.
Генералъ отъ инфантеріи графъ Курута.

Дивизіи	Бригады	Полки	Пѣхота: Баталіоны	Пѣхота: Числительны	Кавалерія: Эскадроны	Кавалерія: Числительны	Артиллерія: Орудія	Артиллерія: Прислуга
	1-я г.-л. Кноррингъ	Подольскій кирасирскій	»	»	4	673		
		Уланскій Его Высочества	»	»	4	650		
	2 г.-м. Пенхержевскій	Гродненскій гусарскій	»	»	4	652		
	Полковникъ Оваднеръ	Л. гв. Литовскій	2	1772				
		Л. гв. Волынскій	2	1819				
	Г.-м. бар. Коръ	Л. гв. Конная батарея № 3	»	»	»	»	8	159
		» » Пѣшая » № 5	»	»	»	»	12	234
		всего	4	3591	12	1975	20	93

Гренадерскій Корпусъ. Генер. отъ инфант. Князь Шаховской.

Дивизіи	Бригады	Полки	Пѣхота: Баталіоны	Пѣхота: Числительны	Кавалерія: Эскадроны	Кавалерія: Числительны	Артиллерія: Орудія	Артиллерія: Прислуга
1 Гренадерск. дивизія, 10,960 ч. г.-л. Угрюмовъ	1-я г.-м. фонъ-Фрикенъ	Императ. Австрійскаго	2	1904				
		Короля Прусскаго	2	1788				
	2 » » Томашевскій	Наслѣдн. Принца Прусскаго	2	1839				
		Графа Аракчеева (³)	2	1818				
	3 » » Леонтьевъ	1 Карабинерный	2	1796				
		2 Фельдмарш. Барклая-де-Толли	2	1815				
2 Гренадерск. дивизія, 10 511 ч. г.-м. Полуактовъ	1 » » Чеодаевъ	Кіевскій	2	1750				
		Пр. Евгенія Виртембергскаго	2	1781				
	2 » » Бушенъ	Екатеринославскій	2	1763				
		Пр. Павла Мекленбургскаго	2	1722				
	3 » » Фрейгангъ	3 Карабинерный	2	1735				
		4 Карабинерный	2	1760				
3 Гренадерск. дивизія, 11,06[illegible] ч. г.-л. Набоковъ	1 » » Буйлинъ	Сибирскій	2	[illegible]06				
		Фельдм. Румянцова Задунайскаго (⁴)	2	[illegible]886				
	2 » » Мартыновъ	Фельдм. кн. Итал. гр. Суворова	2	1762				
		Астраханскій	2	1787				
	3 » » Колотинскій	5 Карабинерный	2	1795				
		6 Карабинерный (⁵)	2	192[illegible]				
Гренадерская артиллер. дивизія, 72 орудія, 1760 прислуги, г.-м. Гербель	1 Пѣш. бриг. полк. Моисеевъ	Пѣшія батареи № 1, 2	»	»	»	»	24	652
	2 » » » Головачевъ	» » № 1, 2, 3	»	»	»	»	21	667
	3 » » » Левцовъ	» » № 1, 2, 3	»	»	»	»	21	641
		Всего	36	32615	»	»	72	1760

(³) Графа Аракчеева полкъ и 1-й баталіонъ Короля Прусскаго полка были оставлены въ Литвѣ.

(⁴) 1-я бригада 3-й Гренадерской дивиз. оставалась въ Вильнѣ и только въ мартѣ присоединилась къ арміи.

(⁵) 1-й баталіонъ 6-го Карабинернаго полка былъ оставленъ въ Литвѣ для охраненія оставленной тамъ артиллеріи.

3 Резервный кавал. корпусъ. Генералъ отъ кавалеріи графъ Виттъ.

Дивизіи	Бригады	Полки	Пѣхота: Баталіоны	Пѣхота: Числительны	Кавалерія: Эскадроны	Кавалерія: Числительны	Артиллерія: Орудія	Артиллерія: Прислуга
3 Кирасирская дивиз. 3168 чел. г.-л. Заблуковъ 1	1-я г.-м. Бар. Драхенъ	Военнаго Ордена	»	»	6	812		
		Стародубовскій	»	»	6	790		
	2 » » Гревсъ	Пр. Альберта Прусскаго	»	»	6	784		
		Новгородскій	»	»	6	780		
3 Уланская дивизія, 3483 чел. г.-м. Бар. Сѣвенъ	1 » » Кизмеръ	Украинскій	»	»	6	882		
		Новоархангельскій	»	»	6	871		
	2 » » Бердяевъ	Новомиргородскій	»	»	6	876		
		Елисаветградскій	»	»	6	854		
Артиллерія, 32 орудія, 628 прислуги, полк. Корсаковъ	9 Конная бриг. полк. Костомаровъ	Конныя батареи № 17, 18	»	»	»	»	16	312
	10 » » » Потемкинъ 2	» » № 19, 20	»	»	»	»	16	316
		Всего	»	»	48	6651	32	628

5 Резервный кавалерійскій корпусъ. Генер.-лейт. Баронъ Крейцъ.

Дивизіи	Бригады	Полки	Пѣхота: Баталіоны	Пѣхота: Числительны	Кавалерія: Эскадроны	Кавалерія: Числительны	Артиллерія: Орудія	Артиллерія: Прислуга
2 Драгунская дивизія, 3642 чел. г.-м. Заборинскій	1-я г.-м. Гельманъ	Казанскій	»	»	6	906		
		Герц. Александра Виртембергск.	»	»	6	912		
	2 » » Каверъ	Тверской	»	»	6	928		
		Финляндскій	»	»	6	896		
2 Конно Егерская дивизія 3737 чел. г.-л. Гейсмаръ	1 » » Панкевъ	Переяславскій	»	»	6	884		
		Короля Виртембергскаго	»	»	6	960		
	2 » » Кольчевскій	Арзамасскій	»	»	6	898		
		Тираспольскій	»	»	6	895		
Артиллерія, 48 орудій, 879 прислуги г.-м. Бракеръ	14 Конная бриг. полк. Зальца	Конныя батареи № 27, 28	»	»	-	»	24	461
	15 » » » Купреяновъ	» » № 29, 30.	»	»	»	»	24	418
		Всего	»	»	48	7379	48	879

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

	Батал.	Эскад.	Оруд.	Пѣхот.	Кавал.	Артил.	Всего.
1-й Пѣхотный корпусъ	36	24	96	31513	3163	1674	36330
6 » »	30	24	80	26070	3780	1508	31358
Гвардейскій отрядъ	4	12	20	3591	1975	393	5959
Гренадерскій корпусъ	36	—	72	32615	—	1760	34376
3 Резервный кавалерійскій корпусъ	»	48	32		6651	628	7279
5 » » »	»	48	48		7379	879	8258
Всего	106	156	348	93789	22948	6842	123579
Исключивъ войска, прибывшія впослѣдствіи	10 (*)			9138			
Числительность всѣхъ войскъ вступившихъ въ предѣлы Польши въ мартѣ	96	156	348	84651	22948	6842	114441
Къ сему слѣдуетъ добавить 10 казачьихъ полк.				—	4000		4000
	96	156	348	84651	26948	6842	118441

(*) А именно:

6-й Егерскій п.	2 бат.		1540
Короля Прусскаго	1	—	1[illegible]00
Графа Аракчеева	2	—	1818
Сибирскій	2	—	1906
Румянцова-Задун.	2	—	1886
6 Карабинерный п.	1	—	988
	10	—	9138

нерацію по порядку: 1-я, 2-я и 3-я; но роты конной артиллеріи имѣли общую нумерацію по всей арміи. Такъ какъ кавалер. дивизія состояла изъ 2-хъ бригадъ, то и въ конно-артиллерійскихъ бригадахъ было только по двѣ роты, по одной на каждую кавалер. бригаду. Представивъ эти необходимыя объясненія, мы можемъ теперь, на основаніи ихъ, исчислить силы русской арміи (*).

1-й пѣхотный корпусъ при вступленіи въ Польшу состоялъ, изъ 36 бат., 24 эскадр. и 96 орудій (**), т. е. изъ 31,513 ч. пѣхоты и 3,163 кавалеріи. Выключивъ изъ сего числа одинъ эскадронъ Лубенскаго гусарскаго п., остававшійся въ Вильнѣ и два батал. 6-го егерскаго п. (1540 ч.), оставшіеся въ Минскѣ, сила 1-го корпуса въ январѣ (по старому стилю) опредѣлится круглымъ числомъ въ 30,000 ч. пѣхоты и 3,600 кавалеріи; кромѣ того два полка казаковъ, преимущественно употребляемыхъ для форпостной службы (***). 6-й пѣхотный корпусъ состоялъ только изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій, 24-й и 25-й, изъ литовской гренадерской бригады (****) и литовской уланской дивизіи, всего 30 бат. и 24 эскадр. съ 80 оруд. (изъ сего числа 40 оставались въ Бѣлостокѣ) т. е. 26,000 ч. пѣхоты и 3,800 кавалеріи; при немъ также два казачьихъ п. (*****) Гвардейскій отрядъ Великаго Князя Константина Павловича состоялъ изъ 2-хъ полковъ пѣхоты: Литовскаго и Волынскаго и 3-хъ кавалеріи: Подольскаго кирасирскаго, уланскаго Его Высочества и Гродненскаго гусарскаго(******), съ 2-мя батар. артиллеріи; всего 4 бат., 12 эскадр. (*******) и 20 орудій (4 оставались въ Бѣлостокѣ) или, круглымъ числомъ, 3,600 ч. пѣхоты и 2,000 коней. Гренадерскій кор-

(*) Табель Б.

(**) 36 орудій этого корпуса остались въ Бѣлостокѣ.

(***) Числительность казачьяго полка 500 ч., но весьма рѣдко они бываютъ въ комплектѣ, а обыкновенно имѣютъ отъ 400 до 500 человѣкъ.

(****) Литовская бригада, состоящая изъ 3-хъ полковъ: Самогитскаго, Луцкаго и Несвижскаго образовала прежде съ л. гв. Литовскимъ, Волынскимъ и съ польскимъ гвардейскимъ Гренадерскимъ полкомъ одну дивизію.

(*****) Резервные батал. сего корпуса были также приведены на военное положеніе и занимали различные пункты на границахъ съ Царствомъ Польскимъ.

(******) 4-й полкъ этой дивизіи былъ польскій гвардейскій Конно-Егерскій.

(*******) Полки гвардейской кавалеріи имѣли по 4 эскадрона.

пусъ состоялъ изъ 3-хъ дивизій съ ихъ артиллеріею (батареи были 8-и орудійнаго состава), всего 36 бат. и 72 орудія; изъ сего числа 6 бат. съ 12 оруд. были оставлены въ Вильнѣ и Бѣлостокѣ (5,700) и слѣдовательно, первоначально вступили въ Царство только 27,000 ч. пѣхоты съ 60 оруд. и однимъ полкомъ казаковъ. 3-й резервн. кавалер. корпусъ заключалъ въ себѣ 3-ю кирасирскую и 3-ю уланскую дивизіи съ четырьмя конными батареями № 17, 18, 19 и 20, всего 24 эскадр. кирасиръ, 24 эскадр. уланъ и 32 орудія (16 оставались въ Бѣлостокѣ), въ числѣ 6,600 ч. 5-й резервн. кавалер. корпусъ состоялъ изъ 2-й драгунской и 2-й конно-егерской дивизій съ конно-артиллерійскими № 27, 28, 29 и 30 батареями, всего 7,400 ч. съ 48 оруд.; къ сему корпусу присоединились еще 3 казачьихъ полка. И такъ общая числительность всей арміи, вступившей въ январѣ въ Польшу составляла 98 бат., 155 эскадр., 336 орудій и 10 казачьихъ полковъ, — круглымъ счетомъ 86,600 пѣхоты, 22,800 кавалеріи и 4,000 казаковъ; всего 114,000 ч., съ 336 орудіями (*).

Что касается до качества этихъ войскъ, то лучшими между нили были: изъ пѣхоты — гренадеры и морскіе полки, а изъ кавалеріи — кирасиры и уланы 3-го кавалер. корпуса т. е. именно тѣ части войскъ, которыя были расположены въ военныхъ поселеніяхъ, — красивые и крѣпкіе люди, полные боева-

(*)

	батал.	эскадр.	оруд.	пѣхота	кавал.
1-й Пѣхотный корпусъ . . .	34	23	96	30,000 ч.	3,000. ч.
6-й »	30	24	80	26,000 »	3,800. »
Гвардія	4	12	20	3,600 »	2,000. »
Гренадерскій корпусъ	30	»	60	27,000 »	» »
3-й кавалерійскій	»	48	32	» »	6,600. »
5-й »	»	48	48	» »	7,400. »
Итого	98 бат.	155 эск.	336 ор.	86,600 ч.	22,840 ч.

Когда революціонеры, находившіе нужнымъ удвоивать силы Русскихъ, чтобы болѣе выказать мнимые успѣхи Поляковъ, увидятъ эти правдивыя цифры, то незамедлятъ, конечно, разсыпаться въ восклицаніяхъ о слабости сѣвернаго колосса. Но пусть они не забудутъ всю трудность продовольствованія значительной массы войскъ среди зимы послѣ неурожайнаго лѣта, въ непріязненной странѣ, разоренной реквизиціями. Эти силы тогда считались достаточными для предстоящей войны, и если бы не стеченіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ послѣ битвы при Гроховѣ, то такой расчетъ оказался бы вѣренъ.

го огня, при встрѣчѣ съ непріятелемъ они почти всегда оставались побѣдителями. Прочіе полки большею частію состояли изъ вновь набранныхъ солдатъ и молодыхъ офицеровъ, никогда небывшихъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, такъ какъ эти части не участвовали въ турецкой кампаніи, а войны съ Наполеономъ были уже слишкомъ отдаленны; только генералы и большая часть штабъ-офицеровъ начали свое военное образованіе въ этой школѣ. Нравственный духъ войскъ былъ превосходенъ, за исключеніемъ, можетъ быть, только Литовскаго корпуса, въ рядахъ котораго было столько же Поляковъ, какъ и Русскихъ; въ особенности молодые польскіе и литовскіе офицеры были несовсѣмъ надежны. Въ литовскую гренадерскую бригаду было переведено 24 гвардейскихъ офицера, что чрезвычайно возвысило духъ этой бригады, и подъ предводительствомъ храбраго своего начальника, генер. Муравьева, она вела себя геройски отъ начала до конца кампаніи.

Всѣ свѣдѣнія, собранныя фельдмаршаломъ тотчасъ по пріѣздѣ его въ Гродно, согласно показывали, что величайшая дѣятельность кипѣла у инсургентовъ, что они употребляли всевозможныя усилія для увеличенія арміи, что всѣ молодые люди были призваны подъ знамена, что всѣ средства и способы страны были привлечены къ дѣлу возстанія, а возникавшія жалобы подавлялись строгостью и угрозами. Свѣдѣнія о силѣ противника были согласны съ приведенными нами выше; они показывали, что баталіоны старыхъ полковъ состояли каждый изъ 1,050 опытныхъ старослужащихъ солдатъ вполнѣ вооруженныхъ и обмундированныхъ, что регулярная кавалерія считала въ рядахъ своихъ до 10 тысячъ человѣкъ хорошихъ кавалеристовъ, а иррегулярная отъ 8 до 9 тыс. ч., вооруженныхъ пиками, но посаженныхъ на простыхъ крестьянскихъ лошадей и снабженныхъ плохими сѣдлами. Замѣчался большой недостатокъ въ огнестрѣльномъ оружіи, такъ какъ выдѣлка его не могла поспѣть за вооруженіемъ; по этому формированіе новыхъ полковъ шло очень медленно, и только 1-я шеренги ихъ получили ружья, а остальныя двѣ были вооружены пиками и косами. Духъ войскъ былъ въ высшей степени восторженный, и полная увѣрен-

*

ность въ побѣдѣ ни на минуту не покидала ихъ; но дисциплина была въ совершенномъ упадкѣ. Молодые прапорщики и подпоручики, главные виновники революціи, хотѣли и управлять ею, и дѣйствительно управляли всѣмъ по своему произволу. Всякій старшій офицеръ, предлагавшій болѣе благоразумныя мѣры, становился уже подозрительнымъ въ ихъ глазахъ, и даже старшіе генералы, за исключеніемъ весьма немногихъ, каковы напр.: Сѣравскій, Дверницкій и др. не имѣли въ ихъ глазахъ никакого значенія и должны были считать себя счастливыми, если ихъ прямо не называли измѣнниками. Слѣдствіемъ этой подозрительности было то, что почти каждый изъ генераловъ и старшихъ офицеровъ былъ окруженъ молодыми людьми, которые, въ качествѣ адъютантовъ, ординарцевъ, колоновожатыхъ и т. п., долженствовали постоянно наблюдать за ними и удерживать ихъ отъ мнимой измѣны. Желѣзная рука диктатора нѣкоторое время поддерживала еще порядокъ, но съ удаленіемъ его общій хаосъ увеличился еще болѣе.

Что касается до настроенія духа страны, всѣ донесенія были сходны въ томъ, что не только молодежь, но и пожилые люди, со свойственною Полякамъ пылкостью, предавались самымъ несбыточнымъ надеждамъ. Мало того, что надѣялись на вѣрную помощь Франціи и Англіи, но даже и на Австрію. Были даже люди достаточно сумасбродные для того, чтобы надѣяться на помощь Пруссіи. Тщетно ласкали они себя этими надеждами: интересы Австріи и Пруссіи были прямо противоположны успѣху польской революціи, а Франція не могла оказать ей помощи, не возбудивъ обще-европейской войны; но конечно, она не рѣшилась бы пожертвовать собою для возстановленія Польши. Общій выводъ изъ всѣхъ полученныхъ извѣстій былъ тотъ, что рѣшительно все въ этой несчастной странѣ было въ ненормальномъ положеніи и могло быть приведено въ порядокъ только силою,—все равно будетъ ли она слѣдствіемъ внутренней реакціи или внѣшняго давленія.

Намѣреваясь открыть военныя дѣйствія, фельдмаршалъ еще разъ взвѣсилъ всѣ выгоды, которыя Польша представляетъ для

обороны, и на основаніи этой оцѣнки избралъ тотъ пунктъ, на который ему надлежало произвесть наступленіе. Театръ предстоявшей войны прорѣзанъ поперегъ большими рѣками; двѣ изъ нихъ: Бугъ и Висла преграждали путь арміи, наступавшей отъ Гродно и Бѣлостока къ Варшавѣ. Обѣ эти рѣки текутъ съ юга, сначала въ паралельномъ одна другой направленіи, а потомъ Бугъ поворачиваетъ у Модлина на западъ. Пространство между ними перерѣзано множествомъ ручьевъ съ болотистыми берегами, представляющими повсюду мѣстность чрезвычайно удобную для обороны. Огромные лѣса и болота, покрывающіе страну почти сплошною массою, затрудняютъ сообщенія по недостатку удобопроходимыхъ дорогъ. Однако, послѣ присоединенія Польши къ Россіи, правительство начало заботиться объ улучшеніи путей. Прекрасныя шоссе были проложены отъ Варшавы къ Брестъ-Литовску, Калишу, Познани, Ковно и Кракову (*). Всѣ сіи дороги соединялись у Варшавы столицы Царства и главномъ пунктѣ мятежа и неутомимой дѣятельности, который держалъ всю страну въ постоянномъ волненіи. Вотъ поэтому Варшава сдѣлалась важнѣйшею и вмѣстѣ конечною цѣлію всѣхъ военныхъ предпріятій. Страна представляла почти правильный четыреугольникъ съ длинною, узкою, выдавшеюся частію на сѣверовосточномъ углѣ. Этотъ выдавшійся клочокъ земли былъ совершенно потерянъ для обороны, такъ какъ движеніе непріятельской арміи по южной его части совершенно отрѣзывало всѣ его сообщенія съ остальнымъ Царствомъ. Самый же четыреугольникъ раздѣлялся почти на двѣ равныя части теченіемъ Вислы, по обѣимъ сторонамъ которой лежало по 4 воеводства. Тѣ изъ нихъ, кои лежали по правому берегу, не имѣли другаго прикрытія кромѣ рѣки Буга. Самое направленіе рѣкъ ясно обозначало естественную конфигурацію мѣстности: бассейнъ Вислы, весьма глубокій, и по причинѣ множества притоковъ довольно обширный, представлялъ значительныя препятствія для движенія арміи; но препятствія эти устранялись зимнимъ

(*) Послѣднее было только начато и проведено всего на 10 миль до Гройсць.

походомъ; — судя по температурѣ, можно было ожидать, что морозы простоятъ еще 2 или 3 недѣли, а потому всѣ рѣки и болота, покрытыя льдомъ, сдѣлаются удобопроходимы и будутъ въ состояніи выдержать самыя большія тяжести. Конечно, для солдатъ зимній походъ былъ несравненно труднѣе; при скудномъ населеніи страны, при маломъ числѣ встрѣчающихся городовъ и селеній, приходилось въ самую суровую пору года располагаться почти всегда подъ открытымъ небомъ; но съ другой стороны, самыя выгоды военныхъ дѣйствій, начатыхъ въ это время года, заставляли надѣяться на скорое ихъ окончаніе. Выигранное сраженіе, которое надѣялись дать въ самомъ близкомъ разстояніи отъ границъ, разомъ привело бы армію подъ стѣны Варшавы, при чемъ Висла переставала уже быть препятствіемъ, такъ какъ городъ легко могъ быть атакованъ и взятъ съ лѣваго ея берега, гдѣ средства къ защитѣ были весьма слабы. Такимъ образомъ можно было надѣяться, нѣсколько недѣль спустя послѣ открытія непріязненныхъ дѣйствій, рѣшить участь войны въ самой Варшавѣ.

Фельдмаршалъ вѣрно понялъ свою задачу; она была двоякая: во-1-хъ, уничтоженіе непріятельской арміи; во-2-хъ, овладѣніе Варшавою, источникомъ и центромъ революціи. Съ уничтоженіемъ арміи для Поляковъ терялась всякая надежда на осуществленіе ихъ стремленій; съ покореніемъ Варшавы должна была покориться и вся страна. Для достиженія этой цѣли надлежало избѣгать небольшихъ сраженій и стычекъ, вообще выгодныхъ для непріятеля, дѣйствующаго въ собственной странѣ; напротивъ того, слѣдовало искать важнѣйшихъ столкновеній, наступать не иначе какъ большими массами, рѣшаться только на генеральныя сраженія и стараться поставить непріятеля въ такое положеніе, изъ котораго можно было бы извлечь значительные результаты.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, польская армія была расположена на ковенской и брестской дорогахъ, образуя къ сторонѣ русской арміи, стоявшей у Бѣлостока, входящій уголъ, коего вершина была въ Прагѣ. Вступивъ въ этотъ уголъ и внезапнымъ движеніемъ обратившись влѣво, можно было надѣяться

разрѣзать непріятельскую армію на двѣ части. Согласно съ этой идеей, Дибичъ собственноручно написалъ необходимыя диспозиціи (*): колонны 1-го и 6-го корпусовъ съ резервами должны были, для вовлеченія въ заблужденіе непріятеля, двинуться изъ Суража и Тыкочина на Остроленку, какъ будто бы съ цѣлью достигнуть Нарева и большой ковенской дороги; но прійдя на высоту этого пункта, они должны были круто повернуть влѣво, устремиться форсированнымъ маршемъ къ Вышкову, переправиться здѣсь по льду чрезъ Бугъ и продолжать движеніе къ Прагѣ. Этимъ движеніемъ Круковецкій у Пултуска, и Жимирскій у Калушина, были бы совершенно отрѣзаны, и можно было надѣяться, разбивъ непріятеля по частямъ, занять Варшаву и тѣмъ окончить войну.

Вышло однакожъ иначе. Неожиданныя обстоятельства совершенно уничтожили основательно начертанный планъ, имѣвшій тотъ единственный недостатокъ, что онъ уже слишкомъ расчитывалъ на постоянство погоды и на неподвижность непріятельской арміи; прекращеніе морозовъ или проигранное сраженіе могли продлить войну на неопредѣленное время: коль скоро ледъ переставалъ служить естественнымъ мостомъ, переходъ чрезъ Вислу былъ удобоисполнимъ только выше Варшавы; ниже же, между Варшавою и Модлиномъ, онъ былъ невозможенъ, а предпринимая его еще далѣе у Плоцка, пришлось бы рисковать быть совершенно отрѣзанными отъ всѣхъ сообщеній. Такимъ образомъ, сѣверная операціонная линія, съ такою неосторожностью подставлявшая свой флангъ дѣйствіямъ со стороны Варшавы, была не совсѣмъ выгодна, что впослѣдствіи и подтвердилось. Если бы русскій фельдмаршалъ, вмѣсто того, чтобы базироваться на линіи, идущей отъ Гродно до Бреста, избралъ бы другой базисъ южнѣе, а именно линію, идущую отъ Бреста чрезъ Влодаву на Владиміръ, то, безъ сомнѣнія, онъ пріобрѣлъ бы тѣмъ значительныя выгоды, потому что операціонная линія въ такомъ случаѣ шла прямо къ верхней Вислѣ и лишала непріятеля всякой возможности изъ Варшавы или изъ Модлина

(*) Изъ которыхъ и заимствованы приводимыя показанія

угрожать флангамъ наступающей арміи; очарованіе знаменитаго треугольника исчезало само собою, и угрожающая въ немъ позиція оказалась бы для Поляковъ безполезною; безъ всякаго риска и не заботясь о своихъ сообщеніяхъ можно было переправиться черезъ Вислу и атаковать Варшаву съ южной стороны. Ни морозы, ни оттепели не могли препятствовать исполненію этого плана; Поляки были бы вынуждены двинуться на встрѣчу Русскимъ, т. е. дѣйствовать самымъ невыгоднымъ для обороны образомъ, тогда какъ при первомъ операціонномъ базисѣ они имѣли средства постоянно угрожать флангамъ и сообщеніямъ Русскихъ и тѣмъ затруднять всѣ ихъ предпріятія. Битва южнѣе Варшавы, на лѣвомъ берегу Вислы, рѣшила бы судьбу столицы, а вмѣстѣ съ нею и всего Царства, и война окончилась бы въ февралѣ или въ мартѣ; тысяча хлопотъ, мелкихъ неудачь и опасностей были бы избѣгнуты, и самая слава русскаго оружія, безъ сомнѣнія, еще болѣе выиграла бы такимъ быстрымъ подавленіемъ мятежа. Однакожъ, по многимъ причинамъ, рѣшено было остаться при первоначальномъ планѣ движенія между Бугомъ и Наревомъ внутрь входящаго угла, образуемаго расположеніемъ польской арміи. Три изъ этихъ причинъ имѣли преимущественное вліяніе: во 1-хъ войска, предназначенныя для вторженія, прибывали съ сѣвера, во-2-хъ, не хотѣли откладывать далѣе вступленія въ предѣлы Польши и въ 3-хъ, нельзя было терять времени въ передвиженіяхъ арміи къ югу. Къ тому же казалось, что еще крѣпкій ледъ, если и не позволялъ считать переправы черезъ рѣки совершенно надежными, то по-крайней-мѣрѣ могъ ихъ значительно облегчить, а потому рѣшились не терять болѣе ни одной минуты (*).

Фельдмаршалъ, въ то время достигшій апогея своей славы, надѣялся окончить войну въ нѣсколько недѣль. Онъ не предчувствовалъ тогда, что ему суждено не дожить до исхода борьбы

(*) Гр. Толь, коему авторъ впослѣдствіи представлялъ свои идеи на счетъ этого плана, вполнѣ одобрилъ ихъ, но оправдывалъ преимущество отданное сѣверному базису, кромѣ всѣхъ вышеприведенныхъ причинъ, еще тѣмъ, что по случаю неурожая въ Подольской и Волынской губерніяхъ затруднялось продовольствіе въ нихъ войскъ. Онъ прибавилъ «не воспользовавшись первымъ періодомъ

и испустить свой духъ среди чуждой, негостепріимной страны; что въ тотъ самый моментъ, когда онъ, повидимому, уже приблизился къ цѣли, стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ и неумѣніе воспользоваться благопріятнымъ случаемъ затемнитъ его славу и даже поселитъ сомнѣніе въ его военныхъ талантахъ! Напротивъ, въ началѣ все заставляло его надѣяться на легкій успѣхъ: превосходная боевая сто-тысячная армія, снабженная вдоволь всѣмъ необходимымъ; способные, опытные помощники и полная довѣренность къ нему Государя и войскъ. Онъ ничѣмъ не былъ связанъ; его власть ничѣмъ не ограничена: его рѣшенія всегда и во всемъ встрѣчали полную предупредительность и содѣйствіе. Къ тому же, онъ зналъ, что на него обращены взоры всей Европы, что на него устремлено вниманіе всѣхъ военныхъ людей, что послѣ похода, подобнаго забалканскому, о которомъ такой свѣдущій цѣнитель, какъ герцогъ Веллингтонъ, выразилъ мнѣніе, что однимъ этимъ походомъ Дибичъ поставилъ себя на ряду съ величайшими полководцами, ему должно было совершить великіе подвиги, чтобы не затмить своей прежней славы. Но это самое желаніе—сохранить пріобрѣтенную славу, побуждавшее его къ высшему напряженію умственныхъ способностей, лишало его той отважной рѣшимости, какою обладаютъ юные вожди, ничего еще не обѣщавшіе и не заботящіеся о томъ, чтобы удовлетворить заранѣе предположенныя ожиданія. Равновѣсіе ума и характера, необходимое для полководца, было уже нарушено въ Дибичѣ; забота о сохраненіи своей славы ослабила его смѣлость въ такой же степени, въ какой увеличила его осторожность и стремленіе составлять, во что бы то ни стало, искусные и сложные планы стратегическихъ движеній. И въ дѣйствительности онъ уже не былъ юнымъ, пылкимъ воиномъ, какимъ являлся нѣкогда на берегахъ Эльбы, Сены, Двины и даже на вершинахъ Балкановъ.

«войны, т. е. не овладѣвъ тотчасъ Варшавою, нужно было стараться обратить «операціонную линію на Владиміръ и покинуть линію Бреста, но конечно не «ранѣе присоединенія къ намъ Гвардіи. Вепржъ, протекающій среди болотъ, пред«ставлялъ надежное прикрытіе нашему флангу; изъ этого расположенія слѣдо«вало двинуть армію на Пулавы, или же перейти Вислу выше и направиться «прямо къ Варшавѣ.»

Тайная скорбь, разстроенное здоровье, заботы, внушенныя недоброжелательствомъ его враговъ и завистниковъ, преждевременно ослабили его энергію и твердость духа.

$^{1}/_{20}$ февраля января фельдмаршалъ перенесъ свою главную квартиру изъ Гродно въ Бѣлостокъ. Войска, сосредоточенныя на границахъ должны были въ теченіи $^{5}/_{24}$ и $^{6}/_{25}$ февраля января перейти ихъ по тремъ главнымъ направленіямъ, но на 11-ти различныхъ пунктахъ. $^{5}/_{24}$ февраля января двинулись впередъ войска, стоявшія на флангахъ, которымъ приходилось пройти бо́льшее пространство нежели прочимъ, а именно корпуса: кн. Шаховскаго изъ Ковно, бар. Крейца изъ Устилуга и Влодавы. Наступленіе ихъ имѣло цѣлью привлечь вниманіе непріятеля къ двумъ противоположнымъ пунктамъ и скрыть истинное направленіе главныхъ силъ русской арміи. Два небольшихъ отряда, генер. Мандерштерна и полк. Анрепа, направились на промежуточные пункты. Мандерштернъ съ 5-ю батал. на Домброво (близъ Гродно), откуда онъ долженъ былъ форсированнымъ маршемъ идти на Августово (4 мили), для отрѣзанія сообщенія Августовскаго воеводства съ прочими частями Царства; другой же отрядъ, Анрепа, въ составѣ 2-хъ эскадр. уланъ и казачьяго полка (*) направился изъ Бреста на Бялу, и далѣе по большой дорогѣ къ Варшавѣ. Главныя силы начали движеніе всею массою, на пространствѣ между Тыкочиномъ и Гранномъ, не прежде какъ въ ночь на $^{6}/_{25}$ февраля января. Гр. Паленъ съ своимъ корпусомъ перешелъ границу у Тыкочина и направился на Жолтки(**), Ломжу и Замбровъ. Бар. Розенъ съ 6 корпусомъ двигался черезъ Суражъ и Піонтковъ на Высокомазовецкъ и Чижево; за нимъ слѣдовала главная квартира и резервы подъ начальствомъ Великаго Князя. Наконецъ гр. Виттъ перешелъ границу у Цѣхановца и Гранна. Такимъ образомъ болѣе 100,000 ч. съ 320 оруд. начали свое наступленіе.

Кн. Шаховской, съ 18-ю бат. гренадеръ, 4-мя эскадр. гусаръ, 46-ю оруд. и казачьимъ полкомъ, переправился чрезъ Нѣманъ у Ковно нѣсколькими эшелонами 24-го и въ послѣ-

(*) Шпицыръ дѣлаетъ изъ этого отряда кавалерійскую дивизію въ 3,000 ч.

(**) Пограничное мѣстечко у Хороща.

ТАБЕЛЬ С.

Краткое обозрѣніе распоряженій для вступленія русскихъ войскъ въ Царство 24 и 25 января (5 и 6 февраля) 1831 года.

А. Войска, начавшія переходъ чрезъ границы 24 января (5 февраля).

КОЛОННЫ:	СОСТАВЪ ИХЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Силы отряда.	Сборный пунктъ.	24 января (5 февр.).	Переходы: 25 января (6 февр.)	26 января (7 февр.)
Генералъ князь Шаховской.	3-й Гренадерск. дивиз. 2 бригада.	4	»	»	3550						
	5-й Карабинерный п.	2	»	»	1800						
Первый эшелонъ	(1-я бриг. оставаясь въ Вильнѣ, 6-й Карабинер. п. въ Бѣлостокѣ).										
	1⅛ батареи артиллеріи.	»	»	14	»						
	Лубенскіе гусары.	»	4	»	»	550					
	Казаки: 7 Черноморскій п.	»	»	»	»	300					
		6	4	14	5350	850	6200	Ковно.	Переходъ чрезъ Нѣманъ.	Скраупе.	Маріамполь.
Второй эшелонъ	1-й гренадерской дивизіи 3-я бригада.	4			3600		3600	Ковно.	»		
	1 батарея артиллеріи.			8							
Третій эшелонъ.	1-й гренадерской дивизіи 1-я и 2-я бригады	8	»	»	7200		7200	Ковно.	(Переходитъ границу только 1 (13) февраля)	Переправа.	Скраупе.
	3 батареи артиллеріи.	»		24	»						
Три эшелона.	Всего отряда.	18	4	46	16150	850	17.000				
Генералъ-маіоръ Мандеритернъ.	1-й Пѣхотной дивизіи. 1-я бригада.	4	»	»	3500						
	Резерв. бат. 48 егерскаго п.	1	»	»	650						
	Клястицкіе гусары.	»	2	»	»	300		Домброва.	Августовъ. (здѣсь остается въ гарнизонѣ резервный бат.)	»	Райгродъ.
	Казаки Грекова.	»	»	»	»	450					
	1½ батареи артиллеріи.	»	»	12	»	»					
	Всего.	5	2	12	4150	750	4900				
Полковникъ Анрепъ.	Украинскіе уланы	»	2	»	»	260		Брестъ.	Біала.	Мендзержицъ.	Збучинъ.
	Казаки Ильина.	»	»	»	»	490					
	Всего		2		»	750	750				
Генералъ-лейтенантъ бар. Крейцъ.	2-я Драгунская дивизія.	»	24	»	»	3850		Усталугъ.	Грубешовъ.	Войславице.	Красностокъ.
	2 батареи конной артиллеріи	»	»	24	»	»					
	1 полкъ казаковъ	»	»		»	450					
	Всего		24	24		4100	4100				
Генералъ-лейтенантъ бар. Гейсмаръ.	2-я конно-егерская дивизія	»	24	»	»	3750		Влодава.	Грабовка.	Рудно.	Радзинъ.
	2 батареи конной артиллеріи	»	»	24	»	»					
	2 полка казаковъ	»	»	»	»	850					
	Всего.		24	24		4600	4600				
	Силы обоихъ фланговъ.	23	56	106	20300	11050	31350				

В. Войска перешедшія 25 января (6 февраля).

КОЛОННЫ.	СОСТАВЪ ИХЪ.	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.	Пѣхота.	Кавалерія.	Силы отряда.	Сборный пунктъ	25 января (6 февр.)	26 января (7 февр.)	27 января (8 февр.)
Генералъ графъ Паленъ.	1-й Пѣхотной дивизіи: 2-я и 3-я бригады.	8	»	»	7000				Переправа у Тыкочина. Движеніе на Заводы.	Рудки.	Ломка
	Клястицкіе гусары	»	4	»	»	500	7700	Кишшинъ.			
Правая колонна.	Казаки (2-й Черноморскій)	»	»	»	»	200					
	1½ батареи артиллеріи	»	»	16	»	»					
	Авангардъ: 3-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи.	4	»	»	3400	»			Переправа у Жолтовки. Движеніе на Тыкочинъ къ Меженину	къ Ломжѣ.	далѣе за Ломжу.
	1-я бригада 1-й гусарск. дивизіи.	»	12	»	»	1550	5250	Желтки.			
	Казаки (2-й Черноморскій)	»	»	»	»	300					
	6-пшая батарея	»	»	8	»	»					
Лѣвая колонна.	Главная колонна: 1-я и 2-я бригады 2-й пѣхотной дивизіи, 3 батареи артиллеріи.	8	»	» 24	6800	»	6800	Хорощь.	Переправа у Жолтовъ. Завады.	Рудки.	Замбровъ.
	Всего.	20	16	48	17200	2550	19750				
Генералъ баронъ Розенъ	24 Пѣхотная дивизія	12	»		10700						
	Литовская гренадерская бригада.	6	»		5000		18000	Суражъ			
Правая колонна.	1-я бригада литовской уланской д.		12		»	1900			Переправы у Сураж. Соколы.	Высоко - Мазовецкъ.	Чижево.
	6 батарей артиллеріи			48							
	1 Казачій полкъ.	»	»	»	»	400					
	Авангардъ: полкъ 25 пѣхотной д.	2	»	»	1750						
	2-я бригада литовской уланской д.		12	»	»	1900			Переправа у Піонткова. Косціольня.	Чижево.	
	4 Казачій полкъ	»	»	»	»	450	4100	Топчево			
Лѣвая колонна.	1 Конная батарея.	»	»	8	»	»					
	Главная колонна: 3-я полка 25-й пѣхотной дивизіи.	6	»	»	5150		5150	Топчево.	Переправа у Піонткова. Соколы.	Высоко - Мазовецкъ.	Чижево.
	3 батареи артиллеріи.			24							
	Всего.	26	24	80	22600	4650	27250				
Генералъ графъ Виттъ	Авангардъ: 2-я бригада 3-й уланской дивизіи.		12			1700	1700	Дрогичинъ.	Переправа у Грапа. Стердынь.	Вепгровъ.	
	¼ роты конной артиллеріи.	»	»	4							
	Главная колонна. 3 Кирас. див.		24	»		3150			Переправа у Цехановца. Движеніе въ Нуръ. Уланская бригада у Чижево.	Кирасиръ — Стердынь: Уланы — Косовъ; Нуръ — егеря.	
	1-я бриг. 3-й уланской див. (Изъ сего 2 эскадр у Анрепа)		10	»		1500					
	3½ батареи конной артиллеріи	»	»	28		»	8150	Цехановецъ			
	3 бригады 25-й пѣхотной дивизіи	4	»		3500	»					
	Всего.	4	46	32	3500	6350	9850				
Резервъ Великаго Князя Константина Павловича.	Отрядъ Гвардіи.	4	12	20	3600	2000					8-я пѣхотная дивизія съ ея артил. (16 орудій) направляется въ Замбровъ, къ своему корпусу.
	2-я Гренадерская дивизія.	12	»	»	10500	»	24200	Бѣлостокъ.	Сураж.	Высоко - Мазовецкъ.	
	3-я пѣхотная дивизія (безъ 6-го егерскаго полка)	10	»	»	8100	»					
	5 батарей артиллеріи	»	»	40	»	»					
	Всего.	26	12	60	22200	2000	242000				
	Всего въ главной арміи.	76	98	220	65500	15550	81050				

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.								
Генералъ князь Шаховской	18	4	48	16150	850	17000	Переправляется 24 янв. (5 февр.)	у Ковно и слѣдуетъ въ Ломжу.
Генералъ-маіоръ Мандеритернъ	5(1)	2	12	4150	750	49000	» » »	Домброва на Августовъ и Ломжу
Полковникъ Анрепъ	»	2	»	»	750	750	» » »	Брестъ на Буг, Седльце.
Генералъ-лейтенантъ бар. Крейцъ	»	24	24	»	4100	4100	» » »	Усталугъ и Грубешовъ. Люблинъ.
Генералъ-лейтенантъ бар. Гейсмаръ	»	24	24	»	4600	4600	» » »	Влодовы въ Гарбову, Радзинъ.
Генералъ графъ Паленъ	20	16	48	17200	2550	12750	» 25 6 »	Тыкочина и Желтки на Ломжу и Замбровъ.
Генералъ баронъ Розенъ	26	24	80	22600	4650	27250	» » »	Сураж и Піонткова въ Высоко - Мазовецкъ и Чижево.
Генералъ графъ Виттъ	4	46	32	3500	6350	7850	» » »	Цехановецъ и Грапа въ Нуръ, Стердынь, Косовъ.
	26	12	60	22200	2000	24200	» 26 »	у Суража въ Высоко-Мазовецкъ
Великій князь Константинъ Павловичъ	99(2)	154(3)	326(3)	88500	26500	112400(4)		

Примѣчанія: 1) Показанный здѣсь линій противъ прежняго обозрѣнія одинъ баталіонъ, есть резервный баталіонъ 48 егерскаго полка, приведенный генераломъ Мандеритерномъ въ Августовъ, и оставленный тамъ въ гарнизонѣ.

2) Недостающіе здѣсь 2 эскадрона есть оставшіеся въ Вильнѣ Лубенскаго гусарскаго полка.

3) Недостающее число орудій находилось при полкахъ Гренадерскаго и 1-го корпусовъ, оставшихся позади (4 полка).

4) Въ этой табели всѣ числа приведены круглыми числомъ; отсюда происходитъ небольшая разница съ прежними; здѣсь также не приняты въ расчетъ артиллеристы.

дующіе дни, и вслѣдъ за тѣмъ двинулся по шоссе къ Кальваріи и далѣе на Августовъ, занятый уже генер. Мандерштерномъ, который нашелъ тамъ большое количество жизненныхъ припасовъ. Генералъ Гейсмаръ, съ 24-мя эскадр., 24 оруд. и 2-мя казачьими полками, перейдя границу у Влодавы, двинулся на Раджинъ и Луковъ къ Седльце; онъ долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ главной арміи и сохранять съ нею связь посредствомъ летучаго отряда полковн. Анрепа. Еще лѣвѣе Гейсмара, ближе къ Галиціи, генер. Крейцъ, также съ 24 эскадр., 24 оруд. и однимъ казачьимъ полкомъ, перейдя границу у Устилуга, направился на Красностовъ и Люблинъ, оставивъ отрядъ изъ 6-ти эскадр., 4-хъ орудій и 200 казаковъ, подъ командою ген.-м. Кавера для наблюденія за крѣпостью Замосцьемъ. Въ такомъ порядкѣ двигалась русская армія съ широкаго базиса, простиравшагося отъ Ковно до Устилуга къ центральному пункту—Варшавѣ. Многія причины заставили фельдмаршала растянуть свои силы: съ одной стороны, онъ хотѣлъ скрыть отъ непріятеля пунктъ, на который направлялась бо́льшая ихъ часть, а съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду облегчить продовольствіе войскъ. Однакожъ, главная масса его арміи не была разообщена. Корпуса генераловъ: Палена, Витта, Розена и резервы Великаго Князя двигались въ близкомъ между собою разстояніи, такъ что фельдмаршалъ имѣлъ возможность въ 24 часа сосредоточить на данномъ пунктѣ массу войскъ въ 80,000 человѣкъ (*).

Всѣ ожидали, перейдя границу, тотчасъ наткнуться на непріятеля и встрѣтить сопротивленіе; къ общему удивленію границы оказались совершенно открытыми и беззащитными. Подобное обстоятельство можно было объяснить только тѣмъ, что непріятель, сосредоточивъ свои силы, выжидалъ нападенія вблизи отъ столицы. Безпрепятственно и съ громкими криками ура войска перешли черезъ границу, встрѣчаемыя повсюду поселянами съ боязливымъ опасеніемъ, однакожъ довольно дружелюбно. Только въ Ново-Цѣхановцѣ обнаружилось небольшое столкновеніе съ жителями, которое однакоже вскорѣ удалось

(*) Смотри вѣдомость подъ лит. С.

уладить. Изо всѣхъ селъ и деревень народъ выходилъ на встрѣчу Русскимъ съ хлѣбомъ-солью и съ бѣлыми знаменами; даже духовенство во многихъ мѣстахъ встрѣчало наши войска со св. крестами. Фельдмаршалъ предписалъ соблюденіе строгаго порядка и дисциплины; у жителей отбиралось только оружіе, а необходимые жизненные припасы взимались подъ росписки. Обыватели охотно и безъ всякаго принужденія оставляли бѣлыя кокарды, и русскій гербъ повсюду былъ снова возстановляемъ.

Извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Царства изумило всѣхъ; хотя война и считалась неизбѣжною, однакоже ее никакъ не ожидали такъ скоро. Всѣ войска, стоявшія въ Варшавѣ и на лѣвомъ берегу Вислы, тотчасъ выступили въ походъ, а главные начальники вновь составили совѣтъ для начертанія плана дѣйствій. Здѣсь опять нѣкоторые, съ свойственною Полякамъ пылкостію, предлагали тотчасъ идти на встрѣчу Русскимъ и сразиться съ ними; другіе же совѣтовали стянуть войска у Праги и тамъ принять сраженіе. Повсюду царствовало величайшее смятеніе, еще болѣе увеличенное тѣмъ, что никто не зналъ съ какой стороны подойдутъ главныя силы русской арміи.

Вопросъ о томъ, надлежало ли оборонять Варшаву, былъ рѣшенъ утвердительно; городъ объявленъ въ осадномъ положеніи, и немедленно приступлено къ его укрѣпленію. Въ улицахъ начали возводить баррикады, состоявшія изъ двухъ деревянныхъ стѣнъ, пространство между которыми наполнялось землею; эти баррикады были приспособлены къ пушечной оборонѣ. На высотахъ города, командующихъ Прагою, были построены батареи. Для обороны города было всего на все 60 орудій, изъ коихъ 12 оставлены для вооруженія вновь построенныхъ укрѣпленій Праги. Національная гвардія и вновь набранныя войска назначались для занятія городскаго вала. Судя по всѣмъ принятымъ мѣрамъ, ожидали, что «Варшава будетъ второю Сарагоссою; однакожъ тому, кто зналъ характеръ Поляковъ, легко было предвидѣть, въ какой степени могли оправдаться подобныя надежды.

Новый генералиссимусъ внезапно увидѣлъ себя окруженнымъ толпою совѣтчиковъ: Круковецкій, Шембекъ, Скржинецкій, Пронздзинскій, Хршановскій, Вейсенгофъ, всякій изъ нихъ хотѣлъ руководить его дѣйствіями; но ихъ мнѣнія, взаимно противорѣчащія, заставили Радзивила еще болѣе ввѣриться Хлопицкому. Послѣдній въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ свой планъ дѣйствій, который вслѣдъ затѣмъ былъ сообщенъ Пронздзинскому для отданія нужныхъ приказаній. $^{7}/_{26}$ ст. ст. янв. Хлопицкій уѣхалъ въ дѣйствующую армію, а на другой день послѣдовалъ за нимъ и Радзивилъ. При его отъѣздѣ жители толпою собрались на улицахъ. Радзивилъ ѣхалъ въ открытой колясцѣ между рядами народа, волнуемаго тревожными сомнѣніями; глубокая тишина царствовала въ этихъ рядахъ; всѣ чувствовали важность наступившій минуты; изрѣдка раздавались отдѣльные возгласы; общее, томительное безмолвіе прерывалось только молитвами мужчинъ и рыданіями женщинъ. Главная квартира Радзивила была перенесена въ Окуневъ — въ центръ расположенія войскъ. Жимирскому и Круковецкому предписано было выслать свои авангарды: первому къ рѣкѣ Ливцу, а второму къ Остроленкѣ. Этимъ способомъ хотѣли узнать, куда подвигалась русская армія. Въ войскахъ и вообще между молодыми людьми господствовала та полная самоувѣренность, которая проистекаетъ изъ совершеннаго незнакомства съ опасностью: они еще ни разу не встрѣчались съ Русскими, а между тѣмъ были уже вполнѣ увѣрены, что при первой встрѣчѣ разобьютъ ихъ и отбросятъ за Бугъ(*). Въ этомъ же духѣ былъ отданъ приказъ по арміи. «Всякая «минута отдыха», говорилось въ немъ, «тяготила рыцарскія серд«ца. Наконецъ ихъ желанія исполнятся. Непріятель гордится «непобѣдимостью своей арміи, но она не устрашитъ тѣхъ, кои «дрались съ противникомъ вчетверо сильнѣйшимъ (**).»

(*) Такъ при выступленіи 4-го полка изъ Варшавы, на вопросъ, куда они идутъ? солдаты отвѣчали: «въ Петербургъ.» Дѣйствительно, большая часть изъ нихъ попала туда въ качествѣ плѣнныхъ или рекрутъ.

(**) Не мѣшало бы спросить, гдѣ же это было? Впрочемъ, съ этимъ можно сравнить вышеприведенную клятву: «побѣдить по-крайней-мѣрѣ трехъ непріятелей.» Это превосходство проистекало изъ слѣдующаго. Поляки въ своихъ прежнихъ

Полковникъ Хршановскій, желая попытаться, не удастся ли ему въ первую минуту общаго смятенія, побудить къ принятію своего первоначальнаго плана дѣйствій, отправился въ главную квартиру, находившуюся въ Окуневѣ. Ему было разрѣшено находиться на аванпостахъ и тамъ дѣлать необходимыя измѣненія въ расположеніи войскъ. Въ то же время онъ получилъ порученіе пробраться между передовыми русскими отрядами и собрать болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ войскъ, перешедшихъ чрезъ Бугъ. Хршановскій поспѣшилъ къ Жимирскому въ Калушинъ. По его настоянію, генер. Сухоржевскій, уступившій передъ тѣмъ $^{8}/_{27}$ февр. янв. городъ Седльце слабому казачьему отряду Анрепа, получилъ приказаніе съ 2-мя полками уланы вновь овладѣть этимъ городомъ; самъ же Хршановскій, вмѣстѣ съ Жимирскимъ, въ тотъ же день произвелъ рекогносцировку отъ Лива къ Венгрову и далѣе. Вытѣснивъ оттуда нѣсколько эскадроновъ 3-го кавалер. корпуса, онъ преслѣдовалъ ихъ около мили и предлагалъ генер Скржинецкому, бывшему въ Добре, занять Ливъ и Венгровъ; но Скржинецкій отвѣтилъ, «что получивъ иныя приказанія, онъ готовится отступать.» Хршановскій, имѣя при себѣ только по одному полку пѣхоты и кавалеріи, не отважился двинуться далѣе, тѣмъ болѣе, что изъ отвѣта Скржинецкаго онъ могъ заключить, что въ главной квартирѣ былъ снова измѣненъ планъ дѣйствій, и потому, приказавъ своимъ войскамъ возвратиться въ Ливъ, онъ занялъ Венгровъ только авангардомъ; самъ же лично отправился въ Окуневъ, гдѣ узналъ, что было рѣшено отступать и принять сраженіе у Праги, куда медленно отходили войска. Вслѣдъ за тѣмъ Хршановскій былъ назначенъ начальникомъ штаба дивизіи Жимирскаго.

Между тѣмъ революціонное правительство издало нѣсколько весьма строгихъ декретовъ, въ коихъ объявлялись измѣною

войнахъ считали только дворянъ; всѣ прочіе воины, какъ viliora capita вовсе не принимались въ расчетъ. Уже однимъ этимъ обстоятельствомъ многое поясняется въ разсказахъ ихъ историковъ. Въ эту кампанію они поступали точно также, постоянно считая только старыя регулярныя войска; иррегулярныхъ же, краузовъ, косиніеровъ, волонтеровъ и т. д. рѣдко принимали въ расчетъ.

всѣ дѣйствія противныя интересамъ возстанія; за всѣ такія преступленія назначена была смертная казнь. Каждый, оказавшій какое бы то ни было содѣйствіе Русскимъ, доставившій имъ съѣстные или военные припасы, принявшій участіе въ депутаціи, либо въ управленіи краемъ, занятымъ русскими войсками, долженъ былъ считаться государственнымъ измѣнникомъ и подлежалъ смертной казни, и ни какія обстоятельства не могли быть принимаемы въ оправданіе виновныхъ. Въ заключеніе декрета объявлено, что единственною цѣлью войны, равно и необходимымъ условіемъ мира было: «возстановленіе всего прежняго Польскаго Королевства». Этими словами обнаружилась дѣйствительная причина и цѣль возстанія.

Въ другомъ декретѣ объявлено, что всѣ города и провинціи, угрожаемыя вторженіемъ, смотря по надобности, будутъ считаться на военномъ положеніи; въ такомъ случаѣ правительство, безъ малѣйшаго ограниченія, предоставляло себѣ право уничтожать все могущее служить въ пользу непріятелю: дороги, мосты, переправы, магазины, дома и проч., а жизненные припасы, всякій скотъ и самыхъ жителей переводить въ другія мѣста. Каждый же, кто вздумалъ бы препятствовать въ чемъ нибудь этимъ распоряженіямъ, долженъ былъ считаться государственнымъ измѣнникомъ.

Но въ то же самое время, когда съ одной стороны угрожали строжайшею карою за всякое покушеніе на измѣну, съ другой старались всѣми силами возбудить мятежъ и измѣну между Русскими. Мы уже говорили о прокламаціяхъ, распространяемыхъ въ тысячахъ экземпляровъ между Русскими и Литовцами; теперь Поляки прибѣгли еще къ новому, въ высшей степени смѣшному средству: приказано было изготовить бѣлыя знамена съ русскою и польскою надписями: «за вашу и нашу свободу», которыя должны были выставляться въ виду русскихъ форпостовъ и которыя, по ихъ мнѣнію, должны были сильно способствовать разъясненію «великаго значенія» польскаго дѣла. Но этимъ средствомъ нельзя было достигнуть никакой цѣли. Русскіе солдаты въ началѣ удивлялись, что знамена, которыя они прежде привыкли пріобрѣтать только цѣною большихъ потерь, теперь

такъ легко доставались имъ; на надписи же, которыя весьма лишь немногіе могли разобрать, не обращали вниманія; а впослѣдствіи имъ даже запретили брать подобныя знамена. Полякамъ же было объявлено, что русскимъ форпостамъ приказано стрѣлять по воздвигателямъ мятежныхъ знаковъ.

Между тѣмъ русская армія безпрепятственно шла впередъ и къ $^{8}/_{27}$ $^{\text{февр.}}_{\text{янв.}}$ уже достигла Ломжы, (гдѣ были найдены значительные магазины) Замброва, Чижева и Нура; главная же квартира вступила въ Высокомазовецкъ. Но внезапно встрѣтилось препятствіе, которое было труднѣе побѣдить чѣмъ непріятеля— препятствіе, противопоставленное самою природою. Когда было рѣшено вступить въ предѣлы Польши, въ то время стояли постоянные морозы свыше 20°/₀. Но въ день выступленія изъ Бѣлостока сдѣлалась оттепель, усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, такъ что къ $^{8}/_{21}$ почти весь снѣгъ растаялъ, рѣки вскрылись, поля и дороги были залиты водою. Это несчастное обстоятельство разстроило всѣ соображенія. Фельдмаршалъ созвалъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить, надлежало ли въ такихъ обстоятельствахъ слѣдовать задуманному плану или тотчасъ перейти на лѣвый берегъ Буга. На этомъ совѣтѣ мнѣнія оказались различны. «Одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣха войны», говорили одни, «заключается въ томъ, чтобы придерживаться одна«жды принятаго плана и не колебаться ни при какихъ «затрудненіяхъ. Въ два или три перехода мы достигнемъ Выш«кова, въ три дня ледъ не очень ослабнетъ, а между тѣмъ «могутъ опять наступить морозы; наконецъ въ крайнемъ слу«чаѣ можно переправиться на понтонахъ. Для достиженія та«кой важной цѣли, какъ разобщеніе непріятельской арміи, не «должно обращать вниманія на мимолетныя затрудненія, а на«противъ того, слѣдуетъ стремиться неуклонно къ предполо«женной цѣли.» Какъ ни справедливо казалось это мнѣніе, однакоже оно возбудило противъ себя весьма основательныя возраженія, заставившія подъ конецъ измѣнить первоначальный планъ дѣйствій; «продолжая двигаться по этому направленію», говорили возражатели, «армія вдавалась въ уголъ образуемый дву«мя рѣками, перепр ва чрезъ которыя весьма опасна, ибо про-

«тивуположные берега были заняты непріятелемъ; въ этой «болотистой, лѣсистой и мало населенной странѣ армія могла «бы подвергнуться величайшимъ затрудненіямъ и терпѣть «во всемъ недостатокъ. Запасы, слѣдовавшіе на саняхъ, не «могли при оттепеляхъ поспѣть за арміей, а реквизиціи бы- «ли не въ состояніи доставить все необходимое; послѣ нѣ- «сколькихъ переходовъ пришлось бы отступить и всетаки по- «кинуть первоначальный планъ, что повело бы къ напрасной «потерѣ времени, коимъ болѣе всего слѣдуетъ дорожить на «войнѣ. Къ тому же, не удавшееся въ самомъ началѣ кам- «паніи предпріятіе возвысило бы духъ непріятеля и напро- «тивъ, ослабило бы его въ рядахъ нашей арміи. Предположе- «нія фельдмаршала были превосходны и могли доставить огром- «ные результаты, но онъ расчитывалъ на зиму, а потому они «и были удобоисполнимы только зимою; теперь же являлись «совершенно другія обстоятельства.» Фельдмаршалъ, обсудивъ эти возраженія и зная, какъ было опасно въ самомъ началѣ кампаніи предоставлять что либо случаю, рѣшился перевести армію на лѣвый берегъ Буга, гдѣ мѣстность болѣе благопріятствовала военнымъ дѣйствіямъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ по совершеніи перехода ударить всѣми силами на правое крыло непріятеля и разбить его прежде; чѣмъ оно соединится съ войсками лѣваго крыла. Согласно тому были отданы приказанія и предпринято общее фланговое движеніе влѣво. 1-й корпусъ долженъ былъ слѣдовать отъ Замброва на Чижево къ Нуру, а 6-й корпусъ, дошедшій уже до Острова, къ Броку. Въ этихъ двухъ пунктахъ они должны были переправиться по льду $^{11}/_{30}$. Гр Виттъ со ввѣреннымъ ему кавалер. корпусомъ еще $^{7}/_{26}$ перешелъ Бугъ у Нура, а резервы Константина Павловича слѣдовали по тому же направленію. Для исполненія предположенныхъ мѣръ, войскамъ пришлось идти форсированными маршами (1-й корпусъ сдѣлалъ въ 2 дня около 85 верстъ) по сквернѣйшимъ дорогамъ, что чрезвычайно изнуряло людей. Солдаты, высоко подобравъ свои шинели, шли почти все время по-колѣно въ мокромъ снѣгѣ и въ водѣ, а обозъ едва тащился. Въ особенности утомительны были переходы 29, 30 января и послѣдующихъ дней.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ Поляковъ въ Окуневѣ не принимали никакого рѣшенія. Хлопицкій не измѣнялъ своего мнѣнія вступить въ битву предъ Варшавою, дабы спасти честь оружія и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить народныхъ предводителей въ невозможности продолжительной борьбы съ Россіею. Радзивилъ былъ неспособенъ принять какія нибудь мѣры; вмѣстѣ съ приближеніемъ Русскихъ увеличивалось его смущеніе. Онъ ничего не предпринималъ безъ Хлопицкаго, а послѣдній старался устранить себя, зная хорошо, что всѣ начальники дивизій смотрѣли съ завистью на его вліяніе. Прондзинскій принималъ на себя роль посредника, но былъ вынужденъ дѣйствовать чрезвычайно осмотрительно, для того, чтобы съ одной стороны щадить самолюбіе князя, а съ другой, чтобы не оскорбить Хлопицкаго. Съ трепетомъ ожидали извѣстій о движеніи русской арміи; когда же узнали положительно, что Русскіе идутъ къ Остроленкѣ, тогда было рѣшено перейти чрезъ Бугъ, двинуться имъ на встрѣчу и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Въ случаѣ неудачи Модлинъ представлялъ вѣрную защиту, а театръ войны переносился въ выгодный для обороны треугольникъ. Въ слѣдствіе того главная квартира была переведена $^{10}/_{29}$ февр. янв. въ Яблонну. Полк. Янковскій, съ своею кавалерійскою дивизіею и 2-мъ линейнымъ п., былъ выдвинутъ къ Остроленкѣ; дивизія Круковецкаго должна была приблизиться къ Пултуску, а Шембека къ Сіероцку; остальныя двѣ дивизіи, Скржинецкаго и Жимирскаго расположились эшелонами по тому же направленію. И такъ въ одно и то же время, оба главнокомандующіе предприняли совершенно противоположныя движенія. Дибичъ рѣшился перейти на лѣвый берегъ Буга, а Хлопицкій двинулся на правый. Но недолго продолжалось это обоюдное заблужденіе. Какъ только было получено извѣстіе о фланговомъ движеніи Дибича, польскія войска снова заняли свое прежнее расположеніе: Жимирскій въ Калушинѣ, Скржинецкій въ Добре, Шембекъ въ Окуневѣ, а Круковецкій въ Радзыминѣ.

Между тѣмъ переходъ Русскихъ чрезъ Бугъ совершился у Брока и Нура, $^{11}/_{30}$ и $^{12}/_{31}$ февр. янв.. Поляки, не ожидавшіе ихъ на

этихъ пунктахъ, не могли помѣшать переправѣ. Ледъ уже былъ очень тонокъ, а у береговъ совершенно покрытъ водою, и потому для артиллеріи дѣлали настилку изъ досокъ и соломы; три дня спустя для переправы обоза, пришлось прорубить ледъ и устроить паромъ, а еще днемъ позже, 14/2 навести понтонный мостъ. Не имѣя никакихъ извѣстій о польской арміи и ожидая встрѣтить на противоположномъ берегу значительныя силы, русскія войска соблюдали величайшую осторожность, какъ при переправѣ, такъ и при дальнѣйшемъ слѣдованіи къ Венгрову. 6-й корпусъ, переправясь 30-го, долженъ былъ служить точкою опоры для прочихъ войскъ и оставаться вблизи отъ переправы въ Морзичинѣ; 1-й корпусъ направился къ Косову. На слѣдующій день оба они продолжали движеніе къ Венгрову, гдѣ ожидалось сраженіе, а потому солдаты получили приказаніе изготовить свое оружіе. 3-й кавалер. корпусъ и резервы Великаго Князя слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи за 1-мъ корпусомъ. Войска не достигли однакоже въ этотъ день до Венгрова, и только авангардъ 1-го корпуса, подъ начальствомъ генер. бар. Сакена, къ вечеру занялъ сей городъ послѣ стычки съ оставленными тамъ непріятельскими войсками, которыя были опрокинуты и преслѣдуемы около полу мили до Лива.

Ливъ, небольшое мѣстечко съ деревянными строеніями, лежитъ на лѣвомъ берегу болотистаго ручья Ливца, чрезъ который велъ длинный деревянный мостъ, защищаемый двумя орудіями и 1-мъ бат. 7-го полка. Генер. Сакенъ, открывъ огонь изъ 6-ти конныхъ орудій, заставилъ непріятеля отступить, послѣ тщетной попытки его уничтожить мостъ. Въ продолженіе ночи, мостъ былъ исправленъ, и тѣмъ обезпечена переправа русской арміи чрезъ широкій и трудно проходимый ручей, за которымъ намѣревался держаться полк. Хршановскій. Въ это самое время авангардъ 6-го корпуса, подъ начальствомъ генер. Влодека, также успѣшно занялъ переправу немного ниже Лива у Старавѣси, послѣ чего вся армія и главная квартира достигли Венгрова. Оледѣнѣлыя поля, окружающія этотъ красивый городокъ, покрылись войсками: пѣхота, кавалерія, артиллерія, построенныя въ густыя, длинныя колонны, проходили

мимо фельдмаршала чрезъ городъ, по направленію къ Ливцу, гдѣ всѣ ожидали битвы. Но вскорѣ узнали, что непріятель собралъ на этомъ пунктѣ самыя незначительныя силы.

Между тѣмъ запасы провіанта, находившіеся при войскахъ, истощились, а обозъ, по случаю затруднительныхъ переправъ, остался позади, такъ что фельдмаршалъ нашелся вынужденнымъ противъ воли остановиться на нѣколько дней у Венгрова, частію для того чтобы дождаться обоза и изыскать новыя средства для продовольствія, а частію для того чтобы дать отдыхъ войскамъ, изнуреннымъ форсированными маршами по дурнымъ дорогамъ. Все пространство между Бугомъ и Венгровымъ имѣло видъ трясины, колебавшейся и проваливавшейся подъ ногами людей и лошадей; съ трудомъ пробирались солдаты, обремененные тяжелою ношею по непроходимой грязи; артиллерія же только съ величайшими усиліями подвигалась впередъ шагъ за шагомъ. Войска не только заслужили отдыхъ, но имѣли въ немъ необходимую нужду.

Армія расположилась у Венгрова слѣдующимъ образомъ: 1-й корпусъ между Венгровымъ и Ливомъ, имѣя авангардъ на дорогѣ въ Калушинъ; 6-й корпусъ у Коритницы съ авангардомъ въ Пневникѣ, на опушкѣ обширнаго лѣса, простирающагося до Добре; литовская бригада въ окрестностяхъ Каменчика; резервы, подъ командою Великаго Князя, должны были слѣдовать чрезъ Соколовъ въ Седльце, а 3-й кавалер. корпусъ расположился на половинѣ дороги между этими пунктами у Макободы. Узнавъ о прибытіи Русскихъ въ Венгровъ, Поляки поспѣшно очистили Седльце. Находившійся вблизи полковн. Анрепъ, $^{14}/_{2}$ рано утромъ занялъ этотъ городъ, а войска Цесаревича Константина Павловича, прибывъ туда къ полудню, расположились на дорогѣ ведущей въ Калушинъ. И такъ главныя силы русской арміи стояли на Ливцѣ въ двухъ большихъ массахъ у Венгрова и Седльце. Оконечности обоихъ крыльевъ были между тѣмъ значительно выдвинуты впередъ: правое крыло, подъ начальствомъ Шаховскаго, $^{13}/_{1}$ февр. вступило въ Августово, а лѣвое, состоящее изъ драгунской дивизіи генер. Крейца, проникло чрезъ Пяски и Люблинъ до Пулавы; генер. Гейсмаръ съ

конно-егерскою дивизіею былъ направленъ отъ Лукова къ Серочину. Съ этой стороны впервые открылись непріязненныя дѣйствія; генер. Гейсмару суждено было выдержать первый ударъ.

Для обезпеченія праваго берега Буга, оставленнаго нашими войсками, кн. Шаховской, прибывъ съ тремя первыми гренадерскими полками въ Ломжу ($^{16}/_{4}$ февр.), получилъ повелѣніе присоединить къ себѣ отрядъ Мандерштерна, собрать остальные, слѣдовавшіе эшелонами, гренадерскіе полки и образовать отдѣльный корпусъ силою въ 22 батал., 4 эскадр., 4 казачьихъ полка и 60 орудій. Независимо отъ него полк. Шиндлеръ съ однимъ казачьимъ полкомъ былъ отряженъ для партизанскихъ дѣйствій на правомъ берегу Буга, съ цѣлію, посылая разъѣзды во всѣ стороны, разгонять сборища вооруженныхъ людей и поддерживать связь между главною арміею и корпусомъ кн. Шаховскаго.

Въ это время общая обстановка приняла уже совершенно воинственный характеръ. Денно и ночно раздавались раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Въ ночь на $^{15}/_{3}$ февр. внезапно послышались совершенно вблизи отъ главной квартиры въ Венгровѣ выстрѣлы, которые сначала все болѣе приближались, а потомъ стали удаляться. Все взволновалось, и фельдмаршалъ послалъ адъютанта узнать о причинѣ перестрѣлки. Оказалось, что польскій генералъ Скржинецкій, стоявшій у Добре, предпринялъ сильную рекогносцировку противъ авангарда 6-го корпуса у Пневника, сбилъ его аванпосты и встревожилъ весь лагерь. Послѣ довольно жаркаго дѣла, стоившаго каждой сторонѣ отъ 50 до 60 чел., Скржинецкій къ утру отступилъ (*). Въ другую ночь, въ авангардѣ Сакена всѣ лошади Ольвіополь-

(*) Дабы получить свѣдѣнія о направленіи Русскихъ, Скржинецкій съ 11-ю бат. пѣхоты и 2-мъ уланскимъ п. получилъ приказаніе идти къ Ливу, атаковать Русскихъ, преслѣдовать ихъ и возвратиться не ранѣе, какъ удостовѣрившись, что противъ него находятся превосходныя силы. Мѣстность благопріятствовала успѣху предпріятія. Въ ночь на $^{14}/_{2}$ февр. Скржинецкій дебушировалъ изъ лѣса, окружавшаго Ливъ и наткнулся на слабый авангардъ, не соблюдавшій при томъ должныхъ предосторожностей. Скржинецкій, бывшій самъ въ головѣ колонны, приказалъ своимъ эскадронамъ съ громкими криками атаковать непріятеля. Въ русскомъ лагерѣ все

скаго гусарскаго п., отъ неизвѣстной причины сорвались съ коновязей и разбѣжались. Неимовѣрныхъ усилій стоило переловить ихъ, но все-таки потомъ не досчитались около 20 лошадей.

Эти два случая возбудили сильное неудовольствіе фельдмаршала. Онъ предписалъ строжайшее исполненіе всѣхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности въ авангардахъ, тѣмъ болѣе что изъ перехваченной переписки начальника непріятельскаго главнаго штаба обнаружилось намѣреніе Поляковъ: избѣгать боя, ослабляя русскую армію нечаянными нападеніями, частыми стычками и дѣйствіями на сообщенія. — Вслѣдъ за симъ было получено еще болѣе непріятное извѣстіе о разбитіи Гейсмара и о рѣшительномъ наступленіи Поляковъ на Седльце. Не смотря на то, что извѣстіе это казалось едва вѣроятнымъ, Дибичъ тѣмъ не менѣе тотчасъ же послалъ гр. Толя, на котораго полагался какъ на самого себя, въ Седльце, для принятія начальства надъ бывшими тамъ войсками и для достовѣрнаго разузнанія о положеніи дѣлъ. Отъ него были получены подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ при Сточекѣ.

Генералъ Гейсмаръ, какъ мы уже видѣли, направился послѣ переправы у Влодавы, черезъ Раджинъ на Луковъ. Ему было поручено прикрывать лѣвый флангъ главной арміи. Занятіе генер. Сухоржевскимъ Седльце и отступленіе оттуда отряда Анрепа задержало Гейсмара нѣсколько дней въ Луковѣ, такъ что не ранѣе $^{13}/_{1}$ февраля онъ двинулся къ Серочину, гдѣ узналъ о наступленіи непріятельскаго корпуса. Въ это самое время, старый генер. Клицкій, начальствовавшій войсками на лѣвомъ берегу Вислы, главная квартира которыхъ была въ Гурѣ, получилъ предписаніе, съ 10-ти тысячнымъ резервнымъ корпусомъ задержать наступленіе кавалерійскихъ отрядовъ

пришло въ смятеніе, люди и лошади разсыпались во всѣ стороны, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми, раненными, плѣнными и одинъ штандартъ. Скржинецкій двинулся далѣе, но былъ встрѣченъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, который однакожъ не причинилъ ему большаго вреда. У Лива и позади ручья Ливца онъ замѣтилъ огромные бивуачные огни, что обнаруживало присутствіе всей арміи. Слѣдовательно цѣль рекогносцировки была достигнута, и потому онъ немедленно отступилъ. *Изъ манускрипта одного польскаго генерала.*

Крейца и Гейсмара. Будучи самъ одержимъ болѣзнями и преклонными лѣтами, онъ приказалъ своему помощнику генер. Дверницкому, человѣку также пожилому, но пылкому и отважному, переправиться на правый берегъ Вислы съ частію резервнаго корпуса и держаться на одной высотѣ съ польскою арміею, прикрывая ея правый флангъ. Въ крайнемъ случаѣ разрѣшено было ему вступить въ бой съ Гейсмаромъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ постоянно сохранялъ возможность присоединиться къ главной арміи для содѣйствія ей въ ожидаемомъ тогда сраженіи у Праги. $^{9}/_{28}$ февр. янв. Дверницкій, удостовѣрившись, что ледъ на Вислѣ былъ еще достаточно крѣпокъ, переправился у Мнишева съ 8-ю эскадр. уланъ, находившимися въ этомъ мѣстечкѣ, и приказалъ остальнымъ войскамъ слѣдовать за нимъ. 31-го соединилъ онъ 3-и батал. и 17-ть эскадр. съ 6-ю оруд., всего около 6 тысячъ (*), у Зелехова, и узнавъ, что Гейсмаръ расположился у Ружи и Лукова, рѣшился, слѣдуя боковыми дорогами, застичь его отрядъ въ расплохъ и разбить по частямъ. Съ этою цѣлью Дверницкій двинулся влѣво, лѣсомъ на Филиповку къ Сточеку, куда и прибылъ $^{14}/_{2}$ рано утромъ. Между тѣмъ Гейсмаръ, на пути въ Латовиче, узнавъ чрезъ плѣнныхъ о прибытіи непріятеля и полагая силы его слабѣе, нежели они были въ дѣйствительности, рѣшился напасть на него у Сточека; для этого онъ приказалъ генер. Пашкову съ Переяславскимъ полкомъ и 4 оруд. идти по прямой дорогѣ отъ Серочина на Сточекъ, а самъ съ Виртембергскимъ полкомъ и 6-ю оруд. направился лѣвѣе чрезъ лѣсъ, съ цѣлью атаковать непріятеля во флангъ со стороны Точиска.

(*) Это число показываетъ самъ Дверницкій въ «Польскомъ куръерѣ»: по его словамъ онъ имѣлъ 4-е дивизіона уланъ, 4-е дивизіона конныхъ егерей, эскадронъ Кракузовъ подъ командою Шимановскаго и четвертые баталіоны 2-го, 5-го и 6-го полковъ (Польскій куръеръ №№ 458-459) Изъ другаго же источника (Польскій куръеръ № 426) оказывается, что Дверницкій, переправляясь у Гуры обратно черезъ Вислу послѣ экспедиціи противъ Гейсмара, имѣлъ 5 бат., 16 эскадр. и 12 орудій. Въ рапортѣ Гейсмара подтверждается (за исключеніемъ орудій) это же число войскъ, а потому вѣроятно одно изъ двухъ: или 2 бат. присоединились къ польскому отряду нѣсколько позже, либо Дверницкій съ намѣреніемъ уменьшаетъ свои силы. Шиациръ, заботящійся о славѣ Поляковъ, болѣе ихъ самихъ, даетъ Дверницкому только 2 баталіона.

Дверницкій только что расположился бивуакамъ у Сточека, когда прибѣжавшіе крестьяне извѣстили его о приближеніи Русскихъ. Съ высотъ, находящихся впереди Сточека, легко было видѣть движеніе обѣихъ колоннъ. Дверницкій поставилъ свои орудія на возвышеніи, такимъ образомъ, что они могли разомъ обстрѣливать обѣ колонны; тутъ же былъ расположенъ одинъ изъ баталіоновъ, а другіе два стали у подошвы горы, всѣ три построенные въ каре. Прислугу при орудіяхъ составляли варшавскіе граждане подъ начальствомъ опытнаго артиллериста поруч. кн. Пузино. 6-ь эскадр. уланъ развернулись лѣвѣе высоты противъ колонны, шедшей отъ Серочина; 8 эскадр. конно-егерей—правѣе высоты противъ колонны, двигавшейся отъ Точиска; 2 эскадр. уланъ остались при орудіяхъ, а эскадронъ Кракузовъ въ конвоѣ у Дверницкаго.

Между тѣмъ генер. Пашковъ вышелъ со своимъ полкомъ изъ лѣсу и поставилъ 4-е орудія вправо отъ дороги; позади орудій, въ 1-й линіи онъ поставилъ 1-й дивизіонъ въ колоннахъ по эскадронно; 2-й дивизіонъ сталъ во второй линіи лѣвѣе дороги, а 3-й дивизіонъ позади 2-го, также въ эскадронныхъ колоннахъ. Послѣ непродолжительной канонады съ обѣихъ сторонъ, польская кавалерія двинулась рысью противъ лѣваго фланга Русскихъ, обошла его и кинулась въ карьеръ на Переяславскій полкъ. Конные егеря дали залпъ изъ карабиновъ, и 2-й дивизіонъ бросился на встрѣчу непріятеля; въ то же время Пашковъ приказалъ 1-му дивизіону направиться влѣво, чтобы угрожать польской кавалеріи атакою съ фланга, но внезапный паническій страхъ овладѣлъ этимъ дивизіономъ, и вмѣсто атаки онъ обратилъ непріятелю свой тылъ; 3-й дивизіонъ послѣдовалъ этому примѣру и увлекъ за собою 2-й дивизіонъ, который уже вступилъ въ рукопашную схватку съ Поляками, но видя себя покинутымъ, также поворотилъ назадъ. Артиллерія, лишенная прикрытія, вынуждена была отступить, при чемъ потеряла 2 орудія. Въ это время генер Гейсмаръ съ Виртембергскимъ п. вышелъ изъ лѣсу на равнину и также началъ атаку, но бѣгство Переяславцевъ позволило непріятелю обратить противъ него всѣ свои силы. Гейсмаръ хотѣлъ

развернуть полкъ, построенный первоначально въ 3 отдѣльныя колонны, и атаковать непріятеля уступами; но бывшій впереди 3-й дивизіонъ, атакованный превосходными силами, бросился назадъ къ лѣсу. Гейсмаръ, желая собственнымъ примѣромъ возбудить мужество своихъ солдатъ, самъ сталъ впереди 2 дивизіона и приказалъ ему, также какъ и 1-му дивизіону, идти въ атаку; но какъ только раздалась команда «маршъ, маршъ!», оба дивизіона повернули назадъ. Всѣ усилія Гейсмара и его офицеровъ остановить бѣгущихъ оказались тщетны; Поляки, преслѣдуя ихъ, почти безъ сопротивленія захватили всѣ орудія. 2-ю бригаду своей дивизіи Гейсмаръ оставилъ у Серочина, выстроивъ ее въ боевой порядокъ, что заставило непріятеля прекратить преслѣдованіе и позволило собрать разсѣянные эскадроны. 8 орудій (*) и 9 зарядныхъ ящиковъ остались въ рукахъ побѣдителей. Потеря Русскихъ убитыми, ранеными и плѣнными состояла изъ 6 офицеровъ и 286 нижн. чиновъ. Но и Поляки, по собственному ихъ сознанію, потеряли болѣе 100 ч., преимущественно отъ артиллерійскаго огня. Это неудачное дѣло побудило Гейсмара отступить на главную армію къ Седльце, причемъ онъ не былъ преслѣдуемъ. Поляки провели остатокъ дня у Сточека, торжествуя свою побѣду; между тѣмъ адъютантъ Крушевскій привезъ приказаніе идти на встрѣчу Крейцу, уже перешедшему Вислу. Войска Дверницкаго тотчасъ двинулись чрезъ Парызовъ къ Вислѣ и $^{17}/_{5}$ февр. переправились у Гуры по льду, дабы соединиться съ Сѣравскимъ.

$^{15}/_{3}$ февр. генер. Клицкій, уже начинавшій безпокоиться объ участи Дверницкаго, съ неописанною радостію узналъ счастливые результаты его экспедиціи. Вся Варшава ликовала, какъ будто было выиграно огромное сраженіе; общая радость въ особенности увеличивалась оттого, что былъ разбитъ Гейсмаръ — генералъ, покрывшій себя славою въ послѣднюю турецкую войну Такъ какъ это было первое сраженіе, то Поляки мечтали единственно о побѣдахъ и великихъ подвигахъ своей непобѣдимой арміи. Дверницкій сдѣлался героемъ всей націи, всѣ ви-

(*) А не 11, какъ показываютъ Поляки.

дѣли въ немъ великаго полководца, со всѣхъ сторонъ стекались къ нему волонтеры; многіе члены патріотическихъ обществъ, какъ напр. Ксаверій Брониковскій, Пулавскій, Ретель, поэтъ Гощинскій и другіе, желавшіе сперва сформировать партизанскій отрядъ, присоединились къ Дверницкому и образовали подъ командою Брониковскаго особую команду. И за границею, гдѣ принимали большое участіе въ этой борьбѣ, Дверницкій незначительною побѣдою составилъ себѣ громкую славу, которую онъ поневолѣ былъ вынужденъ поддерживать преувеличенными реляціями, до тѣхъ-поръ пока не постигла его участь, опредѣленная судьбою.

Фельдмаршалъ узналъ съ большимъ неудовольствіемъ о дѣлѣ при Сточекѣ. Онъ требовалъ, чтобы Гейсмаръ донесъ о виновникахъ неудачи. Гейсмаръ отвѣчалъ, что всѣ офицеры исполнили свой долгъ и что единственною причиною пораженія былъ паническій страхъ, объявшій солдатъ. А когда, по поводу письма его къ полк. Анрепу, въ которомъ онъ выразился, «что бѣгство всей бригады онъ приписываетъ винѣ офицеровъ,» фельдмаршалъ вторично потребовалъ поименованія виновныхъ, Гейсмаръ отвѣтилъ какъ и прежде, добавивъ, что командуя этою дивизіею только съ 23 января того года, онъ не можетъ достаточно знать офицеровъ; что два эскадрона исполнили свой долгъ и врубились въ непріятельскіе ряды, что онъ слышалъ голоса многихъ офицеровъ, останавливавшихъ бѣгущихъ, но что всѣ ихъ усилія, точно также какъ его собственныя и генер. Пашкова, были безуспѣшны и что наконецъ, нѣкоторыя рѣзкія выраженія его въ письмѣ къ Анрепу должны быть приписаны волненію его отъ происшествія, подобнаго которому ему никогда прежде не приходилось встрѣчать. Въ донесеніи Государю Дибичъ писалъ, что причиною пораженія могло быть значительное удаленіе 2-й бригады, вслѣдствіе чего 1-я бригада лишилась ея помощи, а можетъ быть также и неправильное движеніе войскъ. Этимъ объясненіемъ кончилось дѣло. Но и тутъ выказалось благородство характера Дибича. Онъ написалъ Гейсмару письмо въ самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ, ободрялъ его, завѣрялъ, что этотъ непріятный

случай не уменьшилъ уваженіе его къ военнымъ дарованіямъ Гейсмара, что онъ сохраняетъ къ нему полное довѣріе и проситъ командовать ввѣренными ему войсками съ прежнею рѣшимостію и твердостію. Безспорно, въ этомъ сраженіи всѣ невыгоды были на сторонѣ Русскихъ: они были разобщены на три части, стоявшія въ большомъ разстояніи одна отъ другой, между тѣмъ какъ ихъ противники, сосредоточенные на одномъ пунктѣ, были сильнѣе, чѣмъ всѣ ихъ три части, вмѣстѣ взятыя. Сверхъ того Русскіе были принуждены занимать весьма невыгодную позицію подъ огнемъ непріятеля и были атакованы прежде, чѣмъ успѣли развернуться.

Пріѣздъ гр. Толя въ Седльце ободрилъ расположенныя тамъ войска, и онъ донесъ фельдмаршалу отъ $^{15}/_{3}$ февр., что пораженіе Гейсмара не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. «Въ «половинѣ 7 часа», писалъ Толь, «прибылъ я сюда и всѣ рас- «поряженія Великаго Князя нашелъ совершенно сообразными «съ обстоятельствами. Гейсмаръ и Анрепъ съ своими отряда- «ми успѣли уже прибыть сюда, но какъ Великій Князь требо- «валъ движенія Гейсмара впередъ, то онъ и выступилъ снова «по направленію къ Шкуржечу. Я счелъ нужнымъ, съ соизво- «ленія Его Высочества, послать полк. Анрепа къ Гейсмару «въ помощь ему и для командованія Переяславскимъ полкомъ. «При генер. Нилларѣ, расположенномъ на шоссе, назначенъ «состоять Траскинъ, старый и опытный офицеръ генеральнаго «штаба, и потому надѣюсь, что при обоихъ авангардахъ нахо- «дятся надежные офицеры. Мой пріѣздъ успокоилъ всѣхъ; «здѣсь намѣревались покинуть Седльце и идти къ Ходову. Я «не примину доводить до свѣдѣнія вашего сіятельства обо всемъ, «могущемъ здѣсь произойти. 5-го числа я ожидаю вашихъ «приказаній и тогда прямо прибуду въ Калушинъ. Если не «ошибаюсь, то намѣреніе вашего сіятельства было не держать «болѣе 3-й резер. кавалер. корпусъ такъ далеко впереди про- «чихъ войскъ. Онъ также нуждается въ отдыхѣ.»

Гейсмаръ долженъ былъ опять двинуться къ Серочину для отысканія слѣдовъ Дверницкаго, а резервы были эшелонированы по дорогѣ отъ Седльце къ Калушину: впереди уланская брига-

да Пиллара у Поляковъ; за нею 3-я кираспрская дивизія у Ополя; 2-я гренадерской дивизія впереди Седльце, а въ самомъ городѣ и въ окресностяхъ его гвардейскій отрядъ Цесаревича Константина Павловича.

17/5 февраля было назначено для общаго наступленія. Обозъ успѣлъ присоединиться къ арміи, а продовольствіе было обезпечено новыми способами. Солдаты имѣли въ ранцахъ хлѣба на 5 дней, и еще на 5 въ обозѣ; такимъ образомъ войска были обезпечены на 10 дней. Варшава была недалеко и, казалось, все указывало на близкое рѣшеніе вопроса. Армія для движенія раздѣлилась на три колонны: въ правой генер. Розенъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ идти чрезъ Добре къ Станиславову; въ центрѣ гр. Паленъ направился отъ Лива къ Калушину, куда также долженъ былъ прибыть и гр. Толь съ резервами отъ Седльце. Было извѣстно, что дивизія Скржинецкаго стояла у Добре, а Жимирскаго у Калушина; не знали только, въ какой степени они окажутъ сопротивленіе и будутъ ли они поддержаны остальными войсками бывшими позади.

Жимирскій, оставивъ аріергардъ въ Калушинѣ, расположился позади его на высотахъ, у опушки лѣса. Онъ имѣлъ приказаніе держаться на одной высотѣ съ генер. Скржинецкимъ и сообразоваться съ нимъ въ своихъ движеніяхъ. Жимирскій имѣлъ всего 9 бат., 15 эскадр. и 28 орудій (3-й полкъ, отступивъ отъ Лива, присоединился къ Скржинецкому); изъ этого числа онъ отдѣлилъ 1 бат. и 3 эскадр., подъ командою подполк. Вольскаго, къ Зимнаводамъ для наблюденія старой дороги, ведущей отъ Станиславова на Седльце и для связи съ отрядомъ Скржинецкаго.

Около 8 ч. утра 17/5 февр., почти въ то самое время, какъ громъ выстрѣловъ раздался у Добре, гр. Толь появился у Калушина со 2-ю гренадерскою дивизіею и приказалъ генер. Фрейгангу съ 5-ю батал. и 4-мя оруд. обойти Калушинъ слѣва, дабы пресѣчь Полякамъ отступленіе на Минскъ. Жимирскій, видѣвшій съ высоты наступленіе Русскихъ и не имѣвшій намѣренія выдержать натискъ цѣлой арміи, отступилъ въ порядкѣ къ Минску, отдѣливъ сперва небольшой отрядъ изъ одного

батал. и 4 эскадр. съ 2 оруд., подъ командою подполк. Стоковскаго, на боковую дорогу, ведущую чрезъ Якубовъ и Мистово для сохраненія связи съ корпусомъ, расположеннымъ лѣвѣе. Прямо по шоссе преслѣдовалъ его Гейсмаръ, за которымъ непосредственно двигался 1-й корпусъ, вступившій уже въ Калушинъ. Лѣвѣе къ Менѣ шелъ генер. Фрейгангъ, а правѣе, по проселочной дорогѣ на Мистовъ, ген.-м. Сакенъ съ 2-мя уланскими и 1-мъ казачьимъ полкомъ, поддерживаемый 5-ю батал. гренадеръ, подъ командою генер. Чеодаева.

На правомъ флангѣ корпусу Розена пришлось преодолѣть несравненно большія препятствія, противопоставленныя какъ природою, такъ и сопротивленіемъ непріятеля. На пути къ Добре онъ долженъ былъ проходить чрезъ лѣсъ, гдѣ генер. Скржинецкій, подкрѣпленный еще тремя батал. изъ дивизіи Жимирскаго, занялъ чрезвычайно выгодную позицію. Исключивъ изъ корпуса бар. Розена: 1) 4 бат. и одинъ уланскій п., оставленные подъ командою ген.-м. Пенхержевскаго для занятія въ тылу арміи важнѣйшихъ пунктовъ Нура, Вонгрова и Седльцо; 2) литовскую бригаду, слѣдовавшую за 1-мъ корпусомъ и 3) два баталіона и два уланскихъ полка, образовавшихъ особый отрядъ на правомъ флангѣ,—такъ какъ наканунѣ вечеромъ непріятельскія войска показались на дорогѣ отъ Радзымина къ Ядову,—оказывается, что Розенъ имѣлъ во время движенія къ Добре всего 18 батал. и одинъ уланскій полкъ.

Добре, старое полуразрушенное селеніе, лежитъ на небольшой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокимъ и густымъ лѣсомъ. Съ той стороны, откуда наступали русскія войска, доступъ былъ прегражденъ болотистымъ ручьемъ Оссовницею, переходъ чрезъ который былъ возможенъ только у Маковца. Сообразно съ этимъ генер. Скржинецкій принялъ слѣдующія мѣры: по берегу Оссовницы расположилъ онъ наблюдательные посты; артиллерію раздѣлилъ на двѣ батареи, по 4 орудія въ каждой и поставилъ одну изъ нихъ на большой дорогѣ впереди Добре, а другую правѣе на возвышеніи, съ цѣлію обстрѣливать выходъ изъ лѣса перекрестнымъ огнемъ; правѣе дороги сталъ 3-й, а лѣвѣе 4-й полкъ; самъ Скржинецкій для обез-

печенія своего тыла, расположился съ 8-мъ полкомъ и ветеранами у Оссенцисненской мельницы, находящейся на затруднительной и узкой дорогѣ, по которой ему слѣдовало отступать. Всю кавалерію: 4 эскадрона съ однимъ батал. пѣхоты и 4-мя орудіями расположилъ онъ позади Добре въ резервѣ; наконецъ одинъ баталіонъ былъ выдвинутъ уступомъ впередъ въ лѣсъ, по направленію къ Маковцу (*).

Мѣстность занятая Поляками было столько же выгодна для нихъ, сколько представляла препятствій для Русскихъ, коимъ приходилось выстраиваться въ боевой порядокъ подъ огнемъ непріятеля. Не смотря однако же на то, имъ удалось овладѣть съ боя переправою у Маковца и возстановить мосты; затѣмъ нѣкоторыя части войскъ, подъ прикрытіемъ огня изъ 4-хъ орудій, успѣли развернуться при выходѣ изъ лѣса, а именно: три бат., подъ начальствомъ генер. Рейбница, образовали по правую сторону дороги правое крыло; три другіе съ уланскимъ полкомъ направились по опушкѣ влѣво и поставили на высотѣ у деревни Антоніевской 6 орудій, такимъ образомъ, что они могли анфилировать непріятельскую артиллерію, расположенную на холмѣ, что заставило ее покинуть занимаемую позицію. Удачнѣе дѣйствовали Поляки вначалѣ противъ праваго крыла, атаковавъ его съ фронта и фланга, но русскія войска, подкрѣпленныя 2-мя подошедшими свѣжими баталіонами, удержались, и послѣ 4 часоваго боя Поляки отступили, тѣмъ болѣе, что они неимѣли въ виду удерживать, во что бы ни стало, эту позицію. Отступленіе было произведено уступами, съ хладнокровіемъ и въ полномъ порядкѣ; нѣкоторое время они покушались защищать входъ въ лѣсъ позади Добре, но будучи преслѣдуемы русскими егерями, они не успѣли уничтожить мостъ у Порембы.

(*) Эта диспозиція съ возможною точностію взята изъ донесенія Скржинецкаго. Однакожъ, вслѣдствіи желанія сдѣлать ее по возможности подробною, онъ затемнилъ ее, такъ что Шпациръ вовсе не понялъ ее и говоритъ о ней въ своемъ манускриптѣ: «Въ этомъ случаѣ вполнѣ можно узнать Скржинецкаго; онъ дѣйствовалъ согласно своей системѣ, отъ которой никогда не хотѣлъ отступить. «Онъ расположилъ весь отрядъ по частямъ у всѣхъ выходовъ и эшелонами на «своемъ пути отступленія, такая диспозиція могла быть выгодною только для «удержанія авангарда на затруднительной дорогѣ.»

Такъ кончилось это сраженіе, дѣлавшее честь обѣимъ противнымъ сторонамъ. Прекрасные польскіе полки: 3-й и 4-й особенно отличились въ этомъ дѣлѣ и положили основаніе своей будущей славѣ. Однакожъ, Поляки все-таки сочли нужнымъ преувеличить свои подвиги, утверждая, что «весь корпусъ Розена, «въ составѣ 12-ти полковъ, подъ личнымъ предводительствомъ «фельдмаршала, былъ разбитъ нѣсколькими польскими баталіо-«нами.» Въ сущности же только одинъ авангардъ изъ 6 бат., усиленный впослѣдствіи еще 2 батал., участвовалъ въ сраженіи, а остальные 10 батал. корпуса Розена были растянуты позади, въ лѣсу въ походной колоннѣ и не могли принять участія въ сраженіи, да и самая мѣстность не дозволила бы дѣйствовать цѣлому корпусу; что же касается до фельдмаршала, то онъ находился въ это время при 1-мъ корпусѣ, на калушинской дорогѣ. Розенъ имѣлъ 18 батал. и одинъ полкъ уланъ, Скржинецкій 12 батал. и также одинъ полкъ уланъ, слѣдовательно разница была не велика; но Скржинецкій имѣлъ на своей сторонѣ ту выгоду, что его позиція была недоступна съ обоихъ фланговъ, а фронтъ ея прикрытъ болотистымъ ручьемъ, тогда какъ Русскіе могли наступать только по одной дорогѣ, обстрѣливаемой съ нѣсколькихъ сторонъ артиллеріею. Потеря Русскихъ заключалась: убитыми 1 офицеръ и 81 нижн. чиновъ; ранеными 15 офиц. и 658 нижн. чиновъ. По всей вѣроятности, уронъ Поляковъ былъ не многимъ менѣе, хотя они и показываютъ его всего отъ 400 до 600 человѣкъ.

Сраженія при Добре легко было избѣжать, или по-крайней-мѣрѣ сдѣлать его по послѣдствіямъ гораздо гибельнѣе для Поляковъ, если бы со стороны Русскихъ былъ посланъ значительный отрядъ, для рѣшительнаго наступленія по старой варшавской дорогѣ отъ Седльце къ Станиславову, гдѣ былъ расположенъ всего одинъ польскій баталіонъ. Въ такомъ случаѣ Скржинецкій могъ бы только поспѣшнымъ отступленіемъ избѣгнуть опасности быть отрѣзаннымъ у Станиславова; для Русскихъ ничего не могло быть легче, какъ занимая непріятеля слабыми нападеніями съ фронта, выиграть время, пока отрядъ, направленный чрезъ Зимнаводы къ Станиславову, показался бы на флангѣ

и въ тылу непріятеля. Ничего подобнаго не было исполнено, и хотя генер Муравьевъ, слѣдовавшій за 1-мъ корпусомъ съ литовскою бригадою, и получилъ приказаніе повернуть отъ Черпенли къ Зимнаводомъ, однако же ему было предписано не подвигаться далѣе этого селенія. Даже на слѣдующій день не было еще поздно исполнить подобное движеніе.

Дивизія Жимирскаго въ этотъ день, $^{17}/_{5}$ февр., была преслѣдуема съ ранняго утра до поздней ночи авангардомъ лѣваго крыла русской арміи, но искусно пользуясь всякою удобною для обороны мѣстностію, она отступила въ большомъ порядкѣ. Для удержанія натиска русскихъ войскъ, Жимирскій остановился, около 4 ч. пополудни, въ довольно удобной позиціи позади Янова. Русскіе тотчасъ развернули свою кавалерію, подъ прикрытіемъ которой генер. Фрейгангъ съ бригадою карабиперовъ ударилъ на лѣвое крыло Поляковъ, занимавшее опушку лѣса. Это побудило ихъ оставить свою позицію и продолжать отступленіе къ Минску. Съ наступленіемъ ночи русскій авангардъ, предводимый въ этотъ день генер Гейсмаромъ, остановился за Яновымъ. Колонна подполк. Стоковскаго, шедшая на Якубовъ и Мистовъ, будучи слабо преслѣдуема, достигла безъ особенныхъ потерь до селенія Цыганки. Скржинецкій же послѣ сраженія при Добре отступилъ чрезъ Станиславовъ къ Пустельнику.

На другой день русскія войска получили слѣдующую диспозицію для движенія: на правомъ флангѣ 6-й корпусъ долженъ былъ дойти до Станиславова, а авангардъ его, если можно, до Окунева; въ резервѣ за 6-мъ корпусомъ шла литовская гренадерская бригада; на лѣвомъ флангѣ 1-й корпусъ долженъ былъ занять Дембе-Велке, авангардъ его—Милосну. Въ промежуткѣ между обоими корпусами и на одной высотѣ съ ними долженъ былъ слѣдовать на Цыганку авангардъ генер. Сакена (одинъ казачій и два уланскихъ полка), поддержанный 5-ю батал. гренадеръ, подъ командою генер. Чеодаева. Остатки 2-й гренадерской дивизіи и отрядъ Великаго Князя съ главною квартирою направились къ Минску; позади всѣхъ войскъ, 3-я кирасирская дивизія шла къ Калушину. Всѣ эти распоряженія, не смотря на сопротивленіе непріятеля, были съ точностію выполнены.

Генералъ Жимирскій, усиленный кавалерійскою дивизіею Томаша Лубенскаго, намѣревался держаться въ Минскѣ, но Скржинецкій послалъ ему сказать, «что онъ отступаетъ и совѣтуетъ ему сдѣлать тоже, если онъ не желаетъ быть совершенно окруженнымъ.» Въ слѣдствіе сего, рано утромъ $^{18}/_{6}$ февр. было рѣшено отступать въ заранѣе избранную позицію при Яновекѣ, въ 6-ти верстахъ не доходя Милосны; это отступленіе было прикрыто слѣва отрядомъ подполк. Стоковскаго, шедшаго на одной высотѣ съ Жимирскимъ. Начиная отъ Стоядле Русскіе усилили настойчивость своего преслѣдованія, и имъ удалось въ этотъ день взять у Поляковъ, сражавшихся не такъ стойко какъ наканунѣ, нѣсколько плѣнныхъ и отбить одно орудіе, котораго канониры, обрѣзавъ постромки, успѣли ускакать; единственный примѣръ въ этомъ родѣ, потому что изъ всѣхъ родовъ оружія польская артиллерія до послѣдней минуты выказывала наибольшую стойкость. При этомъ случаѣ подполк. Хршановскій былъ раненъ осколкомъ гранаты. При входѣ въ Милоснинскій лѣсъ Жимирскій снова пытался удержаться и, пользуясь чрезвычайно удобною высотой, поставилъ на ней 14 орудій для обстрѣливанія дороги; кавалерію же, не могшую принести ему пользы, отправилъ назадъ къ Милоснѣ. Но и отсюда онъ былъ принужденъ отступить; къ вечеру онъ занялъ новую позицію у Яновека, въ которой расчитывалъ провести ночь, но атакованный русскимъ авангардомъ принужденъ былъ поздно вечеромъ въ безпорядкѣ отступить за Милосну и расположиться на ночлегъ среди лѣса. Русскій авангардъ занялъ Яновекъ, а позади его 1-й корпусъ дошелъ до Дембе-Велке. Фельдмаршалъ прибылъ въ Минскъ.

И на двухъ другихъ дорогахъ произошли также жаркія схватки. Нападенія при Добре и Калушинѣ разъяснили польскимъ генераламъ намѣренія Русскихъ: извѣстно было, что они наступали двумя дорогами, густымъ лѣсомъ, раздѣлявшимъ армію на двѣ части. Посему генералъ-квартирмейстеръ Прондзинскій предложилъ Хлопицкому, $^{18}/_{6}$ соединить главныя силы между Окуневымъ и Станиславовымъ, напасть на корпусъ Розена и разбить его, прежде чѣмъ другая колонна, шедшая по шоссе и

занятая войсками Жимирскаго, могла подоспѣть на помощь. Хлопицкій одобрилъ этотъ планъ. Вечеромъ и въ ночь на $^{18}/_{6}$ были приняты надлежащія мѣры. Полагали, что большая часть русской арміи находится на Станиславовской дорогѣ: во-1-хъ потому, что она представляетъ кратчайшій путь отъ Лива, и во 2-хъ потому, что Скржинецкій въ своемъ донесеніи писалъ, что «самъ фельдмаршалъ былъ противъ него;» казалось тѣмъ важнѣе было атаковать именно эту колонну, что при счастливыхъ результатахъ, соединеніе двухъ остальныхъ русскихъ колоннъ, шедшихъ на Сіероцкъ (Шаховской) и на Минскъ (Паленъ) дѣлалось невозможнымъ, и центръ русской арміи былъ бы прорванъ. Для сего Шембекъ, съ 6-ю батал. своей дивизіи, съ вольными стрѣлками и нѣсколькими эскадронами Скржинецкаго, расположился въ 1-й линіи у Пустельника и долженъ былъ при нападеніи на него Розена, утромъ $^{18}/_{6}$ отступать безъ сопротивленія. Скржинецкій, со своими 12-ю батал. и 4-мя эскадр., сталъ у Окунева. Онъ долженъ былъ, послѣ отступленія Шембека соединясь съ нимъ, непремѣнно удержать это селеніе, для чего имъ обоимъ была придана многочисленная артиллерія. Открытая мѣстность вокругъ Окунева дозволяла Розену развернуть большое число войскъ. Этого только и желали. Мюльбергъ съ 4-я батал. гвардейскихъ Гренадеръ сталъ въ Забранцѣ, а Круковецкій съ 12 батал. направился отъ Радзымина къ Турову. Эти 16 батал., образовавшіе нѣчто въ родѣ засады, должны были, какъ только завяжется сраженіе у Окунева, устремиться на путь отступленія Русскихъ и занять его. 8,000 кавалеріи съ 24 конными орудіями были сосредоточены между Ренчаіемъ и Пощвентне, съ цѣлію, выйдя на дорогу въ Станиславовъ, отрѣзать тѣ русскія войска, которыя были еще на маршѣ, и ударить въ тылъ тѣмъ, которыя сражались у Окунева. Въ случаѣ успѣха этихъ дѣйствій, русскія колонны, слѣдовавшія по пултуской и калушинской дорогамъ, были бы разобщены и можно было навѣрное надѣяться—разбить послѣднюю изъ нихъ; въ случаѣ же неудачи, тѣ польскія войска, которыя лишились бы отступленія на Прагу, могли бы свободно отойти къ Модлину.

Самъ Хлопицкій поспѣшилъ къ Пустельнику изъ Грохова, (куда была перенесена главная квартира $^{16}/_{4}$ февр.), дабы принять начальство надъ войсками Шембека. Однако Розенъ не показывался, да и не могъ показаться, потому что мы видѣли выше изъ диспозиціи, что онъ долженъ былъ дойти до Станиславова и выдвинуть только авангардъ къ Окуневу. Время отъ времени появлялись только казаки, а между тѣмъ выстрѣлы въ отрядѣ Жимирскаго слышались далеко позади праваго фланга Поляковъ. Хлопицкій, потерявъ терпѣніе, отошелъ съ войсками Шембека къ Окуневу; здѣсь цѣлый день солдаты оставались подъ ружьемъ въ ожиданіи непріятеля. Только съ наступленіемъ сумерекъ показалась изъ лѣсу головная часть русской колонны, но и то по дорогѣ отъ Цыганки. Это былъ Сакенъ, за которымъ вскорѣ появился, по станиславовской дорогѣ, авангардъ Розена, подъ начальствомъ генер. Влодска. Немедленно началась канонада, продолжавшаяся 2 часа; гранаты и конгревовы ракеты, коими стрѣляли Поляки, освѣщали горизонтъ; съ обѣихъ сторонъ было убито нѣсколько человѣкъ и наконецъ перестрѣлка утихла. Надежды Поляковъ не исполнились. Хлопицкій, узнавъ, что Жимирскій не могъ удержаться впереди Милосны, и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Варшавы, выступилъ, не теряя времени, съ дивизіями Шембека и Скржинецкаго къ Прагѣ, куда получили приказаніе стягиваться и всѣ прочія войска. Послѣ ночнаго перехода, вся польская армія къ 7 час. утра соединилась у Грохова.

Того же числа ($^{18}/_{6}$) происходило третье дѣло на промежуточной дорогѣ ведущей къ Цыганкѣ. Подполк. Вольскій, отступившій отъ Зимнаводъ на Скржинецкаго и далѣе вмѣстѣ съ нимъ къ Окуневу, былъ посланъ поутру въ этотъ день со своимъ баталіономъ и 3 эскадр. для развѣдыванія къ Цыганкѣ, на промежуточную дорогу между калушинскою и станиславовскою. Слѣдуя безъ соблюденія должныхъ предосторожностей, онъ былъ атакованъ Сакеномъ и окруженъ. Вольскій впослѣдствіи отговаривался тѣмъ, что Сакенъ, открывъ по немъ картечный огонь, атаковалъ его карабинерами и уланами. Между тѣмъ подошелъ Чеодаевъ со своею пѣхотою, почему Вольскій

*

долженъ былъ поспѣшно отступить въ лѣсъ; но горячо преслѣдуемый, настигнутый, вновь атакованный, едва успѣлъ съ большою потерею достигнуть Окунева (*). Поляки сами показываютъ свою потерю въ 189 убитыми и ранеными, и кромѣ того 100 чел. плѣнными. Этимъ объясняется, что Сакенъ ранѣе Влодека показался у Окунева и открылъ вышеупомянутую канонаду.

Промежуточная дорога, черезъ Якубовъ и Цыганку, по которой шли войска Сакена и Чеодаева, выходитъ съ одной стороны на Станиславовскую дорогу за Окуневымъ, у Гржибовской-Воли, а съ другой на шоссе за Милосной; она совершенно удобна даже для движенія артиллеріи. Когда оба вышесказанные отряда вытянулись по дорогѣ, фельдмаршалъ приказалъ имъ соблюдать величайшую осмотрительность и, обратясь къ ведшему головную часть колонны, полковнику Новомиргородскаго уланскаго п. Лахману, сказалъ: «вы понимаете всю важность этого движенія?» — «Такъ хорошо понимаю», отвѣчалъ сей достойный офицеръ, «что желалъ бы имѣть за собою вмѣсто пяти, двадцать пять баталіоновъ.» Дѣйствительно, такое число войскъ, направленное по этой дорогѣ, войдя въ промежутокъ между частями непріятельской арміи, совершенно разъединило бы ихъ; какъ Скржинецкій, такъ и Жимирскій, были бы обойдены съ фланга, и пользуясь тѣмъ временемъ пока они были заняты съ фронта, можно было ударить на одного изъ нихъ и совершенно подавить его превосходствомъ силъ. Фельдмаршалъ не воспользовался этимъ случаемъ, вѣроятно потому, что считалъ дорогу неудобопроходимою. Вообще въ первое время войны онъ пренебрегалъ незначительными успѣхами, въ надеждѣ разгромить непріятеля однимъ ударомъ.

Не смотря на неутомимое 2-хъ-дневное преслѣдованіе польской арміи, изъ него не могли извлечь большихъ результатовъ, такъ какъ оно ограничивалось двумя паралельными доро-

(*) Вольскій въ своемъ донесеніи говоритъ, что онъ прорвался чрезъ нѣсколько русскихъ пѣхотныхъ колоннъ, однакожъ онъ отошелъ назадъ чрезъ лѣсъ. А какъ русская пѣхота шла отъ Калушина, а не отъ Окунева, то онъ и не могъ чрезъ нее пробиваться.

гами, которыя обѣ представляли несравненно болѣе выгодъ для обороны чѣмъ для атаки. Поляки потеряли около 300 плѣнныхъ и до 1000 ч. убитыми и ранеными. Не многимъ менѣе былъ уронъ и со стороны Русскихъ. На пути своего отступленія Поляки опустошали рѣшительно все, дабы Русскіе не могли ничѣмъ воспользоваться, разоряли даже и то, что послѣднимъ не могло принесть никакой пользы. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ зажиточный Полякъ, служившій въ Литовскомъ корпусѣ: «Имѣніе Яново совершенно разрушено, часть его сожжена, и «уцѣлѣли одни только голыя стѣны. Мы надѣялись, что съ на«шимъ приближеніемъ польскія войска положатъ оружіе и «передадутся намъ, но вышло иначе. Я посылалъ въ М..... «Д....; насъ совершенно ограбили, только голуби летаютъ «въ необитаемыхъ стѣнахъ, но и тѣхъ скоро перестрѣляютъ. «Охранная стража, данная кн. Радзивиломъ, не принесла ника«кой пользы. Дворовые люди и крестьяне укрываются въ лѣ«сахъ; 24 стога сѣна расхищены, рогатый скотъ побитъ, од«нимъ словомъ все разграблено и опустощено; кромѣ неба и «земли ничего не видно» (*).

На слѣдующій день обѣ воюющія стороны не ожидали сраженія. Хлопицкій хотѣлъ въ этотъ день сосредоточить только всѣ свои войска въ превосходной позиціи у Грохова, гдѣ сходились всѣ дороги, почему онъ могъ, не опасаясь обхода, вступить въ рѣшительное сраженіе. Хотя онъ сомнѣвался въ послѣдствіяхъ его, но считалъ долгомъ ничѣмъ не пренебрегать для успѣха. Дибичъ также хотѣлъ сначала вывести всѣ

(*) Замѣчательное признаніе, сдѣланное двумя ревностными клубистами Адамомъ Гуровскимъ и Морицомъ Мохнацкимъ о дѣйствительномъ настроеніи страны можно найти въ Nowa Polska (№ 4). Послѣ разсказа о миролюбивомъ обхожденіи Русскихъ съ жителями, о томъ что все было пріобрѣтаемо на чистыя деньги, и что Русскіе объявили, что нехотятъ воевать съ народомъ, но только съ мятежниками, они прибавляютъ: «Мѣстности, по которымъ проходили наши вой«ска, представляли печальный видъ; тщетно солдаты распѣвали старинныя пѣс«ни, ни гдѣ не находили онѣ отголоска, ни гдѣ солдаты не встрѣчали радушна«го пріема. Это не походитъ на народную войну! Жители не встрѣчаютъ насъ «и не дерутся съ непріятелемъ; насъ 4-е милліона, а сколько изъ нихъ взялось «за оружіе? толпа вооруженныхъ крестьянъ и 12 кавалер. полковъ, — вотъ и «все. Только повсемѣстное возстаніе массъ можетъ спасти насъ.»

свои силы изъ густыхъ милоснинскихъ и окуневскихъ лѣсовъ, а потомъ уже вступить въ борьбу съ инсургентами за обладаніе Варшавою и всѣмъ Царствомъ. Но судьба хотѣла иначе.

Распоряженія обоихъ полководцевъ всего лучше выказываютъ ихъ намѣренія. Хлопицкій перевелъ въ ночь дивизіи Шембека и Скржинецкаго отъ Окунева въ заранѣе избранную позицію при Гроховѣ. Круковецкій тоже долженъ былъ прибыть туда отъ Турова; недоставало только Жимирскаго, отступившаго отъ Милосны, съ цѣлью также идти къ Грохову, такъ какъ было извѣстно, что онъ преслѣдуемъ русскимъ авангардомъ, то на выручку ему былъ посланъ Шембекъ съ своею дивизіею. Изъ этого незначительнаго обстоятельства должна была произойти битва. Съ своей стороны Дибичъ не помышлялъ въ этотъ день о сраженіи. Въ его диспозиціи по войскамъ предписывалось только: авангарду 1-го корпуса дойти до Выгоды, а самый корпусъ размѣстить позади эшелонами до Милосны; авангардъ 6-го корпуса изъ Окунева также долженъ былъ выйдти на одну высоту съ Выгодой, а самый корпусъ стать эшелонами до Гржибовской-Воли. 2-я гренад. дивизія получила приказаніе остановиться близъ Милосны, гдѣ Чеодаевъ, прибывшій со своимъ отрядомъ, отъ Скроды, вновь присоединился къ ней. Сакенъ долженъ былъ присоединиться къ Палену, гвардія—направиться къ Дембе-Велке, кирасиры—къ Минску; наконецъ Гейсмаръ съ одною бригадою своей дивизіи былъ посланъ въ Карчевъ, гдѣ ему предписано было заготовить средства для переправы, узнать крѣпость льда и отрядить партіи на лѣвый берегъ. Если бы Дибичъ имѣлъ въ виду дать сраженіе, то не оставилъ бы свои резервы позади, въ разстояніи большаго перехода. Но дѣло въ томъ, что обѣ стороны помышляли въ этотъ день только о сосредоточеніи своихъ силъ.

$^{19}/_{7}$ февр. съ разсвѣтомъ авангардъ 1-го корпуса, состоявшій изъ 1-го и 2-го егерскихъ, одного гусарскаго и одного уланскаго полковъ съ 16 оруд., подъ командою ген.-лейт. Лопухина, продолжалъ наступленіе, безпрепятственно миновалъ Милосну и во все время движенія чрезъ лѣсъ, окружающій

1-й корпусъ.

2-я дивизія.

a. 3-й морской п.
b. 4-й » » (1 бат.)
c. 1-й егерскій »
d. 2-й » »

2-я дивизія.

e. Пр. Вильгельма п.
f. » Карла »
g. Ревельскій »
h. Эстляндскій »
i. 3-й егерскій »
j. 4-й » « (1 бат.)

3-я дивизія.

k. Староингерманландскій п.
l. Новоингерманландскій »
m. Кутузовскій (1 бат.)
n. Великолуцкій »
o. 5-й егерскій »

1-й гусарской дивизіи.

p. Сумскій п.
q. Ольвіопольскій »
r. Клястицкій »(2 дивиз.)

3-й уланской дивизіи.

s. Новоархангельскій п.
t. Елисаветградскій »

2-й конно-егерской дивизіи

u. Переяславскій п. (2 дивиз.)
v. Короля Виртембергскаго. (2дивиз.)
w. Саперы.

Войска корпуса Розена означены нумерами полковъ.

A. Первоначальное расположеніе польской арміи.

B. Приближеніе Русскихъ.

C. Первое наступленіе русскихъ егерскихъ полковъ.

D. Наступленіе Поляковъ.

E. 1-й и 2-й егерскіе полки подаются назадъ; 5-й п. держится нашоссе; колонна Палена начинаетъ развертываться.

F. Колонна Палена развернувшись оттѣсняетъ Поляковъ.

G. Столкновеніе кавалерій обѣихъ сторонъ. Войска Палена, къ коимъ присоединяются и войска 6-го корпуса, продолжаютъ наступленіе.

H. Дабы остановить ихъ наступленіе, Круковецкій устремляетъ 5-й полкъ въ лѣсъ противъ праваго фланга Розена.

K. Вытѣснивъ 5-й полкъ изъ лѣсу, Розенъ посылаетъ 2 уланскихъ и баталіонъ Житомирскаго полка къ Кавенчину, кои оттѣсняютъ находящуюся тамъ польскую кавалерію (Калищевъ).

L. Послѣднее расположеніе Поляковъ.

M. Послѣднее расположеніе Русскихъ.

Поляки.
Польская кавалерія

Русскіе.

Корпусъ Палена.
» Розена

шоссе, ни гдѣ не встрѣтилъ непріятеля. Но это была тишина предъ бурею, которая разразилась вскорѣ съ ужасающею силой. Шоссе изъ Милосны, на протяженіи 4-хъ верстъ проходитъ среди густаго лѣса; на пятой верстѣ лѣсъ оканчивается, и мѣстность представляетъ обширную равнину, на которой рытвины, кустарники, песчаные бугры, отдѣльные дома, села, перемѣшаны между собою въ живописномъ безпорядкѣ; вдали виднѣется бѣдное предмѣстье–Прага съ обширными укрѣпленіями се окружающими, а надъ всѣмъ этимъ высоко воздымаются башни, колокольни и великолѣпные дворцы столицы Царства Польскаго. Тамъ была цѣль всѣхъ усилій. Въ разстояніи одной версты отъ выхода изъ лѣса, по правую сторону шоссе находится трактиръ Вавръ (*), состоящій изъ двухъ небольшихъ деревянныхъ строеній; еще на одну версту далѣе лежитъ домъ Гославской колоніи, и на 4-й верстѣ начинаются строенія большаго и малаго Грохова—красиваго селенія, которое тянется по обѣ стороны дороги почти на двѣ версты; разстояніе отъ дальняго края Грохова до Праги составляетъ 3 версты. Таковъ былъ легкій, повидимому, путь, по которому надлежало пройти русскимъ войскамъ для того, чтобы достигнуть цѣли, но весь этотъ путь былъ совершенно усѣянъ густыми массами польскихъ войскъ.

Какъ только генер. Жимирскій, отступая отъ Милосны, перешелъ чрезъ лѣсъ позади ее, то съ перваго взгляда онъ тотчасъ же оцѣнилъ всѣ выгоды этой мѣстности, дозволявшей обстрѣливать непріятеля сосредоточеннымъ огнемъ при дебушированіи его изъ лѣса. По этому, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, онъ немедленно занялъ позицію впереди Вавра (**). Вслѣдъ за симъ прибыла дивизія Шембека на смѣну Жимирскому; но въ то самое время, когда послѣдній хотѣлъ уже отойти со своими войсками, появилась головная часть русской колонны и завязался жаркій артиллерійскій огонь. Такимъ об-

(*) См. планъ сраженія при Варвѣ.

(**) «Оцѣнивъ всю важность Вавpской позиціи, занялъ я ее въ ожиданіи паденія или дальнѣйшихъ приказаній» *Рапортъ Жимирскаго*.

разомъ Жимирскій былъ завлеченъ въ битву. Онъ сталъ по обѣ стороны дороги, имѣя 6 батал. по лѣвую и 3 батал. по правую ея сторону; къ симъ послѣднимъ примкнули еще правѣе 10 батал. Шембека, сначала гренадеры, а потомъ оба егерскіе полка (1-й и 3-й); баталіонъ стрѣлковъ Кушеля разсыпался въ кустарникахъ. Лубенскій развернулъ свою кавалерійскую дивизію вправо на полянѣ, поросшей мелкимъ кустарникомъ; только гвардейскій Конно-Егерскій полкъ сталъ лѣвѣе позади Шембека; многочисленная артиллерія (*) (болѣе 40 орудій) была поставлена предъ фронтомъ позиціи для обстрѣливанія выхода изъ лѣсу. Голова русской колонны внезапно была осыпана всевозможными снарядами. Оба егерскіе полка смѣло выстроились по обѣимъ сторонамъ шоссе, на которое было взвезено 2 батарейныхъ орудія; кавалерія, по мѣрѣ выхода изъ лѣса, развернулась лѣвѣе егерей, артиллерія выдвинулась впередъ, и сраженіе началось. Было около 10 ч. утра. Силы Поляковъ на этомъ пунктѣ на столько превышали силы Русскихъ, что своими густыми колоннами они совершенно охватывали оба фланга послѣднихъ, хотя и къ нимъ подошелъ еще 5 егерскій п. немедленно выдвинутый въ промежутокъ между двумя другими. Не смотря на храброе сопротивленіе, оба егерскіе полка, составленные почти исключительно изъ молодыхъ солдатъ, понесли отъ непріятельскаго огня чувствительную потерю; въ короткое время начальствовавшій ими ген. м. Офросимовъ и 3 штабъ-офицера выбыли изъ строя.

Эта неожиданная канонада изумила обоихъ главнокомандующихъ. Хлопицкій совершенно покойно расположился со своимъ штабомъ въ крайнемъ домѣ Гроховскаго селенія, полуразрушеннаго польскими войсками для бивуаковъ, какъ вдругъ частые выстрѣлы изъ орудій встревожили его. Онъ выбѣжалъ изъ дому, вскочилъ на лошадь и, въ сопровожденіи только одного адъютанта и министра иностранныхъ дѣлъ Густава Малаховскаго, поскакалъ къ Вавру, гдѣ густыя облака дыму указывали мѣсто битвы. Хлопицкій быстро сообразилъ положеніе

(*) 3 батареи дивизіи Жимирскаго и 2 батареи дивизіи Шембека.

дѣла и понялъ, что необходимо употребить всѣ усилія, чтобы не дозволить Русскимъ выйти изъ лѣсу; для сего онъ приказалъ генер. Шембеку немедленно атаковать и отбросить въ лѣсъ головную часть ихъ колонны, а для предупрежденія обхода по окуневской дорогѣ, выходящей на шоссе у Грохова, онъ послалъ дивизію Круковецкаго къ Выгодѣ, лежащей на одной высотѣ съ Вавромъ, приказавъ ему занять этотъ пунктъ соединенія обѣихъ окуневскихъ дорогъ; во 2-й линіи за Круковецкимъ, но еще болѣе влѣво, расположилась дивизія Скржинецкаго, который занялъ 4-мъ полкомъ находящуюся тамъ небольшую ольховую рощу. Вся кавалерія, за исключеніемъ дивизіи Лубенскаго, была оставлена въ резервѣ за Гроховымъ, гдѣ она и развернулась на открытой равнинѣ, лежащей влѣво отъ шессе.

Такимъ образомъ, казалось, что случайная авангардная стычка должна будетъ повести къ генеральному сраженію. Шембекъ смѣло двинулъ впередъ всю свою линію. Русскіе егерскіе полки, тѣснимые непріятелемъ, обошедшимъ ихъ съ праваго фланга густыми массами пѣхоты, а съ лѣваго пѣхотою и кавалеріею, и недовольно сильные, чтобы устоять противъ такой атаки, подались назадъ къ лѣсу. Здѣсь 5-й егерскій п., подкрѣпленный конною батареею полк. Паскевича (брата фельдмаршала) оказалъ чудеса храбрости; обойденный съ обоихъ флангов, геройски держался онъ въ своей позиціи на шоссе, и тѣмъ далъ время, войскамъ, оставшимся позади, выйти изъ дефиле.

Съ другой стороны, русскій фельдмаршалъ, выѣхавшій рано утромъ вмѣстѣ съ гр. Толемъ изъ Минска въ дрожкахъ, запряженныхъ четверкою лошадей, былъ встревоженъ сильною пальбою раздавшеюся со стороны Милосны, ибо онъ зналъ о близости всей непріятельской арміи. Онъ тотчасъ послалъ Толя впередъ, для разузнанія на мѣстѣ хода дѣла и для первоначальныхъ необходимыхъ распоряженій. Генералы Нейдгардтъ и Сухозанетъ отправились еще прежде; послѣдній получилъ приказаніе избрать удобную для артиллеріи позицію и сосредоточить на ней достаточное число орудій. Толь поскакалъ на звукъ выстрѣловъ, приказалъ войскамъ, встрѣчавшимся на пути, уско-

рить движеніе и прибылъ на поле битвы въ тотъ самый моментъ, когда непріятель стремительною атакою отбросилъ авангардъ къ лѣсу. Окинувъ опытнымъ взглядомъ сражающихся, Толь тотчасъ же понялъ и оцѣнилъ весь ходъ дѣла. Поляки занимали чрезвычайно выгодную позицію: они имѣли въ своихъ рукахъ выходы обоихъ длинныхъ дефиле изъ Милосны и Окунева и осыпали ихъ выстрѣлами многочисленной артиллеріи, стоявшей предъ лѣсомъ и защищаемой пѣхотными колоннами, расположенными позади на полянѣ. Русскіе наступали двумя колоннами, раздѣленными между собою лѣсомъ: первою задачею естественно, должно было быть возстановленіе сообщенія между Паленомъ и Розеномъ, чему именно Поляки и хотѣли воспрепятствовать, направляя свои главныя усилія на правый флангъ корпуса Палена. Толь понялъ всю необходимость уничтожить эти попытки и въ свою очередь отбросить непріятеля влѣво къ болотамъ.

Гр. Паленъ, слѣдовавшій съ остальными войсками своего корпуса въ нѣкоторомъ разстояніи за авангардомъ, (имѣя впереди 3-ю дивизію), видя отступленіе обоихъ фланговъ своего авангарда, тотчасъ подкрѣпилъ правый флангъ бывшими у него подъ рукою 5-ью баталіонами Новоингерманландскаго, Кутузовскаго (1 бат) и Великолуцкаго полковъ, а въ резервъ имъ назначилъ 5 другихъ батал. Староингерманландскаго, 3-го и 4-го (1 бат.) морскихъ полковъ; лѣвый флангъ былъ усиленъ всею кавалеріею авангарда. Гр. Толь, увлеченный личною храбростью, сталъ впереди войскъ, направленныхъ для подкрѣпленій праваго фланга, и повелъ ихъ въ атаку. Въ эту минуту генер. Сухозанетъ былъ раненъ картечью въ ногу, и его понесли съ поля сраженія. Замѣтивъ Толя, Сухозанетъ закричалъ ему: «не ходите далѣе, Карлъ Ѳедоровичъ, тамъ настоящій адъ!» но эти слова еще болѣе подстрекнули неустрашимаго Толя. Наступленіе русскихъ войскъ вначалѣ имѣло счастливыя послѣдствія: лѣвый флангъ Поляковъ былъ отброшенъ на свои батареи къ Вавру, а правый, угрожаемый русскою кавалеріею, не выждалъ удара въ штыки 2-го егерскаго полка. Но когда Поляки, на близкомъ разстояніи, осыпали картечью русскія колонны и вы-

двинули впередъ пѣхоту 2-й линіи, то правый флангъ Русскихъ былъ вновь принужденъ отступить къ лѣсу; а на лѣвомъ флангѣ 2-й егерскій п., при самомъ началѣ дѣла ослабленный огромною потерею людей, былъ опрокинутъ, при чемъ знамя 2-го баталіона, послѣ страшной рукопашной схватки, въ которой погибло множество офицеровъ и солдатъ, было отбито 2-мъ польскимъ егерскимъ полкомъ. Въ эту рѣшительную минуту 5-й егерскій п. и конная батарея храбраго полк. Паскевича, еще разъ выказали себя въ блестящемъ свѣтѣ: непоколебимо сохраняя свою позицію, они удерживали непріятеля наступавшаго съ фронта, между тѣмъ какъ застрѣльщики съ 4-мя оруд., расположившись параллельно дорогѣ, прикрывали правый флангъ отъ обходящихъ войскъ. Въ этомъ геройскомъ дѣлѣ они были ободряемы присутствіемъ начальника штаба 1-го корпуса кн. Горчакова и артиллеріи генер. Перрена, распорядительность коихъ много способствовала успѣху. Кн. Горчаковъ выказывалъ тогда уже неустрашимость и предпріимчивость, благодаря которымъ онъ пріобрѣлъ въ русской арміи такую громкую репутацію.

По выбытіи генер Сухозанета, генер. Нейдгардтъ избралъ на лѣвомъ флангѣ возвышенность, на которую тотчасъ было взвезено 6-ть орудій. Фельдмаршалъ, прибывшій въ это время, остановился у подошвы этой возвышенности, съ которой была видна равнина, гдѣ кипѣла ужасная битва. Спокойно всходилъ онъ на пригорокъ и обратно внизъ, разговаривалъ съ окружающими его генералами и отдавалъ приказанія. Отступающій правый флангъ Палена, онъ приказалъ вновь подкрѣпить двумя батал. Эстляндскаго п., а на лѣвомъ совершенно ослабленный 2-й егерскій п. смѣнить 3-мъ морскимъ; когда же онъ замѣтилъ, что польскіе стрѣлки намѣревались атаковать высоту, на которой находился онъ самъ и орудія, поставленныя Нейдгардтомъ, тогда немедленно выслалъ противъ нихъ свой собственный конвой (саперный батал. и полуэск. Лубенскихъ гусаръ), который опрокинулъ непріятеля.

Съ этой минуты сраженіе принимаетъ другой оборотъ. Все устремляется впередъ. Гр. Толь, съ правымъ крыломъ, усилен-

нымъ подкрѣпленіями, отбиваетъ нападеніе и гонитъ обратно непріятельскія колонны; а на лѣвомъ флангѣ между кавалеріею обѣихъ сторонъ завязывается упорнѣйшій бой. Нѣсколько разъ цѣлыя массы кавалеріи сталкивались между собою: всадники неслись, опрокидывали, преслѣдовали и въ свою очередь были опрокидываемы; два искусныхъ предводителя были здѣсь противупоставлены одинъ другому: бар. Сакенъ и гр. Томашъ Лубенскій, оба образовавшіеся въ школѣ французскихъ войнъ, хотя въ рядахъ противныхъ армій; оба имѣвшіе въ своемъ распоряженіи почти одинаковыя силы (*); оба обладавшіе твердостью, хладнокровіемъ и стойкостью. Гр. Лубенскій, врагъ всякихъ революціонныхъ смутъ, неохотно подчинившійся обстоятельствамъ, съ грустью и соболѣзнованіемъ взиралъ на эту борьбу: «къ чему все это кровопролитіе?», невольно воскликнулъ онъ, «тѣ, которые задумали это сумазбродство, должны были бы одни отвѣчать за его послѣдствія.» Но какъ ни мало онъ былъ расположенъ къ дѣлу, за которое сражался, тѣмъ не менѣе строго исполнялъ обязанность начальника. Часть польской кавалеріи (гвардейскіе Конно-Егеря), поддержанная пѣхотою, атаковала, стоявшіе правѣе гусаръ, два конно-егерскихъ полка, тѣ самые, которые выказали такъ мало стойкости при Сточекѣ. Здѣсь, въ глазахъ фельдмаршала, имъ представился случай смыть съ себя пятно. Ген.-м. Пашковъ, ставъ передъ Виртембергскимъ полкомъ нѣсколькими словами одушевилъ людей и ринулся на непріятельскую кавалерію, въ то самое время какъ полк. Сафоновъ, съ однимъ баталіономъ 3-го морскаго п., двинулся на пѣхоту. Самъ Хлопицкій, находившійся вблизи, приказалъ 2-му бат. гвардейскихъ Гренадеръ ударить въ штыки; баталіонъ бросился впередъ, но устрашенный грозною неподвижностью противниковъ, остановился въ разстояніи ста шаговъ отъ нихъ. Разгнѣванный этимъ Хлопицкій хотѣлъ лично указать имъ путь и поскакалъ впередъ; адъютанты бросились къ нему, дабы прикрыть его особу; въ свою очередь русскій ба-

(*) Генер. Сакенъ имѣлъ одну уланскую и одну гусарскую бригады, всего 4 полка; столько же полковъ имѣлъ Лубенскій въ своей дивизіи. Но каждый русскій полкъ былъ двумя эскадронами сильнѣе польскаго.

таліонъ даетъ залпъ, и всѣ всадники теряютъ своихъ лошадей. Въ это мгновеніе Пашковъ съ Виртембергскимъ полкомъ, опрокинувъ непріятельскую кавалерію, бросился на польскій гренадерскій баталіонъ, загналъ его въ болото, частію истребилъ, а частію взялъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ его командиромъ, подполк. Киверскимъ.

Фельдмаршалъ, дѣлавшій лично всѣ сіи распоряженія, былъ чрезвычайно доволенъ. Оба главнокомандующіе стояли здѣсь другъ противъ друга, сами того не подозрѣвая; съ одной стороны Хлопицкій, съ повелительною осанкою, гордый, вспыльчивый, гнѣвный, ищущій смерти, которая щадила его. Съ другой—русскій полководецъ, ласковый, но твердый, спокойно взиравшій на битву, предупреждавшій всѣ ея случайности, увѣренный въ себѣ и въ несомнѣнности своей побѣды. Однакожъ, не безъ нѣкотораго безпокойства освѣдомлялся онъ не появился ли Розенъ на флангѣ непріятеля; неприбытіе этого генерала удивляло его: по диспозиціи его авангардъ долженъ былъ находиться на одной высотѣ съ авангардомъ Палена; было уже около 12 час., а о немъ не было слуху. Но это легко было объяснить: Влодекъ долженъ былъ сдѣлать отъ Окунева до Праги 16 верстъ; Лопухинъ же отъ Милосны только 12–ть; Лопухинъ шелъ по прекрасному шоссе; а Влодекъ по проселкамъ, чрезъ лѣса и болота; отъ этого и произошло, что Лопухинъ завязалъ битву въ 10 ч. утра, а Влодекъ показался только въ 12-ть; самъ же Розенъ, которому предстояло со своимъ корпусомъ пройдти длинный путь отъ Станиславова, прибылъ въ часъ пополудни. Дивизія Круковецкаго съ 1-мъ конно-егерскимъ п., стояла уже въ готовности встрѣтить его; прочіе три полка кавалерійской дивизіи Янковскаго находились у Гродзиска, для охраненія съ этой стороны лѣваго фланга арміи. Круковецкій, желая замедлить наступленіе Розена, выслалъ полубатарею Канарскаго со стрѣлками на встрѣчу его въ лѣсъ, при входѣ въ который расположилась бригада Гелгуда съ полутора батареею; 1-я бригада Малаховскаго, съ двумя батареями и 1-мъ конно-егерскимъ п., стала въ резервѣ, правѣе дороги, у Выгоды.

Корпусъ Розена приближался отъ Окунева двумя колоннами: главная (15 бат. пѣхоты и Волынскій уланскій п.) двигалась по окуневской дорогѣ, имѣя въ авангардѣ 4-е егерскіе бат. и Литовскій уланскій п., подъ начальствомъ генер. Влодека, а въ аръергардѣ Самогитскій гренадерскій полкъ. Другая же колонна, правая, состоявшая изъ Польскаго уланскаго полка и 4 батал. литовскихъ гренадеръ (Луцкій и Несвижскій п.), слѣдовала по дорогѣ изъ Калина на Кавенчинъ.

Авангардъ главной колонны, пройдя въ 12 часу Гржибовскую-Волю, ударилъ на высланныхъ Круковецкимъ стрѣлковъ и полубатарею Канарскаго и оттѣснилъ ихъ изъ лѣса, при выходѣ изъ котораго генер. Влодекъ остановился и завязалъ жаркую канонаду съ дивизіею Круковецкаго. Обезпокоенный канонадою и сгарая желаніемъ принять участіе въ битвѣ, Розенъ ускорилъ движеніе, и около часу показался съ головными полками своей колонны, кои онъ поставилъ правѣе авангарда по обѣ стороны окуневской дороги, стараясь открыть сообщеніе съ 1-мъ корпусомъ. Для сего были употреблены три передовыхъ егерскихъ батал. и Литовскій уланскій п., коимъ удалось это исполнить послѣ упорной битвы. Дабы отвлечь вниманіе Розена въ противоположную сторону, Круковецкій послалъ 5-й полкъ для занятія высоты, лежащей на правомъ флангѣ Розена. Этотъ полкъ долго удерживался съ большимъ мужествомъ въ лѣсу, и только послѣ упорнаго боя былъ отброшенъ назадъ. Тогда Круковецкій смѣнилъ бригаду первой линіи другою бригадою и уперся правымъ флангомъ въ шоссе, на которое взвезъ нѣсколько орудій. Но Русскіе уже на всѣхъ пунктахъ перешли въ наступленіе. Войска Жимирскаго и Шембека были приведены въ безпорядокъ и вынуждены отступить. Хлопицкій удалился въ домъ Гославской колоніи, гдѣ нашелъ Жимирскаго съ его штабомъ. Здѣсь возникло несогласіе: Жимирскій не хотѣлъ исполнять приказаній Хлопицкаго и едва спасся отъ ярости адъютантовъ сего послѣдняго, хотѣвшихъ застрѣлить его. Настала критическая минута: если бы пѣхота Шембека была опрокинута за Вавръ, то Лубенскій съ своею кавалеріею долженъ былъ неминуемо погибнуть; окруженному со

всѣхъ сторонъ болотами, ему оставалась для отступленія одна узенькая дорожка, выходящая на шоссе у Вавра. Хлопицкій посылаетъ къ нему адъютанта съ приказаніемъ отступить. Увлеченный битвою Лубенскій остается, и только по прибытіи къ нему Густава Малаховскаго дѣлаетъ необходимыя распоряженія. Пѣхота Шембека была уже въ это время оттѣснена къ Вавру, и кавалерія въ большомъ замѣшательствѣ едва успѣла пройти сквозь нее.

Корпусъ Палена подавался все болѣе и болѣе впередъ; уже лѣсъ съ своимъ выходомъ, купленнымъ цѣною столькихъ потерь, оставался позади его; наконецъ онъ достигаетъ Вавра и проходитъ его насквозь; Поляки ни гдѣ не могутъ выдержать натиска. Пока Паленъ съ одной стороны достигъ до рытвины, перерѣзывающей шоссе у Гославской колоніи, Розенъ на окуневской дорогѣ опрокинулъ Круковецкаго и занялъ Выгоду. Высоты отъ Домбровой горы до Вавра покрылись штыками и орудіями, и огонь распространился по всей линіи до Кавенчина. Однакожъ, до-тѣхъ-поръ, пока небольшая ольховая роща оставалась въ рукахъ Поляковъ, Розенъ не могъ миновать Выгоду, не подвергаясь опасности быть атакованнымъ во флангъ. Слабыя попытки для овладѣнія рощею были отбиты, и сраженіе перешло въ канонаду, причемъ русская артиллерія, выгодно поставленная на лѣсистой высотѣ, скоро начала одерживать верхъ. Шембекъ и Жимирскій были вынуждены отступить до Грохова, гдѣ они стараются привести въ порядокъ свои разстроенныя войска; Круковецкій также отступилъ къ Грохову, покинувъ ольховую рощу, удерживаемую еще Скржинецкимъ. Чтобы лучше обезпечить свой лѣвый флангъ, послѣдній занялъ стрѣлками деревню Кавенчинъ, а позади ея поставилъ кавалерійскій полкъ (Калишскій). Высланные противъ нихъ генер. Розеномъ два полка улановъ и одинъ баталіонъ егерей овладѣли деревнею, при чемъ Калишскій полкъ, котораго путь отступленія проходилъ по ветхому мосту, чрезъ болотистый оврагъ, былъ почти совершенно уничтоженъ; спаслись только 150 чел. Скржинецкій самъ едва успѣлъ уйти; соскочивъ съ лошади онъ бросился въ ровъ, откуда онъ былъ свидѣтелемъ уничтоженія Калишскаго полка. Это было послѣднимъ актомъ сраженія. Было около

4-хъ час. по полудни и начало смеркаться. Фельдмаршалъ разослалъ адъютантовъ съ приказаніемъ прекратить битву. Высота между Вавромъ и Выгодою, до которой по диспозиціи войска должны были достигнуть, была взята съ боя; казалось, не было никакой пользы продолжать сраженіе, такъ какъ наступалъ уже вечеръ, а еще большая половина арміи находилась позади. Къ тому же войска шли форсированнымъ маршемъ, дабы поспѣшить на поле битвы, почему они и были крайне изнурены. Наконецъ, собственно говоря, никто не расчитывалъ на сраженіе въ этотъ день, и оно произошло само собою. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, корпусные командиры получили приказаніе прекратить битву.

Нѣкоторые порицали фельдмаршала, утверждая что самое трудное заключалось въ томъ, чтобы выбить Поляковъ изъ ихъ первой выгодной позиціи, но какъ скоро это было достигнуто, то уже не представлялось большихъ затрудненій для выбитія ихъ и изъ второй позиціи, тѣмъ болѣе что силы ихъ были истощены, между тѣмъ какъ Русскіе могли противопоставить имъ свѣжія войска, постоянно прибывавшія. Однакожъ, прежде нежели произнести оканчательное сужденіе необходимо принять въ соображеніе, что день уже склонялся къ вечеру, что Поляки не понесли рѣшительнаго пораженія: дивизіи Скржинецкаго и Жимирскаго и большая часть кавалеріи были весьма мало разстроены. Всѣ эти войска были въ состояніи упорно защищать какъ ольховую рощу, такъ и всѣ позади ея лежащія позиціи, и слѣдовательно, если бы фельдмаршалъ рѣшился продолжать сраженіе, то тѣмъ самымъ онъ рисковалъ бы потерять и то, что было выиграно въ этотъ день. Если съ одной стороны общія правила военнаго искуства предписывали воспользоваться одержаннымъ успѣхомъ, то съ другой стороны, благоразуміе заставляло не мѣнять извѣстнаго на неизвѣстное.

Передовыя войска Палена остановились за оврагомъ у Гославской колоніи; весь же корпусъ сталъ позади, у Вавра. Авангардъ Розена остался у Выгоды, а корпусъ его на высотахъ передъ лѣсомъ противъ ольховой рощи, гдѣ еще до 5 час. продолжалась перестрѣлка.

Правая колонна корпуса Розена слѣдовала по каленской дорогѣ, не встрѣтила непріятеля и вечеромъ соединилась съ главною колонною у Выгоды.

Послѣ шума сраженія настала глубокая тишина; пылающіе бивуачные огни тускло освѣщали окрестности; скоро и они угасли; глубокій мракъ и тишина воцарились на полѣ, гдѣ еще такъ недавно раздавался гулъ битвы и гдѣ всѣ человѣческія страсти, въ ихъ высшемъ напряженіи, боролись между собою.

Таковы были слѣдствія этой случайной битвы, начавшейся при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ для Русскихъ, выдержанной ими съ необыкновенною стойкостью и упорствомъ и окончившейся полнымъ для нихъ успѣхомъ. Въ началѣ все было противъ нихъ: они должны были развертываться при выходѣ изъ узкаго дефиле, подъ жесточайшимъ огнемъ непріятеля, и могли только исподоволь, по мѣрѣ прибытія полковъ, вводить ихъ въ дѣло. Къ тому же перевѣсъ въ силахъ долгое время былъ на сторонѣ Поляковъ, потомъ уравновѣсился и только подъ конецъ перешелъ на сторону Русскихъ.

Поляки, по обыкновенію своему, утверждали, что ихъ двѣ дивизіи должны были противустоять всей 100 тысячной русской арміи. Простое изложеніе фактовъ легко опровергаетъ это показаніе. Со стороны Русскихъ, въ сраженіи принималъ участіе одинъ корпусъ Палена, заключавшій въ себѣ, за отдѣленіемъ отрядовъ, 27 баталіоновъ (*). Корпусъ Розена подошелъ въ продолженіи и въ концѣ битвы, и только его авангардъ и артиллерія участвовали въ сраженіи. Розенъ былъ удерживаемъ дивизіями Круковецкаго и Скржинецкаго, и потому Паленъ одинъ имѣлъ дѣло съ 20 батал. Шембека и Жимирскаго. Но эти свѣжіе, комплектные 20 батал. вѣроятно не были слабѣе 27 батал. Палена, ослабленныхъ долгими форсированными маршами, а потому имѣвшихъ всего отъ 18 до 20

(*) Изъ 36 бат. сего корпуса, 2 бат. (6-й егерскій п.) оставлены въ Минскѣ (литовскомъ); 1 бат. (4-го егерскаго п.) въ Ломжѣ, 4 батал. (1 и 2 морскіе п.), у генерала Мандерштерна; 1 бат. (Кутузовскаго п.) въ Калушинѣ. 1 бат. (4 морскаго п.) въ Мазовецкомъ Минскѣ.

тысячъ. Бо́льшая половина арміи, а именно: гвардейскій отрядъ Великаго Князя, 2-я гренад. дивизія, литовскіе гренадеры, 3-й кавалер. корпусъ (не говоря уже о корпусѣ кн. Шаховскаго) даже не присутствовали во время сраженія и были въ слѣдованіи по различнымъ дорогамъ. Потеря Русскихъ простиралась до 3,700 чел. (*) Не менѣе была потеря и со стороны Поляковъ; въ началѣ она была значительнѣе у Русскихъ, строившихся подъ огнемъ непріятеля, но за то въ концѣ Поляки понесли бо́льшую потерю, отступая подъ перекрестнымъ огнемъ русской артиллеріи.

19/7 февраля былъ прекрасный, тихій и ясный зимній день; ярко блистали снѣжныя поля, въ то время, когда противники съ необыкновенною яростію и ожесточеніемъ истребляли другъ друга. Не одинъ разъ, какъ Русскіе, такъ и Поляки бросались въ штыки; ряды перемѣшивались между собою; въ неистовыхъ схваткахъ дрались ружьями и прикладами. Кавалерія обѣихъ сторонъ также неоднократно смѣшивалась одна съ другою; всадники неслись, опрокидывали, въ свою очередь были опрокидываемы, пока свѣжія войска не выручали ихъ. Съ обѣихъ сторонъ дрались храбрые, испытанные и хорошо обученные военному дѣлу солдаты. Поляки, кромѣ мѣстности, имѣли на своей сторонѣ преимущество возбуждаемаго всѣми мѣрами энтузіама; они сражались въ виду своей столицы и знали, что взоры всей Европы устремлены на нихъ; сколько разъ они кричали по всему свѣту и хвастались, что объ ихъ храбрость сокрушатся всѣ усилія Русскихъ! Предводители ихъ говорили имъ, что если они не побѣдятъ, то ихъ отечество исчезнетъ изъ ряда государствъ, а имя Поляковъ изъ числа народовъ. Они знали какъ велика была ставка начатой игры и чувствовали себя въ силахъ пожертвовать всѣмъ, чтобы выиграть. Со сторо-

(*) По точнымъ свѣдѣніямъ изъ ежедневныхъ рапортовъ, представляемыхъ въ главный штабъ, оказывается: въ корпусѣ Палена, убитыми 6 офицеровъ и 300 нижн. чиновъ; ранеными 63 офиц и 1435 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшими 2 офиц. и 817 нижн. чиновъ. Въ корпусѣ Розена: 121 убитыми и 889 ранеными; всего 517 убитыхъ, 2,387 раненыхъ и 819 безъ вѣсти пропавшихъ. У Поляковъ взято въ плѣнъ 600 ч. Ранены были генер. Сухозанетъ, Офросимовъ, Іосселіанъ и Власовъ.

ны же Русскихъ небыло запальчивости, небыло высокомѣрія и дерзости, не было громкихъ возвѣщеній о будущихъ подвигахъ; сознаніе собственной силы пренебрегаетъ такими средствами; пылкому, до дерзости восторженному непріятелю, Русскіе противопоставляли холодную, спокойную неустрашимость; они знали, что не смотря на всѣ природныя препятствія, они превозмогутъ усилія противника.

Польскимъ войскамъ привозили на поле сраженія всевозможные жизненные припасы. Варшавскіе жители соревновали другъ предъ другомъ въ оказаніи помощи и услугъ арміи. Для сего былъ сформированъ особый отрядъ, и множество подводъ, нагруженныхъ самыми изысканными яствами и напитками, тянулось по Прагскому мосту; даже посылались горючіе матеріалы, ибо войска стояли бивуакомъ на песчаной равнинѣ, гдѣ нельзя было найти дровъ. Такимъ образомъ Поляки получали все въ изобиліи. Напротивъ того, русскіе солдаты едва имѣли по нѣскольку сухарей для утоленія голода, такъ какъ, по причинѣ форсированныхъ маршей, обозъ оставался еще далеко позади.

Въ Варшавѣ во все время сраженія царствовало боязливое ожиданіе. Густые облака дыму виднѣлись надъ лѣсомъ; не вдалекѣ былъ слышенъ оглушительный громъ выстрѣловъ; происходила битва, долженствовавшая рѣшить вопросъ: «быть или не быть!» Съ жаднымъ ожиданіемъ все устремилось къ высотамъ по берегу Вислы; всѣ возвышенныя мѣста, балконы, террасы, башни, даже крыши были переполнены народомъ; всѣ взоры пристально обращались къ лѣсу за Гроховымъ. Когда раздались выстрѣлы, женщины начали молиться, а мужчины съ увѣренностію восклицали: «побѣда наша!» Когда же около полудня громъ выстрѣловъ болѣе и болѣе усиливался, возникло нѣкоторое безпокойство. Въ улицахъ господствовало величайшее смятеніе; часть народа, по бо́льшей части женщины, бросились въ церкви и на колѣняхъ молили Всевышняго о дарованіи побѣды, другія спѣшили къ Прагѣ, на встрѣчу раненымъ, распрашивали, развѣдывали и противорѣчащими показаніями были поставлены еще въ бо́льшую неизвѣстность.

*

Тысячи слуховъ носились по городу; каждый старался предупредить другаго сообщеніемъ желаемаго извѣстія: «многіе русскіе полки», говорили они, «совершенно уничтожены; Рожнец-«кій, ненавистный Рожнецкій взятъ въ плѣнъ, Дибичъ убитъ, «русскія войска въ унынiи, тщетно фельдмаршалъ обѣщалъ имъ «позволеніе грабить Варшаву цѣлые полдня, онъ не могъ ихъ «ободрить!» Затѣмъ слѣдовали ругательства за такое варварство, за такое татарское намѣреніе! Первыхъ раненыхъ, привозимыхъ въ городъ, едва не задушили излишней любезностью. Составилось особое женское общество, посвятившее себя попеченію о раненыхъ; благородныя и образованныя дамы и дѣвицы высшаго круга съ любовью заботились о несчастныхъ. Такъ прошелъ день среди разнообразныхъ впечатлѣній. Однако между мужчинами господствующимъ убѣжденіемъ все еще оставалась полная увѣренность въ побѣдѣ. Въ сумерки огонь выстрѣловъ показался нѣсколько далѣе, влѣво; это было дѣло при Кавенчинѣ; генер. Клицкій тотчасъ же приказалъ объявить, что «армія сражается храбро, съ твердостью и не уступаетъ ни шагу.» Это извѣстіе подало новую надежду, хотя выстрѣлы все время слышались на одномъ и томъ же мѣстѣ, кругомъ Вавра, а позже даже приблизились. Но съ наступленіемъ ночи умолкъ громъ орудій, прекратились молніи выстрѣловъ; день заключился безпокойствомъ и недоумѣніемъ. Вопреки ожиданію Русскіе не были разбиты, самыя невѣроятныя усилія оказались тщетными, тысячи воиновъ погибли, и ничего не было рѣшено.

Народный сеймъ также раздѣлялъ общую увѣренность въ побѣдѣ; чтобы обнаружить это, въ то время, когда гремѣла битва, онъ собрался для совѣщанія, издалъ декретъ о поощреніи и награжденіи арміи и объявилъ свое существованіе въ полной независимости отъ судьбы столицы. Даже въ случаѣ ея паденія, если только сеймъ можетъ собрать 11 сенаторовъ и 33 депутата, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, только не въ Россіи, то долженъ считаться комплектнымъ; напротивъ, всѣ собранія сейма, кои соединятся подъ русскимъ покровительствомъ, если бы даже члены ихъ были избраны страною и находились въ комплектѣ, объявлены были не дѣйствительными. И такъ сеймъ, какъ бы недо-

вольствуясь еще всѣми своими подвигами, громогласно объявилъ, что Польша должна быть тамъ, гдѣ онъ соберетъ 33 члена. Такимъ образомъ общество, ввергшее Польшу въ несчастіе, провозгласило себя представителемъ страны не только для настоящаго, но и для будущаго времени. Такого рода декреты очень легко издавать; но вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы ихъ исполнить, иначе они останутся пустыми словами. Урокъ этотъ они получили оттуда, откуда всего менѣе его ожидали. Народный сеймъ въ пышныхъ фразахъ рѣшилъ наградить защитниковъ отечества помѣстьями на сумму 10 милліоновъ польскихъ злотыхъ, съ тѣмъ чтобы одна половина ихъ была роздана офицерамъ, а другая солдатамъ. Когда депутаты торжественно объявили войскамъ актъ сейма, солдаты отвѣчали: «теперь мы нуждаемся только въ хлѣбѣ и водкѣ и лишь послѣ побѣды станемъ помышлять о чемъ нибудь другомъ.»

Сраженіе при Ваврѣ было первымъ въ настоящую войну. Поляки оказали сопротивленіе, какого, можетъ быть, отъ нихъ не ожидали, такъ что тѣ, которые въ началѣ отзывались объ этой войнѣ слегка, теперь измѣнили тонъ. Приводили многія черты храбрости и отчаянія Поляковъ; многіе изъ ихъ офицеровъ, дабы избѣгнуть плѣна, сами умерщвляли себя. Даже плѣнные, большею частію полка гвардейскихъ Гренадеръ, сохранили гордую осанку и приписывали свое несчастіе морозу, дозволившему Русскимъ перейти болота. Прославляли ихъ искусныхъ и опытныхъ стрѣлковъ, замѣчательную мѣткость ихъ артиллеріи и отдавали полную справедливость старымъ кавалерійскимъ полкамъ гр. Лубенскаго, съ честію вышедшимъ изъ битвы съ многочисленнѣйшею русскою кавалеріею. Надъ краузами же (которыхъ русскіе солдаты насмѣшливо прозвали карапузами), слегка подсмѣивались; не одинъ разъ они обращались въ бѣгство при встрѣчѣ съ казаками. Разсказывали также различные анекдоты на счетъ студентовъ, съ кинжалами наблюдавшихъ за главнѣйшими генералами, съ тѣмъ чтобы поразить ихъ, если они не будутъ дѣйствовать съ надлежащею энергіею. Однако, въ русской арміи отъ начала до конца войны оставалось одно и тоже убѣжденіе: «Поляки были бы побѣж-

дены, еслибы даже сражались еще вдвое храбрѣе.» Они были какъ въ лихорадкѣ или въ какомъ то чаду; въ первое мгновеніе выказывали чрезмѣрное напряженіе, но напослѣдокъ должны были уступить покойной и постоянно могущественной силѣ. Храбрость Поляковъ, также какъ и Французовъ, шумная, стремительная, но не прочная; храбрость Русскихъ напротивъ холодная и продолжительная. Въ первый моментъ Полякъ обыкновенно имѣетъ успѣхъ, но рѣдко удерживаетъ его; Русскіе достигаютъ успѣха позже и медленнѣе, но достигнувъ чего нибудь однажды, не теряютъ уже пріобрѣтеннаго. На войнѣ какъ и въ политикѣ, человѣкъ, поступающій съ хладнокровіемъ и твердостью, всегда будетъ имѣть преимущество передъ пылкимъ энтузіастомъ, легко переходящимъ отъ одной крайности къ другой.

Въ 4 ч. пополудни фельдмаршалъ съ гр. Толемъ сѣлъ въ дрожки и поѣхалъ обратно въ Милосну. Эта послѣдняя станція, въ 12 верстахъ отъ Варшавы состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ. Въ двухъ стахъ шагахъ отъ Милосны находится помѣщичій домъ, съ 5-ю или 6-ю строеніями. Тамъ остановился фельдмаршалъ, и возлѣ него размѣстилась главная квартира. На большой милоснинской полянѣ, окруженной лѣсомъ, располагались постепенно прибывавшіе резервы.

До сей поры Дибичъ имѣлъ нѣкоторую надежду, что прибытіе арміи къ Варшавѣ побудитъ массу народа образумиться и выказать готовность къ мирному рѣшенію вопроса. Но при революціонныхъ смутахъ побѣда остается всегда не на сторонѣ умѣренной, хотя бы и многочисленнѣйшей партіи, а напротивъ—на сторонѣ пылкой и восторженной. Сраженіе при Ваврѣ должно было разсѣять всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи: Поляки хотѣли битвы, битвы на жизнь и смерть! На слѣдующій день ожидали генеральнаго сраженія; однакожъ, прежде чѣмъ рѣшиться на него, русскій полководецъ хотѣлъ удостовѣриться въ положеніи своего противника и дождаться прибытія резервовъ, обоза и боевыхъ снарядовъ. Но первые эшелоны гренадерскаго корпуса не могли подойти ранѣе 4-хъ или 5-ти дней, почему сраженіе было отложено до сего времени. $^{20}/_{8}$ происходила сильная канонада, во время которой фельд-

маршалъ вмѣстѣ съ гр. Толемъ обозрѣлъ мѣстность занимаемую Поляками. Войска ихъ были построены въ двѣ линіи: правѣе шоссе стоялъ Шембекъ, упираясь въ Гроховъ, лѣвѣе — Жимирскій; Скржинецкій занималъ ольховую рощу, а позади ея съ лѣвой стороны сталъ Круковецкій; вся кавалерія сзади въ резервѣ; часть ея съ конною батареею была выдвинута къ Зомбкамъ и Кавенчину. По обѣимъ сторонамъ рощи, составлявшей выдающуюся часть позиціи Поляковъ, была поставлена многочисленная артиллерія, обстрѣливавшая доступъ къ ней перекрестнымъ огнемъ. Послѣ продолжительной канонады Русскіе покушались занять рощу, представлявшую большія выгоды расположенію Поляковъ; для исполненія этого предпріятія былъ назначенъ корпусъ Розена. Нѣсколько баталіоновъ пошли въ атаку, но легко было предвидѣть, что они не будутъ имѣть успѣха, потому что вся непріятельская армія была сосредоточена на этомъ пунктѣ. 4-й полкъ, подкрѣпленный впослѣдствіи бригадою Гелгуда, храбро оборонялъ рощу: дрались съ большимъ ожесточеніемъ; съ обѣихъ сторонъ смѣняли войска, но все-таки Поляки удержались, и послѣ полудня Розенъ отказался отъ дальнѣйшихъ покушеній. Канонада же продолжалась еще нѣкоторое время. Съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя по нѣскольку сотъ человѣкъ (у Русскихъ 800). Трудно объяснить цѣль этого нападенія; нельзя было надѣяться занять рощу нѣсколькими баталіонами въ виду всей польской арміи, и потому штурмовать ее было совершенно напрасно.

Русская армія занимала позицію въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ польской, большимъ полукружіемъ отъ Вавра до Кавенчина, на опушкѣ лѣса, гдѣ мѣстность понижается къ сторонѣ открытаго поля. Правый флангъ Розена стоялъ на высотахъ у Кавенчина, лѣвый—передъ Выгодой, центръ—противъ ольховой рощи; 1-й корпусъ расположился на шоссе за Вавромъ, примкнувъ правымъ флангомъ къ непроходимымъ болотамъ; за 1-мъ корпусомъ стояла 2-я гренад. дивизія. Гвардейскій отрядъ и 3-я кирасир. дивизія остались на позиціи у Милосны, гдѣ была и главная квартира. Безпокоясь объ участи кн. Шаховскаго, который будучи совершенно разообщенъ отъ

арміи, могъ быть подавленъ превосходнымъ непріятелемъ, фельдмаршалъ послалъ адъютанта своего, отличнаго офицера, ротмистра Муханова съ 50 казаками на лѣвый берегъ Буга, для собранія свѣдѣній о Шаховскомъ и для передачи ему новыхъ инструкцій. Въ тоже время ген. м. бар. Сакенъ былъ отряженъ съ двумя уланскими полками и однимъ батал. егерей чрезъ Марки въ Зегржъ, для занятія моста, по которому кн. Шаховской долженъ былъ совершить переправу чрезъ Бугъ, а въ случаѣ сопротивленія непріятеля, для содѣйствія князю съ лѣвой стороны Буга.

Въ этотъ день Поляки получили подкрѣпленіе: хотя оно состояло только изъ одного человѣка, но человѣка, пріобрѣвшаго между ними громкую извѣстность. Во время артиллерійскаго дѣла у ольховой рощи, внезапно увидѣли всадника, прискакавшаго во всю прыть и радостно вмѣшавшагося въ ряды польскихъ воиновъ. Это былъ генер. Уминскій, участникъ заговора 1826 г., за который онъ былъ приговоренъ къ 6-ти-лѣтнему заключенію въ крѣпость Глогау. Снисходительное прусское правительство дозволило ему воспользоваться свободою на честное слово. Когда же вспыхнула въ Варшавѣ революція, его хотѣли содержать подъ болѣе строгимъ присмотромъ; а онъ съ своей стороны, видя въ этомъ намѣреніи недовѣріе къ его честному слову, счелъ себя вправѣ нарушить его; пылкій, нетерпѣливый Уминскій не могъ не принять участія въ борьбѣ, которую онъ старался возжечь, подвергая себя такой опасности. Вслѣдствіе сего онъ рѣшился, отложивъ въ сторону разсужденія о собственной чести, спѣшить въ ряды сражающихся братій. Онъ привелъ въ исполненіе свой умыселъ съ большою опасностью. Съ помощію гр. Мельчинскаго ему открылся выходъ изъ крѣпости и свободный путь чрезъ границу. Этотъ поступокъ трудно извинить, оправдать же его невозможно. Вырвавшись въ ночной одеждѣ, онъ изъ всѣхъ силъ спѣшилъ въ Варшаву, подстрекаемый и терзаемый боязнію не во время достичь цѣли, когда $^{19}/_{7}$ числа онъ услышалъ громъ битвы, а самъ долженъ былъ остановиться въ Варшавѣ, дабы быть снабженнымъ отъ правительства всѣмъ нужнымъ для участвованія въ бою. Съ чи-

номъ дивизіоннаго генерала отправился онъ на слѣдующій день къ арміи, гдѣ всю кавалерію, состоящую подъ командою Вейсенгофа раздѣлили на двѣ части, одну ввѣрили ему, а другую Томашу Лубенскому. Уминскій невозвратимо и навсегда отчуждалъ себя отъ закона, пожертвовавъ всѣмъ для революціи, и потому его присутствіе возбудило общую радость между инсургентами, и надежды которыхъ однакожъ его дальнѣйшіе подвиги не оправдали.

Наступило $^{21}/_{9}$ число; не смотря на ожиданіе битвы, все было тихо. Около полудня гр. Виттъ имѣлъ на форпостахъ свиданіе съ Круковецкимъ: они условились о перемиріи для погребенія убитыхъ. Послѣ первыхъ привѣтствій гр. Виттъ, знавшій прежде Круковецкаго, обратился къ нему со словами: «какимъ образомъ, генералъ, я васъ вижу своимъ противни«комъ; я всегда думалъ, что мнѣ прійдется сражаться только «подлѣ васъ.» «Что дѣлать», отвѣчалъ Круковецкій, извиняя себя, «это желаніе націи.» «Скажите скорѣе, желаніе горсти пылкихъ «молодыхъ людей, не знающихъ ни свѣта, ни людей; но какъ «могли вы, генералъ, посѣдѣвшій въ бояхъ, присоединиться къ «нимъ?» Круковецкій, видимо смущенный, уклонился отъ отвѣта. Прекративъ этотъ щекотливый разговоръ, они заключили трехъ часовое перемиріе.

Такъ какъ польскимъ генераламъ было не безизвѣстно, что фельдмаршалъ медлилъ нападеніемъ только въ ожиданіи значительныхъ подкрѣпленій, то между ними былъ возбужденъ вопросъ: не слѣдуетъ ли имъ самимъ атаковать русскую армію до прибытія къ ней подкрѣпленій? Съ этою цѣлью генералъ-квартирмейстеру Прондзинскому, вмѣстѣ съ полк. Рыбинскимъ, соединявшимъ съ практикой и теоретическія свѣдѣнія по части военнаго искуства, было поручено осмотрѣть позицію русской арміи. Близкое разстояніе между арміями и бивуачные огни ночью позволяли видѣть и совершенно точно опредѣлить расположеніе войскъ. Правый флангъ Русскихъ у Домбровой-горы, (самый возвышенный холмъ противъ ольховой рощи,) казалось, висѣлъ на воздухѣ, тогда какъ лѣвый—терялся въ болотахъ Застова; вслѣдствіе того, считая возможнымъ разбить правый флангъ

Русскихъ, прежде чѣмъ лѣвый подастъ ему помощь, Пронзинскій и Рыбинскій составили слѣдующій планъ, представленный ими Хлопицкому: 8,000 кавалеріи съ 90 оруд. должны выдвинуться вправо между рощею и лѣсомъ, и въ то время, какъ артиллерія сильною канонадою привлечетъ на себя все вниманіе Русскихъ, 40 батал. пѣхоты должны съ разсвѣтомъ выступить изъ рощи и захватить крайнюю батарею праваго крыла русской арміи; послѣ чего, быстро перемѣнивъ фронтъ на право, они должны вытянуться перпендикулярно къ русской боевой линіи. Совершивъ смѣлое наступленіе, можно было надѣяться поразить русскую армію, подобно тому какъ были разбиты Австрійцы подъ Лейтеномъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія польскіе генералы приводили необходимость нападенія до прибытія подкрѣпленій къ Русскимъ. Хлопицкій на одно мгновеніе былъ увлеченъ заманчивостью этого плана и, казалось, хотѣлъ принять его, но послѣ нѣкотораго размышленія объявилъ, «что «онъ не можетъ отважиться свести главныя силы съ шоссе, «подвергаясь опасности быть отрѣзаннымъ отъ Праги». Казалось, его страшила смѣлость подобнаго предпріятія, а можетъ быть также, что многочисленность русской арміи и испытанная ея храбрость заставляли его сомнѣваться въ успѣхѣ предначертаннаго плана. Конечно при Лейтенѣ подобный маневръ удался Фридриху Великому, но за то при Кунерсдорфѣ, хотя онъ и сталъ перпендикулярно къ флангу русской арміи, однакоже, вслѣдствіе геройской ея защиты, потерпѣлъ совершенное пораженіе. Кромѣ того, правый флангъ Русскихъ не былъ такъ беззащитенъ, какъ полагали, а замедляемые въ движеніи черезъ лѣсъ, Поляки сами подвергались опасности быть атакованными во флангъ со стороны Милосны, гдѣ находились русскіе резервы. Это повело бы къ рукопашному бою, гдѣ числительное превосходство рѣшило бы успѣхъ. Не смотря на то планъ былъ начертанъ весьма основательно и выказывалъ въ составителяхъ несомнѣнное дарованіе.

Пока военачальники совѣщались, невѣжественное большинство ликовало о томъ, что Русскіе, какъ они думали, не отваживались атаковать ихъ; изобрѣтались самые нелѣпые слухи объ

истощеніи, унынiи и ослабленiи русской арміи, отказывавшейся будто бы сражаться. Молодые неопытные офицеры, коихъ смѣлая увѣренность считала все возможнымъ, въ нетерпѣніи говорили: «Нельзя болѣе медлить; Русскіе очевидно страшат«ся насъ и не осмѣливаются выйти изъ лѣсовъ, но такъ какъ «они не отступаютъ, то слѣдуетъ напасть на нихъ и изгнать «изъ предѣловъ Царства; иначе же они могутъ укрѣпиться въ «лѣсу, надѣлать засѣкъ и выждать подкрѣпленій, послѣ чего «будетъ труднѣе выбить ихъ.» Другіе, болѣе благоразумные старались обуздать это нетерпѣніе и совѣтывали не торопиться: «Атаковать Русскихъ, при многочисленности ихъ артил«леріи и выгодахъ командующей позиціи у опушки лѣса,— «опасно; лучше выждать нападенія въ занимаемой позиціи, «важное удобство которой составляло близкое разстояніе (поль«мили) отъ столицы, представляющей огромныя выгоды: арсе«налами, госпиталями, запасами и убѣжищемъ въ случаѣ неу«дачи. Всего этого Русскіе были лишены. Конечно было опас«но, что въ тылу арміи находился только одинъ мостъ, тетъ«де-понъ котораго не имѣлъ достаточнаго простора для до«ставленія убѣжища цѣлой арміи, при поспѣшномъ отступле«ніи; начальники, не заботившіеся о предупрежденіи всѣхъ воз«можныхъ случайностей и объ устройствѣ другаго моста у Мод«лина, конечно заслуживаютъ порицанія, но по всѣмъ вѣроят«ностямъ, до такого поспѣшнаго отступленія никогда не дой«детъ. Что же касается опасенія объ укрѣпленіи Русскихъ въ «лѣсахъ, то можно надѣяться, что если они долго пробудутъ «въ болотистыхъ лѣсахъ, то при таяніи болотъ всѣ погиб«нутъ.» Пока Поляки ласкали себя такими утѣшительными надеждами, имъ въ тишинѣ готовился страшный ударъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сраженіе при Гроховъ и ближайшія его послѣдствія.

Сраженіе при Гроховѣ и ближайшія его послѣдствія.

Князь Шаховской шелъ форсированными маршами, не встрѣтивъ на пути своемъ черезъ Августовское воеводство никакихъ препятствій. Хотя уже и въ то время Пушетъ, Шонъ, Годлевскій и другіе выказывали свою дѣятельность, однакожъ собранныя ими банды косиніеровъ разбѣжались при первой тревогѣ. Кн. Шаховской, донося фельдмашалу изъ Августова о сихъ происшествіяхъ, прибавлялъ къ тому: «Евреи, Нѣмцы и сред-«нее сословіе встрѣчаютъ Русскихъ съ радостію, какъ возста-«новителей порядка; простонародіе совершенно равнодушно и «желаетъ только покоя, но шляхта и духовенство употребляютъ «всѣ силы для его возбужденія. Обезоруженіе хотя и приво-«дится въ исполненіе въ городахъ безпрепятственно, однакоже «вездѣ находятъ скрываемое оружіе, и предводители видимо «выжидаютъ только удобнаго случая и удаленія русскихъ «войскъ для открытаго возстанія. На лицахъ чиновниковъ «и шляхты написана скрытая ненависть и непріязнь, хотя «они и встрѣчаютъ Русскихъ съ полнымъ смиреніемъ.» Справедливость этихъ замѣчаній доказали послѣдствія. Въ заключеніи Шаховской говоритъ: «Если мы будемъ счастливы въ «нашихъ дѣйствіяхъ, намъ нечего бояться; въ случаѣ же «неудачи, мы должны опасаться всего!» И въ этомъ онъ не ошибся.

$^{17}/_{5}$ февр. кн. Шаховской вступилъ съ 1–мъ эшелономъ въ Ломжу, гдѣ его ожидалъ генер. Мандерштернъ, составившій съ сего времени, съ своими двумя морскими полками, его авангардъ (егерскій бат. остался въ Ломжѣ). Здѣсь онъ получилъ приказаніе фельдмаршала изъ Венгрова: «Не выжидая остальныхъ частей «своего корпуса, съ 1–мъ эшелономъ и отрядомъ Мандерштер- «на ускорить движеніе и овладѣть магазинами въ Остроленкѣ, «Рожанѣ и Пултускѣ, прежде нежели непріятель успѣетъ ихъ «вывезти.» Фельдмаршалъ желалъ, чтобы онъ былъ $^{19}/_{7}$ въ Остроленкѣ, $^{20}/_{8}$ въ Рожанѣ, $^{22}/_{10}$ въ Пултускѣ и $^{23}/_{11}$ въ Сіероцкѣ, однакожъ предоставилъ ему право, соображаясь съ обстоятельствами, дѣлать измѣненія въ этомъ маршрутѣ. Къ непремѣнному исполненію ему предписывалось только возможно быстрое овладѣніе магазинами. Изъ этого видно, что приказаніе кн. Шаховскому присоединиться къ арміи не было слѣдствіемъ Ваврскаго сраженія, но предшествовало ему. Въ это же время ген.-м. фонъ–Фрикенъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Августовскаго и Плоцкаго воеводствъ, и въ его распоряженіи былъ оставленъ полкъ гр. Аракчеева, принадлежащій къ 1-й гренад. дивизіи. Казачьи посты, растянутые отъ Ломжи до Нура, должны были поддерживать связь съ главною квартирою. Во исполненіе даннаго ему предписанія, кн. Шаховской приказалъ генер. Мандерштерну, съ авангардомъ, въ тотъ же день выступить къ Остроленкѣ, для овладѣнія тамошними магазинами и воспрепятствованія сожженію моста; самъ же онъ съ своимъ 1–мъ эшелономъ послѣдовалъ за нимъ $^{19}/_{7}$ февраля.

Генералъ Мандерштернъ, достигнувъ Остроленки, нашелъ магазины опорожненными и мостъ сожженнымъ; какой-то польскій архитекторъ брался возстановить послѣдній въ 4 дня. Но какъ нельзя было терять времени, а ледъ былъ еще довольно крѣпокъ, то князь рѣшился перейти по немъ съ помощію настланной и политой водою соломы. Онъ увѣдомилъ фельдмаршала, что къ $^{23}/_{11}$ числу надѣялся быть въ Сіероцкѣ, но не скрывалъ своихъ опасеній о продовольствіи, хотя въ Ломжѣ онъ и нашелъ много ржи, но муки не было; въ мельницахъ же

былъ недостатокъ. «Впрочемъ», прибавлялъ онъ, «я употреблю всѣ усилія, чтобы обезпечить въ Ломжѣ мои войска провіантомъ на девять дней.»

$^{20}/_{8}$ достигъ онъ Остроленки, и въ два перехода прошелъ 8 миль—до Пултуска, куда Мандерштернъ прибылъ днемъ ранѣе. Тамъ засталъ его адъютантъ фельдмаршала ротм. Мухановъ, благополучно прошедшій съ своими 50 казаками взволнованный край чрезъ Окуневъ, Станиславовъ, Ядовъ и Каменчикъ. Онъ привезъ кн. Шаховскому приказаніе ускорить соединеніе съ главною арміею и притянуть къ себѣ задніе эшелоны своего корпуса; вслѣдствіе чего этимъ эшелонамъ было приказано собираться въ Пултускѣ, а на полученное приказаніе кн. Шаховской отвѣчалъ: «Если бы только мнѣ удалось «переправить гдѣ нибудь по льду мои 30 орудій, то я уже не «буду задерживать мой маршъ овладѣніемъ тетъ-де-пона въ «Зегрже, а переправлюсь по льду съ моимъ 1-мъ эшелономъ и «быстро соединюсь съ арміею.»

$^{23}/_{11}$ Шаховской прибылъ въ Сіероцкъ, и приказалъ карабинерной бригадѣ съ 2 орудіями перейти здѣсь чрезъ Бугъ, для того чтобы содѣйствовать форсированію переправы у Зегрже, куда былъ прямо направленъ генер. Мандерштернъ. По обѣимъ сторонамъ моста Поляки возвели укрѣпленія, и выслали изъ Модлина 4-й бат. 8-го полка съ частію кавалеріи, для удержанія этого важнаго пункта. Мандерштернъ оттѣснилъ прикрытіе, овладѣлъ укрѣпленіями, переправился по льду черезъ Бугъ и приказалъ починить сломанный въ двухъ мѣстахъ мостъ. Когда сіе было исполнено, подошелъ Шаховской, и въ то же время прибылъ адъютантъ фельдмаршала, шт.-капит. Львовъ съ слѣдующимъ приказаніемъ: «кн. Шаховскому, во что бы то «ни стало, перейти чрезъ Бугъ, если возможно съ артиллеріею, «а если нѣтъ, то и безъ нее; въ первомъ случаѣ ему предпи«сывалось наступать по старой варшавской дорогѣ, въ послѣд«немъ, оставивъ достаточное прикрытіе при артиллеріи, идти «на Радзыминъ и Окуневъ.» Такъ какъ возстановленіе моста дозволяло князю взять съ собою всю артиллерію, то онъ и направился въ тотъ же день вечеромъ по старой варшавской доро-

гѣ, остановился на ночлегъ въ Непорентѣ и соединился тамъ съ высланнымъ къ нему на встрѣчу отрядомъ бар. Сакена.

Передовая колонна Шаховскаго, съ которой онъ совершилъ это движеніе, состояла, со включеніемъ отряда Мандерштерна, изъ 13 бат., 6 эскадр. (гусаръ) и 2-хъ казачьихъ полковъ съ 56 оруд., изъ коихъ 24 принадлежали 2-й гренад. дивизіи, бывшей въ составѣ главной арміи. Изъ сего числа онъ назначилъ одинъ баталіонъ съ эскадрономъ гусаръ и казаками для прикрытія своего огромнаго обоза; другой баталіонъ съ 2 орудіями и казаками оставилъ для занятія мостоваго укрѣпленія въ Зегрже, а полубаталіонъ съ однимъ эскадрономъ и казаками выслалъ въ Насельскъ для обезпеченія своего движенія. За симъ у него оставалось $10^1/_2$ бат. пѣхоты и 4-е эскадрона гусаръ (*), всего 9000 ч., не считая казаковъ и отряда Сакена.

Двѣ дороги ведутъ отъ Зегрже къ Прагѣ: правѣе черезъ Яблонну на Вислѣ идетъ вновь проложенное шоссе, лѣвѣе, черезъ Непорентъ и Бялоленку—вышеупомянутая старая варшавская дорога, по которой наступалъ Шаховской. Эта дорога почти на всемъ протяженіи пролегаетъ чрезъ густые лѣса и лѣвѣе ея, въ небольшомъ разстояніи, протекаетъ болотистый ручей Длуги, который беретъ начало изъ лѣсовъ въ окрестностяхъ Минска: сначала онъ течетъ на сѣверозападъ до Гродзиска, потомъ круто поворачиваетъ къ сѣверу, протекаетъ паралельно дорогѣ,

---

(*)

Пѣхота:	1 и 2 морскіе полки	4 баталіона	$10^1/_2$ бат. 8500 чел.
	Суворовскій гренадерскій п.	2 »	
	Астраханскій »	1 »	
	2-го Карабинернаго п.	$1^1/_2$ »	
	5-го »	2 »	
Кавалерія:	Лубенскій гусар. п.	2 эскадрона.	4 эск. 560 чел.
	Кластицкій »	2 »	
	Атаманскаго каз. п.	400 чел.	600 каз.
	Казач. п. Андріянова	200 »	
Артиллерія:	1-й артил. бр.	12 орудій.	54 оруд.
	2 батар. 3 гренад. артил. бр.	14 »	
	3 батар 2 гренад артил. бр.	24 »	
	Конно батареи рота № 1.	4 »	
Сакенъ имлѣъ:	Елисаветградскаго уланск. п.	6 эскадр.	12 эск.
	Новомиргородскаго п.	6 »	
	3-го егерскаго п.	1 батал.	
	Конной батар. № 19.	2 оруд.	

и у Зегрже вливается въ Бугъ. Теченіе этого ручья прикрывало лѣвый флангъ войскъ, наступавшихъ по старой варшавской дорогѣ; но въ то время онъ былъ почти всюду покрытъ льдомъ.

Извѣщенный объ отряженіи Сакена и приближеніи Шаховскаго, и озабочиваясь за свой лѣвый флангъ, Хлопицкій выслалъ $^{23}/_{11}$ февр. генер. Янковскаго съ кавалер. дивизіею, однимъ баталіономъ линейной пѣхоты, однимъ батал. стрѣлковъ курповъ (*) и двумя орудіями на ту сторону Буга, съ цѣлью уничтожить магазины въ Радзыминѣ, разбить, если можно, генерала Сакена и наблюдать за движеніями кн. Шаховскаго. Янковскій оставилъ одинъ полкъ (Мазуровъ) въ Бялоленкѣ, а съ остальными войсками двинулся на Гродзискъ и Слупно, гдѣ, повѣривъ слуху о нахожденіи русскихъ войскъ въ Непорентѣ и полагая имѣть дѣло съ однимъ Сакеномъ, $^{24}/_{12}$ рано утромъ, произвелъ нечаянное нападеніе. Но въ пять минутъ гренадеры были готовы къ бою, и громко выражали свою радость стать наконецъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Мгновенно Янковскій былъ отбитъ, причемъ едва могъ спасти орудія и былъ вынужденъ отступить по той же дорогѣ, по которой наступалъ, т. е. на Слупно. Генер. Сакенъ долженъ былъ преслѣдовать его со своимъ отрядомъ, но преслѣдованіе было слабо и Янковскій спасся.

Шаховской, не имѣя никакихъ предписаній о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ фельдмаршала, поспѣшилъ покинуть неудобную позицію при Непорентѣ (которая представляла не большое открытое пространство среди болотистаго лѣса, а въ тылу имѣла рѣку Бугъ), съ тѣмъ чтобы продолжать свое движеніе по старой варшавской дорогѣ, причемъ онъ падѣялся отрѣзать отъ Праги Янковскаго, направлявшагося на Слупно. Пройдя Кобялку, онъ получилъ, въ часъ пополудни, привезенную казакомъ на скоро написанную депешу съ приказаніемъ: $^{24}/_{12}$ оставаться «въ Непорентѣ; въ случаѣ же, если онъ уже выступилъ оттуда, «то остановиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ его застанетъ сіе прика«заніе.» Но какъ голова колонны находилась въ $1^1/_2$ верстѣ

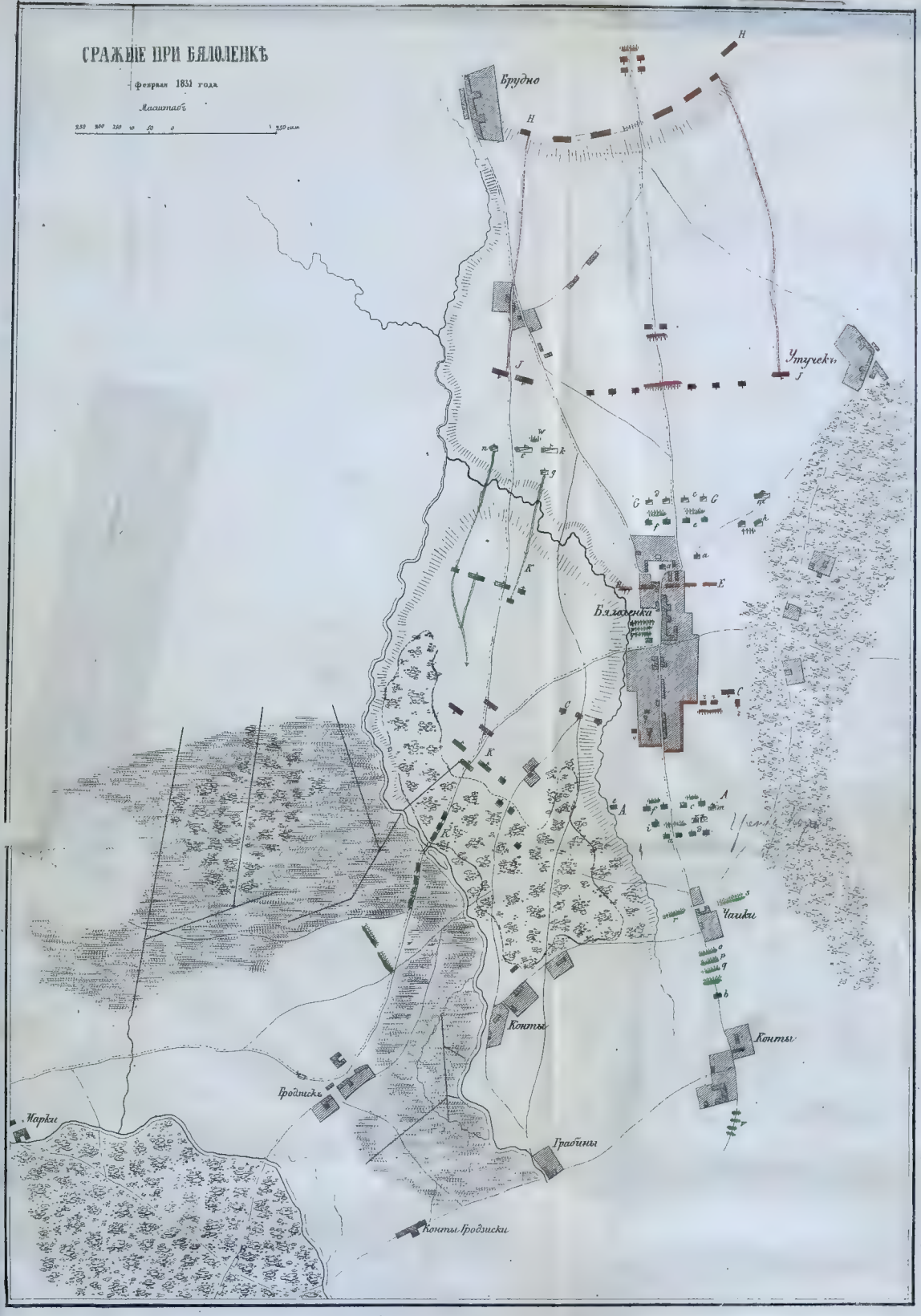
(*) Его дивизія состояла изъ 1-го и 5-го полковъ конныхъ егерей, 1-го п. Мазуровъ и Плоцкой конницы. Баталіонъ пѣхоты принадлежалъ къ 6-му полку.

отъ Бялолѣнки, пункта, составлявшаго ключь длиннаго дефиле между Кобялкой и Конты-Грабиною, дефиле въ которое уже втянулись войска, и какъ сверхъ того это селеніе прикрывало путь сообщенія съ главною арміею, пролегающій отъ Кобялки чрезъ Гродзискъ и Марки къ Кавенчину, то вслѣдствіе такихъ соображеній князь рѣшился занять этотъ важный пунктъ, и тамъ выжидать дальнѣйшихъ приказаній фельдмаршала. Казаки атаманскаго п. должны были проскакать длинную плотину, ведущую чрезъ широкое болото и выстроиться пройдя ее по обѣ стороны дороги. Пока подавались впередъ авангардъ и главная колонна Шаховскаго, казаки завязали сраженіе съ оставшимся въ Бялоленкѣ полкомъ Мазуровъ.

Но въ это время непріятель успѣлъ уже занять Бялоленку силынымъ отрядомъ. Польскій главнокомандующій, въ сильномъ безпокойствѣ за свой лѣвый флангъ, утромъ этого дня ($^{24}/_{12}$) послалъ генер. Малаховскаго съ двумя полками его бригады и 6-ю оруд. въ Бялоленку, для поддержанія Янковскаго и для защиты сего селенія до послѣдней крайности. Малаховскій прибылъ туда въ 11 ч. утра и принялъ вполнѣ сообразныя съ обстоятельствами мѣры для удержанія Русскихъ. Вскорѣ послѣ сего присоединился къ нему Янковскій, отступавшій чрезъ Слупно и Гродзискъ, и прибывшій во-время чтобы предупредить свой обходъ и принять участіе въ только-что начинающемся сраженіи при Бялоленкѣ. Янковскій съ своею кавалеріею былъ поставленъ правѣе селенія (*), въ которомъ Малаховскій расположилъ одинъ батал. 6-го полка, а два другихъ батал. того же полка оставилъ позади въ резервѣ. Лѣвѣе, въ не большомъ промежуткѣ между селеніемъ и Тархоминскимъ лѣсомъ, Малаховскій расположилъ два батал. 2-го полка, а еще лѣвѣе, въ лѣсу, скрытно поставилъ 3-й батал. 2-го же полка. Прибывшіе съ Янковскимъ Курпы были присоединены къ обороняющимъ Бялоленку, а 8 орудій раздѣлены на оба фланга. Мазуры, оттѣсненные казаками, стали на лѣвомъ флангѣ.

Усилія казаковъ выгнать изъ Бялоленки непріятеля были, какъ и слѣдовало ожидать, тщетны; почему Шаховской, вышед-

(*) См. планъ сраженія при Бялоленкѣ.


СРАЖЕНІЕ ПРИ БЯЛОЛЕНКѢ
февраля 1831 года
Масштабъ
250 200 250 10 50 0 250 саж.
Брудно
Утучекъ
Бялоленка
Чайки
Конты
Конты
Гродзискъ
Марки
Грабины
Конты Гродзиски

A. Гренадерскій корпусъ предъ началомъ сраженія.
B. Движеніе Сакена отъ Слушно.
C. Расположеніе Поляковъ.
E. Поляки, выбитые изъ селенія, вновь врываются въ него.
G. Расположеніе Шаховскаго послѣ сраженія.
H. Круковецкій у Брудно.
I. Наступленіе Круковецкаго $^{25}/_{13}$ февраля.
K. Отступленіе Шаховскаго.

---

a, Суворовскій	п.	2 бат.
b, Астраханскій	»	1 »
c, 2-й карабинерный	»	1 »
d, 5-й »	»	2 »
e, 1-й морской	»	2 »
f, 2-й »	»	2 »
g, 3-й егерскій	»	1 »
		$11^1/_4$ бат.
h, Лубенскій гусарскій	п.	2 эск.
i, Клястицкій гусарскій	»	2 »
k, Елисаветградскій уланскій	»	6 »
l, Новомиргородскій уланскій	»	6 »
m, Атаманскіе казаки	»	4 »
n, Казаки Андріянова	»	2 »
o, Батарейн. батар. 2-й грен. див.		8 ор.
p, 2-я легкая » » »		8 »
q, 3-я » » » »		8 »
r, 2-я батар. батарея 3-й грен. див.		8 »
s, 3-я легкая » » » »		8 »
t, 1-я батар. 1-й дивизіи		6 »
u, 1-я легкая » »		6 »
v, Конная батарея № 1		4 »
w, » » № 29		2 »
		$11^1/_4$ бат., 22 эск., 58 ор.

генер. Малаховскаго начать общее отступленіе. Произведенная при этомъ 2-мя русскими гусарскими эскадронами атака на его лѣвый флангъ была отбита огнемъ скрытаго въ лѣсу баталіона, и такъ какъ кн. Шаховской ограничился взятіемъ селенія и не преслѣдовалъ непріятеля далѣе, то Малаховскій могъ отступить въ довольно хорошемъ порядкѣ. Онъ направился на Брудно, куда спѣшилъ на помощь ему Круковецкій съ бригадою Гелгуда и 18 орудіями. Наступили сумерки; Русскіе и Поляки расположились бивуаками въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи: кн. Шаховской впереди Бялоленки, на прежнемъ мѣстѣ расположенія Малаховскаго, примкнувъ правымъ флангомъ къ Тархоминскому лѣсу, а лѣвымъ къ рѣчкѣ и къ Гродзискимъ болотамъ; генер. Круковецкій впереди и около Брудно. Вечеромъ присоединился къ лѣвому флангу Шаховскаго отрядъ генер. Сакена, тщетно преслѣдовавшій Янковскаго къ Слупно.

Сраженіе у Бялоленки дѣлаетъ много чести обѣимъ сторонамъ. Съ обѣихъ сторонъ были лучшія войска, дравшіяся съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ: сражались въ домахъ, на дворахъ, за изгородами, во рвахъ; каждый шагъ былъ упорно отстаиваемъ; противники часто стрѣляли другъ въ друга на разстояніи 20 шаговъ, а затѣмъ снова дрались штыками и прикладами. Бялоленка была завалена трупами. Русскіе были сильнѣе, и остались побѣдителями: почти всегда при одинаковой храбрости сражающихся успѣхъ бываетъ на той сторонѣ, гдѣ перевѣсъ въ силахъ. У Русскихъ при этомъ случаѣ выбыло изъ строя 118 убитыми, 402 ранеными, 132 пропавшими безъ вѣсти, вся потеря состояла изъ 652 человѣкъ. Уронъ Поляковъ, безъ сомнѣнія, былъ не менѣе: у одного Круковецкаго 18 офицеровъ были показаны убитыми и ранеными.

Съ безпокойствомъ фельдмаршалъ Дибичъ услышалъ въ Милоснѣ канонаду у Бялоленки: весь его планъ — уничтожить непріятельскую армію однимъ сраженіемъ и тѣмъ положить предѣлъ войнѣ—рушился. Нельзя было думать, чтобы Поляки допустили Шаховскаго такъ близко къ своему лѣвому флангу, почему ежеминутно нужно было ожидать, что они атакуютъ его превосходными силами и разобьютъ. По перво-

начальному плану фельдмаршала, кн. Шаховской долженъ былъ, $^{24}/_{12}$ имѣть дневку въ Непорентѣ, $^{25}/_{13}$ дойти до Кобялки, и только въ ночь съ $^{26}/_{14}$ на $^{27}/_{15}$ занять позицію въ полутора верстѣ за Бялоленкою, куда къ нему долженъ былъ выйдти гр. Виттъ съ 3-мъ кавалер. корпусомъ. Соединившись, они должны были ударить въ тылъ непріятелю, въ то время, какъ самъ фельмаршалъ атакуетъ его съ фронта у Грохова; Поляки, будучи отрѣзаны отъ Праги и отброшены къ болотамъ Сасской-Кемпы, должны были или погибнуть или положить оружіе (*).

Приближеніе же кн. Шаховскаго обнаруживало предначертанный планъ и заставляло непріятеля обратить вниманіе на угрожавшую ему опасность. Пока Шаховской находился у Непорента и Кобялки, откуда шли боковые дороги къ главной арміи, можно было думать, что онъ направляется на соедине-

(*) Вотъ диспозиція къ сраженію въ томъ видѣ, какъ оно предполагалась на $^{26}/_{14}$ число:

«Непріятель расположенъ по обѣ стороны милосницкаго шоссе и за ольховою рощею; вслѣдствіе этого намъ невозможно развернуть наши силы иначе какъ въ виду его и подъ его артиллерійскимъ огнемъ. Во избѣжаніе сего и для того чтобы дать средства развернуться нашей многочисленной кавалеріи и конной артиллеріи, предписываются слѣдующія движенія.»

«$^{26}/_{14}$ въ 2 ч утра, кн. Шаховской проходитъ Бялоленку и выстраивается въ $1^1/_2$ верстѣ отъ этого сеѣленія въ баталіонныхъ колоннахъ къ атакѣ въ 3 линіи, имѣя передъ лѣвымъ флангомъ Брудно, а правый флангъ вытянувъ до старой большой дороги и прикрывая его своею кавалеріею. Вся артиллерія выѣзжаетъ на позицію на 100 шаговъ передъ фронтъ.»

«3 кавалер. корпусъ и отрядъ гвардіи Великаго Князя, выступаютъ также въ 2 ч. утра, такъ какъ имъ предстоитъ большой переходъ до мѣста расположенія, и идутъ, имѣя въ головѣ 2 роты саперъ, по дорогѣ, которая будетъ указана имъ генер. Герштенцвейгомъ. Кавалерійскій корпусъ въ 5 ч долженъ уже быть на своей позиціи, позади Шаховскаго и быть построеннымъ въ двѣ линіи, во всякомъ случаѣ впереди Бялоленки. Три уланскихъ полка 3-го корпуса и гвардейскіе уланы образуютъ 1-ю линію; кирасиры, на нѣкоторой дистанціи позади ихъ—2-ю линію; вся артиллерія сего корпуса становится въ 3-ю линію.»

«2.-я гренад. дивизія и отрядъ гвардіи располагаются за Кавенчиномъ и образуютъ резервъ арміи.»

«6-й корпусъ выступаетъ въ 3 ч. утра: 25-я дивизія обходитъ Кавенчинъ, оставляя его влѣво, и примыкаетъ къ нему своимъ лѣвымъ флангомъ, а 24-я дивизія правымъ флангомъ. Обѣ дивизіи выстраиваются фронтомъ къ Прагѣ и выставляютъ артиллерію передъ Кавенчиномъ. Три уланскіе полка 6-го корпуса становятся на лѣвый флангъ 24-й дивизіи Въ резервѣ за 25-ю дивизіею остается литовская гренад. бригада.»

«1-й корпусъ оставляетъ одну дивизію лѣвѣе шоссе, и войсками ея занимаетъ находящійся тамъ лѣсъ; остальныя двѣ дивизіи сего корпуса выступаютъ въ 4

ніе къ ней (*). Дойдя же до Бялоленки онъ миновалъ эти дороги, и явно угрожалъ флангу Поляковъ, слѣдовательно можно было предвидѣть, что они противопоставятъ ему сильный отрядъ, и будутъ стараться разбить его отдѣльно.

часа; 2-я дивизія становится рядомъ съ 3-ю дивизіею, а сія послѣдняя примыкаетъ къ 24-й. Три полка 1-й гусар. дивизіи, 1-я бригата 2-й конно-егерской дивизіи и Новоархангельскій уланскій п. образуютъ кавалерію лѣваго фланга и становятся правѣе шоссе.»

«Всѣ пѣхотныя дивизіи строятся въ три линіи Вся кавалерія въ дивизіонныхъ колоннахъ изъ средины.»

«Правымъ флангомъ арміи: корпусами Шаховскаго и Витта командуетъ кн Шаховской. Центромъ: 24-ю и 25-ю дивизіями, литовскою уланскою дивизіею и литовскою гренадерскою бригадою генер. бар Розенъ. Лѣвымъ флангомъ: тремя дивизіями 1-го корпуса, 3-мя гусарскими, 2-мя конно-егерскими, а также Новоархангельскимъ уланскимъ п.—генер. гр. Паленъ. Резервами: 2-ю гренад. дивизіею, отрядомъ Гвардіи (кромѣ уланъ) начальствуетъ Великій Князь Главный артиллерійскій резервъ, состоящій изъ 17 конныхъ и 32 пѣшихъ орудій, остается за Кавенчиномъ въ непосредственномъ распоряженіи начальника артиллеріи ген.-м. кн. Горчакова.»

«Для мѣньшей убыли въ людяхъ, не слѣдуетъ терять времени въ перестрѣлкѣ, въ особенности въ лѣсу и на пересѣченной мѣстности, а наступать сомкнутыми колоннами и атаковать штыками. Кавалерія дѣйствуетъ такимъ образомъ, чтобы атакующій дивизіонъ постоянно имѣлъ на флангахъ другіе два дивизіона на разстояніи отъ 100 до 150 шаговъ. Артиллерія, преимущественно легкая и конная, выѣзжаетъ на картечный выстрѣлъ и перемѣняетъ позицію только дивизіонами, а не цѣлыми батареями, съ тѣмъ чтобы огонь не прекращался и одна часть поддерживала другую.»

«Позиція непріятеля такого рода, что если дѣйствія не будутъ быстры, то онъ легко можетъ отступить къ Прагѣ; въ противномъ же случаѣ, онъ будетъ отброшенъ отъ нея и понесетъ большую потерю.»

Изъ этого видно, что еслибы сраженіе произошло по сей диспозиціи, слѣдствіемъ его были бы совершенно другіе результаты. Мѣстныя препятствія были бы обойдены, и главная атака направлялась противъ лѣваго фланга Поляковъ, гдѣ открытая мѣстность была удобнѣе для нападенія и не была укрѣплена какъ предъ фронтомъ; къ тому же сохранилось бы единство и согласіе во всѣхъ дѣйствіяхъ; гренадеры же кн. Шаховскаго, поддержанные кирасирами, рѣшили бы дѣло, между тѣмъ какъ въ сраженіи $^{25}/_{13}$ они были совершенно парализированы; кирасиры (за исключеніемъ 4-хъ эскадр. пр. Альберта п.) пересѣченною мѣстностью у ольховой рощи, а гренадеры по причинѣ большаго перехода отъ Бялоленки на Марки и Зомбки къ главной арміи. Посему, при всѣхъ порицаніяхъ, дѣлаемыхъ русскому полководцу, не нужно упускать изъ виду, что сраженіе не происходило по его первоначальнымъ распоряженіямъ, но возгорѣлось совершенно неожиданно, единственно съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ Шаховскаго, вслѣдствіе чего и пришлось произвести атаку безотлагательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ войска были расположены. Первоначальная диспозиція для битвы была превосходна и имѣла бы неминуемый успѣхъ.

(*) Поляки тоже раздѣляли это мнѣніе: они полагали, что Шаховской направился на Бялоленку по ошибкѣ, вмѣсто того, чтобы идти на Кобылку и Кавенчинъ и готовились воспользоваться этою мнимою ошибкою.

Здѣсь конечно возникаетъ вопросъ: почему фельдмаршалъ не привелъ въ исполненіе 13-го числа планъ, начертанный имъ на 14-ое, когда вслѣдствіе движенія Шаховскаго обстоятельства измѣнились? Почему онъ не приказалъ въ ту же ночь корпусу Витта передвинуться къ Бялоленкѣ? Тогда этотъ планъ могъ бы еще быть выполненъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Шаховской и Виттъ, съ ихъ превосходными войсками и многочисленною артиллеріею, были бы въ состояніи отбросить Круковецкаго со всѣми его подкрѣпленіями и занять силою прагскую дорогу. Тогда непріятель у Грохова долженъ бы былъ или немедленно отступить, что было не легко исполнить въ виду превосходнаго силами противника, или же въ противномъ случаѣ, ему едвали удалось избѣгнуть совершеннаго пораженія, потому что единственный путь его отступленія былъ бы отрѣзанъ. Какая разница была бы тогда въ результатахъ сраженія! Вотъ въ такихъ-то случаяхъ и выказывается геній полководца, когда онъ при самыхъ неожиданныхъ обстоятельствахъ сохраняетъ присутствіе духа, и тотчасъ умѣетъ сдѣлать потребныя измѣненія въ первоначальныхъ планахъ.

Дибичъ въ большомъ безпокойствѣ провелъ ночь. Если бы только удалось выиграть одинъ день! Но этого нельзя было ожидать; планъ былъ разгаданъ, и непріятель необходимо долженъ былъ принять мѣры, дабы избавиться отъ безпокойнаго сосѣда на своемъ флангѣ. Въ довершеніе затрудненій фельдмаршала, невозможно было подать Шаховскому прямую помощь; не оставалось другаго средства, какъ при нападеніи на него Поляковъ начать съ своей стороны сраженіе и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе. Фельдмаршалъ, остановясь на этой мысли, приготовлялся дать битву на слѣдующій день, но разумѣется не такую битву, на какую онъ первоначально расчитывалъ. Вмѣсто того, чтобы ударить непріятелю во флангъ и тылъ, онъ долженъ былъ атаковать его съ фронта. Поляки были расположены по обѣ стороны шоссе, также какъ внутри и позади ольховой рощи, лежащей въ ста шагахъ отъ шоссе, почему нельзя было иначе развернуть свои силы, какъ подъ ихъ артиллерійскимъ огнемъ. Кавалерію же вовсе нельзя бы-

ло употребить въ дѣло, ибо мѣстность, постепенно понижающаяся отъ Вавра къ Кавенчину, образуетъ у опушки лѣса болотистые луга, перерѣзанные множествомъ рытвинъ, и только ближе къ Прагѣ становится болѣе песчаною, а вмѣстѣ съ тѣмъ выше и суше. Ольховая роща находится на такомъ болотѣ, что лѣтомъ нѣтъ возможности войти въ нее, и хотя отъ мороза эти болота сдѣлались проходимыми, однакоже все еще были топки; въ особенности же рвы и болота, лежащія лѣвѣе къ сторонѣ Сасской-Кемпы. Эти то рвы дѣлали позицію Поляковъ чрезвычайно сильною: они были круты, глубоки и болотисты, такъ что большая ихъ часть была переходима только по мостамъ.

Дабы вывести кн. Шаховскаго изъ опаснаго положенія, нужно было присоединить его къ арміи, или тотчасъ атаковать непріятеля; но для нападенія еще не были окончены самонужнѣйшія распоряженія, а съ присоединеніемъ къ главнымъ силамъ гренадерскаго корпуса—приходилось отказаться отъ начертаннаго плана. Вслѣдствіе сего офицеръ за офицеромъ были посылаемы къ Шаховскому съ настоятельными приказаніями, безъ повелѣнія не вступать въ сраженіе, и въ случаѣ атаки превосходнаго непріятеля отступать. Но какъ различныя приказанія касательно отступленія противорѣчили другъ другу: одни предписывали отступленіе на Непорентъ, другіе на Гродзискъ и Марки для соединенія съ главною арміею, то князь находился въ мучительномъ невѣденіи насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній фельдмаршала. Начальникъ корпуснаго штаба генер. Гурко и оберъ-квартирмейстеръ полк. Зедделеръ, къ которымъ онъ обращался, были различнаго мнѣнія, что еще болѣе смущало кн. Шаховскаго. Мысль объ отвѣтственности, которой могъ подвергнуться онъ, приводила его, одного изъ храбрѣйшихъ генераловъ русской арміи, въ отчаяніе, и въ особенности когда онъ узналъ, что фельдмаршалъ былъ недоволенъ имъ за то, что онъ не остался въ Непорентѣ (*). Между тѣмъ его войска

(*) Тогдашній начальникъ штаба корпуса кн. Шаховскаго, впослѣдствіи бывшій начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и начальникомъ штаба кавказскаго корпуса, генер. Гурко, коему авторъ обязанъ многими драгоцѣнными

занимали позицію передъ Бялоленкой, въ 2-хъ линіяхъ: въ 1-й стояли три батал. карабинеровъ, во 2–й оба морскіе полка; три же батал. Суворовскаго и Астраханскаго полковъ составляли резервъ въ самомъ селеніи. Правый флангъ былъ прикрытъ 4-мя эскадр. гусаръ и казаками, а лѣвый отрядомъ генер. Сакена, выдвинувшимся немного впередъ и примкнувшимъ къ болотистой рѣчкѣ.

Такимъ образомъ прошла ночь въ совершенной неизвѣстности, а съ разсвѣтомъ $^{25}/_{13}$ февр. начальствовавшій форпостами полк. Лахманъ прибылъ съ извѣщеніемъ, «что непріятель начинаетъ наступать.» Князь взошелъ на пригорокъ, на которомъ была вѣтренная мельница, удостовѣрился въ справедливости сего показанія, и тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи въ исполненіе даннаго ему предписанія объ отступленіи влѣво на Гродзискъ и Марки къ главной арміи. Но отряду, обремененному многочисленною артиллеріею, не легко было исполнить подобнаго рода фланговое движеніе въ виду наступающаго непріятеля, тѣмъ болѣе что поворотъ на дорогу, ведущую въ Гродзискъ, находился въ разстояніи едва одной версты за его позиціею.—Если бы Поляки прорвались до этого поворота, то отрядъ подвергнулся бы опасности быть разобщеннымъ на двѣ отдѣльныя части. Для лучшаго обезпеченія своего движенія кн. Шаховской послалъ оберъ-квартирмейстера полк. Зедделера, поручивъ ему отыскать среди болотистой низменности, по которой приходилось войскамъ проходить, сколько нибудь удобную возвышенность для занятія ея артиллеріею; это было исполнено полковн. Зедделеромъ, и батарейная батарея

свѣдѣніями объ этомъ сраженіи, замѣчаетъ: «Шаховской и Круковецкій слишкомъ близко стояли другъ противъ друга, чтобы можно было надѣяться весь день $^{25}/_{13}$ остаться въ бездѣйствіи, и потому для исполненія намѣреній фельдмаршала, князю надлежало еще въ теченіи ночи начать отступленіе, или же рѣшиться, вопреки полученнаго приказанія, самому перейти въ наступленіе; и фельдмаршалъ конечно оправдалъ бы послѣднее рѣшеніе, потому что воспрещая ему наступательное движеніе, онъ не зналъ объ одержанныхъ подъ Бялоленкой успѣхахъ, также точно какъ не зналъ и о томъ, что Шаховской находится на разстояніи картечнаго выстрѣла отъ непріятеля. Князь самъ сознавался съ этими доводами, но не могъ взять на себя отвѣтственности въ неповиновеніи, несогласномъ съ его правилами.»

шт.-капит. Чаплица была взвезена на высоту, лежащую непосредственно на томъ пунктѣ, гдѣ отдѣлялась дорога на Гродзискъ. Самое отступленіе должно было производиться одною линіею послѣ другой, начиная съ задней т. е. сперва гренадеры и морскіе полки. Три батал. карабинеровъ должны были тѣмъ временемъ удерживать на правомъ флангѣ Бялоленку, а на лѣвомъ—Сакенъ получилъ приказаніе отступать шагъ за шагомъ.

Въ 8 ч. утра генер. Круковецкій атаковалъ Русскихъ. Съ разсвѣтомъ онъ выстроилъ боевой порядокъ между Тархоминскимъ лѣсомъ и Брудно: въ 1-й линіи стали 8 батал. съ 24 оруд., во 2-ой—полкъ косиніеровъ и Люблинская конница; лѣсъ, къ которому онъ примыкалъ своимъ лѣвымъ флангомъ, былъ занятъ тремя баталіонами, а полк. Буковскій съ уланскимъ п. былъ посланъ на дорогу въ Яблонну, наблюденіе которой Радзивилъ считалъ необходимымъ; наконецъ, вправо къ Зомбкамъ былъ отряженъ маіоръ Кіекерницкій съ однимъ баталіономъ. Весь отрядъ Круковецкаго состоялъ изъ 12 бат. пѣхоты, 8 эскадр. кавалеріи, 24 орудій и одного полка Августовскихъ косиніеровъ; слѣдовательно силы обѣихъ сторонъ были почти одинаковы: Круковецкій имѣлъ болѣе пѣхоты, Шаховской—кавалеріи и артиллеріи, и имѣлъ полную возможность вступить въ битву.

Круковецкій вначалѣ выжидалъ въ вышепомянутой позиціи нападенія Русскихъ, предполагая, что они будутъ наступать; но видя, что онъ ошибся и замѣтивъ у Русскихъ, напротивъ, приготовленія къ отступленію, рѣшился атаковать ихъ. 6 пушечныхъ выстрѣловъ подали сигналъ, и затѣмъ, вся первая линія начала наступать въ шахматномъ порядкѣ, имѣя орудія впереди.

Положеніе кн. Шаховскаго сдѣлалось весьма опасно. Поляки наступали съ свойственною имъ пылкостью, преимущественно устремляясь на правый флангъ русскихъ войскъ противъ Сакена, гдѣ именно былъ стратегическій ключь позиціи, а какъ Сакенъ могъ противопоставить непріятелю только одинъ батал. пѣхоты и кавалерію, то и былъ вынужденъ ускорить отступленіе, что угрожало карабинерамъ опасностію—быть отрѣзанными. Но удачное дѣйствіе батареи Чаплица, поражавшей непріятеля

во флангъ, удержало на нѣкоторое время его наступленіе, а отважная рѣшимость карабинеровъ проложила имъ путь къ дефиле. Но все же одна батарея праваго крыла опоздала прибытіемъ; Сакенъ уже миновалъ входъ въ дефиле, и потому ей пришлось направиться по дорогѣ въ Непорентъ, гдѣ соединясь съ посланнымъ въ Насельскъ полубаталіономъ, она отошла чрезъ Слупно къ Окуневу. Одно орудіе этой батареи, потерявшее большую часть лошадей, завязло въ болотѣ и было взято Поляками. Это былъ ихъ единственный трофей. Генер. Сакенъ также удачно отступилъ по проселочной дорогѣ чрезъ Конты-Грабину на Гродзискъ.

Такимъ образомъ было исполнено это трудное движеніе безъ значительной потери, благодаря неустрашимости войскъ и отличному дѣйствію артиллеріи. Шаховской потерялъ 82 убитыми и 250 ранеными; а Круковецкій самъ признается, что взялъ въ плѣнъ не болѣе 100 чел., и это служитъ доказательствомъ незначительности его успѣха. Въ донесеніи своемъ онъ показываетъ собственный уронъ въ 320 чел., стало быть Поляки потеряли не менѣе Русскихъ. Можно даже сказать, что успѣхъ сраженія былъ на сторонѣ послѣднихъ, потому что имъ удалось выйти такъ счастливо изъ ихъ опаснаго положенія Не смотря на то, въ первыхъ донесеніяхъ Поляковъ говорилось о совершенномъ пораженіи Шаховскаго. Позже, въ подробномъ рапортѣ о сраженіи $^{25}/_{13}$ сказано только, что Русскіе не понесли совершеннаго пораженія единственно потому, что корпусъ Круковецкаго былъ отозванъ по случаю неудачъ на правомъ флангѣ. Но дѣло при Бялоленкѣ началось въ половинѣ девятаго часа утра, а окончилось въ 11 ч. утра, а пораженіе праваго фланга Шембека произошло въ 4 ч. пополудни, слѣдовательно, это обстоятельство, случившееся пятью часами позже, не могло остановить успѣхи Круковецкаго. Когда же Круковецкій возбудилъ противъ себя неудовольствіе, тогда утверждали, будто бы онъ съ намѣреніемъ не хотѣлъ нанести пораженія Шаховскому, дабы заранѣе обезпечить себѣ прощеніе.

На разсвѣтѣ сего же дня фельдмаршалъ отправился изъ

своей главной квартиры къ арміи, стоявшей у Гавра. Онъ былъ увѣренъ, что этотъ день ознаменуется важными событіями. Фельдмаршалъ объѣхалъ верхомъ ряды воиновъ, радостно встрѣчавшихъ его, и приказалъ повсюду служить молебенъ, дабы они могли достойно приготовиться къ столь важной минутѣ, когда многимъ изъ нихъ суждено было разстаться съ жизнію. Какъ нѣкогда Швейцарцы, въ тѣ времена, когда они были столько же набожны, сколько и непобѣдимы, какъ Шведы во времена Густава Адольфа и Карла XII, передъ началомъ битвы обращавшіеся съ усердными молитвами ко Всевышнему, дарующему побѣду,—такъ теперь русскіе воины построились въ большія каре, и въ торжественной тишинѣ внимали священному пѣнію. Фельдмаршалъ присутствовалъ со своею свитою въ каре 2-й гренад. дивизіи: онъ особенно любилъ эти превосходныя войска и совершенно полагался на нихъ. И они умѣли цѣнить его расположеніе, и отъ первой до послѣдней минуты постоянно выказывали непобѣдимое мужество. Едва началось богослуженіе, какъ послышались отдаленные, слѣдовавшіе безостановочно одинъ за другимъ, пушечные выстрѣлы; «Непріятель атакуетъ Шаховскаго.» Эта мысль какъ молнія промелькнула въ умахъ; фельдмаршалъ былъ видимо озабоченъ, и созвалъ къ себѣ генераловъ, чтобы дать имъ новыя инструкціи. Для спасенія Шаховскаго надлежало тотчасъ начать сраженіе; вслѣдствіе чего и были тотчасъ же отданы надлежащія приказанія: по всѣмъ направленіямъ поскакали адъютанты, войска стали въ ружье и заняли назначенныя имъ для битвы мѣста. Вслѣдъ за симъ открылась канонада и началась великая битва (*).

Подобно тому какъ и при Ваврѣ, сраженіе возгорѣлось совершенно неожиданно, потому что и Поляки никакъ не ожидали его въ этотъ день. Хлопицкій все еще квартировалъ въ послѣднемъ домѣ Грохова, откуда онъ каждую ночь отваживался подходить на близкое разстояніе къ постамъ русской арміи, дабы высмотрѣть ея расположеніе. Въ эту ночь онъ, по обыкновенію, исполнилъ тоже, и видя что все было тихо, не замѣтивъ

(*) См. планъ сраженія при Гроховѣ.

никакихъ перемѣнъ, онъ успокоился касательно наступающаго дня. Расположеніе Поляковъ было тоже, какъ и 20/8, только въ этотъ день была очередь Жимирскаго защищать ключъ ихъ позиціи—ольховую рощу; Скржинецкій долженъ былъ его поддерживать; Шембекъ защищалъ шоссе съ правой стороны; Уминскій же прикрывалъ лѣвый флангъ и поддерживалъ сообщеніе съ Круковецкимъ чрезъ Брудно. Впереди, въ ольховой рощѣ стояла дивизія Жимирскаго: 6 бат. бригады Роланда (3-й и 7-й линейные п.), построенные въ колонны къ атакѣ, занимали рощу, разсыпавъ застрѣльщиковъ на ея опушкѣ; остальная часть дивизіи (2-й и 4-й егерскіе п.) находилась позади въ резервѣ. За рощею, на одной линіи съ первыми домами малаго Грохова, была расположена развернутымъ фронтомъ дивизія Скржинецкаго (4-й и 8-й п., ветераны и батал. варшавскихъ юношей), упираясь правымъ флангомъ въ шоссе, а лѣвымъ къ высокой насыпи между рощею и Кавенчиномъ. Дивизія Шембека немного позади, у шоссе составляла правый флангъ, упираясь въ болота Сасской Кемпы; 1-й и 3-й егерскіе п. занимали лѣсъ и его опушку; гренадеры и 20 п. стояли въ резервѣ у Грохова; егеря Кушеля были разсыпаны въ болотистомъ лѣсу, на флангѣ Русскихъ. 4 батареи (Рженецкаго, Нейманов-скаго, Піонтка и Турскаго) обороняли промежутокъ между рощею и лѣсомъ: изъ числа ихъ, батарейная батарея Піонтка стояла на самомъ шоссе; сверхъ того двѣ батареи защищали пространство отъ рощи до Кавенчина.

Позади этой первоначальной позиціи были возведены сильныя земляныя укрѣпленія для пѣхоты и артиллеріи; вправо въ лѣсу устроена засѣка; въ ольховой же рощѣ, по близости расположенія Русскихъ, нельзя было принять подобныхъ мѣръ, и только нѣкоторыя батареи были прикрыты эполементами, да и то не вполнѣ, потому что замерзшая земля затрудняла работы.

Изъ числа кавалеріи, состоявшей подъ общимъ начальствомъ Вейсенгофа, корпусъ Лубенскаго развернулся позади Скржинецкаго между шоссе и Тарговекомъ, поперегъ дороги, ведущей въ Зомбки; корпусъ Уминскаго (двѣ кавалер. дивизіи и

двѣ конныя батареи) долженъ былъ сохранять связь дивизіи Круковецкаго съ главною арміею и прикрывать дороги въ Зомбки и Марки. Цѣпью отдѣльныхъ пикетовъ наблюдалъ онъ селенія Зомбки и Кавенчинъ. Къ первому изъ нихъ слѣдовалъ посланный Круковецкимъ маіоръ Кіекерницкій съ однимъ баталіономъ и однимъ эскадрономъ.

Ближе къ Прагѣ стояли нѣсколько тысячь ново-сформированныхъ косиніеровъ, резервъ артиллеріи и парки. Главнокомандующій Радзивилъ, съ своимъ штабомъ и почетною гвардіею, находился въ 2-хъ верстахъ отъ Праги подлѣ чугунной пирамиды, сооруженной въ память успѣшнаго окончанія шоссе. Хлопицкій находился на батареѣ Піонтка близъ шоссе, впослѣдствіи же онъ былъ всюду, гдѣ была въ немъ надобность.

Такова была позиція Поляковъ: на правомъ флангѣ она была почти неприступна, только на лѣвомъ можно было съ выгодою атаковать ее; а потому и удивительно, что главныя усилія Русскихъ не были направлены съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что и въ стратегическомъ отношеніи атака на лѣвый флангъ могла дать рѣшительнѣйшіе результаты. Правда, для этой цѣли былъ назначенъ корпусъ кн. Шаховскаго, но онъ не появился, да и не могъ появиться въ надлежащее время.

Въ русской арміи, какъ Хлопицкій справедливо заключилъ, не произошло никакихъ перемѣнъ. Она стояла, какъ и прежде, между Кавенчиномъ и Вавромъ: на лѣвомъ флангѣ гр. Паленъ, на правомъ бар. Розенъ; резервы у Милосны. Гр. Паленъ занималъ шоссе у Вавра; бар. Розенъ расположился между Выгодой и Кавенчиномъ и угрожалъ рощѣ; наконецъ кн. Шаховской былъ ожидаемъ со стороны Зомбокъ. 1-й корпусъ выставилъ батарею въ 24 орудія между Гославской колоніей и Выгодой, а самъ былъ расположенъ позади ея, по обѣ стороны шоссе: 2-я дивизія на лѣвомъ флангѣ, 3-я на правомъ, 1-я, съ 5-ю полками кавалеріи, позади въ резервѣ; три батал. и уланскій полкъ охраняли лѣвый флангъ со стороны Застова. 1-й корпусъ, за отдѣленіемъ отрядовъ, состоялъ изъ 25 бат. и 32 эскадр., всего 18,000 ч. пѣхоты и 4005 кавалеріи съ 58-ю оруд., изъ коихъ 22 оставались въ резервѣ.

ТАБЕЛЬ D.

Силы и расположеніе Русскихъ предъ сраженіемъ 25 (13) февраля.

	Баталіоны.	Эскадроны.	Орудія.
I. Лѣвый флангъ. Генералъ графъ **Палень.** 17,000 пѣхоты, 4000 кавалеріи и 58 орудій.			
a) 24 орудія (3 батареи: 1 батарейная и 2 легкихъ) между Гославскою колоніею и Выгодою			24
b) 4 орудія и 3-й морской полкъ у Гославской колоніи, самый выдавшійся пунктъ расположенія	2		4
c) Позади ихъ, лѣвѣе шоссе, 2-я дивизія эшелонами (полки Пр. Вильгельма, Пр. Карла, Эстляндскій и 1-й батал. Ревельскаго)	7		
d) 3 батал. сей дивизіи у Застова, для прикрытія лѣваго фланга (1 батал. Ревельскаго, 1—3-го, и 1—4-го егерскихъ полковъ)	3		8
e) У Выгоды 2 баталіона (Великолуцкаго) для прикрытія праваго фланга артиллеріи	2		
f) Позади нихъ, во 2-й линіи, остальные 7 батал. 3-й дивизіи (полки Старо и Ново-ингерманландскій, 3-й егерскій и 1 батал. Кутузовскаго)	7		
g) 4 батал. 1-й дивизіи образуютъ резервъ позади Вавра (1-й и 2-й егерскіе (1 баталіонъ) и 4-й морской полкъ (1 баталіонъ)	4		
h) Позади нихъ, въ 3-й линіи, 6 кавалерійскихъ полковъ, по обѣ стороны шоссе, а именно: лѣвѣе, полки Клястицкій и Сумскій гусарскіе и Новоархангельскій уланскій (16 эскадроновъ); правѣе: полки Переяславскій и Виртембергскій конно-егерскіе и Ольвіопольскій гусарскій (16 эскадроновъ); равно какъ и резервъ артиллеріи		32	22
Всего	25	32	58
Откомандированные отъ корпуса или уменьшенные въ составѣ:			
1-й дивизіи: 1-й и 2-й морскіе полки (у Шаховскаго) и 1 батал. 4-го (въ Минскѣ), 2-й егерскій полкъ переформированъ въ одинъ бат.; всего	6 бат.		
2-й дивизіи: 1 батал. 3 егерскаго полка (у Сакена) и 1—4-го въ Ложкѣ	2 »		
3-й дивизіи: 1 батал. Кутузовскаго п.—въ Калушинѣ; 6-й егерскій полкъ—въ Минскѣ-Литовскомъ	3 »		
Изъ числа кавалеріи: 2 эскадр. Клястицкихъ гусаръ и Лубенскіе гусары—частью у Шаховскаго, частью разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ	8 эск.		
2 эскадр. Переяславскихъ и Виртембергскихъ конныхъ егерей расформированы (другая бригада конно-егерской дивизіи была послана къ Карачеву и Пулавамъ	2 »		
Недостающая артиллерія у Шаховскаго и при другихъ отдѣльныхъ отрядахъ.			
Недостаетъ 11 бат. 10 эск.			
II. Центръ. Генералъ **баронъ Розенъ.** 17,500 пѣхоты, 2000 кавалеріи и 70 орудій.			
i) 13 батарейныхъ орудій у Выгоды, прикрываемыя 3-мя баталіонами 24-й дивизіи (2 баталіона Виленскаго, 1 бат. Бѣлостокскаго)	3		13
k) Правѣе Выгоды остальные 4 батал. 24-й дивизіи (Брестскаго 2, Бѣлостокскаго 1, Литовскаго 1)	4		
l) Вдоль опушки лѣса до перваго холма, 4 баталіона егерей 25-й дивизіи (49-й и 5-й егерскіе полки).	4		
m) Позади возвышенностей насупротивъ ольховой рощи, 5 батал. 25-й дивизіи (полки Волынскій, Минскій (1 батал.) и Подольскій)	5		
n) 14 орудій на Добмровой горѣ			14
o) Вправо къ Кавенчину Житомирскій полкъ съ 10 эскадр. уланъ (Польскій и Литовскій полки)	2	10	
p) Позади Выгоды, на окуневской дорогѣ, литовская гренадерская бригада съ 2-я батареями	6		16
q) Еще болѣе позади резервъ артиллеріи корпуса съ уланскимъ полкомъ (Волынскимъ).		6	27
Всего	24	16	70
Въ командировкѣ отъ корпуса:			
24-й дивизіи: 1 батал. Литовскаго п. (при госпиталѣ въ Окуневѣ); 4 баталіона егерской бригады въ Седльцѣ, Венгровѣ, Нурѣ	5 бат.		
25-й дивизіи: 1 батал. Минскаго полка расформированъ послѣ сраженія 20 (8)	1 »		
Уланской дивизіи: Татарскій уланскій п. въ Седльцѣ и Венгровѣ; 2 эскадр. Литовскихъ уланъ въ Окуневѣ.	8 эск		
Недостаетъ 6 бат. 8 эск.			
III. Резервы. 12,000 пѣхоты, 5000 кавалеріи и 50 орудій.			
r) На шоссе за Вавромъ 2-я гренадерская дивизія	12		
s) Въ Милоснѣ, отрядъ Гвардіи Великаго Князя (за вычетомъ 4-хъ эскадр. Гродненскихъ гусаръ, оставшихся въ Милоснѣ), 2 кавалерійскихъ и 2 пѣхотныхъ полка	4	8	
t) Тамъ же 3-я кирасирская дивизія и Украинскій уланскій полкъ (изъ 3-хъ остальныхъ уланскихъ полковъ 3-й дивизіи, 2 были у Сакена и 1 у Палена).		30	
u) Тамъ же артиллерія сихъ резервовъ, равно какъ и вообще резервная артиллерія			68
Всего	16	38	68
IV. Правый флангъ. Генералъ **князь Шаховской.** 8500 пѣхоты, 2000 кавалеріи и 58 орудій	11½	16	58

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Корпусъ Палена:	25	баталіоновъ,	32	эскадрона,	58	орудій.	17000 пѣхоты,	4000 кавалеріи.
» Розена:	24	»	16	»	70	»	17500 »	2000 »
Резервы:	16	»	38	»	68	»	12000 »	5000 »
Силы главной арміи	65	баталіоновъ,	86	эскадроновъ	196	орудій	46,500 пѣхоты,	11,000 кавалеріи.
Корпусъ Шаховскаго	11½	»	16	»	56	»	8,500 »	2,000 »
Силы всей арміи.	76½	баталіоновъ,	102	эскадрона,	252	орудія.	55,000 пѣхоты,	13,000 кавалеріи.
							68,000 человѣкъ.	

Не участвовали въ сраженіи:

1-го корпуса	11	баталіоновъ,	10 эскадроновъ.
6 «	6	»	8 »
Гренадерскаго корпуса	18	»	
Отряда Гвардіи		4	»
5 кавалерійск. корпуса		36	»
Всего.	35 баталіоновъ,		58 эскадроновъ.

Поэтому недоставало 35 баталіоновъ, 58 эскадроновъ, или около трети 112,000 вступившей въ январѣ арміи, въ которой оставалось такимъ образомъ около 75,000 челов.; если исключить изъ сего числа 7000 чел. потерь, понесенныхъ въ предшествовавшія сраженія, то мы получимъ возможность другимъ путемъ убѣдиться въ вѣрности приведенной выше численности армій.

24-я дивизія 6-го корпуса была расположена по обѣ стороны окуневской дороги, имѣя батарею въ 13 орудій передъ собою у Выгоды; 25-я дивизія стояла вдоль опушки лѣса, противъ рощи, имѣя на своемъ правомъ флангѣ противъ Кавенчина десять эскадр. уланъ, а за лѣвымъ флангомъ шесть эскадр. уланъ и литовскую гренадер. бригаду. Этотъ корпусъ находился въ составѣ 24-хъ бат. и 16-ти эскадр., всего 17,500 ч. пѣхоты и 2000 кавалеріи съ 70 орудіями, изъ коихъ 27 въ резервѣ.

Резервы арміи состояли изъ 16-ти батал. и 38 эскадроновъ (*), 13,000 ч. пѣхоты и 5,000 кавалеріи съ 50 оруд. большею частію конной артиллеріи. Изъ нихъ 12 бат. 2-й гренадер. дивизіи находились на шоссе за 1-мъ корпусомъ; отрядъ гвардіи Великаго Князя и 3-я кирасир. дивизія—у Милосны.

Посему, всѣ силы русской арміи, сражавшейся при Грохові, заключались въ 65-ти бат. и 86-ти эскадр., въ числѣ 48,500 ч. пѣхоты и 10,000 кавал. съ 178 орудіями, изъ которыхъ однакожъ большая часть оставалась въ резервѣ (**). Правый флангъ кн. Шаховскаго, 11½ бат. и 16 эскадр. въ числѣ 8,500 ч. пѣхоты (***) и 2000 кавалеріи, какъ мы увидимъ ниже, принялъ участіе только въ концѣ сраженія.

Изъ этого видно, что перевѣсъ въ силахъ на сторонѣ Русскихъ былъ вовсе не такъ великъ, какъ это старались выставить; ибо польская армія состояла изъ 45-ти бат. старой пѣхоты и 80-ти эскадр. кавалеріи, кромѣ того изъ различныхъ вооруженныхъ косами полковъ (въ числѣ коихъ 14-й, 19-й и 20-й); считая ихъ старые баталіоны, послѣ потерь понесенныхъ въ предъидущихъ сраженіяхъ, вообще только въ 800 ч., а эскадроны въ 150 ч. (****), общая числительность ихъ будетъ: 36,000

(*) Въ этотъ счетъ не входятъ 4 эскадр. Гродненскихъ гусаръ, оставленныхъ при главной квартирѣ въ Милоснѣ

(**) Смотри табель Д.

(***) За вычетомъ урона понесеннаго ими въ обоихъ дѣлахъ при Бялоленкѣ.

(****) Какъ мы уже замѣтили, въ началѣ войны польскіе баталіоны были укомплектованы и доведены почти до тысячнаго состава, а эскадроны до 175 ч. (Солтыкъ говоритъ до 200) и потому, принявъ баталіоны уменьшившимися послѣ бывшихъ

старой пѣхоты, 12,000 кавалеріи и около 8,000 косиніеровъ, всего же 56,000 ч. изъ коихъ 44,000 были въ главной арміи у Грохова, а 12,000 Круковецкаго у Брудно (*). Къ тому же, выгоды позиціи были совершенно на сторонѣ Поляковъ: они сражались на избранной заранѣе мѣстности, въ глазахъ столицы, ихъ женъ, братьевъ, дѣтей; они знали, что всѣ смотрѣли на нихъ и сочувствовали имъ своими желаніями и надеждами. И не только ихъ столица и страна, но вся Европа устремляла на нихъ свои взоры, ожидая въ какой мѣрѣ они выполнятъ свои обѣщанія. Для нихъ эта битва составляла вопросъ: «быть или не быть»; для Русскихъ же она

сраженій до 800 ч., а эскадровы до 150 ч., показаніе будетъ весьма умѣренно. Что касается до полковъ, вооруженныхъ косами, то ихъ числительность была весьма значительна, но трудно сказать объ этомъ что либо точное, потому что во всѣхъ польскихъ донесеніяхъ исчислены только линейныя войска. Сколько ихъ было, можно видѣть изъ слѣдующихъ цитатъ польскихъ газетъ за февраль мѣсяцъ, пока еще Скржинецкій не запретилъ этихъ нескромныхъ объявленій: 10 февр. «Сильный отрядъ косиніеровъ вступилъ въ Варшаву;» 12. февр: «Три батал. 20-го п. совершенно готовы,» 16 февр.: «Вступили два значительныхъ отряда косиніеровъ.» 18 февр.: «Нѣкоторые косиніерскіе полки вступаютъ въ Варшаву, между прочимъ 19-й линейный полкъ.» 24 февр.: «Прибылъ одинъ батал Подлясскихъ егерей.» 25 февр.: «14-й линейный п., съ косами, идетъ изъ Калиша, кромѣ сего Мирославскій ведетъ 9-й п. косиніеровъ.» Если присоединить къ сему: Литовцевъ, Подольцевъ, Волынцевъ, стрѣлковые баталіоны, разныя вооруженныя толпы, принимавшія участіе въ этомъ сраженіи (а кто не хотѣлъ или не долженъ былъ участвовать въ сраженіи!), то наше показаніе нетолько не преувеличено, но даже слишкомъ умѣренно.

(*) Числительность польской арміи въ Гроховскомъ сраженіи, по единогласному показанію свѣдущихъ людей, простиралась отъ 50-ти до 60-ти тысячъ ч., но была ближе къ послѣднему числу. Польскіе писатели показываютъ двояко: на сколько они увеличиваютъ силы до сраженія, на столько же умеьшаютъ ихъ послѣ битвы. Бржозовскій, пишущій довольно умѣренно, считаетъ, за исключеніемъ дивизій Круковецкаго и Янковскаго, около $^{35}/_{т}$., непринимая въ соображеніе косиніеровъ и полагая ихъ только 4 батал., что, судя по прочимъ показаніямъ, несправедливо. Но Шпациру и этого кажется много, и хотя въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ онъ въ точности придерживается Бржозовскаго и просто выписываетъ его сужденія, однако же онъ уменьшаетъ польскую армію до $^{30}/_{т}$,, а за то русскую увеличиваетъ до $^{120}/_{т}$. Не смотря на то, что онъ, вмѣстѣ съ польскими журналистами, убиваетъ тысячи Русскихъ въ каждомъ сраженіи, русская армія у него постоянно остается въ нормальномъ числѣ $^{120}/_{т}$. Если писатели, во время войны, позволяли себѣ подобныя преувеличенія, то это еще было извинительно; но если два года спустя выступаетъ такъ называемый историкъ съ подобными разсказами, то каково должно быть понятіе о его умѣ и правдивости?

была только битвою чести и необходимости; честь требовала не быть побѣжденными слабѣйшимъ непріятелемъ, необходимость же заставляла подавить возмущеніе, которое могло имѣть неисчислимыя послѣдствія. И такъ наступающее сраженіе долженствовало быть отчаяннымъ; обѣ стороны твердо рѣшились не уступать—побѣдить или погибнуть на полѣ битвы.

Какъ Наполеонъ подъ Лейпцигомъ, такъ Поляки подъ Гроховомъ дѣйствовали по внутреннимъ линіямъ, почему сообщенія между ихъ дивизіями были короче и легче. Русскіе же были расположены кругомъ ихъ, по внѣшней дугѣ, которая, въ добавокъ къ тому, прерывалась еще мѣстными препятствіями, чрезъ что затруднялась связь между разъединенными корпусами, а дѣйствія кавалеріи дѣлались почти не возможными. Они имѣли выгоду только въ томъ, что артиллерія ихъ дѣйствовала концентрически, а потому гораздо дѣйствительнѣе польской, выстрѣлы которой разсѣевались. Русскіе имѣли на шоссе, ихъ главной операціонной линіи, большія массы, не могшія податься впередъ, до тѣхъ поръ пока ольховая роща, находившаяся на флангѣ шоссе, была въ рукахъ Поляковъ. Итакъ эта роща сдѣлалась первымъ предметомъ дѣйствій; овладѣніе ею хотѣли совершить корпусомъ Розена, какъ стоявшимъ вблизи отъ нее.

Послѣ битвы, конечно, многіе стали утверждать, что было неосновательно жертвовать такимъ множествомъ людей для овладѣнія рощею, такъ какъ легко было заставить Поляковъ отступить, обойдя ее съ права. Противъ сего можно сдѣлать много возраженій. Безспорно, было бы весьма важно и выгодно, обойти рощу съ правой стороны и отбросить Поляковъ къ болотамъ, если бы только для этого имѣлось достаточно войскъ. Для этой цѣли былъ назначенъ отрядъ кн. Шаховскаго, но онъ прибылъ только къ концу сраженія. Изъ корпусовъ Палена или Розена нельзя было употребить для сего войскъ. Палена нельзя было отдалить отъ шоссе—главной комуникаціонной линіи, ибо въ противномъ случаѣ можно было бы потерять свои сообщенія, а слабый корпусъ Розена невозможно было растянуть безъ того, чтобы не лишиться

*

связи съ Паленомъ и дать возможность Полякамъ прорвать центръ арміи. Уже разъ при Ваврѣ стоило весьма дорого возстановить сообщеніе между этими двумя корпусами, и потому возможно ли было теперь снова прервать его, растянувъ безразсудно войска вправо. Воспоминаніе о сраженіи при Саламанкѣ остерегло отъ этой ошибки. И такъ, принимая въ соображеніе невозможность наступленія Палена на шоссе и въ надеждѣ, что обходное движеніе Шаховскаго скоро будетъ приведено въ исполненіе, ничего болѣе не оставалось, какъ атаковать рощу корпусомъ Розена, дабы привлечь туда вниманіе Поляковъ до появленія Шаховскаго въ тылу ихъ арміи.

Фельдмаршалъ съ свойственною ему быстротою сообразилъ всѣ сіи обстоятельства и немедленно отдалъ слѣдующія приказанія: 1-й корпусъ долженъ удерживать 1-ю дивизіею шоссе, а съ двумя другими податься болѣе вправо, для поддержанія корпуса Розена и для содѣйствія ему въ овладѣніи рощею, составлявшею ключъ позиціи. Литовская гренад. бригада съ двумя уланскими полками должна была слѣдовать вправо для открытія сообщенія съ ожидаемымъ отъ Зомбковъ кн. Шаховскимъ, а чтобы не оставаться до его прибытія въ бездѣйствіи, ей было приказано наступать по дорогѣ въ Зомбки противъ лѣваго непріятельскаго фланга; наконецъ приказано резервамъ прибыть отъ Милосны къ арміи и расположиться позади корпуса Розена, къ которому отправился самъ фельдмаршалъ.

Сдѣлавъ всѣ сіи распоряженія, Дибичъ поскакалъ съ своею свитою вправо къ Кавенчину и избралъ себѣ мѣсто на господствующемъ холмѣ, близъ опушки лѣса, извѣстномъ подъ названіемъ Домброва-гора, съ котораго, имѣя передъ собою рощу, онъ могъ обозрѣвать начинающуюся битву. Его черты были холодны и серіозны, и ничто не изобличало, что происходило въ его душѣ.

Послѣ 9 ч. утра артиллерійская пальба по всей линіи начала становиться все сильнѣе и сильнѣе. Высоко поднимавшіяся облака дыма носились въ воздухѣ, и всевозможные снаряды съ шипѣніемъ разрѣзывали его во всѣхъ направленіяхъ. Бар.

Розенъ началъ наступленіе, направивъ пять батал. 24-й дивизіи (*) противъ ольховой рощи; гр. Паленъ съ двумя дивизіями тоже приблизился къ ней: 9 бат. 3-й дивизіи расположились правѣе, а семь 2-й дивизіи—лѣвѣе окуневской дороги; Гейсмаръ въ тоже время съ шестью баталіонами 1-й дивизіи удерживалъ шоссе за Гославской колоніей, а 6 кавалерійскихъ полковъ съ тремя егерскими баталіонами оставались на ихъ флангѣ въ прежней позиціи за Вавромъ.

Среди грома выстрѣловъ и подъ градомъ ядеръ и картечей показались колонны 6-го корпуса, храбро шедшія въ атаку. Зная, что на нихъ, состоявшихъ на половину изъ Русскихъ и Литовцевъ, не вполнѣ полагались, они хотѣли выказать себя достойными полнаго довѣрія, какъ сослуживцевъ своихъ, такъ и фельдмаршала. Они неустрашимо атаковали рощу; но Поляки имѣли въ ней 12 бат. дивизіи Жимирскаго, и всѣ выгоды позиціи были на ихъ сторонѣ. Два широкихъ, болотистыхъ оврага прорѣзывали рощу, одинъ впереди, на опушкѣ ея, другой по самой срединѣ. Искусные польскіе застрѣльщики, укрываясь за деревьями, нанесли значительный вредъ наступающимъ по открытой полянѣ войскамъ, подверженнымъ сверхъ того перекрестному огню батарей, прежде чѣмъ они перешли первый ровъ и могли достигнуть до нихъ; только тогда началась битва, съ одинаковыми выгодами для обѣихъ сторонъ, въ самой рощѣ. Но едва Русскіе выбили своихъ противниковъ изъ передней части лѣса, какъ наткнулись на второй ровъ, изъ-за котораго польскіе резервы, прикрытые засѣками, встрѣтили утомленныя войска частымъ огнемъ и заставили ихъ отступить. Этотъ второй ровъ долгое время былъ непреодолимымъ препятствіемъ для наступавшихъ войскъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ неудивительно, если пять батал. 24-й дивизіи не были достаточны, дабы вырвать рощу изъ рукъ Поляковъ; и только когда они были подкрѣплены четырьмя егерскими батал. 25-й дивизіи, удалось имъ выбить войска Ролан-

(*) Полки Брестскій, Виленскій и батал. Литовскаго; остальные два батал. этой дивизіи (Бѣлостокскій п.) оставались для прикрытія артиллеріи у Выгоды.

да (*). Хлопицкій, увидѣвъ на этомъ пунктѣ жестокій бой, посылаетъ туда Прондзинскаго, который находитъ Роланда уже позади рощи, приводящаго въ порядокъ свои войска. Усиленные остальными частями дивизіи, Жимирскій и Прондзинскій ведутъ ихъ впередъ и заставляютъ Русскихъ вновь очистить рощу. Но послѣдніе, подкрѣпленные остальными 5 баталіонами 25-й дивизіи, опять врываются въ нее: съ большою потерею для обѣихъ сторонъ возгорается снова жестокая битва.

Фельдмаршалъ обозрѣвалъ сраженіе съ высоты холма: между тѣмъ изъ Милосны подходили резервы; 2-я гренад. дивизія стала за холмомъ, на которомъ находился Дибичъ; влѣво отъ него, у выхода изъ большаго лѣса, расположилась 3-я кирасир. дивизія съ двумя уланскими полками, Цесаревича Константина Павловича и Украинскимъ; еще далѣе влѣво, у окуневской дороги—гвардейскій отрядъ Великаго Князя.

Было уже 11 часовъ. Войска Жимирскаго сражались съ большою стойкостью, но они уже начали уступать; уже Русскіе вторично отбросили ихъ за второй оврагъ и заняли бо́льшую часть рощи, не смотря на то, что Хлопицкій, хладнокровно стоявшій подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ у батареи Пiонтка, нѣсколько разъ посылалъ къ Жимирскому адъютанта съ приказаніемъ «во чтобы то ни стало удержать рощу», а когда послѣдній отвѣтилъ ему: «что войска совершенно истощены и не могутъ болѣе держаться», Хлопицкій приказалъ бригадѣ Богуславскаго (4-й и 8-й п.), подкрѣпленной еще бригадой Скржинецкаго, смѣнить стоявшую на правомъ флангѣ рощи бригаду Роланда; между тѣмъ егерская бригада Чижевскаго, стоявшая лѣвѣе и пострадавшая менѣе, должна была продолжать сраженіе.

(*) Дабы насъ не упрекнули въ ошибкахъ, если этотъ и послѣдующіе разсказы различествуютъ съ офиціальными реляціями, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что эти реляціи, писанныя тотчасъ послѣ сраженія, очень часто заключаютъ въ себѣ неправильныя показанія. Къ тому же ихъ часто переводили не вѣрно и въ превратномъ видѣ, и кромѣ того, переводы эти были наполнены опечатками, дающими другой смыслъ, такъ что историку нужно пользоваться ими съ чрезвычайною осмотрительностью. Мы почерпали извѣстія изъ бумагъ главнаго штаба и подлинныхъ донесеній разныхъ начальствующихъ лицъ, почему можемъ полагать, что нашъ разсказъ во всемъ, касающемся русскихъ войскъ, согласенъ съ истиною. *Прим. Автора.*

Въ то самое мгновеніе, какъ Жимирскій съ своими изнуренными солдатами началъ отступленіе, смерть поразила его. Ему было суждено пасть жертвою дѣла, котораго онъ втайнѣ гнушался! Ему оторвало ядромъ руку, и его перенесли полумертваго въ Варшаву, гдѣ вскорѣ онъ скончался на рукахъ своей неутѣшной жены. Ненависть революціонеровъ противъ него, какъ и противъ всѣхъ благородныхъ людей, неохотно слѣдовавшихъ народному увлеченію, была такъ велика, что даже самая его смерть на полѣ битвы не примирила съ нимъ враговъ, и они вложили въ уста Хлопицкаго не умѣстныя слова, которыхъ онъ никогда не произносилъ: «Жалко, что этотъ генералъ не погибъ ранѣе.»

Полдень; большая часть рощи въ рукахъ Русскихъ. Смерть Жимирскаго такъ подѣйствовала на его солдатъ, что вся дивизія пришла въ совершенный безпорядокъ; едва могли собрать ее позади дивизіи Скржинецкаго. Послѣ жаркой канонады, Богуславскій, поддержанный слѣва егерями Чижевскаго, съ свѣжими войсками проникаетъ въ рощу и опять заставляетъ Русскихъ отступить.

Настала минута, когда битва должна была принять болѣе важный, обширный, жестокій характеръ. Раздосадованный тщетными усиліями 6-го корпуса, фельдмаршалъ повелѣваетъ повести новую атаку, которой должны содѣйствовать 3-я дивизія Палена и карабинерная бригада. Начальство надъ сими войсками поручаетъ онъ своимъ ближайшимъ помощникамъ, а именно: надъ войсками, атакующими справа—гр. Толю, а слѣва—генер. Нейдгардту. 18 конныхъ орудій, подъ прикрытіемъ Украинскихъ уланъ, получаютъ приказаніе выѣхать на позицію противъ южной стороны рощи и открыть сильный огонь, между тѣмъ какъ гр. Толь высылаетъ батарею полк. Ренне́ (8 орудій) для поддержанія карабинеровъ. Эти послѣдніе бодро шли чрезъ холмъ, мимо достойнаго полководца, обратившагося къ нимъ съ ласковымъ привѣтомъ; гр. Толь становится во главѣ ихъ и съ свойственною ему неустрашимостью ведетъ ихъ противъ непріятеля. Такимъ образомъ готовился грозный штурмъ противъ защитниковъ рощи; слишкомъ 20 баталіоновъ охва-

тили ее широкимъ полукружіемъ; битва, затихшая отъ изнуренія войскъ, должна была возгорѣться съ новымъ ожесточеніемъ.

Генералъ Нейдгардтъ передалъ 3-й дивизіи Палена приказаніе наступать. Сумскій и Ольвіопольскій гусарскіе полки съ двумя полками 2-й дивизіи должны были заступить ея мѣсто, для прикрытія артиллеріи. Нейдгардтъ, не обращая вниманія на то, что по наружнымъ отличіямъ своего чина могъ служить цѣлію непріятельскимъ выстрѣламъ, становится впереди Староингерманландскаго и Великолуцкаго полковъ, и дабы подать солдатамъ примѣръ мужества и самоотверженія, идетъ въ первыхъ рядахъ застрѣльщиковъ. Точно также гр. Толь впереди храбрыхъ карабинеровъ наступаетъ съ правой стороны рощи. Этотъ совокупный ударъ принуждаетъ Поляковъ отступить на всѣхъ пунктахъ.

Приготовленія Русскихъ и возрастающая опасность не укрылись отъ опытнаго взгляда Хлопицкаго; онъ зналъ, что судьба всего дня зависѣла отъ удержанія за собою рощи, заваленной уже убитыми и ранеными. Быстро выстраиваетъ онъ 4-ре баталіона только что прибывшаго гренадерскаго полка въ колонны къ атакѣ: онъ самъ, Мюльбергъ и Пронд-зинскій становятся въ головѣ ихъ и идутъ впередъ. Адъютанты Хлопицкаго окружаютъ его, и войска съ одушевленіемъ слѣдуютъ за своимъ любимымъ полководцемъ, который, безъ сабли, съ короткою трубкою въ рукахъ, ведетъ ихъ къ правой сторонѣ рощи, въ то самое время, какъ Скржинецкій, съ своею дивизіею, имѣя впереди столь извѣстный 4-й полкъ, направляется противъ средины, а Чижевскій, съ оправившимися егерскими полками—на лѣвую сторону; въ это же время съ обѣихъ сторонъ возгарается съ новою силою артиллерійскій огонь; ядра и картечи на близкомъ разстояніи вырываютъ цѣлые ряды солдатъ. Полки 3-й дивизіи, частію уже ворвавшіеся въ рощу, частію развернувшіеся на полянѣ, будучи поражаемы польскою артиллеріею во флангъ, въ то время какъ польская пѣхота атакуетъ ихъ съ фронта, принуждены отступить. Изнуренныя войска 24-й и 25-й дивизій, не будучи

въ состояніи устоять противъ новаго натиска, также отступаютъ. Даже храбрые карабинеры, съ которыми ихъ бригадный командиръ генер. Фрейгангъ достигъ до дальняго рва, гдѣ они на разстояніи 50 шаговъ перестрѣливались съ непріятелемъ, потерявъ большую часть баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, были вынуждены отступить. Самъ генер. Фрейгангъ, раненый въ голову, долженъ былъ удалиться на короткое время. Роща еще разъ потеряна, и польскія войска начинаютъ уже массами выходить изъ нея и выстраиваться впереди; Пронздзинскій говоритъ гренадерамъ: «солдаты, эти пушки ваши!»; Поляки овладѣваютъ уже двумя завязшими въ болотѣ орудіями; ихъ храбрость, ихъ одушевленіе, ихъ натискъ, кажутся непреоборимыми. Предъ всѣми отличается во главѣ 4-го полка Лудвигъ Мицельскій изъ Познани; хотя онъ уже истекалъ кровью изъ нѣсколькихъ ранъ, но продолжалъ сражаться, пока не упалъ безъ дыханія (*).

Фельдмаршалъ, усмотрѣвъ внезапную перемѣну хода битвы, и видя, что атакующіе сдѣлались атакованными, убѣдился, что настала рѣшительная минута, и тотчасъ же принялъ надлежащія мѣры. Во-первыхъ, по его приказанію, 2-я гренад. бригада, цвѣтъ войска, на которую онъ полагался во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, перейдя холмъ, должна была соединиться съ карабинерною бригадою и отбросить непріятеля. Потомъ, обратясь къ окружающимъ его офицерамъ, онъ сказалъ: «не стыдно ли, что мы не можемъ овладѣть этою рощею? Теперь настала минута, гдѣ мы лично собою должны жертвовать.» За тѣмъ онъ далъ шпоры лошади и поскакалъ въ самый раз-

(*) «Весьма похвально отдавать непріятелю справедливость, но прискорбно видѣть забытыми столько благородныхъ поступковъ нашихъ офицеровъ, напр. карабинерная бригада потеряла 3-хъ баталіонныхъ и большую часть ротныхъ командировъ. 4-й баталіонный командиръ сей бригады, оставшійся въ живыхъ, убитъ при Остроленкѣ.» *Замѣчанія русскаго генерала.* Мы вполнѣ согласны съ этимъ отзывомъ: Поляки сто разъ громко описывали и разсказывали свои подвиги, и даже изобрѣтали то, чего недоставало для ихъ славы. Русскіе же сохраняютъ совершенное молчаніе. Историку легко изъ лжи и преувеличеній извлечь то, что правдоподобнѣе. Но относительно Русскихъ рѣшительно нѣтъ никакихъ вѣрныхъ источниковъ.

гарѣ битвы. Его адъютанты и генералы стали впереди отступающихъ баталіоновъ; самъ же Дибичъ поспѣшилъ къ войскамъ 3-й дивизіи, и громкимъ голосомъ сказалъ имъ: «куда, ребята? вѣдь непріятель тамъ! впередъ, впередъ!» и ставъ въ челѣ ихъ, повелъ въ атаку. Такимъ образомъ оба полководца опять сошлись на близкое разстояніе: тамъ Хлопицкій обскакивалъ ряды своихъ воиновъ и ободрялъ войска словомъ и дѣломъ: его сѣрый сюртукъ уже весь пробитъ пулями, двѣ лошади подъ нимъ убиты, онъ самъ легко раненъ въ ногу, но непоколебимо стоитъ онъ посреди ужасовъ битвы; здѣсь русскій полководецъ, одушевленный необыкновеннымъ огнемъ, подъ непріятельскими ядрами, ободряетъ русскихъ воиновъ и указываетъ имъ шагою путь къ побѣдѣ.

Его примѣръ, его самоотверженіе подѣйствовали: обрадованныя и ободренныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изумленныя присутствіемъ любимаго полководца, войска 3-й дивизіи отвѣчаютъ на его слова громкимъ ура! и мужественно кидаются на непріятеля,—впереди храбрый 5-й егерскій п. съ однимъ батал. Кутузовскаго п., подъ начальствомъ храбраго полковника фонъ-деръ Бриггена; правѣе—Новоингерманландскій п. съ столь же храбрымъ полковникомъ Адлербергомъ во главѣ; позади его, отведенный во 2-ю линію Староингерманландскій п. Оба потерянныя орудія взяты обратно 5-мъ егерскимъ полкомъ; Поляки отступаютъ: Русскіе стремительно преслѣдуютъ ихъ. На правой сторонѣ рощи, генер. Фрейгангъ, перевязавъ свою рану, смѣло идетъ впередъ съ гренадерскою бригадою (полки Принца Павла Мекленбургскаго и Екатеринославскій) на подкрѣпленіе карабинерамъ. Построившись въ одну линію, въ колоннахъ къ атакѣ, (за исключеніемъ одного батал. карабинеровъ, построеннаго въ ротныя колонны), карабинеры лѣвѣе, гренадеры правѣе, съ барабаннымъ боемъ, съ наклоненными впередъ штыками, безъ выстрѣла, врываются они въ рощу и, не обращая вниманія на жестокій огонь непріятеля, отбрасываютъ его за дальній оврагъ. Здѣсь Поляки получаютъ подкрѣпленіе, битва на одно мгновеніе становится нерѣшительною. Но жребій ея уже брошенъ. Ни что не можетъ противиться стремительному натиску храбрыхъ, даже препят-

ствія, созданныя природою; по грудамъ тѣлъ переходятъ они чрезъ второй ровъ и окончательно выбиваютъ Поляковъ изъ рощи. Между тѣмъ и съ лѣвой стороны, 3-я дивизія и остальная часть корпуса Розена успѣли уже достигнуть одной высоты съ ними. Уже было болѣе 2-хъ ч. попол., и успѣхъ боя, такъ долго колебавшійся, видимо сталъ клониться на сторону Русскихъ.

Такъ окончилась въ рощѣ эта битва исполиновъ. Болѣе 8 т. убитыхъ и раненыхъ, лежавшихъ на тѣсномъ пространствѣ, показывали ожесточеніе, съ которымъ сражались обѣ стороны. Трижды Русскіе достигали втораго рва и трижды были отбрасываемы, пока не подоспѣли Гренадеры, рѣшившіе судьбу боя (*).

Битва колебалась только до тѣхъ поръ, пока силы обѣихъ сторонъ не пришли въ равновѣсіе, и противъ 25 польскихъ баталіоновъ были выставлены 26 русскихъ (17 Розена и 9 Палена), но когда, съ прибытіемъ 8 батал. карабинеръ и гренадеръ, Русскіе пріобрѣли перевѣсъ въ силахъ, тогда и побѣда склонилась на ихъ сторону (**).

Хлопицкій дѣлалъ все, что было въ его силахъ, для того чтобы оспорить побѣду; онъ употребилъ для битвы въ рощѣ

(*) «Это была вполнѣ битва гигантовъ,» писалъ послѣ сраженія участвовавшій въ ней офицеръ:—«Поляки сражались подобно Французамъ въ ихъ лучшія времена. Въ рощѣ какъ градъ сыпались пули, не умолкая свистала картечь, и вся земля была изрыта гранатами; тамъ не осталось ни одного не поврежденнаго деревца.

(**) Поляки имѣли въ ольховой рощѣ 12 бат. дивизіи Жимирскаго, 9 бат. Скржинецкаго, и 4 бат. гвардейскихъ Гренадеръ, всего 25 бат., считая ихъ въ 800 ч. каждый (см. выше) всего будетъ около 20 т. Русскіе имѣли сперва 17 бат. 6-го коруса (2 бат. Бѣлостокскаго п. оставались для охраненія артиллеріи у Выгоды) и 9 бат. 3-й дивизіи; всего 26 бат., а считая батал. въ 700 ч.—18,200, слѣдовательно ни какъ не превышали Поляковъ; но послѣ сего прибыли 8 бат. 2-й гренад. дивизіи, которую можно полагать въ 6000 ч, слѣдовательно Русскіе противопоставили 24 т., 20 тысячамъ Поляковъ и побѣда оказалась на ихъ сторонѣ. Изъ показаній дневныхъ рапортовъ русскіе батал. можно принять въ 700 ч., что въ общей сложности будетъ довольно вѣрно. Если наприм. резервныя части были въ большемъ комплектѣ, за то нѣкоторые баталіоны 1-го и 6-го корпусовъ были слабѣе. Вслѣдствіе продолжительнаго похода (нѣкоторые полки должны были сдѣлать болѣе 1000 верстъ) и расположенія въ ту пору года подъ открытымъ небомъ, въ полкахъ было много больныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ при самомъ выступленіи не были совершенно комплектны (напр. 5-й егерскій п. и многіе другіе), въ чемъ можно удостовѣриться изъ вышеприведенной табели.

одни за другими всѣ бывшія свободными войска; оставались не тронутыми только 6 батал. егерей Шембека, которые нельзя было оттянуть отъ шоссе, баталіоны косиніеровъ, годные для совокупнаго удара, но не для разсыпнаго дѣйствія въ лѣсу; наконецъ 12 батал. Круковецкаго, за коими посылали нѣсколько разъ, но которые не показывались. Напротивъ у Русскихъ, какъ Хлопицкій могъ самъ замѣтить, лѣвое крыло Палена еще не было въ дѣлѣ, а сколько резервовъ скрывалось въ лѣсу ему не было извѣстно.

Такъ какъ сверхъ того нѣкоторые генералы не хотѣли повиноваться приказаніямъ Хлопицкаго, то онъ поспѣшилъ къ кн. Радзивилу, дабы переговорить съ нимъ о необходимыхъ мѣрахъ: о корпусѣ Круковецкаго, о кавалеріи Лубенскаго долженствовавшей подвинуться впередъ, а также и объ отступленіи, о которомъ пора уже было подумать. Еще прежде Хлопицкій замѣтилъ сквозь дымъ темныя движущіяся массы русской кавалеріи, и удостовѣрясь въ томъ, что онѣ готовились къ рѣшительному удару, послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ Лубенскому съ приказаніемъ выслать одну дивизію впередъ. Лубенскій, считавшій болотистую и пересѣченную мѣстность у рощи не удобною для дѣйствія кавалеріи, отказался исполнить это, сказавъ: «генералъ Хлопицкій хорошій пѣхотный генералъ, но что касается до употребленія кавалеріи, то онъ немного въ этомъ понимаетъ», и твердо рѣшился вступить въ дѣло только тогда, когда обстоятельства и мѣстность дозволятъ ему дѣйствовать, или не иначе какъ по полученіи отъ кн. Радзивила опредѣленнаго повелѣнія. Хотя Хлопицкій и управлялъ сраженіемъ, однакоже не имѣлъ никакого офиціальнаго званія, и потому всѣ дѣйствовали по собственному усмотрѣнію, повиновались, когда считали это полезнымъ, и не повиновались, если приказанія казались имъ не соотвѣтствующими цѣли. Между тѣмъ Хлопицкій, озабоченный приготовленіями непріятеля, подъѣхалъ къ Шембеку, коего войска, укрытыя двумя небольшими рощицами, еще весьма мало пострадали отъ артиллерійскаго огня Русскихъ, и обратилъ его вниманіе на опасность отъ наступающей русской ка-

AA. Расположеніе русской арміи до начала сраженія.

BB. Расположеніе польской арміи.

CC. Атаки на ольховую рощу 24-й и 25-й дивизій, подкрѣпленныхъ 3-ю дивизіею Палена.

DD. Движеніе 2-й гренадерской дивизіи изъ мѣста ея расположенія за Домбровой горой.

EE. 3-я кирасирская дивизія съ двумя уланскими полками занимаетъ позицію EE.

FF. Литовская гренадерская бригада съ тремя уланскими полками наступаетъ вправо чрезъ Кавенчинъ противъ лѣваго фланга Поляковъ и высылаетъ 1 батал. и 1 эскадр. къ Зомбкамъ.

GG. Приближеніе кн. Шаховскаго изъ Бялоленки чрезъ Марки.

HH. По овладѣніи ольховою рощею 3-я кирасирская дивизія съ уланами Его Высочества направляется въ HH, гдѣ переходитъ ровъ и выстраивается для атаки.

II. Украинскій уланскій полкъ наступаетъ влѣво отъ рощи.

KK. Атака кирасирскаго Пр. Альберта полка.

LL. Движеніе уланъ Его Высочества.

MM. Одновременная атака Сумскихъ и Ольвіопольскихъ гусаръ и Виртембергскихъ и Переяславскихъ конно-егерей.

NN. Шаховской приближается отъ Зомбокъ и занимаетъ позицію въ NN.

OO. Позиція Круковецкаго у Брудно, откуда онъ посылаетъ Гелгуда къ Торговеку.

PP. Польская армія ретируется въ укрѣпленія Праги.

QQ. Послѣдніе пункты, до которыхъ подвинулась русская армія въ концѣ сраженія.

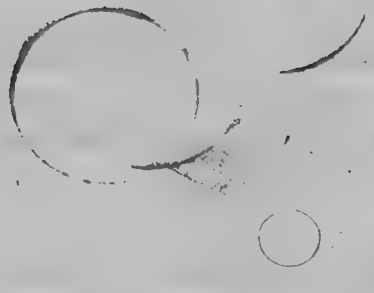
R. Ольховая роща.

Русскіе.

aa. 1-я дивизія Палена.
bb. 2-я » »
cc. 3-я » »
dd. Ольвіопольскіе гусары.
ee. Сумскіе и Клястицкіе гусары.
ff. Виртембергскіе и Переяславскіе конные егеря.
gg. Новоархангельскіе уланы.
hh. 24 дивизія Розена.
ii. 25 » »
kk. Польскій, Литовскій и Волынскій уланскіе полки.
ll. Литовская гренадерская бригада.
mm. 2-я гренадерская дивизія.
nn. 3-я кирасирская дивизія.

Поляки.

oo. Дивизія Круковецкаго.
pp. » Жимирскаго.
qq. » Скрижинецкаго.
rr. » Шембека.
ss. Гвардейскіе Гренадеры и 20-й полкъ.
tt. Кавалерія Лубенскаго.
uu. Кавалерія Уминскаго.
vv. Баталіонъ Кіекерницкаго.



валеріи, послѣ чего отправился къ кн. Радзивилу, все еще стоявшему со своимъ штабомъ у монумента. Уже было болѣе 2 ч. попол.; гвардейскіе Гренадеры, Скржинецкій и Чижевскій только что были вытѣснены изъ рощи и войска сражались уже позади ея. Послѣ не продолжительнаго разговора съ Радзивиломъ, Хлопицкій возвратился на поле битвы, рѣшившись искать въ рядахъ Русскихъ столь давно желаемой смерти и доказать клеветникамъ своимъ, что онъ никогда не былъ измѣнникомъ. Въ то время когда онъ, готовясь къ вѣчной разлукѣ, прощался съ Радзивиломъ и окружавшими его гражданскими лицами, Густавъ Малаховскій и Барзиковскій вызвались сопровождать его. Онъ удержалъ ихъ сказавъ: «я буду для васъ слишкомъ горячь,» ускакалъ къ войскамъ и приблизясь къ первой линіи, удостовѣрился въ наступленіи русской кавалеріи. Едва лишь успѣлъ онъ подозвать къ себѣ адъютанта для отданія приказаній, какъ граната, попавшая въ грудь его лошади, повергла ее на земь и разорвавшись сильно изранила ему обѣ ноги. Нѣсколько времени онъ лежалъ, не говоря ни слова; адъютанты, пораженные симъ событіемъ, подскакали и подняли его. «Я лучше желалъ бы быть убитымъ, нежели видѣть то, что случится!» сказалъ онъ имъ. Подозвали косиніеровъ, которые, положивъ его на свои косы, понесли въ городъ. Даже и въ эти минуты сохранилъ онъ силы и присутствіе духа, прямо сидѣлъ на носилкахъ, спрашивалъ не показался ли посланный адъютантъ съ кавалеріею, отдавалъ послѣднія приказанія Прондзинскому, ободрялъ солдатъ, мимо которыхъ несли его, и даже мимоходомъ передвинулъ баталіонъ слишкомъ подвергавшійся выстрѣламъ, между тѣмъ какъ офицеры изъявляли ему свою непритворную горесть (*).

(*) Эти подробности взяты изъ разсказа очевидца, помѣщеннаго въ Польскомъ курьерѣ № 448 (отъ 13 марта 1831 г.), а нѣкоторые обстоятельства заимствованы отъ Шпацира, хотя онъ приписываетъ сему генералу многія слова, которыхъ онъ никогда не произносилъ, какъ напримѣръ вышеприведенное выраженіе о Жимирскомъ, или слова его при прощаніи съ Радзивиломъ «что онъ отправляется овладѣть русскими орудіями.» Это хвастовство было бы во всякомъ случаѣ нелѣпо, потому что дѣло шло не объ отбитіи русскихъ орудій, но о спасеніи арміи, позиція которой уже не прикрывалась болѣе рощею.

Со стороны Русскихъ другія мысли и надежды волновали главнѣйшихъ начальниковъ. Великій Князь Константинъ Павловичъ съ возвышенія у лѣса, въ безмолвіи и съ грустью взиралъ на отчаянную битву въ ольховой рощѣ. Что касается до Дибича, успокоеннаго уже за исходъ сраженія, то его тревожила только мысль о кн. Шаховскомъ: какая могла быть причина его долгаго отсутствія? Былъ ли онъ разбитъ, былъ ли онъ, обремененный многочисленною артиллеріею, отброшенъ къ Гродзискимъ болотамъ? Неужели печальныя извѣстія о немъ должны были омрачить одержанную побѣду? Не было ни самого Шаховскаго, ни извѣстій о немъ. Выстрѣлы у Бялоленки послѣ 11 ч. совершенно умолки, а теперь уже было около 3–хъ часовъ. Волнуемый опасеніями о неудачѣ, послѣ взятія рощи озабоченный фельдмаршалъ повернулъ лошадь по тому направленію, откуда ожидалъ Шаховскаго. Выѣхавъ къ Кавенчину, онъ нашелъ у холма, на которомъ былъ воздвигнутъ уединенный крестъ, генер. Муравьева. Муравьевъ во время битвы въ рощѣ, съ своими 6 батал., 8 оруд. (*) и двумя уланскими полками, къ которымъ позже присоединился еще третій, вышелъ вправо, чрезъ большой лѣсъ на высоту Кавенчина, выслалъ отсюда одинъ баталіонъ съ эскадрономъ въ Зомбки, для занятія сего важнаго пункта, чрезъ который должно было совершиться соединеніе съ кн. Шаховскимъ и потомъ, оставя Кавенчинъ влѣво, направился чрезъ Маціасскую колонію на поляну, къ холму, гдѣ фельдмаршалъ и нашелъ его. Выдвинутые къ сему пункту посты польской кавалеріи Муравьевъ оттѣснилъ, и въ продолженіи часа производилъ сильную канонаду противъ лѣваго непріятельскаго фланга у рощи.

По прибытіи фельдмаршала, генер. Муравьевъ, подкрѣпленный тремя уланскими полками, долженъ былъ продолжать свое движеніе. Заставивъ огнемъ изъ орудій, отступить находившіеся противъ него кавалерійскіе отряды, онъ прошелъ чрезъ колонію Эльснеръ (названную въ русскихъ донесеніяхъ колоніей Веф-

(*) 8-ь другихъ орудій (батарея полк. Ренне) оставались при главныхъ силахъ.

ста), лежавшую на самомъ возвышенномъ пунктѣ дороги отъ Зомбокъ къ Прагѣ. Баталіонъ Несвижскаго карабинернаго п. штыками овладѣлъ симъ селеніемъ и прогналъ польскій баталіонъ маіора Кіекерницкаго за Эльснерскую колонію. Генер. Муравьевъ подкрѣпилъ баталіонъ двумя уланскими полками съ 4 оруд., послѣ чего послѣдній занялъ позицію напротивъ польской кавалеріи, находившейся у Тарговека, и оставался въ ней пока кавалерія не отступила въ Прагу.

Первый періодъ битвы окончился, ольховая роща была взята, и путь къ побѣдѣ проложенъ. Прорвавъ позицію Поляковъ, войска могли безъ опасенія наступать справа и слѣва. Это и должно было исполниться; начался второй актъ кровавой драмы.

Потерявъ рощу, Поляки снова выстроили боевой порядокъ позади ея: ихъ правый флангъ, все еще упиравшійся въ лѣсъ и прежде бывшій позади прочихъ войскъ, теперь очутился впереди всѣхъ. Кавалерія Лубенскаго подалась не много впередъ, прикрываясь отчасти небольшими песчаными холмами, на которые были взвезены конныя батареи, немедленно открывшія огонь по русскимъ войскамъ.

Русская линія подалась впередъ и выстроилась по ту сторону рощи. Огонь артиллеріи съ каждою минутою все болѣе усиливался: русскіе снаряды съ сокрушительною силой разрѣзывали воздухъ во всѣхъ направленіяхъ и долетали даже до Праги. Мужество Поляковъ начало упадать, въ особенности когда огонь ихъ артиллеріи сталъ постепенно ослабѣвать: нѣкоторыя батареи, преимущественно праваго крыла, только съ большими промежутками дѣлали по нѣскольку выстрѣловъ; главная батарея Піонтка совершенно прекратила пальбу; она уже успѣла потерять бо́льшую часть прислуги и лошадей, орудія раскалились до красна, и не доставало снарядовъ; не смотря на то, подполковникъ Піонтка, названный Хлопицкимъ за Грохов-ское сраженіе «храбрѣйшимъ изо всей арміи», не хотѣлъ покинуть поля битвы, и сѣвъ на орудіе, громко требовалъ снарядовъ.

Но главная потеря Поляковъ заключалась въ Хлопицкомъ;

съ этого времени всякое единство въ управленіи у нихъ рушилось; всякій сражался по своему усмотрѣнію. Радзивилъ былъ неспособенъ дѣлать распоряженія. По выбытіи Хлопицкаго, онъ совершенно потерялъ присутствіе духа, неподвижно стоялъ у монумента и шепталъ про себя молитвы; на вопросы своихъ генераловъ онъ отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія. Шембекъ совершенно растерялся, что не преминуло отразиться и на его солдатахъ, стоявшихъ съ самаго утра подъ жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ. Уминскій попусту терялъ слова, упрашивая Круковецкаго приблизиться съ своимъ отрядомъ къ арміи; послѣдній сосредоточилъ все свое вниманіе на большомъ лѣсѣ; замѣтивъ, что туда отступила часть корпуса Шаховскаго, и опасаясь обхода изъ лѣса или по дорогѣ изъ Яблонны, онъ ни за что не хотѣлъ отвести свои войска отъ Брудно. Одинъ лишь Скржинецкій сохранилъ хладнокровіе, твердость и рѣшимость, и тѣмъ спасъ всю армію.

То, что Хлопицкій заранѣе предвидѣлъ и чего онъ опасался, то и произошло теперь: это общее наступленіе всей русской линіи. Гр. Толь со всею дѣятельностью и энергіею, ему свойственными, устремился къ этой цѣли, не развлекаясь никакими посторонними обстоятельствами.

Еще во время сраженія въ рощѣ, онъ приказалъ саперной ротѣ, прибывшей съ кирасирами, устроить съ правой ея стороны переходъ чрезъ главный ровъ, что было произведено подъ выстрѣлами польской батареи. 8 орудій полк. Ренне тотчасъ перешли ровъ, и осыпали снарядами непріятеля, стоявшаго за рощею.

Вслѣдъ засимъ была занята русскими войсками остальная часть рощи, и польскія батареи отошли назадъ. Теперь насталъ критическій моментъ, воспользовавшись которымъ, можно было нанести совершенное пораженіе польской арміи. Ихъ храбрая старая пѣхота была ослаблена и на половину истреблена; если бы въ тотъ моментъ, когда она еще не успѣла сомкнуть свои ряды, опустошенные артиллеріею, въ эти промежутки ворвалась бы русская кавалерія, то могли бы произойти весьма важныя послѣдствія. Но пересѣченная мѣстность

поля сраженія въ высшей степени должна была затруднить это предпріятіе. Однакожъ гр. Толь, уполномоченный фельдмаршаломъ, рѣшился сдѣлать попытку.

Вся линія русскихъ войскъ получила приказаніе наступать: конная артиллерія съ кавалеріею должна была двигаться впереди, дабы разгромить и разсѣять отступающаго непріятеля; позади, для довершенія побѣды, слѣдовала пѣхота. На лѣвомъ флангѣ, гр. Паленъ, выславъ впередъ гусаровъ и конныхъ егерей, долженъ былъ съ пѣхотою наступать на Гроховъ; изъ рощи приказано двинуться восьми баталіонамъ гренадеръ и 6-му корпусу; правѣе ихъ устремились кирасиры и гвардейскіе уланы, поддержанные еще свѣжими 4-мя баталіонами 2-й гренад. дивизіи, и наконецъ, на самой оконечности праваго крыла, генералъ Муравьевъ, съ своею бригадою и уланами, получилъ приказаніе угрожать флангу Поляковъ. Главное условіе для успѣха сего наступленія заключалось въ одновременности движенія различныхъ частей, чему препятствовала пересѣченная мѣстность, и это было причиною, что достигнутые результаты оказались не вполнѣ соотвѣтствующими ожиданіямъ.

Сумскій и Ольвіопольскій гусарскіе полки, составлявшіе прикрытіе артиллеріи и сильно пострадавшіе отъ непріятельскаго огня, не смотря на то, храбро вынеслись противъ праваго непріятельскаго фланга; рядомъ съ ними шелъ Украинскій уланскій п. съ конною № 30 батареею; позади ихъ— конные егеря. Одновременно тронулась и главная батарея у Выгоды, а для ея прикрытія и поддержанія гусаръ слѣдовалъ весь 1-й корпусъ: 2-я пѣхотн. дивизія наступала по шоссе, лѣвѣе ея шла 1-я дивизія, для очищенія болотистыхъ кустарниковъ и опушки лѣса противъ Сасской-Кемпы, правѣе— 3-я, къ которой примкнули за рощею бар. Розенъ и гренадеры. Гвардейскіе уланы и кирасиры, долженствовавшіе произвести главную атаку, перешли большой ровъ, а правѣе ихъ генер. Муравьевъ продолжалъ свое фланговое движеніе.

Поляки, наскоро вновь устроенные своими генералами, отступили въ довольно изрядномъ порядкѣ, и пользуясь всѣми мѣстными препятствіями, домами, окопами и рвами, во вторую

позицію позади Грохова. Кавалерія поддерживала это движеніе своею стойкостію и искуснымъ огнемъ своихъ конныхъ батарей.

Гр. Толь съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда можно будетъ устремить всю массу кавалеріи на непріятельскую пѣхоту и, пользуясь ея замѣшательствомъ, нанести непріятелю пораженіе. Но мѣстность не дозволила выполнить этотъ планъ столь же счастливо, сколь смѣло онъ былъ задуманъ. Частые рвы причинили потерю времени; по устроенному саперами мосту кавалерія могла переходить только по три, и принуждена была развертываться по ту сторону дефиле подъ огнемъ непріятеля.

Однакожъ, всѣ эти препятствія не удержали русскую кавалерію. По мѣрѣ прибытія ея, гр. Толь выстраивалъ боевой порядокъ. Впереди стала конная артиллерія, подъ начальствомъ генер. Герштенцвейга; въ 100 шагахъ за нею, лѣвѣе—уланы Его Высочества, правѣе—кирасиры Пр. Альберта; оба полка въ дивизіонныхъ колоннахъ; во второй линіи, за уланами помѣстился Стародубовскій кирасирскій п., за кирасирами Пр. Альберта—Новгородскій кирасирскій п. и наконецъ за симъ послѣднимъ, въ 3-й линіи, сталъ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ. Такимъ образомъ правый флангъ кавалеріи былъ въ особенности усиленъ, и ему назначено произвести главную атаку.

Передъ начатіемъ ея, гр. Толь созвалъ къ себѣ всѣхъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ и указалъ имъ пункты, куда каждый изъ нихъ долженъ былъ направиться: планъ состоялъ въ томъ, чтобы обскакавъ рощу, произвесть атаку, преимущественно правымъ флангомъ, съ намѣреніемъ усиленнымъ, и отбросить отступившую польскую армію къ Гославскимъ болотамъ, для чего вторая линія должна была дѣятельно поддерживать первую. Графъ хотѣлъ дать общій сигналъ къ наступленію, начавъ его лично съ уланами. Засимъ всѣ генералы и полковники возвратились къ своимъ бригадамъ и полкамъ. Наступилъ рѣшительный и вмѣстѣ блистательнѣйшій для Русскихъ моментъ этой битвы.

Командиръ кирасирскаго Пр. Альберта полка, полк. бар. Мейендорфъ, съ рѣшительною наружностью соединявшій геройское мужество, подъѣхавъ къ полку, напомнилъ въ нѣсколькихъ энергическихъ словахъ своимъ солдатамъ, «что они должны пробиться чрезъ непріятельскую армію, чтобы у Праги отрѣзать ей отступленіе.» Замѣтивъ въ это время, что польская батарея сильно поражала его полкъ, онъ обратился къ начальнику своей дивизіи генер. Каблукову за разрѣшеніемъ немедленно захватить ее. Разрѣшеніе дано, и Мейндорфъ, ставъ впереди полка, несется съ нимъ въ атаку, не выждавъ сигнала. Гр. Толь, хотя и недовольный этою поспѣшностью, тѣмъ не менѣе приказываетъ генер. Герштенцвейгу, съ его 24 конными орудіями (*) тотчасъ подвигаться впередъ рысью, самъ же съ уланами также начинаетъ движеніе, чтобъ быть на одной высотѣ съ Мейендорфомъ.

Между тѣмъ Мейендорфъ стремительно кинулся на обстрѣливавшую его батарею, а когда она отступила, то онъ обратился на прикрывавшія ее пѣхотныя каре: одно изъ нихъ, состоявшее изъ косиніеровъ, тотчасъ разсѣялось; другое же, составленное изъ старой пѣхоты (8-й полкъ), хладнокровно выждавъ приближеніе кавалеріи, дало залпъ по ней въ разстояніи 50 шаговъ, но черезъ мигъ послѣ этого кирасиры были уже внутри каре: Поляки частью бросились на землю, частью воткнули свои ружья штыками въ землю, подавая тѣмъ знакъ, что они сдаются. Мейендорфъ не останавливается для того, чтобы изрубить ихъ или взять въ плѣнъ; онъ предоставляетъ это кавалеріи слѣдующей позади, а самъ, рѣшившись прорваться впереди всѣхъ съ двумя дивизіонами своего полка, какъ ураганъ несется далѣе. Третій дивизіонъ, пріостановленный въ своемъ стремленіи находившимся при немъ бригаднымъ командиромъ, съ самаго начала все болѣе и болѣе отставалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ слѣдовавшіе позади полки; подъ-конецъ этотъ ге-

(*) Гвардейская конная батарея № 3 и батареи № 17 и 18. Батареи № 19 и 20, также поименованныя въ донесеніи, разстрѣлявъ всѣ заряды, отошли назадъ, и только къ концу сраженія пополнивъ ихъ, вновь вступили въ дѣло. Батарея № 30 двигалась по другую сторону съ Украинскимъ уланскимъ полкомъ.

нералъ даже совсѣмъ остановился подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не оставлять безъ прикрытія выдвинутыя впередъ батареи; такимъ образомъ Мейендорфъ увидѣлъ себя лишеннымъ всякаго подкрѣпленія.

Войска съ удивленіемъ преслѣдовали взорами отважныхъ кирасиръ; изумленные артиллеристы остановились на минуту и мѣшкали прислуживать при орудіяхъ; вскорѣ Мейендорфъ совершенно исчезъ среди густыхъ облаковъ дыма; вдали за непріятельскими линіями еще разъ послышалось дружное ура!— затѣмъ все смолкло. Общее напряженіе достигло высочайшей степени.

Между тѣмъ Ольвіопольскіе и Сумскіе гусары врубились въ баталіоны Шембека и привели ихъ въ замѣшательство. Одновременная атака гусаръ съ фронта, а кирасировъ Пр. Альберта съ фланга навели такой ужасъ на сіи войска, еще недавно такъ храбро сражавшіяся, что они, частью побросавъ свои ружья, обратились въ бѣгство. Косиніеры 20-го полка и большая часть 3-го егерскаго п. были отброшены влѣво къ болотамъ, гдѣ частію погибли, частію переправились по тонкому льду на Сасскую-Кемпу, а оттуда чрезъ Вислу искали спасенія въ Варшавѣ, гдѣ распространили смятеніе и ужасъ. Гроховъ очищенъ и весь правый флангъ Поляковъ отступаетъ въ безпорядкѣ: пѣхотинцы, косиніеры, кавалеристы, орудія, зарядные ящики, лазаретные фургоны, резервный паркъ—все стремится поспѣшно, одно мимо другаго къ Прагѣ. Остальная часть польской линіи, разобщенная съ Шембекомъ этою кавалерійскою атакою, строится въ каре и поспѣшно отступаетъ къ прагскимъ укрѣпленіямъ; и здѣсь отдѣльныя толпы испуганныхъ солдатъ бросаются чрезъ ледъ въ столицу (*). Однако Скржинецкому, сохранившему присутствіе духа, удается съ остатками своихъ и Жимирскаго баталіоновъ занять новую позицію на песчаныхъ холмахъ, влѣво отъ монумента, и взвести на нихъ артиллерію. Его правое крыло, угрожаемое кирасирами Мейендорфа, пріостановилось, лѣвое

(*) «Вся равнина была покрыта разсѣянными кучками солдатъ (pélotons débandés), и вся блестящая ледяная поверхность Вислы потемнѣла отъ черныхъ «группъ бѣгущихъ» Мирославскій, ст. 301.

было усилено; множество ямъ передъ фронтомъ, неровная мѣстность, размягченная оттепелями, и болота, покрытыя тонкимъ льдомъ, обезпечивали фронтъ позиціи противъ русской кавалеріи, препятствуя ея нападенію. Слѣва пристроились къ нимъ стрѣлки и кавалерія Уминскаго и прибывшая къ Тарговеку бригада Гелгуда; позади, во второй линіи находилась кавалерія Лубенскаго.

Начало уже смеркаться; съ трудомъ уже можно было различать ближайшіе предметы. Это обстоятельство оказалось весьма кстати для Поляковъ. Гр. Толь и гр. Виттъ встрѣтились на полѣ битвы: атака уланъ не была удачна: Украинскій п. попалъ за рощею въ болото, изъ котораго успѣлъ выбраться на шоссе только позади гусаръ; уланы Его Высочества были остановлены за Гроховымъ водянымъ рвомъ, шириною въ 20 футовъ, чрезъ который не было возможности перейти. Потерявъ много людей и лошадей отъ огня непріятельскихъ стрѣлковъ, расположенныхъ на другой сторонѣ, они были принуждены возвратиться назадъ и искать другую дорогу болѣе вправо.

Гр. Толь, недовольный тѣмъ, что остальные кирасирскіе полки не поддержали атаки Мейендорфа, приказалъ имъ немедленно продолжать движеніе. Но уже было поздно. На правомъ флангѣ непріятеля замѣтили необыкновенное движеніе, и вслѣдъ за симъ показалась скачущая небольшая горсть кирасировъ, за которою слѣдовали еще нѣсколько другихъ: это были Мейендорфъ и Каблуковъ, съ остатками храбраго полка пробившіеся назадъ чрезъ всю непріятельскую линію. Лошадь Каблукова, пронзенная семью пулями, подскакавъ къ русской линіи, падаетъ мертвою; Мейендорфъ потерялъ двѣ лошади и прискакалъ на польской уланской, а другіе офицеры на казачьихъ лошадяхъ. Вскорѣ еще появляются небольшія кучки кирасиръ; мало-по-малу половина полка собирается возлѣ своего полковника, и тогда всѣ узнаютъ подробности ихъ блестящей атаки.

Прорвавшись сквозь первую непріятельскую линію, они овладѣли батареею изъ 4-хъ заряженныхъ орудій и увезли три

изъ нихъ; въ 4-мъ же лошади были убиты, почему оно было оставлено; потомъ кирасиры прорвались сквозь вторую и третью линіи, разсѣяли и погнали передъ собою часть 2-го уланскаго полка, покушавшагося остановить ихъ; затѣмъ, достигнувъ шоссе, они устремились по немъ впередъ по направленію къ Прагѣ (*). Поляки пришли въ неописанное замѣшательство: на самомъ шоссе, слѣва и справа его, все бросилось назадъ, въ безпорядкѣ перегоняя другъ друга. Многочисленная артиллерія была покинута своимъ прикрытіемъ; стоявшіе передъ Прагою косиніеры бросили свои косы и бѣжали; фургоны и обозъ, кинувшись къ укрѣпленіямъ, еще болѣе увеличили общій ужасъ и загромоздили дорогу; самъ главнокомандующій, кн. Радзивилъ, съ своимъ штабомъ, министрами, депутатами и почетною Гвардіею въ полномъ смятеніи обратился въ бѣгство.—Неудерживаемый и неудержимый Мейендорфъ доскакалъ съ своими кирасирами до самыхъ укрѣпленій Праги. Подполковникъ Смагинъ, въ пылу боя съ 20-ю кирасирами проникъ даже до самаго моста, и только тогда повернулъ назадъ и прорубился обратно къ своему полку.

И такъ всѣ препятствія были преодолѣны, Мейендорфъ достигъ своей цѣли—прагскихъ укрѣпленій, но когда онъ оглянулся, чтобы узнать послѣдовала ли за нимъ прочая каваллерія,—ни кого не было; онъ остался одинъ съ двумя дивизіонами, разобщенный отъ своихъ цѣлою непріятельскою арміею. Тутъ не было времени долго думать, слѣдовало проложить себѣ обратный путь тѣмъ же способомъ, какъ и путь впередъ; но это было не такъ легко: пока кирасиры шли впередъ, все давало имъ дорогу; напротивъ на обратномъ пути все старалось задержать ихъ: пѣхота, кавалерія, артиллерія, конгревовы ракеты—разомъ устремились противъ нихъ. Слѣва выѣхала ракетная батарея Скальскаго (**); пѣхота Шембека и Скржинецкаго открыла по

(*) Во время этой атаки, Мейендорфъ тщетно высматривалъ, гдѣ находятся непріятельскія знамена.—Поляки оставили ихъ въ Варшавѣ. Да и какъ могли они взять знамена, дарованныя русскимъ Монархомъ, когда видъ ихъ, вмѣсто поощренія къ храбрости, былъ бы постояннымъ упрекомъ. Вмѣсто ихъ изготовили серебряные орлы, но они еще не были розданы войскамъ.

(**) Едва Пронзинскій замѣтилъ движеніе русской кавалеріи, какъ перевелъ сюда эту батарею, бывшую прежде въ резервѣ. Хотя ракеты причиняютъ мало

нимъ огонь, а кавалерія Кицкаго и Казиміра Скаржинскаго кинулась въ атаку на оба ихъ фланга; въ особенности энергически напиралъ Кицкій съ двумя эскадронами 2-го и тремя 5-го уланскаго полковъ. До-сихъ-поръ кирасиры понесли весьма мало потерь, но теперь наступилъ критическій моментъ: нужно было много отваги и силы воли, дабы проложить себѣ путь. Мейендорфъ съ своими храбрецами не задумался ни на минуту; палашами прокладываютъ они себѣ путь и опрокидываютъ все ими встрѣченное; польскіе уланы, вмѣсто того чтобы преградить имъ дорогу, довольствуются сопровожденіемъ ихъ съ обѣихъ сторонъ (*).

Всѣ уже считали ихъ погибшими, какъ вдругъ они появились снова, но конечно не безъ чувствительной потери: болѣе половины ихъ не вернулись назадъ. Все тѣснилось кругомъ ихъ; гр. Толь обнялъ Мейендорфа и благодарилъ его. Со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы ему и его храбрымъ сподвижникомъ, достойная награда ихъ блистательнаго подвига!

Впечатлѣніе этой атаки на обѣ сражающіяся стороны было такъ велико, что артиллерійскій огонь на нѣкоторое время прекратился, и взоры всѣхъ, какъ Поляковъ, такъ и Русскихъ, единодушно устремились на отважныхъ всадниковъ.

Если бы эта атака была поддержана прочими полками, то слѣдствіемъ ея было бы совершенное разсѣяніе польской арміи. Ежели 4 эскадрона кирасиръ произвели такое дѣйствіе, то что было бы, если бы эту атаку повели 24 эскадрона кирасиръ, имѣя за собою столько же эскадроновъ уланъ, гусаръ и конныхъ егерей? Всѣ спрашивали: почему этого не случилось? и взаимно упрекали другъ друга: большая часть вины падала конечно на 3-й дивизіонъ кирасирскаго Пр. Альберта п., который оста-

---

вреда, однако же онѣ сильно дѣйствуютъ на лошадей и на духъ людей; страшный ихъ огонь, распространяемый съ шипѣніемъ, дѣлался въ темнотѣ еще страшнѣе, и можетъ быть способствовалъ къ удержанію массы войскъ, долженствовавшей преслѣдовать Мейендорфа.

(*) Главными чертами разсказа авторъ обязанъ самому полковнику (нынѣ ген адъют. и генер. отъ кавалеріи) Мейендорфу. Когда авторъ сообщилъ ему, что Кицкій хвалился, будто бы могъ его взять въ плѣнъ, но не сдѣлалъ сего единственно по давнему знакомству, Мейендорфъ, смѣясь сказалъ, что это ничего болѣе какъ хвастовство и что онъ никогда не дался бы имъ живой въ руки.

новился, вслѣдствіе чего и прочіе полки были задержаны. Равномѣрно и Мейендорфъ началъ атаку, не выждавъ сигнала, а только съ разрѣшенія своего дивизіоннаго начальника, сдѣлавшаго съ своей стороны ошибку (ошибку героя) тѣмъ, что онъ поскакалъ вмѣстѣ съ кирасирами. Такимъ образомъ не осталось никого, кто бы могъ наблюсти, чтобы прочіе полки поддержали Мейендорфа; гр. Толь былъ съ гвардейскими уланами, а гр. Виттъ съ Украинскими уланами, и прежде чѣмъ успѣли осмотрѣться, Мейендорфъ уже воротился; вся аттака, туда и обратно, продолжалась не болѣе 20-ти минутъ (*).

Едва возвратились кирасиры, какъ прискакалъ фельдмаршалъ. До сего времени онъ находился на крестовомъ холмѣ и все ожидалъ появленія Шаховскаго. Наконецъ, около 4-хъ ч., къ неописанному своему удовольствію увидѣлъ онъ его колонны, тянувшіяся чрезъ Зомбки. Длинный переходъ (въ 18 верстъ)

(*) Поляки, которые были оскорблены геройскимъ подвигомъ сего полка, произведшимъ безпорядокъ и бѣгство въ рядахъ ихъ и покрывшимъ новою славою русское оружіе, мужество и силу котораго старались унизить, выдумывали самыя нелѣпыя сказки. Изъ 2-хъ дивизіоновъ или 4-хъ эскадр. они сдѣлали два полка, потомъ двѣ каваллерійскія бригады, и наконецъ двѣ кирасирскія дивизіи (каждая въ 4 полка), и придавали имъ необыкновенныя качества, дабы этимъ косвеннымъ образомъ возвысить собственную славу, какъ мнимыхъ побѣдителей. Такъ наприм. увѣряли, что этотъ полкъ «занималъ самое почетное мѣсто при вступленіи въ Парижъ», что онъ состоялъ изъ исполиновъ, имѣвшихъ на шлемахъ надписи: «Непобѣдимые.» Во всемъ этомъ не было ни слова правды; все было прикрашено тѣми самыми красками, посредствомъ которыхъ старались исказить и всѣ прочіе факты этой войны. Въ сущности, это былъ обыкновенный кирасирскій полкъ, храбрый ни болѣе, ни менѣе какъ и другіе полки, состоявшій изъ крѣпкихъ и сильныхъ людей, какъ и всѣ кирасирскіе полки; но что главное, онъ имѣлъ способнаго начальника, кавалериста и рыцаря въ полномъ смыслѣ сего слова, личностію котораго объясняется славный подвигъ. Дабы отмстить этому полку, Поляки въ своихъ донесеніяхъ уничтожаютъ его до тла. Потеря же его была далеко не такъ велика и не превышала 200 съ небольшимъ человѣкъ. Коротко и характеристически выразился одинъ изъ офицеровъ этого полка: «нашъ первый эскадронъ погибъ, 2-й раненъ, а 4-ре остальные покрыли себя вѣчною славою.» Послѣ битвы полкъ находился въ составѣ 4-хъ комплектныхъ эскадроновъ. Самый смѣшной выводъ сдѣлалъ одинъ польскій генералъ: «что кирасиры проскакали, не будучи въ состояніи удержать лошадей.» Противъ желанія, онъ выразилъ наилучшую похвалу этой атакѣ. Ничего нѣтъ необыкновеннаго, если нельзя удержать нѣсколькихъ горячихъ лошадей, но чтобъ это случилось съ лошадьми цѣлаго полка in corpore, это что-то неслыханное въ лѣтописяхъ военной исторіи. Что же послѣ этого нужно думать объ «исполинахъ» и «непобѣдимыхъ», если они не могли справиться съ своими собственными хорошо выѣзженными лошадьми.

по пересѣченной мѣстности чрезъ рвы и болота задержалъ Шаховскаго, обремененнаго многочисленною артиллеріею; къ тому еще въ Зомбкахъ былъ потерянъ цѣлый часъ для сбора войскъ. Это замедленіе Шаховскаго, бывшее причиною удаленія фельдмаршала съ главнаго театра битвы, имѣло важныя послѣдствія, лишивъ побѣдоносную армію единства въ дѣйствіяхъ всѣхъ частей, столь необходимаго въ рѣшительную минуту. Несмотря однакоже на то, фяльдмаршалъ былъ такъ доволенъ прибытіемъ войскъ Шаховскаго, разсѣявшимъ всѣ его опасенія, что съ живѣйшею радостію привѣтствовалъ князя, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго упрека. Испытанная храбрость, благонамѣренность, чисто военное праводушіе князя, наконецъ превосходное состояніе, въ которомъ онъ привелъ войска, послѣ столь продолжительнаго и затруднительнаго похода, обезоружили бы всякую досаду, если бы этого не сдѣлало простое изложеніе основаній, руководившихъ кн. Шаховскаго. Едва прибылъ онъ съ первыми полками своего отряда, какъ прискакалъ генер. Обручевъ съ извѣстіемъ, «что Поляки отступаютъ къ Прагѣ.» Фельдмаршалъ, приказавъ гренадерамъ снять ранцы и слѣдовать за нимъ, поскакалъ впередъ, дабы на самомъ полѣ сраженія удостовѣрится ближе въ положеніи дѣлъ. Когда онъ прибылъ туда, то вся линія Русскихъ была въ полномъ наступленіи: Паленъ, Розенъ, Гренадеры проходили чрезъ Гроховъ, а правѣе, на одной съ ними высотѣ, подвигался Муравьевъ. Впереди конная артиллерія, подъ прикрытіемъ кавалеріи, ведомая гр. Толемъ, слѣдовала за непріятелемъ на разстояніи близкаго выстрѣла и громила сосредоточеннымъ огнемъ колеблющіеся его ряды, толпившіеся вокругъ Праги. Правое крыло Поляковъ было совершенно разстроено, центръ истощенъ и на половину уничтоженъ: съ трудомъ удерживали генералы свои ослабленные баталіоны для прикрытія орудій, коими они заняли возвышенности и укрѣпленія передъ Прагой. Обозъ, экипажи, повозки всѣхъ родовъ безпрерывно тѣснились у заставы этого предмѣстія, дабы сколь возможно скорѣе достигнуть Варшавы и другаго берега Вислы, не считая себя до-тѣхъ-поръ въ безопасности.

Изъ всей польской пѣхоты, въ хорошемъ состояніи были только полки лѣваго крыла, подъ начальствомъ генер. Крувовецкаго, который, въ то время какъ Шаховской примкнулъ къ Русскимъ, соединился съ польскою арміею. Послѣ утренняго сраженія, Круковецкій остановился на нѣкоторое время у Брудно, для наблюденія дороги, идущей изъ Яблонны, и потомъ исподволь потянулся къ Торговеку, откуда наблюдалъ за ходомъ сраженія. Когда Уминскій съ своею кавалеріею былъ вынужденъ отступить передъ Муравьевымъ, онъ послалъ ему въ помощь бригаду Гелгуда и баталіонъ косиніеровъ. Уминскій приглашалъ его двинуться къ Зомбкамъ и Кавенчину, дабы, угрожая флангу Русскихъ, выручить правое крыло, тѣснимое ими. Круковецкій справедливо нашелъ это движеніе не имѣющимъ никакой цѣли и даже опаснымъ, потому что легко могъ быть самъ отрѣзанъ. Онъ имѣлъ бы дѣло не съ однимъ только что прибывшимъ Шаховскимъ, къ коему присоединились еще четыре свѣжіе баталіона 2-й гренадер. дивизіи, но и съ Муравьевымъ, и былъ бы неминуемо отброшенъ къ зомбскимъ болотамъ. Пока эти два генерала совѣщались о предстоявшихъ дѣйствіяхъ, битва на правомъ крылѣ и въ центрѣ уже была рѣшена, и Лубенскій, Шембекъ и Скржинецкій отступили въ укрѣпленія Праги, куда конечно должны были послѣдовать Уминскій и Круковецкій. Изъ Праги была поддерживаема сильная канонада съ многочисленною русскою артиллеріею, которая вмѣстѣ съ артиллеріею Шаховскаго взъѣхала на высоты, лежащія вблизи предмѣстья и производила опустошительное дѣйствіе въ рядахъ тѣснившихся здѣсь польскихъ войскъ.

Гр. Толь, находившійся впереди съ кавалеріею и конною артиллеріею, подойдя къ самой Прагѣ, готовился овладѣть укрѣпленіями, для чего онъ просилъ фельдмаршала прислать ему гренадерскую дивизію и имѣющуюся у него подъ руками артиллерію, ручаясь съ своей стороны за успѣхъ. Вмѣсто 2-й гренадер. дивизіи, понесшей значительный уронъ при занятіи ольховой рощи, можно было послать Шаховскаго съ его свѣжими войсками, а также 1-ю и 2-ю дивизіи Палена, почти

совершенно не пострадавшихъ отъ огня. Расчитывая на скорое прибытіе этихъ войскъ, Толь поддерживалъ сильную канонаду противъ непріятеля, какъ вдругъ получилъ приказаніе фельдмаршала прибыть къ нему. Поручивъ начальство надъ передовыми войсками гр. Витту, Толь съ большимъ неудовольствіемъ поѣхалъ къ фельдмаршалу, котораго онъ нашелъ въ окрестностяхъ Кавенчина. Какъ только Дибичъ увидѣлъ Толя, то слѣзъ съ лошади, обнялъ его и назвалъ его героемъ этого дня, но гр. Толю было не до словъ; еще весьма много оставалось сдѣлать впереди, и онъ лично приступилъ къ фельдмаршалу съ просьбою, дачь ему свѣжую пѣхоту и 150 орудій, дабы, пользуясь удобнымъ моментомъ, въ тотъ же вечеръ овладѣть Прагою и ея укрѣпленіями, потому что легко могло статься, что на слѣдующій день было бы уже поздно исполнить это. Однакожъ хотя при прежнихъ совѣщаніяхъ было твердо положено овладѣть Прагою, пользуясь первыми минутами смятенія въ польской арміи, но теперь Толь нашелъ намѣренія Дибича совершенно измѣнившимися: мысль, что ночной штурмъ могъ вести за собою тѣ же ужасающія сцены какими нѣкогда сопровождался Суворовскій штурмъ, смущала фельдмаршала. И къ чему было штурмовать? Развѣ уже не довольно было сдѣлано въ этотъ день? польская армія на половину уничтожена и, по всей вѣроятности на слѣдующее же утро, когда убѣдятся въ безполезности сопротивленія, будетъ предложена капитуляція. Всегда проницательный фельдмаршалъ обольщалъ себя въ этомъ случаѣ, а потому и не хотѣлъ согласиться на предложенія Толя. Быть можетъ онъ былъ побуждаемъ къ тому также неполнымъ успѣхомъ кавалерійской атаки и довольно позднимъ часомъ. Между тѣмъ удобная минута миновалась безвозвратно и заставила его впослѣдствіи горько раскаяваться въ томъ, что не послѣдовалъ благоразумному совѣту своего вѣрнаго помощника.

Уже было болѣе 5 ч., и почти совершенно смерклось, когда фельдмаршалъ отдалъ войскамъ приказаніе остановиться; канонада продолжалась еще нѣсколько времени, и прекратилась мало по-малу уже къ вечеру. Русскія войска расположились слѣдующимъ образомъ: Впереди всѣхъ, ближе къ Прагѣ остались

передовыя войска Палена и Розена; сами они со своими корпусами стали въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Праги, въ нѣсколько линій, по обѣимъ сторонамъ Грохова; правѣе ихъ находилась 2-я гренадер. дивизія и еще правѣе, у Эльснерской колоніи, кн. Шаховской. Гр. Виттъ, съ своею кавалеріею, отошелъ на полъверсты за Гроховъ, гдѣ фельдмаршалъ расположилъ свою главную квартиру, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ еще утромъ стоялъ Хлопицкій.

Громъ выстрѣловъ смолкъ, но еще долго, до глубокой ночи въ русскомъ лагерѣ былъ слышенъ глухой шумъ отъ повозокъ и орудій, тянувшихся по прагскому мосту. Это уже не было, какъ прежде, бѣгство отдѣльныхъ разсѣянныхъ кучекъ пѣхоты, кавалеріи, экипажей, и обозныхъ телѣгъ,—но рѣшительное отступленіе всей польской арміи. Ея позиція, плотно примыкавшая къ рѣкѣ, съ однимъ только мостомъ въ тылу, была весьма опасна; на скоро набросанныя укрѣпленія не были достаточны для продолжительнаго задержанія атакующаго непріятеля; наконецъ, самый духъ и сила сопротивленія арміи до того ослабли, что нужно было подумать о томъ, чтобы противопоставить болѣе надежныя преграды побѣдоносной русской арміи. Разстроенная армія не представляла болѣе надежной защиты, а потому слѣдовало искать убѣжища за широкою Вислою, на которой ледъ былъ такъ тонокъ, что едва выдерживалъ пѣшеходовъ. По отбытіи Хлопицкаго, Радзивилъ, лишившійся въ немъ совѣтчика и руководителя, вначалѣ зашелъ еще далѣе. Когда во время атаки русской кавалеріи, онъ въ совершенномъ смятеніи ускакалъ въ Варшаву, то приказалъ очистить не только Прагу и ея укрѣпленія, но даже мостовое укрѣпленіе и сжечь самый мостъ. Затѣмъ, не много оправясь отъ своего испуга, онъ возвратился обратно въ Прагу, и здѣсь вмѣстѣ съ Скржинецкимъ распоряжался отступленіемъ арміи черезъ Вислу. Видъ арміи не внушалъ особаго спокойствія. На сколько прежде была велика увѣренность войскъ, на столько же теперь они пришли въ уныніе, подобно тѣмъ воинамъ съ южною силою воображенія, которые легко переходятъ изъ одной крайности въ другую, въ извѣстную минуту считаютъ все возможнымъ, а

въ слѣдующую затѣмъ совершенно теряютъ всякую надежду. Они дрались съ величайшею храбростію, а побѣда все же ускользнула отъ нихъ; и какія понесли они потери! Храбрѣйшіе изъ нихъ лежали убитые или раненые, а тѣ самые Русскіе, которыхъ въ упоеніи своихъ надеждъ они думали обратить въ бѣгство, стояли теперь побѣдителями подъ стѣнами Праги.

Отступленіе началось въ 6 ч. и продолжалось за полночь. Сперва должны были перейти: обозъ, аммуничныя и провіантскія фуры, потомъ кавалерія, артиллерія и наконецъ пѣхота. Но недолго сохранялся этотъ порядокъ. Опрокинутые экипажи и фуры, загромоздившіе проходъ еще въ мостовомъ укрѣпленіи, произвели при поспѣшности перехода давку и замѣшательство: полки и всѣ роды войскъ перемѣшались между собою; паническій страхъ овладѣлъ ими: всѣ тѣснились впередъ, бѣжали, толкались, толпились на узкомъ мосту, а едва достигли города, какъ большая часть солдатъ разбѣжалась по разнымъ направленіямъ. Наконецъ въ полночь окончилась переправа; кн. Радзивилъ потребовалъ къ себѣ стараго генер. Малаховскаго и поручилъ ему съ его бригадою, въ числѣ около 3 т. ч., защиту мостоваго укрѣпленія, и какъ бы стыдясь своего прежняго бѣгства, послѣднимъ возвратился въ Варшаву и твердо рѣшился сложить съ себя званіе главнокомандующаго, къ которому онъ чувствовалъ себя совершенно не способнымъ.

Варшава въ этотъ день была въ большомъ смятеніи. Различныя чувства волновали ея жителей. Сперва любопытство и надежда. Тысячи любопытныхъ, и въ числѣ ихъ много мужчинъ и дамъ высшаго круга, стремились за городъ пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ, дабы быть свидѣтелями битвы; другіе довольствовались наблюденіемъ въ зрительныя трубы столь интереснаго для нихъ зрѣлища съ террасъ, возвышенностей и башень. Въ общемъ настроеніи духа было столько увѣренности, что даже никто не сомнѣвался въ рѣшительной побѣдѣ. Журналисты столько разсказывали о трусости и распущенности русскихъ солдатъ, удерживаемыхъ въ рядахъ только при помощи

казаковъ; они утверждали, что Русскіе не отваживались выйти изъ лѣсовъ (хотя часть ихъ войскъ стояла на равнинѣ) и послѣ каждаго нападенія тотчасъ же опять скрывались въ лѣсъ! какъ же могла подобная армія выказать настойчивое сопротивленіе! Дѣла $^{19}/_{7}$ и $^{20}/_{8}$, въ которыхъ принимала участіе только часть русскихъ войскъ, съ цѣлью открыть себѣ выходъ изъ узкихъ дефиле, считали за большія сраженія, въ которыхъ будто бы были уничтожены всѣ намѣренія русскаго полководца, хотя онъ вполнѣ достигнулъ ихъ. Потому-то въ городѣ предъ ожидаемою побѣдою царствовало такое радостное настроеніе духа, которое было позволительно только послѣ побѣды. Каждую мунуту были распространяемы новые слухи, одни благопріятнѣе другихъ: надежда и восторгъ увеличивались съ каждою минутою, и подъ конецъ ожидали, ни болѣе, ни менѣе, какъ видѣть плѣнными въ Варшавѣ самого Дибича съ половиною его арміи.

Пока одни ласкали себя такими надеждами, другіе, въ особенности женщины, заботились о сражающихся и раненыхъ: вѣдь это были ихъ братья, дѣти, любезные, надъ которыми виталъ жребій смерти! Ихъ можно было видѣть на мосту, спѣшащихъ къ Прагѣ съ кушаньями и прохладительными напитками, которые передавались далѣе, а въ замѣнъ ихъ принимали раненыхъ, приносимыхъ все чаще и чаще національною гвардіею; онѣ сопровождали ихъ въ госпитали, гдѣ все было приготовлено для ихъ пріема и гдѣ попеченія заботливыхъ прислужницъ облегчали ихъ страданія.

Надежда на побѣду перешла уже почти въ увѣренность, пока битва не распространялась далѣе ольховой рощи: какъ вдругъ суматоха и вопли послышались на мосту: принесенъ былъ раненый Хлопицкій. Нельзя описать общаго впечатлѣнія, когда увидѣли уважаемаго полководца, на котораго опирались всѣ надежды, блѣднаго, обезображеннаго, обагреннаго кровью. Надежду и увѣренность вдругъ замѣнили ужасъ и изумленіе. Едва немного оправились, какъ безпорядочное смятеніе бросившагося въ Прагу обоза и поспѣшное прибытіе академической почетной гвардіи съ обозомъ кн. Радзивила возобновили общій

испугъ; когда же во время атаки кирасировъ узнали, что Русскіе уже въ Прагѣ, что они уже на мосту, а запыхавшіеся косиніеры и солдаты подтвердили эту вѣсть, то испугъ перешелъ въ паническій страхъ. Дома и лавки начали запираться, ударили генералъ-маршъ, призывающій національную гвардію на сборные пункты; однакожъ немногіе только изъ числа ея явились на лицо; большая частъ поспѣшили скинуть свои мундиры и надѣть партикулярное платье. А къ довершенію унынія началось отступленіе арміи, самый видъ которой сильно потрясъ довѣріе къ этой непоколебимой опорѣ. Этотъ день былъ встрѣченъ Поляками съ радостною надеждою, а заключился среди общаго страха, смущенія и безпокойныхъ ожиданій.

Таково было Гроховское сраженіе. Надежды, коими ласкали себя обѣ стороны, не осуществились. Поляки расчитывали на неминуемую побѣду, или по-крайней-мѣрѣ на удержаніе за собою превосходной центральной позиціи подъ стѣнами столицы, доставлявшей имъ столько выгодъ. Если бы имъ удалось хотя послѣднее, то пользуясь симъ обстоятельствомъ, они провозгласили бы это сраженіе по всему свѣту какъ огромную побѣду. Тогда ихъ дѣла приняли бы совсѣмъ другой оборотъ. Равнодушные и нерѣшительные, какъ въ самой странѣ, такъ и въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, были бы побуждены къ бо́льшему или мѣньшему участію въ возстаніи; пламя его обхватило бы русскую армію со всѣхъ сторонъ, принудило бы ее къ отступленію, и доставило бы полное торжество революціи. Если же Полякамъ удалось бы оттѣснить русскую армію за Бугъ, то они окончательно склонили бы на свою сторону общественное мнѣніе за границею, безъ того благопріятствовавшее имъ, и могли надѣяться побѣдить колебанія европейскихъ кабинетовъ. Всѣ вѣрили, что могущественная звѣзда Русскихъ померкнетъ въ Польшѣ и дастъ мѣсто другой на политическомъ горизонтѣ. Все это для Поляковъ заключалось въ одной побѣдѣ, отъ которой зависѣлъ весь исходъ ихъ дѣла.

Но и Русскіе не ожидали столько сопротивленія; каждый шагъ впередъ былъ покупаемъ цѣною потоковъ крови. Желѣз-

ные сыны сѣвера встрѣтились здѣсь съ такими же сынами сѣвера, подобно имъ посвященными во всѣ тайны военнаго воспитанія и искусства: вѣдь они сами были ихъ учителями. Посему съ обѣихъ сторонъ состязались одинаково сильныя въ борьбѣ и въ искусствѣ, одинаково испытанныя и опытныя войска: энергія, сила воли, желаніе скорѣе умереть чѣмъ уступить съ одной стороны, уравновѣшивались съ другой—величайшимъ одушевленіемъ и смѣлостью, доходившею до дерзости. Выгодамъ въ числительномъ перевѣсѣ и въ лучшей дисциплинѣ у Русскихъ, Поляки противопоставляли превосходства своей позиціи, въ которой всѣ части подкрѣпляли другъ друга, гдѣ при внутреннемъ расположеніи войскъ, для каждаго движенія требовалось менѣе времени и было совершенно удобно сосредоточивать значительныя силы на важнѣйшихъ пунктахъ. Итакъ съ обѣихъ сторонъ все было уравновѣшено, и только какой нибудь случай, стойкость воиновъ или способность предводителя должны были рѣшить исходъ битвы; но едва эти обстоятельства склонили перевѣсъ на сторону Русскихъ, какъ вдругъ одна минута нерѣшительности русскаго фельдмаршала снова возстановила равновѣсіе. Въ самомъ концѣ сраженія, когда малѣйшее напряженіе дало бы совершенный успѣхъ, онъ остановился и тѣмъ все выигранное опять сдѣлалъ сомнительнымъ. Ускользнувшій удобный случай никогда не возвращается, и въ особенности на войнѣ. Фельдмаршалу суждено было вынести это убѣжденіе изъ собственнаго горькаго опыта.

Продолжать нападеніе не было никакой опасности. Польская армія была разбита и въ совершенномъ разстройствѣ; за исключеніемъ 12 батал. Круковецкаго, она не имѣла свѣжихъ войскъ. Напротивъ того, русскій фельдмаршалъ имѣлъ не тронутыми только что прибывшіе 11 батал. Шаховскаго, 4 не сражавшихся бат. 2-й гренад. дивизіи, 4 бат. Гвардіи и наконецъ 16 бат. первыхъ двухъ дивизій Палена, не принимавшихъ вовсе, или, по-крайней-мѣрѣ, принимавшихъ весьма мало участія въ дѣлѣ: слѣдоват. 35 батал., горѣвшихъ желаніемъ довершить побѣду. И такъ, отъ него зависѣло: опрокинуть польскую армію въ Вислу, взять Прагу, и на слѣдующій день ви-

дѣть у своихъ ногъ трепещущую Варшаву. Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти соображенія, можетъ быть фельдмаршалъ не хотѣлъ уничтожать польскую армію; вѣдь онъ имѣлъ передъ собою не непріятелей, а подданныхъ Россійскаго Монарха, конечно заблудшихъ подданныхъ, коихъ слѣдовало наказать, а не истребить. Ему казалось, что онъ достигъ этого нанесенными имъ потерями, и что Поляки, измѣнивъ свое воинственное направленіе, выкажутъ теперь покорность.

Но если онъ такъ думалъ, то весьма ошибался. Революція и ея армія были разбиты, но не уничтожены до основанія. Зачинщики революціи, предводители арміи зашли слишкомъ далеко, дабы вернуться съ половины дороги; пока оставалась искра надежды, они указывали на нее, какъ на яркое свѣтило. Гордость воиновъ была оскорблена потерею сраженія, но не заглушена и не подавлена желѣзною рукою необходимости; пока не былъ нанесенъ сокрушительный ударъ, нельзя было расчитывать на покореніе Польши, тѣмъ болѣе что революціонеры, не имѣвшіе надежды на помилованіе, продолжали распалять народъ примѣромъ французскихъ террористовъ, непоколебимыхъ въ пораженіи, настойчиво противившихся нападенію половины Европы и наконецъ побѣдившихъ. Хотѣли подражать этому примѣру и надѣялись на одинаковыя послѣдствія. Въ медленныхъ дѣйствіяхъ русскаго фельдмаршала видѣли не пощаду и кротость, а боязнь и слабость.

Вслѣдствіе того, что Дибичь не овладѣлъ мостовымъ укрѣпленіемъ въ тотъ же вечеръ, или по-крайней-мѣрѣ на слѣдующее утро, и не угрожалъ непосредственно Варшавѣ, онъ самъ себя лишилъ всѣхъ плодовъ своей побѣды и сдѣлалъ то, что кровавая битва не дала никакихъ результатовъ. Армія сдѣлала свое, но онъ принялъ только полумѣры, которыя, какъ и всѣ полумѣры, имѣли гибельныя послѣдствія. Положеніе его было почти одинаково съ положеніемъ Суворова подъ Прагою. Суворовъ, о которомъ многіе, въ особенности Поляки, изъ ненависти распространяли столько ложнаго, былъ полководецъ, глубоко изучившій свое искуство; въ рѣшительныхъ случаяхъ трудно было поступать правильнѣе и сообразнѣе съ

обстоятельствами, нежели поступалъ онъ. Будучи вполнѣ увѣренъ, что возстаніе 1794 г. можно прекратить только громовымъ далеко разразившимся ударомъ, онъ штурмовалъ Прагу со всею жестокостью; не удерживалъ своихъ воиновъ, не укрощалъ ихъ ярости: для спасенія всего нужно было пожертвовать чѣмъ нибудь; Прага была обречена, и возстаніе подавлено. Днемъ позже Варшава просила пощады, а спустя 14 дней покорилась вся Польша. Когда впослѣдствіи Суворову дѣлали замѣчанія о штурмѣ, онъ отвѣчалъ коротко и ясно: «штурмъ Праги избавилъ отъ трехъ-лѣтняго кровопролитія» (*).

Пожертвовавъ нѣсколькими сотнями воиновъ, фельдмаршалъ, вѣроятно, и теперь достигъ бы цѣли и положилъ бы конецъ дѣлу; а сколькихъ тысячъ впослѣдствіи стоило продолженіе войны!

Второе невыгодное послѣдствіе нерѣшительности русскаго полководца была побѣда, которую одержали надъ нимъ въ общественномъ мнѣніи его противники. Они имѣли ту выгоду, что могли сообщать первыя и наиболѣе производящія впечатлѣніе извѣстія о всѣхъ событіяхъ, и не преминули конечно, выставить свое пораженіе побѣдою. Отступленіе съ поля битвы, очищеніе праваго берега Вислы, оставленіе Праги, объя-

(*) Поляки съ намѣреніемъ распространяли много ложнаго о штурмѣ Праги, и изображали его самыми темными красками, такъ какъ онъ положилъ горестный для нихъ конецъ возстанію (1794). Они говорятъ, что тысячи невинныхъ жертвъ погибли тамъ. Разсмотримъ это ближе. По лучшимъ статистическимъ даннымъ того времени, въ варшавскомъ предмѣстіи считалось въ 90 годахъ, около 6000 жителей, большею частію Евреевъ. Можно полагать, что еще до штурма, большая часть ихъ укрылась въ Варшавѣ. Вѣдь всѣ очень хорошо знали, какъ 6 мѣсяцевъ передъ тѣмъ Поляки обошлись съ безоружными русскими плѣнными, знали, что часть полковъ, квартировавшихъ прежде въ Варшавѣ, была у Суворова и жаждала мщенія: потому легко было предвидѣть ужасныя сцены штурма, и конечно не многіе изъ жителей имѣли охоту подвергаться имъ, и въ особенности, когда спасеніе было такъ легко и близко. А потому можетъ быть оставалась только третья или четвертая часть жителей, изъ коихъ многіе были спасены. И такъ не могли погибнуть «тысячи невинныхъ». Если погибли тысячи, то это были сражающіеся, съ оружіемъ въ рукахъ, защитники окоповъ и валовъ: возможно ли требовать, чтобы штурмующій солдатъ, въ минуту, когда ему угрожаетъ тысяча смертей, не уничтожалъ вооруженнаго противника? Но эти голословныя жалобы и обвиненія имѣли свое дѣйствіе, и даже, 37 лѣтъ спустя, они повидимому оказали вліяніе на рѣшеніе русскаго полководца.

сняли они то раною Хлопицкаго, то взрывомъ пороховыхъ ящиковъ (*), то неповиновеніемъ нѣкоторыхъ генераловъ и наконецъ опасеніями предстоявшаго вскрытія Вислы. Какъ ни были ничтожны эти оправданія, они серьезно принимались тѣмъ самымъ общественнымъ мнѣніемъ, которое нѣкогда такъ зло насмѣхалось надъ Наполеонамъ, приписавшимъ потерю Лейпцигскаго сраженія саперному капралу. Но Поляки были неутомимы въ своихъ стараніяхъ обманывать общественное мнѣніе: одно фальшивое извѣстіе слѣдовало за другимъ; если сегодня говорилось: «Русскіе вслѣдствіе битвы проникли до Праги», то завтра писали: «Послѣ кровопролитной вылазки, ихъ опять прогнали.» «Фельдмаршалъ», добавляли они,—«какъ извѣстно изъ перехваченной депеши, потерялъ болѣе 70 т., (впослѣдствіи они убавили это число до 30 т.) и въ полномъ разстройствѣ отступилъ къ Минску». Такъ умѣли они изглаживать впечатлѣнія истины ежедневно новою ложью, а при продолжительной остановкѣ въ дѣйствіяхъ (приписываемой истощенію Русскихъ), и когда Поляки, послѣ этого бездѣйствія, имѣли нѣсколько удачныхъ дѣлъ, то за границею никто не сомнѣвался въ ихъ мнимой побѣдѣ у Грохова, и восторгъ въ пользу ихъ дѣла достигъ до фанатизма.

Такимъ образомъ, не воспользовавшись побѣдою, Дибичь потерялъ всѣ плоды ея. Непріятель могъ безпрепятственно отступить, оправиться отъ испуга, собраться, усилиться, опять возстать съ обновленными силами, и склонить на свою сторону общественное мнѣніе, представляющее въ наше время могущественную силу.

И не однѣ только выгоды сраженія были на сторонѣ Русскихъ, и потери ихъ сравнительно съ противниками были менѣе. Конечно, въ началѣ, при взятіи ольховой рощи, ихъ уронъ былъ значительнѣе, но съ занятіемъ ея всѣ выгоды перешли

(*) Это совершенно невѣроятное объясненіе находится въ тогдашнихъ газетахъ. «Польскій куръеръ» въ № 436 выражается слѣдующимъ образомъ «Если бы не взрывъ нѣсколькихъ ящиковъ съ гранатами и не безразсудная атака бригады отборныхъ кирасиръ, произведшихъ нѣкоторое замѣшательство на правомъ флангѣ и, за то, разсѣянныхъ; наконецъ, если бы не наступившія сумерки,—то Поляки одержали бы блистательную побѣду.»

*

на сторону Русскихъ. Поляки должны были отходить съ поля битвы на протяженіи 4-хъ верстъ подъ сосредоточеннымъ огнемъ болѣе 100 орудій, непрерывно на близкомъ разстояніи слѣдовавшихъ за ними; кавалерія врубилась въ ихъ правый флангъ и привела его въ совершенный безпорядокъ; а потомъ, стѣсненнымъ у Праги, имъ пришлось долгое время выдерживать опустошительный картечный и ружейный огонь своихъ противниковъ. На основаніи достовѣрныхъ показаній, считаютъ уронъ ихъ въ этомъ сраженіи болѣе 12 т. челов. (*). Присланный впослѣдствіи въ главную квартиру русской арміи для переговоровъ, гр. Мицельскій подтвердилъ это. Поляки сознавались позже, что болѣе 10 т. ружей было ими оставлено на полѣ битвы, а только одни тяжело раненые бросали свое оружіе (**). Всѣ госпитали и большая часть домовъ и казармъ въ Варшавѣ, послѣ битвы, были переполнены ранеными. Плѣнными Поляки потеряли всего 600 ч. (при обоюдномъ ожесточеніи о нихъ мало думали), а также 3 орудія и 12 зарядныхъ ящиковъ. Уронъ Русскихъ былъ также чувствителенъ, но далеко уступалъ потерѣ Поляковъ; по овладѣніи рощею Русскіе издали слѣдовали за непріятелемъ, громя его своими орудіями, и съ своей стороны почти не подвергаясь выстрѣламъ артиллеріи. Уронъ русской арміи простирался убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими до 9.400 человѣкъ. (***)

Операціи обѣихъ армій подвергались различнымъ сужденіямъ, всякое дѣйствіе обращало на себя вниманіе, и было

(*) 7-й линейный, а равно 3-й 4-й егерскіе п., были почти совершенно уничтожены; въ каждомъ изъ нихъ едва осталось по 200 чел. 3-й и 4-й линейные п. также понесли огромную потерю. Изъ кавалеріи болѣе всего пострадали 2-й и 3-й уланскіе п. По показанію Хлановскаго, въ 2-хъ бывшихъ подъ его командою эскадронахъ перваго изъ сихъ полковъ выбыло 102 ч. Чувствительнѣе всего была потеря старыхъ артиллеристовъ, коихъ уцѣлѣло весьма не много.

(**) Шпациръ, дабы лишить вѣроятія это признаніе, говоритъ, что солдаты уносившіе раненыхъ, бросали также свое оружіе. Этимъ онъ можетъ обмануть только не свѣдущихъ: раненныхъ именно и уносятъ на ружьяхъ, а въ этомъ случаѣ это лежало на обязанности однихъ только косиніеровъ.

(***) Смотри приложеніе Е. Въ числѣ раненыхъ находился достойный генер. Данилевскій. Прибывъ за два для до сраженія къ русской арміи и состоя непосредственно въ свитѣ фельдмаршала, онъ былъ посланъ имъ съ приказаніемъ къ 3-й дивизіи въ рощу, гдѣ былъ раненъ пулею.

ТАБЕЛЬ Е.

Исчисленіе потерь Русскихъ съ начала февраля до Гроховскаго сраженія включительно.

	Убитые.	Раненые.	Безъвѣсти пропавш.	Итого.	Примѣчанія.
1-й корпусъ потерялъ въ сраженіяхъ 6, 7, 8 и 13-го	636	2588	957	4181	(1) Главный уронъ приходился на 2-ю гренадерскую дивизію, при атакѣ ольховой рощи.
6-й — — — 2, 5, 6, 8 и 13-го	981	6220	958	8159	
Кн. Шаховской, Мандерштернъ и 2-я гренадерская дивизія, въ сраженіяхъ 6, 7, 12 и 13-го.	529	239	312	3080 (1)	(2) Изъ сего числа гвардейскіе уланы и кирасиры Принца Альберта понесли главную потерю; Украинскіе уланы и Новгородскіе кирасиры—незначительный уронъ (они прикрывали наступающія батареи), прочіе полки вовсе не были въ огнѣ.
3-й резервный кавалерійскій корпусъ и гвардейскіе уланы—13-го	146	302	170	618 (2)	
Конно-егерская дивизія генерала Гейсмара, въ сраженіяхъ 2, 5, 7, и 13 (спеціяльныхъ свѣдѣній не имѣется). . . .				366	
Всего	2292	11349	2397	16404	

Изъ сего числа уронъ былъ: у Сточека $^{2}/_{14}$ февраля 292.
» Добре $^{5}/_{17}$ » 755.
» Вавра $^{7}/_{19}$ » 3723.
» — $^{8}/_{20}$ » 812.
» Бялоленки $^{12}/_{24}$ и $^{13}/_{25}$ » 1084.
Всего. 6666.

Если къ этому придать потерю въ сраженіяхъ $^{2}/_{14}$ у Лива, $^{5}/_{17}$ у Калушина, $^{6}/_{18}$ у Милосны и Окунева, около 334 чел., то вся потеря до Гроховскаго сраженія простирается до 7000, а въ Гроховскомъ сраженіе до 9400 человѣкъ.

Нужно замѣтить, что 6-й корпусъ, бывшій въ частыхъ стычкахъ съ непріятелемъ, потерпѣлъ и большую потерю, а именно, на его долю приходится почти половина всей убыли. Таковы точнѣйшія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ отчетовъ русскаго главнаго штаба. Авторъ считалъ себя обязаннымъ передать ихъ съ величайшею точностью, съ цѣлію выставить во всемъ ихъ ничтожествѣ, показаній польскихъ журналистовъ и историковъ, которые, въ угожденіе національному тщеславію, удваивали и утраивали потери Русскихъ. Въ интересахъ исторической истины желательно, чтобы потери Поляковъ были показаны съ такимъ же безпристрастіемъ.

подробно разбираемо. Даже въ войскахъ не было недостатка въ порицателяхъ, не забывавшихъ конечно дисциплины и заявлявшихъ свои мнѣнія только въ тѣсномъ, дружескомъ кружкѣ. Мы приведемъ здѣсь вкратцѣ различныя мнѣнія касательно хода военныхъ дѣйствій, высказанныя какъ во время самаго продолженія операцій, такъ и впослѣдствіи.

Многое хвалили, многое порицали. Тогда еще существовала полная, непоколебимая увѣренность въ способностяхъ русскаго полководца, почему общественное мнѣніе было вообще въ его пользу. Хвалили его движеніе на Остроленку и быстрое измѣненіе операціонной линіи, вынужденное оттепелью. Четыре дня замедленія въ Венгровѣ извиняли затрудненіями, которыя встрѣтило продовольствіе войскъ; отдавали ему также справедливость въ томъ, что, умѣривъ свое нетерпѣніе, онъ не вступилъ въ битву у Варшавы до-тѣхъ-поръ, пока не притянулъ къ себѣ кн. Шаховскаго. Всѣ эти дѣйствія увѣнчались успѣхомъ, а потому и были одобряемы. Гроховское же сраженіе достигло цѣли только въ половину, вслѣдствіе чего возбуждало порицанія; каждый предлагалъ свое мнѣніе о томъ, какимъ образомъ можно было бы окончить его успѣшнѣе, потому что пока полководцу способствуетъ счастіе, ему удивляются, но едва лишь оно начинаетъ колебаться или покидаетъ его, какъ является тысяча строгихъ судей.

Во первыхъ сожалѣли, что фельдмаршалъ былъ вынужденъ дать битву на такой мѣстности, гдѣ разбитый непріятель, посредствомъ отступленія за непреодолимыя преграды, могъ избѣжать въ критическій моментъ пораженія. Такъ какъ вообще окончательной побѣды слѣдуетъ искать не на самомъ полѣ битвы, но позади его, то вслѣдствіе этого все значеніе ея заключается въ преслѣдованіи послѣ сраженія. Потомъ повторяли прежде уже приведенныя нами обвиненія, что онъ главныя усилія направилъ прямо съ фронта, на сильнѣйшую часть позиціи Поляковъ, вмѣсто того, чтобы обойти ихъ съ лѣваго фланга, гдѣ въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ былъ главный ключь ихъ позиціи; тамъ, соединясь съ Шаховскимъ, онъ могъ бы обойти рощу и оттѣснить Поляковъ къ Гославскимъ боло-

тамъ. Уже появленіе съ этой стороны одного Муравьева, и ядра его, падавшія за рощу, не мало способствовали къ овладѣнію ею, а что было бы, еслибы съ этой стороны были направлены значительныя силы!

Зищитники полководца извиняли его вышеприведенными причинами: что битва не произошла по первоначальной диспозиціи; Шаховской долженъ былъ занять назначенную ему позицію на флангѣ непріятеля; нельзя было знать, что онъ, находясь въ полупереходѣ, прибудетъ такъ поздно. Поляки имѣли въ ольховой рощѣ чрезвычайно выгодный ключь позиціи, откуда они легко могли прорвать центръ Русскихъ, если бы онъ слишкомъ растянулся. Польскіе солдаты безъ того были чрезвычайно одушевлены, имѣя же въ виду подобный результатъ, они бы совершили невозможное.

Зачѣмъ же, спрашивали далѣе, фельдмаршалъ не произвелъ нападенія тотчасъ значительными силами; за чѣмъ посылалъ онъ войска по бригадно и истощалъ ихъ силы въ разъединенныхъ напряженіяхъ? Потому что онъ не зналъ, отвѣчали на это, до какой степени были сильны Поляки въ рощѣ, и сколько затрудненій представляло овладѣніе ею, и притомъ онъ не могъ слишкомъ рано ввести всѣ свои войска въ дѣло, желая продлить его. Поляковъ, подобно Французамъ, нужно утомить прежде, чѣмъ предпринимать рѣшительныя нападенія.

Наконецъ придавали особенную важность тому упреку, что фельдмаршалъ не выполнилъ свою диспозицію, составленную на 14 – е число, днемъ ранѣе, когда первоначальный планъ его,—атаковать непріятеля 14–го, былъ разстроенъ неожиданнымъ наступленіемъ Шаховскаго; что онъ не подкрѣпилъ Шаховскаго корпусомъ Витта и не приказалъ имъ, опрокинувъ Круковецкаго, силою проложить себѣ путь къ Прагѣ въ тылъ польской арміи вмѣсто того, чтобы впослѣдствіи парализировать цѣлый день Гренадерскій корпусъ безполезнымъ движеніемъ на Марки и Зомбки.

Сожалѣя о безполезномъ удаленіи полководца съ поля битвы въ важную минуту кавалерійской атаки, порицали его въ томъ, что онъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться достигнутымъ

успѣхомъ, прекратилъ преслѣдованіе непріятеля въ минуту, когда можно былъ ожидать самыхъ рѣшительныхъ результатовъ; подобное распоряженіе находили весьма несвоевременнымъ и даже считали его причиною, что революція не была потушена въ первые дни послѣ битвы.

Въ послѣдствіи, когда узнали, въ какомъ замѣшательствѣ находилась польская армія, какъ мало могла оказать она сопротивленія, какихъ блистательныхъ результатовъ лишили себя сами, тогда досада о томъ, что упустили такимъ удобный случай въ соединеніи съ непредвидѣнностью конца войны, съ трудностями и лишеніями, которыя нужно было преодолѣть въ это время года въ истощенной странѣ, все это вмѣстѣ положило первый зародышъ неудовольствія обнаружившагося въ арміи противъ фельдмаршала.

Напротивъ того, единогласныя похвалы раздавались другимъ начальствующимъ лицамъ, ветеранамъ французскихъ войнъ, генераламъ: Толю, Палену, Розену, Витту, Нейдгардту, Гейсмару, а изъ младшихъ кн. Горчакову. Всѣ съ уваженіемъ отзывались объ энергіи гр Толя, его хладнокровіи въ сраженіи, его презрѣніи къ опасностямъ, доходящемъ до отваги; прославляли его даръ нѣсколькими энергическими словами одушевлять и увлекать войска. Удивлялись спокойствію и неустрашимости въ разгарѣ битвы гр. Палена; твердости съ которою Розенъ умѣлъ вести впередъ войска, любившія его какъ своего отца; отдавали справедливость мужеству генер. Нейдгардта, устремившаго 3–ю дивизію въ самый ужасный огонь, и наконецъ ловкости и искуству генераловъ кн. Горчакова и Герштенцвейга, управлявшихъ артиллеріею, которая нанесла столько вреда непріятелю.

Еще болѣе строгой критикѣ, чѣмъ дѣйствія русскаго полководца, подвергались дѣйствія польскихъ предводителей. Прежде всего упрекали ихъ въ томъ, что они не привели въ лучшее оборонительное положеніе важный треугольникъ, ограничившись тѣмъ, что слегка укрѣпили Сіероцкъ, имѣвшій старый двойной валъ, а у Модлина навели мостъ чрезъ Вислу. Затѣмъ предлагали вопросъ, почему они не воспользовались

$^{18}/_{6}$ и $^{19}/_{7}$ чиселъ раздробленнымъ наступленіемъ русской арміи, и не напали всею массою своихъ силъ на одну изъ частей ея, пока другую удерживала бы одна дивизія. Главнѣйшее правило искусной обороны заключается въ величайшей дѣятельности и подвижности, дабы нигдѣ не противопоставлять пассивное сопротивленіе, но на всѣхъ слабѣйшихъ пунктахъ противника переходить въ наступленіе. Корпусъ Палена, атакованный тремя дивизіями, могъ быть разбитъ, прежде чѣмъ поспѣли бы къ нему на помощь, или Розенъ, занятый въ то время одною дивизіею и задержанный трудными дорогами, или резервы, находившіеся еще далѣе. (Здѣсь выказалась бы важность движенія значительнаго отряда, направленнаго русскимъ фельдмаршаломъ по промежуточной дорогѣ на Якубовъ и Цыганку; при этомъ можно было менѣе опасаться или даже считать невозможнымъ отдѣльныя столкновенія колоннъ съ превосходными силами.) Если бы всѣ усилія были направлены противъ Розена, то онъ могъ бы подвергнуться такой же участи Но мы уже видѣли, что былъ составленъ превосходный планъ для уничтоженія колонны Розена, не выполненный только по случаю медленности сего генерала. Безспорно, атака колонны Розена была бы гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ колонны Палена: въ этомъ случаѣ, выражаясь словами Жомини, Поляки получили бы всѣ преимущества дѣйствій по внутренней операціонной линіи между двумя разъединенными корпусами Шаховскаго и Палена. Прондзинскій въ то время, когда Поляки выжидали появленія Розена, предложилъ даже мнѣніе: поручить Шембеку отыскать Розена въ его позиціи, заманить къ Окуневу, завязавъ съ нимъ дѣло, и привести въ исполненіе предположенный планъ, не заботясь о томъ, что будетъ происходить правѣе, потому что во всякомъ случаѣ оставался свободный путь отступленія на Модлинъ. Но осторожный Хлопицкій не согласился на это предложеніе. Далѣе утверждали, что даже $^{19}/_{7}$ числа польскіе предводители не выполнили всего, что могли выполнить; Розенъ оставался далеко позади Палена, его нужно было задержать въ лѣсу, авангардомъ или даже дивизіею, ударить между тѣмъ соединенными силами на Палена и отбросить его къ Милоснѣ. Для сего,

кромѣ дивизій Шембека и Жимирскаго, нужно было употребить для вѣрнѣйшаго успѣха дивизію Скржинецкаго, часть дивизіи Круковецкаго и всю кавалерію. Русскіе были бы вынуждены сражаться въ узкомъ дефиле, гдѣ они не могли воспользоваться всѣми своими силами, въ особенности кавалеріею и артиллеріею. Разбивъ Палена, Поляки имѣли бы довольно времени, чтобы напасть и на Розена. Прежде всего слѣдовало не позволить Русскимъ достигнуть выходовъ изъ дефиле и не дать имъ возможности соединиться. Какъ Бонапарте при Кальдіеро, удостовѣрившись въ превосходствѣ силъ Альвинци, перенесъ театръ дѣйствій въ Аркольскія болота, дабы ввести въ бой на плотинахъ только головныя части колоннъ, при чемъ моральное превосходство его войскъ, давало ему перевѣсъ надъ противникомъ, такъ и польскіе генералы могли воспользоваться одушевленіемъ своихъ воиновъ, ограничивая по возможности поле бытвы тѣсными лѣсистыми дефилеями въ окрестностяхъ Варшавы.

Главный и совершенно основательный упрекъ состоялъ въ томъ, что польскіе генералы не воспользовались отдѣльнымъ движеніемъ кн. Шаховскаго, и еще $^{24}/_{12}$ не подавили его превосходными силами. Бонапарте подъ Мантуей показалъ блистательный примѣръ, какъ слѣдуетъ поступать въ подобныхъ обстоятельствахъ, а здѣсь обстоятельства были еще выгоднѣе. Для сего нужно было употребить двѣ дивизіи пѣхоты и большую часть кавалеріи. Это движеніе, будучи совершено ночью, укрылось бы отъ русскаго полководца и могло быть выполнено прежде, чѣмъ онъ получилъ бы о немъ малѣйшее извѣстіе (*). И если бы даже онъ атаковалъ оставшуюся часть

(*) Бржозовской выражаетъ мнѣніе, что еще въ ночь на $^{25}/_{13}$ можно было послать одну или двѣ дивизіи противъ Шаховскаго къ Конты—Гродзиски; а Шпациръ, подражавшій ему, прибавляетъ еще отъ себя, что тогда русская армія неминуемо была бы уничтожена. Какой сокрушительный историкъ г Шпациръ! Въ одно Гроховское сраженіе, онъ не болѣе какъ 4 или 5 разъ увѣряетъ, но только условно, въ истребленіи русской арміи. По нашему мнѣнію, въ ночь на $^{25}/_{13}$ это уже было слишкомъ поздно. Намъ не нужно говорить, какъ было бы опасно тогда это движеніе, легко могшее имѣть слѣдствіемъ, при затруднительной мѣстности, потерю обѣихъ дивизій. Раздѣляя свои силы въ виду многочисленнаго непріятеля и во время самой битвы, можно было подвергнуться пораженію по частямъ и все же не воспрепятствовать присоединенію Шаховскаго.

арміи, она всегда могла отступить въ укрѣпленія Праги, такъ точно какъ и отряженная часть—въ укрѣпленія Модлина. Если бы позиція въ ольховой рощѣ была усилена въ центрѣ и на флангахъ нѣсколькими вооруженными артиллеріею редутами, то она была бы почти неприступною, и двѣ дивизіи могли бы гораздо долѣе удерживать всю русскую армію, которая только цѣною величайшихъ потерь купила бы занятіе ее. «Стоило только вспомнить о Бородинѣ» — говорили критики—«гдѣ взятіе нѣсколькихъ, едва набросанныхъ (по причи-«нѣ каменистой почвы) редутовъ, стоило Французамъ столь ог-«ромныхъ жертвъ.»

Наконецъ, болѣе безпристрастные люди полагали, что оба данныя Поляками сраженія сами по себѣ составляли важныя военныя ошибки, потому что, лишая ихъ лучшихъ войскъ, не могли при превосходствѣ силъ Русскихъ, дать другихъ результатовъ, какъ отступленіе за Вислу. На арміи покоилась ихъ безопасность и сила; ее нужно было сохранять сколько возможно, и вступать въ битву только съ полною надеждою на успѣхъ или для достиженія важныхъ результатовъ. Обладая центральною позиціею въ Варшавѣ, Поляки могли спокойно дозволить развиваться планамъ русскаго полководца и воспользоваться первою его оплошностію. Столица не могла опасаться серіознаго нападенія, потому что состояніе Вислы дѣлало невозможнымъ операціи на лѣвомъ берегу, а съ правой стороны ее обезпечивали укрѣпленія Праги. Обстоятельство, что все это вышло иначе, и что Поляки рѣшились вступить въ отчаянную битву предъ Варшавою, объясняется частью рѣшимостью Хлопицкаго сдѣлаться жертвою славной смерти, частію же общимъ настроеніемъ духа народа и арміи.

Таковы были упреки, дѣлаемыя операціямъ польскихъ генераловъ; но и они нашли своихъ защитниковъ, которые находили въ ихъ дѣйствіяхъ многое достойное одобренія; въ особенности выставляли слѣдующее: во 1-хъ, удачно соображенное расположеніе войскъ до начатія сраженія, потомъ, искусно избранную позицію для битвы и наконецъ, распоряженія Хло-

пицкаго во время ея. «Расположеніемъ на тѣсныхъ квартирахъ «между Вислою и Ливцемъ»—говорили защитники—«Хлопиц-«кій совершенно прикрывалъ Варшаву, долженствовавшую быть «окончательною цѣлью всѣхъ предпріятій Русскихъ; онъ былъ «достаточно удаленъ отъ границъ, дабы не опасаться нечаян-«наго нападенія въ своемъ расположеніи, и имѣлъ доволь-«но времени для соединенія своихъ силъ: потому что только «соединенными силами можно было надѣяться удержать Рус-«скихъ. Близость Варшавы служила для облегченія продо-«вольствія и ускоренія организаціи новыхъ войскъ, а до тѣхъ поръ «пока удалось бы держаться на правомъ берегу Вислы, Рус-«скіе не могли отважиться перейти на лѣвый». Отступленіе въ Варшаву безъ боя могло бы вредно подѣйствовать на духъ войскъ и навлечь подозрѣніе на генераловъ. И такъ необходимо было дать сраженіе въ угоду общественному мнѣнію, и выборъ мѣста для боя былъ совершенно сообразенъ съ цѣлію. Если бы Поляки вышли далѣе на встрѣчу Русскимъ, то походъ въ суровую пору года уничтожилъ бы армію; въ этомъ случаѣ сколько людей сохранили бы Русскіе, а они скорѣе могли перенести подобныя потери. «Чтобы сталось съ «арміею»—продолжали они—«если бы по предложенію Хрща-«новскаго концентрировать ее при Ливѣ, гдѣ въ то время, «какъ фельдмаршалъ занималъ ее съ фронта, Шаховской за-«шелъ бы ей въ тылъ отъ Сіероцка? Или если бы, по перво-«начальному намѣренію фельдмаршала, онъ перешелъ бы чрезъ «Бугъ позади ее въ Вышковѣ? Покрытые льдомъ рѣки, вѣро-«ятно не задержали бы Русскихъ.» При большомъ удаленіи отъ Варшавы, Поляки подвергались опасности встрѣтиться съ превосходными силами непріятеля, наступавшаго по разнымъ направленіямъ и быть обойденными и отрѣзанными. Если бы польскія войска вступили въ генеральное сраженіе далеко отъ Варшавы, то вѣроятно потеряли бы всю артиллерію, и тогда война была бы окончена въ одинъ день. Напротивъ того, въ позиціи при Гроховѣ они были совершенно обезпечены отъ обхода; къ тому еще мѣстность не дозволяла русскому фельдмаршалу одновременнымъ введеніемъ всѣхъ силъ въ дѣло раз-

бить Поляковъ; они имѣли неисчерпаемые источники средствъ позади себя въ Варшавѣ, дававшей возможность продовольствовать, сражаться и призрѣвать раненыхъ, наконецъ они имѣли за собою укрѣпленія Праги, укрывшія ихъ вечеромъ и остановившія преслѣдованіе, именно въ то время, когда оно могло быть наиболѣе опаснымъ. Держаться же въ нихъ долѣе послѣ битвы не позволяли какъ упадокъ духа въ арміи и въ предводителяхъ, такъ и сомнительное состояніе Вислы. Наконецъ, что касается до управленія сраженіемъ [25]/13, то Хлопицкій не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека; онъ выказалъ свои дарованія какъ генералъ и свою неустрашимость какъ солдатъ. Онъ во время послалъ приказаніе Круковецкому принять участіе въ сраженіи и, когда Русскіе начали развертываться по обѣ стороны ольховой рощи, настаивалъ на движеніи кавалеріи Лубенскаго впередъ. Если оба эти распоряженія не были выполнены или были выполнены только отчасти, то въ этомъ была вина не Хлопицкаго, а двусмысленнаго положенія, въ которомъ онъ находился при арміи.

Таковы были различныя мнѣнія о предшествовавшихъ дѣйствіяхъ. Послѣ Гроховской битвы Хлопицкій сошелъ съ поприща, которое онъ занималъ долгое время; ненависть клубистовъ послѣдовала за нимъ въ его уединеніе, и приписывала ему отчасти причину послѣдующихъ несчастій; при бѣдствіяхъ вся вина всегда падаетъ на избраннаго главу. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ этого человѣка нужно прибавить, что въ то время, когда на него клеветали съ такимъ ожесточеніемъ въ Варшавѣ, онъ отправился въ армію простымъ волонтеромъ, готовый раздѣлить ея судьбу, хотя рѣшительно не ожидалъ ничего хорошаго. Въ началѣ дѣйствій онъ постоянно устранялъ себя и ссылался на кн. Радзивила, вліянію котораго не хотѣлъ вредить. Но солдаты не ошибались, и едва узнавая Радзивила, встрѣчали Хлопицкаго громкими возгласами. Съ начатіемъ войны эта система держать себя не могла болѣе имѣть мѣста, и какъ недоставало времени для совѣщаній, то Хлопицкій все болѣе и болѣе выказывался, между тѣмъ, какъ Радзивилъ оставался въ тѣни. Какъ только раздавались выстрѣлы, Хлопицкій

въ полномъ смыслѣ дѣлался главнокомандующимъ и, отдавая повелѣнія, лично подавалъ примѣръ своимъ войскамъ. Его порицали въ томъ, что онъ слишкомъ подвергалъ себя опасностямъ, но это отчасти происходило съ цѣлію уничтожить возводимыя на него клеветы въ Варшавѣ, отчасти же для того, чтобы воспламенить храбрость войскъ, въ первый разъ послѣ ихъ сформированія бывшихъ въ сраженіи. На полѣ битвы, подъ сильнѣйшимъ градомъ пуль онъ подавалъ примѣръ и ободрялъ всѣхъ своимъ спокойствіемъ, своимъ присутствіемъ духа, своею твердою и благородною осанкою, своими краткими, ясными и выразительными приказаніями. «Я могу сказать по «собственному опыту», выразился о немъ одинъ извѣстный польскій генералъ, «что Хлопицкій въ огнѣ былъ достоинъ удивле«нія; его примѣръ удвоивалъ храбрость каждаго. При видѣ «его солдаты ободрялись и, когда слѣдовали за нимъ, выказы«вали необыкновенное напряженіе силъ. Безъ его вліянія Гро«ховское сраженіе могло принять совсѣмъ другой оборотъ, и «не было бы, при всей своей неудачѣ, самымъ блестящимъ «подвигомъ этой войны.»

Варшава представляла вечеромъ въ день битвы тоже зрѣлище, какъ $^{29}/_{17}$ ноября; теперь, какъ и тогда, видна была пѣхота разсѣянная кучками, бивакирующая подъ открытымъ небомъ, но уже не съ такими сіяющими лицами какъ въ то время; на лицахъ старыхъ солдатъ можно было прочесть затаенную ненависть, а молодые, болѣе впечатлительные, упали духомъ. Кавалерія, отойдя къ ближнимъ селеніямъ, расположилась бо́льшею частію въ открытомъ полѣ. Слабо и тускло, какъ ихъ моральное настроеніе, горѣли ихъ бивуачные огни. Городскіе жители были въ большомъ смятеніи; многіе бѣжали, другіе предавались отчаянію; всѣ, исключая нѣкоторыхъ предводителей арміи и виновниковъ возстанія, были въ страхѣ и безпокойствѣ.

Члены правленія собрались еще ночью и постановили, во всякомъ случаѣ, рѣшились ли бы оборонять столицу или сдать ее, не отдѣлять своей судьбы отъ судьбы арміи. Хотя она и была въ настоящее время разстроена, однако же если только

существовала возможность выиграть время, то еще не все было потеряно, и они справедливо возражали изъявлявшимъ опасенія, что «пока мостовое укрѣпленіе въ нашихъ рукахъ, и «Висла покрыта тонкимъ льдомъ, опасность еще не такъ «велика.»

Для обсужденія мѣръ, какія надо было принять въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, были собраны, въ 4 ч. утра, на военный совѣтъ важнѣйшіе генералы и полковники во дворецъ правленія; тамъ присутствовали, кромѣ главнокомандующаго и членовъ правленія, генералы: Пацъ, Клицкій, Круковецкій, Войчинскій, Вейсенгофъ, Уминскій, Лубенскій, Францъ Моравскій, Бонтанъ (Bontemps), Исидоръ Красинскій, Шембекъ и Скржинецкій, и полковники: Колачковскій, Прондзинскій и Хршановскій. Большая часть явились печальными и безмолвными, какъ бы отчаяваясь въ судьбѣ ихъ страны; Шембекъ подалъ примѣръ малодушія; Круковецкій, по своему обыкновенію, и здѣсь разсыпался въ хвастовствѣ и пустословіи; сварливый Уминскій искалъ, къ кому бы придраться за потерю сраженія, а такъ какъ главнѣйшее вліяніе на ходъ войны приписывали, послѣ Хлопицкаго, Прондзинскому, то онъ преимущественно держался около него. Собственно цѣлію этого собранія было назначеніе новаго главнокомандующаго; Чарторижскій и его партія съ неудовольствіемъ видѣли избраніе Радзивила, потому что еще со временъ республики между обѣими фамиліями существовала взаимная и сильная ненависть: теперь же рана Хлопицкаго и опасность настоящей минуты дѣлали удаленіе Радзивила необходимымъ. Способности и храбрость, выказанныя въ послѣднія битвы Скржинецкимъ, обратили на него общее вниманіе. Чарторижскій лично отправился ночью въ Прагу, спрашивалъ мнѣніе многихъ опытныхъ офицеровъ и еще болѣе утвердился въ своихъ намѣреніяхъ. Скржинецкій уже давно пользовался покровительствомъ фамиліи Чарторижскихъ, а теперь онъ не имѣлъ даже соперника; Шембекъ своимъ малодушіемъ потерялъ право на такой выборъ, а Круковецкому и Уминскому не довѣряли за ихъ буйный характеръ; послѣдняго по разнымъ причинамъ ненавидѣли, и хотя впослѣдствіи его предла-

гали въ главнокомандующіе, но безуспѣшно. Сверхъ того, всѣ полагали, что нужно имѣть храбраго предводителя для выполненія соображеній и нѣсколькихъ ученыхъ офицеровъ генеральнаго штаба для начертанія плановъ. Скржинецкій былъ храбръ, а потому надѣялись, что при помощи искусныхъ совѣтниковъ дѣло пойдетъ у него также хорошо, какъ у Блюхера при помощи Гнейзенау.

Не зная какъ приступить къ главному предмету, сперва занимались только посторонними дѣлами. Три вопроса были предложены и обсужены: во–первыхъ, что было причиною неудачнаго исхода сраженія; потомъ, что теперь нужно было предпринять и наконецъ, кому ввѣрить главное начальство. Радзивилъ представилъ донесеніе о положеніи дѣлъ. Скржинецкій прервалъ его, горячо и сильно излагая опасности, угрожавшія отечеству, и средства отвратить ихъ. Объяснивъ сдѣланныя ошибки, онъ выказалъ всю опасность положенія. По его мнѣнію, ольховую рощу, ключь позиціи защищали неудовлетворительно, (*) и чрезъ то проиграли сраженіе. Движенія производились безъ связи, и подъ конецъ казалось, что армія вовсе не имѣла предводителя, потому что какъ онъ, такъ и другіе начальники дивизій, не получали никакихъ приказаній. «Одна-«коже», возразилъ Радзивилъ, понявшій намекъ: «я къ вамъ по-«сылалъ съ приказаніями адъютанта, который не нашелъ васъ.» Съ сознаніемъ собственнаго достоинства, Скржинецкій возразилъ: «Я былъ въ огнѣ, генералъ, и не видѣлъ ни васъ, ни вашего «адъютанта; положа руку на сердце, скажите князь, чувствуете «ли вы себя способнымъ предводительствовать арміею?» Радзивилъ съ живостію отвѣчалъ, что «онъ не искалъ чести быть «главнокомандующимъ и принялъ на себя это званіе по же-«ланію сейма, дабы спасти армію отъ анархіи, и что если «Скржинецкій думаетъ лучше его выполнить эту обязанность, «то можетъ взять ее на себя.» Это объясненіе Радзивила было принято за просьбу объ отставкѣ, и Уминскій, говорившій гром-

(*) Можно ли было сдѣлать болѣе того, что было сдѣлано? Развѣ тамъ небыло почти половины арміи? и развѣ она не сражалась до совершеннаго истощенія своихъ силъ?

че всѣхъ и думавшій, что начальство надъ арміею не можетъ отъ него уйти, если только онъ съумѣетъ какъ нибудь возбудить объ этомъ вопросъ, спросилъ стоявшаго подлѣ него Хршановскаго, «кого же лучше избрать въ главнокомандующіе?» въ полной увѣренности, что Хршановскій назоветъ его; но Хршановскій назвалъ Скржинецкаго. Обманутый въ своихъ надеждахъ, Уминскій зашелъ однакожъ слишкомъ далеко, чтобы остановиться: онъ громко повторилъ фамилію Скржинецкаго, вѣроятно въ надеждѣ, что все-таки обратятся къ нему. Но Радзивилъ, изъ досады, а можетъ быть и изъ благороднаго побужденія, сказалъ, что онъ отъ всего сердца соглашается на это предложеніе. Блестящая храбрость, выказанная Скржинецкимъ въ послѣднія битвы, вѣрныя соображенія, однимъ лишь имъ обнаруженныя, сила и краснорѣчіе, съ которыми онъ говорилъ, расположили многихъ въ его пользу; Лубенскій, Клицкій, Вейсенгофъ и даже Уминскій согласились съ мнѣніемъ Радзивила; хотя можетъ быть нѣкоторые приписывали себѣ внутренно болѣе права на это званіе, но обстоятельства были такого рода, что никто не смѣлъ противорѣчить, и общее молчаніе было принято за согласіе. Хотя Скржинецкій съ притворною скромностію указалъ на Круковецкаго, какъ на старѣйшаго и опытнѣйшаго генерала, который также могъ похвалиться побѣдою, однако же Круковецкій, видѣвшій общее мнѣніе не въ свою пользу, сказалъ съ притворнымъ самоотверженіемъ, «что онъ будетъ покоряться и повиноваться опредѣленію правленія, если бы даже его поставили въ ряды войскъ, какъ барабанщика.» Увѣряютъ, будто бы Чарторижскій, знавшій его честолюбіе, обманулъ его, увѣривъ, что здѣсь шло дѣло только о временномъ замѣщеніи, и что одинъ лишь сеймъ имѣетъ право избрать главнокомандующаго. Такъ какъ болѣе не было возраженій, то Скржинецкій предварительно былъ назначенъ преемникомъ Радзивила до окончательнаго рѣшенія палатъ. При семъ онъ объявилъ: «Я «готовъ сознаться, что я храбръ; я посвятилъ себя изученію «военаго искуства и постигъ его механизмъ, но я не геній— «не ожидайте отъ меня ничего невозможнаго.» Потомъ, возведя глаза и руки къ небу, онъ продолжалъ съ смиреннымъ

видомъ: «Призываю въ свидѣтели Бога, что я не изъ честолю-
«бія или личныхъ расчетовъ принимаю на себя начальство
«надъ арміею, но единственно для блага и спасенія отечества,
«и торжественно обѣщаю, въ самомъ несчастномъ случаѣ, спа-
«сти честь націи, и приготовить арміи доблестную могилу.» Эти слова были приписаны скромности; полагали, что чѣмъ менѣе онъ обѣщаетъ, тѣмъ болѣе исполнитъ; говоря другими словами, что онъ поступалъ подобно доктору, который при леченіи трудно больнаго выдаетъ исходъ болѣзни сомнительнымъ, дабы исцѣленіемъ ея заслужить тѣмъ большую славу; поэтому никто не придавалъ особенной важности его словамъ.

За симъ было приступлено къ обсужденію необходимыхъ мѣръ: полк. Хршановскій, какъ младшій въ совѣтѣ, спрошенный первымъ, полагалъ: «Если возможно, то заключить миръ; если «же это было поздно, то прежде всего слѣдовало озаботиться о «возстановленіи арміи, дабы сколь возможно дороже продать «свою жизнь.» Такъ какъ всѣ раздѣляли это мѣніе, то засѣданіе окончилось.

Первымъ дѣломъ новаго главнокомандующаго было приказаніе сжечь Прагу, дабы имѣть свободное пространство вокругъ мостоваго укрѣпленія; за тѣмъ онъ принялъ мѣры для упорной обороны сего послѣдняго. Искусный инженеръ, полк. Косъ, былъ назначенъ туда комендантомъ, а маіоръ Кіекерницкій, отличавшійся особою твердостью, получилъ начальство надъ двумя баталіонами, составлявшими гарнизонъ; остальныя войска Малаховскаго были выведены изъ укрѣпленія, коего валы были немедленно вооружены 15-ю орудіями, а на слѣдующій день число ихъ увеличено двумя возведенными батареями до 35. Одновременно съ этимъ сооружены батареи на высокомъ варшавскомъ берегу, дабы обстрѣливать съ фланговъ доступъ къ мостовому укрѣпленію. Такимъ образомъ ничего не было упущено для приведенія тет-де-пона въ надежное оборонительное положеніе, и чрезъ то минута, когда его можно было взять съ небольшими усиліями, ушла безвозвратно. Еще рано утромъ, когда въ Варшавѣ все было въ смятеніи, это было возможно, но съ каждымъ часомъ такое предпріятіе дѣлалось труднѣе, и дня

два спустя, могло быть исполнено не иначе, какъ съ величайшими жертвами.

Но спрашивается: развѣ занятіе мостоваго укрѣпленія могло имѣть рѣшительныя послѣдствія? На такой вопросъ должно отвѣчать утвердительно, по той причинѣ, что по овладѣніи укрѣпленіемъ можно было покорить Варшаву, посредствомъ бомбардированія ея многочисленною артиллеріею. Большинство жителей польской столицы состояло изъ равнодушныхъ, которые только изъ необходимости подчинялись общему увлеченію. Досихъ-поръ они были подъ вліяніемъ страха, внушаемаго революціонерами, но еслибы ихъ собственности, и даже ихъ жизни, угрожало бомбардированіе, то сильнѣйшій страхъ передъ нимъ преодолѣлъ бы слабѣйшій страхъ передъ революціонерами, и жители вѣроятно поставили бы на своемъ, начавъ переговоры съ русскимъ полководцемъ о сдачѣ. Армія въ это время была совершенно разстроена и всѣ высшіе предводители были согласны между собою въ томъ, чтобы не доводить дѣло до крайности; весьма вѣроятно, что при такихъ обстоятельствахъ, послѣдовала бы сдача Варшавы; а что касается до нѣсколькихъ разрушенныхъ и сожженныхъ домовъ, то этотъ вредъ нельзя было сравнить съ послѣдствіями продолженія войны. Варшавскій берегъ, хотя и командовалъ противоположнымъ прагскимъ берегомъ, однако же не былъ довольно возвышенъ для предохраненія строеній отъ опустошительнаго дѣйствія многочисленной артиллеріи: русскія же батарейныя орудія числомъ далеко превосходили польскія, и потому, не смотря на выгодное расположеніе послѣднихъ на возвышенномъ берегу, Русскимъ нечего было опасаться. Ни одинъ выстрѣлъ ихъ небылъ бы потерянъ, и первые горящіе дома, которые указалибы Полякамъ всю опасность дальнѣйшаго упорства, подѣйствовали бы на духъ испуганныхъ жителей; воспоминаніе о Суворовѣ и Прагѣ сдѣлало бы остальное, и можетъ быть еще въ февралѣ былъ бы положенъ конецъ войнѣ.

Но если даже русскій полководецъ не хотѣлъ стрѣлять по мятежному городу, щадя его, или по недостатку огнестрѣль-

ныхъ снарядовъ, если онъ только хотѣлъ доставить своей арміи покой до весны, и предполагалъ возобновить дѣйствія въ болѣе благопріятное время года, то и въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ овладѣть мостовымъ укрѣпленіемъ, дабы заставить Поляковъ разрушить мостъ, потому что пока онъ существовалъ, расположеніе Русскихъ было подвержено нападеніямъ вблизи стоявшаго непріятеля, и чрезъ то они были вынуждены предпринять переправу и подвергнуть опасности свою операціонную линію, пролегавшую чрезъ Седльце и Брестъ. Если бы фельдмаршалъ имѣлъ двойныя силы противъ непріятеля, то онъ могъ бы противодѣйствовать ему на обоихъ берегахъ; но какъ его силы весьма лишь незначительно превосходили силы противника, то ему необходимо было лишить его средства дѣйствовать у себя въ тылу.

Между тѣмъ Скржинецкій, обезпечивъ до нѣкоторой степени Прагу, озаботился собраніемъ разсѣянныхъ войскъ и возстановленіемъ порядка въ полкахъ, что могло быть исполено не безъ затрудненій. Еще повсюду царствовало величайшее смятеніе, часть солдатъ разбѣжалась, другіе расположились въ безпорядкѣ на улицахъ; офицеры отъискивали свои полки и роты, а солдаты своихъ начальниковъ; на всѣхъ лицахъ были начертаны смущеніе и уныніе, и въ случаѣ рѣшительнаго нападенія, сопротивленіе не могло быть велико.

Когда пробужденные утромъ жители Варшавы узнали о положеніи дѣлъ, ими овладѣлъ невыразимый страхъ. Штурмъ Праги Суворовымъ ясно представился ихъ воображенію; а развѣ обстоятельства не были теперь такія же? не возложили ли они на себя большую отвѣтственность и развѣ мститель не угрожалъ имъ предъ городскими вратами? Пока ледъ держался, Висла не была препоною, а ихъ армія, на которую они такъ полагались, представляла только разсѣянные остатки. Со страхомъ и унынiемъ ожидали они съ минуты на минуту ужаснаго рѣшенія своей судьбы; казалось, непріятель готовъ уже былъ ворваться въ городъ со стороны Сасской-Кемпы, (гдѣ уже показывались казаки и пѣхота), самые тревожные слухи носились по городу и увеличивали смятеніе. Вдругъ послышался

*

отдаленный громъ выстрѣловъ; казалось, настала страшная минута, когда ихъ должна была постигнуть прежняя участь Праги, а внезапно побагровѣвшее небо еще болѣе увеличило дурныя предзнаменованія. Они не знали, что русскій полководецъ въ этотъ день назначилъ роздыхъ и слышанный ими громъ выстрѣловъ раздавался съ ихъ же батарей, сожигавшихъ дома Праги, постоянной жертвы волненій Варшавы. Пока продолжались выстрѣлы и несчастные жители Праги перебѣгали съ немногимъ спасеннымъ имуществомъ, въ Варшавѣ только и помышляли о подобномъ же бѣгствѣ. Всюду готовились къ нему. Деньги изъ банка были отправлены по дорогѣ въ Кельце, въ канцеляріяхъ министерствъ и сейма укладывали бумаги, а секретарь сената, старый Нѣмцевичъ, въ страхѣ уѣхалъ съ сенатскими архивами въ Краковъ.

Въ полдень собрался въ замкѣ сеймъ, блѣдный отблескъ пылающей Праги, ударявшій въ окна, освѣщалъ совѣщаніе. Только немногіе члены оправились отъ всеобщаго изумленія. Сперва шли пренія о назначеніи новаго главнокомандующаго. Выборъ Скржинецкаго былъ единогласно утвержденъ; впрочемъ депутаты утвердили бы и всякаго другаго: въ настоящую минуту, этотъ санъ не доставлялъ почета, а былъ бременемъ, и требовалось много самоотверженія, чтобы принять его. За симъ, по предложенію Венцика, назначено было послѣ обѣда тайное засѣданіе, въ которомъ нужно было обсудить вопросъ, въ какомъ размѣрѣ могли быть примѣнены въ настоящихъ обстоятельствахъ постановленія $^{19}/_{7}$ февр. для неполнаго сейма (maly komplet). Большое число депутатовъ и сенаторовъ, обратились уже въ бѣгство или были готовы уѣхать. Не смотря на малое число присутствующихъ, вышеупомянутое постановленіе хотѣли тотчасъ же привести въ исполненіе. Надежда на сохраненіе Варшавы до такой степени упала, что многіе изъ депутатовъ (и въ числѣ ихъ прежніе хвастуны) предложили перенести сеймъ въ Мѣховъ. Другіе, болѣе смѣлые или болѣе виновные, сопротивлялись этой мѣрѣ, какъ преждевременной и могущей произвести дурное впечатлѣніе, не только въ странѣ, но и внѣ ея; для рѣшенія этого вопроса хотѣли

узнать мнѣніе главнокомандующаго къ которому и была послана депутація отъ сейма. Скржинецкій сказалъ имъ достопамятныя слова: «Сеймъ долженъ помнить римскихъ сенаторовъ, умер-«шихъ на своихъ курульскихъ креслахъ; что же касается до «меня, то вы можете вполнѣ расчитывать, что я буду вашимъ «Фабіемъ кунктаторомъ.» Въ то время, когда на него возлагали всю надежду, эти слова высоко цѣнились; впослѣдствіи же, когда онъ не оправдалъ ожиданій, то всѣ ихъ порицали; поступки и мнѣнія людей оцѣниваются только по ихъ результатамъ, и если бы Римъ погибъ, то никому не пришло бы на мысль ставить въ примѣръ Фабія, бывшаго въ дѣйствительности весьма посредственнымъ полководцемъ. Между тѣмъ безпокойство и суматоха были нестерпимы; экипажъ за экипажемъ наполненные бѣглецами, спѣшили за заставу, и только небольшое число самыхъ отчаянныхъ требовали, чтобы увольненія депутатовъ были разрѣшаемы только въ такомъ случаѣ, если покрайней-мѣрѣ 40 членовъ обяжутся остаться въ Варшавѣ. Вслѣдствіе этого были вызваны желающіе дать обѣщаніе не иначе оставить городъ какъ вмѣстѣ съ правительствомъ; лучшимъ доказательствомъ, какъ велико было общее смущеніе, можетъ служить то, что нашлось всего 26 человѣкъ, изъявившихъ согласіе на это предложеніе, и потому для пополненія числа 33 (maly komplet) были вынуждены послать въ армію за находившимися при ней семью депутатами. Ежедневная газета «Nowa Polska», имѣя въ виду удержать нетерпѣніе удалявшихся изъ города, помѣстила весьма рѣзкую статью, въ которой угрожала (*), что имена уѣзжающихъ будутъ публикованы для всеобщаго посрамленія.

Варшавская городская дума, напуганная слухами о предстоящемъ бѣгствѣ сейма, постановила: покориться милосердію Государя, но господствовавшая партія, опираясь на вооруженную силу, не хотѣла о томъ слышать. Пока депутацію городской

(*) Въ № 60 писали: всѣ вообще желаютъ, чтобы опубликованы были въ газетахъ имена уполномоченныхъ и депутатовъ, покинувшихъ столицу. Между ними вѣроятно найдутся декламаторы, еще недавно желавшіе освободить страну и т. д.

думы отсылали отъ одного управленія къ другому, день прошелъ и, къ общему изумленію, не послѣдовало нападенія со стороны Русскихъ.

Вечеромъ въ день битвы Русскіе, торжествуя побѣду, ожидали штурма на слѣдующее утро и нетерпѣливо къ нему готовились. Наступило утро и, вмѣсто диспозиціи къ штурму, отдано приказаніе объ отдыхѣ (*). Вслѣдъ за симъ увидѣли подымавшіеся изъ Праги черные облака дыма, за которыми, нѣсколько времени спустя, показались огненныя полосы; вскорѣ Русскіе увидѣли мрачную картину пожара, обхватившаго полукружіемъ большое пространство вокругъ мостоваго укрѣпленія. Передовыя войска, подъ начальствомъ генер. Гейсмара, овладѣли покинутыми укрѣпленіями и крайними домами предмѣстія и спасли ихъ отъ огня; остальная часть арміи оставалась на гроховской равнинѣ, имѣя предъ собою пылающую Прагу.

Различныя мысли и предположенія волновали душу русскаго полководца. Пожаръ Праги былъ рѣшительнымъ отвѣтомъ на его надежды, что страна изъявитъ покорность. Поляки хотѣли продолжать войну. Три средства представлялись для преодолѣнія ихъ упорства: или овладѣть мостовымъ укрѣпленіемъ и принудить Варшаву къ сдачѣ, открывъ по городу огонь, или, перейдя по слабому льду, атаковать городъ съ другой, менѣе

(*) Диспозиція на ночь съ $^{25}/_{13}$ на $^{26}/_{14}$ февр.: «1-й корпусъ располагается лѣвѣе шоссе, 6-й правѣе его, оба корпуса выставляютъ авангарды, въ составѣ бригады пѣхоты, отъ 12 до 16 орудій и кавалеріи, долженствующіе соблюдать величайшую осторожность. Генер. кн. Шаховской остается на мѣстѣ своего расположенія (лѣвѣе Эльснерской колоніи); слѣва уступомъ примыкаетъ къ нему 2-я гренад. дивизія, а справа отрядъ генер. бар. Сакена. Литовская гренад. бригада остается также на мѣстѣ своего расположенія (впереди промежутка между Розеномъ и Шаховскимъ), также какъ и отрядъ Гвардіи (у Грохова). Главная квартира въ Гроховѣ. 3-я кирасир. дивизія по обѣ стороны шоссе, за 1-мъ и 6-мъ корпусами. 14-го отдыхъ.» Еще 13 числа вечеромъ въ 7 ч., послѣ окончанія битвы, войска расположились въ вышесказанномъ порядкѣ. Русскіе были на сторожѣ и вылазка Поляковъ была бы встрѣчена въ полной готовности. Увѣряютъ, что Шембекъ, дивизія котораго была приведена въ наибольшее разстройство, дабы заставить забыть о томъ, хвасталъ, (Шпицыръ) что если ему дадутъ нѣсколько баталіоновъ, то онъ ночью сдѣлаетъ вылазку и обратитъ въ бѣгство всю русскую армію. Польскіе генералы вполнѣ поняли неосновательность этого предложенія; по всей вѣроятности не многіе вернулись бы изъ этой экспедиціи.

укрѣпленной стороны; или же наконецъ, давъ отдыхъ арміи, дождаться благопріятнаго времени года и возобновить дѣйствія съ усиленнымъ напряженіемъ. Каждый изъ этихъ способовъ представлялъ выгоды и невыгоды; отъ характера полководца зависѣлъ выборъ. Суворовъ штурмовалъ бы Прагу и страхомъ повергъ бы Варшаву къ своимъ ногамъ; Наполеонъ вѣроятно, не смотря на всѣ препятствія, быстро перешелъ бы рѣку, и, пользуясь первыми минутами смущенія, покорилъ бы городъ (*). Наиболѣе медленный и наименѣе отважный путь былъ избранъ фельдмаршаломъ Дибичемъ. Онъ былъ вообще врагомъ штурмовъ и считалъ ихъ азартною игрою, въ которой случай могъ уничтожить наилучшія мѣры, а потому онъ предпочиталъ имъ, справедливо или нѣтъ, (что не подлежитъ нашему разбору), правильную осаду; къ тому же пожаръ Праги содѣлывалъ въ этотъ день штурмъ невозможнымъ; на другой и въ послѣдующіе дни, онъ былъ исполнимъ и можетъ быть съ меньшимъ кровопролитіемъ, чѣмъ опасались; да кромѣ того даже и простой канонадѣ Варшава не могла бы долго сопротивляться; но фельдмаршалъ не хотѣлъ, ни разрушать города, ни губить невинныхъ вмѣстѣ съ виновными. Можетъ быть онъ ошибался; пощада часто оказывается слабостію, которою противникъ искусно умѣетъ пользоваться. Все же, прежде нежели принять окончательное рѣшеніе, и въ угожденіе настаивавшимъ на взятіи мостоваго укрѣпленія, фельдмаршалъ приказалъ, послѣ полудня $^{26}/_{14}$ февр., инженеръ-генер. Дену осмотрѣть его. Денъ подъѣхалъ въ туманѣ, между горящими и дымящимися развалинами, къ самому валу, гдѣ огонь выставленныхъ постовъ помѣшалъ ему достигнуть рва. Онъ доносилъ: «Верки хорошо расположены, но не совершенно окончены, глубина рвовъ кажется «не велика, профиль слаба и на валу можно насчитать не болѣе 15 орудій, но укрѣпленіе обстрѣливается огнемъ многихъ «батарей, возведенныхъ на противномъ берегу.»

(*) Хотя нѣкоторые офицеры утверждаютъ, что переходъ былъ невозможенъ, однакоже геній извлекаетъ наилучшіе результаты именно изъ тѣхъ самыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ обыкновенный умъ видитъ непреодолимую преграду.

Это ли донесеніе или еще прежде принятое рѣшеніе имѣли вліяніе на послѣдующія дѣйствія фельдмаршала, въ точности неизвѣстно, но только онъ не принялъ никакихъ предложеній о штурмѣ. Оставался второй способъ дѣйствій: немедленно перейти черезъ рѣку и воспользоваться смятеніемъ непріятеля для нанесенія ему рѣшительнаго удара. Но и это средство было весьма сомнительнымъ и казалось скорѣе порывомъ отчаяннаго игрока, чѣмъ дѣйствіемъ искуснаго полководца. «Положимъ даже», говорили нѣкоторые, «что русская армія «со всѣми тяжестями перешла бы по тонкому льду, чего однакожъ трудно было ожидать, но если вдругъ, вслѣдствіе оттепелей, рѣка разошлась бы,—чѣмъ тогда должны были продовольствоваться люди, отрѣзанные отъ своихъ магазиновъ, въ «странѣ, истощенной голодомъ и неурожаемъ, особенно если «принять въ соображеніе, что выказанная Поляками храбрость «доказывала, что они не дешевою цѣною отдали бы свою столицу? Нужно было вступить въ борьбу съ отчаяніемъ, а такая борьба не вдругъ оканчивается. Безразсудная отвага заставила бы подвергнуть опасности цѣлую армію, и для какой «цѣли? для цѣли, которую можно было на вѣрное достигнуть «другимъ, хотя и болѣе медленнымъ путемъ.» Наконецъ, развѣдыванія, которыя фельдмаршалъ велѣлъ сдѣлать до Вепржа, лишили послѣднихъ надеждъ: всѣ донесенія согласовались въ томъ, что хотя пѣшеходы и даже отдѣльные всадники могли переходить по льду, однако же нельзя было перевозить по немъ ни орудій, ни обоза (*).

Такъ какъ въ этомъ случаѣ невозможно было подвергать случайностямъ судьбу цѣлой арміи, то фельдмаршалъ окончательно предпочелъ третій способъ: дать отдыхъ войскамъ на тѣсныхъ квартирахъ и тотчасъ по вскрытіи Вислы переправиться на лѣвый

(*) Однако, въ это же самое время, $^{24}/_{12}$ февр., генер. Крейцъ перешелъ Вислу съ кавалеріею, обозомъ и артиллеріею; а Дверницкій переправился еще нѣсколькими днями позже $^{2}/_{18}$ $^{\text{март.}}_{\text{февр.}}$ Мѣры предосторожности, принятыя этими генералами: покрытіе льда соломою и досками и поливаніе ихъ водою, могли быть также употреблены съ пользою для переправы русской арміи. По опыту знали, какъ долго держатся такого рода искуственные мосты, даже и тогда, когда вскрывается весь ледъ кругомъ ихъ.

берегъ. Въ этомъ намѣреніи его утверждалъ недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ, въ особенности въ артиллерійскихъ зарядахъ, бывшій уже ощутительнымъ къ концу сраженія (*). Сверхъ того, всѣ резервные парки были еще назади; ощущался недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, въ фуражѣ, въ снарядахъ; при арміи было болѣе 12,000 больныхъ и раненыхъ; скудныя средства страны были истощены: можно ли удивляться, если при подобныхъ обстоятельствахъ осторожный полководецъ медлилъ возлагать всю надежду на счастливый случай? Уже въ Турціи фельдмаршалъ Дибичь выказалъ, что въ его дѣйствіяхъ смѣлость и отважность постоянно подчинялись разсчетамъ благоразумія и осторожности; лѣта, опытность и пріобрѣтенная слава должны были дать еще болѣе рѣшительный перевѣсъ этимъ качествамъ его характера. Къ тому же, нужно было принять въ соображеніе еще одно особенное обстоятельство. Эта война не была обыкновенная война между двумя государствами, а война инсуррекціонная, въ которой многочисленные приверженцы инсургентовъ подстерегали только удобное мгновеніе, когда бы они могли ополчиться безъ опасности для себя. При малѣйшемъ успѣхѣ ихъ соотечественниковъ они поспѣшили бы высказаться. Посему невозможно было предоставить что либо слѣпому случаю! Малѣйшая неудача, преувеличенная многочисленными глашатаями революціи, заставила бы рѣшиться колеблющихся, преисполнила бы робкихъ смѣлостью и увеличила бы въ странѣ число сообщниковъ возстанія.

Таковы были причины, побудившія полководца не предпринимать ничего рѣшительнаго противъ Варшавы. Но какъ только вскроется Висла, и мостовое укрѣпленіе, отрѣзанное отъ Варшавы, будетъ предоставлено собственнымъ средствамъ, онъ предполагалъ вести противъ него правильную атаку, для чего

(*) Это обстоятельство еще въ предшествовавшіе дни понудило его отказаться отъ непосредственнаго предпріятія противъ Праги, и удовольствоваться не полною побѣдою. Къ концу сраженія, начальникъ всей артиллеріи, кн. Горчаковъ объявилъ, что всего осталось 5000 зарядовъ, а всѣ парки еще оставались позади. *(Словесное замѣчаніе гр. Толя.)*

чрезъ четыре дня послѣ битвы, $^{1}/_{17}$ $^{\text{март.}}_{\text{февр.}}$ приказалъ генер. Дену изготовить фашины, туры и прочіе осадные матеріалы. Помышляя о будущемъ, онъ обратился къ военному министру гр. Чернышеву относительно доставки осадной артиллеріи. Въ письмѣ къ нему отъ $^{9}/_{25}$ $^{\text{март.}}_{\text{февр.}}$ онъ излагалъ: «упорное до сего «времени сопротивленіе инсургентовъ, даетъ поводъ думать, «что въ случаѣ нападенія на нихъ въ послѣднемъ ихъ убѣ- «жищѣ, они будутъ сражаться отчаянно; однако, все же суще- «ственно необходимо овладѣть прагскимъ мостовымъ укрѣпле- «ніемъ, дабы пресѣчь сообщеніе Варшавы съ правымъ бере- «гомъ. Я не могу рѣшиться на штурмъ, во избѣжаніе жертвъ, «которыхъ онъ потребуетъ, тѣмъ болѣе, что мостовое укрѣ- «пленіе, хотя и не велико, но чрезвычайно хорошо устроено. «Посему я прошу прислать осадную артиллерію, которую мо- «жетъ быть прійдется употребить и противъ самаго города.» Но полученный имъ отвѣтъ лишилъ его всякой надежды полу- чить требуемую имъ артиллерію въ скоромъ времени. Гр. Чер- нышевъ писалъ ему: «Дабы привести осадную артиллерію въ «надлежащее состояніе и закупить нужное число лошадей для «доставки ее въ Польшу, потребно болѣе четырехъ мѣсяцевъ. «Но Государь на всякій случай приказалъ, находящійся въ «Ригѣ паркъ осадной артиллеріи привести на военное поло- «женіе, а отдѣленіе рижскаго инженернаго парка, годное для «осады небольшихъ крѣпостей, немедленно привести въ готов- «ность, на случай если онъ потребуется въ арміи.»

Такъ миновалъ для Варшавы критическій періодъ четы- рехъ-дневнаго страха и общаго смущенія, потому что не ранѣе этого срока удалось Полякамъ привести армію въ нѣкото- рый порядокъ. Такъ какъ русская армія во все это время не по- давала вида, что будетъ атаковать, или по-крайней-мѣрѣ потре- буетъ сдачи города, то боязнь исчезла, и всѣ снова ожили ду- хомъ. Скржинецкій выказалъ въ этотъ промежутокъ времени необыкновенную дѣятельность. Онъ успокоивалъ безпокойныхъ, ободрялъ трусливыхъ, показывался въ публикѣ съ яснымъ само- увѣреннымъ лицемъ и утѣшалъ солдатъ въ ихъ неудачѣ. Еже- дневно производилъ онъ смотры отдѣльнымъ полкамъ, при-

чемъ откровенно разговаривалъ съ солдатами. «Вы не должны унывать», говорилъ онъ имъ: «я васъ могу увѣрить честнымъ словомъ, что сами непріятели уважаютъ вашу храбрость.» Для поощренія воиновъ онъ приказалъ самимъ солдатамъ, въ каждой ротѣ выбрать достойнѣйшихъ, и роздалъ имъ знаки отличія. Его внушавшая уваженіе, спокойная и твердая осанка и воспоминаніе о его достойныхъ поступкахъ въ послѣднія битвы, заслужили ему любовь большинства и довѣріе арміи; они видѣли въ немъ опредѣленнаго самимъ небомъ спасителя и возстановителя ихъ страны. Солдаты, забывъ ужасы послѣднихъ дней, одушевились обычною имъ самоувѣренностью.

И такъ одному Скржинецкому Поляки обязаны тѣмъ, что онъ возстановилъ въ эти тягостные дни упадшій ихъ духъ; поэтому, ближайшее ознакомленіе съ его личностью, по всей вѣроятности, не будетъ лишено интереса. Янъ Скржинецкій родился отъ достаточныхъ родителей въ Галиціи въ 1786 г., получилъ тщательное воспитаніе, обучался въ Лембергѣ и шелъ бы обычнымъ путемъ мирныхъ гражданъ, если бы вторженіе Французовъ въ Пруссію въ 1806 г. и связанная съ нимъ надежда на возстановленіе своего отечества, не оторвали пламеннаго юношу отъ занятій науками и не обратили его дѣятельности на военную службу. Онъ вступилъ въ первый вновь сформированный полкъ, бывшій тогда подъ начальствомъ полковника Казиміра Малаховскаго. Покровительствуемый фамиліею Чарторижскихъ, онъ является въ слѣдующую войну противъ Австрійцевъ, въ 1809 г., въ чинѣ капитана. Онъ участвовалъ въ достопамятномъ походѣ 1812 г. противъ Россіи и благополучно избѣгъ общей гибели; въ 1813 г. онъ былъ уже баталіонный командиръ и вездѣ выказалъ себя, какъ хорошій пѣхотный офицеръ и въ то же время какъ благородный человѣкъ; въ слѣдующемъ году, въ сраженіи при Арсисѣ, онъ имѣлъ честь укрыть въ своемъ каре Наполеона, когда этотъ послѣдній, тѣснимый непріятельскою кавалеріею, долженъ былъ искать убѣжища среди своей пѣхоты.

По заключеніи мира Скржинецкій возвратился въ отечество, украшенный крестомъ почетнаго легіона и польскимъ военнымъ

орденомъ, служилъ нѣкоторое время въ гвардейскихъ Гренадерахъ, впослѣдствіи въ 4–мъ полку и наконецъ получилъ 8-й полкъ, которымъ командовалъ и въ то время когда вспыхнула революція. Въ этомъ полку онъ не былъ любимъ, имѣлъ непріятности съ своими офицерами, и возникавшія чрезъ сіе жалобы часто были рѣшаемы не въ его пользу. Да и занимался онъ, повидимому, меньше своимъ полкомъ, чѣмъ литературою и внѣшнею политикою, что дало поводъ Великому Князю Константину Павловичу выразиться о немъ: «этотъ полковникъ можетъ разсказать все, что заключается въ англійскихъ и французскихъ газетахъ, но ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ у него въ полку» (*).

Когда возгорѣлась революція, Скржинецкій послѣдовалъ вмѣстѣ съ другими общему влеченію, не отличаясь впрочемъ особенною экзальтаціею, (**) и даже не раздѣляя преувеличенныхъ надеждъ, которымъ предавались революціонеры. Скромно и усердно служилъ онъ во все время диктатуры и показывался только на учебномъ плацу и въ церкви. Отличаемый кн. Чарторижскимъ, онъ однакожъ мало обращалъ на себя вниманіе партій; его умѣренность, аристократическое образованіе, его извѣстная религіозность и наклонность къ порядку не могли ничего обѣщать имъ; но его военная репутація или, какъ другіе полагаютъ, прежнія связи съ революціонерами, доставиему честь попасть въ списокъ кандидатовъ на высшія должности, хотя онъ тогда былъ только въ чинѣ полковника. Радзивилъ ввѣрилъ ему 3-ю дивизію и произвель его въ бригадные

(*) Это изрѣченіе весьма характеристично, и оно могло быть сказано Великимъ Княземъ, но никакъ не при представленіи генераловъ и полковниковъ Веллингтону, какъ увѣряетъ Шпациръ. Не Великій Князь, а генералъ Курута представлялъ офицеровъ варшавскаго гарнизона англійскому герою, и это представленіе не отличалось ни чѣмъ другимъ (какъ шутя замѣтилъ присутствующій при семъ генералъ) какъ общимъ молчаніемъ и 300 поклоновъ, сдѣланныхъ Веллингтономъ.

(**) Другіе утверждаютъ, что онъ участвовалъ въ заговорѣ и по этому въ ноябрьскую ночь находился въ Варшавѣ переодѣтый. Послѣднее обстоятельство достовѣрно; въ первомъ же только можно подозрѣвать его Мохнадкій говоритъ что онъ не участвовалъ въ заговорѣ, но случайно находился въ Варшавѣ, и что именно онъ уговорилъ генерала Семіонтковскаго дѣйствовать противъ мятежниковъ. Мохнацкій. 11, 77.

генералы. Въ этомъ званіи онъ своею храбростію и своими донесеніями, въ коихъ выказывался, повидимому, необыкновенный талантъ, обратилъ на себя вниманіе, какъ революціоннаго правительства, такъ и публики. Въ это время общей наклонности къ преувеличеніямъ, охотно преувеличивали и настоящія заслуги Скржинецкаго, какъ начальника дивизіи, и такимъ образомъ общее расположеніе проложило ему путь къ высшему званію. Но онъ не увлекался энтузіазмомъ своихъ почитателей и не переставалъ повторять имъ: «Всѣ мы, участвующіе теперь въ высшемъ управленіи, до селѣ были только хорошими баталіонными командирами, и потому намъ не слѣдуетъ быть слишкомъ самонадѣянными.» Ему было въ то время 44 года; въ полной силѣ способностей, притомъ пріятной наружности, высокого роста, онъ умѣлъ нравиться и гдѣ было нужно внушать уваженіе. Его просвѣщенная бесѣда, пріятное обхожденіе, доставляли ему успѣхъ въ обществѣ, и по наружности, онъ скорѣе походилъ на тонкаго свѣтскаго человѣка и политика, чѣмъ на взросшаго въ лагерѣ воина. Но основаніемъ его характера было глубокое религіозное чувство: врожденная склонность и воспитаніе пріучили его считать всѣ явленія этого міра происходящими свыше. Его особенностью было, что онъ, столь свѣдущій въ новѣйшей литературѣ и политикѣ, почти совершенно пренебрегалъ изученіемъ обязанностей своего собственнаго званія, такъ что бывшій впослѣдствіи генералъ—квартирмейстеръ его, Прондзинскій не совсѣмъ безъ основанія могъ отзываться «что онъ былъ со«вершенно неспособенъ къ высшимъ военнымъ соображеніямъ, «не имѣлъ понятія объ употребленіи кавалеріи и артиллеріи, «а равно объ инженерной части, и никогда ничего не могъ «понять въ операціяхъ цѣлой арміи; въ особенности же онъ «не обладалъ ни одною искрою того божественнаго огня (feu «sacré), который отличаетъ настоящаго полководца, и есть «даръ свыше, потому что его нельзя пріобрѣсть ни изъ книгъ, «ни въ школахъ. Способный командовать только нѣсколькими «баталіонами, онъ, чрезъ свое повышеніе, изъ храбраго сол«дата преобразовался въ робкаго полководца.»

Какъ характеръ людей вообще болѣе или менѣе выказывается въ ихъ рѣчахъ, такъ и Скржинецкій, тотчасъ высказался въ своей первой прокламаціи къ арміи. «Солдаты!» говорилъ онъ: «слѣдуя внушенію Божія промысла, вы меня избрали вашимъ главнокамандующимъ.» Потомъ, превознося силу и счастіе противниковъ, онъ призывалъ армію возложить все свое упованіе на Всевышняго. «Поклянемся только,» продолжалъ онъ,— «исполнить въ полномъ значеніи слова нашъ лозунгъ, «побѣдить «или умереть», и мы, если бы даже не побѣдили, будемъ сі- «ять въ лѣтописяхъ исторіи, какъ защитники народнаго права. «Я призываю васъ къ достиженію такой славы и обѣ- «щаю вамъ лавры героевъ или вѣнцы мучениковъ. Но на- «ше дѣло увѣнчается побѣдою, если вы будете непоколебимо «помогать мнѣ вашимъ повиновеніемъ, единодушіемъ, испол- «неніемъ долга и рѣшимостью.» Въ этой прокламаціи не было ни энтузіазма, ни блестящаго краснорѣчія, но въ ней была твердая покорность человѣка, который не надѣется на многое и предаетъ себя волѣ Божіей. Такимъ выказывалъ онъ себя во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; на самомъ полѣ битвы въ немъ замѣчали болѣе покорности, чѣмъ огня, болѣе страдательнаго терпѣнія, чѣмъ увлекающей дѣятельности и силы.

Въ эти дни Скржинецкій получилъ отъ патріотическаго клуба высокопарный адресъ, въ которомъ его подвиги возносились до небесъ. Онъ скромно отвѣчалъ: «Я не считаю себя «великимъ; я честный Полякъ, гражданинъ, для котораго честь «народа святая вещь; любить отечество свыше всего, жертво- «вать для него собою, я считаю моимъ святымъ и единствен- «нымъ долгомъ.» Потомъ, намекая на безпокойныя домогательства клубистовъ, онъ добавилъ: «Я желаю чтобы патріоти- «ческое общество было полезно отечеству; но пусть оно при- «метъ за правило, что свобода и порядокъ неразлучны между «собою».

Съ цѣлью вновь организовать армію, сперва были укомплектованы разстроенные баталіоны старыхъ полковъ, для чего были выбраны лучшіе солдаты изъ вновь сформированныхъ, чрезъ что послѣдніе конечно потеряли лучшихъ людей и были при-

ведены въ двухъ-баталіонный составъ, съ резервнымъ депо для ихъ пополненія; но за то старая армія чрезвычайно выиграла отъ этого и, нѣсколько дней спустя послѣ Гроховской битвы, снова была готова къ бою. Кавалерія была вновь преобразована и раздѣлена на три корпуса, подъ командою генераловъ: Уминскаго, Томаша Лубенскаго и Казиміра Скаржинскаго. Начальники отдѣльныхъ полковъ и частей были частью перемѣнены. Всѣ 4-е пѣхотныя дивизіи, составъ коихъ не измѣнился, получили новыхъ начальниковъ, потому, что изъ прежнихъ одинъ былъ убитъ (Жимирскій), другой удаленъ (Шембекъ), а прочіе получили иныя назначенія (Скржинецкій и Круковецкій). Въ 1-ю дивизію назначенъ начальникомъ полк. Рыбинскій, во 2-ю генер. Гелгудъ, въ 3-ю Казиміръ Малаховскій и въ 4-ю генер. Мюльбергъ. Каждой изъ сихъ дивизій были приданы одна батарея легкой и полубатарея батарейной артиллеріи.

Въ генеральномъ штабѣ и другихъ родахъ службы, также было сдѣлано много измѣненій. Скржинецкій полагалъ нужнымъ держать въ почтительномъ отъ себя удаленіи старѣйшихъ генераловъ; очень хорошо зная, что они ему, какъ бывшему своему подчиненному, не охотно будутъ повиноваться, онъ при каждомъ случаѣ старался внушать имъ почтеніе къ себѣ. Это раздражало ихъ, почему многіе сами вышли въ отставку, другіе же были уволены. Такъ удалились со сцены генералы: Вейсенгофъ, Мрожинскій, Войсчинскій, Несёловскій, Клицкій и Сухоржевскій. Скржинецкій считалъ даже нужнымъ показать строгій примѣръ, дабы на будущее время искоренить желаніе вмѣшиваться въ его распоряженія. Этотъ примѣръ долженъ былъ обрушиться на Шембекѣ. Когда сей послѣдній, досадуя, что ему не дали столько орденовъ сколько онъ требовалъ для своихъ офицеровъ, угрожалъ, послѣ горячаго спора, выйти въ отставку, Скржинецкій тотчасъ же уволилъ его, и хотя Шембекъ, раскаиваясь въ своихъ словахъ, желалъ остаться на службѣ, однакоже былъ окончательно исключенъ изъ списковъ. Такъ его, перваго покинувшаго Великаго Князя, постигло первое горькое возмездіе судьбы! Онъ уѣхалъ въ свои посмѣстья близъ Кракова, но какъ бездѣйствіе въ такую эпоху было для него му-

чительно, то онъ вступилъ волонтеромъ въ корпусъ Сѣравскаго; но объ его подвигахъ мало было слышно.

Ближайшими своими помощниками Скржинецкій избралъ полковниковъ Хршановскаго и Прондзинскаго, коихъ таланты онъ умѣлъ оцѣнить; перваго назначилъ онъ начальникомъ штаба, а втораго генералъ квартирмейстеромъ, (до сего времени Прондзинскій исправлялъ эту должность не будучи утвержденъ въ ней); при послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ онъ былъ много обязанъ ихъ совѣтамъ, пока слѣдовалъ имъ. Впослѣдствіи онъ поссорился съ ними, а съ тѣмъ вмѣстѣ счастіе покинуло его. Вскорѣ онъ (*) произвелъ ихъ обоихъ въ бригадные генералы, также какъ и многихъ другихъ полковниковъ, коимъ онъ ввѣрилъ бригады или дивизіи, какъ-то: Рыбинскаго, обоихъ Скаржинскихъ, Кицкаго, Каменскаго, Богуславскаго, Адрихевича и другихъ. Престарѣлаго Казиміра Малаховскаго, своего прежняго полковника, и невозмутимо храбраго Томаша Лубенскаго онъ произвелъ въ дивизіонные генералы.

Военнымъ министромъ, вмѣсто уволеннаго по собственному желанію Исидора Красинскаго, былъ назначенъ бывшій дежурный генералъ, Францъ Моравскій, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный. Наконецъ, чтобы избавить Круковецкаго, тайнаго врага и завистника Скржинецкаго, отъ униженія служить подъ начальствомъ ненавидимаго соперника, назначили его губернаторомъ столицы, на мѣсто Войчинскаго, съ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи. Въ этомъ званіи онъ оказалъ необычайную дѣятельность, но пріобрѣлъ общую ненависть своею грубостью и непомѣрною строгостью. Въ особенности Евреи навлекли на себя его ненависть, и не проходило почти ни одного дня, въ который нѣсколько изъ нихъ, виновныхъ или безвинныхъ, не были повѣшены, въ качествѣ шпіоновъ. Онъ вскорѣ довелъ всѣхъ до того, что двойной страхъ овладѣлъ жителями,—извнѣ отъ непріятеля, а внутри отъ губернатора и его жестокаго управленія. Поэтому всякій,

(*) Хршановскій и Прондзинскій были произведены въ бригадные генералы послѣ сраженія при Иганѣ $^{10}/_{29}$ апр. мар.

кто могъ, старался избавиться отъ этого страха, уѣзжая за границу, но только за большія деньги можно было получить паспорты, а подъ конецъ въ нихъ совершенно отказывали; уѣзжать имѣли право только однѣ женщины.

Таково было положеніе и настроеніе духа Варшавы послѣ Гроховской битвы; таковъ былъ оборотъ, который приняли дѣла.

Между тѣмъ русская армія спокойно стояла предъ градскими вратами, ничего не предпринимая: 1-й и 6-й корпуса по обѣ стороны шоссе, впереди Грохова; позади—Гренадерскій и 3-й кавалер. корпуса. $^{26}/_{14}$ было очищено поле битвы; $^{27}/_{15}$, въ Воскресенье было отправлено торжественное богослуженіе, и Поляки тоскливо смотрѣли съ варшавскихъ возвышенностей на русскую армію, построившуюся предъ воздвигнутыми алтарями въ каре и торжественно празднующую одержанную побѣду.

За симъ, такъ какъ намѣреніе штурмовать городъ было окончательно оставлено, то фельдмаршалъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ размѣщеніи войскъ: главная квартира была переведена въ Милосну, а 3-й кавалер. корпусъ въ Ласкаржевъ. Какъ изъ числа войскъ Гренадерскаго корпуса $^{25}/_{13}$ прибылъ только первый эшелонъ подъ начальствомъ кн. Шаховскаго, а остальныя были еще на маршѣ по правую сторону Буга, то для обезпеченія соединенія ихъ съ главною арміею, $^{27}/_{15}$ былъ посланъ въ Зегрже бар. Сакенъ съ 4-я батал., 12-ю эскадр., 700 казаками и 8-ю легкими оруд., для наблюденія за сохраненіемъ тамошняго моста (*).

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ нападеній партій кракузовъ, вдругъ, $^{2}/_{18}$ $^{\text{март.}}_{\text{февр.}}$ генер. Сакенъ донесъ, что значительныя непріятельскія силы, по его предположенію болѣе чѣмъ 20,000, стягиваются у Плонска, Цѣханова и Ржасница. Сакену было приказано оставаться между Пултускомъ и Зегрже и ожидать

(*) Его отрядъ состоялъ изъ 1-й бригады 2-й дивизіи (полки: Пр. Вильгельма и Пр. Карла) и изъ 2-й брцгады 3-й уланскій дивизіи (полки: Новоархангельскій и Новомиргородскій).

подкрѣпленій, и въ тоже время корпусъ Розена получилъ повелѣніе тотчасъ выступить туда, прогнать непріятеля и обезпечить операціонную линію, идущую чрезъ Зегрже, Пултускъ, Остроленку и Ломжу. Гренадер. дивизія генер. Угрюмова, слѣдовавшая къ Пултуску, должна была поддерживать Сакена до прибытія Розена и потомъ уже присоединиться къ своему корпусу у Кавенчина. Довольно значительная рѣка Вкра, вытекающая близь прусской границы выше Безуня, текущая въ болотистыхъ берегахъ и среди густыхъ лѣсовъ на юго-востокъ къ Вислѣ и впадающая выше Модлина въ Наревъ, была принята обоими генералами за оборонительную линію. Сакенъ расположился въ Насѣльскѣ, имѣя посты въ селеніяхъ по берегу Вкры. 8 батал. и 4-е эскадр. съ 8-ю оруд., подъ начальствомъ генер. Игельстрома, расположенные у Дембе, (на половинѣ дороги отъ Зегрже къ Насѣльску,) должны были подкрѣплять его; съ остальною частью своего корпуса Бар. Розенъ расположился бивуаками у Зегрже.

Слухи о появленіи значительныхъ силъ инсургентовъ въ Плоцкомъ воеводствѣ были неосновательны; уже $\frac{7}{23}$ марта. $\frac{\text{февр}}{}$ бар. Розенъ донесъ, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ непріятеля, и потому получилъ приказаніе, оставивъ Сакена и уничтоживъ мостъ у Зегрже, возвратиться къ главной арміи.

Генералъ же Сакенъ былъ командированъ къ Остроленкѣ, для сохраненія спокойствія въ странѣ между Наревомъ, Вкрою и прусскою границею и для открытія сообщенія чрезъ Ломжу съ приближавшеюся Гвардіею; онъ долженъ былъ служить ей авангардомъ и оборонять учрежденные для нея магазины. Такъ какъ его движеніе къ Остроленкѣ долженствовало быть выполнено вдоль Вкры среди многочисленныхъ партій вооруженнаго народа, то онъ принялъ слѣдующія мѣры. Направившись по прямому пути отъ Насѣльска къ Голимину, онъ послалъ полк. Лахмана, весьма дѣльнаго офицера, съ 4-мя эскадр. уланъ и 75 казаками къ рѣкѣ Вкрѣ, съ приказаніемъ привлечь на себя вниманіе непріятеля демонстраціями на различныхъ пунктахъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ надѣялся скрыть свой маршъ.

Его планъ былъ искусно и счастливо выполненъ. Полк.

Лахманъ выступилъ $^{8}/_{24}$ $^{\text{март.}}_{\text{февр.}}$ въ 3 ч. попол. изъ Насѣльска и потянулся по правому берегу Вкры, приказавъ своимъ казакамъ въ Лелевѣ, Кухарахъ и Сохочинѣ, гдѣ были мосты чрезъ Вкру, распространять слухи о переправѣ значительнаго корпуса. Въ слѣдующую ночь Лахманъ обошелъ непріятельскую позицію и сдѣлавъ 30 верстъ проселочными дорогами, на разсвѣтѣ явился предъ Малушинымъ, гдѣ находилась многочисленная шайка инсургентовъ. Лахманъ приказалъ казакамъ занять находившійся позади селенія мостъ на Вкрѣ, а самъ съ уланами атаковалъ съ трехъ сторонъ селеніе и истребилъ всѣхъ находившихся тамъ косиніеровъ, лѣсничихъ и вооруженныхъ крестьянъ. Часть ихъ бросилась въ рѣку и утонула; другіе, вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ, маіоромъ Венградскимъ и 5-ю офицерами, взяты въ плѣнъ, а остальные были изрублены или погибли въ пламени. Эта экспедиція навела большой страхъ во всей окрестной странѣ. Полк. Лахманъ, сдѣлавъ въ 34 часа болѣе 80-ти верстъ, на слѣдующій день благополучно присоединился въ Голиминѣ къ генер. Сакену, дошедшему безъ боя до Остроленки. Въ этой быстрой и удачной экспедиціи полк. Лахманъ выказалъ себя достойнымъ своего высокаго наставника, гр. Чернышева, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго онъ дѣлалъ походы въ Германіи и Франціи.

Несравненно важнѣе были происшествія на лѣвомъ флангѣ арміи. Еще вечеромъ, въ день Гроховскаго сраженія, фельдмаршалъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, полученнымъ отъ генер. Крейца, котораго онъ считалъ почти погибшимъ; оказалось, что напротивъ, отрядъ Крейца очень счастливо выпутался изъ весьма затруднительныхъ обстоятельствъ. Мы оставили его въ Люблинѣ, куда онъ вступилъ безъ сопротивленія $^{8}/_{27}$ $^{\text{февраля.}}_{\text{января.}}$ Здѣсь прибылъ къ нему адъютантъ фельдмаршала, Крузенштернъ, съ приказаніемъ—перейдя Вислу, уничтожить непріятельскія вооруженія по ту сторону рѣки. Крейцъ немедленно выступилъ и, переправившись $^{13}/_{1}$ февр. чрезъ Вислу у Пулавы, старался сколь возможно лучше выполнить возложенное на него порученіе. Онъ послалъ партіи въ Зволинъ, Радомъ и другіе пункты, приказалъ разгонять сборища, истреблять запасы оружія и обмун-

дированія, преимущественно же уничтожать военныя средства инсургентовъ. Въ особенности было успѣшно предпріятіе его начальника штаба бар. Деллингсгаузена на Радомъ, совершенное $^{17}/_{5}$ февр. съ одной сотней казаковъ и однимъ орудіемъ. Находившійся тамъ генер. Дзеконгскій съ 3000 косиніеровъ (11 и 12 полки), узнавъ о наступленіи Деллингсгаузена, въ смятеніи очистилъ городъ; полк. Лаговскій, намѣревавшійся съ частью кавалеріи защищать доступъ къ нему, былъ разбитъ, и Деллингсгаузенъ, съ горстью людей овладѣвъ главнымъ городомъ воеводства, истребилъ оружіе и мундиры, заготовленные на нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Ужасъ, наведенный экспедиціею генер. Крейца на лѣвомъ берегу Вислы, былъ такъ великъ, что непріятель, полагая его отрядъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, со всѣхъ сторонъ собиралъ противъ него войска (*). Депутатъ сейма, Романъ Солтыкъ, имѣвшій въ Сандомирскомъ воеводствѣ большія владѣнія и связи, былъ посланъ изъ главной квартиры съ цѣлью возбудить къ возстанію все воеводство, между тѣмъ какъ отозванный изъ Сточека генер. Дверницкій, въ связи съ Сѣравскимъ, долженъ былъ пріостановить движеніе Крейца съ фронта. Солтыкъ нашелъ все въ ужасномъ страхѣ, а находившіяся тамъ войска въ безпорядочномъ отступленіи. Заботясь о защитѣ линіи по рѣчкѣ Каміонной (**) и о сохраненіи связи Кракова съ Варшавой, онъ старался убѣдить всѣхъ начальниковъ къ совокупному дѣйствію. Въ Гурѣ онъ совѣщался съ генераломъ Сѣравскимъ, имѣвшимъ при

(*) Его драгуны нѣсколько разъ спѣшивались и сражались въ пѣшемъ строю ружьями со штыками, что было причиною распространившагося слуха, что онъ имѣетъ при себѣ нѣсколько полковъ пѣхоты. Донесенія, писанныя подъ вліяніемъ перваго паническаго страха, перешли въ историческія книги, и Шпацирь, также какъ и многіе другіе авторы, даютъ Крейцу до 24,000. Генер. Крейцъ имѣлъ тогда, за оставленіемъ Кавера предъ Замосцьемъ и отозваніемъ генер. Гейсмара къ главной арміи, не болѣе 18 эскадр. драгунъ, 800 казаковъ и 18 орудій, всего около 3,500 ч; изъ сего числа одинъ эскадронъ былъ оставленъ въ Люблинѣ, а другой въ Пулавѣ, такъ что у него оставалось всего 16 эскадроновъ.

(**) Рѣчка Каміонна беретъ начало въ окрестностяхъ Бодзецина и впадаетъ въ Вислу ниже Юзефова; она прикрываетъ своимъ теченіемъ всю южную часть Сандомирскаго воеводства.

себѣ полкъ кракузовъ и полкъ косиніеровъ, затѣмъ поспѣшно прибылъ въ Шидловецъ, гдѣ нашелъ полковниковъ Казаковскаго и Лаговскаго съ 700 волонтеровъ, и старался помирить ихъ; со всѣхъ сторонъ собирались къ нему толпы: рудокоповъ, лѣсничихъ, косиніеровъ, и такимъ образомъ въ 5 дней былъ сформированъ отрядъ въ 5,000 ч. долженствовавшій направиться противъ генер. Крейца съ юга, въ то время какъ Дзеконскій съ своими двумя полками атаковалъ бы его съ фланга, а Дверницкій и Сѣравскій съ фронта.

Дверницкій, перейдя обратно на правый берегъ Вислы у Гуры $^{17}/_{5}$ февр., съ 5-ю батал., 16 эскадр. и 12-ю оруд. и соединившись рано утромъ $^{19}/_{7}$ съ Сѣравскимъ у Мнишева, двинулся форсированнымъ маршемъ противъ Крейца. Дверницкій могъ привести этого генерала, бывшаго послѣ отозванія Гейсмара совершенно разобщеннымъ отъ прочихъ русскихъ войскъ, въ весьма опасное положеніе, если бы онъ отъ Сточека направился прямо къ Козеницѣ или Пулавамъ, угрожая его линіи отступленія. Но молва такъ преувеличила силы Крейца, что Дверницкій думалъ поравнятся съ нимъ въ числѣ войскъ, только соединясь съ Сѣравскимъ т. е. когда его корпусъ дошелъ до 10,00 ч. Между тѣмъ генер. Крейцъ, не имѣя никакихъ извѣстій ни изъ главной арміи, ни отъ подчинненаго ему генер. Гейсмара, дошелъ до Козеницы и выдвинулъ авангардъ изъ 6 эскадр. драгунъ съ 6-ю орудіями и нѣсколькими казаками еще на 3 версты къ Новавеси. Большая дорага отъ Рычиволи къ Козеницѣ пролегаетъ густымъ лѣсомъ, образующимъ у селенія Майданъ небольшую поляну, ограниченную съ юга болотистою рѣчкою, на которой лежитъ Новавесь. Въ этомъ мѣстѣ расположился авангардъ: 4-ре эскадр. съ 4 оруд.—на полянѣ, впереди казачьи посты, а два эскадрона съ 2 орудіями—за рѣчкою въ резервѣ. Здѣсь Дверницкій произвелъ на нихъ нападеніе.

(*) По показаніямъ Поляковъ Дверницкій имѣлъ:

5 батал. 16 эскдр. 12 орудій.
а Сѣравскій 2 — 6 — 4 —
всего: 7 батал. 22 эскадр. 16 орудій.

Послѣ полудня $^{19}/_{7}$ февр. (въ день битвы при Ваврѣ) казаки внезапно были атакованы превосходными силами впереди Майдана и отброшены назадъ. Это былъ отрядъ Сѣравскаго, за которымъ по пятамъ слѣдовала кавалерійская дивизія Дверницкаго. Болѣе 10 эскадр. польской кавалеріи, одинъ за другимъ вышли изъ лѣсу, и въ то же время пѣхота ударила на лѣвый флангъ драгуновъ изъ рощи. Драгуны, не смотря на свою малочисленность, смѣло встрѣтили непріятеля; но недавно вспаханная, съ торчавшими корнями, почва препятствовала сомкнутой атакѣ. Тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовала русская артиллерія. Начальствовавшій ею полк. Бутовичъ приказалъ стрѣлять картечью въ густые ряды Поляковъ. Дверницкій, пользуясь дымомъ, относимымъ вѣтромъ въ его сторону, подвезъ свои орудія на половину выстрѣла, приказалъ дать нѣсколько залповъ и кинулся со своими эскадронами на русскую артиллерію, дѣйствовавшую до послѣдней минуты, и даже когда польскіе всадники уже ворвались на батарею, полк. Бутовичъ приказывалъ своимъ артиллеристамъ продолжать стрѣльбу. Нѣсколько ударовъ пиками поразили Бутовича, 2 орудія были взяты, а 2 другія съ драгунами укрылись за рѣчкою. Поляки преслѣдовали Русскихъ, торжествуя побѣду. Краковскіе всадники Сѣравскаго достигли до противоположной стороны дефиле, но здѣсь, встрѣченные двумя резервными эскадронами, въ величайшемъ безпорядкѣ были отброшены за рѣчку (*); Дверницкій, бывшій впереди ихъ, попалъ въ такую давку, что едва избѣгнулъ сабель преслѣдующихъ драгунъ. Съ наступленіемъ сумерекъ кончилось дѣло. Рѣчка раздѣлила сражающихся.

Генералъ Крейцъ съ остальными 10-ю эскадр. не принималъ никакого участія въ сраженіи, ибо, не смотря на близость боя, пальбы не было слышно, по причинѣ сильнаго противнаго вѣтра. Замѣтивъ однако облака дыма, генер Деллингсгаузенъ поспѣшилъ къ авангарду, дабы узнать о происходившемъ и не допустить

(*) Nowa Polska (49) говоритъ: «Краковцы дурно сражались у Новавеси; хотя они смѣло бросались два раза на картечи, но не могли выдержать встрѣчи съ драгунами.»

авангардъ вступать въ дѣло съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. Онъ засталъ рукопашную схватку въ полномъ разгарѣ, а когда прибылъ съ остальными эскадронами генер. Крейцъ, все уже было кончено. Такимъ образомъ шесть эскадроновъ драгунъ выдержали ударъ соединенныхъ силъ Дверницкаго и Сѣравскаго, потерявъ не болѣе 105 ч. выбывшими изъ строя и два орудія (*).

Генералъ Крейцъ не безъ внутренняго безпокойства ожидалъ возобновленія атаки на слѣдующій день и приготовлялся для ея отраженія. Однакожъ, онъ не скрывалъ отъ себя опасности своего положенія; ему почти невозможно было отступить; ледъ на Вислѣ былъ такъ тонокъ, что трудно было надѣяться перейти по немъ съ орудіями. Но къ изумленію Крейца, на слѣдующее утро разъѣзды донесли ему, что непріятеля не видно; онъ двинулся впередъ, но непріятель дѣйствительно исчезъ. Совершенно было непонятно, что могло побудить польскаго генерала, не смотря на превосходство его силъ, къ отступленію; на слѣдующій день $^{21}/_{9}$ февр. въ Рычиволѣ узнали разгадку этого обстоятельства. Изъ перехваченнаго письма одного польскаго маіора узнали настоящее положеніе дѣлъ: неудачное для Русскихъ сраженіе у Сточека возбудило въ Дверницкомъ надежду дать такое же сраженіе Крейцу, но надежда эта не исполнилась; дѣло у Новавеси обошлось Полякамъ очень дорого, потому что картечный огонь Русскихъ на стѣсненномъ пространствѣ причинилъ много опустошенія; болѣе 300 ч. выбыло у нихъ изъ строя; сверхъ того, въ той же депешѣ заключалось извѣстіе, что Дверницкій оставилъ Крейца, дабы спѣшить на помощь столицѣ, узнавъ, что Русскіе дѣлаютъ приготовленія для переправы чрезъ Вислу у Карачева.

(*) Таково было сраженіе у Новавеси, выставленное инсургентами, какъ огромная побѣда. Мы видимъ, что, не смотря на ихъ превосходство въ силахъ, они не слишкомъ то много взяли трофеевъ отъ одного полка драгунъ, и по ихъ же признанію потеряли втрое болѣе Русскихъ убитыми и ранеными. Хотя генер. Дверницкій въ своихъ показаніяхъ сознается, что имѣлъ дѣло съ однимъ драгунскимъ полкомъ (слѣдов. около 750 ч.), однакоже Шпациръ не преминулъ изложить эту маловажиую стычку въ видѣ значительнаго сраженія, въ которомъ многія тысячи русскихъ драгунъ обращены были въ бѣгство.

Изъ Рычиволи генер. Крейцъ отправилъ къ фельдмаршалу донесеніе о своихъ дѣйствіяхъ и выразилъ опасенія относительно генер. Гейсмара, о которомъ носились самые тревожные слухи; Крейцъ писалъ: «въ теченіи 8 дней моего пребыванія «на лѣвомъ берегу Вислы, я не имѣю никакихъ извѣстій ни «отъ Гейсмара, ни изъ главной квартиры, но уже 3-й день слы«шу по другую сторону рѣки громъ выстрѣловъ, и потому по«лагаю, что главная армія сражается.» Генер. Крейцъ могъ предвидѣть, что если онъ станетъ медлить, то будетъ опять имѣть передъ собою весь отрядъ Дверницкаго, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ собирались вооруженныя шайки, которыя, въ случаѣ неудачи русскаго отряда, не дали бы спастись ни одному человѣку: вслѣдствіе этого и согласно съ настоятельными требованіями фельдмаршала, генер. Крейцъ рѣшился очистить лѣвый берегъ Вислы. Для этого, онъ повернулъ обратно къ Козеницѣ и велѣлъ тамъ испытать ледъ. Посланные для сего офицеры увѣряли, что ледъ могъ выдержать переправу отряда. Для бо̀льшей безопасности онъ былъ устланъ соломою и досками, и утромъ $^{24}/_{12}$ Крейцъ со всѣмъ своимъ корпусомъ перешелъ чрезъ Вислу у Тырчина, не претерпѣвъ ни малѣйшей потери.

Избавленіе Крейца отъ приготовленной ему гибели было чудесно. Романъ Солтыкъ приближался уже со стороны Радома болѣе чѣмъ съ 5000 ч. различныхъ родовъ оружія (*), между тѣмъ какъ Дверницкій торопился обратно отъ Гуры, гдѣ онъ былъ успокоенъ касательно Варшавы. Дабы вѣрнѣе разставить сѣти генер. Крейцу, было приказано генер. Сѣравскому наступать противъ него по большой дорогѣ, въ то время какъ самъ Дверницкій съ своимъ корпусомъ шелъ окольнымъ пу-

(*) По показанію самого Солтыка, онъ наступалъ съ нижеслѣдующими войсками:

600 всадниковъ изъ Сандомира.
800 стрѣлковъ.
1300 косиніеровъ.
Волонтеры Казаковскаго: 300 стрѣлковъ Юлія Малаховскаго.
400 всадниковъ Лаговскаго.
и 2200 ч. собравшихся въ Радомѣ.

Всего 5600 человѣкъ.

темъ, чтобы отъ Варки, лѣсами чрезъ Гловачевъ и Бржозу, выйти во флангъ и въ тылъ Крейца. Но когда онъ появился $^{24}/_{12}$ на высотахъ Козеницы, то увидѣлъ своего противника, стоявшаго въ полной безопасности, на другомъ берегу. Всѣ усилія его оказались напрасными (*).

Когда генералъ Крейцъ достигъ праваго берега, то онъ разомъ получилъ всѣ приказанія фельдмаршала, въ коихъ послѣдній отзывалъ его обратно изъ опасной экспедиціи; сообразно тому, онъ двинулся 13-го къ Маціовицамъ (мѣсто замѣчательное пораженіемъ Косцюшки), гдѣ намѣревался дать своимъ войскамъ нѣсколько дней отдыха.

Фельдмаршалъ съ большимъ удовольствіемъ узналъ о переходѣ Крейца на правую сторону Вислы: опасенія его были разсѣяны, и въ письмѣ отъ $^{27}/_{15}$ февр. онъ благодарилъ Крейца и желалъ, чтобы онъ направился къ Пулавамъ, для охраненія спокойствія въ Люблинскомъ воеводствѣ. Въ то же время онъ поручилъ ему учредить магазины въ Хелмѣ, Люблинѣ, Красноставѣ и Пулавахъ, и собрать матеріалы для постройки моста въ окрестностяхъ Пулавы.

Но письмо это не застало уже генерала Крейца въ Маціовицахъ. Едва онъ прибылъ туда, какъ $^{26}/_{14}$ получилъ извѣщеніе о возстаніи въ Пулавахъ, Конской-Волѣ и Казимержѣ, душою котораго была фрейлина старой княгини Чарторижской, Александра Заборовская. Крейцъ немедленно, въ ту же ночь, послалъ туда бар. Деллингсгаузена съ тремя эскадр. Тверскаго драгунскаго п. и 300 казаковъ, а наслѣдующій день самъ послѣдовалъ за нимъ съ остальными войсками. На маршѣ онъ узналъ, что возстаніе дѣйствительно уже вспыхнуло въ Пулавахъ и что находившійся тамъ эскадронъ драгунъ былъ вне-

---

(*) Эти усилія были не легки, что можно видѣть изъ нижеслѣдующаго:

19	(7)	отъ Мнишева къ Новавеси пройдено . . .	4	мили
20	(8)	« Новавеси къ Мнишеву	4	»
21	(9)	« Мнишева къ Гурѣ	3	»
22	(10)	« Гуры къ Варкѣ	5	»
23	(11)	« Варки чрезъ Гловачевъ къ Бржозѣ . . .	5	»
Итого въ 5 дней пройдено , ...			21	миля.

запно атакованъ и уничтоженъ. $^{28}/_{16}$ генер. Деллингсгаузенъ прибылъ въ Пулавы и узналъ о тамошнихъ происшествіяхъ слѣдующее: $^{26}/_{14}$ полковники Казаковскій и Лаговскій прибыли къ Гурѣ, насупротивъ Пулавы, и условились съ жителями о нападеніи на расположенный тамъ эскадронъ Казанскаго драгунскаго п. (*). Вслѣдъ за симъ 180 пѣшихъ егерей гр. Юлія Малаховскаго и 100 волонтеровъ гр. Вielьгорскаго, за коими слѣдовали полковники Казаковскій и Лаговскій съ остальными войсками отряда, были введены преданными имъ крестьянами въ Пулавы въ то самое время, когда эскадронъ былъ занятъ уборкою лошадей. Застигнутые въ расплохъ, люди бросились въ овинъ и храбро защищались: нѣкоторые взобрались на крышу и стрѣляли оттуда, въ то время какъ другіе поддерживали сильный огонь изъ карабиновъ чрезъ отворенныя двери. Только послѣ 2-хъ часоваго сопротивленія, когда Поляки начали дѣлать приготовленія, чтобы поджечь овинъ, Русскіе сдались. Тогда начались отвратительныя сцены; многіе изъ положившихъ оружіе были изувѣчены или умерщвлены. Въ домѣ княгини знали обо всемъ; тамъ готовилась вся экспедиція; во время битвы Заборовская бѣгала по улицамъ и возбуждала жителей къ принятію участія въ рѣзнѣ съ Русскими. Послѣ сего нападенія Казаковскій и Лаговскій тотчасъ перешли обратно по льду на другой берегъ Вислы.

Генералъ Крейцъ прибылъ $^{28}/_{16}$ въ Конскую-Волю, гдѣ бар. Деллингсгаузенъ, прибывшій туда съ однимъ эскадрономъ, донесъ ему обо всемъ случившемся; но въ то же самое время онъ узналъ изъ перехваченной депеши, что въ Люблинѣ также готовилось возстаніе и что тамошній комендантъ, имѣвшій всего

(*) Здѣсь собственно находилось 3 взода, слѣд. около 100 ч.; 4-й взводъ находился въ Казимержѣ и былъ также атакованъ. Польскія показанія, постоянно возраставшія въ геометрической прогрессіи, говорили сперва о 170, потомъ о 350 ч. и наконецъ о цѣломъ полкѣ. (Называли именно Виртембергскій п., бывшій у Крейца.) При этихъ преувеличенныхъ показаніяхъ, которыя впослѣдствіи даже Прондзинскій не устыдился выставить несомнѣннымъ происшествіемъ въ статьѣ предназначенной для газетъ, они забыли увеличить только число захваченныхъ лошадей; въ первомъ ихъ донесеніи справедливо было показано 90; на этомъ и остановились. Но вѣдь въ цѣломъ полку конечно было болѣе 90 лошадей.

одинъ эскадронъ, обратился въ бѣгство. Недовольный этимъ извѣстіемъ, Крейцъ, тотчасъ направился къ Люблину, защита котораго была особенно ему ввѣрена. Пока онъ былъ занятъ тамъ возстановленіемъ тишины и порядка, возвращеніемъ коменданта и истребованіемъ отъ него отчета, ему угрожала опасность съ другой стороны: Дверницкій перешелъ чрезъ Вислу, дабы начать таинственную экспедицію, долженствовавшую окончиться позорно,—бѣгствомъ его на чужую сторону.

Въ первые же дни послѣ Гроховскаго сраженія, новоучрежденному въ Варшавѣ русско-литовскому отдѣленію стараніемъ Лелевеля удалось побудить къ собранію военнаго совѣта, который долженъ былъ разсмотрѣть предложеніе нѣкоторыхъ Волынцевъ, выдававшихъ себя за депутатовъ страны. Предложеніе состояло въ томъ, что они обѣщали, въ случаѣ прибытія къ имъ подкрѣпленія изъ Польши, взбунтовать всю страну и сдѣлать такимъ образомъ весьма важную диверсію; Хотя имъ и не вполнѣ довѣряли, однако же какъ распространеніе возстанія было пламеннымъ желаніемъ всѣхъ Поляковъ, то и было приступлено къ обсужденію этого предложенія. Особенно высказались три мнѣнія. Лелевель, исключительно мечтавшій о возстаніи литовскихъ областей, настаивалъ, во что бы то ни стало, привести его въ исполненіе. Барзиковскій и Радзивилъ (*), напротивъ того, полагали что: провинціи должны оставаться до тѣхъ поръ въ спокойствіи, пока не будетъ одержанъ рѣшительный успѣхъ и окажется возможнымъ послать въ помощь Литвѣ польскія войска. Умѣренная партія: Чарторижскій, Скржинецкій и Хршановскій, говорили уклончиво, что всего лучше предоставить рѣшенію самихъ тамошнихъ жителей, могутъ ли они или нѣтъ начать возстаніе и привести его въ исполненіе. Несвоевременный взрывъ могъ бы разрушить тѣ средства, которыя можно было тамъ собрать при позднѣйшемъ вторженіи. Но мнѣніе Лелевеля восторжествовало, потому что его раздѣлялъ Прондзинскій, военныя соображенія котораго имѣли

(*) Какъ членъ литовскаго отдѣленія, Радзивилъ присутствовалъ на этомъ военномъ совѣтѣ.

большой вѣсъ въ общественномъ мнѣніи; рѣшено было послать корпусъ Дверницкаго на Волынь, для возбужденія тамошнихъ приверженцевъ Польши и для содѣйствія возстанію.

Однако Дверницкій, хотя и уроженецъ Подоліи, горѣвшій нетерпѣніемъ съ оружіемъ въ рукахъ завоевать свое отечество, не хотѣлъ согласиться взять на себя это предпріятіе на предложенныхъ ему условіяхъ. Онъ долженъ былъ дѣйствовать какъ партизанъ, взявъ съ собою только 1000 ч. кавалеріи, дабы бросить въ этихъ провинціяхъ искру, изъ которой надѣялись возжечь яркое пламя. Такого рода незначительная партизанская война была не по немъ; за сраженіе при Сточекѣ онъ былъ произведенъ въ дивизіонные генералы, пріобрѣлъ славу, и потому онъ соглашался предпринять попытку къ возмущенію помянутыхъ провинцій не иначе, какъ со всѣмъ своимъ корпусомъ. На это согласились, но только предписали ему: «перейдя черезъ Бугъ, держаться въ надлежащемъ раз«стояніи отъ сей рѣки, и не дозволить оттѣснить себя къ рѣкѣ «или къ границѣ.» Въ крайнемъ случаѣ онъ долженъ былъ раздробить свой корпусъ на мелкіе отряды и, при невозможности держаться на Волыни, кинуться на перерѣзъ сообщеній непріятеля въ Литву. Въ послѣдствіи увидимъ, въ какой степени онъ выполнилъ эту инструкцію. Согласно предписанію, онъ приготовился перейти чрезъ Вислу, тѣмъ съ бо́льшею увѣренностію, что изъ экспедиціи Лаговскаго въ Пулавы обнаружилось, что въ Люблинскомъ воеводствѣ не было никакихъ русскихъ войскъ, кромѣ корпуса Крейца.

$^{1}/_{17}$ мар. февр. Дверницкій двинулся онъ Козеницы къ Гневашову. На слѣдующее утро, его авангардъ и находившійся вблизи отрядъ волонтеровъ Казаковскаго должны были перейти у Пулавъ чрезъ Вислу по льду и прогнать бывшіе еще тамъ два эскадрона русскихъ драгунъ; самъ же онъ со всѣмъ корпусомъ слѣдовалъ за ними (*), и благополучно переправился

(*) По показаніямъ Поляковъ, въ эту экспедицію его корпусъ состоялъ изъ: девяти третьихъ дивизіоновъ полковъ старой кавалеріи 18 эскад.
изъ одного дивизіона кракузовъ Понятовскаго . . . . 2 »
« » « Косцюшки . . . . . 2 »

чрезъ Вислу въ тотъ же день $^{2}/_{18}$ $^{\text{мар.}}_{\text{февр.}}$ съ помощію саней по шаткому уже льду.

На слѣдующій день онъ продолжалъ движеніе къ Курову, гдѣ встрѣтился съ Тверскимъ драгунскимъ п., который съ 2-мя конными оруд. и 300 казаковъ занялъ позицію предъ селеніемъ, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ рощѣ. Эту рощу Дверницкій приказалъ обойти двумъ батал. съ кавалеріею въ то время, какъ четыре эскадр. авангарда наступали по дорогѣ, а за ними слѣдовалъ онъ самъ съ остальными силами. Нетерпѣніе передовыхъ эскадроновъ не позволило привести въ исполненіе предположенныхъ дѣйствій; они бросились въ атаку съ такою стремительностію, что Русскіе, отброшенные чрезъ плотину къ Курову, съ потерею обоихъ орудій, были принуждены отступить къ Маркушову. Здѣсь соединился съ ними генер. Кàверъ, наблюдавшій Замосцье и находившійся въ то время на ихъ пути отступленія съ шестью эскадронами Финляндскаго драгунскаго п. Ободренные этимъ подкрѣпленіемъ, Тверскіе драгуны въ свою очередь погнали преслѣдовавшихъ ихъ Поляковъ до Курова, но здѣсь наткнулись на главныя силы Дверницкаго и должны были вторично отступить съ уономъ къ Маркушову. Генер. Кàверъ, опередивъ отрядъ, поскакалъ въ Люблинъ, куда привезъ генер. Крейцу первое извѣстіе о понесенной неудачѣ. Крейцъ поспѣшилъ съ прочими эскадронами къ Маркушову, дабы спасти хотя остатки разбитыхъ войскъ. Онъ встрѣтилъ Тверской и Финлянскій драгунскіе полки уже по сюсторону Грабова, которые отступили въ безпорядкѣ, хотя понесенная ими потеря и не была значительна (*). Полк. Тверскаго п. Тухачевскій, принявшій начальство по отбытіи Кà-

---

четвертыхъ баталіоновъ 1-го, 5-го и 6-го полковъ . . . . 3 „
одного баталіона вольныхъ стрѣлковъ . . . . . 1 „
и изъ 12 орудій.

Всего 4 батал., 22 эскадр. 12 орудій, въ числѣ около 6,500 ч. отборныхъ войскъ.

(*)Самъ Дверницкій показываетъ, что уронъ Русскихъ заключался въ 40 убитыхъ и 80-ти взятыхъ въ плѣнъ. Чтобы дать понятіе о множествѣ раненыхъ онъ добавляетъ: «Вся дорога была облита кровью», но это обыкновенная польская гипербола.

вера, неоднократно старался остановить преслѣдованіе Поляковъ, но всѣ его усилія были безуспѣшны. Генер. Крейцъ собралъ драгунъ, привелъ ихъ въ порядокъ и занялъ позицію у Ясткова, противъ непріятельскаго авангарда.

Дверницкій провелъ ночь въ Маркушовѣ, гдѣ онъ соображалъ средства дать Крейцу новое сраженіе. Для этого на слѣдующій день $^{4}/_{20}$ мар. февр. онъ приказалъ одной части своего корпуса медленно подвигаться по столбовой дорогѣ, между тѣмъ какъ другая сильнѣйшая часть должна была выйти окольными путями на большую краковскую дорогу, дабы зайти Русскимъ въ тылъ со стороны Люблина. Генер. Крейцъ, извѣщенный о семъ движеніи, сообразилъ всю опасность имѣть у себя въ тылу, во время битвы съ сильнѣйшимъ вдвое непріятелямъ, взволнованный городъ, и зная, что чѣмъ далѣе Дверницкій подвигался тѣмъ болѣе приближался къ погибели, рѣшился уклониться отъ битвы, могущей имѣть пагубныя послѣдствія для русскаго отряда, и приблизиться къ ожидаемымъ отъ границы подкрѣпленіямъ. Вслѣдствіе того онъ направился чрезъ Пяски къ Суходолу, на встрѣчу шедшихъ къ нему, подъ командою генер. Балбекова, резервныхъ баталіоновъ 25-й пѣхотной дивизіи. Вслѣдъ за симъ Дверницкій безъ всякаго сопротивленія вступилъ вечеромъ $^{4}/_{20}$ мар. февр. въ Люблинъ, далъ здѣсь своимъ войскамъ отдыхъ и старался усилить себя новыми наборами, причемъ ему ревностно помогало учрежденное имъ революціонное управленіе.

Присутствіе Дверницкаго въ Люблинѣ вновь возбудило бодрость инсургентовъ, и тѣмъ болѣе, что въ то же самое время сдѣлалось извѣстнымъ бѣдствіе, постигшее русскій баталіонъ въ Устилугѣ. Приказанія Крейца генер. Балбекову были перехвачены и представлены коменданту Замосцья, полк. Крысинскому, узнавшему чрезъ это всѣ обстоятельства и условившемуся съ начальникомъ Грубешовскаго ополченія Бромирскимъ, относительно экспедиціи противъ находившагося въ Устилугѣ резервн. баталіона Житомірскаго полка. Предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Генер. Балбековъ, слѣдовавшій къ Крейцу съ двумя другими резервн. баталіонами (Минскаго и 49 егерскаго п.), прибылъ уже во Владиміръ, какъ вдругъ, $^{5}/_{21}$ числа услышалъ

со стороны Устилуга сильную перестрѣлку. Онъ тотчасъпѣ послшилъ туда, но прибылъ уже поздно. Значительная толпакосиніеровъ и краkузовъ, поддержанныхъ 4-мя регулярными ротами и 4-мя оруд. изъ Замосцья, напала неожиданно съ двухъ сторонъ, находившійся тамъ баталіонъ, и послѣ отчаяннаго сопротивленія взяла въ плѣнъ большую его часть, именно: 5 офицеровъ и 360 нижн. чиновъ; остальные же 13 офицеровъ и 345 нижн. чиновъ успѣли спастись и присоединились къ Балбекову. Вслѣдъ за симъ этотъ послѣдній перешелъ со своими двумя баталіонами границу $^{8}/_{24}$, имѣя въ виду соединиться съ генер. Крейцомъ, что однако, какъ увидимъ, не удалось ему.

Крейцъ изъ Суходоля обратился къ Олешникамъ, перешелъ въ этомъ мѣстѣ $^{5}/_{21}$ чрезъ Вепржъ, дабы уклониться отъ встрѣчи съ Дверницкимъ, и уничтожилъ на сей рѣкѣ всѣ мосты. Потомъ двинулся вверхъ по теченію рѣки къ Ленчнѣ, куда также приказалъ прибыть генералу Балбекову.

Въ то самое время, когда Дверницкій всѣми средствами старался образовать въ Люблинѣ народное вооруженіе и пополнить убыль въ своихъ баталіонахъ и эскадронахъ, онъ внезапно узналъ, что ему угрожала сильная опасность со стороны Вепржа.

Дѣйствительно—какъ только фельдмаршалъ получилъ первое извѣстіе о движеніи Дверницкаго на Волынь, приказано было выступить для преслѣдованія его гр. Витту, съ его кавалерійскимъ корпусомъ, усиленнымъ 13-ю батал. гренадеръ, изъ числа коихъ 6 батал. подъ начальствомъ генер. Муравьева, примкнули къ Витту $^{6}/_{22}$ въ Ласкаржевѣ, а 7 другихъ, 3-й гренад. дивизіи слѣдовали нѣсколько позади. $^{7}/_{23}$ Гр. Виттъ выступилъ въ Рыки по весьма дурнымъ дорогамъ изнурявшимъ людей и лошадей. $^{8}/_{24}$ онъ приказалъ навести, у Шарновъ и Бобровниковъ, на Вепржѣ два моста, по которымъ на другой день перешелъ генер. Муравьевъ съ литовскими гренадерами, въ то время какъ генер. Набоковъ съ русскими гренадерами прибылъ въ Рыки, гдѣ ему послѣ усиленныхъ переходовъ былъ данъ отдыхъ (*). На-

(*) Гр. Толь. въ своемъ донесеніи фельдмаршалу, отдавалъ справедливую похвалу храбрымъ гренадерамъ 3-й дивизіи, не оставившимъ ни одного отсталаго

конецъ 11/27 гр. Виттъ переправился съ главными силами и двинулся на Жиржинъ.

Генералъ Сѣравскій, перешедшій Вислу у Пулавъ 4/20 съ 6000 ч., съ цѣлію, какъ полагали, слѣдовать за Дверницкимъ во второмъ эшелонѣ, нашелся вынужденнымъ, какъ только узналъ о наступленіи Витта, поспѣшно перейти обратно на другой берегъ; а Дверницкій съ своей стороны немедленно 7/23 покинулъ Люблинъ и направился къ русской границѣ, съ намѣреніемъ, въ случаѣ нападенія на него превосходныхъ силъ, броситься въ Замосцье. На другой день онъ былъ уже у Красностава (7½ миль отъ Люблина), гдѣ онъ пробылъ 3 дня, для собранія свѣдѣній о движеніи Русскихъ и для отдыха войскъ, изнуренныхъ усиленными маршами по чрезвычайно испорченнымъ дорогамъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о приближеніи Балбекова съ двумя слабыми баталіонами и рѣшился сдѣлать попытку захватить его; съ этою цѣлью онъ послалъ колонну изъ 4-хъ эскадр. одного батал. и 2-хъ легкихъ орудій въ обходъ на Грабовецъ, а самъ двинулся по большой дорогѣ на Войславице. Генер. Балбековъ, прибывшій въ это селеніе 26/10 рано утромъ, во время узналъ о движеніи Поляковъ, и тотчасъ же рѣшился возвратиться въ Устилугъ, чтобы тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Этимъ онъ избѣгнулъ пораженія, и хотя при отступленіи передовыя войска Дверницкаго и настигли его, однакожъ ему удалось отразить ихъ и благополучно достигнуть Устилуга.

Дабы придать больше единства и связи дѣйствіямъ войскъ, назначенныхъ противъ Дверницкаго, фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ сими войсками начальнику главнаго штаба арміи, гр. Толю, который и прибылъ 11/27 числа вечеромъ къ корпусу гр. Витта (*) въ Жиржинъ. Одобривъ всѣ сдѣланныя

послѣ усиленныхъ переходовъ по непроходимымъ дорогамъ и всего насчитывавшимъ около 30 больныхъ.

(*) Войска, бывшія сперва подъ начальствомъ гр. Витта, а потомъ гр. Толя состояли изъ слѣдующихъ частей:

Литовская гренад. бригада . . . . . 6 бат. 3974 чѣлов.
3 гренад. дивизія . . . . . 7 „ 4989.

доселѣ распоряженія, гр. Толь приготовился неутомимо преслѣдовать Дверницкаго, какъ вдругъ, на слѣдующее утро онъ получилъ донесеніе Крейца о занятіи имъ вновь Люблина. Этотъ генералъ, прибывъ въ Ленчну $^{9}/_{25}$, узналъ какъ о выступленіи гр. Витта противъ Дверницкаго, такъ и о томъ, что самъ онъ долженъ поступить подъ его начальство. Дабы скорѣе соединиться съ гр. Виттомъ, Крейцъ тотчасъ же выступилъ къ Люблину (гдѣ Дверницкій оставилъ баталіонъ слабосильныхъ и конскриптовъ съ 300 кракузами) и $^{11}/_{27}$ овладѣлъ городомъ, послѣ незначительнаго сопротивленія въ предмѣстьяхъ. Часть инсургентовъ бросилась къ Винявской мельницѣ; здѣсь генер. Каверъ загладилъ свою ошибку, занявъ въ челѣ своихъ спѣшенныхъ драгунъ мельницу. Поляки хотѣли въ своихъ газетахъ осмѣять донесеніе Крейца объ овладѣніи Люблиномъ; они оспаривали то, чего никто не думалъ утверждать; конечно, здѣсь не было сраженія, но была жаркая стычка, стоившая Русскимъ 40 убитыхъ и 80 раненыхъ. Такимъ образомъ было возстановлено сообщеніе между Крейцомъ и Виттомъ или Толемъ.

Одновременно съ донесеніемъ Крейца гр. Толь получилъ извѣщеніе отъ президента воеводства, гр. Ростворовскаго, прибывшаго изъ Золкевки, что Дверницкій находился тамъ наканунѣ $^{11}/_{27}$. Это обратное движеніе отъ Красностава къ Золкевкѣ, казалось, выказывало намѣреніе Дверницкаго возвратиться за Вислу. Дабы воспрепятствовать сему, что было главною задачею графа, онъ рѣшился быстро направиться на югъ. $^{13}/_{1}$ марта онъ вступилъ въ Люблинъ, гдѣ соединился съ Крейцомъ, а на слѣдующій день продолжалъ движеніе двумя колоннами: Крейцъ—лѣвѣе, на Пяски, а самъ Толь—правѣе, къ Быхавѣ.

3-я кирасир. дивизія	22 эскадр.	2686
1-я бригада 3-й уланской дивизіи	12	1486.
2-я драгунская дивизія	23	2723.
Переяславскаго конно егерскаго п.	2 эск.	212.
3-и пѣшихъ и 6-ь конныхъ батарей	75 оруд.	

13 батал., 59 эскадр., 75 оруд. 8963 челов. пѣх. 7107 кавалеріи
4-е полка казаковъ. . . . . 1800 ч.

Всего круглымъ счетомъ 9000 пѣхоты и 9000 кавалеріи т. е. 18, 000 человѣкъ.

Полученныя извѣстія о движеніи Дверницкаго были такъ неопредѣлительны и разнорѣчивы, что не было возможности вывести изъ нихъ какое либо положительное заключеніе. Польскій генералъ обманывалъ своихъ противниковъ, возвѣщая повсюду о предстоящемъ его прибытіи. Посему его ожидали вездѣ, а обыватели, съ своей стороны, старались ввести Русскихъ въ заблужденіе; наконецъ плѣнныхъ не было возможности захватить, потому что непріятельскія партіи нигдѣ не встрѣчались. Сверхъ того Дверницкій съ своими легкими войсками имѣлъ большое преимущество, въ отношеніи къ быстротѣ движенія, и нельзя было надѣяться настичь его тяжелыми войсками, въ особенности въ такое время года, когда испорченныя дороги препятствовали быстрымъ дѣйствіямъ.

Даже по прибытіи къ Быхавѣ гр. Толь не получилъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Дверницкомъ; на основаніи различныхъ показаній, его ожидали то въ Замосцьѣ, то въ Устилугѣ, то даже въ Хелмѣ. Вслѣдствіе того гр. Толь отправилъ по всѣмъ симъ направленіямъ партіи, до возвращенія которыхъ остался въ Быхавѣ, дабы дать войскамъ необходимый отдыхъ и дождаться обоза, отставшаго при движеніи по испорченнымъ дорогамъ. Въ случаѣ, еслибы Дверницкій двинулся на Хелмъ, то узнавъ о движеніи Толя, онъ могъ легко возвратиться чрезъ Ленчну въ Люблинъ; по этому гр. Толь рѣшился предпринять $^{16}/_{4}$ фланговое движеніе чрезъ Хмель къ Пяскамъ и оттуда, смотря по обстоятельствамъ, обратиться на Красноставъ или Люблинъ. Крейца съ 23-я эскадр. послалъ онъ обратно въ Люблинъ. Генер. Пашковъ съ конно-егерскою бригадою, также подчиненный Толю, долженъ былъ изъ Пулавъ наблюдать за Сѣравскимъ, не дозволяя ему предпринять что либо на Вислѣ.

Извѣстія болѣе достовѣрныя показали гр. Толю, что его противникъ обратился на Грубешовъ, вслѣдствіе чего $^{17}/_{5}$ марта Толь поспѣшилъ въ Красноставъ, совершенно оставленный жителями. Здѣсь наконецъ, посредствомъ разъѣздовъ, узналъ онъ достовѣрно, что Дверницкій, не отваживаясь болѣе продолжать наступленіе къ русскимъ границамъ, $^{15}/_{3}$ укрылся въ

стѣнахъ Замосцья. Такимъ образомъ гр. Толь достигнулъ цѣли своего назначенія и воспрепятствовалъ Дверницкому вторгнуться въ русскія области. Съ одной стороны совершенно испорченныя дороги и весенній разливъ рѣкъ, въ особенности въ болотистой мѣстности окрестностей Замосцья, съ другой стороны безопасность, въ которой былъ Дверницкій, укрывшись въ крѣпости, препятствовали дальнѣйшимъ предпріятіямъ противъ его отряда, и потому гр. Толь рѣшился ограничиться наблюденіемъ. Чтобы съ одной стороны лишить Дверницкаго всякой возможности опять перейти чрезъ Вислу, а съ другой, чтобы немедленно получать свѣдѣнія о покушеніяхъ его на Волынь, Толь принялъ слѣдующія мѣры: генер. Муравьевъ съ наблюдательнымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 6-ти бат., 14-ти эскадр. и 12 оруд., долженъ былъ оставаться въ Красноставѣ (въ 5 миляхъ отъ Замосцья) и, въ случаѣ нападенія на него сильнѣйшаго непріятеля, имѣлъ приказаніе отойти къ Пяскамъ, куда могъ подоспѣть къ нему на помощь гр. Толь, возвратившійся съ главными силами въ Люблинъ. Генер. Крейцъ долженъ былъ, занявъ центральную позицію при Белжицѣ, а позже при Уржендовѣ, наблюдать теченіе Вислы. Генер. Пашковъ съ двумя конно-егерскими полками наблюдалъ все пространство къ сторонѣ Казимержа и Пулавъ; наконецъ, полковники Анрепъ и Бутовскій должны были съ двумя полками казаковъ производить рекогносцировки по обѣ стороны Замосцья и зорко слѣдить за всѣми движеніями непріятеля.

Изъ Люблина гр. Толь увѣдомилъ фельдмаршала о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, и въ частномъ письмѣ присовокуплялъ слѣдующія замѣчанія: «Дверницкій, отъ усиленныхъ переходовъ «и отъ расположенія войскъ въ болотистой мѣстности Замосцья. «потерялъ много людей, но все еще можетъ выставить до 8,000 ч, «Крейцъ также много пострадалъ, и его 23-и эскадрона едва «равняются по составу 18-ти эскадронамъ обыкновеннаго ком- «плекта, но его драгуны храбро исполнили свой долгъ и могли «бы принести еще большую пользу, если бы имѣли не столь «рослыхъ лошадей.» Потомъ онъ выражалъ сомнѣніе относительно предстоящей переправы черезъ Вислу, «будутъ и доста-

*

«точны для важныхъ предпіятій на лѣвомъ ея берегу: 1-й, Гре-«надерскій и 3-й кавалер. корпуса, и не лучше ли было выж-«дать прибытія Гвардіи и 2-гок пѣхотнаго орпуса, и тогда уже «рѣшить дѣло однимъ ударомъ? Между тѣмъ изъ Россіи подоспѣ-«ютъ запасы и можно будетъ учредить на Вислѣ магазины. «Дороги и сообщенія будутъ лучше и армія оправится. Отст-«рочкою дѣйствій можно пріобрѣсть выгоды.» Засимъ, переходя къ объясненію происшествій въ Пулавахъ, которые долженство-вало разрушить въ наказаніе жителей за мятежные ихъ поступ-ки, Толь писалъ: «для оправданія подобной мѣры нѣтъ доста-«точныхъ уликъ. Хотя люди княгини Чарторижской благопріят-«ствовали измѣнѣ, однакоже большею частію обратились въ бѣг-«ство вмѣстѣ съ княгинею, почему можно довольствоваться на-«казаніемъ нѣсколькихъ заговорщиковъ.» Мы приводимъ это-письмо, дабы показать, что фельдмаршалъ не имѣлъ недостат-ка въ хорошихъ совѣтахъ, но къ сожалѣнію онъ часто посту-палъ подъ впечатлѣніемъ минуты: отъ пренебреженія къ не-пріятелю переходилъ къ преувеличенію его силъ, и потомъ опять отъ чрезмѣрной осторожности къ излишней самонадѣ-янности. Въ рѣшительную минуту, вмѣсто того чтобы нанести окончательный ударъ (de donner le coup de collier, какъ вы-ражался, Наполеонъ), онъ останавливася, и опять безъ всякой надобности отваживался на опасностя въ несомнѣнномъ убѣ-жденіи, что непріятель того не замѣтитъ, или не сумѣетъ вос-пользоваться его ошибками.

При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть о клеветѣ, которую старались распространить инсургенты о происшествіяхъ въ Пу-лавахъ. Дѣло было весьма просто: при помощи жителей одинъ расположенный тамъ эскадронъ былъ атакованъ и истребленъ, причемъ нѣкоторые жители изъ политической ненависти жесто-ко обошлись съ русскими плѣнными. Русскіе снова заняли мѣстечко, и нѣкоторые изъ главныхъ зачинщиковъ были на-казаны. Это случилось бы при всякой войнѣ, и тѣмъ паче въ войнѣ съ возставшимъ народомъ, гдѣ нужно было навести страхъ, во избѣжаніе повторенія злодѣйскихъ поступковъ. Но польскіе журналисты, увлеченные пылкою фантазіею, начер-

тали картину всевозможныхъ ужасовъ и обвиняли въ нихъ Русскихъ; такъ они утверждали, «будто бы многимъ жителямъ выкалывали глаза.» Гораздо справедливѣе было бы, если бы они сказали: «виновные (большею частію изъ низшаго сословія) были освобождены послѣ тѣлеснаго наказанія.» Русскіе были такъ далеки отъ чрезмѣрной строгости, что сама Заборовская, главная зачинщица, бывшая уже подъ стражею, по просьбѣ престарѣлой княгини Чарторижской, была освобождена. Въ этомъ случаѣ какъ и во многихъ другихъ, польскіе журналисты изливали все свое краснорѣчіе въ ядовитыхъ нападкахъ н-р. Адама Виртембергскаго, столь же неосновательныхъ какъ и прежнія. Принцъ, нежелая служить мятежникамъ, взялъ отставку изъ польской арміи, и вступилъ въ русскую службу. Это вмѣняли ему Поляки въ вину, и возводили на него при всякомъ случаѣ ужасныя клеветы; они считали величайшимъ преступленіемъ, ести Полякъ, или кто либо находившійся въ польской службѣ, осмѣливался остаться вѣрнымъ правительству, которому принесъ присягу.

Донесенія гр. Толя, уже не застали фельдмаршала въ Милоснѣ; онъ перенесъ свою главную квартиру въ Шеницу и вообще сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи войскъ. Еще $^{27}/_{15}$ февраля, два дня спустя послѣ Гроховскаго сраженія, совершенно отложивъ намѣреніе штурмовать Прагу, онъ рѣшился до вскрытія Вислы и возобновленія наступательныхъ дѣйствій перевести войска на тѣсныя квартиры, дабы дать имъ отдыхъ, послѣ перенесенныхъ трудовъ при постоянно дурной погодѣ. При этомъ надѣялись также пріискать средства для обезпеченія продовольствія по случаю предполагаемой переправы.

Въ то время, когда большей части арміи былъ данъ отдыхъ, одинъ изъ корпусовъ, расположенный на главной коммуникаціонной линіи, ведущей въ Брестъ, долженъ былъ наблюдать за бозопасностью остальныхъ. Всѣ же прочіе получили для своихъ квартиръ опредѣленный раіонъ, въ которомъ должны были продовольствоваться съ соблюденіемъ строгаго порядка. Уже $^{1}/_{17}$ мар. / февр. войска должны были начать движеніе на указанныя

квартиры, но оно было отсрочено до $^{7}/_{23}$ (только 3-й кавалер. корпусъ тронулся въ Ласкаржевъ), при чемъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Главная квартира была перенесена въ Шеницу, незначительное мѣстечко съ большимъ каменнымъ монастыремъ. Три послѣдніе эшелона Гренадерскаго. корпуса должны были, соединясь $^{2}/_{18}$ у Пултуска, идти чрезъ Зегрже и Радзыминъ, и $^{4}/_{20}$ присоединиться у Кавенчина къ своему корпусу, переведенному вслѣдъ за симъ въ Латовиче (*); 6-й корпусъ отъ Зергже двинулся въ Станиславовъ и его окрестности (**); 3-й кавалер. корпусъ—въ Гарволинъ и Маціовице-гвардейскій отрядъ Великаго Князя—въ Желеховъ и Горжно.

1-й корпусъ, коему было поручено наблюдать за безопасностью другихъ войскъ и препятствовать непріятельскимъ предпріятіямъ изъ Праги, былъ расположенъ уступами отъ Вавра до Минска; въ Ваврѣ остался Гейсмаръ съ авангардомъ изъ двухъ конно-егерскихъ и двухъ казачьихъ полковъ, имѣя форпосты у самой Праги; 1-я дивизія отошла къ Милоснѣ (7 верстъ отъ Вавра), 2-я къ Дембе-Влеке (11 верстъ далѣе); 3-я въ Минскъ (еще 11 верстъ далѣе).

Покушенія, которыя могъ дѣлать непріятель на это расположеніе, были предусмотрѣны, и ихъ старались предупредить слѣдующими распоряженіями. Въ случаѣ появленія непріятеля въ значительныхъ силахъ изъ Праги, 1-й корпусъ, для уклоненія отъ отдѣльной встрѣчи, долженъ былъ медленно отступать по шоссе къ Минску, удерживая непріятеля; справа надлежало поддерживать его 6-му корпусу, который имѣлъ приказаніе, собравшись у Станиславова, отступать чрезъ Мистовъ къ Калушину. Остальные корпуса, соединившись у Шеницы, должны были быстро устремиться къ Дембе-Велке на флангъ и тылъ непріятеля, дабы отрѣзать ему путь къ Варшавѣ.

(*) 1-я гренадерская дивизія въ Ерузалемъ; 2-я въ Сточекъ; 3-я присоединилась къ гр. Витту; корпусная квартира и сборный пунктъ назначены были въ Латовиче.

(**) 24 дивизія у Станиславова; 25-я въ окрестностяхъ Пустельника, уланская дивизія въ Подщвентне; корпусная квартира и сборный пунктъ въ Станиславовѣ.

Вылазка изъ Праги на расположеніе арміи была такъ мало ожидаема, что даже не опасались 2-ю и 3-ю дивизіи 1-го корпуса также расположить на тѣсныя квартиры (одну въ Колбель, другую въ Осѣцкъ), и только 1-ю дивизію съ авангардомъ Гейсмара оставили для наблюденія за непріятелемъ.

Всѣ эти передвиженія были выполнены $^{7}/_{13}$ и $^{8}/_{28}$ март. февр., и въ эти два дня армія заняла указанныя ей квартиры, $^{9}/_{25}$ авангардъ Гейсмара также отошелъ отъ Праги къ Вавру, предавъ пламени всѣ туры и фашины, заготовленныя для штурма мостоваго укрѣпленія. На слѣдующій день Поляки къ значительныхъ силахъ подъ начальствомъ генер. Янковскаго, сдѣлали вылазку для узнанія, куда потянулась русская армія. Хотя этотъ генералъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе 10,000 ч. однакоже не съумѣлъ съ пользою употребить свои войска. Высылаемые порознь полки были отражены и отброшены назадъ авангардомъ Гейсмара. При этомъ былъ захваченъ Русскими раненый полк. Блендовскій, который, будучи Русскимъ подданнымъ (уроженцемъ Волыни), долженъ былъ сильно опасаться за свою судьбу; генер. Гейсмаръ приказалъ тщательно перевязать его раны и съ соизволенія фельдмаршала позволилъ перенести его для излеченія обратно въ Варшаву. Русскіе солдаты отнесли раненаго на ружьяхъ въ Гроховъ, гдѣ передали его Полякамъ. Этотъ человѣколюбивый поступокъ вынудилъ даже у революціонеровъ нѣсколько похвальныхъ словъ, впервые появившихся въ ихъ газетахъ, постоянно преисполненныхъ клеветою.

Это обратное движеніе русскихъ войскъ снова дало Полякамъ поводъ къ самымъ смѣшнымъ предположеніямъ; не зная настоящей причины, одни приписывали его «революціонному духу Гвардіи», другіе «взятію Каменецъ-Подольска запорожскими казаками!» третьи «возстанію на Волыни (*).» Наиболѣе умѣренные полагали, что Русскіе отступили по недостатку продовольствія. Иностранные приверженцы возстанія торжествовали (**): «Это отступленіе», говорили они,—«ясно доказываетъ,

(*) Эти слухи упоминаются съ намѣреніемъ показать, какими нелѣпостями Поляки всегда утѣшали себя.

(**) Шпацирь, ч. II, стр. 94.

что Русскіе не были побѣдителями при Гроховѣ!» Дѣло было весьма просто: состояніе Вислы, при почти постоянной оттепели, и непрочность льда дѣлали переходъ чрезъ нее невозможнымъ, и всякій наведенный мостъ, при ежеминутно ожидаемомъ вскрытіи рѣки, подвергался опасности быть снесеннымъ: вслѣдствіе того русскій полководецъ рѣшился занять наблюдательную позицію, пока благопріятное время года дозволитъ возобновить военныя дѣйствія. А дабы не подвергать солдатъ безъ всякой надобности вліянію дурной погоды подъ открытымъ небомъ, онъ предпочелъ, соблюдая всѣ необходимыя предосторожности, дать войскамъ отдыхъ на тѣсныхъ квартирахъ послѣ труднаго похода. Гроховское сраженіе не играло при этомъ никакой роли.

Но еще до передвиженія русскихъ войскъ, когда въ Варшавѣ все еще находилось въ величайшемъ страхѣ, Поляки искали возможности начать переговоры. Скржинецкій искренно желалъ миролюбиваго исхода, не раздѣляя сумазбродныхъ надеждъ революціонной молодежи, и, подобно Хлопицкому, предвидѣлъ несчастный конецъ дѣла. Можетъ быть, его руководили тоже честолюбивые замыслы, въ случаѣ успѣха, получить мѣсто Заіончека и быть Намѣстникомъ «для блага своихъ соотечественниковъ», какъ онъ однажды проговорился. Но прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ, онъ хотѣлъ обезпечить себя со стороны сейма и пригласилъ къ себѣ на тайное совѣщаніе знатнѣйшихъ членовъ его. Хршановскій и Продзинскій участвовали въ этихъ совѣщаніяхъ и поддерживали главнокомандующаго всѣми силами. Членамъ сейма поставили на видъ: «что въ бывшихъ до селѣ сраженіяхъ спасена честь оружія; что нельзя было надѣяться, при ничтожности вспомогательныхъ средствъ Поляковъ въ сравненіи съ Русскими, выдержать продолжительную войну, и что продленіе ея ввергнетъ страну въ погибель и увеличитъ неудовольствіе русскаго Государя, почему необходимо подумать о средствахъ къ примиренію. Въ настоящее время настала удобная минута: Поляки показали, что ихъ не легко побѣдить и что они были бы довольно сильны, дабы поддержать нѣкоторое время войну, къ которой могло бы повести

«рано или поздно иноземное вмѣшательство; но будучи пре«доставлены самимъ себѣ, они, конечно, не смотря на всѣ уси«лія, найдутся въ необходимости покориться русскому могуще«ству.» Но депутаты сейма не согласились принять предложенныя основанія, и, можетъ быть, лаская себя пустыми надеждами, или изъ боязни передъ революціонною партіею, не хотѣли и слышать о переговорахъ. Только съ большимъ трудомъ и при помощи обильно расточаемой лести, Скржинецкому удалось получить ихъ согласіе—сдѣлать фельдмаршалу нѣкоторыя предложенія, при чемъ онъ былъ принужденъ съ своей стороны согласиться подвергнуть надзору депутатовъ всѣ свои дѣйствія. Дабы скрыть отъ подозрительныхъ революціонеровъ настоящую свою цѣль, Скржинецкій $^{3}/_{19}$ $^{\text{мар.}}_{\text{февр.}}$, черезъ шесть дней по слѣ Гроховскаго сраженія, послалъ подполк. гр. Мицельскаго въ главную квартиру Русскихъ, въ качествѣ парламентера, подъ предлогомъ размѣна плѣнныхъ. Онъ долженъ былъ узнать условія, на которыхъ фельдмаршалъ согласится положить предѣлъ непріязненнымъ дѣйствіямъ посредствомъ перемирія. Фельдмаршалъ объявилъ ему, что не могло быть и рѣчи ни о какихъ условіяхъ, кромѣ покорности Поляковъ на основаніи Царскаго манифеста, и что первымъ шагомъ къ тому долженствовала быть отмѣна акта объ упраздненіи престола.

Нѣсколько дней спустя, $^{8}/_{24}$, Мицельскій явился вторично и объявилъ, что уничтоженіе акта о сверженіи съ престола сперва должно быть предложено сейму, потому что армія твердо рѣшилась вести переговоры неиначе какъ вмѣстѣ съ нимъ и съ правительствомъ. Фельдмаршалъ справедливо видѣлъ въ этомъ отвѣтѣ одну только уловку, что возбудило его недовѣріе, и онъ холодно отвѣчалъ: «Такой путь длиненъ и сомнителенъ, а потому я предпочитаю рѣшить споръ оружіемъ.»

Въ продолженіи этихъ переговоровъ, русскій полководецъ изъявилъ гр. Мицельскому свое удивленіе въ томъ, что Поляки готовы скорѣе подвергнуться случайностямъ войны, долженствовавшей кончиться ихъ гибелью, чѣмъ покориться волѣ Государя, сохранивъ всѣ свои прежнія права; что Государь не можетъ иначе поступить въ огражденіе своей чести тѣмъ болѣе,

что только одна часть націи насильно увлекла другую принять участіе въ революціи, и что именно армія, первая начавшая возстаніе, должна была бы первая же искать примиренія.

Основываясь на этихъ словахъ, генер. Скржинецкій написалъ русскому фельдмаршалу извѣстное письмо, показанное имъ депутатамъ сейма; они измѣнили въ немъ только нѣкоторыя выженія. Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ: «Поляки ни коимъ «образомъ не могутъ вновь добровольно покориться положенію, «не дававшему имъ достаточнаго обезпеченія ихъ правъ. Они «готовы на всѣ жертвы для отечества; могутъ ли они добро«вольно возвратиться къ такому порядку дѣлъ, при которомъ «они не могли быть увѣрены ни одной минуты въ своей будущ«ности? Желать возстановленія прежней, дарованной Императо«ромъ Александромъ конституціи, конечно, было весьма умѣ«ренно и справедливо; къ тому же невозможно утверждать «что сильный всегда правъ, а слабый всегда виноватъ (*). «Смыслъ Императорскаго манифеста требуетъ неограниченнаго «довѣрія, не давая націи надежды, что злоупотребленія пре«кратятся; заставляя предвидѣть низпроверженіе всѣхъ нашихъ «общественныхъ учрежденій, онъ принудилъ народъ защищать «свое политическое существованіе (**). И потому скажемъ въ «отвѣтъ: мы видимъ разрѣшеніе вопроса въ справедливости, «а не въ покорности (***). Если Русскіе не хотѣли запятнать «честь Государства, то и Поляки должны защищать честь на«ціи.» Затѣмъ Скржинецкій увѣрялъ, что: «какъ сеймъ и армія, «такъ и вся нація, одушевлены одною мыслію, и всякій готовъ «жертвовать жизнью за отечество. Арміи невозможно отдѣлить«ся отъ націи, и если имъ суждено погибнуть, то армія по«гибнетъ прежде націи. Потому, если фельдмаршалъ, какъ «онъ увѣряетъ, дѣйствительно любитъ и уважаетъ народъ, то «онъ вѣроятно не откажетъ испросить для него у Государя

(*) Но и слобый не всегда же бываетъ правъ.

(**) Революція началась до манифеста, а не послѣ его. По словамъ Скржинецкаго можно полагать на оборотъ.

(***) Не должна ли была однакожъ покорность предшествовать справедливости?

«надлежащія ручательства, для прочнаго существованія требуе-
«мыхъ правъ свободы» (*).

Гр. Мицельскій и инженеръ-полковникъ Калачковскій явились съ этимъ письмомъ $^{12}/_{28}{}^{\text{мар.}}_{\text{фев.}}$ къ генер. Гейсмару въ Гроховъ. Фельдмаршалъ, бывшій тогда въ Гроховѣ, не принялъ ихъ; вмѣсто его получилъ письмо для доставленія по принадлежности гр Паленъ. По приказанію фельдмаршала, онъ снова объявилъ посланнымъ, что: «первымъ предварительнымъ условіемъ примиренія должно быть уничтоженіе акта объ упраздненіи престола, безъ чего нельзя приступить ни къ какимъ переговорамъ.» Но парламентеры, прежде нежели рѣшиться на такой шагъ, опять изъявили желаніе знать предварительныя условія фельдмаршала, на которыхъ начнутся переговоры, потому что польская нація нехотѣла и слышать о безусловной покорности. Гр. Паленъ выразилъ сомнѣніе, чтобы фельдмаршалъ могъ предложить какія либо условія до требуемато объявленія; парламантеры удалились, изложивъ письменно вкратцѣ свои предложенія.

На другой день былъ отправленъ отвѣтъ отъ имени генералъ-квартирмейстера Нейдгардта. Фельдмаршалъ не могъ, не унижая своего достоиства, вести переговоры прямо съ главою революціонеровъ, почему онъ поручилъ генер. Нейдгардту, дать отвѣтъ гр. Мицельскому, какъ частному лицу. Генер. Нейдгардтъ писалъ: «Актъ объ упраздненіи престола воздвигъ преграду «между польскимъ и русскимъ правительствами; фельдмаршалъ «не могъ признать нынѣ учрежденнаго въ Польшѣ управленія, «а еще менѣе переговариваться съ нимъ. Пусть уничтожатъ это «постановленіе; этотъ примѣръ повлечетъ за собою другіе, «будетъ лучшимъ вступленіемъ въ переговоры и послужитъ къ «возстановленію спокойствія въ странѣ.»

Это не помѣшало Скржинецкому отправить $^{17}/_{7}$ марта, прямо къ фельдмаршалу, второе письмо, въ которомъ, по его выраженію, онъ противопоставлялъ дипломатической формѣ откровенность солдата. Онъ началъ свое посланіе увѣреніемъ,

(*) Но въ чемъ же могли состоять эти ручательства? Не въ уступкѣ ли литовскихъ провинцій?

что польская революція отнюдь не есть вспышка восторженнаго воображенія молодежи, но слѣдствіе многочисленныхъ злоупотребленій (*); потомъ, переходя къ главному вопросу, онъ продолжалъ: «дабы уничтожить актъ объ упраздненіи тро-«на, нужны очень важныя побудительныя причины и важныя «ручательства; иначе нація могла бы подвергнуться упреку «въ непростительномъ легкомысліи. Пусть фельдмаршалъ пред-«ложитъ планъ примиренія, который согласовался бы съ честію «націи и основывался на взаимной справедливости, который «торжественно ручался бы за права, свободу и личную безо-«пасность Поляковъ, и привелъ бы ихъ, безъ вмѣшатель-«ства чужеземной вооруженной силы, обратно къ конституціон-«ному порядку.»

Этою послѣднею косвенною угрозою онъ намекалъ на чрезвычайно сильную въ то время надежду на вмѣшательство Австріи. Бывшіе въ Вѣнѣ Поляки, неизвѣстно на какомъ основаніи, писали своимъ соотечественникамъ поощрительныя письма и подавали имъ блестящія надежды. При свойственномъ Полякамъ легкомысліи и легковѣріи этотъ обманъ былъ принятъ за неоспоримую истину; ежедневно ожидали вторженія сильной австрійской арміи, и даже дѣлали распоряженія для наилучшаго пріема ея. Всѣ эти надежды были ни что иное, какъ самообольщеніе, не имѣвшее никакого основанія, но Поляки постоянно утѣшали себя пріятными сновидѣніями и считали рѣшительно все вѣроятнымъ и возможнымъ.

Русскій полководецъ и революціонеры обсуждали положеніе дѣлъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія; первый думалъ, что революція достигла крайнихъ предѣловъ и готова покориться; революціонеры же, напротивъ того, полагали, что они никогда не имѣли столько надеждъ на успѣхъ, какъ въ настоящее время. Возможно ли было думать о мирѣ при столь различныхъ воззрѣніяхъ?

Допустивъ разбитую польскую армію спокойно перейти

(*) Мы видѣли выше, въ какой степени можно вѣрить существованію этихъ злоупотребленій, а равно привели объ этомъ мнѣніе Махнацкаго.

чрезъ Вислу, не сдѣлавъ никакихъ покушеній на Прагу или Варшаву и даже не потребовавъ ея сдачи, и наконецъ, оставшись довольно долго въ бездѣйствіи подъ стѣнами польской столицы, фельдмаршалъ далъ поводъ революціонерамъ считать себя непобѣдимыми, и затѣмъ мало-по-малу исчезло моральное впечатлѣніе, произведенное Гроховскимъ сраженіемъ. Самоувѣренность Поляковъ воскресла, что всегда бываетъ слѣдствіемъ сильнаго страха, оказавшагося напраснымъ. Они устояли противъ первой грозы, противъ перваго удара русской военной силы; опасность миновалась; въ чужихъ краяхъ начинали принимать въ нихъ участіе, и въ той степени, какъ возрастали ихъ надежды на внѣшнее содѣйствіе, возрастали внутри страны ихъ средства къ войнѣ: при Гроховѣ они могли противопоставить Русскимъ 50/т. войска; теперь они надѣялись вскорѣ имѣть 80/т., между тѣмъ какъ Русская армія ежедневно убавлялась.

И такъ—русскій полководецъ весьма ошибался, полагая, что послѣ Гроховскаго пораженія Поляки будутъ согласны на примиреніе. Вслѣдствіе этого ошибочнаго мнѣнія онъ принялъ ихъ посланныхъ, свободно и открыто выражался передъ ними и имѣлъ большую надежду на мирное окончаніе дѣла. Пока эти надежды усыпляли его военную дѣятельность, революціонеры вполнѣ воспользовались временемъ для увеличенія средствъ къ войнѣ, пополненія истраченныхъ запасовъ и усиленія себя въ оборонительномъ отношеніи. Наконецъ фельдмаршалъ долженъ былъ съ неудовольствіемъ сознаться, что переговоры, ласкавшіе его самолюбіе, были начаты единственно для того, чтобы ввести его въ заблужденіе. Къ несчастію, гр. Толь, проницательный умъ котораго не поддался бы льстивымъ мечтамъ и увидѣлъ бы вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не находился тогда при фельдмаршалѣ. Но къ чести другихъ бывшихъ при немъ генераловъ: Палена, Нейдгардта Гейсмара, нужно замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не обманывался, и что они съ неудовольствіемъ взирали на эти безполезные переговоры. Говорятъ, будто бы Гейсмаръ сказалъ Мицельскому, что ему будетъ прискорбно, если примиреніе по-

слѣдуетъ прежде, чѣмъ онъ получитъ удовлетвореніе за Сточекъ.

Со стороны же Поляковъ, причины этой переписки были весьма просты: они хотѣли выиграть время; для правительства это было столько же нужно, сколько и для главнокомандующаго Первое давало свое согласіе на переговоры, полагая, что для пополненія убыли арміи людьми и оружіемъ было необходимо по-крайней-мѣрѣ нѣсколько недѣль. Въ Гроховскомъ сраженіи Поляки потеряли 10,000 ружей, а зарядовъ имѣли всего на два сраженія, а потому нужно было доставить оружіе не только однимъ вновь сформированнымъ, но и старымъ полкамъ. Въ цейхгаузахъ нашлось множество поврежденныхъ карабиновъ, потому что Великій Князь, при малѣйшей порчѣ, приказывалъ мѣнять ихъ; эти карабины были исправлены; у національной Гвардіи тогда же отобраны прежде выданныя ружья, и предоставлено ей вооружиться, кто какъ могъ, на собственный счетъ. Въ концѣ февраля наступили морозы; польское правительство, испугавшись что ледъ окрѣпнетъ и дастъ возможность русской арміи перейти черезъ Вислу, согласилось на желаніе Скржинецкаго писать русскому фельдмаршалу. Первое письмо, до отправленія, было сообщено ему; второе же было написано и отправлено безъ вѣдома правленія; его не одобряли въ высшей степени, потому что Скржинецкій упоминалъ въ немъ объ уничтоженіи акта сверженія съ престола, и какъ даже увѣряли, въ гораздо сильнѣйшихъ и покорнѣйшихъ выраженіяхъ, чѣмъ въ копіи, предназначенной къ напечатанію и сообщенію публикѣ (*).

Проволочка и усыпленіе противника были главною, но не единственною цѣлью польскаго правительства; оно имѣло въ виду вліяніе переговоровъ на иностранныя государства. Многіе надѣялись, что умѣренность и гласно высказанное стремленіе къ примиренію, подѣйствуютъ на иностранныя державы въ пользу Поляковъ и поведутъ ихъ къ вмѣшательству. Можетъ

(*) Скржинецкій съ негодованіемъ отклонилъ отъ себя это обвиненіе, сдѣланное подозрительными революціонерами. См. Шпацира, II т. стр. 107.

быть также, что такіе умѣренные люди, какъ Скржинецкій, Чарторижскій, Хршановскій, искренно желали примиренія: но этого трудно было достигнуть безъ столкновенія съ революціонерами; Хлопицкій со всею своею энергіею не успѣлъ въ томъ. Умѣренные Поляки хотѣли вывѣдать у русскаго полководца, на какихъ условіяхъ можно будетъ начать переговоры. Но Дибичъ требовалъ безусловной покорности. За тѣмъ имъ болѣе ничего не оставалось, какъ вновь присоединиться къ революціонной партіи въ арміи и испросить извиненіе за сдѣланныя ими попытки. Ибо съ минованіемъ страха, эта партія вновь пріобрѣла прежнюю силу, господствовала и дѣйствовала посредствомъ народа и арміи, составляющихъ могущественнѣйшіе рычаги при всякой революціи. Не желая и слышать о примиреніи, партія революціонеровъ съ неудовольствіемъ узнала о попыткахъ главнокомандующаго, въ то время, когда онъ былъ вынужденъ открыть ихъ не задолго до возобновленія непріязненныхъ дѣйствій. Они тотчасъ увидѣли въ этомъ измѣну; ихъ недовѣріе пробудилось, и если бы не воспослѣдовало засимъ выгодное для нихъ предпріятіе противъ Розена, то Скржинецкій, и безъ того уже не очень любимый ими, дорого поплатился бы за свою попытку. Но они только на время скрыли свое негодованіе, дабы впослѣдствіи опять выказать его при болѣе удобномъ случаѣ.

«Никакой здравомыслящій человѣкъ»—писалъ «Варшавскій Меркурій», «не можетъ надѣяться, чтобы Царь (они иначе не «называли русскаго Императора), не потерпѣвъ совершеннаго «пораженія, призналъ нашу независимость и возвратилъ бы «намъ завоеванныя провинціи; а развѣ это не есть главная «цѣль, для достиженія которой мы подняли оружіе? Можемъ ли «мы положить его пока не достигнемъ этой цѣли? Кто смѣетъ «теперь начинать переговоры? Главнокомандующій предписы«ваетъ условія, достигнувъ побѣды, но не имѣетъ права рѣ«шать судьбу націи посредствомъ переговоровъ.»

Nowa Polska зашла еще далѣе и приписывала революціи еще важнѣйшую цѣль. «Мы хотимъ обуздать гордость варваровъ,» говорила она (№ 39), «отнять у московскихъ Царей ихъ по-

«литическій перевѣсъ, потому что пробилъ часъ ихъ паденія, «пробилъ часъ освобожденія народовъ.» Затѣмъ высказывается надежда, что революція распространится по всей Европѣ (*). Въ этомъ же смыслѣ говорится и въ другомъ мѣстѣ (№ 46). «Наше возстаніе есть возстаніе противъ стараго духа Европы, «противъ феодальной системы, противъ аристократіи. Прови- «дѣніе предуготовило намъ туже роль, какую играла Фран- «ція въ 1789 г. Мы предназначены совершенно преобразовать «сѣверовосточную Европу.»

Можно ли было, при такихъ намѣреніяхъ и видахъ господствующей партіи, сколько нибудь надѣяться на добровольное примиреніе? Не должно ли было ожидать борьбы на жизнь и на смерть?

Въ чужихъ краяхъ, напротивъ, письма Скржинецкаго произвели совершено противное дѣйствіе. Пышныя фразы о народномъ правѣ, о національней чести, объ утвержденіи свободы и прекращеніи злоупотребленій, оказали тамъ благопріятное впечатлѣніе и возбудили участіе къ революціоннымъ Полякамъ, доходившее до фанатизма, участіе, увеличившееся еще въ послѣдствіи нѣкоторыми успѣхами ихъ оружія. Въ нихъ видѣли беззаконно угнетенныхъ, которые для успокоенія своей совѣсти предлагали руку примиренія на умѣренныхъ условіяхъ, и когда ее отвергли, хотѣли доказать мечемъ, что не слабость, а умѣренность руководила ихъ дѣйствіями. Такъ какъ въ перепискѣ Скржинецкаго заключались одни только общія выраженія, то никто и не узналъ настоящихъ условій, которыя были имъ предложены и на которыя фельдмаршалъ не могъ согласиться.

СОЦ...

КОНЕЦЪ I ТОМА.

(*) Кто не узнаетъ источниковъ этой фразы.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПР...

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

			Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	24 строк.	14 сверху	Князья	Князь
—	34 —	4 снизу	чтобы не сказало	чтобы ни сказало
—	36 —	18 »	министровъ	министромъ
—	51 —	4 снизу	прежніе козни	прежнія козни
—	54 —	6 сверху	къ русскій	въ русской
—	62 —	17 »	сильнее	сильнѣе,
—	65 —	3 »	соревнокали	соревновали
—	66 —	13 »	ничто	не что
—	» —	18 »	другіе	другія
—	» —	20 »	ободранное	оборванное
—	71 —	2 »	отъ нее	отъ нея
—	72 —	15 снизу	не поступилъ	ни поступилъ
—	75 —	3 сверху	не дѣлало	ни дѣлало
—	» —	13 снизу	каковобы не было ихъ достионство,	каково бы ни было ихъ достоинство,
—	90 —	17 сверху	одскѣ:	доскѣ:
—	103 —	10 »	сопротирвленія	сопротивленія
—	116 —	16 »	заговора	заговора;
—	128 —	19 снизу	называстся сначела	называется сначала
—	129 —	14 сверху	большія запасы	большіе запасы
—	130 —	7 снизу	рокошъ	рокоши
—	» —	3 »	въ, Варшавѣ	въ Варшавѣ
—	133 —	15 »	обширные, освѣщен-ные	обширныя, освѣщенныя
—	135 —	10 сверху	Любецкимъ,	Любовицкимъ,
—	136 —	10 сверху	подпрацорщики	подпрапорщики
—	» —	6 снизу	изобретѣніе	изобрѣтеніе
—	177 —	12 сверху	Каханов скій	Коханов скій
—	186 —	15 »	молодежъ	молодежь
—	202 —	20 »	высказалъ	высказалъ.
—	210 —	14 »	вѣдомства	воеводства
—	214 —	10 снизу	изъарсенала, оружіе	изъ арсенала оружіе
—	237 —	11 »	тото	того
—	259 —	5 »	Войсчинскомъ	Войчинскомъ
—	260 —	13 »	Войсчинскій	Войчинскій
—	270 —	5 »	нарушающую	нарушающаго
—	281 —	4 »	нѣсколько, дней,	нѣсколько дней,
—	286 —	15 »	Мортемара	Мортемора
—	332 —	17 сверху	сразитья	сразиться